СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ЧИТАННЫХЪ

ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

6

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Съ снимками почерка Крылова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)
1869.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, мартъ 1869 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ЧТЕНІЯ

2 февраля 1868 года

ВЪ ПАМЯТЬ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Издаваемый нынѣ VI-й томъ *Сборника* содержитъ въ себѣ: во 1-хъ, все, что было читано членами Академіи Наукъ въ публичныхъ собраніяхъ по поводу юбилея Крылова въ 1868 году; во 2-хъ, „Примѣчанія" г. Кеневича къ баснямъ Крылова, изданныя въ то время отдѣльно и въ этомъ видѣ уже вполнѣ разошедшіяся; въ 3-хъ, нѣсколько ненапечатанныхъ доселѣ сочиненій знаменитаго баснописца; наконецъ, въ 4-хъ, новые матеріалы для его біографіи, частью доставленные сторонними лицами, частью собранные въ самой Академіи.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности вмѣняетъ себѣ въ пріятнѣйшую обязанность выразить искреннюю свою признательность всѣмъ почтеннымъ любителямъ просвѣщенія, радушно содѣйствовавшимъ къ пополненію настоящаго тома существенными вкладами, и именно: В. Ѳ. Кеневичу, В. М. Княжевичу, Л. М. Лобанову, В. А. Олениной, М. И. Семевскому, Н. И. Стояновскому, М. П. Сумароковой и П. С. Ѳедорову.

Къ концу тома приложены, на двухъ листахъ, снимки съ почерка Крылова въ разные періоды его жиз-

ни; нелишнимъ считаемъ пояснить чтеніе неразборчиво написанной на второмъ листѣ первоначальной редакціи басни *Тришкинъ кафтанъ*:

У Тришки на локтяхъ кафтанъ прорвался.
Портнаго бы призвать и дѣло все съ концомъ.
Но Тришка малой былъ съ умомъ.
Онъ говоритъ: и сами мы зашьемъ,
И тотчасъ за иглу принялся.
На четверть онъ обрѣзалъ рукавовъ
И локти заплатилъ — кафтанъ готовъ,
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Смѣется Тришкѣ всякъ
Но Тришка не дуракъ.
Смѣется Тришкѣ всякъ.
. . . .
Но Тришка не дуракъ.
Но Тришка . . . .

Зачеркнуто. Точками означены неразобранные стихи.

Лишь на четверть голѣе руки стали.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЯ НА ЮБИЛЕѢ КРЫЛОВА.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЧТЕНІЯМЪ.

ПОСМЕРТНЫЯ МЕЛОЧИ КРЫЛОВА:

Снимки съ почерковъ Крылова.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ КРЫЛОВА.

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Талантъ, драгоцѣннѣйшій даръ природы, есть печать высшаго отличія человѣка въ толпѣ обыкновенныхъ смертныхъ. Самый блестящій примѣръ тому — Крыловъ. При рожденіи онъ не получилъ отъ судьбы ничего, кромѣ таланта; въ жизни не пріобрѣлъ ни богатства, ни высокаго сана. Но его почтили царь и народъ, и весь образованный міръ. Счастіе, котораго онъ повидимому не искалъ, само отличило его: общее признаніе его заслугъ, матеріальное обезпеченіе, беззаботная жизнь, лестное вниманіе двухъ государей и ихъ царственнаго семейства были удѣломъ скромнаго баснописца, говорившаго о себѣ въ старости: «Вѣдь я то же, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только и бѣды не случалось, что онъ не хаживалъ далеко въ море»[1]. Надъ нимъ самимъ съ избыткомъ осуществилось выраженное имъ въ молодости желаніе: «чтобы всѣ народы оказывали почтеніе великимъ людямъ, родившимся у нихъ съ отличными дарованіями... Я увѣренъ», заключалъ онъ, «что если Англія съ давняго времени славится многими высокими умами, то это ни отъ чего другаго, какъ отъ того одобренія и поощренія, которое дается тамъ ученымъ людямъ»[2]. Честь, которую современники такъ обильно воздавали Крылову, потомки оказываютъ въ той же, или еще въ большей мѣрѣ его памяти, и къ нему менѣе нежели къ кому-либо

[1] *Полн. собр. соч. Крылова*, Спб. 1847, т. I, стр. LXXVI:

[2] *Почта Дух.* ч. II, стр. 45.

другому можно приложить его юношескую насмѣшку надъ поздней оцѣнкой заслугъ писателя. «Премудраго человѣка», говорилъ онъ, «весьма трудно замѣтить, прежде нежели пройдетъ триста лѣтъ послѣ его смерти; и потому-то многіе благоразумные народы сперва убивали своихъ мудрецовъ, а послѣ дѣлали имъ статуи; когда же вывелось это изъ употребленія, тогда сыскали лучшій способъ: допускали ихъ умирать въ нуждахъ, въ гоненіи и въ презрѣніи; а спустя же послѣ ихъ смерти лѣтъ сто, говорили имъ похвальныя рѣчи» [1]

Всей славой своей Крыловъ обязанъ баснямъ, писаннымъ имъ въ послѣднія 30 лѣтъ жизни. Ихъ всѣ знаютъ, всѣ въ свое время учили ихъ наизусть; это самая популярная русская книга; герои ихъ изображены и на памятникѣ Крылова, единственномъ народномъ памятникѣ, воздвигнутомъ писателю въ Петербургѣ. Въ прекрасномъ изваяніи покойнаго профессора Клодта мы видимъ нашего баснописца такимъ, каковъ онъ былъ въ старости— тучнымъ и тяжелымъ; многіе изъ людей нашего поколѣнія еще помнятъ его въ этомъ обликѣ. Современники представляютъ намъ Крылова, въ позднѣйшую пору жизни, человѣкомъ мало подвижнымъ, лѣнивымъ, любящимъ вкусный столъ и рѣдко выходящимъ изъ своей обычной апатіи, чтобъ взяться за перо и начертать одинъ изъ своихъ художественно-прекрасныхъ разсказовъ. Какой-то недоброжелатель Крылова, въ первые годы нынѣшняго столѣтія, изобразилъ его въ слѣдующихъ нѣсколько каррикатурныхъ чертахъ:

Небритый и нечесаный,
Взвалившись на диванъ,
Какъ будто неотесаный
Какой-нибудь чурбанъ,
Лежитъ, совсѣмъ разбросанный,
Зоилъ Крыловъ Иванъ.
Объѣлся онъ иль пьянъ [2]?

Преданіе приписываетъ эти стихи графу Хвостову (для котораго, впрочемъ, они слишкомъ хороши); разсказываютъ, что онъ любилъ распускать ихъ и что Крыловъ, тотчасъ угадавши

---

[1] *Спб. Меркурій* ч. I, «Похв. рѣчь наукѣ убивать время». стр. 33.

[2] *Отеч. Зап.* 1855, т. CI. *Дневн. чиновн.*, стр. 136.

ихъ автора, сказалъ Хвостову: «Въ какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушка не спрячешь», и отмстилъ ему самымъ оригинальнымъ образомъ: подъ предлогомъ желанія прослушать какіе-то новые его стихи, напросился къ нему на обѣдъ, ѣлъ за троихъ, и послѣ обѣда, когда амфитріонъ, пригласивъ гостя въ кабинетъ, сталъ читать стихи свои, онъ безъ церемоніи повалился на диванъ, заснулъ и проспалъ до поздняго вечера[1].

Характеристическія черты своей наружности Крыловъ самъ описалъ намъ въ молодости:

Нерѣдко милымъ быть желая,
Я передъ зеркаломъ верчусь...
И испужавшись самъ себя,
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня
И такъ пустила какъ урода.
Досада сильная беретъ,
Почто я выпущенъ на свѣтъ
Съ такою грубой головою.
Забывшись, рокъ я поношу,
И головы другой прошу,
Не зная, чѣмъ и той я стою,
Которую теперь ношу[2].

Но судя по біографическимъ о немъ свѣдѣніямъ и по прежнимъ, довольно разнообразнымъ трудамъ его, онъ отличался нѣкогда живостью и энергіей. Чтобы вполнѣ уразумѣть существо этого геніальнаго русскаго человѣка, представившаго въ себѣ типическое соединеніе и высокихъ качествъ и недостатковъ своего народа, необходимо сперва обозрѣть главныя черты его дѣятельности, а потомъ вникнуть въ значеніе тѣхъ его произведеній, которыя доставили ему безсмертіе. Мимоходомъ замѣтимъ, что къ сожалѣнію, источники для его біографіи чрезвычайно скудны. Самъ онъ не былъ словоохотенъ на разсказы о своемъ прошломъ, письма писалъ рѣдко и, подобно Карамзину, вовсе не заботился о передачѣ потомству извѣстій относительно своей жизни. Но Карамзинъ имѣлъ обширныя связи, родство, семейство, велъ

[1] Тамъ-же.
[2] *Спб. Меркурій* ч. III, «Къ другу моему А. И. К.» (*Клушину*), стр. 12 и 13.

со многими лицами постоянную переписку. Крыловъ, напротивъ, всегда жилъ довольно одиноко. Главнымъ матеріаломъ для его жизнеописанія служатъ неслишкомъ обильные разсказы современниковъ, состоящіе по большей части, какъ и біографія древняго Езопа, изъ однихъ анекдотовъ, передающихъ оригинальныя мысли и изреченія мудреца-поэта. Въ числѣ этихъ разсказовъ полнѣе всѣхъ и богаче содержаніемъ превосходная статья нашего покойнаго сочлена Плетнева, напечатанная при собраніи сочиненій Крылова. Тонкій и наблюдательный критикъ, Плетневъ былъ давно въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Крылову и могъ, по собственнымъ воспоминаніямъ своимъ, сообщить много любопытныхъ чертъ его жизни и характера. До Плетнева никто еще такъ глубоко не всматривался въ нашего баснописца. Важнѣйшимъ, но почти еще вовсе не тронутымъ источникомъ для изученія внутренней жизни Крылова и его литературныхъ отношеній остаются его собственныя сочиненія. Попытка воспользоваться ими съ этою цѣлью будетъ сдѣлана въ настоящемъ сжатомъ очеркѣ. Онъ родился въ Москвѣ, но по службѣ отца своего, въ то время армейскаго офицера, провелъ первые годы дѣтства въ Оренбургѣ, гдѣ его застала пугачевщина и онъ едва не сдѣлался одною изъ безчисленныхъ жертвъ ея. Хотя еще на восьмомъ году Крыловъ, вмѣстѣ съ своими родителями, оставилъ тотъ край, однакожъ онъ навсегда сохранилъ нѣкоторыя воспоминанія о тамошней жизни своей [1]. По окончаніи бунта, отецъ его переселился въ Тверь, на свою родину, и тамъ поступилъ въ гражданскую службу. Въ Твери маленькій Крыловъ, благодаря заботливой, хотя и малообразованной матери, пріобрѣлъ коекакія познанія, и, лишившись отца, уже на 14-мъ году опредѣлился канцелярскимъ чиновникомъ въ калязинскій уѣздный судъ, откуда вскорѣ былъ переведенъ въ тверской магистратъ. Черезъ годъ, въ 1782 году, мать его переѣхала съ нимъ въ Петербургъ, и здѣсь онъ продолжалъ службу сперва въ казенной палатѣ, получая жалованья по 2 руб. въ мѣсяцъ, а потомъ въ Кабинетѣ Его Величества. Въ 1788 г. мать Крылова также умерла.

[1] Однажды, около 1840 года, на вечерѣ у князя Одоевскаго, онъ съ живостью разсказывалъ мнѣ, какъ уральскіе казаки, зимою ватагами отправляются на ледъ и, прорубивъ его, ловятъ рыбу баграми.

Оставшись круглымъ сиротой, двадцати лѣтъ отъ роду, онъ страстно предался авторству, въ которомъ давно уже пробовалъ свои силы, сдѣлался журналистомъ и завелъ свою типографію; но черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 90-хъ годахъ, не имѣвъ большаго успѣха, бросилъ невыгодное въ то время изданіе журналовъ. Послѣ того, до начала нынѣшняго столѣтія, Крыловъ исчезаетъ съ литературнаго поприща. Вопреки мнѣнію прежнихъ его біографовъ оказывается, что онъ вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Павла былъ приглашенъ въ домъ князя С. Ѳ. Голицына, впавшаго тогда въ немилость, и жилъ нѣсколько лѣтъ въ кіевскомъ его имѣніи Казацкомъ, а на пути туда посѣтилъ другое, саратовское имѣніе князя, Зубриловку[1]. По воцареніи Александра I, когда Голицынъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Ригу, Крыловъ поступилъ къ нему на службу и тамъ прожилъ года два опять въ княжескомъ домѣ. Въ концѣ 1805 года онъ вдругъ является въ Москвѣ, отдаетъ въ печать три басни и, почти 40-ка лѣтъ отъ роду, сознаетъ свое настоящее призваніе въ области поэзіи. Съ 1806 года онъ становится навсегда петербургскимъ жителемъ и служитъ короткое время въ Монетномъ департаментѣ, а съ 1812 по 1841 годъ — въ Императорской Публичной библіотекѣ, пользуясь особенною дружбой ея директора Оленина, въ домѣ котораго онъ, вмѣстѣ со многими другими литераторами и особенно своимъ сослуживцемъ Гнѣдичемъ, находитъ родственный пріемъ, ласку и ободреніе. Крыловъ умеръ въ 1844 году, 76-ти лѣтъ отъ роду.

Литературная дѣятельность его началась необыкновенно рано. Съ самаго дѣтства чувствовалъ онъ особенную охоту къ драматическому искусству; на оперу смотрѣли тогда, какъ на самое совершенное театральное представленіе, и мальчикъ Крыловъ смѣло принимается за сочиненіе оперы. Потомъ онъ пробуетъ себя въ трагическомъ родѣ, а наконецъ переходитъ и къ комедіи. Первые драматическіе опыты Крылова, хотя и не имѣвшіе никакого достоинства, были для него тѣмъ важны, что когда онъ переѣхалъ въ Петербургъ, они открыли ему доступъ въ литера-

---

[1] См. вслѣдъ за этимъ статью: *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ.*

турный кружокъ, въ которомъ надолго установилось его авторское направленіе. Черезъ Княжнина[1] познакомился онъ съ Дмитревскимъ и явился къ знаменитому актеру съ однимъ изъ своихъ юношескихъ трудовъ. Дмитревскій строго разобралъ незрѣлую пьесу, но обласкалъ начинающаго литератора. Вскорѣ Крыловъ сблизился и съ другими драматическими писателями. Между тѣмъ, однакожъ, онъ сталъ искать постоянной литературной дѣятельности. Въ этомъ помогло ему знакомство съ другимъ писателемъ, бывшимъ почти 25-ю годами старше его. Это былъ капитанъ Рахманиновъ, почитатель и переводчикъ Вольтера, издававшій въ 1788 году журналъ *Утренніе Часы*, который печатался въ собственной его типографіи. Въ слѣдующемъ году Крыловъ самъ затѣялъ журналъ или, вѣрнѣе, ежемѣсячный сатирическій сборникъ *Почту Духовъ*, въ формѣ переписки жителей Плутонова царства. Здѣсь Крыловъ въ первый разъ вступилъ на поприще сатиры, которое послѣ, хотя въ другомъ видѣ, оказалось истиннымъ его призваніемъ. Послѣ басенъ *Почта Духовъ* — любопытнѣйшее и важнѣйшее его произведеніе, показывающее въ двадцатилѣтнемъ авторѣ замѣчательную зрѣлость мысли, наблюдательность и способность къ юмористическому изображенію человѣческихъ слабостей[2]. Вскорѣ послѣ ея прекращенія, Рахманиновъ, какъ тамбовскій помѣщикъ, уѣхалъ на родину, и Крыловъ, спустя два года, самъ является содержателемъ типографіи, вѣроятно переданной ему этимъ его сотрудникомъ. Она находилась близъ Лѣтняго сада, въ нижнемъ этажѣ дома Бецкаго, что нынѣ дворецъ Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Съ наступленіемъ 1792 года Крыловъ сталъ печатать въ ней новый предприня-

---

[1] Позднѣе отношенія Крылова къ Княжнину измѣнились, какъ видно изъ разныхъ выходокъ нашего автора противъ этого знаменитаго въ свое время драматическаго писателя. По свидѣтельству Греча, въ комедіи *Проказникъ* осмѣяны Княжнинъ и жена его подъ именами Риѳмонрада и Тараторы (*Сѣв. Пчела* 1857, № 147); въ *Почтѣ Духовъ* и другихъ журналахъ Крылова авторъ *Сбитенщика* не разъ служитъ предметомъ враждебныхъ нападеній. Въ этихъ журналахъ встрѣчается много необъясненныхъ еще указаній и намековъ на явленія тогдашней литературы.

[2] См. мою статью: «Сатира Крылова и его Почта Духовъ» въ *Вѣстникѣ Европы* 1868 года, № 3.

тый имъ журналъ *Зритель*. Главнымъ товарищемъ его по этому изданію сдѣлался армейскій офицеръ и драматическій писатель Клушинъ, сынъ орловскаго помѣщика, умершій въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Послѣ его смерти, Державинъ, на одномъ изъ своихъ вечеровъ, спросилъ у нашего баснописца: «Скажите, Иванъ Андр., точно ли Клушинъ былъ такъ остеръ и уменъ, какъ многіе утверждаютъ, судя по вашей дружеской съ нимъ связи?» Крыловъ отвѣчалъ съ усмѣшкой: «Онъ точно былъ уменъ, и мы съ нимъ были искренніе друзья, покамѣстъ не пришло ему въ голову сочинить оду на пожалованіе андреевской ленты графу Кутайсову». — «А тамъ поссорились?» — «Нѣтъ, не поссорились, но я сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія насчетъ цѣли, съ какой эта ода была написана, и совѣтовалъ ея не печатать изъ уваженія къ самому себѣ. Онъ обидѣлся и не могъ простить мнѣ моихъ замѣчаній, до самой своей смерти[1]». Другіе сотрудники Крылова по изданію *Зрителя* были: Дмитревскій, Плавильщиковъ, Туманскій и Эминъ. Ихъ всѣхъ, не исключая и Дмитревскаго, какъ писателя, Крыловъ превосходилъ талантомъ и впослѣдствіи переросъ славой. Изъ нихъ одинъ Туманскій, издатель историческихъ актовъ, не посвящалъ трудовъ своихъ драматическому искусству. Дмитревскій, какъ мы видѣли, былъ давно наставникомъ Крылова на этомъ поприщѣ. Плавильщиковъ, подобно Дмитревскому превосходный актеръ, писалъ статьи о театрѣ, замѣчательныя по вѣрности литературныхъ взглядовъ. Ник. Эминъ, сынъ извѣстнаго своими приключеніями автора и переводчика, писалъ также для сцены. Журналъ *Зритель*, предположившій себѣ сколько можно разнообразить свое содержаніе, заявилъ, что онъ будетъ, между прочимъ, изображать порокъ во всей его гнусности, избѣгая однакожъ всякихъ личныхъ примѣненій, т. е. одною изъ его задачъ была сатира. Надобно вспомнить, что онъ начался въ важную для русской литературы эпоху, когда *Московскій Журналъ* Карамзина продолжался уже годъ. Дѣятельность этого молодаго писателя, пробывшаго полтора года за границею и своими письмами какъ будто поддерживавшаго пристрастіе своихъ соотечественниковъ ко все-

1 *Отеч. Зап.* т. CI, *Дневн. чин.*, стр. 133.

му иноземному, была недружелюбно встрѣчена крыловскимъ кружкомъ, который особенно заботился о возбужденіи національнаго чувства. Въ сущности Карамзинъ не расходился съ ними въ этомъ стремленіи, но имъ не могли нравиться ни его новый слогъ съ примѣсью чуждыхъ элементовъ, ни извѣстный оттѣнокъ мечтательности или сентиментализма въ его настроеніи, ни наконецъ тотъ взглядъ его, который, на перекоръ имъ, ставилъ Шекспира и нѣмецкихъ драматическихъ писателей неизмѣримо выше французскихъ классиковъ. Въ особенности же раздражала крыловскую партію взыскательная въ то время критика Карамзина, не щадившая нѣкоторыхъ изъ этихъ литераторовъ и занимавшаяся часто утонченнымъ разборомъ языка въ ихъ сочиненіяхъ и переводахъ. Извѣстно, что журналъ Крылова, хотя и могъ въ отношеніи къ языку и къ складу рѣчи похвалиться чисто-русскимъ характеромъ, но зато отличался крайнимъ невниманіемъ къ грамматической исправности и къ изяществу выраженія. Отъ того *Зритель* сталъ въ непріязненное отношеніе къ *Московскому Журналу*, издѣваясь надъ слогомъ Карамзина и укоряя его за произвольную, привязчивую критику. Карамзинъ не возражалъ, но въ письмахъ къ Дмитріеву говорилъ: «И такъ Эминъ, Крыловъ, Клушинъ, Туманской не благоволятъ ко мнѣ! Какое несчастіе! [1]»

Что касается до самого Крылова, то статьи, подписанныя его именемъ въ *Зритель*, имѣютъ опять значеніе сатиры на нравы. Въ отношеніи къ ея формѣ онъ платитъ дань вкусу своего времени, въ содержаніи же обнаруживаетъ много колкаго остроумія и юмора. Въ его сказкѣ: *Ночи* происходитъ, на пирушкѣ у бога Момуса, споръ между *Днемъ* и *Ночью* о томъ, кто изъ нихъ видитъ на свѣтѣ болѣе людскихъ дурачествъ. Для рѣшенія этого вопроса, богиня Ночи поручаетъ автору вести записку о томъ, что случается во время ея владычества, и онъ описываетъ ночныя похожденія. Въ восточной повѣсти: *Каибъ* разсказывается исторія калифа, который собираетъ свой диванъ, чтобы услышать мнѣніе визирей, какимъ бы образомъ ему совершить далекое странствованіе такъ, чтобы никто изъ подданныхъ не замѣтилъ

---

[1] *Письма Карамзина къ Дмитріеву*, Спб. 1866, стр. 33.

его отсутствія. Это — самое замѣчательное изъ сочиненій Крылова въ *Зритель*; личность Каиба и его визирей: Дурсана, Ослашида и Грабилея изображена въ рѣзкихъ чертахъ. При дворѣ Каиба календарь былъ составленъ изъ однихъ праздниковъ, и будни были рѣже, чѣмъ именины Касьяновъ; тѣмъ не менѣе Каибъ всячески старался поощрять науки, и хотя не пускалъ ученыхъ людей во дворецъ, но изображенія ихъ составляли не послѣднее украшеніе его стѣнъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ рѣзвились на золотыхъ цѣпочкахъ забавныя обезьяны, которыя кривлялись такъ искусно, что люди ставили за честь подражать имъ, а нерѣдко, по слабости человѣческой, выдумки обезьянъ выдавали за свои, отъ чего произошли великіе споры, о которыхъ тамошняя академія издала исторію въ 36 фоліантахъ. Описывая диванъ Каиба, Крыловъ говоритъ, что калифъ былъ разсчетистъ: обыкновенно одного мудреца сажалъ между десяти дураковъ; умныхъ людей сравнивалъ со свѣчами, которыхъ умѣренное число производитъ пріятный свѣтъ, а слишкомъ большое можетъ причинить пожаръ, и часто говаривалъ, что ему, для сохраненія добраго порядка, дураки по крайней мѣрѣ столько же нужны, какъ и умные люди. Въ другихъ сатирическихъ статьяхъ своихъ Крыловъ, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ писателей, избираетъ иногда форму шуточныхъ рѣчей и похвальныхъ словъ.

Зритель издавался только 11 мѣсяцевъ, до конца 1792 года. Тогдашніе журналы соблюдали благое обыкновеніе печатать при своихъ книжкахъ имена постепенно прибывавшихъ подписчиковъ, что въ то время было и легко по ограниченному количеству читающей публики. Нынѣшніе издатели, по разнымъ причинамъ, не объявляютъ числа и именъ своихъ подписчиковъ, хотя такія свѣдѣнія были бы во многихъ отношеніяхъ любопытны и полезны, не только для современниковъ, но и для потомства. По спискамъ, приложеннымъ къ *Зрителю*, оказывается, что его разсылалось всего 170 экземпляровъ, изъ которыхъ 136 приходилось на Петербургъ, только 12 на Москву и не болѣе 22 на всѣ прочіе города. *Московскій Журналъ* Карамзина, самое распространенное изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій, имѣлъ въ томъ же году только до 300 подписчиковъ; изъ этого числа ⅔ жили въ Москвѣ, а въ Петербургѣ ихъ было не болѣе 28-ми человѣкъ. От-

сюда видно, какъ мало въ то время обѣ столицы мѣнялись своими литературными произведеніями.

Журналъ Карамзина въ концѣ 1792 г. совсѣмъ прекратился; *Зритель* же Крылова кончился только по имени и преобразился въ *С.-Петербургскій Меркурій*, который издавался въ продолженіи всего 1793 года. По предисловію, подписанному Крыловымъ и Клушинымъ, видно, что они хотѣли сдѣлать изъ этого изданія то же для Петербурга, чѣмъ былъ журналъ Карамзина для Москвы, т. е. изданіе въ родѣ иностранныхъ журналовъ съ извѣстіями о новыхъ книгахъ и театрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ издатели, уже при сообщеніи своей программы, косвенно задѣваютъ Карамзина, обѣщая, что ихъ сужденія не будутъ *деспотическія* и охуждая его обычай не подписывать имени подъ своими статьями. — Въ преобразованномъ журналѣ сатирическое направленіе Крылова видимо слабѣетъ. Есть поводъ думать, что это было слѣдствіемъ ропота, который сатира *Зрителя* возбуждала въ нѣкоторыхъ читателяхъ, обвинявшихъ ее въ личностяхъ: въ этомъ журналѣ вся *Рѣчь повѣсы въ собраніи дураковъ* посвящена отраженію такихъ нареканій. Между прочимъ ораторъ говоритъ отъ имени подобныхъ ему, т. е. повѣсъ: «Будто разсказывать дурачества разныхъ особъ не есть то же, что выставлять ихъ лица на осмѣяніе? Такъ, государи мои, не выставлены наши имена, но дѣла наши обнаружены[1]». Въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи* напечатаны только двѣ сатирическія статьи Крылова, обѣ въ формѣ *похвальныхъ рѣчей:* одна посвящена *наукѣ убивать время*; другая осмѣиваетъ уже не сословные пороки, а новое направленіе въ современной литературѣ. Этой послѣдней статьѣ дано заглавіе: «Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей». Подъ *Ермалафидомъ*, т. е. человѣкомъ, который несетъ ермолафію, или чепуху, очевидно, подразумѣвается преимущественно Карамзинъ. Онъ иронически ставится тутъ въ образецъ начинающимъ авторамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ затронута вся его первоначальная литературная дѣятельность: переводы изъ Шекспира и Лессинга, изданіе журнала, Письма русскаго путешественника, литератур-

---

[1] *Зритель*, ч. II, стр. 49.

ная критика, стихотворенія въ новомъ вкусѣ, наконецъ самый слогъ его и нѣкоторые отдѣльные взгляды [1]. Непріязненное отношеніе Крылова къ Карамзину нисколько не удивительно. Если мы перенесемся въ ту эпоху и безпристрастно взглянемъ на разнородную личность обоихъ, на несходныя обстоятельства, въ которыхъ тотъ и другой развивались, то для насъ станетъ совершенно ясно, почему они не понимали другъ друга. Крыловъ, какъ талантъ своеобразный, рано усвоившій себѣ народный языкъ вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ народнаго быта, не могъ сочувствовать особенностямъ другаго, хотя и замѣчательнаго, но воспитавшагося на почвѣ иностранныхъ литературъ писателя. Какой-то тверской старожилъ, въ дѣтствѣ учившійся вмѣстѣ съ нашимъ баснописцемъ, разсказывалъ, что Крыловъ уже въ первой молодости любилъ толкаться посреди чернаго народа, на торговыхъ площадяхъ, около качелей и кулачныхъ боевъ, жадно прислушиваясь къ говору простолюдиновъ. Нерѣдко, живя въ Твери, сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги и потомъ передавалъ своимъ сослуживцамъ забавные анекдоты и поговорки, которые уловилъ въ рѣчахъ словоохотныхъ прачекъ, сходившихся на рѣку съ разныхъ концовъ города [2]. Этимъ объясняется, отъ чего Крыловъ, рано прочитавъ въ подлинникѣ многихъ французскихъ авторовъ, остался однакожъ оригиналенъ не только въ идеяхъ, но и въ языкѣ: онъ развѣ только для шутки употребитъ иногда иностранное слово. Проза перваго періода его авторства не такъ гладка и плавна, какъ многіе думаютъ, судя по неточному тексту послѣдняго изданія его сочиненій [3], но его

[1] Ср. въ статьѣ моей: «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка» приложеніе III, *Крыловъ противъ Карамзина*. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867 г., стр. 70—73.)

[2] *Сѣв. Пчела* 1846, № 292.

[3] См. указанную статью, *Журн. Мин. Нар. Просв.* При сужденіи о языкѣ Крылова необходимо также принимать въ соображеніе, прежде ли *Московскаго Журнала*, или послѣ изданія его писано то или другое сочиненіе нашего автора. Само собою, разумѣется, что хотя Крыловъ и посмѣивался надъ языкомъ Карамзина, но, подобно всѣмъ тогдашнимъ литераторамъ, не могъ остаться совершенно чуждымъ вліянію той непринужденности письменной рѣчи, о которой прежде не имѣли понятія. Для сужденія о языкѣ прежнихъ произведеній Крылова невозможно пользоваться Собраніемъ его сочиненій,

языкъ всегда чистъ въ составѣ своемъ, самобытенъ и народенъ въ выраженіяхъ и оборотахъ. Письма *Почты Духовъ* писаны въ томъ же году, какъ и «Письма русскаго путешественника». Въ отношеніи къ строю и изяществу рѣчи, между тѣми и другими большая разница. Каждый изъ обоихъ писателей имѣлъ свою особую исходную точку; ихъ трудно сравнивать: и кругъ идей, и цѣль, и тонъ у обоихъ свои. Слогъ Карамзина, вмѣстѣ съ его настроеніемъ, пришелся болѣе по вкусу современниковъ и надолго одержалъ побѣду. Но тотъ элементъ, который составлялъ отличіе слога Крылова, — элементъ *народности*, взялъ свое и былъ оцѣненъ впослѣдствіи самимъ его счастливымъ соперникомъ. Крыловъ же, съ своей стороны, никогда не перенялъ ни щегольскаго блеска карамзинской прозы, ни музыкальной легкости поэзіи Жуковскаго: онъ въ позднѣйшее время только откинулъ нѣкоторые устарѣлые слова и пріемы рѣчи, но навсегда удержалъ въ своихъ стихахъ, по мѣткому выраженію его біографа, что-то *увѣсистое*, свойственное и его наружности. Замѣтимъ, что до сихъ поръ языкъ басенъ Крылова, даже и самыхъ давнихъ, писанныхъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, почти нисколько не устарѣлъ.

Въ «похвальной рѣчи Ермалафиду» Крыловъ въ послѣдній разъ явился на полемической аренѣ. Отказавшись на время отъ роли сатирика, онъ преобразился въ поэта. Въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи* находимъ довольно много стихотвореній его. Увлекаемый потокомъ времени, онъ не вполнѣ обошелъ и тѣ роды стихотворства, надъ которыми самъ прежде подшучивалъ. Довольно странно читать подписанную его именемъ, небольшую оду въ ломоносовскомъ вкусѣ *На фейерверкъ* по случаю ясскаго мира[1]. Но гораздо лучше удалась ему шуточная ода *Къ счастію*, въ державинскомъ родѣ[2]. Оба издателя *Меркурія*, выступивъ на поприще стихотворства, явно пошли по слѣдамъ тогдашняго корифея русскихъ поэтовъ, и каждый взялъ себѣ въ удѣлъ особую сторону таланта Державина: Клушинъ довольно ловко усвоилъ себѣ

гдѣ почти всѣ выраженія подновлены, и потому-то наши выписки изъ него дѣлаются здѣсь по первоначальнымъ изданіямъ.

[1] *Спб. Мерк.*, ч. III, стр. 191.

[2] Тамъ же, ч. IV, стр. 96.

его стиль въ живописи природы[1]; Крыловъ съ большимъ успѣхомъ воспроизводилъ игриво сатирическій элементъ державинской оды. Такъ свое обращеніе къ Счастью онъ начинаетъ стихами:

Богиня рѣзвая, слѣпая,
Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предметъ,
Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
Подъ-часъ не кстати слишкомъ злая,
Подъ-часъ роскошна не впопадъ,
Скажи, фортуна дорогая,
За что у насъ съ тобой не ладъ?
За что ко мнѣ ты такъ сурова?
Ни въ путь со мной не молвишь слова,
Ни улыбнешься на меня?

Когда впослѣдствіи Крыловъ служилъ при Публичной библіотекѣ, ему вздумалось однажды просмотрѣть свои прежнія сочиненія. Его сослуживецъ Быстровъ принесъ ему журналы: *Почту Духовъ*, *Зритель* и *Меркурій* и, заведя рѣчь объ одѣ «Къ счастью», спросилъ его: «Ив. Андреевичъ! за что это вы пеняете на фортуну, когда она такъ милостива къ вамъ?» — «Ахъ, мой милый», отвѣчалъ онъ: «со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить, но тогда... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя... Журналу не повезло; полиція... и еще одно обстоятельство... да кто не былъ молодъ и не дѣлалъ на своемъ вѣку проказъ?[2]» Тутъ, очевидно, рѣчь идетъ о двоякой невзгодѣ: о непріятностяхъ, вѣроятно, по типографіи (Крылова подозрѣвали въ напечатаніи книги Радищева) и о несчастной любви. Слѣдъ этой продолжительной страсти остался въ цѣломъ рядѣ стихотвореній его къ Анютѣ, изъ которыхъ часть напечатана въ *Меркуріи*, а другая найдена въ рукописяхъ по смерти Крылова и вошла въ изданное собраніе его сочиненій. Въ этихъ стихахъ есть счастливыя мѣста, такъ же какъ и въ другихъ лирическихъ, довольно многочисленныхъ пьесахъ Крылова, сдѣлавшихся извѣстными послѣ его кончины. Между прочимъ, онъ всегда возвышается при сравненіи сельскаго быта съ городскимъ, при мысли

---

[1] Напр. въ одѣ *Человѣкъ* (*Спб. Мерк.*, ч. II, стр. 3), которую впослѣдствіи и приписывали Державину.

[2] *Сѣв. Пчела* 1845, № 203.

о страданіяхъ народа подъ гнетомъ помѣщичьей власти, противъ злоупотребленій которой онъ сильно вооружался уже и въ сатирѣ своей. Въ пьесѣ *Уединеніе*, напр., онъ говоритъ о жизни въ городахъ:

Тамъ роскошь, золотомъ блестя.
Зоветъ гостей въ свои палаты
И ставитъ имъ столы богаты,
Изнѣженнымъ ихъ вкусамъ льстя;
Но въ хрусталяхъ своихъ безцѣнныхъ
Она не вина раздаетъ:
Въ нихъ пѣнится кровавый потъ
Народовъ, ею разоренныхъ [1].

Эти стихи написаны, вѣроятно, уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія *Меркурія*, именно въ деревнѣ у князя Голицына, такъ какъ и разныя другія стихотворенія Крылова, въ которыхъ рѣчь идетъ о сельской жизни.

Журналъ *Меркурій* опять просуществовалъ только одинъ годъ, имѣвъ немного болѣе 150 подписчиковъ. Оба издателя сбирались ѣхать въ чужіе краи, какъ видно изъ ихъ обращенія къ публикѣ и изъ прощанія Крылова съ Анютой; послѣдній не успѣлъ, однакожъ, осуществить своего плана и никогда не выѣзжалъ изъ отечества. Вмѣсто того, ему удалось, какъ было сказано, побывать на югѣ Россіи, именно, въ Саратовской и въ Кіевской губерніяхъ. Въ Зубриловкѣ, прекрасномъ имѣніи на Хопрѣ, еще живы воспоминанія о нашемъ поэтѣ. Въ украинскомъ селѣ Казацкомъ написалъ онъ, свою шуточную трагедію-каррикатуру *Трумфъ;* ее нѣсколько разъ играли тамъ, и самъ авторъ исполнялъ при этомъ роль главнаго героя. О пребываніи Крылова въ Казацкомъ разсказываетъ Вигель, который, будучи тогда мальчикомъ, находился тамъ же по семейной связи своихъ родителей съ Голицыными и учился вмѣстѣ съ дѣтьми князя [2].

Отдавая полную справедливость таланту Крылова, Вигель рисуетъ однакожъ личность его довольно темными красками:

---

[1] Эти стихи печатаются здѣсь по изданіи 1847 г., такъ какъ мы не имѣли случая сравнить ихъ съ рукописью.

[2] См. ниже статью: *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ.*

именно, онъ представляетъ его человѣкомъ холоднымъ, себялюбивымъ, равнодушнымъ ко всякому высшему интересу и угодливымъ изъ разсчета. Къ этому отзыву одного сатирика о другомъ мы еще возвратимся и посмотримъ, насколько онъ заслуживаетъ довѣрія. Теперь же отмѣтимъ только замѣчательный отзывъ Вигеля о баснописцѣ, какъ педагогѣ. По его словамъ, Крыловъ, вызвавшись преподавать русскій языкъ сыновьямъ кн. Голицына, «и въ этомъ дѣлѣ показалъ себя мастеромъ. Уроки проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ такъ же толковито, такъ же ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ[1]». Домъ кн. Голицына отличался не только высшимъ свѣтскимъ образованіемъ, но и любовью къ литературѣ. Княгиня, племянница Потемкина, сама занималась переводами и воспѣта Державинымъ, который, бывши тамбовскимъ губернаторомъ, также находилъ дружескій пріемъ въ селѣ Зубриловкѣ. Нѣсколько лѣтъ пребыванія въ такомъ домѣ не могли остаться безъ вліянія на умнаго и даровитаго Крылова. Это обнаружилось вскорѣ послѣ оставленія имъ семейства Голицыныхъ.

Съ самаго появленія своего на журнальномъ поприщѣ онъ пользовался извѣстностью; нѣкоторыя драматическія сочиненія его, написанныя въ концѣ прошлаго столѣтія, нашли мѣсто въ изданномъ Академіею Наукъ *Россійскомъ Ѳеатрѣ;* въ 1802 году явилось въ Петербургѣ, хотя безъ имени его, 2-е изданіе *Почты Духовъ* (на счетъ книгопродавца Свѣшникова). Но слава его была еще впереди. По замѣчательному жребію, она должна была возникнуть въ самомъ средоточіи русской народной жизни, въ Москвѣ, гдѣ Крыловъ провелъ нѣсколько времени въ концѣ 1805 года. Какое-то счастливое вдохновеніе побудило его, на 38 году отъ рожденія, написать въ подражаніе Лафонтену три басни: *Дубъ и трость*, *Разборчивая невѣста*, *Старикъ и трое молодыхъ*. Въ Москвѣ онъ показываетъ свой опытъ знаменитѣйшему въ то время русскому баснописцу. Дмитріевъ съ поразительною проница-

[1] *Восп. Виг.*, ч. I, стр. 144.

тельностью тотчасъ убѣждается, что это истинный родъ Крылова, и, не боясь приготовить себѣ соперника, поощряетъ его продолжать въ этомъ родѣ; полученныя же басни отдаетъ въ журналъ кн. Шаликова *Московскій Зритель*: литературное призваніе Крылова, наконецъ, найдено и разомъ опредѣлено навсегда. Можно сказать, что онъ, самъ того не зная, съ дѣтства готовился къ этому поприщу. Въ остальныя тридцать лѣтъ своей жизни онъ почти уже и не уклонялся въ сторону отъ избранной имъ литературной дѣятельности. Только въ 1807 году явились двѣ его новыя комедіи противъ ослѣпленія въ пользу всего французскаго, «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», можетъ быть, вызванныя тогдашнимъ патріотическимъ настроеніемъ русскаго общества въ виду борьбы съ Наполеономъ. Но, не смотря на блестящій успѣхъ этихъ двухъ пьесъ на петербургскомъ театрѣ, Крыловъ понялъ, что не драма — его призваніе, и почти не возвращался уже къ этому роду, въ которомъ не произвелъ ничего истинно-замѣчательнаго. Первое небольшое собраніе его басенъ (23-хъ), вышло въ 1809 году. Съ тѣхъ поръ количество ихъ быстро умножалось; изданія слѣдовали одно за другимъ, каждое съ прибавленіемъ новаго отдѣла; послѣднее, сдѣланное при жизни его, было напечатано въ 1843 г. и состояло изъ 9 такихъ отдѣловъ, или книгъ, которыя всѣ вмѣстѣ содержали около 200 басенъ. Съ 1819 г. изданія расходились въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, которымъ книгопродавцы, противъ обыкновенія, вели счетъ: число экземпляровъ всѣхъ изданій басенъ Крылова дошло при жизни его до 77 т.[1] Многія новыя басни его, еще до ихъ напечатанія, читались имъ самимъ въ частныхъ собраніяхъ, при Дворѣ или въ литературныхъ обществахъ. Уже въ 1811 г. онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, по преобразованіи которой сдѣлался и членомъ Академіи Наукъ; въ 1813 вступилъ въ учрежденную незадолго передъ тѣмъ въ домѣ Державина «Бесѣду любителей русскаго слова» и тамъ не разъ читалъ вновь написанныя имъ произведенія. Тогдашніе журналы наперерывъ старались украшать свои страницы его баснями. Почти каждая изъ нихъ, при появленіи своемъ, возбуждала вниманіе

---

[1] М. Лобанова «Жизнь Крылова» въ *Сынѣ Отеч.* 1847, № 1.

публики и дѣлалась предметомъ общихъ толковъ. Еще въ 1812 году императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ Крылову пенсію въ 1,500 р. асс., которая, при отставкѣ его, по ходатайству Оленина, была возвышена до 5,400 р. сер.[1]

Между родами поэзіи, перешедшими на русскую почву съ Запада въ XVIII столѣтіи, *басня* всѣхъ болѣе полюбилась нашимъ писателямъ. Не было почти ни одного русскаго поэта, который бы не писалъ между прочимъ басенъ. Въ числѣ неизданныхъ сочиненій Державина отыскалось до 25 пьесъ этого рода. Жуковскій и Батюшковъ также испытывали себя въ баснѣ. Успѣхъ Крылова вызвалъ несчетное множество новыхъ баснописцевъ, которые однакожъ давно забыты. Правда, что и въ другихъ литературахъ, послѣ счастливаго примѣра, поданнаго Лафонтеномъ, басня, по своей видимой легкости, привлекала множество писателей; но нигдѣ ей такъ не посчастливилось какъ въ Россіи; нигдѣ не получила она такого глубокаго національнаго значенія. Изъ всѣхъ родовъ поэзіи въ русской литературѣ, до сихъ поръ только басня, благодаря Крылову, сдѣлалась въ полной мѣрѣ органомъ народности и по духу и по языку. Причины такого явленія должно искать въ томъ, что басня и по сущности своей, и по формѣ особенно соотвѣтствуетъ свойствамъ народнаго духа. Для нея именно нуженъ и практическій смыслъ, и простодушная замысловатость, и охота изъясняться притчами и пословицами, которыя такъ преобладаютъ въ русскомъ народѣ. Если самъ Крыловъ едва не до сорокалѣтняго возраста удерживался отъ художественной басни, то это можно объяснить только его сильнымъ сатирическимъ талантомъ, который долго искалъ себѣ болѣе прямаго и открытаго выраженія. Это преобладающее свойство его духа придало и баснямъ его особенное значеніе. Какъ скоро оказалось, что только въ формѣ басни для него возможно вполнѣ успѣшное сочетаніе художественнаго дарованія съ проявленіемъ глубоко сатирическаго ума, то онъ не могъ не предпочесть ее всякой другой формѣ поэзіи. Изъ всѣхъ русскихъ писателей у одного Крылова соединились въ высшей мѣрѣ тѣ условія, которыя могутъ сообщить баснѣ истинно-глубокое со-

---

[1] Подробности см. въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ.

держаніе. У другихъ писателей басня почти всегда только словесная игрушка; у него она дѣло, полное жизни и значенія. Но потому-то Крыловъ, давъ ей все то развитіе, къ какому она способна на русской почвѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго заградилъ всѣмъ дорогу на этомъ поприщѣ. Ни одинъ русскій писатель не отважится въ скоромъ времени идти по его слѣдамъ.

До сихъ поръ басни Крылова имѣли у насъ преимущественно педагогическое примѣненіе, и дѣйствительно, хотя философическая и нравоучительная сторона ихъ не всегда вполнѣ доступна молодому уму, однакожъ, по художественной оболочкѣ своей, онѣ для дѣтскаго возраста тѣмъ пригоднѣе, чѣмъ болѣе въ нихъ живыхъ образовъ и правды въ развитіи дѣла, чѣмъ проще и народнѣе языкъ ихъ. Вотъ почему басни Крылова въ рукахъ свѣдущаго педагога составляютъ и еще долго будутъ составлять настоящее сокровище не только для раскрытія тайнъ языка, но и для доставленія здоровой пищи уму.

Историко-литературное и общественное значеніе басенъ Крылова тогда только обнаружится вполнѣ, когда онѣ будутъ во всѣхъ отношеніяхъ разработаны. То, что до сихъ поръ было писано о нихъ, по большей части ограничивалось общими и весьма остроумными замѣчаніями или случайными объясненіями, разборомъ, примѣненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, или сопоставленіемъ между собою другихъ по ихъ содержанію. Для болѣе полнаго уразумѣнія этихъ произведеній Крылова необходимо критическое изданіе ихъ въ хронологическомъ порядкѣ съ историческими и другими поясненіями. Вотъ почему Отдѣленіе русскаго языка и словесности съ радостію воспользовалось случаемъ напечатать къ нынѣшнему дню книгу, которая послужитъ важнымъ началомъ подобныхъ работъ для изученія нашего баснописца. Это трудъ г. Кеневича, извѣстнаго уже своими добросовѣстными изслѣдованіями о басняхъ Крылова. Въ новой книгѣ его опредѣленъ годъ сочиненія или, по крайней мѣрѣ, время перваго появленія каждой басни въ печати, сличены тексты ихъ по всѣмъ изданіямъ и рукописямъ и собраны свѣдѣнія касательно происхожденія многихъ басенъ и ихъ отношенія къ современной дѣйствительности.

За этой самой существенной и трудной работой, которая конечно не могла еще выполнить своей задачи во всемъ ея объемѣ,

желательно бы видѣть цѣлый рядъ разнородныхъ этюдовъ надъ баснями Крылова. На первый случай позволю себѣ обозначить одинъ такой этюдъ.

Въ отношеніи къ сатирическому содержанію басни Крылова должны быть раздѣлены на два разряда: однѣ касаются людскихъ недостатковъ вообще и примѣнимы ко всякому человѣческому обществу; другія имѣютъ предметомъ преимущественно особенности русскаго общества, либо вызванныя ходомъ его исторіи, либо коренящіяся въ народномъ духѣ и характерѣ. Къ этому вдвойнѣ русскому разряду басенъ Крылова примыкаютъ также и тѣ, которыхъ происхожденіе связано съ современными историческими событіями или обстоятельствами. Тѣ и другія составляютъ довольно обширный отдѣлъ созданій Крылова и заключаютъ въ себѣ, разумѣется, особенный интересъ. Потому, при опредѣленіи общественнаго и историческаго значенія его басенъ, эта группа ихъ должна быть прежде всего выдѣлена изъ общаго ихъ собранія и поставлена на первый планъ. Нѣкоторыя изъ такихъ басенъ, по основной идеѣ разсказа, могутъ быть и заимствованныя у иностранныхъ баснописцевъ, но по подробностямъ обстановки и по выводу онѣ все таки имѣютъ значеніе національное. Приведу нѣсколько примѣровъ такихъ басенъ. Одна изъ нравственныхъ болѣзней стараго русскаго общества, имѣющая и названіе, не переводимое на другіе языки, «взяточничество», составляетъ предметъ многихъ басенъ Крылова. Не говоря уже о той пресловутой лисѣ съ «пушкомъ на рыльцѣ», которая въ поговоркѣ ходитъ по всей русской землѣ, обратимся къ другимъ, менѣе извѣстнымъ баснямъ. У крестьянъ одной деревни рѣчки и ручейки, при водопольи, то сорвутъ мельницу, то потопятъ скотъ; видя, что рѣка, принимающая въ себя всѣ эти мелкія воды, течетъ спокойно и не трогаетъ стоящихъ на ней большихъ городовъ, раззоренные мужики идутъ къ ней съ жалобой на ея вассаловъ, но, подходя, видятъ,

«Что половину ихъ добра по ней несетъ»

Тогда они

«Взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой.

А, отходя проговорили:
«На что и время тратить намъ?
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по-поламъ».

Сюда же относятся: слабоумный воевода, который хотя самъ съ умыслу и мухи не обидитъ, но позволяетъ волкамъ собрать съ овецъ по шкуркѣ, и та лисица, которую мужикъ беретъ къ себѣ въ караульные съ тѣмъ, чтобъ она перестала воровать; свято обѣщавъ ему это, она все-таки, при первомъ удобномъ случаѣ, передушила у него куръ. Въ послѣдней баснѣ надобно, кажется, видѣть возраженіе людямъ, которые извиняли лихоимство скудостью казеннаго содержанія; вотъ заключеніе Крылова:

«Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой-бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ».

Упрекъ Русскимъ, оставляющимъ свое отечество для пребыванія въ чужихъ краяхъ, высказанъ въ баснѣ о двухъ мухахъ, которыя, собравшись туда, тщетно подзываютъ съ собой и пчелу. Изъ ея отвѣта выводится такое заключеніе:

«Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;
А кто полезнымъ быть способности лишенъ,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣе презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна».

Басня *Лжецъ* хотя, главнымъ образомъ, направлена противъ общечеловѣческой слабости, однакожъ задѣваетъ и то ослѣпленіе, съ какимъ многіе изъ нашихъ соотечественниковъ готовы преувеличивать всякую хорошую сторону чужеземнаго быта въ укоръ Россіи. Возвратившійся путешественникъ

«Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ:
«Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце прячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ *тамъ*-то прямо рай!»

Есть нѣсколько басенъ противъ разбогатѣвшихъ откупщиковъ; такъ, напр., они сравнены съ мѣшкомъ, который валялся въ прихожей подъ ногами, прежде нежели былъ набитъ червонцами.

«Но долго-ль былъ мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали:
А тамъ онъ выброшенъ и слуха нѣтъ о немъ».

Здѣсь басня безъ обиняковъ переходитъ въ сатиру:

«. . . Сколько есть такихъ мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли,
Иль между игроковъ;
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ по-поламъ съ грѣхомъ богаты стали,
Съ которыми теперь и графы и князья
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ.
Велико дѣло — милліонъ!
Однакоже, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если разоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ мѣшкомъ!

Въ разрядѣ историческихъ басенъ есть нѣсколько вызванныхъ событіями 12-го года. Такъ, извѣстная басня *Щука и Котъ* намекаетъ на неудачныя дѣйствія и потери при Березинѣ адмирала Чичагова, колко охарактеризованнаго двумя стихами:

«А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли».

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, чтобъ показать, что изъ числа басенъ Крылова можно выдѣлить цѣлую группу такихъ, которыя всѣ вмѣстѣ составили бы картину современной ему Россіи.

Въ отношеніи къ формѣ его басенъ замѣтимъ, что не всѣ онѣ собственно заслуживаютъ это названіе; у него довольно много разсказовъ, въ которыхъ дѣйствуютъ не животныя, а люди;

когда эти лица принадлежать къ простонародью, Крыловъ является глубокимъ знатокомъ быта его. Разсказы этого рода, обыкновенно называемые притчами, должны, по собственному его выраженію, быть названы *былями.* Таковы напримѣръ: Демьянова уха, Музыканты, Крестьянинъ и Работникъ, Крестьянинъ и Разбойникъ, Крестьянинъ въ бѣдѣ, Разбойникъ и Извощикъ, Три мужика, Два мужика, Вельможа и Философъ и многія другія. Особенную жизнь этимъ разсказамъ, такъ же какъ и баснямъ собственно, придаетъ драматическая форма: притча о двухъ пьяныхъ мужикахъ, напр., которая могла бы въ наше время имѣть обширное примѣненіе, состоитъ вся изъ разговора между Егоромъ и Ѳадеемъ; первый самъ сжегъ до тла свой дворъ, а другой, чтобъ не сдѣлать пожару, въ потьмахъ пошелъ на ледникъ за пивомъ и, свалившись съ лѣстницы, сдѣлался калѣкою.

«Для пьянаго и со свѣчою худо,
Да врядъ, не хуже ль и въ потьмахъ!»

Разсказы, взятые Крыловымъ прямо изъ народнаго быта, примыкаютъ по содержанію своему къ обозначенному уже отдѣлу, но по формѣ должны составить въ немъ особенный разрядъ

О превосходствѣ басенъ Крылова было столько говорено, что едвали остается что-либо прибавить къ высказаннымъ похваламъ. Но въ чемъ же дѣйствительная заслуга Крылова? Не будетъ ли справедливо, спроситъ иной, придти наконецъ къ заключенію, что онъ, выразивъ общеизвѣстныя истины, хотя и въ художественной формѣ, не сказалъ ничего новаго? Онъ не былъ, могутъ замѣтить, ни ученымъ, ни даже высокообразованнымъ или особенно-дѣятельнымъ и благородно-мыслящимъ человѣкомъ. Онъ уже при жизни былъ достаточно вознагражденъ за незначительный трудъ сочиненія басенъ и не пора ли, наконецъ, забыть увлеченіе, возбужденное въ его современникахъ замысловатыми апологами, которые были въ духѣ той эпохи, но потеряли цѣну для нашего серьезнаго времени? Какъ ни странно такое сужденіе, но намъ случалось его слышать, и потому не излишне будетъ распространиться нѣсколько объ умственной и нравственной физіономіи Крылова, и о значеніи его басенъ. Точно ли Крыловъ не былъ высокообразованнымъ человѣкомъ? Ученымъ онъ дѣй-

ствительно не былъ, хотя, изучивъ греческій языкъ въ 50-тилѣтнемъ возрастѣ, съ цѣлію удивить своего друга, переводчика Иліады Гнѣдича, и показалъ, что, по своимъ способностямъ, могъ бы съ честію посвятить себя наукѣ, еслибъ тому не помѣшали обстоятельства и особыя свойства его природы. Во время служенія своего при Публичной библіотекѣ Крыловъ задумалъ было составить библіографическій указатель ко всѣмъ русскимъ журналамъ, но, разумѣется, при непривычкѣ къ подобнымъ трудамъ, остановился въ самомъ началѣ этого предпріятія. Хотя художественное призваніе увлекало его къ дѣятельности другаго рода, однакожъ онъ всегда питалъ глубокое уваженіе къ знанію и наукѣ. Еще въ *Почтѣ Духовъ* были цѣлыя письма, посвященныя защитѣ образованія; такова же цѣль и нѣсколькихъ басенъ его; разсказъ о животномъ, которое, напитавшись желудями подъ дубомъ, стало рыломъ подрывать корни его, оканчивается стихами:

«Невѣжда такъ же въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды».

При всей своей видимой наклонности къ бездѣйствію, Крыловъ, въ художественномъ творчествѣ, не гнушался труда. Напрасно многіе думаютъ, что сочиненіе басенъ легко доставалось ему. Возможное совершенство во всякомъ произведеніи искусства рѣдко достигается безъ настойчивыхъ усилій. Такъ было и съ Крыловымъ. Теперь уже несомнѣнно, что онъ долго отдѣлывалъ свои басни, возвращался къ нимъ неоднократно и многія изъ нихъ совершенно передѣлывалъ по нѣскольку разъ. Природная лѣнь никогда не мѣшала ему сознавать превосходство дѣятельности. Въ образахъ «пруда и рѣки» онъ наглядно представилъ разницу бездѣйствія и труда, объяснивъ свою мысль такимъ заключеніемъ:

«Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ».

Крыловъ обладалъ глубокимъ умственнымъ и нравствен-

нымъ образованіемъ, чему краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ всѣ его литературные труды, въ которыхъ съ самой юности своей онъ выражалъ неизмѣнно-здравыя убѣжденія о святости долга, о высокомъ значеніи гражданской честности, и глубокую ненависть ко всему, что унижаетъ достоинство человѣка, на какой бы общественной ступени онъ ни стоялъ. Всю жизнь онъ преслѣдовалъ корыстолюбіе, лицемѣріе, чванство, лесть, обманъ; всю жизнь онъ старался словомъ своимъ просвѣщать общество и наводить согражданъ на путь истины, долга и чести. Смолоду онъ, подобно Карамзину, отказался отъ всѣхъ приманокъ честолюбія, корысти и тщеславія; смолоду дорожилъ болѣе всего духовными благами и съ жаромъ устремился къ пріобрѣтенію знаній. 15-ти-лѣтнему юношѣ, принужденному отказывать себѣ въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ своего возраста, петербургскій книгопродавецъ Брейткопфъ предлагаетъ 60 руб. за первый драматическій трудъ его; но начинающій писатель предпочитаетъ получить, вмѣсто денегъ, нѣсколько томовъ знаменитыхъ французскихъ авторовъ, — черта, еще не довольно оцѣненная въ біографіи баснописца. Не получивъ никакого правильнаго образованія, молодой Крыловъ съ жадностію поглощаетъ книги и знакомится съ замѣчательнѣйшими явленіями европейской литературы. Объ этой ранней начитанности свидѣтельствуютъ всѣ его юношескія сочиненія: вотъ еще примѣръ того, что такъ часто поражаетъ насъ при изученіи нашихъ литературныхъ дѣятелей: Сумароковъ, Державинъ, Карамзинъ были въ большей или меньшей степени самоучками; Крыловъ — болѣе нежели кто-либо изъ нихъ. Въ томъ возрастѣ, когда Ломоносовъ только-что начиналъ учиться въ Спасскихъ школахъ, Крыловъ былъ уже писателемъ, обнаружившимъ замѣчательную умственную зрѣлость. Онъ имѣлъ предъ Ломоносовымъ и Карамзинымъ великое преимущество, — счастіе провести годы дѣтства подъ надзоромъ заботливой матери, и это преимущество было чрезвычайно плодотворно для его будущности. Почти сверстникъ Карамзина, онъ пошелъ совершенно другой дорогой и сдѣлался, какъ мы видѣли, его противникомъ; ихъ разномысліе еще болѣе поддерживалось различнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности: одинъ былъ писатель московскій, другой — петер-

бургскій: особаго рода антагонизмъ, тогда въ первый разъ рѣзко обозначившійся въ нашей литературѣ. Любопытные факты представляетъ исторія нашей умственной дѣятельности. Новый періодъ ея начался въ Петербургѣ, въ трудахъ питомца европейской науки, академика Ломоносова. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ Москва становится поприщемъ молодаго Карамзина, вносящаго въ русскую литературу западно-европейскіе элементы дальнѣйшаго развитія, а противникъ его Крыловъ, предпочитающій разработку слова въ чисто народномъ духѣ, дѣйствуетъ въ Петербургѣ. Проведя свое дѣтство сперва на южномъ концѣ Россіи, на Уралѣ, а потомъ въ одной изъ приволжскихъ губерній, Крыловъ почерпнулъ первыя умственныя пріобрѣтенія свои почти изъ той же сокровищницы, какъ Ломоносовъ; народный бытъ и народный языкъ сдѣлались для обоихъ источниками драгоцѣнныхъ для будущей ихъ дѣятельности знаній и образовъ.

Въ послѣднемъ періодѣ своего поприща Державинъ, Крыловъ и Карамзинъ сошлись въ Петербургѣ. Между двумя первыми завязались дружескія отношенія; Крыловъ, въ молодости подражавшій Державину, теперь самъ сдѣлался образцомъ для престарѣлаго лирика, который въ свои басни видимо вносилъ нѣкоторыя черты Крыловскаго аполога; отдавая полную справедливость уму и тонкости нашего народнаго баснописца[1]. Говорятъ, что положеніе баснописца между шишковской Бесѣдой и Арзамасомъ было нѣсколько двусмысленно; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ фактовъ для повѣрки этого преданія; но, судя по частымъ чтеніямъ Крылова въ Бесѣдѣ, онъ примкнулъ къ ней довольно тѣсно. Не забудемъ прежнихъ отношеній между нимъ и Карамзинымъ, которыя могли оставить нѣтоторый отстой въ душѣ обоихъ писателей. Нельзя впрочемъ думать, чтобъ Крыловъ искренно сочувствовалъ Шишкову и его школѣ; напротивъ, извѣстно, что онъ подшучивалъ надъ Бесѣдой, и къ ней, по современному свидѣтельству, относится его басня *Квартетъ*,

[1] Это видно между прочимъ изъ четверостишія Державина: *Судъ о басельникахъ*, начинающагося такъ:

«Езопъ, Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Послѣднему сказалъ: Ты тонокъ и уменъ».
(*Соч. Держ.*, изд. А. Н., т. III, стр. 520).

написанная по поводу приготовленій для пріема въ Бесѣдѣ Государя. Педантизмъ, тупоуміе и спѣсь, во всѣхъ видахъ, были ненавистны нашему баснописцу. Во второй половинѣ жизни, умудренный опытомъ, осторожный, почти никогда не высказывавшійся искренно, онъ, по самому характеру своему, не могъ быть человѣкомъ партіи и вступилъ въ Бесѣду скорѣе по личнымъ, отчасти случайнымъ отношеніямъ своимъ, нежели по убѣжденію. Есть мнѣніе, набрасывающее тѣнь на личный характеръ Крылова: Вигель представляетъ его человѣкомъ холоднымъ, себялюбивымъ, равнодушнымъ ко всякому высшему интересу и угодливымъ изъ разсчета. Но сужденія современниковъ о личности всякаго писателя, а тѣмъ болѣе о личности сатирика требуютъ строгой критической повѣрки: въ настоящемъ случаѣ, надобно принять въ соображеніе, что Крыловъ своею сатирой, очень прозрачной часто и въ басняхъ его, своими остроумными и мѣткими выходками въ свѣтѣ конечно возбуждалъ противъ себя нерасположеніе многихъ и не могъ не имѣть враговъ, которые, безъ сомнѣнія, не упускали случая мстить даровитому обличителю пороковъ и странностей. Я уже имѣлъ честь указать на пасквиль, въ которомъ баснописецъ знаменательно названъ *зоиломъ*. Весьма вѣроятно, что и враждебный ему приговоръ желчнаго Вигеля былъ вызванъ какою-нибудь насмѣшкой или горькою правдой, кольнувшей глаза бывшему зубриловскому ученику его[1]. О томъ, что Крыловъ вооружалъ противъ себя бездарность и посредственность, можно судить по его отношеніямъ къ графу Хвостову. Сначала неутомимому стихотворцу очень польстило, что Крыловъ, поступивъ на службу въ Публичную библіотеку, просилъ его прислать свои сочиненія, которыхъ тамъ еще не было. Но потомъ, находя, что осторожный баснописецъ не довольно его хвалитъ и даже иногда тонко издѣвается надъ нимъ, онъ охладѣлъ къ Крылову и не упускалъ случая отплатить ему той же монетой. Особенно кольнуло Хвостова одно критическое замѣчаніе остроумнаго поэта. Стихи перваго на отъѣздъ двухъ высокихъ лицъ начинались словами:

«Изъ нѣдръ отечества надежда, честь Россіи»...

---

[1] См. ниже *Дополнительное извѣстіе.*

Прочитавъ это, Крыловъ шутя замѣтилъ, что слѣдовательно по отъѣздѣ этихъ особъ Россія остается безъ чести и надежды. Обиженный авторъ написалъ и едва не напечаталъ предлинную антикритику на эту шутку. Въ другой разъ посредственный стихотворецъ, Пожарскій, принесъ къ Хвостову въ рукописи свой разборъ басенъ Крылова, состоявшій изъ однихъ придирчивыхъ замѣчаній на слова. Забавный отзывъ свой на эту критику самъ Хвостовъ увѣковѣчилъ въ своихъ рукописныхъ тетрадяхъ. «Сіе все справедливо», отвѣчалъ онъ: «но молодаго поэта (т. е. Крылова), ежели онъ грамматикѣ не учился, не научишь. Лучше бы было, еслибъ г. критикъ замѣтилъ, что вообще во всѣхъ басняхъ слогъ Крылова вялъ, растянутъ и гоняется за остротой: Крыловъ у своихъ предшественниковъ лавра не вырветъ».[1].

Возвращаясь къ обвиненіямъ, взводимымъ на характеръ баснописца, заключимъ замѣчаніемъ, что безъ положительныхъ фактовъ, мы не имѣемъ права обременять упреками частную жизнь писателя, который въ своихъ произведеніяхъ является краснорѣчивымъ проповѣдникомъ добра, чести и правды. Крыловъ еще въ молодости велъ небезопасную войну съ предразсудками и пороками. И если въ позднѣйшемъ возрастѣ онъ прикрылъ свои нападенія не такъ легко проницаемой оболочкой, то не надобно забывать, что къ этому могли побудить его печальные опыты прошлаго. Есть много обстоятельствъ, говорящихъ противъ обвиненія Крылова въ холодности и эгоизмѣ. Извѣстны его нѣжныя отношенія къ отсутствовавшему брату[2]; у него есть басни, дышащія глубокимъ чувствомъ: въ описаніи дружбы двухъ голубей слышится трогательный голосъ сердца, подъ который поддѣлаться невозможно; о томъ же свидѣтельствуютъ его отношенія къ дому Олениныхъ, которымъ онъ за ихъ доброе расположеніе къ нему платилъ горячею благодарностью.

Говорятъ, что басня есть форма поэзіи слишкомъ тѣсная для фантазіи и въ наше время устарѣлая. Но эта форма такъ при-

---

[1] См. Рукописи графа Д. И. Хвостова, находящіяся у М. И. Семевскаго, тетрадь № 42.

[2] См. въ *Русск. Арх.* 1868 г., № 2, статью г. Кеневича: *Левъ Андреевичъ Крыловъ.*

шлась по уму и нраву Крылова, что именно въ ней было ему всего привольнѣе и только въ ней могъ онъ проявить свой художественно-сатирическій талантъ во всей его силѣ и полномъ блескѣ. Тѣмъ изумительнѣе этотъ талантъ, если онъ въ сухую, повидимому, форму сумѣлъ вложить такъ много жизни и поэзіи, что въ первый разъ представилъ образцы народнаго искусства въ словѣ. Названіе *баснописца*, дѣйствительно, не довольно почетно для Крылова. Онъ выше своего рода и доказалъ, что не мѣсто краситъ человѣка, а наоборотъ. Его басня многозначительна, не какъ басня, а какъ созданіе, въ которомъ художественно воплотился умъ и опытная мудрость цѣлаго народа. Какъ ни высоко нравоописательное и нравоучительное значеніе произведеній Крылова, одного этого достоинства было бы недостаточно, чтобъ доставить имъ безсмертіе: для этого, къ нему должны были присоединиться эстетическая красота и отраженіе народнаго духа. Крыловъ-человѣкъ могъ имѣть конечно свои несовершенства въ частной жизни; но *тотъ человѣкъ*, который является намъ въ его басняхъ, есть высокій мудрецъ, исполненный правилъ чести и добродѣтели, гонитель всякой лжи и низости, защитникъ науки и мысли противъ невѣжества и глупости, наконецъ наставникъ современниковъ и потомства. Что́ можетъ быть выше этого въ призваніи писателя? Со времени перваго торжественнаго признанія заслугъ Крылова прошло ровно 30 лѣтъ; смѣнилось и возрасло цѣлое поколѣніе, а слава Крылова все та же; она переживетъ конечно еще и нашихъ внуковъ. Подтверждая приговоръ другаго поколѣнія, порадуемся, что участіемъ нашимъ въ общественномъ юбилеѣ Крылова намъ удалось заявить свое сочувствіе къ національному направленію современной умственной жизни.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ
БІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ О КРЫЛОВѢ.

Занимающимся исторіей русской литературы извѣстно, какъ скудны матеріалы для біографіи Крылова. Самъ онъ, какъ человѣкъ, сосредоточенный въ себѣ и осторожный, былъ очень не сообщителенъ по этому предмету. Изъ его современниковъ никто, къ сожалѣнію, не постарался вывѣдать у него по болѣе положительныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ его жизни до той поры, когда онъ сталъ обращать на себя общее вниманіе. Самъ преосвященный Евгеній, собиравшій для своего словаря такъ много біографическихъ данныхъ, часто даже относительно менѣе замѣчательныхъ лицъ, не далъ себѣ труда запастись матеріалами для біографіи Крылова. Въ его словарь занесено объ этомъ писателѣ не болѣе восьми самыхъ незначительныхъ строчекъ[1]. Дѣло оставалось въ томъ же положеніи почти до самой смерти баснописца. Юбилей его въ 1838 году нѣсколько усилилъ любознательность въ этомъ отношеніи. Въ концѣ 1843 года, т. е. только за годъ до смерти Крылова, нашлась дама, которая за-

---

[1] «Крыловъ, И. А. титулярный совѣтникъ, членъ Россійской Академіи, сочинилъ: 1) комедію въ 3-хъ дѣйств., подъ заглавіемъ: *Модная лавка*, напечатана въ С.-Петербургѣ, 1807 г. 2) комедію въ 1-мъ дѣйств., *Урокъ дочкамъ*, напечатана того же года и тамъ же. 3) *Басни въ стихахъ*, коихъ 23 напеч. въ С.-Петерб., 1809 г., а сверхъ того нѣкоторыя въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова.»

хотѣла воспользоваться возможностью услышать отъ знаменитаго писателя его біографію и ѣздила къ нему для разспросовъ о его прошломъ. Это была г-жа Карлгофъ, которая вслѣдъ затѣмъ и напечатала въ «Звѣздочкѣ» статью о Крыловѣ[1]. Эта статья послужила однимъ изъ главныхъ источниковъ для біографіи, составленной вскорѣ послѣ его смерти П. А. Плетневымъ. Онъ внесъ въ нее сверхъ того личныя свои воспоминанія изъ разсказовъ покойнаго писателя, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, а также и нѣкоторыя подробности, переданныя ему другимъ пріятелемъ Крылова, Я. И. Ростовцовымъ. Немного позже эти свѣдѣнія дополнилъ еще нѣсколькими новыми чертами М. Е. Лобановъ[2], также пользовавшійся знакомствомъ баснописца. Наконецъ, коечто присоединилъ еще Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ достопамятныхъ людей»[3].

Во всѣхъ этихъ статьяхъ біографія Крылова представляетъ болѣе или менѣе значительныя недомолвки и пробѣлы, а иногда и неясность. Такъ всѣ онѣ, съ небольшими отличіями, повторяютъ, что Крыловъ въ 1801 или 1802 г. поступилъ на службу къ рижскому военному губернатору князю С. Ѳ. Голицыну. Это извѣстіе совершенно справедливо, но затѣмъ почти всѣ, не исключая и Лобанова, говорятъ, что Крыловъ, по оставленіи княземъ этой должности, ѣздилъ съ нимъ въ его саратовское имѣніе, Зубриловку, и пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ Лобановъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи упоминаетъ, что Крыловъ въ 1798 году находился въ помѣстьѣ князя Голицына; изъ остальныхъ же двухъ статей нельзя заключить, чтобъ нашъ писатель еще до начала нынѣшняго столѣтія былъ близокъ къ этому дому. Плетневъ даже положительно говоритъ, что въ 1801 году императрица Марія Ѳедоровна поручила Крылова рижскому военному губернатору, въ чемъ едвали оказалась бы надобность, еслибъ Иванъ Андреевичъ тогда уже пользовался расположеніемъ князя.

За такую неточность фактическихъ указаній мы однакожъ не въ правѣ строго винить названныхъ біографовъ Крылова,

---

[1] *Звѣзд.* ч. IX, 1844, № 1-й.

[2] *Сынъ Отеч.* 1844, № 1-й.

[3] М. 1847.

потому что имъ недоставало источниковъ. Мы и теперь еще не можемъ вполнѣ исправить замѣченныхъ недостатковъ; но и то уже хорошо, что они обнаруживаются. Нѣкоторый свѣтъ на эту эпоху жизни Крылова бросаютъ записки Вигеля, которыя еще не были изданы, когда писались указанныя статьи. Этими записками уясняется біографія самого князя Голицына, а съ нею отчасти и біографія Крылова. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Вигель попалъ въ кіевское имѣніе Голицыныхъ, *Казацкое*, въ февралѣ 1799, когда, по его словамъ, еще не было года, какъ тамъ поселилось это семейство. Князь находился въ то время при арміи, на походѣ въ Литвѣ. Императоръ Павелъ, при вступленіи на престолъ, осыпалъ его ласками и наградами; скоро, однакожъ, Голицынъ долженъ былъ оставить службу и поселиться въ Москвѣ. «Но когда война съ Французами», разсказываетъ Вигель, «заставила вызвать Суворова изъ заточенія, тогда вспомнили и о другихъ брошенныхъ мечахъ Екатерины. Призванный въ Петербургъ, обласканный, Голицынъ отправился ко ввѣренному ему корпусу».

Съ нетерпѣніемъ ожидала княгиня извѣстія отъ мужа изъ арміи, какъ вдругъ она получила письмо, которымъ онъ увѣдомлялъ ее, что государь за что-то на него прогнѣвался, отставилъ его отъ службы, отдалъ корпусъ его генералу де-Ласси, а ему велѣлъ жить въ деревнѣ, куда и дѣйствительно черезъ три дня прибылъ самъ князь Голицынъ.

Въ числѣ постороннихъ лицъ, находившихся въ то время въ Казацкомъ, Вигель описываетъ и Крылова. Какимъ же образомъ попалъ онъ сюда? «Неимущій, безпечный юноша», отвѣчаетъ Вигель, «онъ долго не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь. *Такимъ образомъ* попалъ онъ къ князю Голицыну и жилъ у него уже два года до нашей встрѣчи» (слѣдовательно съ начала 1797 г.?). «Онъ сопутствовалъ ему въ арміи и въ званіи частнаго секретаря, надѣялся за границей получить новыя впечатлѣнія, пріобрѣсть новыя познанія; но неблагопріятный оборотъ, который взяли дѣла его патрона, заставилъ его съ нимъ вмѣстѣ укрыться въ деревнѣ»[1]. Изъ этихъ словъ

[1] *Восп. Вигеля*, ч. I, стр. 142.

можно вывести, что Крыловъ былъ взятъ Голицынымъ еще въ началѣ царствованія Павла, жилъ при князѣ въ Москвѣ, потомъ сопровождалъ его въ Литву и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Казацкое въ февралѣ 1799[1].

По мнѣнію автора «Воспоминаній», Крыловъ «былъ тогда лѣтъ 36 и болѣе 12 извѣстенъ въ литературѣ. Онъ находился у насъ», прибавляетъ Вигель, «въ качествѣ пріятнаго собесѣдника и весьма умнаго человѣка, а о сочиненіяхъ его никто, даже онъ самъ, никогда не говорилъ. Мнѣ это доселѣ еще непонятно: отъ того ли сіе происходило, что онъ не былъ иностранный писатель? отъ того ли, что въ это время у насъ дорожили одною только воинскою славой? Какъ бы то ни было, но я не подозрѣвалъ, что каждый день вижу человѣка, *коего творенія печатаются, играются на сценѣ и читаются* всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи; еслибы зналъ это, то конечно смотрѣлъ бы на него совсѣмъ иными глазами».

Въ этихъ строкахъ обнаруживается совершенное незнаніе хода авторской дѣятельности Крылова: до пребыванія въ домѣ Голицыныхъ онъ еще не пользовался той литературной славой, о которой тутъ говорится; правда, онъ уже показалъ себя замѣчательнымъ сатирикомъ, но журналы, въ которыхъ онъ участвовалъ въ этомъ качествѣ, давно прекратились, а два-три театральныя сочиненія, написанныя имъ въ прежнее время, не имѣли успѣха. Журналъ *Почта Духовъ* выходилъ за 10 лѣтъ до сближенія Вигеля съ Крыловымъ, но это изданіе не доставило послѣднему той извѣстности, на которую первый указываетъ.

Неосновательность сужденія Вигеля въ этомъ случаѣ дастъ мѣрило и для оцѣнки его отзыва о нравственной сторонѣ Крылова. Что касается до его взгляда на тогдашній возрастъ будущаго баснописца, то надобно принять, что или онъ казался старѣе, нежели былъ на самомъ дѣлѣ, или что годъ его рожденія означается невѣрно. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы до сихъ

[1] Г-жа Сумарокова, показанія которой будутъ переданы ниже, совершенно отрицаетъ это свидѣтельство Вигеля о двукратной немилости князя Голицына и переѣздахъ его съ Крыловымъ: по ея положительному увѣренію, они вмѣстѣ жили въ Казацкомъ безвыѣздно съ осени 1797 г. до весны 1801 года.

поръ имѣемъ, выходитъ, что онъ уже 14-ти лѣтъ написалъ оперу *Кофейница;* по позднему же началу и недостаточности ученія Крылова позволительно усомниться, чтобъ онъ такъ рано могъ сдѣлаться авторомъ, да еще драматическимъ. Не явился ли Иванъ Андреевичъ на свѣтъ годиками тремя-четырьмя ранѣе того срока, къ которому мы относимъ его рожденіе? Въ такомъ случаѣ, если, напримѣръ, онъ родился въ 1764 году, ему въ концѣ столѣтія дѣйствительно могло быть лѣтъ 36, какъ показалось Вигелю[1].

Между лицами, которыхъ авторъ *Воспоминаній* засталъ въ Казацкомъ, была и молодая родственница Голицыныхъ, въ то время дѣвочка лѣтъ 13-ти, Марья Павловна Сумарокова, отецъ которой (племянникъ извѣстнаго писателя) прежде служилъ въ Преображенскомъ полку подъ начальствомъ князя Сергѣя Ѳедоровича и женился на двоюродной сестрѣ его, княгинѣ Марьѣ Васильевнѣ Голицыной. Родившіеся отъ этого брака сынъ и дочь воспитывались въ домѣ Сергѣя Ѳедоровича. Отецъ ихъ, будучи принужденъ оставить службу, находился тогда вмѣстѣ съ ними въ Казацкомъ. Мать этихъ дѣтей была въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что не могла сама заботиться объ ихъ воспитаніи и не послѣдовала за ними.

Памятникомъ совмѣстнаго пребыванія Крылова и Марьи Павловны Сумароковой въ Казацкомъ осталось подлинное письмо его къ ней, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ было подарено ею Императорской Публичной библіотекѣ. По распоряженію директора библіотеки, И. Д. Делянова, съ этого письма былъ сдѣланъ литографированный снимокъ, по которому оно и напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 года (стр. 992—994).

На этомъ письмѣ не означено время, когда оно написано, и потому самыя обстоятельства, которыя въ немъ упоминаются, оставались до сихъ поръ не совсѣмъ понятными[2]. Чтобъ разъ-

[1] По словамъ М. П. Сумароковой, Крылову тогда могло быть даже лѣтъ 38. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, чтобъ онъ не зналъ въ точности своего возраста. Въ провинціальномъ русскомъ быту подобное невѣдѣніе и теперь еще встрѣчается. Свѣдѣніе о рожденіи его въ 1768 году въ первый разъ напечатано въ *Опытѣ краткой исторіи русск. лит.* Греча, въ 1822 году, когда и по общепринятому разсчету баснописцу было уже 54 года.

[2] Это видно напр. изъ того, что г. Лавровскій въ *Ж. Мин. Нар. Просв.*

яснить ихъ и тѣмъ способствовать къ пополненію біографіи Крылова, я обращался къ почтенной Марьѣ Павловнѣ, которая, какъ и другая, лично знавшая его дама, Варвара Алексѣевна Оленина, свято хранитъ воспоминаніе о знаменитомъ писателѣ. Считаю обязанностью передать въ общее свѣдѣніе то, что̀ я слышалъ отъ М. П. Сумароковой.

Сколько ей извѣстно, знакомство Крылова съ княземъ Голицынымъ началось около времени коронаціи императора Павла, совершившейся въ апрѣлѣ 1797 года. Вскорѣ послѣ этого событія князь впалъ въ немилость за неуваженіе къ кому-то изъ новыхъ временщиковъ и получилъ повелѣніе жить въ деревнѣ. Онъ отправился въ Казацкое, а съ нимъ и нѣсколько лицъ, хотѣвшихъ показать ему свою преданность[1]; тогда онъ взялъ съ собою и Крылова. Поѣхали на Зубриловку (что нынѣ въ Балашевскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи), и вотъ въ какое время (въ іюлѣ и августѣ 1797 г.) Крыловъ пожилъ въ этомъ прекрасномъ имѣніи, гдѣ онъ, страдая отъ комаровъ и мошекъ, искалъ спасенія отъ нихъ на высокой колокольнѣ, и однажды найденъ былъ спящимъ подъ самыми колоколами[2].

Въ Казацкое прибыли уже въ позднюю осень. Тамъ по обѣ стороны барскаго дома, было по три деревянныхъ флигеля (а не мазанки, какъ говоритъ Вигель). Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась контора имѣнія; тутъ-же отвели комнату и Крылову. Въ

(Февр. 1868, стр. 405) могъ усомниться даже въ эпохѣ, къ которой отнесено это письмо въ *Архивѣ*, и принять съ своей стороны, что оно написано въ 1806 или даже 1807 году.

[1] Напр. Петръ Иван. Поливановъ. Многочисленное общество отправилось на долгихъ; на пути князь останавливался во всѣхъ значительныхъ городахъ, въ Тулѣ, въ Воронежѣ и въ другихъ, и пировалъ въ каждомъ: съ нимъ была роговая музыка; оркестръ состоялъ изъ 40 человѣкъ, умѣвшихъ играть и на духовыхъ инструментахъ. Какъ устроена была его домашняя жизнь, можно судить изъ того, что въ его Зубриловкѣ было не менѣе 600 дворовыхъ людей.

[2] Въ Зубриловкѣ разсказывали мнѣ еще анекдотъ о Крыловѣ. До князя Голицына дошло, что иногда гость его, для облегченія себя отъ зноя, днемъ ложится въ постель, раздѣвшись до нага. Князь захотѣлъ въ шутку пристыдить его и однажды вошелъ къ нему, когда онъ только что успѣлъ расположиться такимъ образомъ. Крыловъ до того переконфузился, что выскочилъ голый изъ постели и сѣлъ у письменнаго стола; видя же удивленіе князя, сталъ увѣрять, что это случилось съ нимъ въ первый разъ отъ нестерпимой жары.

строеніи, гдѣ была баня, давалъ онъ уроки двумъ молодымъ князьямъ и Марьѣ Павловнѣ; въ сосѣднемъ покоѣ (въ самой банѣ, гдѣ полокъ) занимался еще ученикъ; его отдѣляли потому, что боялись его шалостей: это и былъ столь опасный впослѣдствіи языкомъ своимъ Ф. Ф. Вигель[1]; во время уроковъ онъ иногда вбѣгалъ въ общую учебную комнату съ вопросами учителю или просто изъ любопытства; тутъ-то, вѣроятно, и зародилось его нерасположеніе къ человѣку, не щадившему его самолюбія (Крыловъ называлъ его вздорнымъ мальчикомъ). Отецъ Вигеля былъ комендантомъ въ Кіевѣ; но такъ какъ въ то время чувствовался недостатокъ въ средствахъ для воспитанія, то онъ охотно отдалъ мальчика въ домъ Голицыныхъ, гдѣ жили извѣстные намъ уже по *Воспоминаніямъ* Вигеля наставники, французы Ролленъ и Керлеро.

Крыловъ не отъ скуки, какъ увѣряетъ Вигель, а по преданности къ семейству, его пріютившему, вызвался учить двухъ сыновей Голицыныхъ русскому языку; къ нимъ присоединилась и М. П. Сумарокова, которую онъ полюбилъ, хваля въ ней доброе сердце и способности. За грамматикой, вспоминаетъ она, Крыловъ не очень гонялся, а болѣе упражнялъ ее диктовкой и переводами и поощрялъ къ самодѣятельности, совѣтуя писать письма въ видѣ дневника, о чемъ и упомянуто въ указанномъ письмѣ его. Такъ какъ въ деревнѣ не было учителя музыки, то Иванъ Андреевичъ, владѣя скрыпкою, аккомпанировалъ свою молодую ученицу, игравшую на фортепіано. Иногда Крыловъ давалъ маленькіе концерты для домашнихъ; разъ онъ игралъ такимъ образомъ пьесу извѣстнаго въ то время скрыпача Жерновика, и М. П. еще помнитъ смущеніе, съ какимъ онъ началъ играть. Картъ въ Казацкомъ не являлось; самъ князь любилъ шахматы, а Иванъ Андреевичъ предпочиталъ триктракъ и часто проводилъ за нимъ время съ молодымъ княземъ Сергѣемъ.

Тотчасъ, по вступленіи на престолъ императора Александра I, князь Голицынъ былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ лифляндскимъ военнымъ губернаторомъ. Отправляясь въ столицу, онъ взялъ съ собою и Крылова; Марья Павловна осталась съ

[1] Род. въ 1786 г. Онъ былъ ровесникъ г-жи Сумароковой.

своей тетушкой въ Казацкомъ до коронаціи, на которую, къ сентябрю мѣсяцу, всѣ должны были съѣхаться въ Москву. Въ этомъ-то промежуткѣ времени, именно въ августѣ 1801 г., когда княгиня и ея племянница были уже тамъ, Крыловъ, находясь еще въ Петербургѣ, и написалъ къ своей ученицѣ письмо напечатанное въ *Архивѣ*.

Названная въ немъ *Прасковья Андреевна*, въ дѣвицахъ Кіевская, въ замужествѣ Таманская[1], которой не забылъ и Вигель, была дочь зубриловскаго управляющаго; няня Кузминишна, также упомянутая Крыловымъ, была хотя и не грамотная, но очень умная и добрая женщина. Она всегда присутствовала, съ вязаньемъ въ рукахъ, при урокахъ Крылова Марьѣ Павловнѣ. Наконецъ, въ письмѣ говорится о воробьѣ и канарейкахъ его ученицы. «Еслибъ это», пишетъ Иванъ Андреевичъ, «попалось мнѣ гдѣ-нибудь въ книгѣ, то бы меня ни въ половину такъ не тронуло; для того, что я бы почелъ это за сказку». Мѣсто это требуетъ нѣкотораго поясненія. Марья Павловна была большая охотница до птицъ и, между прочимъ, забавлялась воспитаніемъ воробьевъ. Одна изъ такихъ птичекъ жила въ ея комнатѣ и сдѣлалась удивительно ручною. Это было не совсѣмъ пріятно княгинѣ, которая раздѣляла повѣрье, что воробей въ домѣ предвѣщаетъ несчастье. Когда наступила весна, М. П., боясь, чтобъ любимецъ ея не вылетѣлъ изъ оконъ, придѣлала къ нимъ сѣтки. Но воробей въ одной изъ нихъ успѣлъ пробить себѣ отверзтіе и, къ крайнему горю своей хозяйки, вырвался на волю. Прошло нѣсколько недѣль; его считали уже пропавшимъ, когда разъ онъ вдругъ опять подлетѣлъ къ окну, но уже не одинъ, а съ дѣтками, выведенными имъ въ лѣсу. Онъ не забылъ своей хозяйки и сѣлъ къ ней на руку. Радость была неописанная. Птичка и ея семейство были водворены въ домѣ. Готовясь къ отъѣзду, М. П. просила свою тетушку взять съ собой и воробья; но та объявила, что если онъ останется въ ея рукахъ, то она велитъ свернуть ему голову. Нечего было дѣлать: пришлось его выпустить. Прочихъ

[1] Таманскій, о которомъ также говоритъ Вигель, былъ пріемышъ князя Голицына, жившій уже у него, когда Сергѣй Ѳедоровичъ женился на Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ сыновьями отъ этого брака.

птичекъ своихъ, канареекъ, молодая путешественница рѣшилась увезти въ Москву, и въ дорогѣ, поднявъ окна кареты, выпускала ихъ изъ клѣтокъ.

Въ *Казацкомъ*, а не въ Зубриловкѣ, какъ до сихъ поръ думали, Крыловъ написалъ свою *шуто-трагедію* «Трумфъ». Эта пьеса играна въ деревнѣ; самъ авторъ исполнялъ роль Трумфа; роль цыганки онъ нарочно придумалъ для любимой имъ ученицы. Здѣсь же была написана утратившаяся впослѣдствіи комедія его *Пирогъ*.

По свидѣтельству Марьи Павловны, онъ послѣ того никогда не бывалъ уже ни въ Казацкомъ, ни въ Зубриловкѣ; послѣднее изъ этихъ имѣній онъ посѣтилъ только разъ, какъ уже было замѣчено, по пути въ Казацкое, гдѣ прожилъ отъ осени 1797 года до весны 1801. Въ этомъ послѣднемъ году, послѣ коронаціи, слѣдовательно осенью, поѣхалъ онъ съ княземъ Голицынымъ въ Ригу правителемъ его канцеляріи. Вскорѣ однакожъ обнаружилась его неспособность къ такой должности, тѣмъ болѣе, что онъ полюбилъ карты, играя сперва въ маленькій банкъ съ дамами, а потомъ перейдя и къ большому. Намѣсто его былъ назначенъ въ названную должность бывшій при князѣ свѣдущій чиновникъ Сергѣевъ, а Крыловъ еще нѣсколько времени оставался въ домѣ только какъ собесѣдникъ. Домашнимъ секретаремъ князя онъ никогда не былъ; въ Казацкомъ Сергѣю Ѳедоровичу помогалъ въ небольшой его, по тогдашнимъ обстоятельствамъ[1], перепискѣ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ. Нѣтъ никакихъ извѣстій, по которымъ можно бы было заключить, что Иванъ Андреевичъ полюбилъ карты прежде переселенія въ Ригу. Извѣстно, что князь пробылъ здѣсь не долго, только до 1804 года[2]. По неудовольствіямъ съ кѣмъ-то изъ подчиненныхъ ему генераловъ, онъ сталъ проситься въ отставку; Государь его удерживалъ, но князь не перемѣнилъ своего намѣренія. Въ слѣдующіе затѣмъ годы онъ проводилъ лѣто въ Зубриловкѣ, а на зиму уѣзжалъ въ Москву. Г-жѣ Сумароковой памятно особенно лѣто 1805 года, когда въ именины князя, 5-го іюля, отпразднована была, при

[1] Кн. Голицынъ былъ подъ надзоромъ полиціи.

[2] Крыловъ былъ опредѣленъ къ кн. Голицыну 5-го октября 1801, а уволенъ 26-го сентября 1803 года.

множествѣ съѣхавшихся гостей, его серебряная свадьба. Но ни при этомъ случаѣ, ни вообще послѣ пребыванія въ Ригѣ, Крылова въ Зубриловкѣ не было. М. П. все это время оставалась въ семействѣ Голицыныхъ, переѣзжала вмѣстѣ съ ними, но ни въ деревнѣ, ни въ Москвѣ не видала Крылова[1]. Замѣтимъ, что и г-жа Карлгофъ, писавшая объ Иванѣ Андреевичѣ по его собственному разсказу, ничего не упоминаетъ о его пребываніи въ деревнѣ послѣ службы въ Ригѣ, а говоритъ только, что онъ оттуда возвратился въ Петербургъ и долго былъ въ отставкѣ.

Изъ собственныхъ признаній Крылова извѣстно, что онъ, пристрастившись къ карточной игрѣ разъѣзжалъ для нея по разнымъ городамъ и, между прочимъ, посѣтилъ нижегородскую ярмарку. Не къ этому ли періоду (1804—1805) относится такая полукочевая жизнь Крылова? Преданіе говоритъ, что онъ выигралъ въ Ригѣ большую сумму[2] (по воспоминаніямъ М. П. С., 30 т.). На эти деньги онъ могъ прожить довольно долго безъ службы. Не на обратномъ ли пути изъ Нижняго онъ и былъ въ Москвѣ, когда сдѣлался баснописцемъ? О пребываніи его въ этомъ городѣ говоритъ и г-жа Карлгофъ, толкуя однакожъ неправильно, что онъ посѣтилъ Москву «между своими журнальными занятіями и сценическими успѣхами». Журнальныя его занятія кончились съ 1793 годомъ, а сценическія успѣхи относятся къ 1807. Первыя басни его помѣщены И. И. Дмитріевымъ въ двухъ новыхъ книжкахъ *Московскаго Зрителя* 1806. Слѣдовательно личное сближеніе его съ тогдашнимъ корифеемъ басни могло быть не позже, какъ въ концѣ 1805 года.

Единственнымъ литературнымъ изданіемъ Крылова въ началѣ нынѣшняго столѣтія, до этого времени, было вторичное появленіе *Почты Духовъ* въ 1802 году. Соображая обстоятельства, можно предполагать, что эта перепечатка была сдѣлана по соглашенію его съ книгопродавцемъ (Свѣшниковымъ) передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Ригу, осенью 1801 года. Въ замѣткѣ моей о степени участія Крылова въ *Почтѣ Духовъ*, приписан-

---

[1] Въ 1807 году князь Голицынъ былъ назначенъ областнымъ начальникомъ милиціи, послѣ чего, въ 1809, онъ былъ отправленъ въ Галицію, гдѣ и умеръ отъ удара (въ Тарнополѣ) 20-го января 1810 года.

[2] Словарь Б. Каменскаго.

ной мимоходомъ къ статьѣ о сатирѣ Крылова (В. Е., № 3), я не коснулся еще одного предположенія, незадолго передъ тѣмъ высказаннаго. Въ *Русскомъ Инвалидѣ* за 2-е февраля нынѣшняго года (№ 31) упомянуто о печатныхъ заявленіяхъ, что издателемъ *Почты Духовъ* былъ Радищевъ. Источникомъ этого свѣдѣнія служатъ записки Массона (т. II, стр. 189). Очень желательно было бы, чтобъ дальнѣйшія изслѣдованія подтвердили или отвергли участіе въ этомъ журналѣ автора *Путешествія въ Москву*[1]. Но покуда остается сомнѣніе, не смѣшаны ли въ показаніи Массона имена Радищева и Рахманинова? Статья *Русскаго Инвалида* замѣчаетъ: «Это обстоятельство» (изданіе *Почты Духов*ъ Радищевымъ) «важно въ томъ отношеніи, что въ немъ можн искать разъясненія, почему Крыловъ долженъ былъ скоро — два года спустя — оставить службу при Кабинетѣ и оставатьс въ отставкѣ до вступленія на престолъ Александра I». Едва можно принять, что Крыловъ вышелъ изъ Кабинета по непріят ностямъ за свою литературную дѣятельность. Въ такомъ случа она не могла бы такъ скоро послѣ того[2], именно съ начала 179 года, возобновиться съ прежнимъ направленіемъ еще въ большихъ

---

[1] Почти одновременно съ настоящею статьею, въ первый разъ напеча танною въ концѣ апрѣля 1868 г. въ *С.-Петерб. Вѣдом.*, появилась въ майско книжкѣ *Вѣстника Европы* любопытная статья А. Н. Пыпина подъ загла віемъ: «Крыловъ и Радищевъ». Авторъ, основываясь на свидѣтельствѣ Массона, считаетъ весьма вѣроятнымъ, что Радищевъ принималъ значительное участіе въ *Почтѣ Духовъ* и приписываетъ ему многія изъ сатирическихъ писемъ этого журнала. Сознавая, что на сторонѣ такого мнѣнія есть не лишенные основанія доводы, нельзя однакожъ не согласиться и съ тѣмъ, что безъ болѣе прямыхъ доказательствъ предположеніе все таки остается предположеніемъ. Когда нѣтъ никакихъ внѣшнихъ данныхъ для рѣшенія вопроса, кѣмъ именно писаны разныя статьи *Почты Духовъ*, то для достиженія путемъ изслѣдованія какого-нибудь болѣе удовлетворительнаго результата необходимо, по крайней мѣрѣ, вполнѣ исчерпать всѣ внутреннія доказательства; въ настоящемъ случаѣ нужно бы внимательно разсмотрѣть всю *Почту Духовъ* въ отношеніи къ содержанію и къ языку, и для того употребить три слѣдующіе пріема: 1) сравнить въ этихъ двухъ отношеніяхъ всѣ письма *Почты Духовъ* между собою; 2) сравнить каждое изъ нихъ съ тѣми статьями *Зрителя* и *Меркурія*, которыя несомнѣнно принадлежатъ перу Крылова, и 3) сравнить всѣ письма *Почты Духовъ* съ сатирическими статьями, такъ же несомнѣнно принадлежащими Радищеву.

[2] Крыловъ былъ опредѣленъ въ Кабинетъ ея в. 1788, марта 11-го, а уволенъ оттуда за болѣзнію 7-го декабря 1790 г.

размѣрахъ и притомъ такъ открыто, на этотъ разъ уже съ именемъ Крылова въ главѣ типографіи и журнала *(Зрителя)*. Здѣсь съ именемъ же его стали являться рѣзкія сатирическія статьи, и въ числѣ ихъ извѣстная восточная повѣсть *Каибъ*, что̀ едвали было бы возможно, еслибъ Крыловъ лишился мѣста за *Почту Духовъ*. Гораздо проще предположить, что, по его свойствамъ, всякая служба была ему въ тягость и что онъ рѣшился испытать счастья на другомъ поприщѣ, взяться за содержаніе типографіи и совершенно посвятить себя литературѣ.

Въ статьѣ Н. А. Лавровскаго: «О Крыловѣ и его литературной дѣятельности»[1] есть интересныя соображенія о томъ, у какого Львова нашъ баснописецъ въ дѣтствѣ, живя съ матерью въ Твери, могъ пользоваться ученіемъ? Какъ ни правдоподобна догадка, что это былъ извѣстный своимъ образованіемъ и талантами Николай Александровичъ Львовъ, къ нему не можетъ относиться это извѣстіе о дѣтствѣ Крылова. Н. А. жилъ въ то время уже въ Петербургѣ; въ Твери же служилъ тогда совѣтникомъ, а потомъ и предсѣдателемъ уголовной палаты Николай Петровичъ Львовъ[2] (дядя Николая Александровича). Вотъ, по всей вѣроятности, лицо, которому Крыловъ такъ много обязанъ былъ своимъ образованіемъ. Братъ этого Львова, Петръ Петровичъ, былъ около того же времени городничимъ въ Торжкѣ[3]. Сынъ этого послѣдняго, Ѳедоръ Петровичъ, былъ также литераторомъ и извѣстенъ, между прочимъ, какъ издатель *Объясненій* Державина. О личности Николая Петровича, къ сожалѣнію, намъ ничего не извѣстно. Въ то время, какъ онъ занималъ означенныя мѣста въ Твери, намѣстникомъ тверскимъ былъ знаменитый графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, а губернаторомъ Т. И. Туголминъ. Извѣстіе, будто Крыловъ ходилъ учиться и въ губернаторскій домъ, лишено, кажется, основанія и произошло отъ смѣшенія двухъ значительныхъ должностей въ провинціальной іерархіи.

---

[1] *Журналъ Мин. Нар. Просв.* февр. 1868, стр. 395.

[2] См. *Мѣсяцословы* 1778 и 1781 г.

[3] *Мѣсяцословъ* 1778. — Здѣсь же вторымъ предсѣдателемъ губернскаго магистрата показанъ коллежскій ассессоръ Андрей Прохоровичъ Крыловъ, отецъ писателя.

Кстати, вотъ еще двѣ замѣтки о басняхъ Крылова. Есть преданіе, объясняющее слѣдующимъ образомъ происхожденіе басни: *Рыбьи пляски.* Во время одного изъ своихъ путешествій по Россіи, императоръ Александръ I, въ какомъ-то городѣ, остановился въ губернаторскомъ домѣ. Готовясь уже къ отъѣзду, онъ увидѣлъ изъ окна, что по площади приближается къ дому довольно большое число людей. На вопросъ государя, что это значитъ, губернаторъ отвѣчалъ, что это депутація отъ жителей, желающихъ принести его величеству благодарность за благосостояніе края. Государь, спѣша отъѣздомъ, отклонилъ пріемъ этихъ лицъ. Послѣ распространилась молва, что они шли съ жалобой на губернатора, получившаго между тѣмъ награду. Изъ розысканій г. Кеневича[1] видно, что первоначальная редакція этой басни очень отличалась отъ позднѣйшей.

Басня *Левъ и Человѣкъ* была напечатана только въ двухъ первыхъ изданіяхъ басенъ Крылова (1809 и 1811). Поэтому можно заключить, что онъ вовсе оставилъ ее; но между позднѣйшими его баснями есть одна, которая, кажется, не что иное, какъ пересозданіе *Льва и Человѣка.* Въ этой послѣдней Крыловъ справедливо сознаіъ не только отсутствіе художественнаго развитія, но и бѣдность вымысла, а потому, сохранивъ въ основѣ первоначальную идею, онъ облекъ ее въ другіе образы: такъ произошла около 1830 года басня *Левъ, Серна и Лисица,* въ которой вновь изображена побѣда хитрости или ума надъ тѣлесной силой. Первоначальная басня перепечатана въ трудѣ г. Кеневича и въ *Русскомъ Архивѣ* 1865. Это двоякое выполненіе одного и того же сюжета въ два періода, на разстояніи 20 лѣтъ слишкомъ одинъ отъ другаго, показываетъ, какъ настойчивъ былъ Крыловъ въ преслѣдованіи родившейся у него художественной идеи и какъ взыскателенъ къ себѣ въ ея разработкѣ.

---

[1] См. ниже, его *Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова.*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Представленіе Оленина отъ 23-го мая 1830 года объ исходатайствованіи Крылову чина статскаго совѣтника[1].

Господину министру народнаго просвѣщенія.

Библіотекарь Императорской Публичной библіотеки г. коллежскій совѣтникъ Крыловъ, выслуживъ съ отличнымъ усердіемъ въ настоящемъ чинѣ узаконенныя лѣта, пріобрѣлъ право на представленіе его къ наградѣ слѣдующимъ чиномъ статскаго совѣтника.

Высочайшими указами 6 августа 1809 и 14 января 1811 годовъ, равно какъ и высочайше утвержденными положеніями комитета гг. министровъ 7 марта, 15 апрѣля, 5 августа и 25 октября 1819 года, установлены для производства чиновниковъ въ статскіе совѣтники особенныя правила *. Хотя г. библіотекарь Крыловъ не имѣетъ университетскаго аттестата и ни въ учебной, ни въ медицинской службѣ не находился, но поелику 9 статьею высочайшаго указа 14 января 1811 года допускаются изъ общихъ правилъ изъятія, *по особеннымъ уваженіямъ къ людямъ, снискавшимъ въ ученомъ свѣтѣ сочиненіями ихъ и трудами отличную славу;* поелику чиновникъ сей еще изъ титулярныхъ совѣтниковъ произведенъ былъ въ коллежскіе ассесоры, по высочайшему именному указу 14 августа 1814 года, во уваженіе отличныхъ дарованій въ россійской словесности; поелику онъ нынѣ съ ученою должностію библіотекаря соеди-

---

[1] Два первыя приложенія заимствованы изъ хранящагося въ Публичной библіотекѣ дѣла о службѣ Крылова.

* По симъ правиламъ, въ статскіе совѣтники производятся только тѣ чиновники, которые имѣютъ аттестаты университетовъ и другихъ мѣстъ, или отправляли ученыя и учебныя должности, въ высочайшемъ указѣ 14 января 1811 года означенныя (примѣч. изъ подлиннаго представленія).

няетъ званіе члена Императорской Россійской Академіи и давно уже извѣстенъ любителямъ отечественной словесности многими печатными сочиненіями, въ особенности же своими баснями **, снискавшими ему отличную славу не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ: то я почитаю его имѣющимъ полное право на производство въ чинъ статскаго совѣтника, въ каковый по сей же библіотекѣ произведены въ 1828 году г. библіотекарь Гнѣдичь, а въ 1829 году г. почетный библіотекарь Гречь.

** Г. Крыловъ былъ издателемъ ежемѣсячныхъ сочиненій: *Почты Духовъ* (1789 года), *Зрителя* (1792 года) и *С.-Петербургскаго Меркурія* (1793 года); потомъ написаны имъ для театра комедіи: *Урокъ дочкамъ*, *Модная лавка*, *Бѣшеная семья* и *Илья богатырь*; сочинена для открытія Императорской Публичной библіотеки притча *Водолазы;* наконецъ напечатаны четырьмя изданіями и многими тисненіями Басни его, которыхъ и теперь печатаются три новыя изданія, полнѣйшія прежнихъ (примѣч. изъ подлиннаго представленія).

II.

Представленіе Оленина отъ 29-го декабря 1840 года объ увольненіи библіотекаря Императорской Публичной библіотеки Крылова.

Господину министру народнаго просвѣщенія.

На сихъ дняхъ г. статскій совѣтникъ Крыловъ, служащій въ званіи библіотекаря въ Императорской Публичной библіотекѣ тридцать уже лѣтъ сряду, а именно съ 1811 года, объяснилъ мнѣ нынѣшнее его положеніе въ слѣдующемъ видѣ:

Въ теченіе тридцати-лѣтней его службы съ преклонными лѣтами здоровье его ослабло, а потому нынѣ онъ чувствуетъ, что не можетъ уже выполнять своихъ обязанностей по службѣ, какъ бы то должно было и какъ бы онъ того желалъ. По сему обстоятельству онъ рѣшился просить объ увольненіи отъ службы. Но г. Крыловъ не имѣетъ никакого другаго состоянія, какъ то, которое онъ получаетъ отъ щедротъ Монаршихъ, а именно: по милости нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и въ Бозѣ почивающаго Императора Александра I. Сіи оклады и пособія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Пенсіи изъ Кабинета Его Величества онъ получаетъ	857 р. 14²/₇ к.
2) Жалованья	771 » 42⁶/₇ »
и 3) Прибавочныхъ	857 » 14²/₇ »
	1628 р. 57¹/₇ к.
Всего же . . .	2485 р. 71³/₇ к.

Прибавляя къ симъ суммамъ квартиру съ дровами, сараемъ и конюшнею, занимаемую въ домѣ принадлежащемъ Императорской Публичной библіотекѣ и которую нельзя менѣе имѣть какъ за 857 р. $14^2/_7$ к. сер., что̀ и составило бы всего 3342 р. $85^5/_7$ к. сер.

Сими денежными окладами и пособіями г. Крыловъ живетъ не нуждаясь и даже имѣетъ экипажъ, что̀ къ несчастію, по слабости ногъ его, сдѣлалось ему необходимымъ. Г. Крыловъ былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ помянутая сумма (за исключеніемъ 857 р. $14^2/_7$ коп. сер. пенсіи, которая останется при немъ и по отставкѣ его) была бы ему исходатайствована у Государя Императора въ пожизненный пенсіонъ, ибо сія сумма именно составляетъ содержаніе его въ библіотекѣ и тогда бы онъ, присовокупя къ сему пенсію получаемую имъ изъ Кабинета, могъ спокойно и беззаботно дожить остальные дни свои, которыхъ вѣроятно на удѣлъ ему остается уже не много [1].

Вотъ [2] что мнѣ объяснялъ знаменитый нашъ баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ! Я не буду обременять ваше высокопревосходительство многословнымъ ходатайствомъ: скажу только, что здоровье г. Крылова очень разстроено и требуетъ совершеннаго спокойствія. Онъ достоинъ особеннаго уваженія за отличные его труды, извѣстныя всей почти Европѣ! Участь его зависитъ отъ благосклоннаго вниманія вашего высокопревосходительства!

(Въ отвѣтъ на это ходатайство министръ отъ 17 февраля 1841 года сообщилъ директору библіотеки высочайшее повелѣніе производить Крылову, по отставкѣ его, въ пенсію изъ Государственнаго казначейства, не въ примѣръ другимъ, полное содержаніе его по библіотекѣ, которое составляло 11,703 р., 80 к. ассигн. = 3,342 р. $85^5/_7$ коп. сер.)

---

[1] Крыловъ пережилъ Оленина двумя годами.

[2] Начиная отсюда, послѣднія строки въ отпускѣ написаны рукой самого Оленина, при чемъ выраженія нѣсколько разъ были измѣняемы и между прочимъ зачеркнуты слѣдующія слова: «котораго творенія при жизни еще его достигли до общей европейской славы».

III.

Журнальные труды Крылова.

Для облегченія тѣхъ, которые пожелаютъ заняться разсмотрѣніемъ журнальной дѣятельности нашего баснописца въ прошломъ столѣтіи, помѣщаю краткій указатель содержанія *Почты Духовъ* и оглавленіе статей Крылова въ *Зритель* и въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи.*

Чтобы удобнѣе было сличать первоначальную *Почту Духовъ* съ извлеченіями изъ нея въ *Полномъ собраніи соч. Крылова*, отмѣчаю тѣ письма, которыя помѣщены и въ этомъ собраніи, двойною цифрою: *арабская цифра* означаетъ, какъ и вездѣ, порядокъ писемъ въ самомъ журналѣ, а *римская* — порядокъ ихъ въ изданіи 1847 года. Въ скобкахъ ставится страница по первоначальному изданію *Почты Духовъ*.

Указатель Почты Духовъ.

Часть первая.

Письма.

1. (с. 1). — I. Отъ *Зора*. Современные обычаи и моды; опера буффа, италіянскій театръ; галантерейные товары.
2. (с. 8). Отъ *Дальновида*. Размышленія сильфа надъ Парижемъ о неразуміи людей разныхъ состояній; о правителяхъ, придворныхъ и духовныхъ.
3. (с. 20). — II. Отъ *Буристона*. Адскіе судьи и дворъ Плутона.
4. (с. 29). Отъ *Дальновида*. О мизантропѣ, честномъ человѣкѣ.
5. (с. 42). Отъ *Астарота*, который спасъ бѣднаго стихотворца отъ голода.
6. (с. 53). — III. Отъ *Зора*. О порокахъ писателей. Щеголь. Неуваженіе къ ученымъ. Дороговизна иностранцевъ. Французы и ихъ хвастливость.
7. (с. 63). Отъ *Дальнов.* Старуха торговка соблазняетъ дѣвушку золотошвейку.
8. (с. 74). Отъ *Свѣтовида*. Презрѣніе дворянъ къ наукамъ.
9. (с. 82). — IV. Отъ *Зора*. Знакомство съ Припрыжкинымъ; ученые; французскій парикмахеръ.
10. (с. 102). Отъ *Свѣтов.* Петиметръ и обезьяна.
11. (с. 107). — V. Отъ *Зора*. Именинный столъ у купца Плуторѣза. Плуты разныхъ сословій. Участь художниковъ.
12. (с. 125). Отъ *Буристона*. Сцена въ судѣ: воръ-живописецъ и воръ государственный.
13. (с. 143). Отъ *Свѣтов.* Разговоры о графинѣ въ модномъ салонѣ. Притворство и лесть. Щегольство женщинъ.
14. (с. 153). — VI. Отъ *Зора*. Модная лавка.
15. (с. 170). Отъ *Свѣтов.* Любовныя шашни; брачныя обязательства; похороны.
16. (с. 181). — VII. Отъ *Буристона*. Актеръ и вельможа. Трагедія въ восьми дѣйствіяхъ.
17. (с. 192). — VIII. Отъ *Зора*. Женитьба Припрыжкина. Ѣзда съ нимъ въ ряды.
18. (с. 209). Отъ *Астарота*. Примѣрные судья и секретарь; крючкотворцы и плутни ихъ.

19. (с. 223). Отъ *Свѣтов.* О модахъ и театрѣ.
20. (с. 239). Отъ *Дальновида.* Слава государей-завоевателей; вельможи, вредные для государства.
21. (с. 247). — IX. Отъ *Вѣстодава.* Покровительство Прозерпины италіянцу. Порча судей. Богадѣльня для чиновниковъ.
22. (с. 265). Отъ *Дальнов.* Выгоды сна.
23. (с. 273). — X. Отъ *Зора.* Глупые мужья и умныя жены.
24. (с. 293). Отъ *Дальнов.* Истинно честный человѣкъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

25. (с. 1). Отъ *Дальнов.* Средства отъ скуки. Истинные мудрецы. Небесная азбука.
26. (с. 12). — XI. Отъ *Буристона.* Вельможа другаго острова.
27. (с. 31). Отъ *Выспрепара.* Исканіе тѣни секретаря. Разговоръ съ тѣнью судьи.
28. (с. 40). Отъ *Маликульмулька.* Размышленіе и глупость. Свѣтъ — училище.
29. (с. 47). Отъ *Дальнов.* Праздность въ разныхъ состояніяхъ.
30. (с. 56). — XII. Отъ *Зора.* Книжныя лавки.
31. (с. 64). Отъ *Дальнов.* Ревность женщинъ. О неумѣстныхъ шуткахъ надъ развратомъ.
32. (с. 70). Отъ *Астарота.* Публичный садъ.
33. (с. 83). Отъ *Дальновида.* Глупые счастливѣе ученыхъ. Славолюбіе послѣднихъ.
34. (с. 98). — XIII. Отъ *Вѣстод.* Фурбиній, первый министръ.
35. (с. 109). Отъ *Выспреп.* Свадьба и внезапная смерть молодаго супруга.
36. (с. 117). — XIV. Отъ *Буристона.* Судъ и письмо судьи къ сыну.
37. (с. 139). — Отъ *Дальнов.* О дворянствѣ и дворянахъ.
38. (с. 150). Отъ *Астарота.* Разговоръ откупщика и танцовщицы.
39. (с. 163). — XV. Отъ *Зора.* Мотовство на моды. Французы и француженки.
40. (с. 178). Отъ *Эмпедокла.* Слабость и непостоянство разума. Глупости Аристотеля и Лейбница.
41. (с. 198). Отъ *Бореида.* Подводныя его странствованія.
42. (с. 214). — XVI. Отъ *Зора.* Наставленія француженки своему брату.
43. (с. 231). Отъ *Свѣтов.* Философы въ трактирѣ.
44. (с. 237). — XVII. Отъ *Зора.* Похвала одному государству. Театръ.
45. (с. 251). Отъ *Выспреп.* Льстецы вокругъ молодаго государя. Роль писателя. Истинный мудрецъ.
46. (с. 273). — XVIII. Отъ *Зора.* Разговоръ о новой книгѣ. Ссора у актрисы.
47. (с. 290). Отъ *Бореида.* Кораблекрушеніе и гибель корыстолюбца. (Богачъ и его семейство.)

48. (с. 311). Отъ *Маликульмулька.* Развращеніе свѣта. Предостереженіе противъ коварства.

Труды Крылова въ Зрителѣ.

Ночи. Зр. Ч. I, стр. 70, 140, 228; ч. II, стр. 95.
Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ. Ч. II, стр. 42.
Разсужденіе о дружествѣ. Ч. II, стр. 236.
Мысли философа по модѣ. Ч. II, стр. 279.
Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ. Ч. III, стр. 63.
Каибъ. Ч. III, стр. 90 и 257.

Труды Крылова въ С.-Петербургскомъ Меркуріи.

Похвальная рѣчь наукѣ убивать время. Спб. Мерк. Ч. I, стр. 22.
Разборъ комедіи Клушина *Смѣхъ и горе.* Ч. I, стр. 104.
Похвальная рѣчь Ермалафиду. Ч. II, стр. 26.
Театръ. Ч. II, стр. 213.
Стихи: Утѣшеніе Анютѣ. Ч. II, стр. 56.
Мое оправданіе. Ч. II, стр. 188.
Къ другу моему (Клушину)[1]. Ч. III, стр. 3.
Ода на случай фейерверка. Ч. III, стр. 191.
Изображеніе Анеты эскизомъ. Ч. III, стр. 193.
Похищенные волоски въ перстень. Ч. III, стр. 202.
Къ Счастью. Ч. IV, стр. 96.
Мой отъѣздъ. Ч. IV, стр. 205.

---

[1] Отвѣтъ Клушина см. въ ч. IV, стр. 177.

О БАСНЯХЪ КРЫЛОВА
ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ.

АКАДЕМИКА А. В. НИКИТЕНКО.

Мм. гг. Намѣреваясь въ настоящій достопамятный день занять благосклонное вниманіе ваше разсужденіемъ о художественномъ характерѣ замѣчательнѣйшихъ произведеній Крылова — его басенъ, я конечно не могу имѣть въ виду полной оцѣнки ихъ въ этомъ отношеніи. Для этого потребовалось бы болѣе времени и другіе пріемы анализа, Но я постараюсь уловить хотя немногія черты въ томъ безсмертномъ образѣ, въ какомъ является передъ потомствомъ нашъ знаменитый баснописецъ, какъ одинъ изъ первокласныхъ художниковъ.

Родъ произведеній, преимущественно усвоенный себѣ Крыловымъ, не предполагаетъ, повидимому, необходимыхъ условій художественнаго творчества. Не напрасно басню, какъ иносказательное изображеніе извѣстной нравственной истины, относили къ дидактикѣ. И дѣйствительно, по первоначальному своему значенію, она является въ качествѣ особенной діалектической стратагемы, которую авторъ употребляетъ, когда стремится напечатлѣть въ умахъ, какъ бы не хотя, безъ намѣренія, мимоходомъ, такъ сказать, какой-нибудь урокъ житейской мудрости, или мысль, почерпнутую изъ наблюденій общественнаго быта. Поучать ироніей, символомъ, притчею, иносказаніемъ всегда и у всѣхъ народовъ было однимъ изъ общеупотребительныхъ пріемовъ, свойственныхъ духу человѣческому, когда онъ, посреди всяческихъ вол-

нующихъ его недоумѣній, не стремится воззрѣній своихъ обратить въ строгій догматъ, а только въ разнообразной игрѣ жизни ищетъ указаній на высшія ея задачи. Но мысль о художественномъ творчествѣ не входила въ понятіе объ изображеніи, гдѣ должно угадывать какую-либо цѣль внѣ самаго изображенія, гдѣ оно не въ самомъ себѣ носитъ свою убѣждающую или изъяснительную силу, а въ аналогическомъ приспособленіи къ чему-то другому, стороннему. Въ новѣйшія времена Лафонтенъ первый возвысилъ басню, независимо отъ ея аллегорическаго характера, до высокаго художественнаго значенія. И мы, по всей справедливости, въ твореніяхъ Крылова можемъ представить другой самобытный образецъ подобнаго превращенія иносказательнаго изображенія въ поэму. Мудрость жизни ищетъ союза съ красотою, также какъ искусство, съ своей стороны, ни мало не теряя своей свободы, въ откровеніяхъ мудрости почерпаетъ долю богатствъ для усиленія своего благотворнаго вліянія на людей. Не даромъ Платонъ совѣтовалъ суровому учителю Киносарга приносить жертву граціямъ. Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что ученіе, имѣющее въ виду дѣлать людей лучшими, наиболѣе достигаетъ своей цѣли, когда, съ сознаніемъ истины, оно пробуждаетъ въ нихъ чувство прекраснаго.

Такимъ образомъ поэтическое развитіе по праву принадлежитъ иносказанію въ баснѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что, изображая предметы неодушевленные и существа не мыслящія съ ихъ природными свойствами и надѣляя ихъ въ то же время аттрибутами человѣческими, баснописецъ имѣетъ въ виду что-то другое, а не ихъ самихъ. Искусно развивая нить поэтическаго о нихъ сказанія, онъ постоянно даетъ намъ чувствовать аналогію между вымысломъ и дѣйствительностью. И въ этомъ сближеніи, въ этой чудной игрѣ противуположностей, онъ однако, какъ бы случайно и ненамѣренно, рисуетъ картины, глубоко дѣйствующія на наше эстетическое чувство. Отсюда возникаетъ уже поэзія басни, которая сама въ себѣ носитъ увлекательную прелесть, сдружая насъ съ природою, влагая, такъ сказать, въ ея созданія сердце и языкъ, чтобъ чувствовать съ нами за одно, говорить намъ внятно; все твореніе, такимъ образомъ, проникается однимъ духомъ жизни, повсюду напоминающимъ намъ объ общемъ род-

ственномъ происхожденіи отъ одного всемогущаго Жизнедавца. И когда, наконецъ, поэма басни разрѣшается важною мыслію, или нравственною истиною, мы поражены ими, какъ внезапнымъ свѣтлымъ озареніемъ, которое тѣмъ глубже проникаетъ въ нашу душу, чѣмъ менѣе мы были въ правѣ подозрѣвать автора въ доктринерствѣ, въ намѣреніи сдѣлаться нашимъ учителемъ и располагать нашими убѣжденіями. Баснописецъ принесъ обильную жертву граціямъ. Онъ далъ намъ уроки, какъ мудрецъ, и какъ поэтъ провелъ ихъ въ наше сердце. Онъ доставилъ торжество идеѣ, или истинѣ, какое доставляется ей только соединеніемъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ пользу ея, на человѣка.

Всѣ эти мысли вытекаютъ не изъ теоріи — основаніе ихъ лежитъ въ изученіи произведеній нашего великаго баснописца. Взглянемъ же на тѣ силы, какими осуществлялъ онъ свою задачу.

Первое, что̀ представляется намъ въ его басняхъ, самое высокое качество въ нихъ — это умъ. Но вѣдь это само собою разумѣется, могутъ возразить мнѣ. Умъ не есть ли общее достояніе всѣхъ людей — что же тутъ относящагося собственно къ Крылову и его баснямъ? Всякому однако извѣстно, что мѣра и степени ума чрезвычайно различны. Но не въ этомъ дѣло. Между тѣмъ, какъ умъ дѣйствительно составляетъ общее преимущество людей, многіе ли изъ нихъ могутъ похвалиться, что обладаютъ тѣмъ свѣжимъ, чистымъ, стихійнымъ умомъ, который, если можно такъ выразиться, заключался въ первоначальномъ планѣ природы относительно человѣка и котораго существеннѣйшіе признаки суть естественность и здравомысліе? Не есть ли большая рѣдкость встрѣтить такой здоровой стихійный, слѣдственно сильный умъ, счастливо сохранившій свою природную прямоту, неповрежденность и свободу посреди безчисленныхъ искажающихъ и порабощающихъ его вліяній внутреннихъ и внѣшнихъ? Именно такой рѣдкій умъ — и это уже была, конечно, большая особенность — надѣленный сверхъ того даромъ тонкаго наблюденія и проницательности, достался въ удѣлъ Крылову. Онъ далъ ему возможность избирать всегда вѣрную точку зрѣнія на вещи, обсуживать ихъ безпристрастно и изображать съ неподражаемою ясностію и простотою истины. Мы не знаемъ, въ какихъ начинаніяхъ и результатахъ проявилъ бы себя этотъ избранный умъ, если бы онъ

принялъ направленіе болѣе широкое, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе отвлеченное. Но ему было суждено установиться въ сферѣ живыхъ явленій, стать лицомъ къ лицу съ повседневною человѣческою дѣйствительностію и, не вмѣшиваясь поступками ни въ какія дѣла людей, говорить имъ о дѣлахъ, но не столько о томъ, что̀ они должны дѣлать, сколько о томъ, чего они дѣлать не должны. Несмотря на этотъ отрицательный способъ отношеній къ дѣйствительности, у Крылова, конечно, была своя философія; философія эта заключалась въ обобщеніи и формулированіи тѣхъ нравственныхъ выводовъ, какіе вытекаютъ единственно изъ знанія и опытовъ жизни. Не его дѣло было систематизировать идеи, возводить ихъ къ отдаленнымъ началамъ, витать въ высшихъ сферахъ умозрѣній. Онъ не былъ идеалистъ; но его нельзя было также назвать и реалистомъ въ теоретическомъ смыслѣ, потому что онъ не способенъ былъ подчиняться теоріямъ, и онъ былъ бы очень удивленъ, если бы его вздумали причислить къ какой-нибудь партіи, или считать послѣдователемъ какого-нибудь ученія. Это вовсе не согласовалось ни съ любовію его къ свободѣ, ни съ его высокимъ здравомысліемъ, которое знало важность великихъ вопросовъ, но знало также и то, что не должно связывать себя отвѣтственностію въ рѣшеніи того, о чемъ нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Онъ конечно, видѣлъ великость разстоянія между совершающимся въ судьбѣ и нравахъ людей и, между тѣмъ, что́ должно бы, по видимому, совершаться, но понималъ, что стадіи этого разстоянія не переходятся легко и быстро — и хотя на покушенія перебѣжать ихъ вдругъ онъ смотрѣлъ безъ непріязни, однако, не питалъ большой увѣренности въ ихъ успѣхѣ. За всѣмъ тѣмъ указывать на несообразности и противорѣчія въ быту людскомъ, онъ считалъ нужнымъ; въ этомъ заключалось его общественное призваніе. Ища удовлетворенія своимъ умственнымъ стремленіямъ въ кругу человѣческой дѣйствительности и различныхъ ея отношеній, онъ, естественно, долженъ былъ войти въ самую тѣсную связь съ тѣмъ, что̀ всего ближе было къ нему — съ бытомъ и духомъ своего народа. Въ отечествѣ нашемъ не было другаго сильнаго ума, который бы, подобно Крылову, усвоилъ себѣ, или, лучше сказать, воплотилъ въ себя самыя стихіи народной индивидуальности, психологическія

особенности народа, его воззрѣнія на вещи, весь складъ его діалектики, пріемы его мысли и слова. Получивъ въ даръ отъ природы необыкновенный умъ, онъ какъ бы вторично принялъ его изъ богатой сокровищницы народныхъ умственныхъ силъ и сталъ народнымъ писателемъ не потому уже, что того хотѣлъ, а потому что не хотѣть этого не могъ. Равнодушный ко всѣмъ выспреннимъ утопическимъ и оптимическимъ міровоззрѣніямъ, тонкій наблюдатель жизни и знатокъ человѣческаго сердца, аналитикъ, и немножко скептикъ въ житейской практикѣ, онъ естественно былъ расположенъ къ ироніи; но и ее обнаруживалъ онъ въ народномъ смыслѣ и тонѣ. Эта спокойная, лукавая и вмѣстѣ добродушная иронія, въ которой сквозь незнаніе, ею выказываемое и отстраненіе себя отъ вопроса, свѣтятся какъ бы вскользь глубокое и вѣрное пониманіе настоящаго хода вещей и готовность вопросъ разрѣшить по своему — это иронія, повсюду разлитая въ басняхъ Крылова, есть одно изъ самыхъ коренныхъ и глубокихъ свойствъ нашей народности. Иронія является и у другихъ писателей-баснописцевъ со свойственнымъ ей сатирическимъ направленіемъ. Но въ томъ-то и состоитъ геніальная черта нашего баснописца, что его иронія вылилась въ форму народнаго духа, получила отъ него особенную физіогномію, колоритъ, что ея нельзя ни вполнѣ понять, ни примѣнить нигдѣ и ни къ чему, какъ только посреди насъ и къ намъ. Не будь приправлена она свойственнымъ нашему національному характеру добродушіемъ, она могла бы принять видъ болѣе серьозный и даже мрачный. У нашего баснописца этого нѣтъ, потому что если серьозность въ извѣстной степени намъ свойственна, то мрачность уже никакъ къ намъ нейдетъ. Заунывность нашихъ пѣсень ничего не доказываетъ; она есть выраженіе историческихъ моментовъ и положеній, а не природы нашей. Мы народъ жизни и движенія, и если мы иногда уныаемъ, то не на долго и не съ тѣмъ, чтобы погрузиться въ плаксивое бездѣйствіе, которымъ обыкновенно сопровождается уныніе. Съ нашей грустной думой мы не менѣе того способны и готовы дать смѣлый и рѣшительный отпоръ всякой бѣдѣ, откуда бы она намъ ни угрожала. Враги наши думали иногда иначе — но они ошибались.

Нѣтъ никакой надобности приводить въ свидѣтельство ска-

заннаго здѣсь, мѣста изъ самыхъ басней, отзывающіяся народностію. Тутъ дѣло не въ частностяхъ, не въ отрывкахъ, не въ языкѣ даже, а въ направленіи, въ тонѣ каждой поэмы, въ цѣлости взятой и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ первой до послѣднѣй. Тутъ Русь, тутъ Русью пахнетъ повсюду — въ главныхъ мотивахъ, на которые мѣтитъ авторъ, въ изобрѣтеніи содержанія, въ манерѣ повѣствованія, въ рѣчахъ лицъ повѣствуемыхъ. Что многія выраженія изъ басенъ могли сдѣлаться народными пословицами, это само собою разумѣется. Но всего удивительнѣе то, что всѣ эти лисицы, волки, медвѣди, быки, сурки, тигры, львы, гуси, даже голуби, прилетѣвшіе изъ чужой стороны, какъ будто родились и выросли на поляхъ и въ лѣсахъ нашихъ; они охотно сбѣжались, слетѣлись на зовъ волшебника-поэта, чтобы вмѣстѣ служить ему орудіемъ для изображенія важныхъ истинъ въ нашихъ нравахъ и общественности.

Я сейчасъ говорилъ объ ироніи — это господствующіи тонъ басенъ Крылова. Я позволяю себѣ остановиться еще на минуту на этомъ характеристическомъ качествѣ его ума. Нельзя не восхищаться ея прелестію, несмотря на то, что она колется порядочно. Въ самомъ дѣлѣ, сколько остроумія въ вымыслѣ, въ содержаніи, которыми выражается она, въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и положеніяхъ ихъ! Какая простодушная веселость въ изображеніи нравовъ, обычаевъ всѣхъ странностей звѣринаго и птичьяго міра! Какъ смѣшонъ напр. хоть бы этотъ слонъ, мечтающій, что онъ поступилъ очень справедливо, позволивъ волкамъ сдирать кожу съ овецъ, но не трогать ихъ волоскомъ, или сколько комизма во всей этой исторіи, какимъ образомъ медвѣдь попалъ, по звѣриному выбору, въ надсмотрщики надъ ульями съ медомъ и что изъ этого произошло. Извѣстно, что медвѣдь перетаскалъ весь медъ въ свою берлогу; его отдали подъ судъ, отрѣшили отъ должности и приговорили, какъ знатнаго звѣря, пролежать зиму въ берлогѣ.

Но меду все не воротили.
А мишенька и ухомъ не ведетъ.
Со свѣтомъ Мишка распрощался
Въ берлогу темную забрался
И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

Крестьяне, претерпѣвъ великое разореніе отъ ручьевъ и рѣчекъ, разыгравшихся во время полноводья, пошли жаловаться на нихъ рѣкѣ, въ которую эти ручья и рѣчки впадали. Рѣка была почтенная, текла величаво и тихо. Но, пришедши къ ней, просители увидѣли, что все ихъ добро, захваченное ихъ разорителями, по ней же плыветъ.

Тутъ попусту не зоводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили,
Потомъ взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой,
А, уходя проговорили:
На что и время тратить намъ;
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по-поламъ.

Мужикъ поручилъ ослу на лѣто охранять его огородъ отъ воронъ и воробьевъ. Оселъ былъ честныхъ правилъ, но за дѣло взялся по-ослиному. Онъ

Гоняя птицъ со всѣхъ ослиныхъ ногъ
По всѣмъ грядамъ и вдоль и поперегъ
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все прималъ и притопталъ.

Волкъ искалъ мѣсто овечьяго старосты, и ему сильно покровительствовала лисица. Однако, какъ вообще волки не пользуются хорошей репутаціей, то велѣно было навести о немъ справки, и для этого собранъ былъ звѣриный сходъ. Голоса присутствовавшихъ оказались въ пользу кандидата, и онъ получилъ просимое имъ мѣсто въ овчарнѣ.

Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужь вѣрно были?
Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Иногда баснописецъ оставляетъ звѣрей и содержаніе для своего иносказательнаго разсказа прямо беретъ изъ міра человѣческаго. Такъ онъ разсказываетъ анекдотъ про одного изъ своихъ пріятелей, который въ присутствіи его брился и терпѣлъ отъ того

несказанныя мученія. На замѣчаніе автора, что онъ оттого такъ страдаетъ, что у него бритвы тупы, чудакъ отвѣчалъ:

Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
. . . .
Да острыми-то я порѣзаться боюсь!
— А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,

(Отвѣтилъ ему авторъ)

Что бритвою тупой изрѣжишься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.

Священникъ въ церквѣ произнесъ удивительную проповѣдь, которая всѣхъ присутствовавшихъ восхитила и разстрогала до глубины сердца; всѣ почти плакали. Оказался, однако и такой, который обнаружилъ полнѣйшее равнодушіе. Одинъ изъ слушателей обратился къ нему съ упрекомъ, говоря:

А у тебя сосѣдъ знать черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ? Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать!
Вѣдь я не здѣшняго прихода.

Вы чувствуете, что, изъ-за всѣхъ этихъ искусныхъ прикрытій иносказанія, авторъ бросаетъ стрѣлы свои не куда попало, а туда, гдѣ нужнѣе и общеполѣзнѣе ихъ уязвляющая сила. Извѣстно, что большая часть басенъ написана Крыловымъ по какому-нибудь поводу или случаю, происшедшему въ современномъ ему обществѣ. Далеко не всѣ эти случаи намъ извѣстны; конечно, любопытно было бы знать ихъ въ біографическомъ интересѣ и въ интересѣ исторіи нравовъ вообще. Но это рѣшительно не прибавило бы никакой цѣны самымъ произведеніямъ. Въ нихъ нѣчто болѣе, нежели намёки на что-либо, или кого-либо, и не бѣда, если они и будутъ забыты. Но не забудутся глубокій всенародный или всечеловѣческій смыслъ и идеи, высказанныя въ твореніяхъ геніальнаго писателя.

Таковъ умъ Крылова въ его басняхъ, но вѣдь это только умъ — гдѣ же поэзія, гдѣ художественность? могутъ спросить у меня. Конечно, надобно, чтобы басни эти были изящны и ху-

дожественны — ибо мм. гг., никакой умъ, ни самая даже народность не могли бы безъ этого возбудить въ сердцахъ такую всеобщую любовь къ нимъ. Любовь только тамъ, гдѣ красота. Таковъ ужь человѣкъ. Бываютъ исключенія, но они рѣдки. Въ Крыловѣ выразился тотъ непреложный законъ человѣческой природы, по которому высшій умъ, несмотря даже на положительность своего направленія, чѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ ближе къ поэзіи, и это, безъ сомнѣнія, потому, что и поэзія есть дѣло умное. Конечно, не всякъ, одаренный высшимъ умомъ, способенъ спеціально сдѣлаться поэтомъ — для того нужны еще сила творчества, геній. Ими-то природа богато одарила Крылова въ дополненіе къ уму. Смотря на цѣли, какія онъ имѣлъ въ виду въ своихъ басняхъ, можно было бы опасаться, что мы увидимъ въ немъ сухаго холоднаго моралиста — этого, какъ извѣстно не случилось. Такимъ моралистомъ онъ не могъ быть уже потому, что вообще, по свойственной ему ироніи, не очень довѣрялъ возможности водворять мораль между людьми поученіями, а болѣе полагался въ томъ на силу вещей и силу впечатлѣнія, которая не только дѣлаетъ истину извѣстною, но и покоряетъ ей сердца. Въ немъ была какая-то двойственность — и то, что дѣлало его поучительнымъ, и то, что оставляя въ сторонѣ поучительность, дѣлало его просто привлекательнымъ и милымъ. Моралистъ въ басняхъ спрятался за прекрасными созданными имъ поэтическими образами, мало, кажется, думая о томъ, что отъ нихъ произойдетъ. Здѣсь онъ поэтъ и, повидимому, только поэтъ, въ особенной формѣ. Онъ любитъ природу — и природа раскрыла передъ нимъ міръ своихъ роскошныхъ созданій съ разнообразными оттѣнками ихъ типическихъ свойствъ. Онъ занятъ только этими созданіями. Онъ любуется ими, простосердечно играетъ съ ними, наблюдая въ то же время ихъ нравы и привычки, не какъ натуралистъ, а какъ членъ ихъ обширнаго семейства. Живыя силы природы имѣютъ неизъяснимую прелесть для поэта; они составляютъ для него неизсякаемый источникъ воодушевленія и поэтическихъ созерцаній. Смотря на Крылова съ этой точки зрѣнія, о немъ можно сказать словами одного изъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,

Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье.

Погруженный весь въ свой особенный міръ, онъ, повидимому, не заботится о людяхъ и обращается къ нимъ только тогда, когда нужно у нихъ позаимствовать что-нибудь изъ ихъ свойствъ и быта, чтобъ надѣлить ими любимыя имъ существа. Въ этомъ странномъ мірѣ господствуетъ своя судьба, совершаются свои эпическія дѣйствія, разыгрываются свои драмы, серьозныя и комическія, съ ихъ характерами и героями. И все это поэтъ передаетъ намъ съ такою прагматическою достовѣрностію, какъ бы тутъ не было ничего не сбыточнаго и чрезвычайнаго. Читатель не успѣваетъ опомниться отъ обаянія этихъ волшебныхъ видѣній; онъ подозрѣваетъ, конечно, тутъ хитрый умыселъ вызвавшаго ихъ чародѣя, который не можетъ же по совѣсти считать и самъ всю эту чудесную фантасмагорію мыслящихъ и говорящихъ птицъ, звѣрей, деревьевъ, за нѣчто серьозное и дѣйствительное; вы чувствуете, что онъ мѣтитъ на что-то иное и приведетъ васъ непремѣнно къ результату съ другимъ смысломъ и значеніемъ. Однако-же и безъ этого, какъ хороши сами по себѣ эти миніатюрныя полныя жизни и выразительности изображенія! Какъ отъ нихъ вѣетъ свѣжестію той первобытной силы, какая оживотворяетъ все сотворенное! И какъ въ то же время искусно всѣ эти звѣри, звѣрки, птицы, даже цвѣты и деревья разыгрываютъ роль человѣка! Точно какъ-будто бы имъ ничего другаго и не приходилось дѣлать, какъ разыгрывать эту роль. Правда, они не всегда отличаются добрыми нравами и большею частію упражняются въ плутовствѣ и обманахъ; но это уже они дѣлаютъ сами отъ себя, не сносясь съ человѣческими обычаями. Такова ихъ собственная натура. Вѣдь авторъ это и хочетъ выразить, не вдаваясь пока ни въ какія выводы. Смотрите, съ какимъ невинно-лицемѣрнымъ видомъ эта благоприличная, граціозная плутовка лисица оправдывается передъ крестьяниномъ, когда тотъ упрекаетъ ее въ страсти красть куръ и представляетъ ей всѣ невыгоды ея хищнической жизни.

Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже мнѣ и пища не вкусна.

Когда-бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? нужда, дѣти;
При томъ же иногда, голубчикъ-кумъ
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ?
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ.

Или та же лисица, съ пушкомъ на рылцѣ, отвѣчаетъ сурку, на его вопросъ, куда она бѣжитъ такъ безъ оглядки:

Охъ мой голубчикъ-куманекъ!
Терплю напраслину и выгнана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей.
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой
Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала:
И я-жъ за то подъ гнѣвъ подпала.
А все по клеветамъ. Ну самъ подумай ты:
Кто-жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы.
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся?

Волкъ, преслѣдуемый всѣмъ міромъ за его хищничество, задумалъ удалиться въ страну, гдѣ, по его мнѣнію, ему не будетъ такъ худо — въ Аркадію и, прощаясь съ кукушкою, жалуется на оказываемыя ему несправедливости.

Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Всѣ тѣ-жъ у васъ и люди и, собаки!
Одинъ другаго злѣй, и ты хоть ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.

Потомъ въ идиллическомъ восторгѣ онъ описываетъ благодатный край — будущее свое убѣжище:

Сосѣдка! точно сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ что война;
Какъ агнцы кротки человѣки,
И молокомъ текутъ лишь рѣки.
Ну словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ
Не только не кусаютъ.

Кукушка ему дѣлаетъ ироническій вопросъ:

А свой ты нравъ и зубы,
Здѣсь кинешь, или возмешь съ собой?

И на отрицательный отвѣтъ его замѣчаетъ:

Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.

Не могу удержаться, чтобъ не привести еще прелестной поэтической картины изъ басни, гдѣ разсказывается, какъ кроткій, тихій ручеекъ, сдѣлавшійся отъ дождя большимъ потокомъ, не вынесъ своего величія, загордился и забушевалъ. Пастухъ потерялъ ягненка, который утонулъ въ рукѣ. Свидѣтель этого печальнаго событія, ручей, вотъ какъ упрекаетъ виновницу его горя:

Рѣка несытая! что̀ еслибъ дно твое
Такъ было, какъ мое
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила.
Я чай бы со стыда ты землю сквозь прорыла
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижины, и каждаго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста какъ серебро.

Но вотъ:

Туча ливнемъ надъ ближнею горой
Разсѣлась;
Богатствомъ водъ ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но ахъ! Куда въ ручьѣ смиренность дѣлась?
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною волной,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валятся дубы,
Лишь трески слышны въ далекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Но говоря о богатствѣ, разнообразіи и живости образовъ въ поэмахъ нашего неподражаемаго баснописца, о его творческой силѣ, я еще ничего не сказалъ о томъ, въ какой степени является въ этихъ поэмахъ организующій, распорядительный, вполнѣ художественный геній. Строгая соразмѣрность, въ частяхъ каждой поэмы — вотъ что прежде всего представится вамъ, когда вы вникните въ составъ ея. Характеры, дѣйствія, описанія все здѣсь опредѣляется значеніемъ основной идеи, и каждый изъ этихъ элементовъ участвуетъ въ общемъ развитіи цѣлаго, не болѣе какъ сколько нужно. Здѣсь нѣтъ ничего случайнаго, такъ же какъ и ничего съ усиліемъ придуманнаго. Крыловъ въ высшей степени одаренъ былъ тѣмъ, что можно назвать силою художественнаго самообладанія — качествомъ чрезвычайно рѣдкимъ, но и весьма важнымъ, особенно въ писателѣ; при легкости орудія, которое ему дано, слова, качество это служитъ ручательствомъ, что онъ ничего не скажетъ, о чемъ впослѣдствіи будетъ сожалѣть самъ, или его читатели. Крыловъ могъ дать отчетъ передъ обществомъ передъ разумомъ и критикой въ каждомъ образѣ имъ созданномъ, въ каждой мысли, въ каждомъ словѣ. Это родъ доблести эстетической, такъ, какъ самообладаніе нравственное, составляетъ доблесть воли. Какъ послѣдняя принадлежитъ характерамъ великимъ, такъ первая писателямъ, образцы коихъ особенно завѣщала намъ классическая древность. Обращаясь къ другимъ отличіямъ въ общемъ характерѣ поэмъ Крылова, я уже не говорю объ объективности его изображеній: она составляетъ необходимую принадлежность всякаго истинно художественнаго творчества. Гдѣ нѣтъ ее, тамъ могутъ быть идеи, покушенія реализировать ихъ, можетъ быть какъ бы призывъ къ дѣлу, но самое дѣло оказывается несостоявшимся. Объективность и есть настоящее созданіе; что не объективно, то для насъ исчезаетъ безразлично въ безконечномъ круговоротѣ представленій. Чувство отражается въ предметѣ, его возбудившемъ, и потому самая лирика имѣетъ свою объективность, безъ чего она превращается въ одни неопредѣленные, хотя гармоническіе звуки: здѣсь она лучше сдѣлаетъ, если уступитъ права свои музыкѣ. Та же гармонія и та же мудрая сдержанность, которую мы сейчасъ видѣли у Крылова въ развитіи цѣлаго, простираются и на каждую частность въ

его поэмахъ въ особенности. И здѣсь у него нѣтъ изображенія, которое бы не было довершено вполнѣ, такъ, какъ это нужно для цѣли и идеи автора, которое бы нуждалось въ поясненіи или изъ котораго бы можно было сдѣлать малѣйшее исключеніе, не уничтожая всей прелести сказаннаго. Все необходимое тутъ прекрасно, и все прекрасное необходимо. Замѣтить, чтобы онъ чего-нибудь не договорилъ или сказалъ что-нибудь лишнее, не впопадъ, что-нибудь ослабилъ, или усилилъ вопреки своей задачѣ и потребности, есть чистая невозможность. Его можно было бы развѣ упрекнуть въ одномъ — въ тѣхъ прибавленіяхъ, которыми онъ, по обычаю баснописцевъ, выражаетъ такъ-называемую мораль басни. Мораль эта, если можно дать ей это имя, такъ ясно просвѣчиваетъ въ каждомъ изъ его иносказаній, что всякое изъясненіе оказывается излишнимъ. Притомъ и самый смыслъ каждой изъ басенъ гораздо глубже, захватываетъ область мыслей и сердца гораздо обширнѣе того, что можно выразить въ краткой сентенціи. Но мы скажемъ его же словами:

Ужъ коли терпѣть, такъ лучше отъ богатства.

Всѣ эти добавленія дотого остроумны, исполнены такихъ глубокихъ истинъ и такъ прекрасно изложены, что, отдѣливъ ихъ, изъ нихъ однихъ можно составить анталогію, которая бы послужила украшеніемъ любой литературы.

Удивительная способность собирать себя, сосредоточиваться въ одной мысли или намѣреніи, при необыкновенной раздѣльности и ясности понятій, давала автору возможность группировать и выражать всѣ частности въ самыхъ сжатыхъ и немногихъ чертахъ, а тонкое знаніе языка во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и формаціяхъ, отъ высшей до самой низшей, надѣляло его способами придавать этимъ чертамъ такую точность и пластическую видимость, какъ будто они были вырѣзаны на мѣди. Часто одного краткаго оборота рѣчи было для него достаточно, чтобъ нарисовать картину, одного слова, или, такъ-сказать, удара его кисти, чтобъ картинѣ этой придать извѣстный оттѣнокъ, колоритъ. А какъ онъ думалъ и выражался по думамъ и сердцу своего народа, то неудивительно, что многіе изъ оборотовъ его рѣчи превращались скоро въ народныя пословицы и поговорки. Кому неизвѣстны, кто иногда не прилагалъ къ лицамъ и событіямъ такихъ

выраженій, какъ напримѣръ: *У него пушекъ на рыльцѣ; или ларчикъ просто открывался; да чтобъ гусей не раздразнить; а жаль, что незнакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ; въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ; услужливый дуракъ опаснѣе врага; слона-то я и не примѣтилъ; Васька слушаетъ да ѣстъ; еще тарелочку; а только кинь имъ кость, такъ-что твои собаки.*

При такой строгой экономіи въ употребленіи мыслей и языка, при такой бдительной управѣ надъ ними и контролированіи самаго себя, какими отличался Крыловъ, надобно было бояться нѣкотораго охлажденія въ самыхъ процессахъ его живописанія, нѣкоторой искусственности въ манерѣ и принужденности; но вы знаете, что ничего подобнаго и тѣни нѣтъ въ басняхъ Крылова. Напротивъ, его постоянно сопровождаютъ обычныя его спокойное одушевленіе, веселость и простота. Во всемъ ходѣ и развитіи каждой изъ его поэмъ вы не видите также ни малѣйшихъ признаковъ какого-нибудь техническаго затрудненія, никакой пріостановки, спайки между частями и т. п. Изложеніе течетъ, движется дотого свободно и легко, переходы отъ одного момента, или оттѣнка къ другому, такъ естественны, что вамъ кажется, будто авторъ всю эту систему событій, лицъ, положеній произвелъ однимъ пріемомъ, однимъ непрерывавшимся актомъ своей творческой мысли.

Послѣ всего, что я имѣлъ честь изложить предъ вами, что же можно вообще сказать о Крыловѣ? Когда Сервантесъ написалъ свой знаменитый романъ, вѣроятно онъ не думалъ, какую мудрую книгу подарилъ онъ людямъ. И многіе восхищались и восхищаются ею, видѣли и видятъ въ ней то остроумную сатиру на нравы, то увлекательный и веселый вымыселъ. Но истинное значеніе Сервантесова творенія не опредѣляется этимъ: это вѣчная дума философа о трагической долѣ всего великаго на землѣ и вмѣстѣ нелицепріятный судъ разума надъ самимъ собою, когда онъ простираетъ свои притязанія и цѣли слишкомъ далеко за предѣлы существующаго и дѣйствительнаго порядка вещей. Такъ, разсуждая о нашемъ Крыловѣ, мы далеко не все скажемъ о немъ, когда назовемъ его баснописцемъ и поэтомъ въ самомъ высшемъ и лучшемъ значеніи этихъ словъ. И самая иронія его столь тонкая и многозначущая, изобличающая такую проница-

тельность и независимость ума, не довершитъ настоящаго о немъ понятія. Правда, въ духѣ ея, онъ говорилъ со своимъ народомъ такъ, какъ говорилъ бы народъ самъ съ собою. Это высокое достоинство. Но важно то, что заключалось въ его словахъ. Онъ горилъ ему о недостаткахъ, порокахъ человѣческихъ, а болѣе всего о тѣхъ, которые поражаютъ самыя основы человѣческаго быта — о грубыхъ нарушеніяхъ правды и законности, о злоупотребленіяхъ силы и власти, даруемыхъ установленіями общества. Этимъ-то онъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ подобныхъ нравственныхъ золъ и направлялъ умъ ихъ къ пониманіямъ истинныхъ условій общественнаго добра. Его даютъ читать и учить на изустъ дѣтямъ; дѣйствительно и для дѣтей онъ всегда будетъ самымъ привлекательнымъ собесѣдникомъ, наставникомъ въ нѣкоторыхъ нравственныхъ истинахъ, въ чистотѣ и красотахъ самороднаго русскаго слова. Но сущность и духъ его уроковъ принадлежитъ не имъ, а ихъ отцамъ и взрослымъ братьямъ. Чаще всего должны ихъ выслушивать высшіе дѣятели общества, вожди его, когда въ тишинѣ они захотятъ бесѣдовать со своею совѣстію. Такъ изъ глубины ироніи, повитой цвѣтами поэзіи, возникаетъ предъ нами, самъ того не подозрѣвая, великій учитель, мудрецъ народа и его неподражаемо-изящныя басни становятся для насъ лучшею книгой общественной нравственности.

Я прошу у васъ, мм. гг., позволенія заключить мою рѣчь стихами маститаго нашего поэта, одного, сохранившагося доселѣ, благодаря Богу, изъ семьи лучшихъ и благороднѣйшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, къ которой принадлежалъ и Крыловъ — стихами князя П. А. Вяземскаго, которыми онъ привѣтствовалъ знаменитмго баснописца въ день празднованія пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности.

Забавой онъ людей исправилъ
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ
И слава эта — наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

ЧТЕНІЕ О ЯЗЫКѢ КРЫЛОВА.

АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Крыловъ былъ почитаемъ современниками, какъ одинъ изъ лучшихъ писателей; не менѣе чтится онъ дѣтьми и внуками ихъ. И это не то холодное почтеніе, которое остается за уваженными писателями и тогда, когда ихъ произведеній не читаетъ уже никто, кромѣ развѣ тѣхъ любознательныхъ людей, которымъ онѣ нужны, какъ памятники времени: уваженіе къ Крылову есть любовь къ нему, какъ къ человѣку, дѣйствующему на душу своею доброю душею, вызывающему простосердечное настроеніе своимъ собственнымъ простосердечіемъ, вызывающему насъ на лучшее, оставляющему въ насъ нравственное спокойствіе. За шестьдесятъ лѣтъ передъ этимъ стали читать и учить его басни; поколѣнія смѣнялись одни другими: для каждаго новаго Крыловъ становился тѣмъ же другомъ, и въ каждомъ прежнемъ, старѣвшемъ, съ лѣтами крѣпла любовь къ нему, какъ къ другу. Уваженіе къ Крылову никогда не уменьшало уваженія къ другимъ писателямъ; но и само не только не уменьшалось отъ этого, а возрастало. Произведенія другихъ писателей нерѣдко перечитывали и выучивали по наказу; къ баснямъ Крылова никогда никого не надобно было приневоливать: онъ былъ и остается каждому нуженъ.

Такое значеніе Крылова зависитъ, кромѣ многаго другаго, и отъ языка его. Его басни останутся прекрасными и въ хорошемъ переводѣ на другой языкъ, но ни въ какомъ переводѣ не

будутъ такими какъ въ Русскомъ подлинникѣ — въ томъ видѣ, въ какомъ далъ онъ ихъ намъ.

Въ каждомъ языкѣ таятся неизсякаемыя силы выразительности, надобно только умѣть ими пользоваться. Только незначительною долей ихъ пользуются всѣ, кто какъ можетъ, такъ что иной не управится и съ нею; другими менѣе или болѣе незначительными долями располагаютъ разныя части народа, каждая своею, смотря по степени и роду образованности, по занятіямъ и умственному настроенію, по даровитости и наклонностямъ; только самые даровитые и внимательные овладѣваютъ долями болѣе значительными. Многое остается для немногихъ только понятнымъ, не входя въ запасы выразительности, ими для себя усвоенными; многое остается для многихъ даже и внѣ этого круга. Конечно, безъ пособія памяти и въ родномъ языкѣ не достигнуть желаемой силы выразительности, но не достигнуть ее усиліями одной памяти: нужно духовно сжиться съ языкомъ, сдѣлать его неотдѣлимою частію своего духа такъ, чтобы и думы и чувства жили въ насъ нераздѣльно съ созвучіями языка, ихъ вѣрно выражающими, и съ образами ихъ логической и поэтической постановки въ языкѣ. Въ человѣкѣ развивается чутье языка, въ силу котораго съ правильнымъ употребленіемъ общеизвѣстныхъ словъ и оборотовъ, въ ихъ различныхъ видоизмѣненіяхъ, онъ овладѣваетъ умѣньемъ пользоваться словами и выраженіями не общеизвѣстными, какъ будто новыми, нерѣдко точно новыми, но также понятными, какъ понятны разныя видоизмѣненія словъ смотря по ихъ положенію въ выраженіяхъ, пользоваться не спрашиваясь, были ли они кѣмъ когда нибудь сказаны, лишь бы вѣрно выражали то, что должны выразить, домогаясь только одного — вѣрной выразительности. Безъ этого чутья языка, какъ бы много словъ и выраженій ни внесли мы въ память, или въ памятныя книжки, все это богатство будетъ не наше, не наша плоть и кровь, а бѣлила и румяна. Такъ щеголяютъ иногда знаніемъ чужихъ языковъ, такъ щеголяютъ иногда и знаніемъ своего роднаго языка, пестря его чѣмъ придется. Нравиться можетъ иногда и эта пестрота, сходясь съ временными прихотями вкуса общества; но скоро наскучаетъ, становится противною, какъ все неестественное. Только неискуственная выразительность,

какъ сила свободная, самобытная, исходящая отъ души, проникаетъ въ душу, дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сама сильнѣе. Конечно, не всегда такая сила выражаться равно сильна въ человѣкѣ: она нуждается въ волѣ и въ размышленіи, какъ и каждое отчетливое развитіе мысли или образа; но и воля и размышленіе тѣмъ легче дается, чѣмъ крѣпче внутренняя сила, чѣмъ крѣпче живое чутье языка. Какъ своей собственною, свободною и самобытною силою Крыловъ владѣлъ роднымъ языкомъ; тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ имъ на другихъ, чѣмъ болѣе вдумывался, чѣмъ болѣе готовъ былъ выразить свою думу и чувство искренно. Отсюда сочувствіе къ нему, ничѣмъ не умаляемое, сочувствіе всѣхъ возрастовъ, нерѣдко сильнѣющее по мѣрѣ развитія въ человѣкѣ чутья языка, имъ самимъ въ немъ сѣемаго.

Можно такъ сказать химически отдѣлить, чѣмъ именно дѣйствовалъ и дѣйствуетъ Крыловъ на своихъ читателей, давая свободу выразительности языка. Можно отдѣлить въ его языкѣ *слова*, какъ вѣрныя изображенія его понятій и образовъ: и прекрасенъ и разнообразенъ и богатъ его подборъ словъ, такъ богатъ, что изъ однихъ басенъ Крылова можно выбрать довольно большой словарь Русскаго языка, не полный болѣе всего въ предметномъ отношеніи, такъ какъ Крылову не случилось говорить о многихъ предметахъ. Можно отдѣлить въ его языкѣ множество *оборотовъ*, особенныхъ способовъ сочетанія словъ и при этомъ разныхъ видоизмѣненій словъ: въ этомъ отношеніи языкъ Крылова если не богаче, то и не бѣднѣе чѣмъ словами. Можно отдѣлить въ немъ огромное число *выраженій*, тѣхъ связей словъ, которыя для ума нераздѣлимы такъ же, какъ и слоги одного слова: многія изъ нихъ — старое достояніе народа, вытравленное изъ нѣкоторыхъ его слоевъ чужеязычіемъ и чужеобычіемъ; многія выникли изъ души Крылова, и дороги своею выразительностью не меньше тѣхъ. Можно отдѣлить въ языкѣ Крылова множество *пословицъ* и *поговорокъ*, и взятыхъ имъ у народа и данныхъ имъ народу, ничѣмъ одна отъ другихъ не отличныхъ, если не знать, что та или другая изъ нихъ была въ ходу и до Крылова, а та или другая пошла въ ходъ только послѣ Крылова. За всѣмъ этимъ легко отдѣляемымъ остается то, что не выдѣляется ни какимъ химическимъ разложеніемъ: связность ча-

5*

стей въ одно цѣлое, жизненная сила живого, безъ чего не былъ бы Крыловъ Крыловымъ, безъ чего не замѣнятъ его басенъ ни какіе сборники словъ, оборотовъ и выраженій, поговорокъ и пословицъ, вошедшихъ въ его басни, какія обольстительныя формы ни придать имъ. Тѣмъ то и великъ Крыловъ въ выразительности языка, что для него богатства Русской рѣчи не были чужимъ добромъ, такъ или иначе подобраннымъ, а достояніемъ его души.

Сравнивая Крылова съ другими писателями его времени, надобно признать, что и онъ иногда подчинялся всѣми принятымъ образцамъ не только въ выборѣ предметовъ, въ расположеніи и въ изложеніи произведеній, но и въ языкѣ и слогѣ, въ пониманіи приличій относительно выбора словъ и выраженій и относительно такъ называемой поэтической вольности, но это невольничанье, заразившее многихъ изъ нашихъ даровитыхъ писателей, было для него не жизненнымъ недугомъ, а временною болѣзнію. Въ большей части басенъ его вмѣстѣ съ силою соблюдена и чистота языка до мелочей: нѣтъ ни Славянскаго выговора словъ, ни неправильныхъ удареній для стиха или для рифмы, ни одночленныхъ прилагательныхъ вмѣсто двучленныхъ, ни неестественнаго расположенія словъ. Менѣе всѣхъ своихъ современниковъ онъ пользовался обычаемъ нарушать чистоту языка, когда оставался самъ собою, когда давалъ себѣ право говорить отъ души какъ чувствовалъ.

Чутье языка остается для большинства безотчетнымъ. Не отдавая никому отчета въ мелочахъ, оно по видимому и не отличаетъ того, что придаетъ выраженіямъ силу, отъ того, что ее ослабляетъ; но при всей своей безотчетности оно не столько снисходительно, какъ можетъ казаться. Не отвергая ничего по мелочамъ, оно караетъ писателей холодностью тѣмъ болѣе, чѣмъ само живѣе и чѣмъ болѣе бываетъ оскорбляемо нарушеніями чистоты и недостаткомъ живой силы языка. Оно покарало холодностью многихъ писателей, достойныхъ лучшей участи, писателей, для которыхъ Русскій языкъ былъ болѣе механическимъ орудіемъ, чѣмъ живою силою, не отдѣлимою отъ мысли и чувства. Не то было съ Крыловымъ. По дарованіямъ, онъ былъ не сильнѣе нѣкоторыхъ изъ писателей забытыхъ, и не только не забытъ, но

остается такимъ же живымъ возбудителемъ мысли и чувства, какимъ былъ въ свое время; границы его власти, кажется, даже раздвинулись, и не сдвинутся надолго. Такъ пѣсни пѣвца народнаго, вѣрно сбереженныя памятью народа, остаются неизмѣнно свѣжими цвѣтами поэзіи, какъ бы ни были онѣ стары по времени ихъ сложенія. Рядомъ съ этими живыми цвѣтами поэзіи ставятся нерѣдко поддѣльные цвѣты подражаній, и нравятся, нравятся даже болѣе, гораздо болѣе — на время, пока не устарѣли прихоти, силою которыхъ была за ними признаваема поэтичность,— и потомъ дѣлаются они и смѣшны и жалки своею поддѣльностью.

Нельзя отвергать, что Крыловъ заботился о выразительности языка, искалъ въ умѣ выраженій, совпадающихъ вполнѣ съ его мыслію, и потому перемѣнялъ ихъ, поправлялъ себя; но нельзя также отвергать и того, что онъ и въ первыхъ своихъ басняхъ выказалъ ту же свободную силу языка, какъ и въ другихъ, написанныхъ позже и гораздо позже, что не былъ онъ подъ тяготѣніемъ силъ новаго литературнаго языка, а самъ былъ одною изъ этихъ силъ, силою могучею, хотя и не замѣчаемою. И задолго до того, какъ сталъ онъ писать басни и только басни, владѣлъ онъ выразительностью и плавностью языка всегда, когда хотѣлъ и могъ оставаться самимъ собою, не надѣвая на себя маски условныхъ приличій, и не давая воли пользоваться тѣми отступленіями отъ чистоты языка, которыя были допускаемы навыкомъ и примѣромъ образцовыхъ писателей. Въ этомъ отношеніи его литературные труды могутъ наводить внимательнаго наблюдателя на замѣчанія, достойныя соображеній.

Крыловъ оставался дѣятелемъ въ литературѣ Русской въ продолженіи слишкомъ пятидесяти лѣтъ: писалъ въ годы славы Державина и Хераскова, продолжалъ при Карамзинѣ, при Жуковскомъ, при ученикѣ своемъ Грибоѣдовѣ, кончилъ вмѣстѣ со своими учениками, Пушкинымъ и Марлинскимъ, при Сенковскомъ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и ихъ современникахъ. Кто не знаетъ, чтò пережила въ продолженіи этихъ многихъ лѣтъ Русская литература, а съ нею и Русскій литературный языкъ; кто не скажетъ, говоря по совѣсти, что произведенія многихъ, многихъ писателей, когда то и даже очень недавно знаменитыхъ, любимыхъ, трудно и непріятно читать — болѣе всего

потому, что ихъ языкъ не нашь языкъ? Между прочимъ и многіе изъ стиховъ Крылова, имъ напечатанныхъ въ молодые годы, могутъ понравиться развѣ въ вольномъ переводѣ на какой нибудь иностранный языкъ или въ вольномъ пересказѣ на нашемъ нынѣшнемъ.

Повсюду вкругъ меня сгущенный вьется мракъ
И кажетъ всюду мнѣ княжны кровавый зракъ.
Я слышу стонъ ея, зрю трепетъ, скорбь, смятенье.
Не мучь меня, не мучь, ужасно привидѣнье!
Уже довольно я за злость мою терплю:
Стеню, страдаю, рвусь, и ахъ! еще люблю!
Люблю, когда мой духъ всю злобу ощущаетъ.
Люблю: въ страданіяхъ то сердце мнѣ вѣщаетъ.....

Се путь изрытый пропастями,
Усѣянъ множествомъ цвѣтовъ,
Куда влекомые страстями,
Подъ мнимой прелестью оковъ,
Идутъ несчастны человѣки
Вкусить отравъ пріятныхъ рѣки,
И, чувства въ оныхъ погубя,
Въ ужасны пропасти ввергаться,
И жаломъ совѣсти терзаться
Низринувъ въ гибели себя.

Въ девяностые годы прошлаго столѣтія такимъ языкомъ выражался не одинъ Крыловъ: у лучшихъ поэтовъ того времени языкъ не лучше.

Для примѣра беру безъ особеннаго выбора часть произведенія Державина:

Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно расширяя свой,
Черноземены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахрамой
Позадь чешуйкой груди кажетъ,
Какъ нѣкій круглый дивный щитъ.

Лазурно-сизо-бирюзовы
На каждаго концѣ пера
Тѣнисты круги, волны новы

Струиста злата и сребра:
Наклонитъ — изумруды блещутъ!
Повернетъ — яхонты горятъ.....

Но что за чудное явленье!
Я слышу нѣкій страшный визгъ.
Сей фениксъ опустилъ вдругъ перья,
Увидя гнусность ногъ своихъ.
О пышность, какъ ты ослѣпляешь!
И баринъ безъ ума — павлинъ.

За покровомъ такого языка нашихъ поэтовъ прошлаго времени иные критики не были въ состояніи увидѣть ихъ поэтической силы и унижали ихъ какъ недостойныхъ славы, возвышая поэтическую силу въ другихъ за стихи, въ которыхъ нѣтъ ничего кромѣ хорошаго языка.

Въ тѣ же девяностые годы тотъ же Крыловъ могъ выражаться и другимъ языкомъ:

Любовь дурачеству съ родни.
Дѣля весь свѣтъ между собою,
Онѣ, мой другъ, въ двоемъ одни
Владѣть согласно стали мною...
Нерѣдко, милымъ быть желая,
Я передъ зеркаломъ верчусь,
И женскій вкусъ къ ужимкамъ зная,
Ужимкамъ ловкимъ ихъ учусь:
Лицомъ различны строю маски,
Кривляю носикъ, губки, глазки,
И, испугавшись самъ себя
Ворчу, что вялая природа
Недоработала меня,
И такъ-пустила — какъ урода...
Забывшись, рокъ я поношу,
И головы другой прошу,
Незная, чѣмъ и той я стою,
Которую теперь ношу...
Суетъ бывало ненавидя,
Въ тулупѣ лѣтомъ дома сидя,
Чиновъ я пышныхъ не искалъ
И счастья въ томъ не полагалъ
Чтобъ въ низкомъ важничать народѣ;
Въ прихожихъ ползать не ходилъ.

Мнѣ чинъ одинъ лишь лестенъ былъ,
Который я ношу въ природѣ,
Чинъ человѣка: въ немъ лишь быть
Я ставилъ должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считалъ одно неложной славой.
Теперь, мой другъ...
Отставка начала мнѣ скучить,
Хочу опять надѣть мундиръ
«Какъ счастливъ тотъ, кто бригадиръ,
Кто можетъ вдругъ шестерку мучить»!
Кричу не рѣдко съ горяча,
И шлемъ и латы надѣваю,
Въ сраженьяхъ мыслію летаю,
Какъ рюмки, башни разбиваю,
И армію рублю съ плеча.
Потомъ, въ торжественной минутѣ,
Я возвращаюся къ Анютѣ,
Покрытый лавровымъ вѣнкомъ,
Изрубленъ, кривъ, безъ рукъ и хромъ...
Бывало мнѣ и нужды нѣтъ,
Гдѣ миръ и гдѣ война сурова;
Не слышу я и самъ ни слова,
Иди, какъ хочешь, здѣшній свѣтъ.
Теперь, мой другъ, во все вплетаюсь,
И нужнымъ быть вездѣ хочу:
То къ западу съ войной лечу,
То важной мыслью занимаюсь
Европу миромъ подарить...
И все лишь только для того
Чтобъ лучь величья моего
Привлекъ ко мнѣ Анюту...
Бывалъ и мой покой мнѣ сладокъ,
Честь выше злата я считалъ,
Съ богатствомъ совѣсть не равнялъ
И къ деньгамъ былъ ни чуть не падокъ.
Теперь хотѣлъ бы Крезомъ быть;
Теперь мнѣ нужны,
Индѣйски берега жемчужны;
Не рѣдко мысленно беру
Я въ сундуки свои Перу;
Хочу, что бы судьбой изъ дружбы
За мной лишь было скрѣплено
Сибири золотое дно;

Чтобы
Анюту въ золотѣ водить,
Анюту съ золота кормить
Ее на золотѣ поить,
И деньги сыпать ей въ забаву.

Вотъ этотъ языкъ нельзя намъ не назвать нашимъ: онъ нашъ, и по словамъ, и по ихъ выговору, образованію и измѣненіямъ, и по оборотамъ, и по связи и расположенію словъ и выраженій, и вообще по духу, по тому, что легко чувствовать, и что не поддается ни какому разложенію.

Было высказываемо мнѣніе, что въ то время такой языкъ считался годнымъ только для слога простого, не возвышеннаго, другими словами: для тѣхъ случаевъ, когда писатель говорилъ или о предметахъ простыхъ, житейскихъ, или же въ обыкновенномъ настроеніи духа, не волнуясь, не восторгаясь. Мнѣ кажется, это мнѣніе несовершенно вѣрно. Тотъ же чистый Русскій языкъ звучитъ у Крылова и не какъ голосъ холоднаго разсудка, а взволнованнаго поэтическаго чувства, и не во взглядахъ на предметы простой жизни, а въ думахъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ ума. Вотъ примѣръ изъ подражанія псалму 23:

Несись на вихряхъ, мщеній царь!
Возсядь въ громахъ на тучахъ черныхъ —
Судить строптивыхъ и упорныхъ...
И въ гордыхъ молніей ударь.
Доколь вздымать имъ грудь надменну(*ю*)
И подпирать пороковъ тронъ,
Правдивыхъ гнать изъ свѣта вонъ?
Доколь твой презирать законъ
И осквернять собой вселенну(*ю*)?
Заграбя миръ себѣ въ удѣлъ,
Твердятъ они на грудахъ тѣлъ:
Господь не видитъ нашихъ дѣлъ
И не познаетъ ихъ во вѣки.
Безумецъ! гдѣ твой умъ и слухъ?
Уже ли слѣпъ создавшій око
И сотворившій ухо глухъ?
Безъ свѣта ли творецъ свѣтилъ?
Безсиленъ ли создатель силъ?
Безуменъ ли кто умъ въ насъ влилъ?
И мертвъ ли давшій душу живу?

Кто, кто съ мечемъ? Со мною рядомъ
Кто мнѣ поборникъ на убійцъ?
Ктȯ на гонителей вдовицъ?
Никто — всѣхъ взоры пали ницъ —
Никто, но Богъ, самъ Богъ со мной.

Не показываютъ ли эти стихи, что Крыловъ могъ на чистомъ Русскомъ языкѣ возвышать свой голосъ вмѣстѣ съ думою, какъ бы ни вздумалъ высоко, — лишь бы захотѣлъ? — Конечно и у него, какъ и у другихъ нашихъ поэтовъ прошлаго и нынѣшняго вѣка, съ такими стихами, гдѣ ничто не колетъ слуха Русскаго человѣка, сходились и переплетались стихи, въ которыхъ нанизаны слова и выраженія не-Русскія, или же и Русскія, но испорченныя не-Русскимъ выговоромъ, или правилами не-Русской грамматики; конечно — допускалъ ихъ Крыловъ, допускали и другіе потому что можно было допускать; но коренилось это право смѣшивать языкъ Русскій съ не-Русскимъ не въ признаніи необходимости говорить не по Русски о томъ, чего нельзя было съ достоинствомъ выразить по Русски, а въ слабости требованій чутья языка и въ силѣ навыка оставлять безъ вниманія эти требованія, какъ его нестоющія. Чутье языка таже совѣсть: она никогда ни въ комъ не гаснетъ такъ, что бы не осталось хоть искры; и въ самомъ безнадежномъ сердцѣ вспыхиваетъ хоть рѣдко такимъ же свѣтлымъ пламенемъ, какъ и въ самомъ чистомъ; но и въ чистомъ сердцѣ какъ легко она можетъ покрываться пепломъ, когда нѣтъ къ нему прилива чистаго воздуха, когда кругомъ его широко и высоко лежитъ незыблемо зола привычекъ дѣлать не такъ, какъ велитъ совѣсть, а какъ случится или какъ желаютъ другіе. На совѣсти Русскихъ людей въ отношеніи къ языку въ литературѣ лежалъ такой густой слой золы и кругомъ его такая невозмутимая тишь безстрастія, что только случайно, безсознательно вспыхивали въ немъ живыя искры, и нерѣдко теплая зола выдавала себя за пламя. Ни у Крылова, ни у какого другого писателя не было ни какихъ ограничительныхъ условій для выраженія мыслей и чувствъ тѣмъ или другимъ языкомъ, но не было ни основательнаго научнаго знанія своего роднаго языка, ни твердой воли постоянно удерживать себя отъ того, что завѣдомо портило его чистоту и правильность. Вмѣстѣ съ тѣмъ у каждаго изъ пи-

сателей было такъ много самоувѣренности, а въ читателяхъ, которые могли сказать слово правды о языкѣ по внутреннему чутью, такъ много податливости и застѣнчивости, что пользоваться языкомъ какъ случится не трогало ничьей совѣсти. Все это было тѣмъ возможнѣе въ то время, когда господствовала всюду увѣренность, что языкъ для писателя тоже что для живописца краски, что для ваятеля глина или мраморъ, что не важенъ самъ по себѣ языкъ, а важно искуство владѣть имъ какъ орудіемъ, искуство, вырабатываемое въ писателѣ не столько вдумываньемъ въ свой языкъ, сколько общею образованностью, знаніемъ и усвоеніемъ пріемовъ другихъ писателей, своихъ и иноземныхъ, и т. п. Удавалось ли кому выразиться чисто по Русски или не удавалось, это было все равно. Образовались, правда, кое-какіе условія приличія выговора словъ не по Русски, какъ болѣе важнаго или болѣе выражающаго образованность, кое-какія приличія употребленія словъ не Русскихъ вмѣсто Русскихъ, неестественнаго расположенія словъ для приданія слогу величавости или стиху правильности размѣра, и т. п.; но этихъ условій было бы слишкомъ недостаточно для того, что бы чистымъ Русскимъ языкомъ нельзя было выражаться обо всемъ безъ исключенія, если бы только писатели не давали себѣ воли выражаться безсознательно, если бы и въ нихъ какъ во всемъ высшемъ обществѣ не спало подъ пепломъ живое чутье языка.

Такъ, мнѣ кажется, было въ то время, когда началъ и продолжалъ писать Крыловъ, межь тѣмъ какъ Державинъ царилъ въ нашей литературѣ, почти затмѣвая всѣхъ другихъ писателей или по крайней мѣрѣ всѣхъ ихъ увлекая за собою. И Державинъ, сколько ни давалъ онъ себѣ свободы выражаться, какъ пришлось, хоть бы и противъ основныхъ законовъ языка, нерѣдко выражался чисто по Русски о чемъ бы ни заговорилъ. И Муравьеву, Богдановичу, Майкову, Петрову, даже Хераскову, Кострову, Княжнину удавалось тоже. Съ другой стороны и Карамзину, Дмитріеву, Нелединскому и другимъ, еще болѣе позднимъ, часто не удавалось выражаться такъ хорошо по Русски, какъ удавалось Державину и другимъ писателямъ прежняго времени. Удавалось уже вполнѣ тѣмъ комикамъ и сатирикамъ, которые писали не отъ своего лица, а выводили раз-

ныя лица простого быта и смѣшили или забавляли ихъ рѣчью своихъ читателей или слушателей; но удачи этихъ писателей, кажется, надобно брать въ разсчетъ не при разборѣ состоянія литературнаго языка, а при оцѣнкѣ ихъ литературныхъ понятій: они могли умѣть и точно умѣли вѣрно изображать лица разныхъ слоевъ народа особенностями ихъ рѣчи, и въ тоже время могли не умѣть и точно не умѣли говорить хорошо отъ себя. И имъ какъ всѣмъ другимъ удавалось это случайно. Всѣ удачи и неудачи зависѣли отъ однихъ и тѣхъ же причинъ, — и это бы продолжалось безвыходно, если бы не проникла въ нашу литературу новая струя.

Чувство народности стало все болѣе оживляться въ людяхъ образованнаго общества въ то время, когда это же общество заражалось все болѣе безграничнымъ пристрастіемъ къ чужому, западно-Европейскому. Чувство народности сливалось съ любовію къ отечеству, съ силою, которая связывала въ союзъ взаимнаго уваженія людей Русскихъ родомъ или домомъ и долгомъ совѣсти, но не нравомъ и обычаемъ, съ людьми Русскими, которые не умѣли или не хотѣли быть иными чѣмъ отъ роду были. Съ чувствомъ народности росли всегда и вездѣ сочувствіе къ народной пѣснѣ, сказкѣ и пословицѣ, сочувствіе къ выразительности простой народной рѣчи и живое чутье роднаго языка. Литература не могла остаться въ сторонѣ отъ этого движенія общества. Не легко было однако дать ему въ ней общее значеніе: закоренѣлыя привычки писателей прежнихъ поколѣній, легко переходившія и къ новымъ, молодымъ поколѣніямъ, искавшимъ себѣ образцевъ въ произведеніяхъ прошлаго времени, необходимость читать и перечитывать произведенія литературъ иноземныхъ, необходимость, которую оправдывали не одни привычки, но и чувство правды, влеченіе къ прекрасному, сравнительная бѣдность нашей литературы, необходимость переводами и передѣлками ихъ дополнять наше литературное достояніе, дополнять сколько можно болѣе вѣрно и дословно, удобство выражаться не вдумываясь въ слова и выраженія, удобство прàва калѣчить языкъ на основаніи условій такъ называемой поэтической вольности, права придуманнаго въ вѣка всяческаго бесправья, — все вмѣстѣ удерживало нашу литературу на старой дорогѣ. Робко, чуть замѣтною тро-

пинкой могли пробираться подлѣ этой большой дороги попытки говорить отъ сердца чисто Русскою рѣчью, не смѣша читателей, а вызывая въ нихъ тѣже думы и чувства, какія, какъ всѣмъ казалось, полновластно были вызываемы искусственнымъ языкомъ большой дороги. Эти попытки, какъ ни были онѣ скромны, были замѣчаемы все болѣе и дѣйствовали на писателей по крайней мѣрѣ столько же, сколько и живой языкъ тѣхъ образованныхъ людей, которые говорили по Русски не по книгамъ. Въ искуственномъ литературномъ языкѣ допущен, а въ пользу народности одна перемѣна, одна уступка, безъ сомнѣнія, очень важная, но все же только уступка: допущено, а потомъ признано и необходимымъ подлаживать подъ строй народной логики расположеніе словъ, — но съ тѣмъ вмѣстѣ данъ входъ оборотамъ иноземнымъ, Французскимъ. Выгнано было кромѣ того изъ языка нѣсколько словъ Славянскихъ, но за то принято много словъ, занятыхъ въ подлинникѣ или въ переводѣ изъ того же Французскаго языка. Не этого можно было желать тѣмъ, для которыхъ дорогà была сила прямо Русской рѣчи. Трудно было овладѣть этой силой въ такомъ положеніи дѣлъ: нужны были — твердая рѣшимость и стойкость, дарованія, счастливое умѣнье, знанія. Пытались многіе, иные довольно счастливо, но не долго; не соскучившихъ борьбою съ трудностями не остался почти никто.

Крыловъ остался. Съ 1806 года, началъ онъ печатать свои басни. Съ пересказами басенъ Лафонтена почти съ разу сталъ онъ давать и свои собственныя, — и какія: Ларчикъ, Музыканты, Оракулъ, Обезьяны и т. д. Въ 1811 году было у него уже болѣе сорока басенъ и въ томъ числѣ на половину его собственныхъ. Въ 1816 году — 115, и въ томъ числѣ собственныхъ болѣе 90. Изъ всѣхъ басенъ, написанныхъ Крыловымъ, а ихъ безъ одной 200, занятыхъ отъ другихъ баснописцевъ менѣе 40. И въ занятыхъ впрочемъ онъ столько же самобытенъ, какъ въ собственныхъ, самобытенъ въ разсказѣ, въ подробностяхъ, въ выразительности рѣчи. Это отмѣчено уже было Жуковскимъ при разборѣ перваго изданія 1809 года, хотя Жуковскій тогда еще и не понималъ значенія народной выразительности разсказа и языка. Нельзя сказать, что языкъ басенъ Крылова совершенно

безъ ошибокъ противъ чистоты и правильности; но эти ошибки изчезаютъ въ несчетномъ множествѣ разнообразныхъ красотъ чистаго Русскаго языка, и въ силѣ задушевности, которою онъ проникнутъ не менѣе чѣмъ языкъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ. Приводить ли доказательства? Но кто же не знаетъ на изустъ басенъ Крылова? Однѣ изъ нихъ, правда, менѣе извѣстны, чѣмъ другія; но кто можетъ поручиться, что какая нибудь менѣе всѣхъ другихъ извѣстная не памятна большинству? Позволяю себѣ привести всѣмъ памятную, примѣняемую не только къ простой житейской правдѣ и совѣсти, но и къ правдѣ и совѣсти въ языкѣ.

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый гребешокъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку.
Играетъ, иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
Свои все кудри золотыя,
Волнистыя, барашкомъ завитыя
И мягкія какъ тонкій ленъ,
Любуясь гребешкомъ, расчесываетъ онъ.
И что за гребешокъ! Не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ,
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись однакоже, что гребень затерялся.
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокочилъ волосы копной,
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой.
«Гдѣ гребень мой?»
И гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни въ задъ онъ, ни въ передъ,
Лишь волосы до слезъ деретъ.
«Какой ты злой гребнишка!»
Кричитъ мальчишка.
А гребень говоритъ: «Мой другъ, все тотъ же я,
Да голова всклокочена твоя».
Однакожь мальчикъ мой отъ злости и досады —
Закинулъ гребень свой въ рѣку.....
Теперь имъ чешутся Наяды.

Крылову болѣе чѣмъ какому другому писателю обязана Русская литература тѣмъ, что въ языкѣ ея признана необходи-

мость народности, признана не на какихъ нибудь условіяхъ сочетанія Русскаго съ не-Русскимъ, а безусловно, — на столько же, на сколько должна быть признаваема въ словесности народной.

Признана, сказалъ я, — но развѣ можно сказать это по совѣсти? Развѣ нашъ литературный языкъ можно назвать чисто Русскимъ? Развѣ мы пиша по Русски не такъ же какъ прежде мѣшаемъ Русское со Славянскимъ и съ иноземнымъ безъ надобности, по безотчетной привычкѣ, или же по прихоти и даже по требованію вкуса? Развѣ не во множествѣ внесли мы и вносимъ все болѣе и болѣе словъ и оборотовъ чужихъ, только по привычкѣ и условно понимаемыхъ, къ которымъ надобно привыкать, какъ къ чужому платью, ко вставнымъ зубамъ, вносимъ не только не задумываясь о томъ, нужны ли они, или можно обойтись и безъ нихъ, а даже съ умысломъ, считая ихъ нужными, необходимыми, даже Русскими? Развѣ мы стараемся овладѣть своимъ языкомъ, усвоить себѣ его выразительность, подчинить себя ему, а не его себѣ, своимъ навыкамъ и похваламъ тѣхъ, которыхъ одобреніе въ глаза дороже намъ всѣхъ заглазныхъ порицаній? Да, это правда; но правда и то, что мы все смѣлѣе идемъ по пути необходимости говорить чисто по Русски, не подводя подъ Русскіе звуки условій чужой выразительности, а питая въ себѣ Русское чувство и ища для него выраженій внутри себя. Трудно это, иногда еще даже и невозможно для языка науки, но и языкъ науки все болѣе проникается выразительностью рѣчи народной; тѣмъ легче домогаться этого въ остальныхъ отрасляхъ литературы. Вниманіе къ памятникамъ народной словесности, къ быту и обычаямъ народа, къ древностямъ и старинѣ, уваженіе и любовь ко всему народному, изученіе родного языка, какъ онъ живетъ въ народѣ и по тѣмъ памятникамъ письменности прошедшаго времени, въ которыхъ его народная своеобразность выразилась чище и сильнѣе — возбуждаются въ образованныхъ кругахъ и учеными обществами, и трудами историковъ, археологовъ, филологовъ, этнографовъ, и живымъ словомъ преподавателей, и не менѣе живымъ, хотя и не устнымъ словомъ текучей литературы. На произведеніяхъ нашихъ даровитыхъ писателей, если не всѣхъ, то хоть нѣкоторыхъ, отпечатлѣлась ихъ забота усвоить себѣ богатства родного языка, пользоваться ими по требованію

живого чутья, избѣгать и высокопарностей высокаго изложенія и неправильностей того просторѣчія людей образованныхъ, которое щеголяетъ чужестранными словами и выраженіями въ подлиннинкѣ и въ переводѣ, и мертвенной правильности склада рѣчи, строимой по мѣркамъ такъ называемаго логическаго разбора, давать себѣ отчетъ если не во всякомъ словѣ и выраженіи, то по крайней мѣрѣ во всякомъ важномъ. Сдѣлано многое, Богъ дастъ сдѣлано будетъ и все, что нужно и можно. Нужно ли и можно ли совершенно очистить Русскій языкъ не только отъ всѣхъ словъ иноземныхъ, но и отъ тѣхъ Славянскихъ, которыя утвердились въ нашей письменности вѣками, изъ нея стали издавна переходить въ жизнь и стали въ ней необходимы такъ же, какъ коренныя Русскія слова? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы возможенъ, если бы подъ нимъ не таился другой: не нужно ли и нельзя ли очичистить Русскій языкъ отъ тѣхъ Славянскихъ формъ словъ, къ которымъ писатели и образованное общество привыкли такъ, что Русскія формы тѣхъ же словъ кажутся или дикими или чужими, и отъ тѣхъ Славянскихъ и чужестранныхъ словъ и выраженій, которымъ есть равносильныя Русскія? Теперь возможно пока разрѣшеніе только этого вопроса. Его сдѣлали возможнымъ Крыловъ и его послѣдователи, доказавъ образцами, что можно избѣгать словъ и выраженій не-Русскихъ, что можно и замѣнять ихъ Русскими. Образцы есть; есть и указанія науки. Богъ дастъ будутъ и силы для окончательнаго рѣшенія вопроса на дѣлѣ.

О БАСНЯХЪ КРЫЛОВА
ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

АКАДЕМИКА А. Ѳ. БЫЧКОВА.

Писатели, одаренные необыкновеннымъ талантомъ, пользуются, между прочимъ, и тѣмъ заслуженнымъ преимуществомъ, что произведенія ихъ, хотя бы и были писаны на языкѣ мало распространенномъ и мало извѣстномъ, постепенно становятся достояніемъ всего образованнаго міра, предметомъ живаго его вниманія и тщательнаго изученія.

И. А. Крыловъ, столѣтнюю годовщину котораго со дня его рожденія Академія Наукъ сегодня празднуетъ, принадлежитъ къ небольшому избранному кружку русскихъ писателей, художественныя творенія которыхъ литературы Западной Европы уже давно старались себѣ усвоить.

Почти съ появленіемъ первыхъ своихъ басенъ, завоевавшіи вниманіе своихъ соотечественниковъ и безусловныя ихъ похвалы, Крыловъ естественно долженъ былъ заинтересовать и иностранцевъ, преимущественно французовъ, до слуха которыхъ доносилось усвоенное нашему баснописцу, по образцу XVIII столѣтія, прозваніе русскаго Лафонтена.

Но изъ произведеній всѣхъ русскихъ писателей художественная передача на иностранные языки твореній нашего знаменитаго баснописца представляетъ трудности почти непреодолимыя.

Чѣмъ талантъ самобытнѣе, тѣмъ болѣе бываетъ работы переводчику; но чѣмъ болѣе въ сочиненіи отражается особенностей

народной жизни, чѣмъ послѣднія точнѣе воспроизводятся и получаютъ болѣе оригинальную внѣшнюю оболочку, тѣмъ еще труднѣе становится задача при переводѣ. Здѣсь уже требуется не только глубокое знаніе языка писателя, но и близкое знакомство съ нравами и обычаями страны, которые онъ живописуетъ въ своихъ произведеніяхъ.

А возможна ли точная передача произведеній Крылова, въ большей части которыхъ народная философія, выражающаяся въ пословицахъ и поговоркахъ, идетъ объ руку съ народнымъ юморомъ; обороты живой рѣчи, подслушанные у народа и не подходящіе подъ грамматическую мѣрку, бьютъ изъ каждой строки; недосказанныя фразы, какъ бы невзначай оброненныя слова рисуютъ въ воображеніи русскаго читателя цѣлую картину, ему знакомую до самыхъ мелкихъ подробностей, во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ?

Не смотря на всѣ эти затрудненія, басни Крылова усвоены Западною Европою и она, такъ ревностно оберегающая свой литературный палладіумъ, дала почетное мѣсто нашему баснописцу въ ряду своихъ, съумѣла, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, оцѣнить его достоинства.

Я позволяю себѣ занять вниманіе ваше мм. гг. сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній какъ о переводахъ на иностранные языки басенъ И. А. Крылова, который, не ограничиваясь созданіемъ новой одежды на предметы, уже разработанные баснописцами отъ Езопа до Лафонтена включительно, внесъ въ область аполога и предметы новые — плоды наблюденій надъ своеобразною русскою жизнью, такъ и о томъ какъ отнеслась западно-европейская критика къ произведеніямъ нашего баснописца.

Французы познакомились съ нимъ первые.

Басни Крылова въ переводѣ на французскій языкъ начали появляться въ парижскихъ журналахъ съ 1820-хъ годовъ. Едмъ Геро (Edme Héreau), одинъ изъ сотрудниковъ Revue encyclopédique, помѣстилъ ихъ нѣсколько въ весьма удачныхъ переводахъ въ разныхъ журналахъ и сборникахъ [1]). Въ 1821 году онъ

---

[1]) Вотъ названія журналовъ и сборниковъ, въ которыхъ помѣщены басни Крылова: Minerve littéraire ou l'Abeille, подъ редакціею г-жи Dufresnoy,

напечаталъ въ еженедѣльникѣ, носившемъ заглавіе l'Abeille [1]), переводъ «Гусей»; но эта басня, по ошибкѣ или его самого, или типографіи, была приписана Тассу. Подъ этимъ страннымъ, но многознаменательнымъ псевдонимомъ началось знакомство французовъ съ русскимъ баснописцемъ.

Въ 1822 году, вышли въ Петербургѣ избранныя басни Крылова, переведенныя французскими стихами Рифе [2]). Всѣхъ басенъ имъ переложено 69 изъ числа 140, въ то время написанныхъ и напечатанныхъ Крыловымъ. Достоинству этого труда много содѣйствовали Лобановъ, изготовившій для Рифе буквальный переводъ басенъ, и самъ баснописецъ, взявшій на себя просмотръ перевода и сообщившій на него нѣсколько своихъ замѣчаній [3]).

Намѣреніе Рифе познакомить Францію, а черезъ нее и всю Европу съ произведеніями нашего баснописца [4]) заслужило похвальное одобреніе со стороны отечественной критики [5]), а черезъ три

Almanach des Muses, Almanach des Dames, Causeuse, Semaine и др., въ Revue encyclopédique (t. X, p. 367).

[1]) L'Abeille du 4 Août 1821 (journal hebdom. de Paris), livr. 39, p. 578—579.

[2]) Choix des Fables de M. Kryloff, traduites en vers français par F. J. R. St.-Pétersbourg, 1822. 8⁰. VIII и 128 стр.

[3]) При трехъ басняхъ: «Комаръ и Пастухъ», «Волкъ и Пастухи» и «Левъ и Лисица» сказано, что оригиналами для нихъ служили Крылову басни Езопа, а при одной изъ нихъ, именно при баснѣ «Волкъ и Пастухи», Рифе замѣтилъ, что ея греческій источникъ былъ ему указанъ самимъ баснописцемъ: «L'auteur m'a dit avoir imité du grec cette petite fable».

[4]) Въ предисловіи къ своему переводу Рифе слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ художественное достоинство басенъ Крылова: «Ce poète dont la Russie s'honore, et dont toute autre nation serait fière, a composé beaucoup de fables qui réunissent à un haut degré la nouveauté, la force, la naïveté du style et la finesse de la pensée, la justesse du trait, l'exacte peinture des moeurs, et qui ne peuvent manquer de tenir un rang distingué dans l'histoire de l'apologue. Beaucoup d'entr'elles doivent être signalées comme des modèles de finesse et de bon goût. Son esprit observateur a été servi par l'étude de moeurs encore peu connues, et qui lui ont fourni des sujets neufs. Il cache avec habileté la profondeur de ses vues, sous la bonhomie de son style, et déguise la malice de son épigramme, sous la simplicité de son langage. Il emploie avec complaisance la locution populaire, pour faire mieux ressortir la morale philosophique; et, s'il est permis de faire ici une réflexion politique qni naît du sujet, ses compositions sont des preuves en faveur de la censure, qui, bien dirigée, n'arrête l'émission d'aucune vérité utile».

[5]) Conservateur impartial, № 37, Mai 1822, p. 207.

года и со стороны французской [1]). Единственный упрекъ, но едва ли вполнѣ справедливый, сдѣланный Рифе рецензентомъ [2]), состоялъ въ томъ, что онъ взялся за переводъ вещей непереводимыхъ. Но если бы переводчики послѣдовали этому совѣту, въ такомъ случаѣ лучшія басни Крылова остались бы неизвѣстными иностранцамъ и особенности его музы сдѣлались бы для нихъ недоступными. Едва ли слѣдуетъ жалѣть о томъ, что Рифе перевелъ «Тришкинъ Кафтанъ», «Демьянову уху» и другія басни, отличающіяся неподражаемою оригинальностію; но нельзя не пожалѣть что при его переложеніи исчезли изъ басенъ нѣкоторыя изрѣченія, сдѣлавшіяся пословицами, какъ напр.

Но только брось имъ кость, такъ что твои собаки!

—

А вы, друзья, какъ не садитесь,
Все въ музыканты не годитесь! [3])

Въ этомъ же 1822 году появился въ Парижѣ переводъ «Гусей» въ Miroir des spectacles, des lettres, des moeurs et des arts [4]), подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Les oisons de Russie, fable traduite de M. Knitof и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Mougig est le nom qu'on donne au paysan ou malheureux esclave russe».

Разрозненное появленіе во французской печати басенъ Крылова не могло доставить достаточныхъ матеріаловъ для произнесенія суда объ его произведеніяхъ. Въ 1823 году, когда еще переводъ Рифе не былъ извѣстенъ французской публикѣ, Дюпре де Сенъ-Моръ (Dupré de Saint-Maure), прожившій въ Россіи четыре года, напечаталъ Anthologie russe, въ которой, среди разныхъ произведеній русской музы, далъ мѣсто 10-ти баснямъ Крылова, изъ которыхъ семь (Крестьянинъ и Лисица; Оракулъ; Гуси; Лисица и Сурокъ; Слонъ и Моська; Орелъ и

---

1) Revue encyclopédique, t. XXVIII, 1825, p. 162 — 163.

2) Сынъ Отеч., 1822, № 25, стр. 227 — 228.

3) Въ баснѣ «Огородникъ и Философъ» переводчикъ заставилъ и огородника и философа, вмѣсто огурцовъ, сажать салатъ; но при этомъ онъ замѣтилъ, что «dans la fable russe, il s'agit de concombres, parce que ce légume est en Russie d'un usage aussi général que la salade en France».

4) Rédigé par Jouy, Arnault, Em. Dupaty, E. Gosse, Cauchois-Lemaire, livr. du 5 Août 1822, p. 3.

Паукъ; Кукушка и Горлинка) переданы самимъ составителемъ сборника, двѣ (Сочинитель и Разбойникъ; Собачья дружба) графомъ де-Местромъ и одна (Любопытный) генераломъ С.[1]).

Сборникъ этотъ былъ встрѣченъ строгимъ разборомъ въ Journal de Paris (2 Janvier 1824). Критикъ Бауръ-Лорміанъ (Baour Lormian), знакомый дотолѣ только съ нашими полками, былъ пораженъ огромнымъ числомъ русскихъ писателей. Боязнь новаго нашествія «на прекрасную Францію» русскихъ варваровъ отразилась въ тонѣ всего его приговора. Отрицая право гражданства нашей литературы въ средѣ литературъ европейскихъ, Бауръ-Лорміанъ главнымъ образомъ напалъ на Крылова за его басню «Сочинитель и Разбойникъ», въ которой видѣлъ прозрачный намекъ на Вольтера. Такое приравненіе къ разбойнику главы французскихъ энциклопедистовъ естественно должно было возбудить противъ Крылова гнѣвъ критика, и дѣйствительно онъ, руководимый лишь національнымъ чувствомъ француза, положительно и голословно отвергнулъ всѣ достоинства, приписанныя баснямъ Крылова составителемъ Антологіи[2]).

---

1) Anthologie russe, suivie de poésies originales, dédiée à S. M. l'Empereur de Toutes les Russies; par P. J. Emile Dupré de Saint-Maure, chevalier de l'ordre royal de la Légion-d' honneur, ex-membre du corps législatif, ancien sous-préfet, auteur des satires publiées, en 1818, sous le titre d'*Hier et Aujourd'hui*. Avec six dessins lithographiés. Paris, 1823. 4⁰. 4 ненум., XXIX и 268 стр. Большая часть переводовъ Дюпре де Сенъ-Мора просмотрѣна самими авторами. Крыловъ былъ доволенъ сдѣланными переводами его басенъ и, по словамъ составителя Антологіи, прослушавъ однажды нѣсколько изъ нихъ, сказалъ ему: «если иногда духъ вашего (т. е. французскаго) языка и заставлялъ васъ при переводѣ отклоняться отъ моихъ выраженій, то, говоря по истинѣ вы никогда не отдалялись отъ моихъ мыслей». Разборъ Антологіи и извлеченный изъ нея очеркъ русской литературы помѣщенъ въ Foreign quarterly Review (vol. I, № 2, p. 595 — 631).

2) Г. Дюпре де Сенъ-Моръ весьма вѣрно опредѣлилъ достоинства и всѣ особенности басенъ Крылова. Мы приводимъ здѣсь вполнѣ его отзывъ: «Mais c'est surtout par ses fables que cet ecrivain s'est acquis, en Russie, une grande célébrité. Leur principal mérite consiste dans l'originalité des pensées, le charme inexprimable du naturel; dans cette fléxibilité de style, qui se prête aux heureuses négligences de la fable, et unit l'élégance à la simplicité.

Couvert du manteau de l'apologue, et, pour ainsi dire, retranché dans une poésie familière et naïve, qui effleure sans déchirer, et avertit sans offenser, le poète russe attaque hardiment les moeurs et les ridicules du siècle; mais ses

Надобно удивляться одному, какъ критикъ не воспользовался смѣшнымъ промахомъ составителя Антологіи, извратившаго смыслъ басни «Лисица и Сурокъ» и не поставилъ этого промаха въ вину сочинителя. Всѣ слова Лисицы переводчикъ отнесъ къ Сурку, и на оборотъ все, что говоритъ Сурокъ приписалъ Лисицѣ. Такимъ образомъ совершенно исчезла соль басни, особенно когда судьей курятника явился Сурокъ, рыльцо котораго частенько видывали въ пуху.

Рѣзкая и желчная критика Баура-Лорміана, которая могла имѣть вліяніе на мнѣніе французовъ, защищающихъ всегда свои славы, побудила нашего соотечественника, Якова Николаевича Толстаго, принять на себя защиту Крылова. Въ изданной имъ брошюрѣ: Quelques pages sur l'Anthologie russe, не принятой ни однимъ французскимъ журналомъ, онъ обнаружилъ невѣжество Баура-Лорміана въ исторіи нашей литературы и доказалъ, хотя не слишкомъ убѣдительно, неосновательность мнѣнія французскаго критика относительно основной мысли басни «Сочинитель и Разбойникъ».

Ознакомленіемъ Франціи и Италіи не съ отдѣльными, избранными баснями Крылова, но съ весьма значительнымъ числомъ ихъ мы обязаны сенатору графу Григорью Владиміровичу Орлову и его супругѣ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ, рожденной графинѣ Салтыковой. Съ первыхъ лѣтъ пребыванія Орлова за границею, гдѣ онъ напечаталъ на французскомъ языкѣ два ученые труда, доставившіе ему нѣкоторую извѣстность, его занимала

---

flèches ne sont point acérées comme celles du satirique. Le fabuliste s'adresse aux masses dans ses innocentes allusions; l'individu qui se reconnait au miroir, n'étant point saisi corps à corps, pardonne à la fable qui le fait rire, et à l'auteur qui ne le visait point en décochant son trait. M. Kriloff transporte rarement ses personnages hors de la Russie; il reste sur son terrein, craignant de perdre, en le quittant, cette précieuse originalité, fille de l'imagination, et dont la nature est si avare. Enjoué, spirituel, il emprunte hardiment au peuple des expressions communes, mais piquantes, qu'il relève par le tour poétique, et toujours en évitant l'écueil de la trivialité. Rapide dans ses transitions, il s'élève avec son sujet, s'abaisse avec lui, le revêt de toutes les formes, le monte à tous les tons. Habile à faire vibrer les cordes de l'harmonie imitative, si puissante dans la langue russe, il module avec le rossignol, crie avec l'aigle, gronde avec les vagues, et conserve à la nature la vérité de ses accens, aussi bien que celle de ses caractères».

мысль подарить Европѣ переводы лучшихъ произведеній отечественной словесности. Послѣ многихъ колебаній выборъ его остановился на нашемъ баснописцѣ. Изъ собранія его басенъ было выбрано 86-ть, предметъ которыхъ не былъ заимствованъ, но принадлежалъ собственно поэту. Прозаическій переводъ ихъ на французскій языкъ, исполненный по просьбѣ Орлова Эйнерлингомъ, былъ предложенъ для переложенія въ стихи литераторамъ и ученымъ, посѣщавшимъ его домъ. 59 лицъ, въ томъ числѣ 10-ть писательницъ, изъявили согласіе участвовать въ этомъ литературномъ предпріятіи новаго рода и разобрали между собою басни. Въ числѣ этихъ лицъ находилось много представителей ученаго и литературнаго круга того времени, между прочимъ: Ле-Балли, баронъ Стассартъ, Риго и Ноде—сами оригинальные баснописцы, графъ де-Сегюръ, бывшій семь лѣтъ посломъ при нашемъ дворѣ, герцогъ де-Бассано, четыре года управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ, Каріонъ Низасъ, Руже-де-Лиль (Rouget-de-l'Isle), авторъ Марсельезы[1]), Казимиръ Делавинь, графъ Дарю, написавшій исторію Венеціи, Жуи, Софія и Дельфина Ге, и мн. др.

Изданіе Орлова, вышедшее въ свѣтъ въ 1825 году, было исполнено Фирменъ Дидотомъ[2]). Русскому тексту басенъ и пе-

---

[1]) Руже-де-Лилю принадлежитъ въ этомъ сборникѣ переводъ басни «Гуси», въ которой нельзя не обратить вниманія на слѣдующее мѣсто:

Voyez, homme de bien, voyez comme nous traite
Ce rustre, ce manant! Des oisons tels que nous!
Nous, descendus tout droit de ces saintes volailles
Qu'on vit du Capitole affranchir les murailles:
Karamsine et d'Hosier sont d'accord sur ce point.

[2]) Fables russes, tirées du Recueil de M. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de M. Lémontey, et d'une préface italienne de M. Salfi. Publiées par M. le comte Orloff. Ornées du portrait de M. Kriloff et de cinq gravures. 2 tomes. Paris, 1825. 8⁰. T. I. LXI и 249 стр.; т. II. 381 стр. Въ 1845 году Ейнерлингъ перепечаталъ изъ изданія графа Орлова, особою книжкою, французскіе переводы, подъ заглавіемъ: Fables russes tirées du Recueil de M. Krylof, et imitées en vers français par divers auteurs; précédées d'une introduction. Publiées par J. B. Einerling. Ornées de quatre gravures. St. Pétersbourg, 1845. 8⁰. VI и 210 стр. Въ предисловіи г. Ейнерлингъ, сообщивъ о своемъ знакомствѣ съ графомъ Орловымъ и объ участіи, которое онъ принималъ въ изданіи его сборника, дѣлаетъ выписку того мѣста изъ введенія Лемонте, въ которомъ перечисляются

реводамъ ихъ на французскій и италіянскій языки предпослано: посвятительное письмо графа Орлова Крылову[1]), введеніе,

французскіе писатели, принимавшіе участіе въ передачѣ Крылова на французскій языкъ.

[1]) Такъ какъ въ этомъ посвятительномъ письмѣ графъ Орловъ излагаетъ послѣдовательно ходъ предпринятаго имъ перевода басенъ, то по этому, а также и въ виду рѣдкости изданія, мы помѣщаемъ здѣсь это письмо цѣликомъ:

«Любезный другъ Иванъ Андреевичъ!

«Желаніе познакомить ученый свѣтъ и Европу съ нашею отечественною словесностію давно занимало меня. Имѣвъ творенія ваши со мною, часто въ Италіи читали мы прелестныя басни ваши ученымъ и литераторамъ сей классической земли, переводя оныя слово въ слово; и какъ не слабъ былъ мой переводъ, я восхищалъ сихъ питомцевъ музъ оригинальными мыслями, воображеніемъ и рѣдкимъ талантомъ вашимъ.

«Имянитѣйшіе поэты Италіи обратили въ стихи нѣкоторыя басни ваши, и такимъ образомъ сдѣлались они извѣстны, въ щастливыхъ подражаніяхъ, на безсмертномъ языкѣ Данта, Тасса и Аріоста.

«Первой удачной опытъ возбудилъ желаніе продолжать оный. Мы избрали въ собраніи вашемъ большую часть басень, собственно вамъ принадлежащихъ, не касаясь тѣхъ, въ коихъ вы сами подражали иностраннымъ авторамъ.

«Я перевелъ ихъ въ прозѣ и разослалъ по разнымъ отличнѣйшимъ поэтамъ Италіи, кои съ отмѣнною благосклонностію и снисхожденіемъ исполнили желаніе наше и доставили намъ труды свои. Такимъ образомъ совершились переводъ и подражанія Италіянскія.

«Но мы полагали, что сего не довольно для славы нашего Лафонтена. Языкъ Французскій въ нашемъ вѣкѣ сдѣлался, такъ сказать, языкомъ всеобщимъ, не только европейскимъ, но даже всего свѣта. И такъ мы сочли необходимымъ, чтобы басни ваши были переведены и на Французскій языкъ. Стихотворцы Французскіе не менѣе были благосклонны стихотворцевъ италіянскихъ. Восемьдесять шесть басень на обоихъ языкахъ переведены. Вы найдете въ числѣ подражателей имена первыхъ баснописцевъ, первыхъ поэтовъ, людей извѣстныхъ ученостію, любезностію и пріятностію дарованій, кои служатъ украшеніемъ первѣйшимъ сословіямъ словесности и учености. Всѣ согласились съ радостію соучавствовать въ нашемъ предпріятіи съ такимъ усердіемъ и съ такою готовностію, что я не имѣю словъ изъявить имъ моей искренней благодарности.

«Нѣсколько лѣтъ должны были мы употребить на окончаніе такого предпріятія. Наконецъ оное совершилось. Дѣло дошло до печатанія. Изданіе должно быть достойно нашего любезнаго автора и его подражателей. Кому ввѣрить типографическую часть, какъ не Фирмену Дидоту? Новыя литеры вылиты и русскія и иностранныя. Рисунки для украшенія каждой книги нарисованы изящнѣйшими художниками Парижа, и лучшіе граверы сей столицы вырѣзали и отпечатали оныя.

«Начало первой части знакомитъ Европу съ изображеніемъ и чертами нашего добраго и милаго баснописца. Издатель почитаетъ долгомъ принести ему сей знакъ уваженія и дружбы.

на французскомъ языкѣ, Лемонте[1]) и предисловіе, на италіянскомъ, Сальфи. Бросивъ бѣглый взглядъ на исторію нашей словесности и на исторію нашего языка, Лемонте переходитъ къ баснямъ Крылова, открывшимъ, по его словамъ, блестящій періодъ русской словесности. Басни Крылова, говоритъ Лемонте, до сихъ поръ самыя совершеннѣйшія произведенія изъ всего, чѣмъ обладаетъ Невскій Парнассъ. Ни одинъ народъ не имѣетъ баснописца, который стоялъ бы выше Крылова въ оригинальности и въ изобрѣтеніи. Почти всѣ сюжеты принадлежатъ ему. Разсказъ его отличается тонкостію, простосердечіемъ и правдоподобіемъ, усѣянъ подробностями живыми и остроумными. Съ необыкновеннымъ искусствомъ употребляетъ онъ мѣстныя краски и его кисть, истинно русская, какъ въ зеркалѣ, рисуетъ особливый обликъ народа. Изобрѣтеніе въ басняхъ Крылова вообще исполнено ума; онъ рѣдко играетъ своими уроками, его нравоученія просты и тверды и иногда похожи на эпиграмму или на

«Каждая басня русская напечатана прежде иностранныхъ. Пускай иноземцы, кои испытали всю твердость и силу русскаго меча, узнаютъ, что сей народъ, благочестивый и преданный отечеству и Царю, не лишенъ также и изящныхъ дарованій, что онъ имѣетъ своихъ поэтовъ, своихъ историковъ, своихъ ученыхъ, что и съ сей стороны онъ заслуживаетъ не менѣе уваженія и почтенія, какъ со стороны славы и побѣдъ, гремящихъ въ честь его во всей вселенной. Пускай, читая подражанія басней вашихъ, почувствуютъ они желаніе понимать оныя и въ національномъ языкѣ.

«Уже они знакомы сдѣлались съ нашимъ почтеннымъ историкомъ съ безсмертнымъ Карамзинымъ, который снискалъ себѣ славу необыкновенную и въ отечествѣ и въ Европѣ изданіемъ Отечественной Исторіи. Пускай узнаютъ они теперь, что есть въ Россіи и баснописцы, достойные вниманія и хвалы.

«Пускай примѣръ сей возбудитъ въ соотечественникахъ нашихъ желаніе оному послѣдовать и сообщить иноземцамъ наши сокровища въ словесности вѣрнымъ и чистымъ переводомъ.

«Кому же послѣ всего мною сказаннаго сдѣлать приношеніе сего творенія, естли не самому автору? И такъ примите оное, любезный другъ, какъ знакъ пріязни и уваженія къ талантамъ вашимъ, и желанія, чтобы оно нѣкоторымъ образомъ возбудило музу вашу къ новымъ трудамъ».

[1]) Это введеніе Лемонте переведено, съ подстрочными указаніями нѣкоторыхъ его ошибокъ, въ Сынѣ Отеч., 1825, ч. CII, стр. 67 — 87 и 173 — 189; разборъ его помѣщенъ въ Москов. Телегр., 1825, ч. V, № 17, стр. 40—46. Оно было почти все перепечатано въ Bibliothèque universelle de Genève, 1825, t. 29, стр. 374.

сатиру, составляющую оружіе добродѣтели. Его слогъ, котораго совершенства живо чувствуютъ русскіе, соединяетъ въ себѣ два рода красоты, недоступной переводчикамъ: съ одной стороны онъ обилуетъ словами звукоподражательными, съ другой — онъ искусно извлекаетъ изъ простонароднаго языка выраженія особенныя и неожиданныя, которыя сами собою возбуждаютъ множество понятій, чувствованій и воспоминаній, драгоцѣнныхъ соотечественникамъ поэта.

Такой относительно вѣрный взглядъ Лемонте на достоинства басенъ Крылова, по всему вѣроятію образовавшійся подъ вліяніемъ нашихъ соотечественниковъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ, долженъ былъ имѣть свою долю вліянія при обсужденіи въ французской литературѣ явившагося изданія Орлова, заключавшаго въ себѣ переложенія басенъ Крылова или точнѣе сказать подражанія имъ. Такъ критикъ Revue encyclopédique Е. Геро (E. Héreau)[1]), приводя in extenso мнѣніе Лемонте о достоинствѣ басенъ Крылова, отдаетъ полную похвалу нашему соотечественнику и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ставитъ Крылова выше Лафонтена, какъ напр. въ нравоученіяхъ; но въ тоже время находитъ, что у французскаго баснописца болѣе правдоподобія дѣйствія и что въ его басняхъ не встрѣчается ничего подобнаго тому напримѣръ, чтобы щука вмѣстѣ съ котомъ пошла на ловлю мышей. Болѣе же всего г. Геро нападаетъ, стоя впрочемъ на весьма шаткомъ основаніи, за переводъ басенъ: «Демьянова уха», «Свинья и Гребень», въ которыхъ по его мнѣнію слишкомъ ярко выступаютъ мѣстныя краски и картины и которыя никогда не получатъ права гражданства въ французской литературѣ, такъ какъ нѣжный французскій языкъ не можетъ быть въ этомъ случаѣ послушнымъ орудіемъ для переводчика.

Столь же одобрительно отозвался о басняхъ Крылова неизвѣстный критикъ Journal'a des Débats[2]). Басни Крылова — говоритъ критикъ — отличаются здравымъ смысломъ и умомъ; онѣ всѣ изобрѣтены самимъ авторомъ, а не представляютъ новыхъ видоизмѣненій Бидпая, Эзопа и Федра. Естественность,

---

[1]) Revue encyclopédique, t. 26, 1825, p. 717 — 736.

[2]) Journal des Débats du 16 Mai 1825. Переводъ этой статьи помѣщенъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1825, № 45, стр. 1616 — 1619.

изящная простота и остроуміе разсыпаны въ нихъ щедрою рукою; глубокія мысли, скрывающіяся въ нихъ подъ прелестію и простотою подробностей, вмѣстѣ съ художественностію созданія, составляютъ ихъ отличительное достоинство. За этою похвалою слѣдуетъ и упрекъ Крылову, справедливости котораго нельзя отрицать и который уже былъ высказанъ Лемонте. Извѣстно, что дѣйствующія лица въ Апологѣ должны говорить и разсуждать согласно съ своею природою и предполагаемымъ въ нихъ характеромъ; всѣ ихъ рѣчи, движенія и дѣйствія должны имѣть относительную вѣроятность, а между тѣмъ басни Крылова иногда грѣшатъ въ этомъ отношеніи и допускаютъ очевидныя несообразности. Въ подтвержденіе этого критикъ обращаетъ вниманіе на невозможность, чтобы «однажды Лебедь, Ракъ, да Щука везти съ поклажей возъ взялись» и говоритъ, что именно вслѣдствіе этой невозможности французскій переводчикъ замѣнилъ возъ телѣжкой, а италіянскій — лодкой.

Этими статьями и этимъ переводомъ установилось, такъ сказать, въ французской литературѣ мнѣніе о нашемъ баснописцѣ, съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнявшееся въ своихъ частностяхъ, вслѣдствіе возникновенія новыхъ взглядовъ на теорію и искусство словесности, вслѣдствіе появленія новыхъ идей и требованій. Что касается насъ, то мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что басни Крылова въ этихъ переложеніяхъ утратили многое, что составляетъ ихъ прелесть и красоту. Переселенная подъ чужое небо, поэтическая муза Крылова совершенно утратила оригинальную внѣшнюю одежду и только сохранила прелесть сюжета и новость нѣкоторыхъ его подробностей, обиліе которыхъ и поразило французскихъ критиковъ. Въ подкрѣпленіе справедливости этого сожалѣнія, я позволяю указать на нѣкоторые нравоучительные выводы, совершенно измѣнившіе свой смыслъ подъ перомъ французскихъ писателей. Такъ напр. заключительные три стиха въ баснѣ «Слонъ и Моська»:

Пускай же говорятъ собаки:
«Ай Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

переданы такъ:

Pour faire croire à sa valeur,
Loin du danger le lâche insulte, attaque même;
Le brave va toujours, n'écoutant que l'honneur.
A-t-il tort ou raison? c'est un autre problème.

Такъ нравоученіе басни «Тришкинъ Кафтанъ» въ переводѣ приняло политическій оттѣнокъ:

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ:
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ!

Étendue ou restreinte au gré du magistrat,
Suivant le besoin, le caprice,
Grace aux adroits ciseaux de nos hommes d'État,
Mainte charte ressemble à l'habit de Jocrisse.

Такъ 17 стиховъ басни «Музыканты» превратились въ 76 у французскаго подражателя, въ которыхъ и слѣда нѣтъ нравоученія этой басни.

Въ 1828 году Ипполитъ Маскле напечаталъ въ Москвѣ переводъ басенъ Крылова по полному ихъ изданію[1]), вышедшему въ 1823 году, за исключеніемъ басенъ, заимствованныхъ изъ Лафонтена, впрочемъ не всѣхъ[2]). Оставленныя изъ сихъ послѣднихъ должны были служить нагляднымъ удостовѣреніемъ своеобразной разработки русскимъ баснописцемъ предметовъ, которые уже находились подъ перомъ представителя французской басни. Задачею своего труда Маскле поставилъ передать басни Крылова какъ можно ближе къ подлиннику, и успѣлъ выполнить ее довольно удачно, доказавъ тѣмъ, что широкій произволъ, предоставляемый подражаніямъ, обращается всегда въ ущербъ писателя и выгоденъ только для подражателей.

Тѣмъ же Маскле, въ декабрѣ 1831 г., былъ напечатанъ въ Марсели переводъ восьмой книги басенъ Крылова, вышедшей

---

[1]) Fables de M. J. Krylof. Traduites du Russe, d'apres l'édition complète de 1825. Par Hippolyte Masclet. Moscou de l'imprimerie d'Auguste Semen, imprimeur de l'Académie Impér. Méd.-Chirurgicale. 1828. 8°. V и 270 стр. Разборъ перевода Маскле помѣщенъ въ Дамскомъ Журналѣ, 1828, ч. 21, № 6, стр. 313 — 323.

[2]) Всѣхъ басенъ переведено Маскле 141.

въ свѣтъ въ 1830 году [1]). Въ посвятительномъ письмѣ московскому Обществу любителей словесности, при которомъ Маскле препроводилъ этотъ новый переводъ, дополнившій его прежній, онъ между прочимъ заявилъ, что за границей, вслѣдствіе распространившейся славы Крылова, многими высказано желаніе имѣть полный и дословный переводъ его басенъ и что исполненный имъ, не смотря на всѣ его недостатки, принятъ во Франціи съ одобреніемъ, потому только, что близко подходитъ къ подлиннику.

И дѣйствительно французская критика отозвалась о переводѣ Маскле благосклонно не только потому, что его стихъ оказался изящнымъ, но и потому, что этотъ изящный стихъ посвященъ на передачу лучшаго литературнаго памятника Россіи, памятника, который она причислила къ классическимъ.

Черезъ девять лѣтъ послѣ появленія въ переводѣ Маскле семи книгъ басенъ Крылова, Journal des Débats нашелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ переводѣ [2]). Въ этомъ запоздаломъ отзывѣ неизвѣстный критикъ сообщилъ нѣсколько своихъ мыслей объ исторіи нашего языка и словесности, предметахъ совершенно ему чуждыхъ.

Послѣ похвалы переводу Маскле за его изящность, критикъ вступаетъ въ область исторіи русской литературы и увѣряетъ своихъ читателей, что на басни Крылова уже слѣдуетъ смотрѣть какъ на памятникъ прошедшаго, напоминающій по языку эпоху, предшествовавшую Пушкину, и что если онѣ еще не позабыты Россіею — то это лучшая похвала ихъ достоинствамъ.

Для положительнаго опредѣленія значенія басенъ Крылова, этихъ небольшихъ сочиненій, наивныхъ и легкихъ, переполненныхъ народными поговорками и выраженіями площадными и иносказательными, которыми такъ изобилуетъ русскій языкъ, но которыя впрочемъ ни мало не вредятъ литературному изяществу

---

[1]) Huitième livre des fables de M. J. Krylof, publié par l'auteur en 1830, et traduit par M. Hippolyte Masclet, ancien Conseiller de Cour au service de S. M. l'Empereur de Russie et Membre honoraire de la Société littéraire russe de Moscou, pour faire suite à la traduction des sept premiers livres mise au jour à Moscou en 1828. Marseille, Décembre 1831. 8°. 48 стр. Заключаетъ въ себѣ 21 басню.

[2]) Journal des Débats du 15 Juin 1837, p. 3 — 4.

произведеній, нужно, по мнѣнію автора, разъяснить начало русскаго языка. За симъ критикъ пускается въ филологическія соображенія, часть которыхъ нельзя не привести какъ образецъ безцеремоннаго обращенія во Франціи съ наукою по отношенію къ намъ. Въ эпоху призванія въ Россію варяго-русскихъ князей — говоритъ французскій критикъ—русскій языкъ былъ совершенно восточный; на немъ лежалъ явный отпечатокъ Азіи — его родины; въ немъ слышались слова персидскія, осетинскія, курдскія и всѣхъ родственныхъ съ ними кавказскихъ нарѣчій. Въ то время, когда составлялась славянская азбука Кирилломъ и Меѳодіемъ, Славяне уже не были болѣе варварами. Тонкости греческаго языка и полемическіе споры, проникнувшіе съ запада, уничтожили восточную неподвижность въ славянскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался доступенъ разнымъ вліяніямъ, слѣды которыхъ сохраняются и доселѣ. Имъ было усвоено множество татарскихъ словъ; Польша ввела въ эллинское наслѣдство, завѣщанное русскимъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, элементъ прекраснаго латинскаго языка, и вскорѣ въ Россіи образовалось три языка: древній славянскій, на которомъ она возносила свои молитвы къ Богу, въ великолѣпныхъ храмахъ византійской архитектуры; русскій, языкъ дѣловой и суда, употреблявшійся Персіанами, Татарами и всѣми иностранцами, и бѣлорусскій — смѣсь словъ славянскихъ, польскихъ и латинскихъ; на этомъ послѣднемъ писаны всѣ богословскія сочиненія, служившія пособіемъ въ ученыхъ спорахъ богослововъ обѣихъ церквей.

Послѣ всего этого, какъ не сказать вмѣстѣ съ нашимъ Дѣдушкою:

Избави, Богъ, и насъ отъ этакихъ судей.

Черезъ четверть столѣтія послѣ труда Маскле, явился въ Парижѣ новый переводъ избранныхъ басенъ Крылова и новая оцѣнка ихъ художественнаго достоинства[1])

---

[1]) Kryloff ou le la Fontaine russe. Sa vie et ses fables. Par Alfred Bougeault. Paris 1852. 12⁰. 107 стр. Строгій разборъ этого сочиненія помѣщенъ въ С. Петер. Вѣд. 1852, № 270, и въ Сынѣ Отеч., 1852, кн. 10, отд. VII, стр. 1—13, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Взглядъ французскихъ критиковъ на басни Крылова».

Альфредъ Бужо, преподаватель французскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, написалъ сочиненіе: Жизнь и басни Крылова, русскаго Лафонтена. Къ этому сочиненію онъ присоединилъ 20 переведенныхъ изъ него басенъ, наиболѣе оригинальныхъ, и слѣдовательно представлявшихъ наиболѣе трудностей для перевода. Изъ нихъ 17-ть переведены самимъ Бужо, одна Михаиломъ Жеребцовымъ и двѣ графомъ Ксавье-де-Местромъ — тѣ самыя, которыя помѣщены въ Anthologie russe.

Переводъ Бужо довольно вѣренъ и изященъ — два трудно совмѣстимыя качества при передачѣ поэтическихъ произведеній съ одного языка на другой. Что касается взгляда автора на нашего баснописца, то о немъ мы скажемъ нѣсколько словъ.

Сознавая невозможность полнаго сравненія Лафонтена съ Крыловымъ, потому что на произведеніяхъ каждаго изъ нихъ лежитъ особенная печать, отражается личный и народный характеръ, Бюжо по отношенію художественной разработки сюжета басни ставитъ французскаго баснописца выше нашего; но, не смотря на это, признаетъ за Крыловымъ по отношенію къ русской баснѣ тоже значеніе и тѣже заслуги, какія уже давно признаны за Лафонтеномъ французами и всѣми образованными народами. Умъ глубокій и наблюдательный, проповѣдникъ нравственности чистой и возвышенной, сроднившійся съ народомъ и усвоившій его духъ до самыхъ тончайшихъ изгибовъ, художникъ смѣлый и самобытный, Крыловъ займетъ почетную страницу въ исторіи развитія аполога, не смотря на подмѣченный г. Бужо недостатокъ въ его басняхъ — любовь къ подробностямъ и описаніямъ—и на то, что его басня имѣетъ болѣе характеръ сатиры. Французскіе журналы отозвались съ похвалою о книгѣ Бужо, а одинъ изъ нихъ [1]) даже поблагодарилъ автора за ознакомленіе Франціи съ новымъ дотолѣ неизвѣстнымъ писателемъ, который достоинъ занять почетное мѣсто между знаменитостями русскаго литературнаго міра, каковы: Карамзинъ, Пушкинъ и Гоголь. Тотъ же журналъ, справедливо замѣтивъ, что въ басняхъ Крылова гораздо болѣе проглядываетъ сатиры чѣмъ у Лафо

---

[1]) L'Athenaeum français № 12, du 18 Septembre 1852, p. 182.

тена и что онъ смѣло бичуетъ всѣ пороки и всѣ смѣшныя стороны своихъ соотечественниковъ, съ насмѣшкою, сквозь которую проглядываетъ оскорбленное національное чувство, указываетъ на неумѣстность двухъ стиховъ въ баснѣ «Ворона и Курица»:

Quand le Français, nouveau Vandale,
Menaça notre capitale,

замѣчая впрочемъ, что гораздо пріятнѣе встрѣчать у поэтовъ излишнее чувство народности, чѣмъ рабское поклоненіе иноземному.

Выходъ въ свѣтъ Полнаго Собранія сочиненій Крылова послужилъ поводомъ и далъ матеріалъ Сенъ-Жульену составить статью, которую онъ помѣстилъ въ Revue des Deux Mondes, подъ заглавіемъ: La littérature en Russie. Ivan Andréevitch Kriloff[1]). Указавъ на господство въ новѣйшей русской литературѣ сатирическаго направленія и охарактеризовавъ русскихъ баснописцевъ, предшествовавшихъ Крылову, Сень-Жульенъ говоритъ, что въ произведеніяхъ послѣдняго заключаются тѣ самыя достоинства и качества, отсутствіе которыхъ замѣтно у Дмитріева, именно поэтическое одушевленіе и самобытность, проглядывающая даже въ заимствованіяхъ. Въ басняхъ же, созданныхъ самимъ Крыловымъ, предметъ обставляется живою панорамою современности, связывается, такъ сказать, съ жизнію; въ подобныхъ произведеніяхъ отражаются всецѣло нравы, образъ мыслей, предразсудки, характеръ, обычаи, языкъ русскаго народа; а лица дѣйствующія, будь то крестьянинъ, дворянинъ, чиновникъ, художникъ или вельможа, двигаются по сценѣ какъ живые.

Ставя высоко нашего баснописца какъ художника, Сенъ-Жульенъ отдаетъ ему полную справедливость и за вѣрность мѣстныхъ красокъ, которыми написаны басни, и за чисто русскій складъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ и за возможность посредствомъ ихъ познакомиться со всѣми сословіями русскаго народа.

Не смотря на вѣрность этого отзыва о достоинствахъ и значеніи басенъ Крылова, статья Сенъ-Жульена тѣмъ не менѣе наполнена многими ошибочными и невѣрными выводами, и

---

[1]) Revue des Deux Mondes, t. XV, 1-e Septembre, Paris, 1852., pag. 866—890. Объ этой статьѣ см. въ Сынѣ Отеч., 1852, кн. 10, отд. VII, стр. 1 — 13.

между прочимъ о политическомъ характерѣ цѣлаго довольно обширнаго разряда басенъ.

Дѣйствительно политика находила себѣ иногда доступъ въ картинную галерею Крылова, какъ напримѣръ: въ баснѣ «Волкъ на псарнѣ», въ которой представленъ Наполеонъ въ Россіи, въ баснѣ «Обозъ», написанной въ оправданіе медлительныхъ дѣйствій Кутузова, въ баснѣ «Щука и Котъ», поводомъ къ сочиненію которой послужила медлительность адмирала Чичагова, вслѣдствіе которой Наполеонъ могъ переправиться черезъ Березину, и въ др.; но басенъ, имѣвшихъ политическую цѣль, не слишкомъ много, всѣ онѣ написаны съ большою осторожностью, и даже одна изъ нихъ «Пестрыя Овцы» увидѣла свѣтъ послѣ смерти Крылова.

Въ 1867 году вышелъ въ Парижѣ переводъ басенъ Крылова, исполненный Шарлемъ Парфетомъ[1]). Въ предисловіи переводчика находится между прочимъ любопытное заявленіе, совершенно противорѣчащее всему тому, что до сихъ поръ было говорено о Крыловѣ въ французской литературѣ, именно, что онъ не пользуется во Франціи извѣстностью. Свое заявленіе переводчикъ подтверждаетъ ссылкою на Сенъ-Маркъ Жирардена, который въ своемъ сочиненіи о Лафонтенѣ и баснописцахъ ни разу не упомянулъ о Крыловѣ[2]). Но такого рода умолчаніе имѣетъ ли какое либо значеніе? Жирарденъ могъ не знать и могъ не желать знать о Крыловѣ; но что произведенія нашего баснописца извѣстны французской образованной публикѣ и что она оцѣнила ихъ по достоинству, это подтверждаютъ и многочисленныя статьи о Крыловѣ въ лучшихъ французскихъ журналахъ и газетахъ и нѣсколько переводовъ его басенъ[3]). Въ

---

[1]) Fables de Krilof traduites en vers français par Charles Parfait. Paris, 1867. 12°. XLIII и 288 стр.

[2]) Вотъ подлинныя слова Парфета: «Le poëte russe dont nous présentons l'oeuvre au public français n'est point précédé d'une renommée qui ait rendu chez nous son nom familier. Un de nos plus éminents critiques (M. Saint-Marc Girardin: *la Fontaine et les Fabulistes*) a pu, cette année même, dans un ouvrage où se retrouve toute son ingénieuse et solide érudition, faire une longue revue des fabulistes français et étrangers, sans citer une seule fois le nom de Krilof».

[3]) Кромѣ повременныхъ изданій, весьма многіе французскіе писатели сообщали своимъ соотечественникамъ свѣдѣнія о Крыловѣ, сопровождая ихъ сужденіями о достоинствѣ его басенъ то довольно правильными, то крайне

этомъ же предисловіи мы нашли любопытный фактъ, говорящій о желаніи французской публики знакомиться съ нашими писателями. Въ Мартѣ 1867 года профессоръ парижскаго университета Тальбо первый прочелъ въ Шартрѣ публичную лекцію о Крыловѣ и свои выводы и наблюденія подкрѣплялъ чтеніемъ отрывковъ изъ его басенъ въ переводѣ Парфета.

Что касается оцѣнки произведеній Крылова, сдѣланной Парфетомъ, то ее еще можно назвать довольно удовлетворительною; впрочемъ нельзя не замѣтить въ ней неосновательности слѣдующаго мѣста: «Соотечественники Крылова — говоритъ его переводчикъ — единогласно присвоили ему прозваніе русскаго Лафонтена. Это прозваніе можетъ показаться намъ, французамъ, честолюбивымъ стремленіемъ; но безъ всякаго сомнѣнія поклонники русскаго поэта не хотѣли этимъ установить совершеннаго равенства между Крыловымъ и нашимъ неподражаемымъ Лафонтеномъ. Они только хотѣли этимъ выразить его несомнѣнное пре-

---

односторонними и ложными. Такъ Héguin de Guerle, въ своей статьѣ: Coup d'oeil sur la littérature russe (стр. 27 — 28), помѣщенной имъ въ видѣ предисловія къ «Les veillées russes» (Paris, 1827. 12°), сборнику сдѣланныхъ имъ переводовъ съ русскаго языка разныхъ сочиненій въ прозѣ и въ стихахъ, говоритъ о нашемъ баснописцѣ слѣдующее: «M. Kriloff est peut-être de tous les fabulistes étrangers celui qui soutient le mieux la comparaison avec notre La Fontaine: toutefois, nous n'établirons pas entre ces deux écrivains un de ces parallèles oiseux, qui ne prouvent rien, et dont la conclusion, prévue d'avance, est presque toujours dictée par l'amour-propre national. Mais ce que nous pouvons affirmer sans crainte d'être démentis, c'est que M. Kriloff jouit dans sa patrie d'une réputation égale à celle que La Fontaine a parmi nous. Ce que les Russes admirent dans leur fabuliste, c'est l'heureuse invention de ses sujets, qui presque tous lui appartiennent en propre; c'est le charme de sa narration tour à tour grave, plaisante et souvent noble et élevée jusqu'au sublime; c'est l'étonnante perfection de sa versification, où il prodigue en se jouant tous les trésors de l'harmonie imitative. Mais ce qui surtout rend cet écrivain cher à ses compatriotes, c'est la vérité des couleurs locales dans ses tableaux ou les moeurs russes sont représentées avec une rare fidélité; c'est l'heureux emploi qu'il fait de mots pris dans le langage le plus vulgaire du peuple et qu'il ennoblit par le tour poètique qu'il sait leur donner. Voilà de ces beautés que les étrangers ne peuvent sentir et apprécier que faiblement, et qu'il est impossible de faire passer dans une traduction». Черезъ 15 лѣтъ послѣ этой оцѣнки Крылова, одинъ изъ многихъ французскихъ путешественниковъ по Россіи, считающихъ долгомъ подѣлиться съ публикою своими впечатлѣніями, А. Феррiе (La Russie. Bruxelles, 1841), нашелъ нужнымъ сказать о Крыловѣ слѣдующее: «Krueloff s'est distingué dans l'apologue par la pureté du style plutôt que par les dons du génie et de l'imagination».

восходство надъ всѣми извѣстными русскими писателями въ той области, въ которой Лафонтенъ остается безъ соперниковъ» [1]).

Въ настоящее время почти положительно можно сказать, что Крыловъ уже пріобрѣлъ право гражданства въ литературѣ французской, наравнѣ съ геніальными писателями другихъ народовъ; этому онъ обязанъ хорошимъ переводамъ своихъ произведеній, которые вышли въ свѣтъ въ послѣднее время и появленія которыхъ для славы Крылова желалъ видѣть графъ А. де Сенъ-При еще въ 1823 году [2]).

Графъ Орловъ, подарившій Франціи переводъ басенъ Кры-

---

[1]) Подобно Бауръ-Лорміану, и Парфетъ защищаетъ Вольтера отъ строгаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ Мегерою въ мрачномъ жилищѣ тѣней и къ своему переводу басни «Сочинитель и Разбойникъ» присоединяетъ слѣдующее примѣчаніе: «Nous ne nous rendons point solidaires de cette violente diatribe contre une de nos gloires les plus éclatantes. Nous aimons à croire que, malgré ses erreurs, l'apôtre de la tolérance universelle, l'ardent promoteur de tant de réformes si utiles et si humaines, le dévoué défenseur de tant d'innocents, trouvera moins de sévérité devant son vrai juge qu'il n'en trouve ici devant le Minos de la fable».

[2]) Графъ А. де Сенъ-При, въ предисловіи къ переведенной имъ «Модной Лавкѣ» Крылова, замѣтилъ о немъ слѣдующее: «il s'est fait, comme fabuliste, une immense réputation en Russie; elle serait sans doute déjà confirmée par tout le monde littéraire, si de bonnes traductions avaient fait passer les fables de M. Krilof dans les différentes langues de l'Europe (Chefs-d'oeuvre des théâtres étrangers, XVIII livr., p. 321).

Кромѣ приведенныхъ выше, мы имѣемъ еще переводъ на французскій языкъ 12-ти басенъ Крылова, исполненный г-жею Мордвиновою: Fables de Krylof traduit du russe par M-me P. de Mordvinoff. St. Pétersbourg, 1852. 8°. 19 ненум. стр. Переводъ этотъ не имѣетъ большихъ достоинствъ. Князь Эммануилъ Голицынъ въ своемъ: Le conteur russe, fables et légendes. Nouvelle édition augmentée d'une notice biographique sur les principaux fabulistes russes. (Paris, 1846. 12°. XLVIII и 262 стр.) помѣстилъ сдѣланный имъ переводъ довольно большаго числа басенъ Крылова. Переводъ этотъ не отличается ни особенною вѣрностію, ни особенною художественностію. Нѣкоторыя басни переданы чрезвычайно далеко отъ подлинника, съ значительными измѣненіями и вставками, какъ напр. «Демьянова уха» (Le pot de bièrre). Изъ предисловія къ этому изданію мы узнаемъ, что первое изданіе «Разскащика» имѣло главною цѣлью познакомить Французовъ съ тѣми произведеніями нашего баснописца, которыя оставались имъ неизвѣстными: «Lorsque nous fîmes paraitre en 1842 le petit ouvrage que voici, nous avions pour principal objet de faire connaître au public français, celles des fables de Kriloff qui ne font point partie du recueil publié à Paris en 1825 par le Comte Orloff». Ко второму тому Les poètes russes traduits en vers français par le prince Élim Mestscherski (Paris, 1846) присоединены (стр. 375 — 379) двѣ басни Крылова: «Дерево»,

лова, обогатилъ ими же италіянскую литературу, которая до того времени ничего не знала о нашемъ баснописцѣ. Прозаическое переложеніе басенъ Крылова на французскій языкъ было распредѣлено между 30-ю италіянскими литераторами, въ числѣ которыхъ находились писатели, пользовавшіеся заслуженною литературною извѣстностью, какъ напр. Монти, Пиндемонте, Медзанотте, Риччи, Анджелони, Буттура и Лампреди. Подражанія италіянскія отличаются особенною говорливостью; несоразмѣрность ихъ съ подлинникомъ удивительна: такъ 41 стихъ басни «Орелъ и Кротъ» обратились въ италіянскомъ переложеніи въ 170 строкъ. Особенность подражаній составляетъ еще правильная и симметрическая версификація; многія басни переданы терцетами, другія четверостишіями, большая часть шестистишіями, нѣкоторыя октавами, одна даже въ формѣ сонета.

Хотя италіянская литература вообще богата апологами, тѣмъ не менѣе въ глазахъ Сальфи, написавшаго вступленіе къ италіянскимъ переложеніямъ, басни Крылова составляютъ для нея пріобрѣтеніе, и притомъ весьма цѣнное. Совершенно новые сюжеты, не смотря на множество ихъ у древнихъ и новыхъ баснописцевъ, простота разсказа и изложенія, одушевленная мѣстными чертами, важность и изящество нравоученія, которое Крыловъ никогда не опускаетъ, суть такія достоинства, которыя, по мнѣнію Сальфи, ставятъ нашего баснописца въ рядъ первостепенныхъ.

Упомянутыя переложенія басенъ Крылова на италіянскій языкъ были, въ нѣсколько исправленномъ видѣ, черезъ два года послѣ выхода въ свѣтъ сборника графа Орлова, изданы отдѣль-

---

въ переводѣ Александра Суме (Soumet), и «Оселъ и Соловей», въ переводѣ Дешана (Emile Deschamps). Послѣдняя басня въ этомъ же переводѣ была еще ранѣе, именно въ 1829 году, напечатана въ Le Furet, journal de littérature et des théâtres, № 36. Въ Mercure du XIX siècle, 1824 года (Paris, t. VII, p. 289) помѣщенъ переводъ Ноде (Naudet) басни Крылова: «Фортуна и Нищій» (fable imitée du Russe), безъ показанія кто написалъ оригиналъ. 1-я тетрадь Journal des Dames et des Modes 1825 года была украшена переводомъ басни «Мартышка и Очки», откуда ее перепечаталъ Journal de St. Pétersbourg, 1825 (№ 50). Въ этой же газетѣ, въ томъ же году (№ 65), былъ еще помѣщенъ переводъ трехъ басенъ: «Ручей», «Собачья Дружба» и «Мартышка и Очки». Наконецъ басня «Листы и Корни», въ переводѣ г-жи Целестины Віенъ (Vien), была напечатана въ L'Année française, 1825, t. 2, p. 481.

ною книгою[1]). Изъ нея же былъ извлеченъ и напечатанъ особою брошюрою переводъ, исполненный Антоніемъ Цезари[2]). Кромѣ этихъ двухъ перепечатокъ, на италіянскомъ языкѣ болѣе не выходило ни одного перевода басенъ Крылова.

Переводы отдѣльныхъ басенъ Крылова на нѣмецкій языкъ начали появляться въ двадцатыхъ годахъ, и сколько намъ извѣстно первоначально только въ Россіи. Естественно, что въ это время критика касалась только точности и изящества перевода; о художественномъ значеніи произведеній Крылова не могло быть и рѣчи, такъ какъ вопросъ этотъ у насъ уже давно считался рѣшеннымъ.

Еще въ 1823 году Карлъ Фридрихъ фонъ деръ Боргъ, помѣстившій въ своемъ сборникѣ, носящемъ заглавіе: Poetische Erzeugnisse der Russen, переводъ 10 басенъ Крылова[3]), замѣтилъ, что они отличаются самобытностью изобрѣтенія, простотою и правдивостію картинъ, остроуміемъ и правильнымъ, чисто русскимъ языкомъ. Этому приговору, принадлежащему человѣку, знакомому съ Россіей, совершенно противорѣчитъ мнѣніе о басняхъ Крылова, высказанное человѣкомъ, не знавшимъ ни слова по русски (der kein Russisch versteht). Въ Геттингенскихъ ученыхъ извѣстіяхъ 1825 года[4]) былъ помѣщенъ небольшой раз-

---

[1]) Favole Russe del Kriloff, imitate in versi Italiani da varj Chiarissimi Autori alcune delle quali rivedute e corrette dagli autori medesimi e precedute da una prefazione Italiana di F. Salfi. Perugia, 1827. 8°. 252 стр.

[2]) Favole Russe del Kriloff, imitate in Versi Italiani da Antonio Cesari. S. l. et a. 8°. 16 стр. Цезари переложилъ въ итальянскіе стихи слѣдующія басни: «Синица», «Конь и Всадникъ», «Любопытный», «Гребень», «Волкъ на псарнѣ» и «Собачья дружба». Къ брошюрѣ приложено обращеніе къ читателю; въ этомъ обращеніи мы нашли нѣсколько словъ о басняхъ Крылова: «Una raccolta di tutte le Favole del Kriloff, che può dirsi il La Fontaine della Russia, e per la novità de'suoi subbietti, e per l'originalità de'suoi pensieri, e per la vivacità de'suoi colori, imitate in versi Italiani da classici scrittori viventi, vide la luce quest'anno in Perugia dai tipi di Baduel. Promotore di questa fu il celeberrimo Conte Orloff...» Въ концѣ обращенія сказано: «Invitato l'Abbate Cesari a prender parte in questa lodevole impresa, scrisse la traduzione delle sei favole che ora si riproducono separate dalla raccolta, onde appagare le brame di coloro che fanno tesoro delle opere di quest'insigne Veronese».

[3]) Боргъ перевелъ слѣдующія басни: «Разборчивая Невѣста», «Мѣшокъ», «Лисица и Сурокъ», «Щука и Котъ», «Крестьянинъ и Лисица», «Прохожіе и Собаки», «Лебедь, Щука и Ракъ», «Гуси», «Слонъ и Моська», «Котъ и Поваръ».

[4]) Göttingische gelehrte Anzeigen, 1826, 150 St., стр. 1493—6. «... Nicht

боръ перевода басенъ Крылова, изданнаго графомъ Орловымъ. Рецензентъ, между прочимъ, замѣтилъ, что нѣкоторыя басни Крылова, хотя о достоинствѣ ихъ и трудно судить по подражаніямъ, не представляютъ ни особеннаго изящества, ни особеннаго ума.

Еще болѣе строгій приговоръ баснямъ Крылова явился въ 1842 году, въ Repertorium der gesammten deutschen Literatur. Въ этомъ году Фердинандъ Торней напечаталъ переводъ всего Крылова, посвященный имъ бывшему министру народнаго просвѣщенія графу Уварову[1]). Критикъ, разбирая этотъ переводъ, подъ вліяніемъ непріязненнаго чувства къ Россіи, господствовавшаго тогда въ Германіи, враждебно отнесся къ нашему баснописцу и прямо сказалъ, что его басни не стоило переводить на нѣмецкій языкъ, и вотъ на какомъ основаніи: нравоученія басенъ большею частью очень тривіальны, вымыселъ бѣденъ, слабъ, слишкомъ прозаиченъ и часто вовсе не соотвѣтствуетъ характеру басни; изложеніе лишено вкуса и не имѣетъ ни граціи, которая присуща Лафонтену, ни эпиграмматической сжатости, которая такъ нравится у Эзопа, Федра и Лессинга[2]). На сколько справедливъ этотъ рѣзкій приговоръ, предоставляется судить каждому, знакомому съ Крыловымъ.

überall ist diese Erfindung besonders fein und geistvoll...». Переводъ этой рецензіи помѣщенъ въ Москов. Телегр., 1826, ч. X, № 16, стр. 345 — 348.

[1]) Iwan Krylow's Fabeln in acht Büchern. Aus dem Russischen von Ferdinand Torney. Mit dem Bildnisse des Dichters. Mitau u. Leipzig, 1842. 8⁰. XX и 308 стр.

[2]) Gersdorf's Repertorium der gesammten deutschen Literatur, Bd. XXXIII, 1842, стр. 383—4: «So sehr auch das Interesse an der russischen Literatur gerechtfertigt erscheint, diese Fabeln hätten gleichwohl nicht verdient, in's Deutsche übersetzt zu werden. Die beabsichtigten Lehren sind nicht nur zum grössten Theil sehr trivial, sondern auch die Erfindung der Einkleidung arm, matt und allzu prosaisch, ja nicht selten den Charakter der Fabel ganz verlassend; die Sprache geschmacklos und breit, ohne jene rhetorische Grazie, welche uns an Lafontaine, oder jene epigrammatische Kürze, die uns an Aesop, Phädrus und Lessing gefällt. Selbst schon bekannte Aesopische Fabeln werden uns in dieser Weise verschlechtert vorgeführt. Dazu wird die Geschmacklosigkeit der Darstellung noch vermehrt durch eine eben so geschmacklose Uebersetzung. Es ist möglich, dass der Verfasser durch ein erfahrungsreiches Leben Gelegenheit hatte, bei tüchtiger und edler Gesinnung sich selbständig gewisse Lebensmaximen und Weltansichten zu bilden; aber einen sehr unglücklichen Griff that er, indem er die

Впрочемъ въ нѣмецкой литературѣ вскорѣ послѣ этого появился болѣе вѣрный и болѣе достойный взглядъ на Крылова. «Главнѣйшее преимущество русскаго баснописца предъ другими — такъ говорилъ одинъ изъ нѣмецкихъ писателей въ 1843 году — заключается въ неисчерпаемомъ богатствѣ міра его созерцаній, равно какъ и въ выборѣ предметовъ для своихъ произведеній. Въ его твореніяхъ замѣтны и изумительная проницательность, и глубокое здравомысліе. Благодаря этимъ качествамъ, въ его басняхъ нѣтъ ни неправильной картины, ни рѣзкаго сравненія, ни натянутаго примѣненія. Однимъ словомъ Крыловъ — высокій художникъ въ той области поэзіи, гдѣ главную роль играетъ наблюдательность или наставленіе» [1]).

Одинъ изъ переводовъ, явившихся въ послѣднее время, именно переводъ 10 басенъ, сдѣланный г. Минцлофомъ [2]), былъ предпринятъ съ тою цѣлью, чтобы наглядно опровергнуть высказанный парадоксъ, будто нѣмецкій языкъ недостаточно гибокъ и ясенъ, чтобы переводить Крылова стихами. Попытка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что и прежде

Form der Fabeln für ihre Mittheilung erwählte». Въ чертахъ Крылова, судя по его портрету, приложенному къ переводу, критикъ нашелъ сходство съ Лютеромъ.

[1]) Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen. Von C. W. Wolfsohn. Leipzig, 1843. 8⁰ 1-er Bd., стр. 92—98. «Der hauptsächlichste Vorzug Krülow's vor anderen Fabeldichtern ist sein unerschöpflicher Reichtum, an Betrachtungen sowohl als in der Wahl von Gegenständen, an die er seine Betrachtung knüpft. In seinem Beobachten ist eine Schärfe, die in Verwunderung setzt; so sicher ist seine Logik, so kraft-und markvoll alles, was er ein Mal durchdacht, dass man nie ein schielendes Bild, nie einen schwankenden Vergleich, nie eine herbeigezogene Anwendung in seinen Fabeln wahrnimmt, und wäre sie auch noch so neu und originell. Jede seiner Fabeln ist an sich ein so vollständiges, durchgeführtes Meisterbild, lehnt sich so überaus selten an eine andere, und dabei ist von irgend einer Wiederholung so wenig eine Spur, dass man sich nur wundern muss, wie der alte Mann sich nicht endlich einmal ausschreibt. Und doch wird er immer treffender, immer origineller, immer tiefer, je mehr er schreibt».

Столь же высоко оцѣнилъ басни Крылова Фридрихъ Отто, издавшій въ 1837 году Lehrbuch der russischen Literatur. См. стр. 197.

[2]) Beiträge zur Kenntniss der poetischen und wissenschaftlichen Literatur Russlands, von R. Minzloff. Berlin, 1854. 8⁰. XII и 204 стр. Г. Минцлофъ перевелъ слѣдующія басни: «Квартетъ», «Тришкинъ кафтанъ», «Демьянова уха», «Любопытный», «Музыканты», «Обозъ», «Крестьянинъ и Работникъ», «Котъ и Поваръ», «Троеженецъ», «Вельможа и Философъ».

этого мы уже имѣли нѣсколько довольно удачныхъ переводовъ басенъ Крылова на нѣмецкій языкъ.

Здѣсь же кстати упомянуть еще о другой попыткѣ, именно о переложеніи басенъ Крылова на музыку. Г. Рубинштейнъ написалъ музыку на слѣдующія 5 басенъ, въ нѣмецкомъ переводѣ Спрато: «Оселъ и Соловей», «Квартетъ», «Парнасъ», «Орелъ и Кукушка», «Муравей и Стрекоза»[1]).

Благодаря новымъ хорошимъ переводамъ басенъ Крылова, какъ напр. Абеля[2]), и болѣе обширному знакомству съ произведеніями нашей словесности, въ настоящее время и въ нѣмецкой литературѣ установился надлежащій взглядъ на нашего баснописца и эстетическая оцѣнка его произведеній уже болѣе не расходится съ здравымъ смысломъ[3]).

Въ Россійской Антологіи, изданной Джономъ Боурингомъ, находится сдѣланный имъ переводъ на англійскій языкъ двухъ басенъ Крылова: «Оселъ и Соловей» и «Лебедь, Щука и Ракъ», изъ которыхъ первая дана была переводчику въ рукописи самимъ баснописцемъ. Въ введеніи Боурингъ нѣсколькими словами охарактеризовалъ произведенія каждаго поэта, которыя нашли мѣсто въ Антологіи, и о басняхъ Крылова замѣтилъ, что они обращаютъ на себя вниманіе остроуміемъ и самостоятельностію[4]).

---

[1]) Fünf Fabeln von Kriloff aus dem Russischen übersetzt von R. Sprato, für eine Singstimme mit Clavierbegleitung componirt von Anton Rubinstein. Op. 64. Leipzig. gr. 4⁰. 27 стр.

[2]) Probe einer Uebersetzung von Iwan Kryloffs russischen Fabeln. Berlin, 1856. Объ этомъ переводѣ см. Московскія Вѣдомости 1857, № 5, стр. 22, и С.-Петербургскія Вѣдомости 1856, № 281, стр. 1592. Абель перевелъ 10 басенъ: «Музыканты», «Лягушка и Волъ», «Оракулъ», «Василекъ», «Чижъ и Ежъ», «Мартышка и Очки», «Червонецъ», «Квартетъ», «Лебедь, Щука и Ракъ».

[3]) Укажемъ здѣсь еще на слѣдующіе нѣмецкіе переводы басенъ Крылова: анонимный 196 басенъ (Fabeln von Krylow, treu übersetzt aus dem Russischen ins Deutsche von einer Deutschen. St. Petersbourg 1863. 8⁰. 6 ненум. и 257 стр.), Фрюауфа двухъ басенъ: «Гуси» и «Оселъ и Соловей» (Gedichte verschiedenen russischen Dichtern nachgebildet von Dr Johann Ludwig Wilhelm Früauf. St. Petersburg (1818). 8⁰) и Вальда также двухъ басенъ: «Оселъ и Соловей» и «Ларчикъ» (Anthologie russischer Dichter metrisch ins Deutsche übersetzt von A. Wald. Odessa 1860. 8⁰).

[4]) Этотъ Боурингъ въ введеніи, между прочимъ, сообщаетъ свѣдѣніе о томъ, что Крыловъ занимался переводомъ Геродота. (Россійская Антологія. Specimens of the Russian poets: translated by John Bowring, F. L. S.

По поводу выхода въ свѣтъ изданнаго графомъ Орловымъ перевода басенъ Крылова на французскій и итальянскій языки, въ одномъ англійскомъ журналѣ была помѣщена рецензія на это изданіе, авторъ которой, осудивъ мысль переводить писателя цѣлымъ обществомъ литераторовъ, и притомъ не знающихъ того языка, на которомъ писалъ переводимый ими авторъ, указалъ въ слѣдующемъ краткомъ очеркѣ и причины, почему Крыловъ представлялъ трудности для переводчиковъ, и нѣкоторыя характеристическія черты его музы: «Крылова изъ всѣхъ поэтовъ русскихъ переводить наитруднѣе, потому что онъ есть самый оригинальный; въ его антитезахъ, рѣзкой и краткой сатирѣ, соли епиграмматической, разнообразномъ стихосложеніи заключаются такія красоты, коихъ невозможно передать буквальною прозою. Онъ взялъ за образецъ Лафонтена, и хотя не равняется съ своимъ образцемъ въ чистосердечіи и шутливости, но избѣгаетъ его нескромной грубости и Муза его возвышается часто до высокаго тона нравственнаго чувства»[1]).

Изъ переводовъ басенъ Крылова на скандинавскіе языки мнѣ извѣстенъ только датскій, исполненный Александромъ Карловичемъ. На шведскій языкъ, по доставленнымъ мнѣ свѣдѣніямъ, басни Крылова не переведены, не смотря на то, что этотъ языкъ служитъ языкомъ литературнымъ въ Финляндіи, образованнымъ людямъ которой русскій языкъ не совершенно чуждъ. За то на языкъ сѣверно-чудскій (на онежское и оятское его нарѣчія) сдѣланъ, при пособіи грамотныхъ мѣстныхъ жителей, профессоромъ гельсингфорскаго университета Альквистомъ (Ahlquist) опытъ перевода нѣсколькихъ басенъ нашего баснописца[2]).

Полныхъ переводовъ басенъ Крылова на славянскіе языки,

With preliminary remarks and biographical notices, London, 12⁰, имѣла два изданія, оба вышедшія въ 1821 году.

[1]) Московскій Вѣстникъ, 1827, № 7, Апрѣль, стр. 305. Здѣсь же приведены переведенныя на англійскій языкъ три басни Крылова: «Левъ и Волкъ», «Туча», «Пловецъ и Море». Въ 1826 году Соундерсъ перевелъ четыре басни Крылова: «Собачья дружба», «Демьянова уха», «Любопытный (The Naturalist)», «Сочинитель и Разбойникъ» (Poetical translations from the Russian language. By William Henry Saunders. London 1826. 8⁰).

[2]) Acta societatis scientiarum Fennicae (Anteckningar i Nord-Tschudiskan, стр. 58—61), t. VI. Helsingforsiae, 1861. 4⁰.

за исключеніемъ перевода на польскій, не имѣется; впрочемъ, при ближайшемъ знакомствѣ Славянъ съ нашимъ языкомъ и при господствующемъ въ настоящее время стремленіи къ его изученію, переводы эти не замедлятъ явиться. Уже и теперь въ Чехіи десять басенъ Крылова, переведенныя прозою на чешскій языкъ Коларжомъ, объясненныя и растолкованныя имъ, служатъ пособіемъ для начинающихъ изучать русскій языкъ [1]). Безъ всякаго сомнѣнія Крыловъ составитъ столь же любимое чтеніе у Славянъ, какъ и у насъ, и красоты его разсказа будутъ имъ болѣе понятны чѣмъ иноземцамъ. Многіе польскіе писатели неоднократно трудились надъ передачею басенъ Крылова [2]). Полный печатный переводъ ихъ на польскій языкъ принадлежитъ Флоріану Яловицкому [3]) и отличается неоспоримыми достоинствами; большая часть басенъ передана художественно и притомъ дословно вѣрно. Переводъ Глинскаго, начавшій выходить въ 1860 году [4]), также имѣетъ художественное достоинство. Переводчикъ, самъ поэтъ, въ небольшомъ предисловіи, предпосланномъ своему труду, замѣтилъ что Крыловъ занимаетъ такое же мѣсто въ русской литературѣ, какое Красицкій въ польской, а Лафонтенъ въ французской [5]).

Крылова переводили не только на европейскіе языки, но и на восточные. Въ 1863 году Ѳ. Кельзи перевелъ на арабскій языкъ 10 басенъ Крылова, а въ 1866 году Гавр. В. Айвад-

---

[1]) Де́сятеро ба́сенъ И. А. Крыло́ва. Съ че́шскимъ перево́домъ, объясне́ніемъ и съ разгово́рами. Desatero bájek I. O. Krylova. S českým překladem, výkladem a s rozmluvami. Pro začátečníky v ruském čtení upravil J. Kolář. V Praze 1868. 16°. 30 стр.

[2]) Графъ Максимиліанъ Фредро оставилъ послѣ себя полный переводъ Крылова. См. Сѣверн. Пчела, 1845, № 58, стр. 229.

[3]) Bajki J. Kryłowa w dziewięciu księgach tłómaczone z Rossyiskiego. Wilno, 1851. 8°. 323 и 7 ненум. стр. Довольно обстоятельный разборъ этого перевода помѣщенъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1852, т. 75, отд. VI, стр. 204 — 209.

[4]) Bajki Kryłowa. Przełożył A. J. Gliński. Poczet piérwszy. Wilno, 1860. 1 ꝙ. 4 ненум., II, 101 и 2 ненум. стр.

[5]) Мы еще нашли подражаніе баснямъ Крылова: «Слонъ на воеводствѣ», «Кошка и Соловей», «Котъ и Поваръ», въ слѣдующемъ изданіи: Bajki i powiastki w naśladowaniu Kryłowa i Krasickiego skreślił Pobereżny. Zeszyt 1. Warszawa, 1865. 4°, и въ сочиненіяхъ Литинскаго переводъ трехъ басенъ Крылова: «Слонъ на воеводствѣ», «Конь и Оселъ» и «Любопытный» (Pisma rozne wierszem i prozą Tad. N. L. T. 5. W Wilnie 1817. 12°).

жеанъ передалъ на армянскій языкъ 91 басню Крылова и напечаталъ свой переводъ въ Өеодосіи[1]).

Ранѣе этого было сдѣлано два еврейскихъ перевода басенъ Крылова: одинъ на древне еврейскій языкъ Рейхерсономъ[2]), другой на еврейско-нѣмецкій Каценеленбогеномъ[3]). Рейхерсонъ перевелъ всѣ басни Крылова и его трудъ составляетъ капитальное пріобрѣтеніе еврейской литературы. Вотъ что говоритъ компетентный судья объ этомъ переводѣ: «Переводчикъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать: онъ передалъ прекрасными и легкими стихами содержаніе каждой басни, придерживаясь очень близко къ подлиннику тамъ, гдѣ дозволялъ ему духъ и строеніе рѣчи языка, имъ избраннаго. Въ нѣкоторыхъ басняхъ переводчикъ допустилъ неважныя, но очень благоразумныя измѣненія, доказывающія его отличный вкусъ и знаніе публики, для которой переводъ его предназначенъ. Такъ, напримѣръ, «Парнасъ» переименовалъ онъ въ «Гору Морія», и изгнанные боги Греціи у него замѣнены изгнанными левитами, которые пѣвали на этой горѣ во время существованія храма. Эта замѣна — удачна и исполнена такта. Многія изъ басенъ вышли въ переводѣ превосходны; къ этой категоріи относятся басни: «Оракулъ», «Собачья дружба», «Бочка», «Откупщикъ и Сапожникъ», «Левъ состарѣвшійся» и много другихъ. За то есть и нѣсколько посредственныхъ переводовъ, и даже довольно слабыхъ, какъ напр. «Слонъ и Моська», «Котъ и Поваръ», «Квартетъ», «Зеркало и Обезьяна» и еще двѣ — три, въ которыхъ переводчикъ очевидно никакимъ образомъ не могъ совладать съ трудностями подлинника, отличаю-

---

[1]) Русско-арабскіе общественные разговоры, составленные въ пользу студентовъ восточнаго факультета при Санктпетербургскомъ университетѣ..... Ө. Кельзи (изъ Алепо),..... съ приложеніемъ опыта перевода басень И. А. Крылова на арабскій языкъ. Спб. 1863. 8°. Переведены слѣдующія басни: «Ворона и Лисица», «Дубъ и Трость», «Лягушка и Волъ», «Разборчивая невѣста», «Прохожіе и Собаки», «Заяцъ на ловлѣ», «Мѣшокъ», «Лань и Дервишъ», «Фортуна и Нищій», «Вельможа».

[2]) Тикунъ Мешалимъ или басни И. А. Крылова въ девяти книгахъ. Переведенныя на еврейскій языкъ М. Д. Рейхерсономъ. Вильно, 1860. 12°. XVI, 394 и 2 ненум. стр.

[3]) Мишле-мусаръ, т. е. басни нравоучительныя, переведенныя изъ Крылова на еврейско-нѣмецкій языкъ С. Каценеленбогеномъ. Вильно, 1861. 12°. VIII и 48 стр. Всѣхъ басенъ переведено 22.

щагося въ этихъ басняхъ особеннымъ юморомъ языка, или художественнымъ очертаніемъ въ двухъ словахъ русскихъ нравовъ» [1]).

Почти за четверть столѣтія передъ симъ, въ этой же залѣ, одинъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей Крылова, издавшій собраніе сочиненій нашего знаменитаго баснописца и написавшій лучшую его біографію, заявляя объ утратѣ, постигшей и Академію и отечественную словесность въ лицѣ Ивана Андреевича, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Крыловъ для другихъ націй всегда останется какъ самый вѣрный и точный представитель того, что есть оригинальнаго, любопытнаго и выразительнаго въ русскомъ духѣ, въ русскихъ нравахъ, въ русскомъ соображеніи и дѣятельности мысли.

«Въ творческомъ, свѣтломъ и дѣятельномъ умѣ Крылова возникали, принимали образы и полную жизнь геніяльныя откровенія, вѣчныя истины, уроки мудрости, завѣты опытовъ, идеалы художнической красоты. Ихъ приняли милліоны людей въ тѣхъ вѣчно неизмѣнныхъ формахъ, съ тѣми многозначительными выраженіями, какія созидаются только природою и геніями».

Въ этихъ словахъ разгадка того обаятельнаго вліянія, которое оказываютъ произведенія Крылова не только на каждаго русскаго, но и на иностранца, едва познакомившагося съ нашимъ языкомъ, едва вошедшаго въ соприкосновеніе съ нашею жизнью; отсюда становятся понятны и узкіе взгляды на Крылова, высказывавшіеся иногда въ иностранныхъ литературахъ, и то безусловное поклоненіи переводчиковъ, когда они, посвятивъ годы на изученіе Крылова, передаютъ своимъ соотечественникамъ его вѣчно юныя, глубоко-наставительныя произведенія.

Будемъ надѣяться, что недалеко то время, когда нашъ языкъ и наша литература сдѣлаются предметомъ изученія въ Западной Европѣ; съ этимъ вмѣстѣ утвердится и слава Крылова на основаніи незыблемомъ и его художественное значеніе безусловно будетъ признано всѣми.

---

[1]) См. Разсвѣтъ, органъ русс. Евреевъ, годъ 1860—61, № 39, стр. 625—626. Мы еще имѣемъ: опытъ перевода басенъ Крылова на древне-еврейскій языкъ въ составленномъ А. I. Мандельштамомъ Ebraisches Elementarbuch, напечатанномъ въ Вильнѣ, въ 1849 году, и подражаніе нѣкоторымъ баснямъ Крылова въ сочиненіи Лейбы Оշеровича Гордона, носящемъ заглавіе: Мишле Iегуда, т. е. Iудейскія басни (Вильно, 1859. 12⁰).

САТИРА КРЫЛОВА

и его

«ПОЧТА ДУХОВЪ».

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА [1]).

Семьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1792 г., подписчики крыловскаго журнала *Зритель* прочли въ немъ слѣдующія строки: «Что̀ есть достойнаго человѣка? Что̀ можетъ онъ произвести не подверженное разрушенію вѣковъ? Его слово, его мысли, вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками, . . . торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оное человѣкомъ... Слово, подобно безсмертному духу, имѣетъ даръ, не раздѣляясь, во многихъ мѣстахъ пребывать въ одно время. Единый мудрецъ, торжествуя надъ смертію, похищаетъ право говорить съ позднѣйшимъ своимъ потомствомъ» [2]).

Такъ говорилъ Крыловъ двадцати-четырехъ лѣтъ отъ роду. И кто болѣе его оправдалъ собою смыслъ этихъ строкъ? Служеніе мысли и слову было задачею всей его тихой и скромной жизни;

---

[1]) Читано было на литературномъ вечерѣ, устроенномъ 3-го февраля 1868 г. отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и потомъ напечатано въ *Вѣстникѣ Европы*.

[2]) *Зритель*, ч. I, стр. 77.

ими одними достигъ онъ блестящаго мѣста въ исторіи русскаго просвѣщенія. Своими баснями, написанными уже въ позднемъ возрастѣ, затмилъ онъ всѣ прежніе свои труды, и это подало его біографу [1]) поводъ остроумно замѣтить, что Крыловъ родился для насъ только въ сорокъ лѣтъ. Такъ могъ говорить его современникъ; но потомство должно принять во вниманіе и прежнія его произведенія. На басни его нельзя смотрѣть, какъ на что-то отдѣльно-стоящее въ его литературной дѣятельности; можно ли предположить, чтобы писатель, прославившійся во второй половинѣ своего поприща превосходными созданіями, но писавшій почти съ дѣтства, не произвелъ въ лучшіе годы жизни ничего замѣчательнаго? Предположить это о Крыловѣ тѣмъ труднѣе, что его родомъ, собственно говоря, всегда была сатира; онъ въ разное время мѣнялъ только ея форму. Сначала у него является сатирическая аллегорія въ прозѣ, потомъ онъ избираетъ своимъ орудіемъ комедію; наконецъ, переходитъ къ баснѣ. Не естественно ли, что между всѣми его сочиненіями должна быть тѣсная связь? Дѣйствительно, басни Крылова тысячами нитей примыкаютъ къ болѣе раннимъ его трудамъ, и только въ этихъ послѣднихъ можно найти разгадку того, чѣмъ онъ сдѣлался позднѣе, — только съ помощію другихъ его сатирическихъ сочиненій можно вполнѣ объяснить значеніе его, какъ баснописца.

Сатирическое свое поприще началъ онъ тамъ же, гдѣ и кончилъ его, т. е. въ Петербургѣ. Здѣсь жилъ онъ уже шесть лѣтъ, когда похоронилъ свою мать, вдову. Ему было тогда не болѣе двадцати лѣтъ. Онъ рѣшился оставить службу, въ которой ему совсѣмъ не везло, и посвятить себя журнальному дѣлу. Въ Петербургѣ однимъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ литераторовъ былъ тамбовскій дворянинъ, капитанъ Ив. Герас. Рахманиновъ, содержавшій типографію и печатавшій въ ней свое еженедѣльное изданіе *Утренніе часы*. Онъ извѣстенъ нѣсколькими переводами, между прочимъ изъ Вольтера, издалъ переведенное имъ же сочиненіе акад. Миллера о русскомъ дворянствѣ, и былъ, по свидѣтельству современниковъ, человѣкъ умный, трудолюбивый, но угрюмый и упрямый [2]). Съ нимъ какъ-то сблизился Крыловъ и,

---

[1]) Плетневу, въ извѣстной статьѣ его: «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова».

[2]) Жихаревъ, въ Дневникѣ чиновника: *Отеч. Зап.* 1855, т. CI, стр. 133.

можетъ быть, участвовалъ даже въ его журналѣ. Но въ концѣ 1788 г., будущій баснописецъ, увлеченный, вѣроятно, примѣромъ Рахманинова, или, можетъ быть, еще болѣе успѣхомъ Новикова, рѣшился самъ издавать сатирическій журналъ. Вспомнимъ, что сатирическое направленіе у насъ особенно оживилось при Екатеринѣ II, что̀, конечно, было слѣдствіемъ общаго возбужденія умственной жизни, вызваннаго либеральнымъ духомъ новаго царствованія и характеромъ авторской дѣятельности самой геніальной императрицы. Горячая пора нашей журнальной сатиры продолжалась, правда, только пять лѣтъ (1769 — 1774 г.); въ теченіе этого времени рождались и умирали, одно за другимъ, изданія этого рода, между которыми перломъ, по справедливости, считается *Живописецъ* Новикова. Но эти явленія, какъ ни были они эфемерны, бросили на почву нашей литературы сѣмя, которое никогда не вымирало вполнѣ, и во все продолженіе XVIII-го столѣтія повторялись отъ времени до времени подобныя же изданія. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ *Собесѣдникъ* княгини Дашковой, въ составѣ котораго значительное мѣсто заняли сатирическія *Были и небылицы* царственной сотрудницы. На театрѣ всѣхъ блистательнѣе служилъ тому же направленію Фонъ-Визинъ. Но въ журнальной литературѣ, въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины, задремавшую сатиру снова разбудилъ Крыловъ. По практическому и насмѣшливому свойству его ума намъ понятно, почему такая заслуга принадлежитъ именно ему, и тѣмъ понятнѣе, что будучи тогда двадцати-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, онъ, вѣроятно, и не подумалъ о томъ совѣтѣ, съ которымъ Новиковъ, приступая къ изданію *Живописца*, обратился къ самому себѣ: «Требую отъ тебя, чтобы ты въ сей дорогѣ никогда не разлучался съ тою прекрасною женщиною, . . . которая называется *Осторожность*» [1]). Впрочемъ, можетъ быть, Крылову казалось, что онъ исполнилъ всѣ требованія благоразумія, спрятавшись въ своемъ журналѣ за невидимыхъ гномовъ и сильфовъ, которые его перомъ пишутъ изъ преисподней письма о Плутонѣ, Прозерпинѣ, о ихъ любимцахъ и министрахъ.

Такая форма сатиры не была новостью. При появленіи у

---

[1]) *Живописецъ*, листъ 2: «Авторъ къ самому себѣ». Стр. 12 (изд. 1864).

насъ первыхъ сатирическихъ журналовъ, ровно за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, Ѳедоръ Эминъ издавалъ *Адскую Почту, или переписку хромоногаго бѣса съ кривымъ*, которые, въ свою очередь, очевидно вели свой родъ отъ Лесажева *Le Diable Boîteux*. Но почему даровитый Крыловъ взялъ за образецъ именно этотъ журналъ, произведеніе очень посредственнаго писателя? Кажется, имъ болѣе руководило случайное обстоятельство, нежели обдуманный выборъ. Въ то самое время *Адская Почта* вышла 2-мъ изданіемъ [1]): попавши въ руки Крылова, она могла показаться ему счастливой разгадкой недоумѣнія, какую форму избрать для задуманнаго изданія. Въ концѣ 1788 г., прочли въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, что въ книжной лавкѣ Миллера, въ Луговой Милліонной, раздаются безденежно подробныя печатныя объявленія о вновь предпринятомъ ежемѣсячномъ изданіи: *Почта Духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными Духами* [2]). Дѣйствительно, съ слѣдующаго года Крыловъ сталъ ежемѣсячно издавать по книжкѣ этого журнала, который, впрочемъ, какъ и всѣ другіе тогдашніе сборники этого рода, только по своему періодическому появленію и можетъ заслуживать такое названіе. Въ содержаніи ничего свойственнаго журналу не было, кромѣ развѣ повторявшихся довольно часто выходокъ противъ того или другого современнаго сочиненія или автора.

Въ концѣ извѣщенія, приложеннаго къ 1-й книжкѣ сборника, Крыловъ извиняется, что она вышла не въ срокъ. «Слухъ-де носится — говоритъ онъ — что нѣкоторые изъ издателей соби-

---

[1]) Въ 1788 г., *на ижд. П. Б.* (Петра Богдановича), подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: *Адская почта, или курієръ изъ ада съ письмами.* Ѳ. Эминъ уже умеръ въ 1770 г. Съ сыномъ его, Ник. Ѳед., Крыловъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

[2]) *Спб. Вѣдом.* 1788 г. № 95-й (28-го нояб.), № 97-й (5-го дек.) и № 100 (15-го дек.). Тутъ сказано было, что объявленія раздаются «съ подробнымъ объясненіемъ о предметѣ и расположеніи вновь выходящаго изданія», и проч., «на которое началась нынѣ въ той лавкѣ подписка и будетъ продолжаться по февраль мѣсяцъ будущаго 1789 г.» Къ сожалѣнію, самое объявленіе это не сохранилось. Оно въ измѣненномъ видѣ перепечатано при первой книжкѣ *Почты Духовъ;* при 2-мъ же изданіи этого сборника, въ 1802 г., значительно укорочено и искажено.

раютъ по подпискамъ деньги и прячутся съ ними, не издавая обѣщанныхъ книгъ, или когда и выдаютъ, то въ теченіе изданія прерываютъ оныя, ни мало не страшася справедливаго порицанія публики;... а потому-де онъ, издатель сихъ листовъ,... паче тѣмъ, что по обѣщанію своему не выдалъ перваго сего мѣсяца (т. е. первой книжки) къ 1-му числу января и очень можетъ быть подозрителенъ; то въ оправданіе себя увѣряетъ, что онъ... не на корыстолюбіи основалъ свое предпріятіе, но къ удовольствію, а если можно, и къ пользѣ своихъ соотечественниковъ. Неисполненіе же обѣщанія случилось по непривычному еще его искусству въ Гадательной Наукѣ, отъ чего не могъ онъ предузнать послѣдовавшихъ обстоятельствъ, намѣренію его воспрепятствовавшихъ; но впредь обѣщается въ исходѣ каждаго мѣсяца во все теченіе года выдавать изданія сего по одной книжкѣ, переплетенной въ бумажку».

Если *Почта Духовъ* Крылова съ внѣшней стороны отзывалась подражаніемъ, то, спрашивается, не было ли того же и въ содержаніи? Важно и любопытно опредѣлить внутреннее отношеніе ея къ прежнимъ сатирическимъ журналамъ. Сравнивая съ ними *Почту Духовъ*, мы находимъ, что она часто преслѣдовала тѣ же недостатки, на которые они нападали, напр., французское воспитаніе, пустоту и мотовство щеголей, или, какъ ихъ тогда называли, «петиметровъ», спѣсь и невѣжество дворянъ, взяточничество и казнокрадство, порочность судей, произволъ и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что тогда какъ прежніе журналы, выставляя главнымъ образомъ бытовую сторону общества, ограничивались описаніемъ существовавшихъ золъ, Крыловъ заглядывалъ въ ихъ причины, обнажалъ нравственныя язвы, изъ которыхъ они проистекали. У него сатира глубже, рѣзче и разнообразнѣе. Она обнимаетъ всѣ слои общества, всѣ сословія, и потому принимаетъ характеръ вполнѣ общественный. Къ этому надобно прибавить и то, что̀ зависитъ собственно отъ таланта писателя: Козицкій, Новиковъ, Эминъ и др. были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ. Въ немъ уже виденъ эпическій разсказчикъ, часто облекающій мысль въ выпуклый или яркій образъ. *Почта Духовъ* представляетъ намъ пеструю картину свѣта, въ которой

сцена безпрестанно мѣняется, и передъ нами проходятъ всѣ страсти, всѣ темныя и смѣшныя слабости человѣчества.

Во «Вступленіи» къ *Почтѣ Духовъ* Крыловъ разсказываетъ, будто онъ, однажды, въ ненастный осенній день, возвращался разсерженный отъ его превосходительства г. Пустолоба, къ которому восемь мѣсяцевъ ходилъ по одному дѣлу и который въ 115-й разъ очень учтиво просилъ его пожаловать *завтра* (черта нравовъ, которую вообще любитъ выставлять наша старинная сатира). Тутъ является вдругъ волшебникъ, ученый и знатный Маликульмулькъ; онъ беретъ автора къ себѣ въ секретари, превращаетъ полуразвалившійся домъ въ богатые хоромы и даритъ ихъ новому своему знакомцу, но вмѣстѣ объявляетъ, что только самъ жилецъ будетъ наслаждаться ихъ пышностью; всѣмъ же гостямъ его эти комнаты будутъ казаться такими же, какъ были, т. е. пустыми сараями. «Оставь, другъ мой, думать людей», говоритъ волшебникъ, «что ты бѣденъ, и наслаждайся своимъ богатствомъ: истинное состояніе человѣка не по тому называется богатымъ или бѣднымъ, ка̀къ другіе о томъ думаютъ, но по тому, ка̀къ онъ самъ себя почитаетъ». Авторъ, пораздумавъ, согласился съ этимъ мнѣніемъ. «Итакъ», говоритъ онъ, «я рѣшился остаться въ томъ домѣ: пусть люди будутъ меня почитать бѣднымъ; что̀ мнѣ до того за нужда! Довольно, если я для себя кажусь богатымъ». Здѣсь уже выразилась сущность практической философіи Крылова, реализмъ его житейской мудрости, которому онъ навсегда остался вѣренъ.

Мы не послѣдуемъ за Крыловымъ въ письмахъ невидимыхъ корреспондентовъ Маликульмулька; но извлечемъ изъ нихъ, въ сокращенномъ видѣ, нѣсколько характеристическихъ разсказовъ, которые познакомятъ насъ со взглядами молодаго писателя на русское общество. Увидимъ при этомъ, что притча уже тогда была любимой формой сатиры Крылова. Но мы не должны забывать, что его сатира относится къ давнопрошедшему времени: если она не всегда примѣнима къ настоящему, тѣмъ лучше для насъ, потомковъ сатирика. Его современники, находя въ ней личные намеки, могли оскорбляться ею: для насъ она утратила эту сторону своей язвительности.

Богатый купецъ Плуторѣзъ [1]) угощаетъ на своихъ именинахъ вельможу, трехъ придворныхъ и нѣсколькихъ начальниковъ города. За роскошнымъ обѣдомъ вельможа выхваляетъ любовь къ отечеству, судья ставитъ выше всего честь, купецъ хвалитъ безкорыстіе; всѣ же согласны въ томъ, что законы слишкомъ строго наказываютъ за плутовство и что надобно смягчить ихъ жестокость. Вельможа обѣщаетъ подать голосъ объ уничтоженіи увѣчныхъ и смертныхъ наказаній, которымъ подвергаются плуты и грабители, за что многіе изъ гостей, а особливо судья Тихокрадовъ и самъ хозяинъ Плуторѣзъ, очень его благодарятъ. Потомъ рѣчь заходитъ о хозяйскомъ сынѣ и выборѣ ему рода службы. Каждый изъ гостей предлагаетъ вывести его въ люди въ томъ званіи, къ которому самъ принадлежитъ. «Другъ мой», сказалъ придворный, «оставь это на мое попеченіе: изъ дружбы къ тебѣ я не совѣщусь занимать у тебя деньги и быть должнымъ, а потому ты не можешь сомнѣваться въ участіи, какое я принимаю въ судьбѣ твоего сына. Дѣло только въ томъ, чтобъ ты далъ мнѣ въ руки 20 т., которыя будутъ употреблены въ его пользу: я помѣщу его имя въ списокъ отборнаго военнаго корпуса, сдѣлаю его дворяниномъ и потомъ пристрою его ко двору... Сколько же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобъ видѣть насъ во всемъ нашемъ великолѣпіи, на усовершеніе котораго портные, брильянщики и др. художники истощаютъ все свое искусство, чтобы тѣмъ показать цѣну нашихъ достоинствъ и дарованій. Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, прическа, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю, возвышеніе и пониженіе голоса, походка, пріемы и тѣлодвиженія отличаютъ насъ въ нашихъ заслугахъ и составляютъ нашу службу. Граматы предковъ нашихъ явно всѣмъ доказываютъ, что кровь, текущая въ нашихъ жилахъ, издавна преисполнена была усердіемъ къ пользѣ отечества; а наши ливреи и экипажи неложно свидѣтельствуютъ о важности нашихъ чиновъ въ государствѣ. Правда, что философы почитаютъ насъ муче-

---

[1]) *Почта Духовъ*, ч I, стр, 107 (письмо 11). Представляя здѣсь сокращенно содержаніе нѣкоторыхъ писемъ, удерживаю языкъ подлинника только въ той мѣрѣ, въ какой это соединимо съ моей цѣлью.

никами, однакожъ это несправедливо; за то и мы ихъ считаемъ безумцами, которые пустою тѣнью услаждаютъ горестную и бѣдную свою жизнь. Итакъ, другъ любезный, что тебѣ стоитъ 20 т.? Не сущая ли это бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ твоего сына, которое я сильнѣйшимъ своимъ предстательствомъ обѣщаю ему доставить, а знакомые мои, танцмейстеръ, актеръ, портной и парикмахеръ, въ короткое время пособятъ мнѣ сдѣлать изъ твоего сына блистательную особу въ большомъ свѣтѣ!» Въ свою очередь другой гость, драгунскій капитанъ Рубакинъ, совѣтуетъ Плуторѣзу записать сына въ военную службу. По его мнѣнію, это первѣйшее въ свѣтѣ состояніе: военному человѣку нѣтъ ничего не позволеннаго; ему нуженъ больше лобъ, нежели мозгъ, а иногда больше нужны ноги, нежели руки. Затѣмъ въ разговоръ вмѣшивается судья Тихокрадовъ и, улыбаясь, возражаетъ Рубакину: «Я могу коротко сказать, что службѣ моей обязанъ я знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ 10 т.; вступая же въ нее, не имѣлъ я ни полушки; итакъ, одно это довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе шпаги... Статскій человѣкъ имѣетъ еще то преимущество, что, не подвергая себя видимой опасности, какой подвергается воинъ, можетъ ежедневно обогащать себя и присвоивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить ими и почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, если отъ нихъ такія вещи принимаешь. Сверхъ того, статскій человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно такъ же, какъ и купецъ, съ тою только разницею, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ и продаетъ его, сообразуясь съ обстоятельствами. Если вы скажете, что все это не позволено законами, то, по крайней мѣрѣ, должны признаться, что въ свѣтѣ обыкновенія столь же сильны, какъ и самые законы». Наконецъ, рѣчь заводитъ находящійся тутъ же въ числѣ гостей художникъ Трудолюбовъ. «Любезный Плуторѣзъ», говоритъ онъ хозяину, «если ты хочешь доставить сыну своему счастіе какимъ-нибудь художествомъ, то или пошли его для работы въ чужіе краи, или не вели ему ни за что приниматься, потому что здѣшніе жители своихъ художниковъ и ихъ

работу ни за что почитаютъ, а уважаютъ одно привозимое изъ-за моря». — «Нѣтъ, милостивые государи», сказалъ хозяинъ, «я свое состояніе всѣмъ прочимъ предпочитаю, и оставлю навсегда въ немъ своего сына. Правда, я не дворянинъ, но деньги все мнѣ замѣняютъ!» Я увидѣлъ, заключаетъ сатирикъ, что онъ говоритъ правду; потому что, процвѣтая въ избыткѣ, живетъ онъ какъ маленькій царёкъ!

Мы видѣли, что одинъ изъ гостей выразилъ глубокое презрѣніе къ философамъ, т. е. къ людямъ мысли и слова. Какъ, впослѣдствіи, въ своихъ басняхъ, такъ уже и въ прозаической сатирѣ, Крыловъ является горячимъ поборникомъ просвѣщенія. Но хотя онъ и часто съ ироніей отзывается о незавидномъ положеніи писателя въ тогдашнемъ обществѣ, о неуваженіи дворянъ, военныхъ и вельможъ къ умственному труду, однакожъ не надобно думать, чтобъ онъ оставлялъ въ покоѣ тотъ классъ людей, къ которому самъ принадлежалъ, т. е. пишущую братью вообще, разумѣя и литераторовъ и ученыхъ. Еслибъ, говоритъ онъ, авторы, вмѣсто изслѣдованія различныхъ состояній, захотѣли вникнуть только въ состояніе ученыхъ и философовъ, то и тогда могли бы примѣтить, какъ далеко простирается слабость человѣческаго разума [1]). Онъ жалѣетъ, что большая часть ученыхъ руководствуются болѣе тщеславіемъ и славолюбіемъ, нежели искреннимъ желаніемъ распространять добро и истину. Особенно же упрекаетъ онъ ихъ въ томъ, что каждый старается превозносить до небесъ ту науку, которою самъ занимается, и желалъ бы при прославленіи ея помрачить всѣ другія науки. Ученые думаютъ, продолжаетъ онъ, что если люди будутъ болѣе уважать ту науку, въ которой они себя отличили, то чрезъ то и къ нимъ самимъ будутъ имѣть больше почтенія; философъ увѣренъ, что чѣмъ болѣе философія будетъ въ почетѣ, и онъ болѣе будетъ уважаемъ. Историкъ, стихотворецъ и риторъ такія же имѣютъ мысли. Однакожъ, въ заключеніе, Крыловъ проситъ снисхожденія къ ученымъ, потому что соревнованіе, которое они одинъ противъ другаго чувствуютъ, поощряетъ ихъ производить многія прекраснѣйшія творенія. А притомъ, прибавляетъ онъ, надобно

---

[1]) *П. Д.* ч. II, письмо 40.

сказать и то, что не всѣ ученые люди любовь къ славѣ и странное желаніе, чтобъ о нихъ съ похвалою говорили, простираютъ до крайности. Хотя совершенная правда, что всѣ жаждутъ безсмертія, однакожъ не всѣ къ достиженію его употребляютъ одинакіе способы, и не всѣ желаютъ его купить за одинакую цѣну.

Въ современной ему литературѣ Крыловъ не разъ клеймитъ насмѣшкою тѣхъ мнимыхъ сочинителей, которые, въ сущности, не что иное, какъ плохіе переводчики [1]). Описывая сцену въ книжной лавкѣ, критикъ, послѣ ухода дѣйствующихъ лицъ, спрашиваетъ книгопродавца, который жаловался на худой сбытъ своего товара: «Отчего же здѣсь мало хорошихъ книгъ?» — «Оттого, сударь, отвѣчалъ тотъ, что здѣсь множество авторовъ занимаются не тѣмъ, чтобъ что-нибудь *написать*, но чтобы что-нибудь *напечатать* и поспѣшить всенародно объявить, что они невѣжи. Страсть къ стихотворству здѣсь сильнѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, но страсти къ истинѣ и къ красотамъ очень мало въ сочинителяхъ; оттого-то здѣсь нѣтъ хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалено бреднями худыхъ стихотворцевъ!»

Между своими собратьями-писателями Крыловъ бичуетъ не только бездарныхъ одописцевъ и вообще пристрастныхъ льстецовъ, скрывающихъ пороки своихъ единоземцевъ, но и тѣхъ, по его словамъ, гнусныхъ сатириковъ, которые бранятъ свое отечество безъ всякой другой причины, кромѣ желанія показать остроту своего пера [2]). То же патріотическое чувство, которое выразилось въ этихъ словахъ, заставляло Крылова преслѣдовать съ особенною настойчивостью тò легкомысліе, съ какимъ русское общество, прельстясь обманчивымъ лоскомъ французскаго образованія, надолго отдалось въ руки западно-европейскихъ выходцевъ. Извѣстно, какое значеніе французы пріобрѣли у насъ тогда въ общежитіи, въ воспитаніи и въ торговлѣ. Эта сторона русскихъ нравовъ сдѣлалась одною изъ любимыхъ темъ Крылова во всѣхъ его сатирическихъ сочиненіяхъ. Къ моднымъ лавкамъ, часто служившимъ притонами порчи нравовъ и всякаго обмана, возвращался онъ часто и, наконецъ, посвятилъ этому предмету извѣстную комедію. Послѣдствія французскаго воспитанія вы-

---

1) *П. Д.*, ч. II, письмо 30.

2) *П. Д.*, ч. I, п. 9.

ставлены имъ въ комедіи *Урокъ дочкамъ*, а позднѣе и въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его басенъ. Противъ этого зла направлены также многія мѣста *Почты Духовъ*. Французы, по его замѣчанію [1]), удивляются просвѣщенному вкусу туземцевъ, но смѣются имъ въ глаза и сбираютъ съ нихъ деньги; они принудили здѣшнихъ жителей, не объявляя имъ войны и не имѣя никакихъ къ тому правъ, платить себѣ столь тяжкую подать, какой не сбиралъ Римъ съ своихъ подвластныхъ народо́въ во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей. Это политическое покореніе туземцевъ французами, пишетъ Крыловъ, такъ хитро произведено въ дѣйство, что я не могу этого разобрать подробно. Образчикомъ ихъ нахальства и болтовни выставленъ парикмахеръ [2]). «Едва успѣлъ онъ взять въ руки гребенку, какъ заговорилъ о политикѣ. Онъ перебиралъ правительства разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія и съ такою же легкостію вертѣлъ государствами, какъ пудреною кистью. Вся министерія была ему открыта; и когда дѣло доходило до утвержденія какихъ-нибудь изъ его рѣшеній, тогда этотъ незастѣнчивый человѣкъ, нимало не краснѣя, говорилъ, что съ такимъ и такимъ его мнѣніемъ согласенъ такой-то министръ, такой-то сенаторъ и такой-то генералъ, которымъ онъ чешетъ головы. Онъ увѣрялъ о себѣ безстыднымъ образомъ, что многіе вельможи, производя при немъ ежедневно сокровеннѣйшія дѣла государства, нерѣдко совѣтуются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ министеріи и часто дѣлаютъ свои рѣшенія по его мнѣніямъ.»

Достойнымъ ученикомъ подобныхъ господъ, изъ которыхъ многіе попадали въ Россію съ галеръ или изъ-подъ висѣлицы, является въ *Почтѣ Духовъ* русскій салонный щеголь графъ Припрыжкинъ [3]). Этотъ 20-ти лѣтній повѣса проводитъ всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми утѣшаетъ своихъ родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ заимодавцевъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ; часто ничего не значащее привѣтствіе, сказанное имъ, почитаютъ за острое

---

1) *П. Д.*, ч. II, п. 39.
2) *П. Д.*, ч. I, п. 9.
3) *П. Д.*, ч. I, п. 9 и 17.

слово, и если онъ улыбается, то всѣ начинаютъ хохотать во все горло, ожидая терпѣливо, когда онъ откроетъ причину своей улыбки. Съ такими качествами Припрыжкину легко было сдѣлаться женихомъ богатой невѣсты. Онъ отправляется за покупками къ свадьбѣ; его сопровождаетъ сатирикъ, который и разсказываетъ объ этой прогулкѣ по Гостиному двору. Одинъ купецъ объясняетъ имъ причину дороговизны, въ которой полагается главное достоинство товара: «Его сіятельство, говоритъ онъ, вздумалъ жениться: ему необходимо запастись множествомъ мелочей; деньги на нихъ онъ долженъ взять съ своихъ 400 душъ крестьянъ. Въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ: собрать съ нихъ къ будущему году 80 т. р. Мужики, не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляютъ свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ, обыкновенно, можно выработать болѣе денегъ: вмѣсто сохи и бороны берутъ они лопаты и топоры, становятся каменьщиками, плотниками и разнощиками, днемъ работаютъ, а по ночамъ, чтобъ лучше собрать свой оброкъ, взыскиваютъ его съ прохожихъ... Отъ такихъ-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымещать это на ремесленникахъ, ремесленники на купцахъ, купцы на господахъ, а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года, крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдаютъ 80 т. р. господину, а на остальные 10 т. посылаютъ въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго становится мало до будущаго года. Итакъ, города терпятъ недостатокъ, деревни голодъ, граждане дороговизну, а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приноситъ пользу государству».

Отыскивая всему мѣсто въ движеніи общественнаго строя, сатирикъ не забываетъ и значенія женщинъ. «Женщины играютъ въ политикѣ не малое лицо: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія и черезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хотя ты съ перваго взгляда и подумаешь, что мущины всѣмъ правятъ, а женщины ничего не значатъ, но очень ошибешься и, посмотря хорошенько, увидишь, что мущины не что иное, какъ

ходатаи и правители ихъ дѣлъ и исполнители ихъ предпріятій [1])». Эти слова взяты изъ разговора Плутона съ Прозерпиной. Калигула — говоритъ она между прочимъ — сдѣлалъ свою лошадь сенаторомъ, и всѣ римляне оказывали ей наивозможнѣйшее уваженіе. Теперь этому смѣются, не примѣчая, что потомки калигулина коня, не теряя своей знатности, размножаются по свѣту. Можетъ быть, будущіе вѣка будутъ такъ-же смѣяться нынѣшнему вѣку, какъ этотъ прошедшему. Обыкновенно, такимъ образомъ новые вѣка хохочутъ надъ дурачествами старыхъ, получая оныя отъ нихъ себѣ въ наслѣдство; послѣдній вѣкъ только одинъ можетъ похвалиться, что не будетъ осмѣянъ.

Чтобы показать, какъ Крыловъ смотрѣлъ на извѣстныя стороны нравовъ современнаго ему русскаго общества и въ то же время дать понятіе, какъ онъ разработывалъ однѣ и тѣ же темы въ сатирѣ и въ баснѣ, приведу изъ *Почты Духовъ* еще одну замѣчательную притчу [2]). Въ судейскую залу толстый купецъ втащилъ бѣдняка, крича, что тотъ укралъ у него платокъ, и требуя, чтобъ его судили по всей строгости законовъ. Судьи опредѣлили бѣдняка повѣсить. Приговоренный объясняетъ, что онъ, умирая съ голоду, дѣйствительно укралъ платокъ. Имѣя врожденный талантъ въ живописи, онъ усовершенствовался въ чужихъ краяхъ и надѣялся найти въ отечествѣ безбѣдное содержаніе. Что-жъ вышло? «Мои картины, говоритъ онъ, хотя всѣми были здѣсь одобряемы, но ихъ порочили тѣмъ, что онѣ не были апеллесовы, рубенсовы, рафаэлевы, или, по меньшей мѣрѣ, не были иностранной работы, и потому никто не хотѣлъ имѣть ихъ въ своихъ галлереяхъ. Это меня лишило бодрости, и повергло въ отчаяніе и нищету... Итакъ, разсмотрите теперь, я ли виновенъ, что по необходимости прибѣгнулъ къ пороку, или вы, гнушающіеся талантами своихъ соотечественниковъ?» Между судьями завязался споръ. Вдругъ отворились двери залы и вошелъ богато-одѣтый господинъ; всѣ судьи передъ нимъ встали и просили его сѣсть. Этотъ богачъ, узнавъ предметъ спора, далъ выкупъ за живописца и предложилъ ему размалевать паркетъ въ своей прихожей. Живописца выпустили, и этотъ рѣдкій художникъ, который могъ

---

1) *П. Д.*, ч. II, п. 34.
2) *П. Д.*, ч. I, п. 12.

бы сдѣлать честь своему отечеству, дожидался своего избавителя, чтобъ идти за нимъ рисовать холстъ для обтиранія ногъ пьяныхъ служителей. — «Кто это, спросилъ сатирикъ у одного изъ стоявшихъ вблизи, — кто это такъ щедро выкупилъ живописца и передъ кѣмъ судьи такъ благоговѣютъ?» — Это одинъ преступникъ, отвѣчалъ ему тотъ на ухо, который судится въ похищеніи и грабительствѣ, и вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ это дѣло тянется... На него донесено, что онъ покралъ изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ, и разграбилъ цѣлую врученную ему область. — «Пропадшій же онъ человѣкъ, сказалъ сатирикъ, — его, конечно, уже замучаютъ жесточайшими казнями». — «Напротивъ того, былъ отвѣтъ: онъ уже оправдался передъ правосудіемъ, и это ему стòитъ одного милліона, а чтобъ оправдаться въ глазахъ народа, онъ дѣлаетъ такіе выкупы, какимъ освобожденъ живописецъ, и взноситъ на содержаніе сиротъ не малыя суммы денегъ, и чрезъ то въ мысляхъ нѣкоторыхъ людей почитается честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человѣкомъ... Но я вижу, продолжалъ онъ, что вы недавно пріѣхали на нашъ островъ; поживите-тко у насъ по-долѣ, такъ и увидите всего по-болѣ.»

Кто не узнàетъ въ этой притчѣ почти то же содержаніе, какъ въ баснѣ о Вороненкѣ, который, по примѣрлу орла, хотѣлъ украсть лучшаго барана въ стадѣ, но запутался когтями въ его шерсти —

И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ; —

изъ чего баснописецъ выводитъ такое заключеніе:

Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

Но сатирикъ освѣщаетъ свою мысль еще болѣе общимъ выводомъ, обнаруживающимъ любопытный, хотя и не радостный взглядъ Крылова на духъ всего тогдашняго общества. Это ясно изъ продолженія приведеннаго разговора въ судейской палатѣ. Посѣтитель суда удивлялся тому, чтò видѣлъ. Новый знакомецъ его, объяснивъ, что только грубое воровство запрещено зако-

номъ и подвергаетъ наказанію, разсказалъ ему слышанное отъ дѣда: «Пристрастіе къ плутовству есть природное свойство здѣшнихъ жителей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину, оно было во всей своей силѣ; но какъ просвѣщеніе на́чало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разныя имена: первостатейные сдѣлались *старшинами* и *законниками*, другіе *купцами*, а третьи *ремесленниками* и *поселянами*; но, перемѣняя званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, и плутовство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ послѣ сей перемѣны, такъ что наконецъ оно превратилось въ совершенный грабежъ, которому однакожъ даны самые честные виды; одно только старое воровство запрещено, а впрочемъ, кто чѣмъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе. Опасно лишь тому, кто въ семъ хранитъ умѣренность: украденное яблоко можетъ стоить головы, а милліоны золота принесутъ уваженіе».

Этотъ взглядъ не вполнѣ измѣнился у Крылова и въ старости. Доказательство тому можно видѣть въ небольшой его баснѣ *Купецъ* (1830 г.), для которой выписанный сейчасъ разговоръ можетъ служить лучшимъ комментаріемъ. Вотъ эта басня или, вѣрнѣе, поэтическая притча:

Поди-ка, братъ Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй
Да подивуйся дядѣ!
Торгуй по-моему, такъ будешь не въ накладѣ, —
Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику купецъ:
Ты знаешь польскаго сукна конецъ,
Который у меня такъ долго залежался,
Затѣмъ что онъ и старъ и подмочёнъ и гнилъ.
Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!
Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него сотняжку:
Богъ о́лушка послалъ.
— Все это, дядя, такъ, племянникъ отвѣчалъ:
Да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ;
Вглядись-ко: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку. —

Обмануть, обманулъ купецъ! въ томъ дива нѣтъ;
Но если кто на свѣтъ
Повыше лавокъ взглянетъ, —
Увидитъ, что и тамъ на ту же стать идетъ,
9 Почти у всѣхъ въ умѣ одинъ разсчетъ:

Кого кто лучше проведетъ
И кто кого хитрѣй обманетъ.

Такимъ образомъ, сатира Крылова часто развиваетъ съ большею полнотою и ясностью тѣ же мысли, которыя мы позднѣе встрѣчаемъ въ его басняхъ. Иногда въ послѣднихъ попадаются образы или черты, уже знакомые намъ изъ его сатирическихъ сочиненій. Такъ въ *Почтѣ Духовъ* [1]), и въ «Мысляхъ философа по модѣ» [2]) мы находимъ первообразъ «Слона и Моськи». Представляя въ смѣшномъ видѣ блистательнаго молодаго человѣка, который шутитъ надъ важными истинами, не понимая ихъ, Крыловъ говоритъ: «При всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ разорвать его, между тѣмъ какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собачонки, такъ точно забавна смѣлость вашего ума, когда огрызается она на вещи, передъ коими онъ менѣе, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ». Идея басни, сравнивающей *мѣшокъ*, наполненный червонцами, съ откупщиками или игроками, разбогатѣвшими съ грѣхомъ пополамъ, высказана первоначально въ слѣдующемъ размышленіи *Ночи* [3]): «Многіе поселяне, оставляя нивы, стали подъ покровительствомъ моимъ собирать съ проѣзжихъ оброкъ, а потомъ переселялись совсѣмъ въ города, и тамъ, воруя сперва въ присутствіи моемъ, наконецъ, подъ названіемъ откупщиковъ и подрядчиковъ, стали безопасно уже воровать и днемъ, не помышляя ни о серпѣ, ни о нивѣ». Первое начертаніе басни о *гусяхъ*, хвалящихся тѣмъ, что предки ихъ спасли Римъ, встрѣчается въ слѣдующихъ строкахъ *Почты Духовъ* [4]): «Мѣщанинъ добродѣтельный и честный крестьянинъ для меня во сто разъ драгоцѣннѣе дворянина, счисляющаго въ своемъ родѣ до 30 дворянскихъ колѣнъ, но не имѣющаго никакихъ достоинствъ, кромѣ того счастья, что родился отъ благородныхъ родителей, которые

---

[1]) Ч. I, п. 9.
[2]) *Зритель*, ч. II, стр. 288.
[3]) *Зритель*, ч. I, стр. 149.
[4]) *П. Д.*, ч. II, п. 37.

также, можетъ быть, не болѣе его принесли пользы своему отечеству, только умножая число безплодныхъ вѣтвей своего родословнаго дерева».

Въ примѣръ о́бразовъ, повторяющихся въ сатирѣ и въ басняхъ Крылова, можно также привести обезьяну, кривляющуюся передъ зеркаломъ [1]). Тема басни *Вельможа*, направленной, такъ какъ и многія изъ прежнихъ его басенъ, противъ дурныхъ судей и ихъ секретарей, часто занимаетъ его уже въ *Почтѣ Духовъ*. Одно цѣлое письмо [2]) посвящено изображенію примѣрнаго судьи и такого же секретаря. Мы видимъ, какъ рано возникли въ душѣ Крылова и какъ долго носились въ ней многіе изъ тѣхъ идей и образовъ, которымъ онъ далъ окончательное развитіе въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; можно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ онъ воспитывалъ въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя. Оттого, для многихъ его басенъ мы напрасно стали бы искать источника въ современныхъ событіяхъ и лицахъ; происхожденіе ихъ часто объясняется гораздо проще: малѣйшій поводъ, ничтожный случай пробуждалъ въ его душѣ давно устоявшіеся въ ней наблюденія и выводы, которые творческая фантазія его легко одѣвала въ новые образы. Вотъ чѣмъ объясняются та естественность и зрѣлость, которыя такъ изумляютъ насъ въ вымыслѣ и формѣ басенъ Крылова.—Въ *Почтѣ Духовъ* и другихъ сатирическихъ сочиненіяхъ его какъ-бы предчувствуется уже будущій баснописецъ; онъ проглядываетъ и въ любимой формѣ крыловскаго разсказа, часто принимающаго характеръ то сказки, то притчи. Таковъ, напр., весь его разсказъ: *Ночи*; такова и восточная повѣсть *Каибъ*, гдѣ мастерски обрисованы отношенія раболѣпнаго дивана и народа къ своему калифу; въ этой сказкѣ уже встрѣчается и басенька, — первый опытъ Крылова въ этомъ родѣ: полотно, на которомъ написана картина, вздумало приписывать себѣ ея успѣхъ; паукъ говоритъ ему: — Ты напрасно гордишься; еслибъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды. — Въ *Мысляхъ философа по модѣ* неисправимость людей на перекоръ сатирѣ сравнивается съ

[1]) *П. Д.*, ч. I, п. 10.
[2]) Ч. I, п. 18.

упорствомъ стараго осла, который съ терпѣніемъ слушаетъ понуканія и брань своего хозяина, зная, что это одинъ пустой звукъ, и продолжаетъ свой путь по прежнему тихимъ шагомъ, оставляя хозяина въ надеждѣ, что онъ когда нибудь его уговоритъ. Но всего замѣчательнѣе, какъ отдаленное предзнаменованіе перехода Крылова къ баснѣ, слѣдующія строки одной изъ послѣднихъ страницъ *Почты Духовъ* [1]): «Нравоучительныя правила должны состоять не въ пышныхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ, а чтобъ въ короткихъ словахъ изъяснена была самая истина. Люди часто впадаютъ въ пороки и заблужденія не отъ того, чтобъ не знали главнѣйшихъ правилъ, по которымъ должны они располагать свои поступки, но отъ того, что они ихъ позабываютъ, а для сего-то и надлежало бы поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти».

Призваніе изучать человѣческое сердце и пружины общественной жизни Крыловъ созналъ въ себѣ чрезвычайно рано. На свѣтъ смотрѣлъ онъ какъ на обширное училище, открытое для всѣхъ желающихъ научиться; ему казалось, что заблужденія, замѣчаемыя нами въ другихъ, могутъ служить намъ лучшими уроками, и что изображеніе ихъ достойно пера мыслителя, желающаго употребить съ пользою свои дарованія [2]). Но не однѣ врожденныя способности помогли юношѣ-Крылову стать твердою ногой на поприще писателя. Извѣстно, что полученное имъ школьное образованіе было чрезвычайно скудно: между тѣмъ сатира его показываетъ въ немъ большую начитанность; ему знакомы произведенія лучшихъ умовъ древняго и новаго міра. Извѣстно также, что умная мать рано внушила Крылову охоту къ чтенію и самодѣятельности, и онъ мало по малу ознакомился со многими великими писателями. Всматриваясь вообще въ дѣятельность нашихъ литературныхъ знаменитостей прошлаго вѣка, мы замѣчаемъ, что большая часть изъ нихъ почерпнули главное свое образованіе изъ того же источника — изъ чтенія. Великіе писатели — вотъ та школа, въ которой преимущественно образова-

---

[1]) Ч. II, п. 49.

[2]) *П. Д.*, ч. II, п. 28.

лись Сумароковъ, Державинъ, фонъ-Визинъ, Карамзинъ и еще въ не столь далекое время Пушкинъ. И мы должны сознаться, что этотъ важный элементъ образованія значительно ослабѣлъ въ нашу, болѣе суетливую эпоху, когда прилежное чтеніе газетъ, лихорадочное участіе въ общественной жизни и налагаемая духомъ вѣка обязанность *слѣдить за всѣмъ*, уносятъ такъ много времени. Кто, кромѣ великихъ писателей, могъ развить въ сынѣ бѣднаго армейскаго офицера, въ маленькомъ провинціальномъ чиновникѣ, тѣ благородные и высокіе помыслы, съ которыми онъ уже на 22 году жизни является наставникомъ общественной нравственности и смѣло обращается ко всѣмъ сословіямъ?

Но однѣ книги не могли доставить ему того глубокаго знанія свѣта, какое мы замѣчаемъ уже въ юношескихъ трудахъ его. Въ *Почтѣ Духовъ* есть мѣсто, раскрывающее намъ, кажется, черту біографіи самого автора и вмѣстѣ тайну его ранняго знакомства съ наукою жизни и сердца человѣческаго. — Одинъ изъ подземныхъ жителей, по имени Зоръ, вздумалъ узнать изъ книгъ нравы и обычаи описываемаго имъ государства; но у писателей этой страны онъ не нашелъ истины и потому рѣшился не въ кабинетѣ своемъ судить о духѣ государства, а вмѣшаться въ общество; чтобъ получить обо всемъ вѣрное понятіе, онъ выбралъ себѣ въ проводники одного молодаго и знатнаго повѣсу, съ которымъ могъ имѣть входъ во многіе дома. Человѣкъ, выбранный Зоромъ для его цѣли, есть уже знакомый намъ графъ Припрыжкинъ, который и посвящаетъ его въ тайны большаго свѣта. Изъ этого мѣста мы можемъ съ вѣроятіемъ заключить, что самъ Крыловъ, такъ хорошо понимавшій, какую услугу Припрыжкины могутъ оказывать писателю, не гнушался знакомства съ подобными господами. Но, посѣщая свѣтъ, Крыловъ, подобно Карамзину, понималъ также, что писатель долженъ заглядывать въ общество, а жить въ кабинетѣ [1]). Нѣкоторое отчужденіе отъ людей считалъ онъ благотворнымъ въ каждомъ званіи. «Пусть осуждаютъ, сколько хотятъ — писалъ

---

[1]) Слова Карамзина въ статьѣ: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ». *Вѣстн. Европы*, 1802, ч. 4, № 14, стр. 120 — 128.

онъ [1]) — грубость и странные по мнѣнію нѣкоторыхъ людей поступки мизантроповъ; я буду всегда утверждать, что почти невозможно быть совершенно честнымъ человѣкомъ, не бывъ нѣсколько имъ подобнымъ. Если бы при дворахъ государей находилось нѣкоторое число мизантроповъ, то какое счастіе послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый государь, внимая гласу ихъ, познавалъ бы тотчасъ истину... Министры, судьи, вельможи, однимъ словомъ, всѣ тѣ, коимъ ввѣрено благосостояніе народное, трепетали бы при единомъ названіи мизантропа... «Ничто, сказали бы они, не можетъ остановить сего ужаснаго провозвѣстника истины. Скоро гласъ его раздастся повсюду и, достигнувъ престола, извѣстить государя о всѣхъ тайныхъ нашихъ дѣлахъ».

Почти ту же тему развиваетъ Крыловъ въ другомъ мѣстѣ, разсматривая, кто истинно честный человѣкъ въ каждомъ сословіи [2]). «Великая разность — говоритъ онъ — между честнымъ человѣкомъ, почитающимся таковымъ отъ философовъ, и между честнымъ человѣкомъ, такъ называемымъ въ обществѣ... Послѣдній часто не что иное, какъ хитрый обманщикъ... или человѣкъ, который, хотя не дѣлаетъ никому зла, однакожъ и о благодѣяніи никакого не имѣетъ попеченія... Истинно-честному человѣку надлежитъ быть полезнымъ обществу во всѣхъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ, когда только онъ въ состояніи оказать людямъ какое благодѣяніе». Потомъ сатирикъ переходитъ къ отдѣльнымъ состояніямъ и говоритъ, наприм., о судьѣ: «Въ обществѣ называется честнымъ человѣкомъ тотъ судья, который, не уважая ничьихъ просьбъ, дѣлаетъ скорое рѣшеніе дѣламъ, не входя ни мало въ подробное ихъ разсмотрѣніе»; по мнѣнію философовъ, этого мало: «Судья хотя бы былъ праводушенъ и безпристрастенъ, но производства судебныхъ дѣлъ совсѣмъ незнающій, въ глазахъ философа тогда только можетъ назваться честнымъ человѣкомъ, когда безпристрастіе его заставитъ почувствовать, сколько онъ долженъ опасаться всякаго обмана, чтобъ по незнанію не сдѣлать неправеднаго рѣшенія, и побудитъ его

---

[1]) *П. Д.*, ч. I, п. 4.
[2]) *П. Д.*, ч. II, п. 24.

отказаться отъ своей должности. Ежели бы всѣ судьи захотѣли заслужить истинное названіе честнаго человѣка, то сколько бы присутственныхъ мѣстъ оставалось порожними! И если бы для занятія сихъ мѣстъ допускались только люди совершенно достойные, то число искателей гораздо бы поуменьшилось».

Не смотря на талантъ, выказанный Крыловымъ въ *Почтѣ Духовъ*, изданіе это не имѣло успѣха. Судя по припечатаннымъ при немъ именамъ подписчиковъ, оно расходилось только въ числѣ 80 экземпляровъ. Это и не удивительно: молодой издатель не имѣлъ еще никакой извѣстности, а охотниковъ даже и на книги, которыхъ авторы успѣли пріобрѣсти громкое имя, было не много. О равнодушіи публики къ литературѣ часто говорится въ *Почтѣ Духовъ*; напр. въ одномъ мѣстѣ [1]) замѣчено, что въ большомъ свѣтѣ почитается невѣжествомъ не знать по названіямъ вновь выходящихъ сочиненій или не знать именъ современныхъ писателей; но читать ихъ произведенія считается потерею времени, а имѣть знакомство съ авторами — униженіемъ; ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые, однакожъ, несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые. Если *Почта Духовъ* и не достигла своей нравоучительной цѣли, не оставила плодотворнаго слѣда ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ, за то она имѣла великое образовательное значеніе для самого автора: она была школой его наблюдательности и сатирическаго таланта, важною для его будущей литературной дѣятельности.

Недостатокъ подписчиковъ на *Почту Духовъ*, вѣроятно, и былъ причиною того, что это изданіе не дожило даже до конца года; оно прекратилось 8-ою, августовскою книжкой, и въ томъ же году уже продавалось какъ книга по 1 р. 80 к. за два томика, тогда какъ годовая цѣна при подпискѣ была прежде объявлена въ 5 р. [1]). Но какъ ни мало читался журналъ Крылова, изъ разныхъ его мѣстъ можно заключить, что стрѣлы его сатиры не пропадали даромъ, что были люди, которые принимали ихъ на свой счетъ и обвиняли его въ личностяхъ. Что Крыловъ,

---

[1]) *П. Д.*, ч. I, п. 9.

[1]) *Спб. Вѣдом.* 1789, окт. 2, № 79.

однакожъ, не имѣлъ серьёзныхъ непріятностей за *Почту Духовъ*, доказывается тѣмъ, что онъ черезъ 2 года выступилъ опять сатирикомъ въ журналѣ *Зритель*, и подписывая свои статьи полнымъ своимъ именемъ, сталъ иногда высказывать еще болѣе рѣзкія истины, нежели прежде. Дѣло въ томъ, что при возвышенности исповѣдуемой имъ морали, при чистотѣ своихъ политическихъ воззрѣній, своихъ понятій о гражданскомъ долгѣ, Крыловъ и не могъ, безъ несправедливости, подвергнуться гоненію. Свидѣтельствомъ, что *Почта Духовъ* не осталась незамѣченною въ нашей литературѣ, служитъ то, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1802 г., она была, съ позволенія цензуры, перепечатана вторымъ изданіемъ, безъ всякихъ сокращеній. Менѣе счастливъ былъ этотъ сатирическій сборникъ въ 40-хъ годахъ, когда въ такъ-называемое «Полное собраніе сочиненій Крылова», изданное вскорѣ послѣ его смерти, вошла далеко не вся *Почта Духовъ*, даже не вся та часть ея, которая въ этомъ изданіи признана несомнѣнно принадлежащею перу Крылова. Это тѣмъ неожиданнѣе, что еще незадолго до того вполнѣ безукоризненное направленіе всѣхъ сочиненій Крылова было торжественно засвидѣтельствовано тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ [1]). Но извѣстно, въ какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ находилась, въ 40-хъ годахъ, наша литература. Тогда почти повторилось то отношеніе ея къ цензурѣ, которое Крыловъ въ 1824 г. сравнилъ съ положеніемъ соловья подъ лапами кошки, въ баснѣ, поясненной нравоученіемъ:

Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

Еще недавно на нашей памяти совершилась въ этомъ отношеніи перемѣна. Въ *Почтѣ Духовъ* [2]) есть разсказъ о вступленіи

---

[1]) На обѣдѣ 2 Февраля 1838 года, министръ, предложивъ тостъ за здоровье Крылова, сказалъ между прочимъ: «Да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современниковъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству» (Плетневъ, «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова».)

[2]) *П. Д.*, ч. II, п. 45.

на престолъ, въ какомъ-то восточномъ царствѣ, молодаго государя, который, въ числѣ привѣтствующихъ его при этомъ случаѣ, допускаетъ къ себѣ также писателя и, выслушавъ его правдивую рѣчь, обращается къ прочимъ лицамъ съ словами: *Этотъ человѣкъ кажется мнѣ не такъ безуменъ и злобенъ, какъ вы мнѣ о немъ говорили; я беру его подъ мое покровительство и приказываю, чтобъ никто не дерзалъ дѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія* [1]). Не переносятъ ли насъ эти слова лѣтъ за 12 назадъ, когда русская литература нашла могущественнаго двигателя въ самомъ Монархѣ, даровавшемъ ей впослѣдствіи первый законъ объ ограниченіи цензуры? Высочайшій указъ 6-го апрѣля 1865 года, знаменательно подписанный въ день всенароднаго торжества въ память русскаго писателя, составляетъ важную эпоху въ исторіи нашей литературы. Не свидѣтельствуетъ ли все ея прошлое, что она наиболѣе процвѣтала всякій разъ, когда слову предоставлялась законная доля свободы, и что если въ литературѣ случались прискорбныя уклоненія отъ здравыхъ началъ, то это бывало, по большей части, слѣдствіемъ болѣзненнаго раздраженія долго подавленной мысли? Въ свѣтлый періодъ царствованія Екатерины II явились вдругъ даровитые писатели съ благородно-смѣлою рѣчью; проводя въ общество новыя либеральныя идеи, они содѣйствовали правительству въ его великодушныхъ стремленіяхъ Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Крыловъ. Подобное оживленіе литературы произошло, по той же причинѣ, въ началѣ царствованія Александра I, и, наконецъ, въ наше время коренныхъ преобразованій, когда русскій писатель получилъ нѣкоторое право голоса въ обсужденіи важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, и тѣмъ пріобрѣлъ такое значеніе, какого онъ никогда еще не имѣлъ. Прилично вспомнить о томъ нынѣ, при праздновании памяти человѣка, который почти 80 лѣтъ тому назадъ оцѣнилъ призваніе русскаго писателя. — Помянемъ Крылова и желаніемъ, чтобы въ этомъ званіи, какъ и во всякомъ другомъ, по его идеѣ, каждый былъ достоинъ имени честнаго человѣка не только въ глазахъ общества, но и въ мнѣніи строгаго мыслителя. Такимъ истинно честнымъ человѣкомъ былъ

---

[1]) *П. Д.*, ч. II, п. 45.

самъ Крыловъ. — Воздадимъ же должную честь не одной славной старости его, когда онъ во всемъ блескѣ проявилъ свой талантъ подъ безопаснымъ покровомъ басни, — воздадимъ честь и его забытой юности, когда онъ смѣло вышелъ въ путь съ бичемъ сатиры въ рукахъ, еще не помышляя о томъ комарѣ, который хотѣлъ предостеречь *пастуха* отъ *змѣи*, но былъ раздавленъ его рукой, и тѣмъ навелъ баснописца на такое размышленіе:

Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же съ нимъ случится,
Что съ комаромъ.

Примѣчаніе. Въ превосходной статьѣ покойнаго П. А. Плетнева, которою начинается изданіе 1847 года (стр. XXII), сказано: «Въ нынѣшнемъ собраніи сочиненій Крылова напечатаны всѣ статьи, принадлежащія собственно его перу и помѣщенныя имъ въ тогдашнемъ его журналѣ». Сравненіе этого изданія съ полною *Почтою Духовъ* показываетъ, что изъ составляющихъ ее 48-ми писемъ въ собраніе сочиненій Крылова вошло только 18, т. е. не много болѣе одной трети, и именно одни тѣ письма, которыя означены именами *Зора*, *Буристона* и *Вѣстодава*. Да и изъ писемъ Зора пропущено одно (12-е), — откуда заимствована мною притча о судѣ надъ живописцемъ и богачемъ. Выходитъ, что всѣ остальныя письма, отмѣченныя въ *Почтѣ Духовъ* именами Дальновида, Свѣтовида, Астарота, Выспрепара, Эмпедокла, Бореида и самого Маликульмулька, по мнѣнію издателей 1847 г., писаны не Крыловымъ, а другими лицами. Преданіе считаетъ сотрудниками его въ этомъ журналѣ Рахманинова и Ник. Эмина [1]). Рахманинову принадлежала типографія, въ которой печаталась *Почта Духовъ*, что и означено, на оборотѣ заглавнаго листа ея, вензелемъ его имени И. Р., выставленнымъ, такъ же точно на журналѣ *Утренніе Часы*. Плетневъ говоритъ, что Крыловъ соединился съ Рахманиновымъ, «чтобы на общемъ иждивеніи содержать типографію и печатать въ ней свой журналъ», и потомъ, черезъ нѣсколько строкъ, называетъ ихъ «журналистами, которые явились въ публику съ *Почтою Духовъ*». Болѣе онъ ничего не сообщаетъ объ участіи въ этомъ журналѣ Рахманинова который повидимому, одинъ занимался матеріальною частью изданія. Что касается до Н. Эмина, то Плетневъ вовсе не упоминаетъ о его сотрудничествѣ въ *Почтѣ Духовъ*,

---

[1]) Мнѣніе наше о возможности участія въ этомъ журналѣ Радищева см. выше, стр. 39.

и мысль о томъ есть, вѣроятно, лишь недоразумѣніе, возникшее изъ смѣшенія Н. Эмина съ отцомъ его, издававшимъ *Адскую Почту.* Далѣе, біографъ Крылова, отзываясь съ величайшею похвалою о его сатирѣ замѣчаетъ, что онъ «набросилъ на ѣдкія свои изображенія покрывало писемъ *Зора*, *Буристона* и *Вѣстодава*, которыя, по словамъ того же критика, «составляютъ одну картину». Читая *Почту Духовъ*, нельзя не признать, что и всѣ ея письма *составляютъ одну картину*, въ которой трудно отличить участіе разныхъ авторовъ: вездѣ одни и тѣ же пріемы, одинъ языкъ, одинъ взглядъ на міръ и общество, частое повтореніе тѣхъ же образовъ и мыслей, словомъ, общая связь и внутреннее единство содержанія. Трудно представить себѣ, чтобъ такія сатирическія письма могли быть писаны нѣсколькими лицами; но если и предположить это, то спрашивается: гдѣ же явные признаки, по которымъ можно было отдѣлить письма Крылова отъ остальныхъ? Еслибъ онъ самъ, при жизни, указалъ на свою долю труда, то, вѣроятно, издатели не упустили бы опереться на такое важное свидѣтельство. Но такъ какъ нѣтъ ни такихъ признаковъ, ни такого свидѣтельства, а между тѣмъ извѣстно, что Крыловъ признавалъ *Почту Духовъ* за свой трудъ, и во всякомъ случаѣ былъ главнымъ ея редакторомъ, то приходится включить всю ее въ составъ его сочиненій. Къ внутреннимъ доказательствамъ единства ея происхожденія присоединяются еще слѣдующія внѣшнія, чрезвычайно важныя, на мой взглядъ, указанія. Въ извѣщеніи объ изданіи *Почты Духовъ*, Крыловъ называетъ себя *секретаремъ* ученаго Маликульмулька, рѣшившимся выдавать переписку этого волшебника съ разными духами, и прибавляетъ, что такъ какъ онъ самъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для напечатанія сихъ писемъ (ибо-де мѣсто секретаря у ученаго человѣка очень безприбыльно), то и проситъ публику подписываться на этотъ сборникъ. Извиняясь потомъ въ несвоевременномъ выходѣ первой книжки, мнимый секретарь Маликульмулька заявляетъ себя «издателемъ сихъ листовъ», изданіе же ихъ называетъ «своимъ предпріятіемъ», и ссылается на свою «непривычность», или другими словами, неопытность. Въ такомъ же точно смыслѣ написано общее «Вступленіе» къ письмамъ, въ которомъ опять идетъ рѣчь объ *одномъ* секретарѣ, т. е. одномъ авторѣ или, по крайней мѣрѣ, редакторѣ писемъ *Почты Духовъ.* Съ этимъ согласно и свидѣтельство Быстрова, который, со словъ Крылова, говоритъ, что Рахманиновъ, бывъ его товарищемъ по изданію *Почты Диховъ. давалъ* ему *матеріалы.* (*Свв Пч.* 1845, № 203).

Тѣ письма *Почты Духовъ*, которыя перепечатаны въ «Полномъ собраніи соч. Крылова», отмѣчены тамъ подъ-рядъ цифрами I, II, III и т. д., какъ будто бы между ними не было никакихъ пропусковъ. Не безполезно будетъ отмѣтить здѣсь, какое мѣсто они занимаютъ въ расположеніи первоначальнаго изданія крыловскаго сборника (римская цифра означаетъ порядокъ писемъ въ изданіи 1847 г., а арабская, заключенная въ скоб-

кахъ, — порядокъ ихъ въ самомъ журналѣ): I (1), II (3), III (6), IV (9). V (11), VI (14), VII (16), VIII (17), IX (21), X (23), XI (26), XII (30), XIII (34), XIV (36), XV (39), XVI (42), XVII (44), XVIII (46). Остальныя 30 писемъ исключены изъ изданія 1847 г. [1]).

Жаль также, что языкъ Крылова въ прозаической части изданія 1847 г. значительно подновленъ, на что въ первый разъ было указано въ статьѣ моей: «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка» (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1867 г., апрѣль, ч. CXXXIV). Кромѣ того, нельзя не пожалѣть, что вообще изданіе это нисколько не удовлетворяетъ критическимъ требованіямъ; такъ напр., при басняхъ не только не показано постепенное умноженіе числа ихъ по изданіямъ, но не означено даже раздѣленіе ихъ на 9 книгъ по послѣднему, при жизни Крылова, въ 1843 г. напечатанному изданію ихъ. Очень желательно, чтобы лица, которыми надолго пріобрѣтено исключительное право изданія сочиненій нашего народнаго писателя, серьезно взвѣсили важность своей отвѣтственности, въ этомъ случаѣ, передъ обществомъ.

---

[1]) Болѣе полное указаніе по этому предмету см. выше, на стр. 45—47, въ *приложеніи* къ другой статьѣ моей.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ И. А. КРЫЛОВА,

сказанное преосвященнымъ Макаріемъ, архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ [1]).

И глагола имъ притчами много.
Матѳ. 13, 3.

Это слова о Томъ, Кого назвалъ нынѣ св. старецъ Симеонъ *Свѣтомъ во откровеніе языкомъ* (Лук. 2, 32), слова о нашемъ Спасителѣ, который, проповѣдуя свое божественное ученіе для просвѣщенія людей, часто-часто употреблялъ притчу.

Но эти же самыя слова невольно припоминаются намъ, сыны Россіи, и при имени человѣка, котораго собрались мы нынѣ помянуть торжественно въ своихъ молитвахъ къ нашему Спасителю, — человѣка, который ровно сто лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ бытіемъ и разнообразными способностями, получилъ отъ Бога великій даръ говорить притчами, и дѣйствительно говорилъ намъ *притчами много*, и завѣщалъ намъ въ своихъ притчахъ безцѣнное сокровище.

Какъ онъ говорилъ? Языкъ баснописца Крылова — чисто-русскій языкъ, но выработанный имъ самимъ и запечатлѣнный силою его необыкновеннаго таланта. Это не рѣчь исключительно нашего простаго народа, съ ея иногда грубыми словами, а еще чаще грубыми выраженіями; не рѣчь исключительно и нашего образованнаго общества, съ ея нерѣдко вовсе нерусскими слова-

---

[1]) Произнесено было въ церкви Харьковскаго университета.

ми и оборотами, съ ея часто искусственнымъ строемъ, сложившимся подъ вліяніемъ иноземнаго слова. Нѣтъ, это такой языкъ, въ которомъ чудно слились и первая рѣчь и послѣдняя, и соединилось все, что только есть лучшаго въ той и другой. Крыловъ взялъ нашъ простонародный говоръ во всей его первобытной простотѣ и естественности, но съ его силою, мѣткостію и выразительностію, очистилъ его отъ всего дикаго и грубаго и сдѣлалъ его изящнымъ, художественнымъ чрезъ искусное сочетаніе съ рѣчію образованнаго общества; взялъ и нашу образованную, литературную рѣчь, освободилъ ее отъ всего искусственнаго и чужеземнаго, обрусилъ ее чрезъ сляніе съ простонародною рѣчью и обогатилъ множествомъ коренныхъ русскихъ словъ и оборотовъ, подмѣченныхъ въ устахъ простаго народа. И вышелъ языкъ — Крыловскій языкъ, какого прежде въ Руси не бывало; языкъ и глубоко-простонародный и высоко-образованный. Вышла рѣчь — русская во всѣхъ отношеніяхъ, словно вылившаяся прямо изъ русской души и сердца; рѣчь, равно понятная и равно пріятная всѣмъ Русскимъ, книжнымъ и некнижнымъ, взрослымъ и дѣтямъ, людямъ высшаго круга и самымъ послѣднимъ поселянамъ; рѣчь такая, что подъ-часъ ее читаешь, не начитаешься, слушаешь, не наслушаешься. Крыловъ завѣщалъ намъ въ своихъ басняхъ сокровище истинно-русскаго слова.

Что онъ говорилъ? Говорилъ то, что можетъ говорить человѣкъ самаго здраваго смысла, практическій мудрецъ и, въ особенности, мудрецъ русскій. Не проводилъ онъ никогда какихъ-либо идей ложныхъ, вредныхъ, противныхъ нравственности, хотя подъ покровомъ басни это было бы легко, по крайней мѣрѣ, не невозможно. Напротивъ, всегда провозглашалъ идеи истины, добра и порядка; нещадно преслѣдовалъ порокъ и неправду во всѣхъ ихъ видахъ, и вообще стремился не разрушать, а созидать, не колебать, а утверждать. Онъ съ убѣжденіемъ отстаивалъ всѣ основы нашего отечественнаго быта: нашей св. вѣры, нашего государственнаго строя, нашихъ общественныхъ и семейныхъ отношеній. Глубоко всматривался въ русскую жизнь, чутко прислушивался къ ея потребностямъ и пользовался даже частными случаями, чтобы вѣрнѣе направлять свою рѣчь къ цѣли и приносить болѣе пользы своимъ согражданамъ. Любилъ онъ иногда

брать у простаго народа уроки мудрости, добытой вѣками и выразившейся въ его пословицахъ и поговоркахъ; а еще чаще изрекалъ самъ такіе же уроки, которые потомъ переходили въ жизнь и становились новыми пословицами и поговорками. Крыловъ завѣщалъ намъ въ своихъ басняхъ сокровище истинно-русской народной мудрости.

Но самое главное отличительное свойство нашего мудреца-баснописца было именно то, что онъ говорилъ намъ баснями, и баснями русскими. Онѣ-то придавали его мыслямъ и словамъ особенную привлекательность и силу. Басни, мастерски составленная, какъ умѣлъ составлять ее Крыловъ, невольно возбуждаетъ наше вниманіе, и равно влечетъ къ себѣ и дитя, и юношу, и старца, и всѣхъ занимаетъ, всѣхъ услаждаетъ, всѣхъ учитъ, непримѣтно, но мѣтко и неотразимо. Мысли самыя возвышенныя, правила самыя мудрыя, наставленія самыя полезныя часто кажутся намъ безжизненными, скучными, и безслѣдно проносятся мимо нашей души; но, будучи олицетворены въ искусной баснѣ, являются предъ нами живыми, чарующими, и производятъ въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе. По самому характеру басни, Крыловъ выводилъ въ своихъ басняхъ и заставлялъ дѣйствовать людей, звѣрей, птицъ, домашнихъ животныхъ, растенія и разные неодушевленные предметы. Но эти люди — наши русскіе люди; эти звѣри, почти всѣ — наши звѣри; эти птицы — наши птицы; эти домашнія животныя, растенія и другіе предметы — все наши, наши и наши. Въ этомъ сказочномъ мірѣ мы чувствуемъ себя какъ-бы у себя дома; вездѣ встрѣчаемъ знакомое, родное; вездѣ видимъ и осязаемъ русскую обстановку, русскіе обычаи, русскій духъ, русскую природу. Крыловъ завѣщалъ намъ въ своихъ басняхъ сокровище истинно-русской жизни.

Братіе-соотечественники! Договаривать ли, что̀ еще завѣщалъ намъ нашъ безсмертный баснописецъ? Онъ завѣщалъ намъ быть Русскими вполнѣ, какимъ былъ самъ до глубины своего существа; онъ завѣщалъ намъ любовь, искреннюю, безграничную любовь ко всему отечественному: къ нашему родному слову, къ нашей родной странѣ и ко всѣмъ кореннымъ началамъ нашей народной жизни. Безъ такой любви онъ могъ, конечно, сдѣлаться великимъ баснописцемъ по своему таланту; но никогда не сдѣ-

лался бы баснописцемъ всецѣло русскимъ, никогда не собралъ бы для насъ, не оставилъ бы намъ такихъ сокровищъ, какія оставилъ. Да воодушевляетъ же эта святая любовь и всѣхъ насъ въ нашихъ стремленіяхъ и трудахъ на жизненномъ пути и да поможетъ онъ каждому изъ насъ принесть дорогой отчизнѣ ту долю пользы, какую мы въ состояніи принесть по роду и мѣрѣ силъ и талантовъ, дарованныхъ намъ отъ Бога.

Къ вамъ особенно, юное поколѣніе роднаго края, къ вамъ простирается завѣтъ человѣка, котораго вы не безъ основанія прозвали своимъ дѣдушкой. По его баснямъ вы начали изучать русское слово, въ его басняхъ встрѣтили первые уроки русской мудрости, изъ его басенъ незамѣтно начали напитываться русскимъ духомъ. О, не останавливайтесь же на этихъ первыхъ урокахъ, продолжайте утверждать и возращать въ себѣ болѣе и болѣе столь естественное всѣмъ чувство любви къ отечеству. Русскими создалъ насъ Богъ; въ Россіи, а не въ иной странѣ, судилъ намъ родиться, и далъ намъ русское слово, русскую душу: нашъ долгъ исполнить эту волю о насъ Творца, не измѣнять нашей природѣ, нашему призванію. Развивайте ваши молодыя силы и способности, воспитывайте и укрѣпляйте ихъ во всемъ истинномъ, добромъ и прекрасномъ; обогащайте себя всякими разнородными познаніями, откуда бы они ни приходили; старайтесь усвоить себѣ всѣ плоды обще-европейскаго, обще-человѣческаго образованія. Но зачѣмъ? Затѣмъ, — помните, — затѣмъ, чтобы все это добро, вами пріобрѣтенное, принесть въ жертву ей — вашей родной матери, Россіи. Аминь.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

ЧТЕНІЯМЪ О КРЫЛОВѢ.

ПИРОГЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

И. А. КРЫЛОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г-нъ Вспышкинъ.
Г-жа Ужима, жена его.
Г-жа Прелеста, дочь ихъ.
Г-нъ Милонъ, любовникъ ея.
Г-нъ Фатюевъ, женихъ Прелесты.
Даша, горничная Прелесты.
Ванька, слуга Фатюева.
Потапъ, крестьянинъ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА Г. КЕНЕВИЧА.

Предлагаемая здѣсь пьеса Крылова считалась его біографами потерянною, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими произведеніями безпечнаго баснописца. Въ 1861 году *Библіографическія Записки* объявили (стр. 673), что эта пьеса находится въ библіотекѣ Александринскаго театра. По этому указанію я обратился къ служащему при театральной дирекціи П. С. Ѳедорову съ просьбою справиться, справедливо ли заявленіе *Библіографическихъ Записокъ.* Такъ какъ эту комедію самъ авторъ и его наслѣдники почитали погибшею, и такъ какъ вслѣдствіе того она не составляетъ теперь ничьей собственности, то П. С. Ѳедоровъ нашелъ возможнымъ доставить мнѣ копію съ нея, за что поставляю своею обязанностью принести ему душевную благодарность.

Комедія Крылова *Пирогъ* написана, вѣроятно, въ 1802 году и была представлена на сценѣ три раза, какъ видно изъ надписи, сдѣланной на рукописи: «въ первый разъ представлена въ Петербургѣ 26 іюля 1802 г., потомъ въ Москвѣ, въ пользу Сандунова, 1804 года 25 января, и за тѣмъ 10 іюля 1805 года снова въ Петербургѣ.»* Ее нельзя причислить къ разряду такихъ художественныхъ произведеній, которыя могутъ почитаться украшеніемъ и обогащеніемъ литературы, подобно его *Почтѣ Духовъ* и баснямъ; она, можетъ быть, не возбудитъ интереса въ читателѣ, ищущемъ непосредственнаго удовольствія и развлеченія; — но историкъ лите-

---

* Покойный Лобановъ въ біографіи Крылова (стр. 16) говоритъ, что эту комедію играли также въ домѣ Оленина. Содержаніе пьесы, въ самыхъ общихъ чертахъ, онъ передаетъ довольно вѣрно и считаетъ возможнымъ, что она со временемъ отыщется.

ратуры найдетъ въ ней двоякій интересъ. Во первыхъ, она свидѣтельствуетъ о весьма замѣтномъ поворотѣ въ литературномъ направленіи Крылова: какъ извѣстно, онъ началъ свою дѣятельность безусловнымъ подражаніемъ французскимъ драматическимъ писателямъ; здѣсь же онъ въ лицѣ Ужимы осмѣиваетъ результатъ такого подражанія, произведшаго ультра-сентиментализмъ, который, пріобрѣтя господство въ литературѣ, по необходимости отразился и въ обществѣ. Во вторыхъ, она даетъ понять, какъ трудно даже такому самостоятельному таланту, какъ Крыловъ, отдѣлаться отъ литературныхъ преданій и какъ форма литературнаго произведенія, порабощенная этими преданіями, можетъ противорѣчить его основной идеѣ.

Должно однакожъ замѣтить, что комедія не лишена драматическаго движенія и заключаетъ въ себѣ два комическіе мотива, которыми не пренебрегъ даже Гоголь, развившій ихъ, конечно, съ гораздо большею силою и искусствомъ. Эти два мотива — чтеніе письма Фатюева и слѣдующій за нимъ разговоръ Вспышкина съ Ванькою (IX явл.).

Къ числу достоинствъ комедіи *Пирогъ* должно отнести то, что языкъ ея повсюду вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру и положенію дѣйствующихъ лицъ, кромѣ развѣ того небольшаго отрывка, гдѣ слуги характеризуютъ своихъ господъ.

октябрь 1868 г.

ПИРОГЪ.

КОМЕДІЯ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

Ванька входитъ, неся въ салфеткѣ Пирогъ, потомъ Мужикъ.

ВАНЬКА.

Тфу пропасть, всѣ руки обломило! — Версты четыре отъ города тащилъ на себѣ цѣлый возъ; да еще туда ли пришелъ? Кажется, туда. — На четвертой верстѣ по большой дорогѣ вправо противъ сельца князя Вѣнецкаго. А не худо бы спросить у кого... Ба! да вонъ мужикъ рубитъ дрова. Допытаюсь у него хорошенько. Эй, мужичокъ! мужичокъ!

МУЖИКЪ.

Што-сте, бояринъ?

ВАНЬКА.

Чья это деревня?

МУЖИКЪ.

Што-мылъ? Чья деревня-то? Барская.

ВАНЬКА.

Да какого барина?

МУЖИКЪ.

Какого-мылъ барина-то? Князя Вѣнецкаго.

ВАНЬКА.

Такъ точно. — Вѣдь это мѣсто называется безрыбные пруды?

МУЖИКЪ.

Безрыбные пруды, мылъ? Это-сте.

ВАНЬКА.

Не пріѣзжали ли сюда господа: двое мущинъ да три женщины?

МУЖИКЪ.

Не пріѣзжали-ли-мылъ? Давно бродятъ по лѣсу.

ВАНЬКА.

Да подойди сюда, скажи мнѣ толковитѣе.

МУЖИКЪ.

Толковитѣе-мылъ? — Прощай, бояринъ, мнѣ неколи.

ВАНЬКА.

Ушелъ. Экая деревенщина! Однако я увѣренъ, что отыскалъ мѣсто. Баринъ мой очень будетъ доволенъ *(развязываетъ пирогъ)*. Ну, да будущему нашему тестю, тещинькѣ и дочкѣ ужъ будетъ надъ чѣмъ позабавиться. — Экой пирогъ! Какъ городъ. Завтракъ будетъ — хоть куда. Нечего грѣха таить, я и самъ люблю такое гулянье, гдѣ бы попить, да поѣсть. И для того-то всегда любимая моя прогулка по обжорному рынку. Ну, да пирогъ! Кабы да не страшно, такъ бы поразвѣдался съ нимъ слегка, а то, право, досадно. Господамъ будетъ около него масляница, а мнѣ, стоя за ними, великій постъ. Я же сильно проглодался. Ну, ну, право, такъ на меня и смотритъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ДАША и ВАНЬКА.

ДАША.

Ба! Иванъ, ты здѣсь? Что ты тутъ дѣлаешъ?

ВАНЬКА.

Здорово, Дашенька! Да вотъ принесъ пирогъ твоимъ господамъ. Вѣдь ты знаешь, баринъ мой звалъ вашихъ сюда на завтракъ.

ДАША.

Ну да! мы за тѣмъ и выѣхали. Господа давно ужъ гуляютъ.

ВАНЬКА.

Да кто съ вами?

ДАША.

Старые господа, барышня и бѣдный Милонъ, который не можетъ отъ насъ отстать, хотя потерялъ всю надежду жениться на барышнѣ.

ВАНЬКА.

Куда ему за нами! Мы и не такихъ соперниковъ съ рукъ сживали. Нѣтъ! да посмотритка, Дашенька, каковъ пирогъ, — прямо жениховскій.

ДАША.

То правда: какъ городъ.

ВАНЬКА.

Ну, такъ бы и взялъ его приступомъ. Право бы взялъ, Дашенька, какъ бы не боялся, что баринъ подоспѣетъ съ сикурсомъ.

ДАША.

Какой пріятный запахъ! какая корка!

ВАНЬКА.

Ахъ! я ужъ давно въ него всматриваюсь. Я ужъ, Дашенька, три дня ѣлъ, право, одинъ хлѣбъ. У моего барина такая привычка, что какъ онъ изволитъ покушать, то думаетъ, что весь свѣтъ сытъ. И вотъ ужъ мѣсяца два не получалъ я моихъ столовыхъ.

ДАША.

Бѣдненькій! — Да не можемъ ли мы, Иванъ, пирожка то немножко отвѣдать? Вѣдь господа то еще часа два ходить будутъ.

ВАНЬКА.

Хорошо-бы, Дашенька, да.....

ДАША.

Да что жъ? Небось, совѣсть не велитъ?..

ВАНЬКА.

То нѣтъ! — Совѣсть бы мнѣ позволила, да спина запрещаетъ. Она у меня щекотливѣе всякой совѣсти.

ДАША.

Положись на меня. Мы же вить не жадимся; вынемъ по кусочку да и полно.

ВАНЬКА.

Да, да! Только какъ мы прорѣху-то заклеимъ?

ДАША.

Молчи, ея и не увидятъ.

ВАНЬКА.

Посмотримъ твоихъ плутней.

ДАША.

Дѣлай только, что я велю. — Сложи вчетверо салфетки двѣ.

ВАНЬКА.

Ну.

ДАША

Положи ихъ на тарелку.

ВАНЬКА.

Ну.

ДАША.

Нѣтъ, это еще жестко. Подложи еще салфетки двѣ.

ВАНЬКА.

Ну.

ДАША.

Опрокинь теперь на нихъ пирогъ вверхъ дномъ.

ВАНЬКА.

Ну!

ДАША.

Вырѣжь же маленькую дырочку на днѣ.

ВАНЬКА.

Ну, ну, ну!

ДАША.

Ну, теперь и вынимай оттоль что попадется.

ВАНЬКА.

А, а! догадался! Да ты бѣсъ на выдумки! Я и самъ не промахъ, а мнѣ бы ввѣкъ этого въ голову не пришло. Подсядемъ же мы къ пирожку-то чиннехонько.

(Садятся и начинаютъ ѣсть.)

ДАША.

Ну, видишь ли, что этого никто не узнаетъ?

ВАНЬКА.

Ни во сто лѣтъ! — Скушай же эту ножку.

ДАША.

Такъ во рту и таетъ! Признайся, что господамъ не житье, а рай.

ВАНЬКА.

Да, особливо когда у нихъ такіе вѣрные слуги. Ну, да пирогъ! Кабы можно, такъ бы сквозь маленькую эту дырочку я самъ туда влѣзъ.

ДАША.

Да, да, а ужъ въ немъ скоро будетъ большой просторъ.

ВАНЬКА.

Ничего, ничего. Вѣдь можно сказать, что начинка отъ дороги осѣла. — Только, Даша, знаешь что?

ДАША.

Ну, что? — Какое вкусное крылышко!

ВАНЬКА.

Я сколько видалъ, что господа какъ сядутъ кушать, такъ они дѣло или не дѣло, только все говорятъ, а мы съ тобой такъ напустились на пирогъ, что и поговорить некогда.

ДАША.

Ну, ну, да говори, я готова слушать. Ахъ! Это головка.

ВАНЬКА.

Нѣтъ, мнѣ въ тысячу разъ пріятнѣе, когда ты говоришь. У тебя такой хорошенькій голосокъ. Поговоритка ты что нибудь, такъ и мнѣ будетъ веселѣе, да и пирогу-та не такъ будетъ накладно. Смотритка, мнѣ цѣлая птичка попалась.

ДАША.

Да гдѣ жъ твой баринъ?

ВАНЬКА.

Къ завтраку сюда будетъ. Ну скажи же, Дашенька, когда твоя барышня выдетъ за моего барина? — Да съѣсть вотъ эту ножку.

ДАША.

Мнѣ бы очень не хотѣлось, чтобъ эта свадьба сдѣлалась; бѣдная барышня любитъ Милона, а при томъ же, между нами сказать, баринъ твой вѣдь очень плохъ. И ума въ немъ, меньше, меньше.....

ВАНЬКА.

Ну, меньше чѣмъ осталось начинки въ этомъ пирогѣ. Я согласенъ, Дашенька; да что намъ въ барскомъ умѣ? — Чѣмъ господа глупѣе, тѣмъ слугамъ прибыльнѣе. Это моя пословица— кушай же, кушай на здоровье.

ДАША.

То нечего грѣха таить, а моихъ господъ, выключая барышню, изъ десяти дураковъ не выкинешь: старикъ бѣшенъ, вспыльчивъ и вѣтренъ, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ; старушка притворная скромница, которая сошла съ ума на романахъ и на пѣсенкахъ; въ людяхъ она ангелъ, а дома отъ нея никому покоя нѣтъ. Да нѣтъ ли у тебя ложки?

ВАНЬКА.

Какъ нѣтъ? со мною четыре прибора. Посуди-ка, душенька, что я, какъ оселъ, все это на себѣ тащилъ.

ДАША.

Видишь ли каково хорошо имѣть добраго товарища. Теперь мы грузъ пополамъ раздѣлили.

ВАНЬКА.

Ну, братъ, Даша, да въ пирогѣ-то хоть садъ сади. Чистехонько. Что это мы надѣлали?

ДАША.

Ужъ я и сама замѣтила, да что дѣлать.

ВАНЬКА.

Эй, эй, бѣды! Вотъ какъ мы съ тобой заговорились. Ну не миновать мнѣ палокъ. Воля твоя, Даша, я скажу, что и ты тутъ же виновата.

ДАША.

Куды уменъ! Развѣ спинѣ твоей будетъ легче, коли мнѣ пощочины достанутся? Лучше постарайся какъ нибудь вывернуться.

ВАНЬКА.

Вывернуться, вывернуться! Да развѣ туда сѣна набить, что-ли? О проклятая жадность! Дуракъ я, что тебя послушалъ. Даша, ты меня, какъ Евва Адама, соблазнила.

ДАША.

Ну, да кто виноватъ? вѣдь ты хотѣлъ съѣсть одну ножку, а вмѣсто того жралъ за десятерыхъ.

ВАНЬКА.

Ну, не знаю, Даша, однако жъ, у кого больше костей. Улика-то передъ тобою.

ДАША.

Вотъ еще! ты-бы своихъ то оглодковъ больше на мою сторону откладывалъ. Да что и говорить: съ дуракомъ свяжись, такъ самъ дуракъ будешь. Лучше уйти.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАНЬКА.

(Одинъ.)

Неблагодарная! — Сама же меня уговорила; — для нея я спины своей не послушался, а послѣ меня же разбранила да и была такова. О свѣтъ! О женщины! — Вотъ корми людей пирогами, ты жъ будешь у нихъ въ дуракахъ! — Ну, хорошъ я! Пирожокъ-то выпотрошилъ порядочно и сердце слышитъ, что моей спинѣ не миновать отеческихъ увѣщаній. — Однако, что дѣлать? — Скорѣй, скорѣй поставимъ пирогъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало! — А тамъ, что будетъ, то будетъ. Еслибъ мнѣ удалось его отселѣ выжить и протурить назадъ въ городъ, то бъ еще какъ нибудь бѣду можно было поправить. Хоть бы ужъ та отрада, что бы я цѣлый день не битый ходилъ. — А къ вечеру, такъ и быть! Пусть поколотятъ. Крѣпче усну.

(Устанавливаетъ пирогъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ванька и Фатюевъ.

ФАТЮЕВЪ.

(За театромъ.)

Джоке! проводи немножко лошадей. Прекрасный карикль! Лишь женюсь, заплачу каретнику..... Ванька! здѣсь ли они?

ВАНЬКА.

(Въ половину вслушиваясь.)

Цѣлёшенекъ, сударь!

ФАТЮЕВЪ.

Дуракъ! Я спрашиваю о Вспышкиныхъ.

ВАНЬКА.

(Хочетъ идти.)

Слушаю, сударь!

ФАТЮЕВЪ.

Ты иль пьянъ, иль сочиняешь! Я тебя спрашиваю, скотина, здѣсь ли Вспышкины?

ВАНЬКА.

Виноватъ! Здѣсь, сударь!.. Какъ бы его спровадить!

ФАТЮЕВЪ.

Видѣли ли они?

ВАНЬКА.

Что? — Пирогъ, сударь? — Нѣтъ, я еще имъ не показывалъ.

ФАТЮЕВЪ.

Все врешь! Видѣли ли они, какъ я ѣхалъ въ кариклѣ? Во всемъ городѣ такого нѣтъ.

ВАНЬКА.

Што, сударь, я боюсь, что онъ не допеченъ.

ФАТЮЕВЪ.

Мой карикль, скотина!

ВАНЬКА.

Нѣтъ, сударь, пирогъ! Что-то очень тяжелъ. Досадно, если завтракъ не удасться, а особливо когда вы тутъ будете сами.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ это можно! Покажитко мнѣ его *(беретъ пирогъ.)* — Да онъ легокъ какъ перо.

ВАНЬКА.

Что вы, сударь, изволили сказать объ кариклѣ?

ФАТЮЕВЪ.

Что эдакого во всемъ городѣ нѣтъ. Дай-ко ножикъ, я взрѣжу.

ВАНЬКА.

Ну, сударь, хорошъ карикль. Да и парочка не худа: картина, сударь, какъ вы ѣдете.

ФАТЮЕВЪ.

Я думаю! — Ножикъ, — я взрѣжу немножко.

ВАНЬКА.

На гуляньи такъ съ васъ глазъ не спускаютъ.

11

ФАТЮЕВЪ.

Ха, ха, ха! Да видѣли они, какъ я сюда ѣхалъ? Кой чортъ, пирогъ легокъ, какъ перо.

ВАНЬКА.

Што, сударь, если бъ вы проѣхали передъ ними. Вонъ они тамъ ходятъ около прудовъ.

ФАТЮЕВЪ.

А что ты думаешь? Пусть они полюбуются. Джокей, карикль! Да кто съ ними?

ВАНЬКА.

Съ ними, сударь? Да вамъ это все равно. Проѣзжайтесь-ка... Умъ растерялъ..... Какъ мнѣ быть? Какъ его спровадить?

ФАТЮЕВЪ.

Конечно, все равно. Я только не люблю, коли есть кто нибудь, кому я долженъ.

ВАНЬКА.

Славно, голубчикъ! Самъ въ ротъ влѣзъ. — Съ ними, сударь, Грубининъ.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ Грубининъ? Чортъ его возьми! Его-то мнѣ меньше всѣхъ видѣть хочется. Онъ мучитъ меня, какъ демонъ, изъ 2000 рублей, которые долженъ я ему по картамъ.

ВАНЬКА.

Да, сударь! Онъ немножко грубоватъ. И въ послѣдній разъ, какъ онъ пріѣзжалъ къ вамъ за деньгами и я ему отказалъ, то онъ мнѣ далъ такую оплеуху... А у меня съ нимъ, кажется, и счетовъ нѣтъ. Да велѣлъ вамъ сказать.....

ФАТЮЕВЪ.

Помню, помню... Да какъ его чортъ принесъ?

ВАНЬКА.

Они здѣсь встрѣтились.

ФАТЮЕВЪ.

Вотъ-те и завтракъ къ чорту! Ванька, я лучше уѣду?

ВАНЬКА.

Напрасно, сударь. Еслибъ вы знали какой прекрасный пирогъ!

ФАТЮЕВЪ.

Дьяволъ тебя побери и съ пирогомъ! Я ни изъ чего не хочу встрѣтиться съ Грубининымъ, а особливо при нихъ.....

ВАНЬКА.

Такъ что же, сударь, въ карикль, да и съ Богомъ. Погода прекрасная.....

ФАТЮЕВЪ.

Да чѣмъ же я извинюсь? — Э! постой! Мнѣ пришла изрядная мысль. Я имъ все твердилъ, что за меня сватаютъ княжну Снафидину. Это подожгло старика, чтобъ меня изъ рукъ не выпустить.

ВАНЬКА.

Знаю, сударь, хотя у княжны Снафидиной этого и въ головѣ не бывало.

ФАТЮЕВЪ.

Все равно! Я отпишу, что будто сію минуту присылалъ за мной по этому сватовству мой дядя и что я ѣду рѣшительно отказать.

ВАНЬКА.

Прекрасно!

ФАТЮЕВЪ.

Нагнись же — ты будешь мнѣ вмѣсто письменнаго стола.

ВАНЬКА.

О, если бъ моя спина только тѣмъ отдѣлалась. *(Фатюевъ задумывается.)* Что жъ вы не пишите, сударь?

ФАТЮЕВЪ.

Послушай — да посмотритка, не уѣхалъ ли Грубининъ.

ВАНЬКА.

Нѣтъ, сударь, нѣтъ! — Я слышалъ, какъ они его уняли остаться завтракать съ ними.

ФАТЮЕВЪ.

(Стукнувъ по спинѣ.)

Чортъ бы его взялъ!

ВАНЬКА.

О сударь!

ФАТЮЕВЪ.

Виноватъ! Этотъ Грубининъ меня вовсе разстроилъ.

ВАНЬКА.

Пишите, сударь, пишите; а то они могутъ сюда вернуться, и тогда ужъ поздно.

ФАТЮЕВЪ.

Хочется мнѣ, чтобъ и письмо имъ порасцвѣтить. — Да! да! прекрасная мысль!

ВАНЬКА.

Скорѣе, сударь, я упаду.

ФАТЮЕВЪ.

Кончилъ! — Прекрасно! Я доволенъ, Ванька! Если бъ ты могъ чувствовать, какое у меня пламенное воображеніе.

ВАНЬКА.

Ахъ, сударь, вся спина моя горитъ. — Да поѣзжайте, вонъ, кажется, это они.

ФАТЮЕВЪ.

Гдѣ? гдѣ?

ВАНЬКА.

Вонъ между деревьевъ мелькаютъ — вотъ въ томъ лѣсу. И Грубининъ — вонъ подъ елями.

ФАТЮЕВЪ.

И Грубининъ! Прощай. — Отдай записочку и извини меня... Чтобъ чортъ взялъ этого Грубинина! — Разскажи мнѣ послѣ, довольны ли они будутъ пирогомъ и записочкою.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВАНЬКА.

(Одинъ.)

Уфъ! насилу сжилъ его съ рукъ; отъ сердца немножко отошло. Теперь, пока время есть, придумать нельзя ль хотя вполовину бѣды поправить.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ужима, Прелеста, Милонъ, Даша и Ванька.

УЖИМА.

Боже мой! Я чувствую ваше снугаданіе. Ничего нѣтъ мучительнѣе, какъ несчастная любовь; но это не отъ меня зависитъ.

ПРЕЛЕСТА.

Матушка! убѣдите вашими просьбами батюшку.

МИЛОНЪ.

Сдѣлайте наше благополучіе.

УЖИМА.

Ахъ, Боже мой! Вы знаете мою чувствительность; я терзаюсь, глядя на препятствія, которыя судьба полагаетъ взаимной вашей нѣжности. Но мужъ мой совсѣмъ другихъ сентиментовъ: съ нимъ способу нѣтъ сладить.

ВАНЬКА.

Баринъ приказалъ поклониться, прислалъ пирогъ и при томъ письмецо.

УЖИМА.

Какъ онъ милъ! Милонъ, не правда ли, что у насъ будетъ сентиментальный завтракъ, подъ лѣскомъ у ручейка. — Ахъ, еслибъ нѣжный соловей украсилъ его своею гармоніею!

ВАНЬКА.

Не прикажете ли, сударыня, сбѣгать на село къ прикащику — можетъ быть, у него есть въ клѣткѣ; то бъ мы повѣсили на дерево.

МИЛОНЪ.

(Особо.)

Въ такихъ лѣтахъ и такое легкомысліе! Это несносно! *(ей.)* Но скажите, сударыня, уже ли вы съ равнодушіемъ будете смотрѣть на наше несчастіе.

УЖИМА.

Ахъ, Боже мой! Я затерзаюсь, глядя на ваши страданія.

ПРЕЛЕСТА.

И такъ я суждена быть несчастливою.

МИЛОНЪ.

Прощайте же, сударыня.

ПРЕЛЕСТА.

Милонъ, ты оставляешь меня?

ДАША.

Жалко глядѣть на нихъ.

УЖИМА.

Ахъ, нѣтъ, не уходите, не уходите сударь, останьтесь съ нами; послѣ завтрака мы сядемъ гдѣ нибудь въ тѣни развѣсистыя ивы, и я спою въ утѣшеніе вамъ любимую мою пѣсенку: «Я птичкой быть желаю»... Даша! Да здѣсь ли мои пѣсни?

ДАША.

Нѣтъ, сударыня, я не знала.....

УЖИМА.

Это ужасно! ты знаешь, что я безъ нихъ, какъ безъ души; какая ты вѣтренная.

ДАША.

Вы наградите то голосомъ, сударыня, чего не упомните въ словахъ.

УЖИМА.

Это правда, что мой органъ съ нѣкотораго времени сталъ чувствительнѣе и мягче, однако прошу впередъ быть памятливѣе.

ПРЕЛЕСТА.

Я страдаю!

МИЛОНЪ.

Я въ отчаяніи!

УЖИМА.

И я терзаюсь съ вами; выслушайте; теперь очень къ стати будетъ эта пѣсенка: мы всѣ въ прекрасномъ расположеніи для сентиментальной музыки.

(Начинаетъ пѣть.)

Я птичкой быть желаю,
Вездѣ чтобы лѣт.....

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вспышкинъ и тѣже.

ВСПЫШКИНЪ.

(Говоритъ за кулисами.)

Ну слышишь-ли, чтобъ тамъ дожидались и чтобы все было готово — это прекрасно вздумано.

УЖИМА.

Что такое жизнь моя?

ВСПЫШКИНЪ.

Такъ, такъ! Это будетъ безподобно. — Жена! мнѣ надобно поговорить съ тобою.

УЖИМА.

Боже мой! какъ это слово деретъ уши! — Отвыкнешь ли ты отъ него, душа моя.

ВСПЫШКИНЪ.

Вотъ въ пору хватилась! Кажется, ужъ тридцать лѣтъ, какъ это слово ты отъ меня слышишь, и мнѣ трудно на старости отъ него отвыкать.

УЖИМА.

Если тридцать лѣтъ кто дѣлалъ дурачество, похвально на тридцать первомъ его оставить.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, ну, добро! Что за бездѣлицу сердиться! Послушай же, Маланья Сысоевна!

УЖИМА.

Ай, какое варварство! — Да зовите меня просто Малашей, сударь. — Посмотрите, я вамъ во всѣхъ романахъ покажу.

ВСПЫШКИНЪ.

Да вѣдь мы съ тобою не романъ! Оставь же пустяки-то; мнѣ надобно тебѣ дѣло сказать. Прелеста и ты Милонъ, прогуляйтесь съ полминуточки съ Дашей и приходите скорѣе назадъ. *(Ивану.)* Ба! и ты здѣсь?

ВАНЬКА.

Баринъ, сударь, приказалъ свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и прислалъ пирогъ.

ВСПЫШКИНЪ.

О, я ему этотъ пирогъ заплачу доброю монетою; онъ не будетъ о немъ сожалѣть. Пройдись, дружокъ, и ты за дочерью.

ВАНЬКА.

Вотъ письмецо.

ВСПЫШКИНЪ.

Хорошо, хорошо, содержаніе угадать не мудрено; только мнѣ теперь прочесть его некогда; ужо послѣ и ты съ ними воротись.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Вспышкинъ и Ужима.

ВСПЫШКИНЪ.

Послушай-ко меня: вѣдь надобно признаться, что Фатюевъ всѣ мѣры прилагаетъ намъ угодить, и онъ давно стоитъ счастья, которое мы ему обѣщали, т. е., что-бъ выдать за него нашу дочь. Да что ты наморщилась?

УЖИМА.

Это ужасно, сударь, что вся моя страсть и всѣ мои ласки не могутъ васъ привесть къ тому, чтобы вы нѣжнѣе со мною обходились. Еслибъ вы знали, какъ я чувствительна!

ВСПЫШКИНЪ.

Тфу, пропасть! да что же я тебѣ сдѣлалъ? Я, кажется, ни руки ни ноги тебѣ не переломилъ.

УЖИМА.

Ахъ! Это бы мнѣ сноснѣе было, нежели грубыя ваши обхожденія.

ВСПЫШКИНЪ.

Грубыя! грубыя! Кажется, намъ пора перестать чиниться. Вѣдь ты ужъ чуть не бабушка.

УЖИМА.

Сносно ли это! Вы это можете, сударь, свои годы, а мои...

ВСПЫШКИНЪ.

Ну и у твоихъ итогъ будетъ изряденъ — тридцать лѣтъ какъ ты за мною.

УЖИМА.

Ахъ! я вышла за васъ еще ребенкомъ — дѣвочкою.....

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, не стыдно ли тебѣ такъ лгать, жена. Изъ дѣвочекъ тогда ты давно вышла. Тебѣ же и тогда было за двадцать.

УЖИМА.

Ахъ! какое ругательство! Спирту, спирту! я умру съ досады!

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, ну, миръ, ангелъ мой! что за бездѣлицу умирать? Мнѣ, право, надобно дѣло тебѣ говорить.

УЖИМА.

Дѣло, дѣло, сударь? А я такъ думала, сударь, что, пріѣхавши сюда за городъ, мы будемъ наслаждаться пріятнымъ возду-

хомъ; что мы гдѣ нибудь сядемъ у ручейка; что вы станете цѣловать мои руки, а я буду отвѣчать на ваши нѣжности умильными взорами.

ВСПЫШКИНЪ.

(Передразнивая.)

Умильными взорами.—Экая тебѣ на старости въ голову дичь лѣзетъ! А это все твои романы. Я давно зналъ, что ты когда нибудь съ ума отъ нихъ сойдешь.

УЖИМА.

Еслибъ вы болѣе ихъ читали, то бы чувствительнѣе обходились съ вашею Малашею. Вы бы научились любить.

ВСПЫШКИНЪ.

Въ мои лѣта этому разучиваются.

УЖИМА.

Ахъ! прекрасная Елена 70-ти лѣтъ была похищена Парисомъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Да оставимъ ли мы весь этотъ вздоръ? Я съ часъ сбираюсь говорить тебѣ объ дѣлѣ, а ты съ своими сладостями не даешь мнѣ слова вымолвить.

УЖИМА.

Говорите, сударь! вы знаете, что я слова ваши ставлю закономъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, въ добрый часъ. Слушай же, что я вздумалъ: видишь ли ты вонъ эту церковь?

УЖИМА.

Въ тѣни пальмовыхъ и кипарисныхъ деревъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, просто у березовой рощи... да что до этого за нужда? — А вотъ въ чемъ дѣло: я приготовилъ тамъ попа, и какъ Ѳатюевъ пріѣдетъ, то мы тотчасъ его обвѣнчаемъ.

УЖИМА.

Ахъ, какая мысль!

ВСПЫШКИНЪ.

Да, да, мысль самая умная! Мы съ нимъ вчера бились, кто изъ насъ другъ другу болѣе удружитъ. Онъ мнѣ присылаетъ на гулянье пирогъ, а я отплачу ему дочерью. Притомъ же сказать, шутка шуткой, а дѣло дѣломъ: я не люблю тѣхъ пышныхъ свадьбъ, на которыхъ въ нѣсколько дней сколько денегъ издерживаютъ, что послѣ въ годъ не поправишься; и такъ видишь-ли, что это избавитъ насъ отъ большихъ издержекъ. Ну, скажи теперь, согласилась ли ты на это?

УЖИМА.

Мысль въ самомъ дѣлѣ романическая, и мнѣ нравится; да бѣдный Милонъ. Онъ мнѣ, право, жалокъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, ну, ты сама умная голова, и знаешь, что въ романѣ безъ несчастнаго любовника не бываетъ. А то кому жъ бы было пѣть жалобныя пѣсенки и наполнять лѣса и долины именемъ своей любовницы? Эта роль достанется Милону, тѣмъ болѣе, что онъ человѣкъ не богатый, а играть ее не дорого стоитъ.

УЖИМА.

Ну, такъ хорошо, мой ангелъ, будь воля твоя; только Милона надобно неотмѣнно удержать. Я очень люблю утѣшать несчастныхъ любовниковъ; мы станемъ читать съ нимъ вмѣстѣ элегіи, гдѣ бы, была ночь, луна, звѣзды и блестящая слеза... Ахъ! я воображаю, что мы съ нимъ зачувствуемся!

ВСПЫШКИНЪ.

Стало, дѣло и слажено. Да вонъ и они подходятъ. Эй, дочь! Милонъ! подите сюда.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прелеста, Милонъ, Даша, Ванька и тѣже.

ВСПЫШКИНЪ.

Подитетко, подите, ребятушки! Теперь то мы плотно приберемся къ пирожку. Признаюсь, что меня голодъ очень разбираетъ... Ба! это что?

ВАНЬКА.

Да я, сударь, выпросилъ у прикащика этой деревеньки изъ барскаго дома столъ и стулья для васъ.

УЖИМА.

Ахъ, Боже мой! все испорчено: я думала, что мы просто на лужку.

ВСПЫШКИНЪ.

Мнѣ гораздо пріятнѣе ѣсть, сидя за столомъ на стулѣ, нежели по-турецки на полу и сложа калачикомъ ноги.

УЖИМА.

По крайней мѣрѣ, нельзя-ли столъ поставить возлѣ какого нибудь дерева, у чистаго источника.

ВСПЫШКИНЪ.

Пустое, пустое, мы и здѣсь поѣдимъ. — Ставь скорѣе.

(Ванька ставитъ.)

ДАША.

(Тихо Ванькѣ.)

Сборы велики, каковъ то вкусенъ будетъ завтракъ.

ВАНЬКА.

Ужъ не говори, Дашенька, сердце у меня такъ ходенемъ и ходитъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, да пирогъ! — Прелестушка, мой свѣтъ! Ты у меня всегда была послушная дочь, такъ вѣрно не откажешь ты за этотъ прекрасный пирогъ заплатить такою монетою, какую я у тебя потребую.

ПРЕЛЕСТА.

Батюшка!

МИЛОНЪ.

Что я слышу!

УЖИМА.

Какъ чувствительна! Она вся въ меня. — Прелестушка, другъ мой, съ тобою ли Флоріанъ?

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, да еще объ этомъ послѣ пирога; а теперь я голоденъ, какъ собака. Вѣдь вы пріѣхали сюда въ каретѣ, а я на старости протрясся пѣшкомъ, за то и пирогъ мнѣ покажется вкуснѣе вчетверо, чѣмъ вамъ. Ну, ну, садитесь же! Ну пирогъ! Да, кто его дѣлалъ?

ВАНЬКА.

Фрипоно, сударь, французъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Знаю, знаю! О, да пирогомъ шутить нечего! Ножикъ скорѣй, скорѣй... Какъ хорошо имѣть услужливаго пріятеля! За то и мы, Прелестушка, докажемъ, что мы умѣемъ чувствовать и награждать услуги.

УЖИМА.

Ахъ! умѣть чувствовать — рѣдкій даръ чувствительныхъ сердецъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Полно, Милонъ, грустить. — Не порть нашего пирога, ты намъ будешь всегда пріятелемъ. Человѣкъ ты честный и хорошій; но согласишься, что дочери моей ты не пара. У тебя ничего нѣтъ. Однакожъ молчи. Мы дѣло поправимъ. У меня есть на примѣтѣ племянница, дѣвушка хорошая, душъ двѣсти приданаго. Я даю слово тебя на ней женить.

МИЛОНЪ.

Ахъ! кто можетъ замѣнить мнѣ Прелесту?

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, ну, неужели ты думаешь, что всѣ дѣвушки выходятъ за

мужъ, а мущины женятся по своему выбору? Пустое, мой другъ! На двѣсти паръ трехъ такихъ не выберешь. Вѣдь ты знаешь пословицу: любовью сытъ не будешь... Да оставь это и разъѣдимъ весело нашъ пирогъ... Ну, наточилъ же я ножикъ! Какъ бритва.

УЖИМА.

Какое каменное сердце! — Ахъ, это отъ того, что онъ не читалъ ни эклогъ, ни идилій.

ВСПЫШКИНЪ.

(Взрѣзывая пирогъ.)

Иванъ! пирогъ вѣрно съ куропатками.

ВАНЬКА.

Думаю, сударь. — *(Тихо Дашѣ.)* Даша, у тебя вкусъ тонѣе, — съ чѣмъ онъ былъ?

ДАША.

(Тихо Ванькѣ.)

И мы ихъ за простыхъ куръ съѣли.

ВСПЫШКИНЪ.

(Снимая корку.)

Что за дьявольщина! Я думаю, я ослѣпъ! *(Роетъ въ пирогѣ.)* Кой чортъ! Жена! поглядитка ты!

УЖИМА.

Ахъ, какое варварство! Жена! все жена! Да куда, сударь?

ВСПЫШКИНЪ.

Вотъ прекрасно! Да въ пирогъ-то, дурища

УЖИМА.

(Заглядываетъ въ пирогъ.)

Ахъ! да въ немъ пусто, какъ въ Трофоніевой пещерѣ, Прелестушка! — Посмотрика, жизнь моя.

ПРЕЛЕСТА.

(Заглядываетъ въ пирогъ.)

Этотъ завтракъ не испортитъ обѣда.

ВСПЫШКИНЪ.

Нѣтъ, чортъ меня возьми, если это шутка, такъ она самая глупая! Милонъ, поглядика сюда.

МИЛОНЪ.

Фатюевъ мастеръ угощать.

ВСПЫШКИНЪ.

Ванька.....

ВАНЬКА.

Ну, пропалъ я!.. Чего изволите, сударь?

ВСПЫШКИНЪ.

Что это значитъ?

ВАНЬКА.

А что, сударь?

ВСПЫШКИНЪ.

Да поглядитко въ пирогъ.

ДАША.

Ахъ, да онъ пустешенекъ!

ВАНЬКА.

Смотри, какая диковинка!

ВСПЫШКИНЪ.

Да съ ума что ль сошелъ твой баринъ? Выманилъ насъ за городъ съ тѣмъ, чтобъ морить съ голоду. Мы для этого проклятаго пирога дома не завтракали.

УЖИМА.

Это самая глупая насмѣшка. Я ему никогда не прощу этого.

ВСПЫШКИНЪ.

Чортъ меня возьми! Да я радъ съ нимъ за это подраться. Такъ глупо поступать съ нареченнымъ своимъ тестемъ.

УЖИМА.

Этого поступка ни въ какомъ романѣ не отыщешь.

ВСПЫШКИНЪ.

Безподобный завтракъ! — Хорошо, хорошо! Мы расплатимся. — Молчи же, онъ повѣса проклятый! Когда уже къ лѣтамъ не имѣетъ почтенія...

УЖИМА.

Такъ поступать съ дамами! —

ВСПЫШКИНЪ.

Не растолкуемъ ли мы эту глупую шутку изъ его письма. Да ты несъ этотъ пирогъ?

ВАНЬКА.

Я, сударь, и берегъ его, какъ глазъ! —

ВСПЫШКИНЪ.

Подайко письмо. — Что это? Не подписано, не запечатано! Грубіянъ! *(развертываетъ)* И карандашомъ! Хорошо, зятюшка! Когда еще въ женихахъ не наблюдаетъ ко мнѣ почтенія... Да гдѣ жъ начало?

ВАНЬКА.

Тутъ, сударь!

ВСПЫШКИНЪ.

«Извините, что я не могу»... Видано ли это? Эдакъ можно начинать къ своему портному, или сапожнику: «Извините, что я не могу»!.. Гдѣ жъ «милостивый государь», или «милостивый государь мой?» ужъ бы хоть: «государь мой!» изволилъ поставить. «Извините, что я не могу!» Какъ это глупо сказано! Како глупый слогъ! — Читай, жена. Чего онъ не можетъ?

УЖИМА.

«Извините, что я не могу разъѣсть съ Вами — пирога»... Разъѣсть пирога! — Какія низкія выраженія! «Божусь, что мнѣ нѣкогда». Вы, я думаю, помните, что моя родня сильно приступаетъ ко мнѣ, чтобъ я женился на княжнѣ Снафидиной. Наконецъ дядя мой въ сію минуту присылалъ за мной по этому сватовству, — и я лечу окончить это дѣло, а какимъ образомъ? — Пирогъ сей вамъ скажетъ это за меня.

ВСПЫШКИНЪ.

О да, это отказъ и самый дурацкій! —

УЖИМА.

Читайте сударь сами; у меня силъ нѣтъ читать такія глупости. Грубіянъ!

ВСПЫШКИНЪ.

«Да, мой пирогъ вамъ скажетъ, что сердце мое также полно любовью къ Прелестѣ, какъ онъ полонъ начинкою». Дерзкій!

ПРЕЛЕСТА.

Теперь, батюшка, вы понимаете его мысли; онъ женится на княжнѣ Снафидиной! Покрайней мѣрѣ мы не стоимъ такихъ насмѣшекъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Дерзкій! — «Кушайте его на здоровье, есть чѣмъ полакомиться! Я самъ его заказывалъ и старался, чтобъ онъ былъ такъ богатъ хорошею начинкою, какъ богатъ умомъ нареченный мой тестюшка»... Негодяй! — На, читай, жена! — моей силы не стало.

УЖИМА.

Какъ богатъ умомъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, уже это слышали! читай далѣе.

УЖИМА.

«Вы увидите въ этой начинкѣ столько же хорошихъ вещей, сколько есть добрыхъ и любезныхъ качествъ въ нареченной моей тещинькѣ»... Ахъ, варваръ! Даша! дочитай письмо! Егобы совсѣмъ не надо было брать въ благородныя руки.

ДАША.

«Словомъ, мой пирогъ будетъ вамъ переводчикомъ моихъ чувствъ. — Прощайте, желаю Прелестѣ всякаго счастія, а я ей не женихъ». — Уже это и мнѣ стало досадно (*разрываетъ письмо въ клочки*) вотъ же ему!

ВСПЫШКИНЪ.

Дѣло, Даша! Онъ стоитъ этого! (*тихо Ужимѣ*). Послушай, жена. . .

ВАНЬКА.

Не ужъ то это было написано?

ДАША.

Молчи, я отъ себя прибавила.

ВАНЬКА.

Тьфу, ты пропасть! не успѣла въ секретари попасть, какъ ужъ и сплутовала.

МИЛОНЪ.

Неслыханная и глупая дерзость!

ВСПЫШКИНЪ.

(*Ванькѣ*).

Поди сюда, бездѣльникъ!

ВАНЬКА.

Помилуйте, сударь! Вѣдь вы видите, что я въ этомъ дѣлѣ посторонній.

ДАША.

(*Ванькѣ тихо*).

Скажи скорѣй, что баринъ твой женился на княгинѣ Снафидиной.

ВАНЬКА.

(*тихо ей*).

Да, чтобы еще болѣе надѣлать бѣдъ!

ВСПЫШКИНЪ.

Я тебѣ говорю: поди сюда!

ДАША.

(*Ванькѣ тихо*).

Они поссорятся и ввѣкъ не свидятся, а это тебя избавитъ отъ объясненія о пирогѣ.

ВСПЫШКИНЪ.

Скажи, баринъ твой женится на Снафидиной?

ВАНЬКА.

Да, сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

Такъ онъ нарочно заказалъ этотъ пирогъ, чтобы намъ отказать?

ВАНЬКА.

Ахъ! да сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

Скажи же ему, что онъ дуракъ!

ВАНЬКА.

Дуракъ, сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

Мерзавецъ!

ВАНЬКА.

Мерзавецъ, сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

Бездѣльникъ!

ВАНЬКА.

Бездѣльникъ, сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

И что дочь моя никогда не будетъ имѣть недостатка въ женихахъ.

ВАНЬКА.

Слышу, сударь.

ВСПЫШКИНЪ.

Да чтобъ онъ никогда не показывалъ мнѣ гадкой своей рожи.

ВАНЬКА.

Очень слышу, сударь. (*особо*) То-то намъ и на руку! Остается только налгать барину, такъ и бѣги въ воду.

ВСПЫШКИНЪ.

Бѣшенство меня беретъ. — Да полно, я знаю, какъ ему отомстить. О это прекрасно! Я сей же часъ докажу ему, какъ мало мы объ немъ думаемъ. — Такъ ты согласна жена?

УЖИМА.

Съ Богомъ! —

ЯВЛЕНІЕ X.

Фатюевъ и тѣже.

ФАТЮЕВЪ.

Ха, ха, ха! ну что? каковъ мой пирогъ? Я надѣюсь, что вы меня извините.

ВСПЫШКИНЪ.

Послушай, негодяй! я тебѣ совѣтую впередъ не казаться мнѣ на глаза, если не хочешь, чтобъ я тебѣ обрубилъ уши.

ФАТЮЕВЪ.

Уши? — Вы шутите.

ВСПЫШКИНЪ.

Дочь, и ты Милонъ, ступайте сейчасъ за мною.

(уходятъ).

ФАТЮЕВЪ.

Что это значитъ?

ПРЕЛЕСТА.

Я бы совѣтовала вамъ учиться болѣе различать людей.

(уходишъ).

ФАТЮЕВЪ.

Да помилуйте! Милонъ, скажи ты.

МИЛОНЪ.

Я вамъ не совѣтую требовать дальнихъ объясненій, или вы дорого за нихъ заплатите.

(уходитъ).

ФАТЮЕВЪ.

Да они всѣ перебѣсились! Скажите, сударыня....

УЖИМА.

Боже мой! Не говорите мнѣ! — Отъ васъ мнѣ спазмы сдѣлаются. У меня такая слабость въ нервахъ.

(уходитъ).

ФАТЮЕВЪ.

Да я думаю, что я съ ума сойду. — Даша, скажи хоть ты.

ДАША.

Что мнѣ вамъ сказать? Вы великій грубіянъ, вотъ и все тутъ. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Фатюевъ и Ванька.

ФАТЮЕВЪ.

Ванька!

ВАНЬКА.

Чего изволите, сударь?

ФАТЮЕВЪ.

Видѣлъ ли ты все?

ВАНЬКА.

Все, сударь, видѣлъ.

ФАТЮЕВЪ.

И слышалъ?

ВАНЬКА.

И слышалъ, сударь.

ФАТЮЕВЪ.

Каково тебѣ это покажется?

ВАНЬКА.

Какъ вамъ, сударь.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ мнѣ, какъ мнѣ!... я хочу быть повѣшенъ, если я что нибудь тутъ понимаю. —

ВАНЬКА.

И я бы на вашемъ мѣстѣ не понялъ.

ФАТЮЕВЪ.

Да развѣ пирогъ дуренъ былъ?

ВАНЬКА.

Какъ дуренъ, сударь; я безъ лести могу вамъ сказать, что пирогъ былъ самой имянинной.

ФАТЮЕВЪ.

Да что-же? развѣ имъ не понравился? Говори, бездѣльникъ.

ВАНЬКА.

Не понравился, сударь! Какъ не понравился? Вѣдь вы сами изволите видѣть. —

ФАТЮЕВЪ.

Да. Начинки ничего не осталось.

ВАНЬКА.

Дочиста выѣдено, сударь

ФАТЮЕВЪ.

Свѣжи ли были куропатки?

ВАНЬКА.

Какъ свѣжи-ли сударь? Только что не летали. За то-то ни косточки не осталось.

ФАТЮЕВЪ.

Это правда. Я понять не могу. Да покрайней мѣрѣ, что говорили, какъ ѣли пирогъ?

ВАНЬКА

Ѣли сударь, да похваливали. А впрочемъ не до разговоровъ было, пирожокъ выпростанъ скорёшенько. —

ФАТЮЕВЪ.

Какая странная безтолковщина! Такъ пирогомъ были довольны?

ВАНЬКА.

Я присягнуть, сударь, готовъ за тѣхъ, кои его ѣли, что они всѣ пальчики обсосали.

ФАТЮЕВЪ.

Покрайней мѣрѣ скажи же мнѣ, бездѣльникъ, отчего все это, началось. Или я отъ тебя толку добьюсь, или кости живой въ тебѣ не оставлю. — Вѣдь ты тутъ былъ?

ВАНЬКА.

Тутъ сударь. Да что мнѣ вамъ сказать? Я также мало по-

нялъ, какъ вы. Все что я знаю, такъ это то, что пирогъ былъ очень хорошъ.

ФАТЮЕВЪ

Да письмо ты отдалъ-ли?

ВАНЬКА.

А, а, письмо! Вотъ, сударь, теперь я вспомнилъ! отъ него то и сыръ-боръ загорѣлся.

ФАТЮЕВЪ.

Да оно написано такъ, что они должны были росстаять отъ восхищенія.

ВАНЬКА.

И я такъ думалъ. — Только какъ старикъ сталъ его читать, такъ всѣ они наперекоръ начали васъ честить. Одинъ говорилъ, что вы негодяй; другой что вы глупецъ; третій что вы бездѣльникъ; да я и не вспомню какими именами они васъ честили.

ФАТЮЕВЪ.

Статься нельзя; я отъ письма больше ждалъ успѣховъ, нежели отъ пирога. Но пойду и сей же часъ объяснюсь съ старикомъ.

ВАНЬКА.

И, сударь! плюньте на него. Какъ вамъ хочется съ бѣшеными связываться.

ФАТЮЕВЪ.

Чортъ ихъ возьми; но мнѣ не хочется потерять Прелесты, а еще менѣе ея приданаго.

ВАНЬКА.

Развѣ вы не видите, какъ они васъ подчивали — Киньте ихъ, сударь; вы знаете, сколько красавицъ по васъ вздыхаютъ. Вамъ стоитъ только взглянуть на ту, которой вы счастіе захотите сдѣлать.

ФАТЮЕВЪ.

Это все правда; но Прелеста пригожа и такъ богата, что я едва въ нее не влюбленъ; а пуще всего меня бѣситъ эта непонятность.

ВАНЬКА.

Да вотъ и они подходятъ. Собрать поскорѣй приборы! Пойдемъ-те, сударь; вы свое дѣло сдѣлали; а если завтракъ не понравился, такъ это, право, не ваша вина.

(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Фатюевъ, Вспышкинъ, Ужима, Прелеста, Милонъ и Даша.

ВСПЫШКИНЪ.

Да, да, пусть онъ увидитъ, какъ весела ты съ нимъ разстаешься.

МИЛОНЪ.

Какое неожиданное благополучіе! Прелеста! Такъ наконецъ ты моя! Ахъ! сударь, вы душу мнѣ возвращаете.

ПРЕЛЕСТА.

Могла ли я думать объ этомъ, и тогда, какъ погибель наша была такъ близка.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, ну, кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ. Будьте счастливы и любите другъ друга. Я радъ, что вышло по пословицѣ: ворона съ мѣста, а соколъ на мѣсто; а я лучше хочу имѣть зятя недостаточнаго, но умнаго и честнаго человѣка, нежели богатаго дурака и негодяя. А! г. Фатюевъ! вы еще здѣсь? Простите меня, что я давича съ вами погорячился.

ФАТЮЕВЪ.

Бездѣлица! Такъ вы больше не гнѣваетесь?

ВСПЫШКИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, и не должно бы было; да вспыльчивость моя тому причиною.

ФАТЮЕВЪ.

Я вѣдь зналъ, что мнѣ стоитъ только съ вами увидѣться, чтобы у насъ сдѣлалась мировая.

ВСПЫШКИНЪ.

Худой миръ лучше доброй брани. Я же теперь въ большой радости.

ФАТЮЕВЪ.

Я радъ прыгать съ вами! Вы знаете, что это моя слабость быть всегда веселу. И Прелеста больше на меня не сердится.

ПРЕЛЕСТА.

Нѣтъ, нѣтъ, я все вамъ прощаю.

ФАТЮЕВЪ.

Какое доброе сердце! А Милонъ?

МИЛОНЪ.

Я не хочу одинъ продолжать ссору, когда всѣ ее кончаютъ.

ФАТЮЕВЪ.

Прекрасно, прекрасно! — А вы, моя прелестная Меланія?

УЖИМА.

Ахъ! Я не въ состояніи долго злиться: у меня сердце такое мягкое.

ФАТЮЕВЪ.

Стало, все идетъ хорошо. (*Дашѣ*) А ты, Даша?

ДАША.

Простите меня, сударь.

ФАТЮЕВЪ.

Такъ никто на меня не золъ. Это очень смѣшно, чтобъ такъ умѣть всѣхъ утѣшить. Ха! ха! ха!

ВСПЫШКИНЪ.

Чрезвычайно забавно! Ха! ха! ха!

ФАТЮЕВЪ.

По чести, это была смѣшная ссора. Ха! ха! ха!

ВСПЫШКИНЪ.

Животики надорвешь, ха! ха! ха! Когда же ваша свадьба?

ФАТЮЕВЪ.

Изъ крайности въ другую, ха! ха! ха! Когда вамъ угодно.

ВСПЫШКИНЪ.

Это совершенно отъ васъ зависитъ.

ФАТЮЕВЪ.

По мнѣ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; такъ ли вы думаете, моя милая Прелеста? Ха! ха! ха!

ПРЕЛЕСТА.

Я не отнимаю отъ васъ воли.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ вы милы! ха! ха! ха!

ВСПЫШКИНЪ.

Стало, княжна Снафидина не долго будетъ въ нерѣшимости о своей участи? Ха! ха! ха!

ФАТЮЕВЪ.

Я съ нею кончилъ мастерски, такъ что меня можно поздравить.

ВСПЫШКИНЪ.

Поздравляю, поздравляю.

МИЛОНЪ.

И я васъ поздравляю.

ПРЕЛЕСТА.

И я также.

УЖИМА.

И я отъ всего моего сердца.

ФАТЮЕВЪ.

О, и есть съ чѣмъ! это дѣло было труднѣе, нежели вы думаете. Ха! ха! ха!

ВСПЫШКИНЪ.

Поздравьте же и меня.

ФАТЮЕВЪ.

Со всѣмъ, съ чѣмъ угодно.

ВСПЫШКИНЪ.

Съ зятемъ, только съ зятемъ.

ФАТЮЕВЪ.

Самое милое поздравленіе.

ВСПЫШКИНЪ.

Человѣкъ достойный.

ФАТЮЕВЪ.

Не хвастаясь сказать, въ немъ много хорошаго.

ВСПЫШКИНЪ.

Да развѣ вы знаете?

ФАТЮЕВЪ.

Смѣшной вопросъ: знаю ли я себя?

ВСПЫШКИНЪ.

(Указывая на Милона).

Вы меня не поняли. Вотъ мой зять.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ? Что это значитъ?

ВСПЫШКИНЪ.

То, что мы теперь изъ церкви, и они обвѣнчаны. Такъ прошу ихъ поздравить.

ФАТЮЕВЪ.

Вы шутите!

ВСПЫШКИНЪ.

О нѣтъ! — Это совсѣмъ не шутка.

ФАТЮЕВЪ.

Какъ! Какъ! Такъ вы перемѣнили свое слово?

ВСПЫШКИНЪ.

Такъ какъ вы свое. — Да за что же такой гнѣвъ? развѣ вы не рѣшились съ княжною Снафидиной?

ФАТЮЕВЪ.

Сатана бы ее взяла и съ вами! я совсѣмъ не понимаю вашихъ шутокъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Послушай, Фатюевъ: если сдѣлаемъ дурачества, то надобно по крайней мѣрѣ ихъ помнить. Не ты ли, выманивъ насъ сюда прогуливаться, прислалъ намъ пустой пирогъ?

ФАТЮЕВЪ.

Какъ! я?

ВСПЫШКИНЪ.

Да... постой же! Не ты ли прислалъ намъ пустой пирогъ и въ письмѣ своемъ сравненіями съ пирогомъ очень ясно дѣлалъ отказъ нашей дочери и при томъ очень глупо шутилъ надъ ними?

ФАТЮЕВЪ.

Извините, мои сравненія были безподобны, для того, что начинка была прекрасна.

ВСПЫШКИНЪ.

Вотъ хорошо! Да всѣ видѣли здѣсь, что онъ былъ такъ пустъ, такъ пустъ, какъ твоя—безмозглая голова, которая смѣетъ шутить надъ людьми почтеннѣе себя. Но дѣло кончено. — Дочь моя за-мужемъ. Ты видишь, что она послѣ твоего отказа не долго засидѣлась въ дѣвкахъ.

ФАТЮЕВЪ.

Какое бѣшенство! — Какое отчаяніе! Это ужасно! Ванька, Ванька!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣжъ и Ванька.

ВАНЬКА.

(Въ сторону).

Уфъ! Приходитъ моя очередь.

ФАТЮЕВЪ.

Сказывай, бездѣльникъ, это твои плутни?

ВАНЬКА.

Виновать, сударь, вотъ она меня соблазнила.

ВСПЫШКИНЪ.

Какъ, негодная! — Что это значитъ?

ДАША.

Виновата, сударь! Дьяволъ жадности меня попуталъ.

ВАНЬКА.

Мы разъѣли пирогъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Это пустое: онъ былъ не взрѣзанъ.

ДАША.

Ахъ! мы снизу корку прорѣзали.

ФАТЮЕВЪ.

Видите ли, что я правъ, и что я ѣздилъ отказать княжнѣ Снафидиной.

ВСПЫШКИНЪ.

Но не ты ли на концѣ прибавилъ, что ты дочери моей не женихъ?

ФАТЮЕВЪ.

Какое бѣшенство! Ничего не бывало! Да подайте письмо.

ВСПЫШКИНЪ.

Даша!

ДАША.

Ахъ, сударь! Послѣднія слова я прибавила, чтобъ больше васъ поссорить, и для того тотчасъ изорвала письмо.

ВСПЫШКИНЪ.

Какъ, бездѣльница!

МИЛОНЪ.

Неужели вы будете раскаяваться?

ВСПЫШКИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Обойми меня, мой другъ, я тебя всегда зналъ за достойнаго человѣка. А ты, господинъ Фатюевъ, пеняй на свое несчастіе.

ФАТЮЕВЪ.

Бѣдные мои заимодавцы! Только что было собрался имъ уплатить.

ДАША.

Иванъ! Иванъ! приходи опять съ пирогомъ.

ВАНЬКА.

Добрая Даша! Это мнѣ наука, чтобъ предъ вашей сестрой ушей не развѣшивать.

ВСПЫШКИНЪ.

Ба! Это прикащикъ здѣшняго села.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣже и Потапъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Здорово! А мы у васъ въ церкви свадьбу скрутили. Гдѣ же твоя барыня?

ПОТАПЪ.

Она, сударь, все видѣла и все знаетъ. Приказала васъ поздравить съ молодыми и просить, нельзя ли нынѣшній день отпраздновать вмѣстѣ: вѣдь нынѣ, сударь, ея именины.

ВСПЫШКИНЪ.

Сердечно радъ и поздравляю. Проведемъ же, дѣтушки, здѣсь нынѣшній день. — Это старинная моя пріятельница. — Господинъ Фатюевъ, досаду въ сторону; останьтесь съ нами.

ПОТАПЪ.

А у насъ уже для нея и пляски и пѣсни приготовлены; дѣвки всѣ, какъ маковъ цвѣтъ, выряжены. Вѣдь это намъ лучшій праздникъ въ году, бояринъ, для того, что она, голубушка наша, всегда его съ нами проводитъ. Мы было, правда, хотѣли и комедь сломать; и Васька лакей недѣли съ три по печатной книгѣ съ нами бился, да никакъ провальная на ладъ нейдетъ.

ВСПЫШКИНЪ.

Ну, такъ мы ее за васъ сыграли... Да вонъ и они идутъ. Давайте веселиться!

ЛѢНТЯЙ.

КОМЕДІЯ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

И. А. КРЫЛОВА.

Лѣнтулъ усталости не знаетъ,
Лежитъ и ночь и день;
Но ничего не прозѣваетъ,
Затѣмъ что ротъ разинуть лѣнь.

(Надпись на автографѣ Крылова, сдѣланная рукою А. Н. Оленина.)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

О комедіи Крылова, которая здѣсь названа *Лѣнтяй*, у Лобанова сохранилось слѣдующее извѣстіе: «Иванъ Андреевичъ, еще прежде *Модной Лавки*, написалъ *три* дѣйствія комедіи *въ прозѣ*: *Лѣнивый*. Онъ читалъ ее въ домѣ графа Чернышева. Замѣчательно, что герой комедіи еще не являлся въ продолженіе первыхъ трехъ дѣйствій, и неизвѣстно, въ которомъ дѣйствіи вывелъ бы его сочинитель. Чтеніе этой комедіи принесло величайшее удовольствіе слушателямъ, и авторъ былъ осыпанъ похвалами; но мы не услышимъ ни одного слова изъ этого произведенія; оно погибло невозвратно. Авторъ, уходя изъ дома графа, забылъ измаранныя свои тетради въ прихожей и, подражая герою своей комедіи, или, лучше сказать, будучи образцомъ ему, долго не требовалъ ея; а когда потребовалъ, то узналъ, что служители того дома, видя валяющіяся въ прихожей измаранныя бумаги, издержали ихъ, до послѣдняго листа, на обертку свѣчей».

Ошибочно ли послѣднее показаніе, или у Крылова былъ еще другой списокъ комедіи *Лѣнтяй*, только автографъ ея сохранился въ бумагахъ А. Н. Оленина (ум. въ 1843 г.). Покойный Алексѣй Николаевичъ завѣщалъ всѣ свои бумаги зятю своему Григорію Никаноровичу Оленину, по смерти котораго онѣ перешли по наслѣдству къ вдовѣ его, Варварѣ Алексѣевнѣ (дочери Алексѣя Николаевича Оленина), и къ дочери его, Александрѣ Григорьевнѣ, въ замужствѣ Стояновской. Узнавъ, что Академія Наукъ предполагаетъ издать сборникъ статей о Крыловѣ, Николай Ивановичъ Стояновскій, съ согласія своей тещи и своей супруги, препроводилъ рукопись *Лѣнтяя* въ Академію, при письмѣ къ Я. К. Гроту, съ предоставленіемъ Отдѣленію русскаго языка и словесности права напечатать ее въ своемъ изданіи.

Рукопись эта состоитъ изъ 13 полулистовъ синей бумаги in folio; написана относительно весьма разборчиво рукою самого

автора, съ немногими помарками въ началѣ*). Въ ней сохранилось почти все первое дѣйствіе и отрывокъ втораго. Было ли написано третье, о которомъ говоритъ Лобановъ, неизвѣстно; судя по рукописи, можно даже съ нѣкоторою достовѣрностію сказать, что и втораго Крыловъ не довелъ до конца.

О времени сочиненія комедіи *Лѣнтяй* можно только догадываться по слѣдующимъ даннымъ: 1) бумага подлинной рукописи носитъ на себѣ водяные знаки 1800 года; 2) Лобановъ свидѣтельствуетъ, что эту пьесу писалъ Крыловъ прежде *Модной лавки*; 3) почеркъ, какимъ она писана, не противорѣчитъ этому показанію.

Что касается до свидѣтельства Лобанова, что комедія была написана въ прозѣ, то или ему измѣнила память, или онъ смѣшалъ *Лѣнтяя* съ другою комедіею, отъ которой ничего не сохранилось кромѣ воспоминанія: «Еще къ литературнымъ, невозвратнымъ утратамъ», говоритъ Лобановъ, «надобно причислить двѣ сцены изъ комедіи въ стихахъ, которую (помнится, въ 1820 г., или еще и нѣсколько позже) задумалъ онъ писать. Названія комедіи не помню, да едва ли она имѣла названіе; но эти двѣ сцены читалъ мнѣ Иванъ Андреевичъ... Въ послѣдствіи времени я просилъ у него этихъ отрывковъ, но онъ отвѣчалъ: «не знаю, куда они дѣлись; ужъ не Фенюша ли ихъ прибрала».

Относительно содержанія комедіи, характеровъ и ихъ развитія по сохранившемуся отрывку нельзя сдѣлать даже предположенія. Однако главное дѣйствующее лицо, Лѣнтулъ, уже достаточно выясняется въ первомъ дѣйствіи: это честный, добрый, можетъ быть, даже и образованный, но до безобразія лѣнивый человѣкъ, для котораго лежаніе и спанье составляютъ высшее благо и наслажденіе въ жизни. Для нихъ онъ жертвуетъ всѣмъ: связями, общественнымъ положеніемъ и даже состояніемъ и невѣстою. Лѣнтулъ, по крайней мѣрѣ какимъ онъ представляется въ первомъ дѣйствіи, во многомъ напоминаетъ Обломова, и если бы авторъ довелъ свое произведеніе до конца, то, по всей вѣроятности, и дальнѣйшая судьба его героя не многимъ бы отличалась отъ судьбы Обломова.

---

*) Зачеркнутыя въ рукописи слова и цѣлыя строки приводятся нами подъ строкою. Цифры на поляхъ взяты изъ подлинной рукописи: каждая пара стиховъ считается за единицу.

ЛѢНТЯЙ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АНДРЕЙ.
(За письменнымъ столомъ).

«Любезный батюшка! по вашему совѣту»
(Ну, лгать, такъ лгать смѣлѣй) — «встаю я до разсвѣту
И цѣлый божій день хлопотъ здѣсь тьму терплю»...
(А тутъ бы написать: иль ѣмъ, иль пью, иль сплю)
«Все ѣзжу по судамъ»... (да, ѣздишь ужъ съ недѣлю
Съ постели на диванъ, съ дивана на постелю).
«Теперь-то[а] на мою нельзя пенять вамъ лѣнь:
«Я по уши въ дѣлахъ» — (въ халатѣ цѣлый день).
(перечитываетъ)
Все, кажется [б]. Ну вотъ и грамотка готова...
Ба, ба! да про пріѣздъ невѣсты я ни слова, [в])
А этого никакъ не можно упустить!
Вотъ тутъ-то надобно весь умъ употребить,
Чтобъ было нѣжно все, и кстати бы, и къ мѣсту.
Ну вотъ какъ будто бъ самъ я былъ влюбенъ въ Прелесту.
«Вчерась къ восторгу»... вздоръ! — «Мой умъ»... нѣтъ: «сердце» — нѣтъ!

а) ... ужъ *(зачеркнуто).*

б) Довольно, кажется *(зач.).*
Ну все ли? — все *(зач.).*

в) Постой же, понѣжнѣй прибавлю что-нибудь:
«Вчерась къ восторгу»... вздоръ!.. «вечоръ мнѣ въ нѣжну грудь»...
Нѣтъ, что-то все не такъ... нѣтъ, и то не такъ..
Тфу, пропасть! не клеится... *(зачеркн.).*

Тфу, пропасть! ничего мнѣ въ голову нейдетъ!
Хотя бы подъ перо мнѣ страстный [а]) вздохъ попался.
Ни мысли и въ письмѣ [б])... куда жъ мой умъ дѣвался!..
Э, да!... нѣтъ, нѣтъ! не то... Ей, ей, не знай, какъ быть!
О лѣнтюгъ! за тебя пришло мнѣ и любить.
Такъ просто жъ напишу: «Вчерась, какъ я обѣдалъ,
«Съ своею дочерью Сумбуръ сюда пріѣхалъ»... [в])
Живетъ! — Теперь ужъ все. — Ну, сколько я надулъ?
Изволь лишь подчеркнуть, послушный сынъ, Лѣнтулъ.
Да, вѣрно, и того онъ въ мѣсяцъ не сберется.
Что вижу — за него и подписать придется...

ЯВЛЕНІЕ II.

Андрей и Даша.

ДАША.

Андрей! куда учтивъ твой баринъ въ женихахъ!
Неужли до того зарытъ ужъ онъ въ дѣлахъ,
Что некогда ему зайти на часъ къ невѣстѣ?
Ну, право, это льзя снести одной Прелестѣ.
Ужъ вотъ мы сутки здѣсь [г]) — онъ годъ не видѣлъ насъ —
А ужъ, смотритко ты, совсѣмъ не кажетъ глазъ...

АНДРЕЙ.

Какъ громко ты кричишь!

ДАРЬЯ.

Меня ты не осудишь.

АНДРЕЙ.

Да я не для себя...

ДАРЬЯ.

Что жъ?

а) ...кстати. *(зачеркн.)*.
б) Ну, словомъ, ничего.. *(зач.)*.
в) Идетъ... ну, все не то... хе, хе... *(зач.)*.
г) Едва ввалились мы.. *(зач.)*.

АНДРЕЙ.

Барина разбудишь.

ДАША.

Какъ! шутишь, что ли, ты? Неужли онъ не всталъ?

АНДРЕЙ.

Нѣтъ, всталъ было...

ДАША.

Да что жъ?

АНДРЕЙ.

Опять започивалъ.

ДАША.

Ну, Лѣнтулъ, видно, здѣсь спокойно поживаетъ. [а])
Да ночью что жъ онъ?

АНДРЕЙ.

Спитъ.

ДАША.

А днемъ-то?

АНДРЕЙ.

Почиваетъ.

ДАША.

Прекрасно! старичекъ нашъ будетъ очень радъ!
Онъ въ зятюшкѣ себѣ найти сбирался кладъ.
Изживши на войнѣ и съ нуждой и съ трудами,
Ложиться и вставать привыкъ онъ съ пѣтухами;
Халата у него и туфлей вовсе нѣтъ:
Чуть развсвѣтъ, и ужъ онъ какъ будто въ строй одѣтъ
И тотчасъ или въ садъ, иль осмотрѣть работу,
Иль вскочитъ на лошадь да брызнетъ на охоту,
И словомъ, цѣлый день въ движеньѣ такъ, какъ ртуть;
Ну, слышь, не только спать — съ нимъ некогда зѣвнуть,
И если первый день покою вамъ достался,

[а]) Тьфу, пропасть! знать онъ (*зач.*).

Такъ это оттого, что до свѣту умчался
Старикъ нашъ со двора....

АНДРЕЙ.

Сказать да не солгать,
Такая жизнь совсѣмъ намъ, Даша, не на стать:
Мой лѣнтюгъ радъ изжить вѣкъ цѣлый на диванѣ,
И разъ въ году едва бываетъ онъ въ кафтанѣ.
Халатъ да туфли — вотъ и весь его нарядъ....
Ну, коль на то пошло, такъ вамъ я очень радъ:
Пусть вашъ старикъ его подъ лапу поприкрючитъ,
Авось отъ лѣни онъ его и поотучитъ;
А то вѣдь страмъ сказать, да грѣхъ и утаить,
А чай, онъ, право, здѣсь совсѣмъ забылъ ходить.

ДАША.

Что онъ лѣнивенекъ, и прежде то мы знали;
Да только удали такой ужъ въ немъ не ждали.

АНДРЕЙ.

О, это все ль еще! послушай, старый другъ:
Теперь напомню я тебѣ, пока досугъ,
Что намъ вѣдь слѣдъ одинъ къ вѣнцу за господами;
Такъ то, что я сказалъ, пусть тутъ замретъ межъ нами:
Я барина люблю, и къ пользѣ лишь его
Хочу не потаить отъ Даши ничего,
Чтобъ сладя заодно[а]), намъ всѣ подвесть уловки,
Спасти его въ бѣдѣ, иль въ случаѣ размолвки —
А что не сдобровать ему, то вижу я....

ДАША.

Вздоръ! наши старики издѣтства вѣдь друзья,
Да развѣ твой чудакъ, здѣсь живши, напроказилъ?

АНДРЕЙ.

Куда проказить намъ? съ дивана онъ не слазилъ.
Да это все таки отъ бѣдъ насъ не спасетъ.

[а]) Чтобъ общей силою *(зач.)*

ДАША.

Я тутъ не вижу ихъ.

АНДРЕЙ.

Послушай напередъ:
Старикъ, пославъ сюда Лѣнтула за дѣлами,
И денегъ и вещей, всего отправилъ съ нами.
Хоть правъ и святъ его въ наслѣдствѣ братнемъ споръ,
Да знаешь, по судамъ вѣдь деньги такъ, какъ соръ;
А дѣло таково, что домъ нашъ на мель станетъ,
Коль на судѣ его соперникъ перетянетъ;
Такъ онъ, прощаяся, одно сынку твердилъ,
Чтобъ болѣ ѣздилъ онъ, да болѣ бы дарилъ,
Да чтобъ и самъ искалъ опредѣлиться къ мѣсту,
Коль хочетъ сберечи имѣнье и невѣсту.

ДАША.

Ну, знаю! Вѣдь затѣмъ и стали мы у васъ,
Чтобъ послѣ тяжбы въ слѣдъ и свадьбѣ быть тотчасъ.

АНДРЕЙ.

Да то-то видишь: вы въ степныхъ запропастились;
А мы съ Лентулушкой едва сюда ввалились,
Какъ онъ, нашедши здѣсь и волю и просторъ,
Изъ комнаты шага не дѣлывалъ съ тѣхъ поръ.

ДАША.

Конечно, боленъ онъ.

АНДРЕЙ.

Да, очень, къ сожалѣнью.

ДАША.

О, бѣдна барышня! Да чѣмъ онъ боленъ?

АНДРЕЙ.

Лѣнью!

Да, боленъ на повалъ! Что я ни говорилъ,
Ничто не помогло. — Разъ по сту въ день твердилъ:
Помилуйте, сударь, пристойно ль въ ваши лѣта

Въ халатѣ, въ колпакѣ поскимиться отъ свѣта?
Одѣньтесь, съѣздите по дѣлу вы хоть разъ;
Неужли батюшка лежать отправилъ васъ?
Ну если, все узнавъ, лишится онъ терпѣнья,
Иль потеряете отъ лѣни вы имѣнье....
Ну что жъ ты думаешь, какой отвѣтъ дастъ онъ?

ДАША.

Сберется ѣхать?

АНДРЕЙ.

Нѣтъ! зѣвнетъ, да вышлетъ вонъ.

ДАША.

Ну, то-то будетъ мужъ!

АНДРЕЙ.

О, любитъ лежебочить!
За то ни въ чемъ другомъ нельзя его порочить:
Не золъ, не свàрливъ онъ, отдать послѣдне радъ
И, еслибы не лѣнь, въ мужьяхъ онъ былъ бы кладъ,
Привѣтливъ и учтивъ, притомъ и не невѣжа;
Радъ сдѣлать все добро, да только бы лишь лежа....
Но чу! старикъ! бѣги къ Прелестѣ ты своей!

ДАША.

Да что жъ я ей скажу?

АНДРЕЙ.

Солги, что хочешь, ей;
Лишь только не поссорь ее ты правдой съ нами.
Бѣги же! онъ идетъ...

ДАША.

Бѣды мнѣ съ чудаками!

ЯВЛЕНІЕ III.

Андрей и Сумбуръ.

СУМБУРЪ.

(За театромъ.)

Ну, смучилъ! такъ вели жъ другихъ впрячи скорѣй!
Вѣдь не прокиснуть же мнѣ здѣсь для лошадей.

Я ѣду вмигъ... Да слышь, чтобы тотчасъ поспѣло —
Ну вотъ люблю, чтобъ все вертѣлось, да кипѣло —
Да чтобъ осѣдланъ былъ скорѣй мой неугомъ;
Лишь ворочусь, тотчасъ поѣду я верхомъ...
Андрей! что баринъ твой — вотъ день-то сѣроватый,
Ну, самый полевой — теперь бы съ перехватой,
Да стрѣлку дай лишь мнѣ, такъ чорта я сомну...

АНДРЕЙ.

(Особо.)

У насъ такъ сѣрый день толкуется ко сну.

СУМБУРЪ.

Что жъ Лѣнтулъ? — ась? я чай, онъ здѣсь захлопотался?
По знатнымъ, по судамъ, по справкамъ затаскался?
Что дѣлать? — Ей, спроси, могу ль я видѣть дочь?

АНДРЕЙ.

Охъ, тяжко будетъ намъ!

СУМБУРЪ.

Да спитъ ли онъ хоть ночь?

АНДРЕЙ.

Ахъ, онъ въ дѣлахъ, сударь, ей, ей, здоровье тратитъ.

(Особо.)

Бываетъ часто то, что полдня онъ прихватитъ,

(Ему.)

Что цѣлую онъ ночь пропишетъ на пролетъ.

СУМБУРЪ.

Мнѣ это нé мило! И этотъ жизни родъ
И худъ, и нездоровъ! Молчи! какъ свадьбу сладимъ,
Мы по ночамъ писать его совсѣмъ отвадимъ.
Писать всю ночь! Да я какъ молодъ то бывалъ,
Ни книги, ни пера, ни стула не знавалъ;
За то и живъ, и свѣжъ: что всталъ, то въ городъ, въ поле
Верхомъ, пѣшкомъ, въ саняхъ, на дрожкахъ... Нынѣ болѣ
Ужъ этой силы нѣтъ; однако не сижу
И нынѣ цѣлый день иль ѣзжу, иль хожу;
А то сидѣть всю ночь! — вѣдь онъ себя погубитъ.

АНДРЕЙ.

То грѣхъ сказать, сударь, сидѣть и онъ не любитъ...
(Особо.)
Вотъ намъ бы полежать...

СУМБУРЪ.

Какъ онъ по кости мнѣ!
Смотри жъ, какъ заживемъ мы въ нашей сторонѣ!
Мы съ нимъ за чудо слыть въ уѣздѣ будемъ двое;
Да мы, ну, слышишь ли, обѣдать станемъ стоя.

АНДРЕЙ.
(Особо).

Попался Лѣнтугъ мой!

СУМБУРЪ.

Что, что ворчишь ты, братъ?

АНДРЕЙ.

О! жизни онъ такой, какъ райской, будетъ радъ!

СУМБУРЪ.

Посмотримъ, кто изъ насъ кого съ нимъ перетянетъ,
Кто больше выходитъ, съѣстъ меньше, ранѣ встанетъ...
Да, кстати любитъ ли охоту онъ съ ружьемъ?
Вотъ тутъ-то походить!.. О, съ нимъ мы заживемъ
Въ болотахъ да въ поляхъ!... Я радъ таскаться сутки.

АНДРЕЙ.
(Особо).

Ахти! не по шерсти совсѣмъ намъ эти шутки!

СУМБУРЪ.

Я чай, вы думали, что я изъ дряхляковъ?
Небось, я не изъ тѣхъ кисельныхъ стариковъ,
Которые всегда на креслахъ только прѣютъ,
То дремлютъ, то ворчатъ, то на лежанкѣ грѣютъ
Замерзлы косточки, въ годъ скажутъ разъ словцо,
Да лѣтомъ выползутъ изрѣдка на крыльцо.
Со мной, какъ съ молодымъ, не скоро встрѣтишь скуки;
Лишь только не люби сидѣть, поджавши руки.

АНДРЕЙ.

О! баринъ мой, сударь, какъ ртуть...

СУМБУРЪ.

Да гдѣ жъ онъ самъ?
Небось, чай, до свѣту умчался по дѣламъ?
Люблю, люблю за то, что время онъ не тратитъ.
Жаль только, коль меня обѣдать кто захватитъ,
Такъ не увижусь съ нимъ я цѣлый день опять.
Вчера я вечеромъ зашелъ было, анъ, глядь,
Его и нѣтъ.

АНДРЕЙ.

Да мы успѣли лишь убраться
За ширмы, чтобъ тебѣ въ халатѣ не казаться.

СУМБУРЪ.

Постой же, дай хоть мнѣ бумажки лоскутокъ.

АНДРЕЙ.

Извольте —

СУМБУРЪ.

О нѣтъ, нѣтъ! и малъ, и коротокъ!
Мнѣ написать къ нему о дѣлѣ очень нужно.
Я бъ самъ ему сказалъ, да, право, недосужно
Его мнѣ ждать. Постой, я самъ къ нему войду,
Бумагу на столѣ я, вѣрно, тамъ найду.

АНДРЕЙ.

Къ нему, сударь? бѣды!

СУМБУРЪ.

Да, да, ну что за чудо?
Вѣдь я почти ужъ свой.

АНДРЕЙ.

Да я тотчасъ... Охъ, худо!

СУМБУРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я самъ пойду! Ну, право, какъ я радъ!
Да мы поставимъ съ нимъ все на военный ладъ.

Ручаюсь, что придемъ другъ другу мы по нраву:
Какъ будто въ лагерѣ жить станемъ по уставу....
Неси чернильницу. *(Отворяя дверь)* Ба! это кто храпитъ?

АНДРЕЙ.

Кто это? Такъ, сударь.

СУМБУРЪ.

Какъ такъ? кто это спитъ?

АНДРЕЙ.

Кто спитъ, сударь?

СУМБУРЪ.

Да, да!

АНДРЕЙ.

Ну, что то будетъ съ нами!
Да вы изволите вѣдь, чаю, видѣть сами.

СУМБУРЪ.

Твой баринъ...

АНДРЕЙ.

Онъ, сударь,

СУМБУРЪ.

Какъ, это спитъ Лѣнтулъ?

АНДРЕЙ.

Да вонъ, изволите ль вы этотъ видѣть стулъ?

СУМБУРЪ.

Что мнѣ до стула, плутъ! Какъ! спать объ эту пору?
А ты, бездѣльникъ, мнѣ налгалъ такую гору!

АНДРЕЙ.

Взгляните жъ вы на стулъ

СУМБУРЪ.

Поди жъ, мошенникъ, прочь!
Такъ тàкъ-то онъ у васъ трудится день и ночь!

АНДРЕЙ.

Да стулъ, сударь...

СУМБУРЪ.

Чтобъ ты сквозь землю провалился
И съ стуломъ!

АНДРЕЙ.

А на немъ всю ночь онъ протрудился.

СУМБУРЪ.

Какъ?

АНДРЕЙ.

Такъ, сударь. Ужъ часъ я битый вамъ твержу;
А если кипу я бумагъ вамъ покажу,
Что въ ночь онъ исписалъ, на этомъ сидя стулѣ,
Такъ вы и нехотя вздохнете о Лѣнтулѣ

СУМБУРЪ.

И точно...

АНДРЕЙ.

Да, сударь, на почту цѣлый возъ
Его руки бумагъ я до свѣту отнесъ;
А послѣ на дворѣ чуть-чуть лишь забѣлѣло,
Какъ баринъ, подхватя, ей, ей, съ полпуда дѣло,
Пустился по судьямъ — ну, право, какъ шальной,
И, выбившись изъ силъ, пріѣхалъ онъ домой
И тутъ было опять принялся за бумагу;
Да я ужъ нечего, пустился на отвагу:
Просилъ, молилъ, кричалъ — ну, дѣлалъ все, что могъ,
Чтобъ онъ, бѣдняжечка, хотя на часъ прилегъ,
И то ужъ голова путемъ его схватила.
Такъ онъ, когда ужъ боль совсѣмъ его свалила,
Раздѣлся, ринулся — и камнемъ спитъ теперь.

СУМБУРЪ.

Не лжешь ты?

АНДРЕЙ.

Я, сударь!

СУМБУРЪ.

Такъ притвори же дверь.

АНДРЕЙ.

(Особо.)

Спокойный сонъ! ура! Одну бѣду мы сжили.

(Сумбуру).

Бумагами, сударь, совсѣмъ его вскружили.

СУМБУРЪ.

Коль правда это все, такъ жизнь его плоха.

АНДРЕЙ.

Ну, что мнѣ лгать? возьму ль я на душу грѣха?

СУМБУРЪ.

Вотъ я вѣдь говорилъ и радъ божиться снова,
Что эдакая жизнь вредна и нездорова:
Писать, читать, сидѣть и портить лишь глаза!

АНДРЕЙ.

(Особо).

Ну, кажется, теперь совсѣмъ прошла гроза.

СУМБУРЪ.

Когда бъ проклятое скорѣй намъ кончить дѣло,
Другою бы статьей у насъ все закипѣло.
Досадно только мнѣ, что онъ раздѣвшись легъ.

АНДРЕЙ.

Да легъ ли бъ онъ, сударь, когда бъ не занемогъ?

СУМБУРЪ.

Бѣдняжка! Такъ скажи жъ, чтобъ тише здѣсь ходили
И чтобъ нечаянно его не разбудили.
Проклятыя дѣла! писать такъ глупо ночь,
Чтобъ голову вскружить и послѣ занемочь.
Скажи жъ, какъ встанетъ онъ, что я здѣсь дожидался
И чтобъ у дочери со мной онъ повидался.
Писать, читать! — Добро! придетъ и та пора,
Что книги полетятъ у насъ долой съ двора.

АНДРЕЙ.

Ура, Андрей! спи. мой лѣнивый господинъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Андрей и Правдонъ.

АНДРЕЙ.

(Увидя входящаго Правдона).

Уфъ! вотъ-те новый гость!

ПРАВДОНЪ.

Андрей! здоровъ ли сынъ?

АНДРЕЙ.

А мы не ждали васъ.

ПРАВДОНЪ.

Гдѣ сынъ?

АНДРЕЙ.

Немножко боленъ.

Теперь заснулъ.

ПРАВДОНЪ.

Я имъ ужасно какъ доволенъ!
Что дѣлалъ здѣсь онъ годъ? По дѣлу ни шага.
Я свѣдалъ все! Была ль въ судѣ его нога?

АНДРЕЙ.

Онъ былъ, сударь, да тамъ то справки, то отсрочки...

ПРАВДОНЪ.

А писемъ отчего я не видалъ ни строчки?

АНДРЕЙ.

Какъ? онъ писалъ, сударь!

ПРАВДОНЪ.

Писалъ! — твоей рукой.
По счетамъ знаю я довольно почеркъ твой;
Меня своей рукой онъ могъ бы удостоить.

АНДРЕЙ.

(особо).

Ну, этого труднѣй мнѣ будетъ успокоить.

(Ему).

Да, правда, что когда бывалъ онъ нездоровъ,

И я, сударь, писалъ — съ его лишь только словъ
И то, что сказывать онъ самъ лишь мнѣ изволилъ;
И нынѣ было къ вамъ письмо я изготовилъ
И вотъ на почту несть хотѣлъ его сейчасъ,
Да вы нечаянно обрадовали насъ.

ПРАВДОНЪ.

О, если правда все, что мнѣ о немъ писали...

АНДРЕЙ.
(особо).

Ну! — коль писали все, такъ вѣрно мы пропали!
(Ему).
Повѣрьте, баринъ мой трудится безъ уйму.

ПРАВДОНЪ.

Когда ты въ письмахъ лгалъ, то и тебя пройму!

АНДРЕЙ.

Ай-ай!

ПРАВДОНЪ.

Поди же ты, да свѣдай осторожно,
Мнѣ можно ли войти.

АНДРЕЙ.

Я чаю, сударь, можно.

ПРАВДОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, коль боленъ онъ, такъ не встревожь его.

АНДРЕЙ.

Хотя бъ кафтанъ-то мнѣ напялить на него.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРАВДОНЪ.
(Одинъ.)

Я глупо поступилъ, — и буду самъ виною,
Когда потеряно имѣнье будетъ мною.
Въ какой несчастный часъ, въ какой я черный день,

Знавъ всю Лѣнтулову безпечность, сонность, лѣнь,
По важной толь тяжбѣ ходить его отправилъ.
Чегожъ и ждать? онъ все и кинулъ, и оставилъ.

(*Подходя къ письменному столику*).

Ба! тьма пакетовъ. Знать, почтовый нынѣ день;
Какъ это перемогъ хоть разъ свою онъ лѣнь?
Посмотримъ-ко, къ кому. Когда бъ въ такія лѣты.
Ба, ба! да это все мои къ нему пакеты.
Прекрасно! гдѣ жъ другой такой лѣнивецъ есть?
Не только отвѣчать на письма, ихъ прочесть
Онъ въ годъ не могъ. Смотри, печати не помяты,
Ну, точно, будто бы теперь лишь съ почты взяты.
Терпѣнья болѣ нѣтъ! Добро, ты лѣнтюгъ мой!
Или я тресну самъ, иль слажу я съ тобой.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Правдонъ и Подмастерье.

ПОДМАСТЕРЬЕ.
(*Неся на себѣ подушку.*)

Ну, штука! — слышь, съ нея такъ вотъ бы вѣкъ не слазилъ.
А ужъ подъ ней бѣды — кто это напроказилъ?
И выдумалъ диванъ, — ну знать, что былъ чудакъ [a]);
А что ни говори, да былъ онъ не дуракъ —
И видно, что пришить онъ дѣло зналъ къ бездѣлью,
Когда умненько такъ сплотилъ онъ стулъ съ постелью.
Вотъ то-то вещь! — прошу тутъ правду узнавать:
Сидишь, такъ это стулъ; не то, такъ вмигъ кроват.
Смѣшно, какъ вздумаешь — а право, съ понаровкой,
Такъ это у бояръ, муфобель самый ловкій.
Ужъ то-то вотъ на немъ ни лѣтъ, слышь, ни примѣтъ.
Какъ хочешь мни его, лихъ всталъ, и слѣду нѣтъ.

ПРАВДОНЪ.

Къ кому ты притащилъ, мой другъ, такую гору?

---

a) ... уменъ (*зач.*).

ПОДМАСТЕРЬЕ.

Къ Лѣнтулу. — Только знать, мы, баринъ, здѣсь не въ пору.

ПРАВДОНЪ.

А что жъ?

ПОДМАСТЕРЬЕ.

Да у людей обѣдъ ужъ на дворѣ,
А здѣсь, чай, спятъ еще, какъ будто на зарѣ.
О, баринъ здѣсь, какъ ханъ, сопливъ, увальчивъ, чуденъ
И солнцу до него ужасно доступъ труденъ.
Поспать охотникъ онъ, охотникъ полежать
И ночки на вожжахъ умѣетъ придержать.

ПРАВДОНЪ.

Прекрасно, мой сынокъ!

ПОДМАСТЕРЬЕ.

Онъ не живетъ — ликуетъ:
Ѣстъ сладко, мягко спитъ, о дѣлѣ въ усъ не дуетъ,
Нѣтъ будней у него — а все шабашны дни,
И въ круглый божій годъ лишь праздники одни; [а])
Ну, прямо у себя живетъ султанъ султаномъ:
Наскучила кровать, такъ шлетъ вотъ за диваномъ.
Проказникъ! — матушкинъ онъ видно былъ сынокъ.

ПРАВДОНЪ.

Добро же слажу я съ тобою, мой дружокъ!

ПОДМАСТЕРЬЕ.

На вздоры, правда, онъ ужъ денегъ не потратитъ:
А чтобъ понѣжиться, послѣднее заплатитъ;
На пышность, на нарядъ такъ крѣпокъ нашъ старикъ,
А радъ кафтанъ отдать за добрый пуховикъ.
Ну, столько у дѣтей не найдешь ты игрушекъ,
Какъ у него перинъ, матрасовъ и подушекъ.

ПРАВДОНЪ.

Не радость это все, мой другъ, его отцу [б])

[а]) Этотъ стихъ былъ зачеркнутъ, но возстановленъ снова.
[б]) Не радость ты, мой другъ, сказалъ его отцу *(зач.)*.

ПОДМАСТЕРЬЕ.

Да кто, сударь, отецъ такому молодцу?

ПРАВДИНЪ.

Къ несчастью, я.

ПОДМАСТЕРЬЕ.

Какъ вы! — прошу, сударь, прощенья,
Что вамъ я наболталъ все такъ безъ размышленья.
Вѣдь впрочемъ вашъ сынокъ бояричъ пречестной:
Не долженъ никому, не замутилъ водой;
Хоть иногда во снѣ онъ лишній часъ загубитъ,
Да кто же изъ господъ понѣжиться не любитъ?

ПРАВДОНЪ.

Нѣтъ, непростительно! Такое мотовство...

ПОДМАСТЕРЬЕ.

И, да во всемъ, сударь, свое есть щегольство.
Вѣдь городъ здѣсь большой: кто хвастаетъ кафтаномъ,
Кто цугомъ, кто столомъ, — а вашъ сынокъ диваномъ.
Вѣдь перечтешь ли всѣ причуды у бояръ?
У барынь такъ и нашъ въ большомъ ходу товаръ.
Мой мастеръ за него, какъ сѣно, деньги коситъ:
Иная, право, въ годъ дивана три износитъ.
Да заболтался я, разсчесться бъ мнѣ скорѣй.
Не знаете ль, сударь, куда пропалъ Андрей?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Правдонъ, Бурнай и Подмастерье.

БУРНАЙ.

(вбѣгая).

Да гдѣ жъ онъ? нѣмы, чтоль? хоть бы сказалъ кто слово!

ПРАВДОНЪ.

Ба, ба, Бурнай!

БУРНАЙ.

Правдонъ, старинный другъ, здорово!

Отколѣ, какъ, давноль? Ну вотъ ужъ угодилъ!
Нежданый, какъ соколъ, взвился да прикатилъ.
И я вечоръ лишь здѣсь...

ПРАВДОНЪ.

Все такъ же живъ и верченъ...

БУРНАЙ.

Лишь только старостью кой-гдѣ слегка исчерченъ.
Прошло, братъ, утрецо, прошолъ денекъ для насъ
И къ ночи у меня давно шестой ужъ часъ.
Бывало, помнишь, мы какіе непосѣды,
Какъ пташки; а теперь, смотритко, мѣтимъ въ дѣды.
Чинъ важный! а когда бъ сыскались мудрецы,
Чтобы разжаловать опять меня въ отцы,
Не охнулъ бы по немъ... Да это что за вздоры?
Не ты ли тюфяковъ навезъ такія горы?

ПОДМАСТЕРЬЕ.

Нѣтъ, это....

ПРАВДОНЪ.

Ты, мой другъ, поди себѣ домой —
И послѣ побывай. Сынъ все заплатитъ мой.

ПОДМАСТЕРЬЕ.

О! тутъ сумнѣнья нѣтъ: онъ въ платежѣ исправенъ
. . . .
. . . . [1])

АНДРЕЙ.

Бѣгу, сударь! — Дай Богъ исправить имъ его.

---

[1]) Недостаетъ листа, на которомъ находилось 83 стиха, именно: пары стиховъ отъ 174-й до 219-й включительно.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Правдонъ и Бурнай.

ПРАВДОНЪ.

О, разсказать тебѣ, мой другъ, нельзя всего.

БУРНАЙ.

Довольно, я его ужъ не защитникъ болѣ.
Добро, какъ сокола, его мы въ чистомъ полѣ
Повыносимъ съ тобой. Спущать я все люблю,
Но лѣни не терпѣлъ и нынѣ не терплю.

ПРАВДОНЪ.

Мѣстъ шесть онъ пропустилъ, гдѣ могъ бы быть полезенъ.
Прочти, что пишутъ мнѣ.

(Даетъ письмо.)

БУРНАЙ.

(Читаетъ тихо.)

Ну, право, онъ любезенъ!

(Читаетъ.)

«За лѣнью пропустилъ» — бѣшусь я за тебя,
Бѣшусь за дочь мою, бѣшусь и за себя.
Ну, выдь же только онъ! — Андрей!

ЯВЛЕНІЕ X.

Правдонъ, Бурнай и Андрей.

АНДРЕЙ.

Да, чортъ съ нимъ сладитъ!

БУРНАЙ.

Да въ фижмы, что ль, себя чудакъ, твой баринъ, рядитъ?
Покажется ли онъ, одѣлся ль онъ, иль нѣтъ?

АНДРЕЙ.

Почти совсѣмъ, сударь, другой чулокъ надѣтъ.

ПРАВДОНЪ.

Каковъ?

БУРНАЙ.

Другой чулокъ! лѣнивецъ! — можно ль статься?
Да развѣ хочетъ онъ недѣлю одѣваться?
Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ къ нему; хоть я тебя люблю,
Пойдемъ бранить его! Тебѣ я пособлю.

ПРАВДОНЪ.

Пойдемъ! — Хоть долженъ я лѣнивца ненавидѣть,
Но сына хочется скорѣй отцу увидѣть.

БУРНАЙ.

Кричи жъ сильнѣй.

ПРАВДОНЪ.

Ты мнѣ старайся пособить.
Признаться, я бъ хотѣлъ теперь сердитѣй быть.

БУРНАЙ.

Забудетъ нѣжиться — лишь приободрись немножко:
Диваны полетятъ всѣ къ чорту за окошко; [a])
Поспитко на жесткѣ, да ѣшь-ко русски щи.

АНДРЕЙ.

Попался мой лѣнтяй въ горячіе клѣщи.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

. . . .

ПРАВДОНЪ.

Несносно! но и тутъ я менѣ бъ огорчался,
Когда бъ лишь въ малостяхъ лѣнивымъ онъ остался;
Но по несчастью, все, что есть на свѣтѣ, онъ
Охотно радъ отдать за праздность и за сонъ.
Изъ дѣла нашего то видно очень ясно:

---

[a]) Вмѣсто этого стиха: Диванъ, пуховики всѣ къ чорту за окошко *(зач.)*.

Что я приказывалъ, что ни писалъ, — напрасно.
Ужъ полгода почти рѣшенъ мой криво споръ,
А апелляціи до сихъ не взнесъ онъ поръ,
Хоть наше отъ того зависитъ состоянье.

ЧЕСТНОВЪ.

О, я, сударь, къ тому употребилъ старанье!
Прошеніе принесетъ мой стряпчій черезъ часъ;
Ужъ съ мѣсяцъ какъ оно готово, но безъ васъ
Съ Лѣнтуломъ и того я толку не добился,
Чтобъ только подписать его онъ потрудился.
Признаться, важность всю знавъ дѣла я сего
И лѣнью овладѣть отчаявшись его,
За нужное почелъ, чтобъ вы здѣсь были сами
И чтобъ принудили вы Лѣнтула дѣлами
Заняться пристальнѣй; притомъ же по дѣламъ
Успѣлъ я объяснить того суда судьямъ,
Куда изъ нижняго суда они поступятъ
И гдѣ уже судей дарами не подкупятъ, —
О вашей истинѣ извѣстенъ цѣлый судъ,
И чтобъ оправить васъ, лишь только дѣла ждутъ.

ПРАВДОНЪ.

Я словъ, сударь, я словъ довольно не имѣю,
Чтобъ васъ благодарить.

ЧЕСТНОВЪ.

Я васъ увѣрить смѣю,
Что дѣло здѣсь при васъ пойдетъ другимъ путемъ.
По счастью, съ многими я на судѣ знакомъ
И только васъ одних къ тяжбѣ недоставало;
Но этого еще моимъ желаньямъ мало:
На лѣнь лѣкарство то, чтобы не празднымъ жить,
Такъ непремѣнно вновь мой долженъ другъ служить.

ПРАВДОНЪ.

Разъ десять я писалъ.

ЧЕСТНОВЪ.

Мнѣ это все извѣстно
И что со мной сходна мысль ваша, мнѣ то лестно.
Мой дядя силенъ здѣсь; я самъ его трудилъ,
И онъ старанья всѣ къ тому употребилъ;
Но съ лѣнью нашей мы три мѣста прогуляли:
Я вытащить не могъ...

ПРАВДОНЪ.

Вы мнѣ о томъ писали.

ЧЕСНОВЪ.

Но къ счастью, новое я мѣсто отыскалъ,
И покровитель мой свое мнѣ слово далъ,
Что другу моему его онъ дастъ конечно;
И если побѣдитъ сложенье онъ безпечно,
То путь откроется и къ чести, и къ чинамъ.
Все слажено; одна осталась трудность намъ,
И трудность важная...

ПРАВДОНЪ.

Да что жъ!

ЧЕСТНОВЪ.

Мой другъ лѣнивый.
Съ безпечностью его упрямой, нерадивой,
Къ министру я никакъ стащить его не могъ:
Онъ у себя засѣлъ, какъ будто бы безъ ногъ,
И только дѣлаетъ пустыя проволочки:
То поздно, то онъ слабъ, то дай ему отсрочки.
Не разъ его министръ къ себѣ напрасно ждалъ;
Къ несчастью, дядѣ я и нынѣ слово далъ,
Чтобъ съ другомъ быть къ нему — а онъ везетъ представить
Его къ министру самъ. — Но какъ мнѣ то исправить?
Вы развѣ вступитесь?

ПРАВДОНЪ.

О, увѣряю васъ...

ЧЕСТНОВЪ.

Такъ я бъ поѣхалъ съ нимъ туда, и въ сей же часъ
Все бъ дѣло кончилось. — Я этимъ, сударь, льщуся...

ПРАВДОНЪ.

И просьбу я и власть употребить божуся.

ЧЕСТНОВЪ.

Онъ васъ послушаетъ, а я никакъ не могъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Правдонъ, Честновъ и Бурнай.

БУРНАЙ.

Тьфу, пропасть! новую четверку сбилъ я съ ногъ!
Вездѣ перебывалъ, а индѣ по два раза.
Ну, братецъ, твой сынокъ великая проказа!
Куда ни покажусь, лишь жалобы одни:
Ни у твоей, сударь, ни у моей родни
Онъ рожи не казалъ. Теперь такая брага...
Вся дядьевъ, тетушекъ и бабушекъ ватага
Всей стаей на него! — Ну, слышь ты, шумъ такой,
Что чуть ли не глухой уплелся я домой.
Ворчатъ, кричатъ, бранятъ, ругаютъ и поносятъ,
Ну, только лишь татьбы на Лѣнтула не взносятъ.
Родясь, не спорывалъ я столько никогда.

ПРАВДОНЪ.

Какого жъ лучше ждать отъ лѣности плода?

БУРНАЙ.

А пуще всѣхъ моя несносная сестрица,
Графиня Сѣдова, столѣтняя вдовица,
Грозилась дочери въ наслѣдствѣ отказать,
Когда не выбору ея мой будетъ зять.
Ну, что ты будешь съ ней? Хоть нѣтъ у ней разсудка,
Да есть пять тысячъ душъ, а это вѣдь не шутка!

Лѣнтула твоего со свѣту гонитъ вонъ
За то, что у нея ни разу не былъ онъ.

ПРАВДОНЪ.

Признаться надобно, такое нерадѣнье
Являетъ къ старости одно лишь непочтенье.

БУРНАЙ.

Бѣда бы кажется хоть тутъ не велика,
Да у старухъ вѣдь тотъ грѣшнѣй еретика,
Кто рѣдко ѣздитъ къ нимъ, чтобъ съ ними для утѣхи
Играть или въ лото, иль въ карты на орѣхи.
Однако не крушись: я все ужъ окончалъ —
Поставилъ на своемъ и всѣхъ перекричалъ;
А такъ какъ надобно сестрицу позабавить,
То слово далъ вину Лѣнтулову поправить.
Старушка ныньче жъ всей роднѣ даетъ обѣдъ,
Куда обоихъ васъ черезъ меня зоветъ.
Уже съ полсотни тамъ билетовъ разослали,
И знаешь ли, какъ мы все дѣло окончали?
У ней, какъ у меня, все вмигъ бы, да тотчасъ,
Чтобъ нынѣ ввечеру сговору [a]) быть у насъ.

ЧЕСТНОВЪ.

Позвольте съ счастіемъ Лѣнтула васъ поздравить.

ПРАВДОНЪ.

Мой другъ, я не успѣлъ еще тебѣ представить:
Вотъ Честновъ.

БУРНАЙ.

Это онъ? Позвольте васъ обнять.
Я слышалъ все и радъ короче васъ узнать.
Чудакъ, вашъ другъ намъ тьму наноситъ огорченья;
Но по другѣ такомъ достоинъ онъ почтенья.
Молчите жъ! не сказавъ Лѣнтулу ничего,
Мы тамъ нечаянно обрадуемъ его

---

[a]) ... помолвкѣ *(зач.)*.

За то, что давича отъ насъ ему досталось.
(Смотря на часы).
Ба! да и время намъ не много ужъ осталось!
Прибраться надобно скорѣй обоимъ намъ,
Чтобъ деревенщиной не показаться тамъ.

ПРАВДОНЪ.

Да мы сбирались вѣдь и такъ туда обѣдать.

БУРНАЙ.

Эхъ!.. мы вѣдь къ Сѣдовой сбирались щей отвѣдать,
Анъ, вышелъ изъ того сговорный, званый пиръ;
Такъ надо попышнѣй намъ показаться въ міръ.
Уже и такъ съ утра я разрядилъ Прелесту
И вывезу ее, ну, прямо, какъ невѣсту.

ПРАВДОНЪ.

Молчи, и мой чудакъ свое далъ слово мнѣ,
Что въ пухъ разрядится онъ къ будущей роднѣ,
И съ давишней поры засѣлъ за туалетомъ.

БУРНАЙ.

То можно намъ дѣтьми похвастать передъ свѣтомъ!
Ужъ прямо парочка...

ПРАВДОНЪ.

Когда бъ не эта лѣнь,
То бъ, право, мой Лѣнтулъ...

БУРНАЙ.

Молчи, не въ часъ, такъ въ день,
Не въ день, такъ въ мѣсяцъ мы проказника исправимъ
И молодцомъ его ну хоть на смотръ поставимъ.

ЧЕСТНОВЪ.

Такъ къ дядѣ поскачу сейчасъ я извинить
И друга и себя и дѣло изъяснить.

ПРАВДОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, сударь! успѣть онъ долженъ прежде съ вами,
А тамъ откушать вы пожалуете съ нами.

БУРНАЙ.

Такъ, такъ, да, попросту! Чиновъ я не люблю.
Постойте жъ, побѣгу, его потороплю.

ЧЕСТНОВЪ.

Позвольте жъ съѣздить мнѣ пристойнѣе убраться.

БУРНАЙ.

Чтобъ нашимъ бабушкамъ прелестнѣй показаться.

ЧЕСТНОВЪ.

У дяди дома я и попросту одѣтъ.

БУРНАЙ.

Смотри, не взбаламуть старухъ у насъ, мой свѣтъ.
(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Правдонъ и Честновъ.

ЧЕСТНОВЪ.

На праздникѣ такомъ не ждалъ имѣть я чести. . .

ПРАВДОНЪ.

Вернитесь же скорѣй, такъ всѣ поѣдемъ вмѣстѣ;
Черезъ минуту нашъ одѣнется чудакъ.

ЧЕСТНОВЪ.

Когда позволите, мы расположимъ такъ:
Черезъ минуту я за Лѣнтуломъ заѣду;
Онъ съѣздитъ съ дядею, и къ званому обѣду,
Все дѣло окончавъ, мы съ нимъ успѣемъ быть.

ПРАВДОНЪ.

Одно лишь только тутъ не надобно забыть:
Чтобъ вмѣстѣ всѣмъ отсель отправиться къ графинѣ,

ЧЕСТНОВЪ.

Такъ точно.
(уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Правдонъ и Бурнай.

БУРНАЙ.

Ну, мой другъ, порадуйся о сынѣ!
Я зналъ, что будетъ путь, лишь въ немъ увидѣлъ страхъ.
Куда вся лѣнь пошла? Ну, слышь, расчосанъ въ прахъ.
Теперь лишь отъ него пошелъ мусье съ гребенкой.

ПРАВДОНЪ.

Мусье!..

БУРНАЙ.

Да, да, французъ — сухой, высокій, тонкій.
Ну, что ни говори, французамъ исполать:
Не только причесать, умѣютъ растрепать.
Мы попусту, мой другъ, на нихъ кричимъ частенько;
Ихъ только надобно распредѣлять умненько.
Учить дѣтей они у насъ не мастера,
За то ужъ лучшіе портные, повара
И парикмахеры. Иной, какъ чудо, гадокъ, —
А съ ихъ подправкою, какъ выточенный, гладокъ.
Вотъ давича Лѣнтулъ — ну, точно былъ какъ звѣрь.
Взглянитко на него — какъ писаный теперь,
А только голова еще одна готова.
Эй! позовите дочь — мнѣ только ей два слова
Скорѣе приказать.

. . . .

КОФЕЙНИЦА.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

И. А. КРЫЛОВА.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Послѣ двухъ предыдущихъ комедій Крылова, доставлена намъ и его *Кофейница*, нынѣ въ первый разъ печатаемая. Леонидъ Михайловичъ Лобановъ, сынъ умершаго въ 1846 году академика, автора извѣстной статьи о Крыловѣ, нашелъ эту оперу въ бумагахъ покойнаго Михаила Евстафьевича и обязательно передалъ ее мнѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими автографами, для напечатанія въ академическомъ изданіи. Рукопись *Кофейницы* составляетъ особую тетрадь въ четверть листа, переписанную начисто рукой самого Крылова и, очевидно, вскорѣ послѣ сочиненія пьесы, которое относятъ къ 1783-му или 1784-му году. Почеркъ этой тетради совершенно сходенъ съ тѣмъ, какимъ писана въ 1783 г. челобитная Крылова объ опредѣленіи его въ с.-петербургскую казенную палату (см. *ниже* стр. 328): для удостовѣренія прилагается снимокъ первыхъ строкъ какъ этого документа, такъ и *Кофейницы*.

О времени и мѣстѣ сочиненія этого перваго опыта Крылова, показанія его біографовъ нѣсколько разнорѣчатъ между собой: по свидѣтельству г-жи Карлгофъ, статья которой напечатана еще при жизни баснописца[1]), Крыловъ привезъ *Кофейницу* съ собою въ Петербугъ, когда мать его (въ 1783 г.) пріѣхала туда хлопотать о пенсіи; на этомъ основаніи и Плетневъ говоритъ, что Крыловъ написалъ названную оперу на 15-мъ году. Лобановъ, напротивъ того, сообщаетъ, что она написана имъ въ Петербургѣ, когда ему было 16-ть лѣтъ. Какъ бы ни было, біографы согласны въ томъ, что онъ вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ отдалъ эту пьесу книгопродавцу Брейткопфу, который однакожъ оставилъ ее неизданною, а впослѣдствіи, встрѣтясь съ Крыловымъ на службѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ, возвратилъ ему рукопись *Кофейницы*. Плетневъ прибавляетъ, что Гнѣдичъ выпросилъ ее у Крылова, какъ драгоцѣнность, и хранилъ у себя до смерти, завѣщавъ ее по духовной вмѣстѣ съ своею библіотекою Полтавской гимназіи, гдѣ

[1]) Въ журналѣ *Звѣздочка* 1844 г., № 1.

переводчикъ Гомера началъ свое образованіе. Если это показаніе справедливо, то значитъ, что у Крылова было двѣ рукописи первой его пьесы: можетъ быть, онъ подарилъ Гнѣдичу черновой автографъ, а чистый отдалъ М. Е. Лобанову, который поэтому и могъ помѣстить въ статьѣ своей о Крыловѣ извлеченіе изъ *Кофейницы* съ очеркомъ ея содержанія.

Между рукописями, полученными мною отъ Л. М. Лобанова, слѣдующія относятся также къ трудамъ или біографіи Крылова:

1) Полный списокъ шуто-трагедіи *Подщипа*, болѣе извѣстной подъ именемъ *Трумфъ* и напечатанной въ 1859 году въ Берлинѣ. Тетрадь эта писана неизвѣстнымъ почеркомъ, но мѣстами есть поправки руки автора. На заглавномъ листѣ любопытна отмѣтка: «Сочинена въ Казацкомъ, въ 1800 г.». (Ср. выше въ «Дополнительномъ извѣстіи» стр. 37). Вѣрная копія съ этой рукописи, съ варіянтами, извлеченными г. Кеневичемъ изъ другихъ списковъ и изъ печатнаго текста, передана въ академическую библіотеку.

2) Двустишіе Крылова:

Полезенъ ли друзьямъ о баснѣ сей урокъ,
Не знаю — а творцу бѣдняжкѣ онъ не впрокъ,

написанное его рукой на брошюрѣ графа Д. И. Хвостова: «Нѣкоторыя мысли о сущности басни» (Ср. статью Лобан. стр. 64).

3) Подлинная записка Лобанова къ Крылову, отъ 31 янв. 1841 г., слѣдующаго содержанія: «Вотъ ваша біографія, написанная Каменскимъ, почтенный Иванъ Андреевичъ. Прочитайте ее, поправьте или вымарайте, что заблагоразсудите. Я боленъ и не могу къ вамъ сойти [1]. Вашъ Лобановъ».

Изъ этой записки мы почерпаемъ любопытное свѣдѣніе, что статья Бантышъ-Каменскаго, которая потомъ, разумѣется съ измѣненіями и дополненіями, явилась въ Словарѣ достопамятныхъ людей (Спб. 1847 г.), была написана почти за четыре года до смерти баснописца. Но онъ возвратилъ ее Лобанову вмѣстѣ съ приведенными строками, написавъ подъ ними карандашемъ:

Прочелъ.
Ни поправлять, ни выправлять
Ни время, ни охоты нѣтъ.

4) Собственноручное возраженіе Крылова по поводу чужихъ стиховъ, напечатанныхъ съ его именемъ. См. ниже.

Я. Гротъ.

---

[1]) Лобановъ служилъ вмѣстѣ съ Крыловымъ въ Публичной библіотекѣ и занималъ также квартиру въ ея домѣ.

КОФЕЙНИЦА.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ лѣсъ, въ самой близи деревни, а вдали также лѣса, поля и деревни.

ПРИКАЩИКЪ.

(Выходитъ. Съ сердцемъ).

Чортъ возьми всѣхъ дѣвокъ въ свѣтѣ,
Отъ которыхъ столько бѣдъ:
Отъ которыхъ въ зиму, въ лѣтѣ
Никогда покою нѣтъ;
Отъ которыхъ крестьянамъ,
Управителямъ, ооярамъ,
Словомъ, людямъ въ свѣтѣ всѣмъ
Безпокойствъ живутъ тьмы темъ.

Да и мнѣ досталось отъ нихъ терпѣть за грѣхи мои.... Что дѣлать.... Таки вотъ ума не приложу.... Петрушка ужъ женится, и пособить нечѣмъ.... Э, постой! взошло мнѣ на умъ одно дѣло, чѣмъ не токмо свадьбу его съ Анютой разорву, да можетъ быть, этотъ мошенникъ у меня и въ рекруты угодитъ.... Однако.... Да что же? попытка не шутка, спросъ не бѣда.... Да вотъ и онъ идетъ.

Надо передъ нимъ притвориться, чтобъ онъ не догадался, а то и дѣло можно испортить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прикащикъ и Петръ.

ПРИКАЩИКЪ.

А! здравствуй, Петрушка.

ПЕТРЪ.

Здравствуй, Фролъ Сидоровичъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Куда бредешь такъ раненько?

ПЕТРЪ.

Шелъ-было звать тебя къ себѣ на свадьбу, да сказали, что ты вышелъ въ село Гуртиново: такъ и я пошелъ туда, чтобъ тебя оттоль взять къ себѣ, а ты мнѣ здѣсь въ глаза попался.....

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ свадьба-то твоя приходитъ таки къ концу?

ПЕТРЪ.

Дѣло все безъ остановки
Своимъ идетъ чередомъ.
И безъ всякой ужъ размолвки
Зачали вертѣть пиркомъ.

ПРИКАЩИКЪ.

(Съ притворною радостію).

Такъ имѣю честь поздравить
Съ молодой тебя женой.
Дай Богъ счастливо отправить
Вамъ остатокъ пиру свой.

ПЕТРЪ

Я прошу тебя покорно
Быть на свадебкѣ у насъ.

ПРИКАЩИКЪ.

О, конечно я безспорно
Ту честь сдѣлаю для васъ.

ПЕТРЪ.

Да не позабудь, пожалуй.

ПРИКАЩИКЪ.

Буду: въ томъ увѣренъ будь.

ПЕТРЪ.

И какъ прежде, насъ такъ жалуй.

ПРИКАЩИКЪ.

Только самъ насъ не забудь.

ПРИКАЩИКЪ И ПЕТРЪ.

Мы всѣ будемъ веселиться.
У {насъ / васъ} пѣсни будутъ пѣть.
Скакать, плясать и рѣзвиться
Есть {чего тутъ посмотрѣть / и мнѣ чего смотрѣть.}

ПЕТРЪ.

Такъ инъ пойдемъ же.

ПРИКАЩИКЪ.

Нѣтъ, теперь мнѣ нельзя, а надо сходить за однимъ дѣломъ къ госпожѣ. А какъ отъ нея отдѣлаюсь, такъ ужъ прямо приду къ вамъ, и домой не заходя.

ПЕТРЪ.

Ну, и то дѣло.

ПРИКАЩИКЪ.

Послушай: ты вчерась у барыни сказки сказывалъ.

ПЕТРЪ.

Я... а что?

ПРИКАЩИКЪ.

Долго ль тамъ сидѣлъ?

ПЕТРЪ.

Охъ! часу до двѣнадцатаго, и уже языкъ примололся. Я не знай, какъ это барыня такъ долго не засыпаетъ... да только, что

и говорить? живетъ себѣ, какъ въ раю, нужды не знаетъ, горя не вѣдаетъ. Вздумаешь-ли когда про сонъ, пожилъ бы хоть недѣльку на ея мѣстѣ.

ПРИКАЩИКЪ

Сегодня кто будетъ сказывать?

ПЕТРЪ.

Сегодня надо было моему сосѣду Пантелеймону, да барыня-то хотѣла ѣхать въ городъ и тамъ ночевать; такъ ужъ и не будутъ сказывать.

Не одни лишь только сказки
Этихъ барынь веселятъ;
Да сказать, такъ вѣдь и таски
Намъ за то не миновать.

ПРИКАЩИКЪ.
(Подумавъ, особо).

Ладно... *(Въ слухъ)* Такъ прощай пока; я тотчасъ ворочусь, а ты подожди.

ПЕТРЪ.

Хорошо.... да пожалуйста, поскорѣй.

ПРИКАЩИКЪ.
(Уходя).

Тотчасъ....

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЕТРЪ.

А я покамѣстъ спою, да кое-чего съ собою покалякою; да что жъ бы мнѣ спѣть-то? а вотъ что:

Во всемъ нашемъ околоткѣ
Нѣтъ прекраснѣе Анютъ;
Только все моей красотки
Лучше вѣрно не найдутъ.

Рѣзвится-ль она бывало,
Пляшетъ, пѣсни-ли поетъ,
Все къ ней лучше всѣхъ пристало
И все какъ-то къ ней идетъ.

Стоитъ съ нею лишь сойтиться.
Пошутить, поговорить,
Поплясать и порѣзвиться,
Чтобъ смертельно полюбить.

Какая это дѣвка! мнѣ кажется, во всемъ свѣтѣ ея милѣе нѣтъ: ну вотъ.....[1]). То-то я съ нею поживу, поцарствую. Ба! да вотъ и она идетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Петръ и Анюта

ПЕТРЪ.

Анюта, здорово!

АНЮТА.

(Кланяется)

Что тебя такъ долго не видать?

ПЕТРЪ.

Да какъ вчера я отъ васъ вышелъ, такъ все въ суетахъ да въ хлопотахъ, то тамъ, то индѣ, вездѣ надобенъ. Дѣло свадебное: такъ ка̀къ безъ работы? а теперь было шелъ звать Борисьича къ намъ, да онъ мнѣ на ту пору самъ попался и сказалъ, чтобъ я его здѣсь подождалъ, покамѣстъ онъ воротится..... Такъ-то, Анюта: такъ ты скоро будешь моя жена. Эхъ! кабы можно, такъ теперь же бы на тебѣ обвѣнчался, да старики-то все пиры да заговоры, то да се; да эдакъ мнѣ и ввѣкъ тебя не дождаться будетъ.

АНЮТА.

Ну, полно все объ одномъ твердить; вѣдь это, кажется, стыдно: разъ сказалъ, да и полно.

ПЕТРЪ.

(Взявъ ее за руку).

Не стыдись меня, Анюта:
Я вѣдь здѣшній, не чужой;

---

[1]) Здѣсь точки поставлены вмѣсто четко-, но очевидно невѣрно написаннаго въ подлинникѣ слова: *точиная.*

Иль забыла, что Петруша
Говоритъ теперь съ тобой?

АНЮТА.

Да вѣдь я не горожанка,
Чтобъ стыда-то мнѣ не знать;
А и тамъ ина дворянка
Стыдъ умѣетъ разбирать.

ПЕТРЪ.

Пусть хоть надобно стыдиться,
Только вѣдь не жениха;
А то ужъ и не годится,
Что къ нему ты такъ строга.

АНЮТА.

Да кого же я стыдиться
Стану, коль не жениха?
А то дѣвкѣ не годится,
Коль она ужъ такъ строга [1]).

ПЕТРЪ.

Эхъ, Анюта! какъ тебѣ не стыдно? будто впервые со мною видишься! кажется, ужъ третій годъ другъ друга знаемъ, а ты такъ дичишься.

АНЮТА.

Ну, да что ты хочешь говорить?

ПЕТРЪ.

Вотъ что: вѣдь сегодня у насъ сберутся.

АНЮТА.

Вотъ только у тебя и рѣчей-то, что о свадьбѣ! ну, скоро; на что тебѣ?

ПЕТРЪ.

Вѣдь насъ завтра обвѣнчаютъ.

АНЮТА.

Тьфу! какои безотвязный! ну, такъ что жъ?

---

[1]) Надъ словомъ *строга* надписано: *плоха*.

ПЕТРЪ.

Обвѣнчавши, насъ поведутъ домой.

АНЮТА.

Ну?

ПЕТРЪ.

А тамъ?

АНЮТА.

(Улыбаясь.)

А тамъ я, право, скоро тебя выбраню или тотчасъ уйду. Ну, что-йто хорошаго? все одно, да одно; какъ заладилъ, такъ ужъ и не отстанетъ.

ПЕТРЪ.

Полно, будто и сердится! смотриткася, притворяться вздумала; да вѣдь тебя скоро можно узнать, сердишься или нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Прикащикъ и прежніе.

ПРИКАЩИКЪ

Здравствуйте, друзья!

ПЕТРЪ И АНЮТА.

(Кланяясь.)

Здравствуй, сударь.

ПРИКАЩИКЪ.

Объ чемъ совѣтуете?

ПЕТРЪ.

Да такъ, кое-что калякаемъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Коли дѣвка съ молодцомъ,
Да въ такомъ лѣсу густомъ.
Знать, калякали путемъ.

Да не помѣшалъ-ли я вамъ? я инъ и прочь пойду: я на это сговорчивъ.

АНЮТА.

(Тихо къ Петру.

Скажи, что помѣшалъ.

ПЕТРЪ.

(Анютѣ.)

Нѣтъ, еще будетъ сердиться.

ПРИКАЩИКЪ.

Право, пойду.

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, Сидоръ Фроловичъ: право, мы вѣдь только отъ скуки говорили.

ПРИКАЩИКЪ.

Ну, такъ инъ я останусь.

ПЕТРЪ.

Да къ намъ-то чтоже? *(Тихо Анютѣ.)* Примолви и ты его.

АНЮТА.

(Петру.)

Нѣтъ, я лучше уйду: я какъ на огнѣ горю.

(Хочетъ уйти.

ПРИКАЩИКЪ.

Куда же ты, Анюта, бѣжишь?

АНЮТА.

Домой, Сидоръ Фроловичъ: матушка, я чай, и такъ сердится, то я такъ долго зашла.

ПРИКАЩИКЪ.

Бѣдная! вотъ какъ съ нимъ стоитъ, такъ ни объ матушкѣ, ни о батюшкѣ не вспомнитъ, а при мнѣ, такъ и матушка сердиться будетъ.

АНЮТА.

Ну, да изволь: я останусь, да ты скажи ей, что ты мнѣ велѣлъ остаться, коли меня бранить будутъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ хорошо: ха, ха, ха! она будетъ въ лѣсу перебивать то съ тѣмъ, то съ сѣмъ, а я возьми на себя.

АНЮТА.

Ну, такъ прощайте: мнѣ ужъ и теперь быть браненой.

ПРИКАЩИКЪ.

Добро, добро: я ужъ скажу на себя.

АНЮТА.

Да зачѣмъ же я тебѣ надобна?

ПРИКАЩИКЪ.

Барыня приказала тебѣ сказать... *(Петру.)* Э! да я и позабылъ тебѣ сказать

ПЕТРЪ.

Что такое?

ПРИКАЩИКЪ.

Вѣдь тебя сломя голову ищутъ, и меня спрашивали мимоходомъ, не видалъ ли я гдѣ тебя, да я въ забытяхъ сказалъ, что не знаю.

ПЕТРЪ.

Да кто спрашиваетъ?

ПРИКАЩИКЪ.

Свадебные почетные.

ПЕТРЪ.

Такъ инъ пойти... Прощайте жъ.

Мнѣ любовь лишь утѣшенье,
А Анюта въ ней веселье;
Съ ней весь вѣкъ я буду жить
И ее одну любить.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анюта и Прикащикъ.

АНЮТА.

Что такое барыня мнѣ велѣла сказать?

ПРИКАЩИКЪ.

Барыня?... ничего... а я самъ хочу тебѣ сказать.

АНЮТА.

(Съ негодованіемъ.)

Что такое? сказывай, пожалуйста, поскорѣе.

ПРИКАЩИКЪ.

Послушай, Анюта: ты знаешь, какъ я люблю твою семью.

АНЮТА.

О Господи! Ну, такъ что жъ?

ПРИКАЩИКЪ.

Ты знаешь, что я вамъ всегда дѣлалъ льготы, сколько можно было.

АНЮТА.

Ну да, знаю.

ПРИКАЩИКЪ.

Ты знаешь, что я васъ рѣже противъ прочихъ гонялъ на работу.

АНЮТА.

О Боже мой! ну да, коли я знаю, такъ на что жъ это говорить?

ПРИКАЩИКЪ.

Послушай же, ты теперь выходишь за мужъ.

АНЮТА.

Такъ что жъ?

ПРИКАЩИКЪ.

А вотъ что: что этотъ женихъ совсѣмъ не подъ стать.

АНЮТА.

Кто, Петръ? Петръ? мнѣ не подъ стать.

ПРИКАЩИКЪ.

И конечно: а я бы тебѣ сыскалъ жениха въ десять мѣръ лучше его.

АНЮТА.

Ну вотъ, ты знаешь, что я не сама большая, да и кого жъ бы ты лучше-то его сыскалъ?

ПРИКАЩИКЪ.

Человѣка степеннаго, разумнаго, тихаго, не послѣдняго гуляку, у котораго водятся денежки, харчикъ и скотинка, который собою не дуренъ и еще не старъ, и который тебя смертельно любитъ.

АНЮТА.
(Особо.)

Ужъ не себя ль онъ эдакъ честитъ? Ахъ! пропала моя головушка. *(Прикащику)* Да кто жъ бы это такой былъ? я, право, не знаю.

ПРИКАЩИКЪ.

Эдакая недогадливая! развѣ ты не догадалася, что это я самъ?... Ну, теперь разсуди хорошенько,

Лучше ль быть тебѣ крестьянкой
Иль прикащицкой женой:
Вѣдь прикащица съ дворянкой
Поравняется собой.

Такъ-то, Анюта!

АНЮТА.

Чтобъ я пошла за прикащика! да еще за тебя!.. да развѣ я съ ума сойду?

ПРИКАЩИКЪ.

Зачѣмъ же тебѣ прикащицкая-то жизнь не нравится?

Я въ деревнѣ здѣсь живу какъ властелинъ
И въ почтеньи больше нежель господинъ.
Всякій здѣсь меня боится,
Всякъ послушенъ и страшится:
Я всегда всѣхъ воленъ бить,
Какъ лишь можетъ въ умъ придтить.

АНЮТА.

Такъ это и хорошо, что ты всегда дерешься?

ПРИКАЩИКЪ.

Я съ крестьянъ оброкъ сбираю,
Баръ своихъ пренебрегаю,

Все беру, ловлю, хватаю
И карманы набиваю,
Отъ чего сталъ такъ богатъ,
Что всякъ тестемъ мнѣ быть радъ.

АНЮТА.

Коль когда ты попадешься
Въ плутняхъ эдакихъ своихъ,
Такъ и съ рекрутъ не сорвешься
У помѣщиковъ лихихъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Трудно имъ поймать такого,
Моя милость какова:
У меня всегда готова
На увертки голова.

АНЮТА.

Хоть одинова узнаютъ,
Такъ въ зашейникъ натолкаютъ,
На конюшнѣ отдерутъ
И въ солдаты отдадутъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Этого-то и не взвидишь,
Чтобъ когда попался я!

АНЮТА.

Авось скоро ты увидишь
Чужи-дальные края.

ПРИКАЩИКЪ.

Эй, Анюта, постыдися.

АНЮТА.

Мнѣ не для чего краснѣть,
А ты лучше самъ уймися.

ПРИКАЩИКЪ.

Будешь же и ты жалѣть.

АНЮТА. ПРИКАЩИКЪ.

(Вмѣстѣ.)

АНЮТА	ПРИКАЩИКЪ
Право, я жалѣть не буду,	Какъ ни стану, а добуду:
Что не быть тебѣ женой:	Будешь ты моей женой.
Только ввѣкъ не позабуду	Развѣ Фроломъ я не буду,
Разсказать поступокъ твой.	Иль умъ потеряю свой.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прикащикъ и Новомодова.

Новомодова.

О, проклятые лакеи,
Окаянный хамовъ родъ!
О, безстыдные злодѣи,
Чтобы всѣхъ васъ побралъ чортъ!
Вы господъ вѣкъ мучить ради
И отъ васъ всегда досады
Пьянства, злобы, плутовства,
Смутъ, ссоръ, дракъ и воровства!

Да развѣ мнѣ не допытаться изъ васъ виноватаго? Нѣтъ, этого-то ввѣкъ не будетъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Что такое сдѣлалось, сударыня?

НОВОМОДОВА.

У меня украли ложки,
Не оставили ни крошки:
Ихъ безъ спросу унесли
И слѣды ужъ заросли.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ! какъ это?

НОВОМОДОВА.

Вчерась ко мнѣ изъ городу привезли дюжину столовыхъ серебряныхъ ложекъ. А я ихъ, поглядѣвши, и положила въ моей спальнѣ на столъ; сегодня хватилась; анъ ужъ ихъ и нѣтъ; од-

нако у меня найдутся: ни на одной бестіи живаго мѣста не оставлю.

Ваньку, Ташку,
Петьку, Дашку,
Съ ними вмѣстѣ и Парашку
Я смертельно отдеру
И ихъ всѣхъ переберу.

ПРИКАЩИКЪ.

Барыня! да вѣдь кто-нибудь одинъ виноватъ, а вы всѣхъ бить хотите.

НОВОМОДОВА.

Для того, чтобы другъ за другомъ крѣпче смотрѣли, а то нѣтъ, уже и избаловались, давно не пороты: имъ каждому надо на всякой день бани по три давать, такъ и будутъ какъ шелковые; а то это бездѣлица въ недѣлю вытерпѣть дранины двѣ..... Господи, Боже мой! посмотришь въ людяхъ: то такъ любо-дорого глядѣть, какъ смирны, какъ тихи, какъ вѣжливы, какъ чисты на руку, а отчего? оттого, что часто бьютъ; а то съ ними хоть чуточку ласково обойдись, такъ и носъ поднимутъ;

Лишь спусти съ нихъ чуть-чуть глазки,
Съ ними обойдись добромъ,
И не дай въ день двѣ-три таски,
Такъ и будетъ домъ вверхъ дномъ.

Только я поправлю скоро свою погрѣшность.

ПРИКАЩИКЪ.

Боярыня, да иной совсѣмъ не знаетъ...

НОВОМОДОВА.

Драться я не не умѣю,
Всѣхъ ихъ буду порознь драть;
Рукъ своихъ не пожалѣю
Виноватаго сыскать.

ПРИКАЩИКЪ.

Да иной совсѣмъ не знаетъ,
Что пропажа есть у насъ.

НОВОМОДОВА.

Палка это угадаетъ,
Какъ дастъ всякому сто разъ.
Драться я не не умѣю,
Всѣхъ ихъ буду порознь драть,
Рукъ своихъ не пожалѣю
Виноватаго сыскать.

ПРИКАЩИКЪ.

Да другіи чѣмъ виноваты?
Ихъ за что хотите бить?

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ ни малой всѣмъ пощады,
Поколь ложекъ не найтить.
Драться я не не умѣю,
Всѣхъ ихъ буду порознь драть;
Рукъ своихъ не пожалѣю
Виноватаго сыскать.

ПРИКАЩИКЪ.

Говорить ужъ не умѣю
И не знаю, что начать;
Только право я робѣю,
Чтобъ чего не накачать.

НОВОМОДОВА.

Съ живыхъ кожи до пятъ спущу.

ПРИКАЩИКЪ.

Э, постойте, барыня: я нашелъ одинъ способъ, коимъ, можетъ быть, сыщемъ виноватаго и ваши ложки.

НОВОМОДОВА.

Палки скажутъ мнѣ,
У кого онѣ;
Я сказала,
Не солгала,
Что ихъ всѣхъ переберу
И какъ бѣлокъ обдеру.

ПРИКАЩИКЪ.

Да упрямый воръ хоть радъ умереть, а не сказать.

НОВОМОДОВА.

Палки скажутъ мнѣ,
У кого онѣ;
Я сказала,
Не солгала,
И потоль не отойду,
Поколь ложекъ не найду.

ПРИКАЩИКЪ.

Да мы и безъ побой сыщемъ виноватаго.

НОВОМОДОВА.

Палки мнѣ вѣрнѣе скажутъ,
Виноватаго докажутъ,
Ложки вынутъ, отдадутъ
И мошенниковъ уймутъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Да какъ вора вы найдете,
Такъ его вы отдерете,
Какъ угодно вамъ;
Я расправлюсь самъ.

НОВОМОДОВА.

Ну, да что такое, честью что ль ты правду отъ нихъ хочешь вывѣдать? такъ этого и ввѣкъ не дождаться.

Правды ввѣкъ ты не узнаешь,
Какъ на просьбу уповаешь:
Ради всѣхъ хотя изстыть,
Нежель правду объявить.

ПРИКАЩИКЪ.

Да я ихъ и испрашивать не буду.

НОВОМОДОВА.

Да инъ какъ же ты хочешь, — ужъ это и мнѣ непонятно.

ПРИКАЩИКЪ.

Вы знаете, какъ хорошо умѣютъ гадать кофейницы, которыхъ искусство ужъ весь свѣтъ знаетъ; а до городу не болѣе отсель 2-хъ верстъ; такъ мы за ней спосылаемъ Данилку, и она вамъ вѣрно скажетъ виноватаго.

НОВОМОДОВА.

И вѣдомо такъ; такъ пошли же за ней сейчасъ на лошади.

ПРИКАЩИКЪ.

Очень хорошо, барыня.

НОВОМОДОВА И ПРИКАЩИКЪ.

Она скажетъ безъ утайки,
Кто изъ нашихъ ложки взялъ;
А изъ праведной ихъ шайки
Ни одинъ еще не лгалъ.

НОВОМОДОВА.

Допытаюсь, постараюсь,
Постараюсь;
Сломлю голову рублю,
Да ужъ съ вора я слуплю.

ПРИКАЩИКЪ.

Ей узнать,
Намъ сказать
Это ничего не стоитъ,
Коли въ платѣ не поспоритъ.

НОВОМОДОВА И ПРИКАЩИКЪ.

Они знаютъ,
Не болтаютъ,
Тотчасъ правду открываютъ,
И лишь взглянутъ, тайну вмигъ
Скажутъ, ложки кто подстригъ.

НОВОМОДОВА.

То-то дамъ отраду сердцу,
Шельму вора въ гробъ прибью.

ПРИКАЩИКЪ.

Ужъ и я поддамъ же перцу,
Хотя съ ногъ себя собью.

НОВОМОДОВА.

Мнѣ не впе́рвой съ ними драться.

ПРИКАЩИКЪ.

Мнѣ не впе́рвой ихъ учить.

НОВОМОДОВА.

Лихо бъ только что додраться.

ПРИКАЩИКЪ.

Мнѣ изволь лишь поручить.

НОВОМОДОВА И ПРИКАЩИКЪ.

Ну, теперь пошлемъ Данилку,
За кофейницей въ посылку;
А какъ скажетъ вора намъ,
Приберемъ его къ рукамъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ садъ; съ одной стороны барскій домъ, изъ котораго въ садъ крыльцо; на крыльцѣ стоятъ нѣсколько стульевъ и креселъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прикащикъ и Кофейница идутъ съ одной стороны.

ПРИКАЩИКЪ.

Нѣтъ, безъ шутокъ, ты мнѣ нада
Для нужды для большой.

КОФЕЙНИЦА.

Я тебѣ служить вѣкъ рада
И тѣломъ и душой.

КОФЕЙНИЦА.	ПРИКАЩИКЪ.
(*Вмѣстѣ.*)	
Я тебѣ служить готова,	У меня мошна готова,
И объ этомъ нѣтъ ни слова;	Въ платѣ спору нѣтъ ни слова;
На меня лишь положись,	На меня ужъ положись,
Только самъ не оплошись.	Сама только не плошись.

КОФЕЙНИЦА.

Только воля твоя, Борисьичь; а я право не понимаю, что̀ ты за дьявольщину городишъ: быть пророкомъ, угадывать прошедшее, настоящее и будущее, вѣдь это не моей головѣ; тебѣ надобенъ либо чортъ, либо угодникъ. Да скажи ясняй, что такое?

ПРИКАЩИКЪ.

А вотъ видишь, что: я ужъ давно люблю здѣсь одну дѣвушку, Анюту, дочь Артамонову, а она также любитъ Петра, здѣшняго крестьянина, который ее любитъ же, и они нынѣ выпросили у барыни позволеніе обвѣнчаться; что имъ и дозволено, а мнѣ хочется взять Анюту за себя....

КОФЕЙНИЦА.

Горе, прикащикъ. Да ты бы ее просилъ у ея отца и матери.

ПРИКАЩИКЪ.

Да ужъ это было.

КОФЕЙНИЦА.

Да что?

ПРИКАЩИКЪ.

Они было согласились; да это видѣла Анюта, сказала имъ, что она сама на себя руки подниметъ, ежели ее за меня отдадутъ, а дураки-то и повѣрили, да мнѣ и отказали.

КОФЕЙНИЦА.

Нѣтъ, такъ ужъ тутъ и самъ чортъ не пособитъ, не только я, грѣшная.

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ видно, что я хитрѣе чорта, для того что ужъ половину дѣла сдѣлалъ.

КОФЕЙНИЦА.

Что ты говоришь! да какъ это?

ПРИКАЩИКЪ.

А вотъ какъ: барыня моя, когда живетъ въ деревнѣ, то всегда беретъ къ себѣ крестьянъ и крестьянокъ сказки сказывать подъ вечеръ; а вчерась у ней сказки сказывалъ Петръ, а я подъ его слѣдъ и подтяпалъ сегодня изъ спальни дюжину новыхъ серебряныхъ ложекъ, только право не изъ корыстолюбія, а для того, чтобъ на него пала вина.

КОФЕЙНИЦА.

Да тебѣ изъ этого что прибыли?

ПРИКАЩИКЪ.

Какъ что? ты еще всего не знаешь: барыня моя великая охотница продавать молодыхъ ребятъ въ рекруты.

КОФЕЙНИЦА.

Вотъ хорошая охота: ну!

ПРИКАЩИКЪ.

И за самую малую бездѣлицу рада отдать лучшаго парня изо всей деревни; а какъ Петра удастся мнѣ подловить и на него взнести кражу, то это твердо знаю, что ему быть въ рекрутахъ; а для лучшаго увѣренія госпожѣ, и я присовѣтовалъ уже ей спросить у кофейницы виноватаго, и тутъ-то ты покажи свою проворность. Сказавъ его примѣты и невѣстины, да также нѣсколько приключеній барыни, легко ты ее увѣришь, что Петръ укралъ ложки.

КОФЕЙНИЦА.

О! такъ я тебя увѣрю, что Анюта будетъ твоя [1]).

ПРИКАЩИКЪ.

Постой же: я разскажу тебѣ нѣкоторыя ея приключенія. Анюту-то и Петра ты давеча видѣла.

---

[1]) Въ подлинной рукописи послѣ этого стоитъ еще слово: *живши*; такъ какъ передъ нимъ поставлена точка, то надобно думать, что авторъ хотѣлъ прибавить тутъ еще предложеніе, но остановился на первомъ словѣ. Подобныя неисправности встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ рукописи, окончательно не провѣренной Крыловымъ

КОФЕЙНИЦА.

А приключенія-то ея я лучше тебя знаю, для того что была повѣренной ея сестры, съ которой барыня твоя очень дружна.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ этого и не надо лучше.

КОФЕЙНИЦА.

Однако не совсѣмъ хорошо: изъ этого и дурное можетъ б ить.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ, будто тебѣ впервой обманывать!

КОФЕЙНИЦА.

Да вѣдь обманъ обману розь, а за эдакой обманъ я бы и съ батюшки роднаго сгладила за работу.

ПРИКАЩИКЪ.

Да ужъ я те не забуду:
Какъ женой Анютѣ[1]) буду,
Такъ хорошій хлѣбъ добуду;
Будешь насъ благодарить.

КОФЕЙНИЦА.

Надо мной тебѣ шутить
Надо поумнѣе быть,
Вѣдь не дура я какая.

ПРИКАЩИКЪ.

Что ты, вѣдьма городская?
Развѣ здорю я съ тобой?

КОФЕЙНИЦА.

И не здорь таки со мной.

ПРИКАЩИКЪ.

Да что жъ ты, ничего не видя, такъ разгорячилась?

Конечно ошибка, вмѣсто:
«Какъ Анютѣ мужемъ буду».

КОФЕЙНИЦА.

А ты что меня за дуру нашелъ, что сулишь мнѣ заплатить тогда, какъ ча Анютѣ будешь женатъ? нѣтъ, а ты не сули журавля въ морѣ, дай синицу въ руки, а яснѣй сказать,

Я тогда за трудъ сбираю,
Когда дѣло зачинаю.

ПРИКАЩИКЪ.

Я и отъ того не прочь;
Лишь изволь ты мнѣ помочь.

Да что тебѣ надобно? инъ мы поторгуемся.

КОФЕЙНИЦА.

Да коль я когда счастливо
Дѣломъ этимъ поверну,
Дать мнѣ ложекъ шестерню
Не велико будетъ диво.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ, любезная кума!
Никакъ ты сошла съ ума:
Да я лучше удавлюся,
Нежель въ ложкахъ подѣлюся,
Развѣ я ума ряхнуся.

КОФЕЙНИЦА.

Да пожалуй, не давай
И меня инъ не замай;
Коль упрямъ, такъ инъ прощай.

ПРИКАЩИКЪ.

Я сыщу, кли[1]) такъ, другую,
Не такую дорогую;
А ты подь себѣ домой,
Мнѣ не нуженъ разумъ твой

---

[1]) Именно *кли*, а не *коль*.

КОФЕЙНИЦА.

Не сыскать тебѣ другую,
Такъ какъ я не дорогую;
Я пойду таки домой,
А ты здѣсь ищи другой.

Такъ ты мнѣ не дашь шести ложекъ?

ПРИКАЩИКЪ.

Не дамъ, конечно не дамъ: шесть серебряныхъ ложекъ, вѣдь это не шутка.

КОФЕЙНИЦА.

И таки не дашь?

ПРИКАЩИКЪ.

Нѣтъ!

КОФЕЙНИЦА.

Вѣрно?

ПРИКАЩИКЪ.

Вѣрно!

Лучше я Анюту кину,
Нежель дамъ ихъ половину.
Что пустое калякать?
Вѣкъ тебѣ ихъ не видать.

КОФЕЙНИЦА.

Будешь же и всѣ давать, да не во время.

ПРИКАЩИКЪ.

Грози богатому, богатый денежку дастъ, а мнѣ нешто сдѣлаешь: съ твоихъ то угрозъ я великъ взросъ.

КОФЕЙНИЦА.

Хорошо жъ! Вонъ идетъ барыня; я ей сей же часъ про твои плутни разскажу.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ, кумушка! прости Бога ради: согрѣшилъ я, окаянный; право, не буду впередъ съ тобой ссориться.

КОФЕЙНИЦА.

А, а! теперь трусу праздновать! ну, пнъ помиримся: ужъ я

прощу, только вѣдь даромъ и попы грѣховъ не прощаютъ; такъ и ты, сынъ духовный, давай мнѣ скорѣе за мировую.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ! да что такое мнѣ тебѣ дать! у меня, право, денегъ ни полушки нѣтъ.

КОФЕЙНИЦА.

Ну же, скорѣй! вѣдь вонъ она очень близко.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ! да мнѣ... вотъ тебѣ; только, пожалуйста, молчи *(даетъ ей одну ложку, которую она съ поспѣшностію прячетъ)* и поворожи въ мою пользу.

КОФЕЙНИЦА.

Это за мировую, а за ворожбу-то у меня таки не отойдешь безъ шести ложекъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Ужо, право, и тѣ отдамъ; а теперь сама видишь, что некогда.

КОФЕЙНИЦА.

Ну, инъ хорошо, и я въ свой черёдъ соглашусь.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Новомодова.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ, барыня! кофейница, которая можетъ очень хорошо угадывать прошедшее, настоящее и будущее.

НОВОМОДОВА.

Пожалуй, мадамъ, угадай мнѣ, кто у меня...

КОФЕЙНИЦА.

О, сударыня! пожалуйте, не сказывайте причины вашего гаданья: искусная кофейница это и безъ спрашиванія сама узнаетъ; только я хочу, чтобъ здѣсь людей не было.

НОВОМОДОВА.

Очень хорошо.... Борисьичъ, поди отсель въ покои и пришли сюда столъ съ кофеемъ для гаданья.

ЯВЛЕНІЕ III.

Новомодова и Кофейница.

НОВОМОДОВА.

Коли ты мнѣ угадаешь
И подробно все узнаешь,
То увѣрена въ томъ будь,
Что за трудъ тебѣ дадутъ.

КОФЕИНИЦА.

Ужъ не впервой я гадаю,
Да не лгу лихъ никогда,
За что плату получаю
Непостыдную всегда,
И васъ въ евтомъ увѣряю,
Что не вдолгѣ угадаю.

НОВОМОДОВА.

Я жъ тебѣ за то, мадамъ,
Цѣлый рубль съ полтиной дамъ.

(Въ сію минуту приноситъ дѣвка столъ съ кофеемъ и, поставивъ его на крыльцо, уходитъ; а Кофейница и Новомодова входятъ на крыльцо и садятся за столикъ. Прикащикъ показывается украдкою изъ-за палатъ, и въ то время, какъ кофейница сказываетъ, онъ благодаритъ ее пантомимами).

КОФЕИНИЦА.

(Смотря въ кофе.)

Какъ ваше имя, сударыня?

НОВОМОДОВА.

Да развѣ ты не можешь это угадать на кофеѣ? да на что же тебѣ его и знать? не по имени ли и по отечеству хочешь ты меня звать?

КОФЕЙНИЦА.

Конечно, сударыня.

НОВОМОДОВА.

О, мадамъ! пожалуйте, не дѣлайте этого дурачества, для того что оно пахнетъ русскимъ обычаемъ и ужасть какъ нехорошо: я никогда во Франціи не слыхала, чтобъ тамъ другъ дружку звали по имени и по отчеству, а всегда зовутъ мамзель или мадамъ, а это только наши русскіе дураки это дѣлаютъ, и это безмѣрно какъ дурно.

КОФЕЙНИЦА.

Какъ же вамъ угодно, чтобъ я васъ звала?

НОВОМОДОВА.

Пожалуйте, зовите меня мадемуазель.

КОФЕЙНИЦА.

Да вѣдь, сударыня, этимъ именемъ звать только можно дѣвицъ, а я по кофею угадываю, что вы уже давно вдовою.

НОВОМОДОВА.

Да, это правда, что я вдова; однако я множество нынѣшнихъ дѣвицъ, которыя, что называется, умѣютъ жить въ большомъ свѣтѣ, и вдовъ почитаю заодно, для того что ни дѣвица, ни вдова не зависитъ отъ мужней власти, и всякая живетъ по своей волѣ.

КОФЕЙНИЦА.

Однако я думаю, что дѣвица и вдова совсѣмъ несходно, для того что вдова была уже замужемъ, а дѣвица еще не знаетъ, что такое мужъ.

НОВОМОДОВА.

Ха! ха! ха! это было въ адамовы вѣки, жизнь моя, а не нонче: какая подлость дѣвицѣ не знать, что такое мужъ; это ужасно какъ мило! (*Съ нѣкоторою досадою*) однако я думаю, что вамъ не многаго будетъ стоить звать меня мадемуазелью.

КОФЕЙНИЦА.

Очень хорошо, сударыня... прикажете ль мнѣ все до крохи правду сказывать?

НОВОМОДОВА.

Все до крошечки.

КОФЕЙНИЦА.

Мадемуазель, вы вышли восмнадцати лѣтъ замужъ и были въ дѣвицахъ, замужемъ и вдовою такого же честнаго поведенія какъ и нынѣ: понимаете ль, мадемуазель?

НОВОМОДОВ.

Да, это правда, что я съ семнадцати лѣтъ стала такова же, какъ и нынѣ.... о! ты, мадамъ, великая угадчица.

КОФЕЙНИЦА.

Вашъ мужъ скончался отъ....

НОВОМОДОВА.

Ахъ! пожалуй не говори: вѣдь здѣсь садъ, такъ и подслушать могутъ; да что ты такъ издалека зачала?

КОФЕЙНИЦА.

Для того, что я исподоволь люблю добираться до настоящаго.

НОВОМОДОВА.

Ну, инъ хорошо; однако не все, что важно, говори, мадамъ.

КОФЕЙНИЦА.

Вы имѣли, мадемуазель, много любовниковъ и всѣ они были вами довольны.... ахъ! извините, что я громко сказала.

НОВОМОДОВА.

Ха! ха! ха! это не важно, мадамъ.

КОФЕЙНИЦА.

Вы жили очень роскошно, и на васъ не малое число долгу, которые долги обѣщали заплатить ваши любовники.

НОВОМОДОВА.

И это не неправда.

КОФЕЙНИЦА.

Вы уѣхали изъ города, за тѣмъ чтобъ отсутствіемъ вашимъ воспламенить одного выгоднаго любовника.

НОВОМОДОВА.

Такъ точно: какъ же ты хорошо гадаешь!

КОФЕЙНИЦА.

Ба! у васъ вчерась сдѣлалась пропажа, и пропали точно двѣнадцать серебряныхъ новыхъ ложекъ въ вашей спальнѣ.

НОВОМОДОВА.

Это-то мнѣ и надо, чтобъ я узнала мошенника, кто ихъ у меня подтяпалъ.

Скажи мнѣ его примѣты —
Ростъ, лицо, станъ, голосъ, лѣты.

КОФЕЙНИЦА.

А вотъ онъ собой каковъ:
Не высокой, чернобровъ,
Смуглъ и оченно здоровъ,
Еще не изъ стариковъ.

НОВОМОДОВА.

Такъ! такъ! это точно Петрушка.

КОФЕЙНИЦА.

Скоро будетъ онъ вѣнчаться,
Ужъ на дѣвкѣ сговоренъ,
До вѣнца же дожидаться
Имъ не болѣе двухъ денъ.

НОВОМОДОВА.

Точно онъ.

КОФЕЙНИЦА.

Дѣвка эта не велика,
Не толста и круглолика
И семнадцати ей лѣтъ,
Я скажу, что вѣрно нѣтъ.

НОВОМОДОВА.

Такъ... да опиши мнѣ его примѣты хорошенько, мадамъ.

КОФЕЙНИЦА.

Двадцатъ лѣтъ ему, не больше;

Васъ немного онъ потоньше
И собой черноволосъ,
И къ лицу умѣренъ носъ.

А короче сказать, онъ вчерась у васъ былъ ввечеру, и ложки въ 12-мъ часу ночью стянулъ со стола.

НОВОМОДОВА.

Ну, теперь пока довольно,
Ворожить на кофе полно:
Знаю, ложки кто унесъ, —
Это сдѣлалъ Петька бѣсъ.

КОФЕЙНИЦА.

Ну, изрядно ли я лажу
Въ кофе съ правдою, мамзель?

НОВОМОДОВА.

Ты мнѣ описала кражу
Чище, нежели свирѣль.

КОФЕЙНИЦА.

Ну, теперь, мамзель, прощайте:
Мнѣ пора домой йитить;
Лишь, прошу, не забывайте
За труды мнѣ заплатить.

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, вотъ ты не угадала:
Нынѣ у меня спи ночь;
Ты, что было, все сказала,
А ужо мнѣ попророчь.

КОФЕЙНИЦА.

Да ежели вамъ угодно, такъ я и теперь могу поворожить.

Въ утро, въ вечеръ, ночью, днемъ
Я всегда съ однимъ съ умомъ;
Я всегда равно гадаю —
И, что бъ ни было, узнаю.

НОВОМОДОВА.

Да теперь некогда, для того что я дамъ раздѣлку сей же часъ съ своимъ злодѣемъ. Эй, войди сюда кто-нибудь! *(Дѣвка входитъ)* Возьми столъ съ кофеемъ и кликни прикащика. *(Дѣвка уноситъ столъ; прикащикъ, поклонившись Кофейницѣ, уходитъ изъ-за палатъ; барыня и кофейница встаютъ со стульевъ и сходятъ съ крыльца. Тутъ показывается прикащикъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Новомодова, Прикащикъ и Кофейница.

НОВОМОДОВА.

Знаешь ли, вѣдь ложки-то нашлись.
Мадамъ все мнѣ угадала,
У меня кто ложки взялъ,
И того вточь описала,
Кого ты подозрѣвалъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Что вы говорите? станое[1]) ль дѣло? Ну, мадамъ, подлинно ты великая угадчица.

НОВОМОДОВА.

Ну, теперя спорить буду я всегда,
Что вы въ кофеѣ не лжете никогда,
И хоть драться,
А поддаться
Никому не захочу,
Ни предъ кѣмъ не замолчу.

ПРИКАЩИКЪ.

Я вѣдь сказывалъ вамъ, сколь онѣ умны
И что для того лишь только рождены,
Чтобъ гадать
И все знать
И за то чтобъ деньги брать.

ПРИКАЩИКЪ.

Ну, боярыня, теперь пора и до вора добираться.

---

[1]) Такъ именно въ рукописи.

НОВОМОДОВА.

(Подумавъ).

Нѣтъ, теперь пойдемъ за столъ, а послѣ обѣда я знаю, что съ нимъ дѣлать.

ПРИКАЩИКЪ.

Съ мужикомъ како вамъ дѣло?
Коль онъ самъ такъ плоховатъ,
Должно не боясь и смѣло
Его въ рекруты отдать.

НОВОМОДОВА.

Я сама то жъ затѣваю;
Только право какъ, не знаю.
Ужъ и такъ здѣсь нѣтъ ребятъ,
А онъ парень тароватъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Нынь дадутъ триста иль больше,
А какъ погодить подольше,
Такъ и вполы не дадутъ,
Только ложки пропадутъ.

НОВОМОДОВА.

Да и то правда, вѣдь въ животѣ и въ смерти Богъ воленъ:

Вѣдь частенько молодые
Умираютъ иногда;
А хрычи-то, такъ иные
Живутъ сто лѣтъ безъ вреда.

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ инъ велите жъ мнѣ его призвать сюда; а тамъ мы пошлемъ его въ городъ, или и здѣсь припереть покрѣпче можно.

НОВОМОДОВА.

Теперь ужъ некогда, да я и послѣ обѣда не отдумаю этого каналью отбоярить,

Развѣ я умру случайно,
Что не дамъ раздѣлки съ нимъ;

А то мнѣ необычайно
Упускать канальямъ симъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Эхъ, барыня! ну, да какъ, можетъ быть, онъ какъ-нибудь провѣдаетъ, что мы узнали объ его плутовствѣ, такъ вѣдь не замѣшкаетъ и лыжи навострить.

НОВОМОДОВА.

А что ты думаешь, вѣдь и это станется.... такъ инъ вели же его призвать сюда.

ПРИКАЩИКЪ.

(Всходитъ на крыльцо, отворяетъ двери и говоритъ).

Послушай, поди скажи Петру, который женится, чтобъ онъ скорѣй сюда пришелъ: барыня дескать спрашиваетъ, да скорѣе *(затворяетъ дверь и подходитъ къ нимъ).*

НОВОМОДОВА.

Ну, теперь то я злодѣю
За покражу отомщу
И ужъ развѣ ошалѣю,
Что вину ему спущу:
Разорву одной минутой
Его свадьбу со Анютой,
Въ гробъ отъ палокъ положу
И въ солдаты посажу.

ПРИКАЩИКЪ.

Лучше этого не нада,
Чтобъ ему за то отмстить.

НОВОМОДОВА.

Сколько же тому я рада,
Что мнѣ въ умъ могло придтить.

НОВОМОДОВА И ПРИКАЩИКЪ.

Пусть други то глядя видятъ,
Сколь безчестно воровать,
И порокъ сей ненавидятъ,
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

НОВОМОДОВА.

Я вовѣкъ за воровство спущать не буду
И такихъ ссылать въ солдаты не забуду.
Пусть други то глядя видятъ *и проч.*

ПРИКАЩИКЪ.

Мы воротимъ ложки черезъ сей манеръ,
А другимъ ворамъ пусть будетъ онъ въ примѣръ.
Пусть други то глядя видятъ *и проч.*

КОФЕЙНИЦА.

Такихъ умныхъ словъ нигдѣ я не слыхала
И такого наказанья не видала.

НОВОМОДОВА.

Пусть други то глядя видятъ,
Сколь безчестно воровать,
И порокъ сей взненавидятъ,
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

ПРИКАЩИКЪ.

Пусть други то глядя видятъ,
Какъ мнѣ страшно досажать,
И порокъ сей ненавидятъ,
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

КОФЕЙНИЦА.

То и въ подлинну увидятъ,
Сколь опасно воровать,
И порокъ сей взненавидятъ
Коль лѣнь въ полѣ побывать.

НОВОМОДОВА.

А развѣ онъ тебѣ чѣмъ досадилъ?

ПРИКАЩИКЪ.

Какъ же? Когда онъ вамъ досадилъ, то какой же буду прикащикъ, коли это мнѣ будетъ не обидно?

НОВОМОДОВА.

Вотъ прямо прикащикъ.... Да вотъ и залетъ нашъ.

———

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Петръ.

ПЕТРЪ.

Зачѣмъ вы меня изволили спрашивать, боярыня?

НОВОМОДОВА.

А, соколъ! здорово.

ПРИКАЩИКЪ.

Угаръ, здравствуй,
Благодарствуй,
Что недорого берешь,
Какъ ты сказки ей поешь.

ПЕТРЪ.

Я таковъ,
Что готовъ
Всегда барынѣ служить
И во всемъ ей угодить.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ хорошая услуга,
Чтобъ изъ платы угождать,
И какъ будто-бы у друга,
Не спросясь, по волѣ брать.

ПЕТРЪ.

Право, я не понимаю,
Что теперь ты говоришь,
Да и объ какой, не знаю,
Мнѣ заплатѣ ты твердишь.

ПРИКАЩИКЪ.

По пустому увѣряешь:
Ты насъ въ томъ побольше знаешъ;
Такъ не для чего таить,
Лучше правду намъ открыть.

НОВОМОДОВА, ПРИКАЩИКЪ И КОФЕЙНИЦА.	ПЕТРЪ.
(Вмѣстѣ.)	
Коли сдѣлалъ, не стыдяся,	Что я сдѣлалъ, не стыдяся,
Такъ ужъ лучше не таяся	Что открою не таяся,
Намъ вину свою открой	И меня теперь какой
Иль упрямствомъ не удвой.	Всѣ вы клеплете виной?

НОВОМОДОВА.

Какъ, плутъ, развѣ не ты у меня вечоръ сказывалъ сказки?

ПЕТРЪ.

Да вѣдь это по вашему приказу, барыня

НОВОМОДОВА.

Развѣ ты не тогда вышелъ, какъ ужъ я заснула?

ПЕТРЪ.

Вы такъ и приказали.

ПРИКАЩИКЪ.

Доброй малой! да не по барынину-ль приказу ты и ложки то сблаговѣстилъ?

НОВОМОДОВА.

Что, каналья? Ну же, говори скорѣй, гдѣ онѣ у тебя?

ПЕТРЪ.

Да какія ложки? помилуйте, Бога ради: я ихъ и въ глаза не видалъ.

НОВОМОДОВА.

Смотри, пожалуй: ну, не досадно ли это? онъ же виноватъ, да онъ же еще и запирается.

ПЕТРЪ.

Право, хоть теперь голова долой, ничего не знаю.

НОВОМОДОВА.

Дюжина ложекъ, которыя вчерась при тебѣ ко мнѣ привезли изъ городу?

ПЕТРЪ.

Ну, эти я видѣлъ: новыя серебряныя; да вѣдь мы пошли, такъ онѣ остались на столѣ.

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, ты ихъ укралъ, бездѣльникъ!

ПЕТРЪ.

Что вы, барыня? Да я съ роду не кралъ.

НОВОМОДОВА.

О, коль сталъ ты запираться,
Такъ знать, надобно добраться
До тебя, мой свѣтъ, путемъ.
Инъ по палки мы пошлемъ.

ПЕТРЪ.

Ей Богу, не бралъ, боярыня.

НОВОМОДОВА.

Слышь, скажи,
Покажи:
Ложки мнѣ скорѣй отдай
Иль подъ палочье ступай.

Борисьичъ, возьми его на конюшню [1]) и бей до тѣхъ поръ, пока не отдастъ ложекъ, а тамъ отдадимъ въ рекруты.

ПЕТРЪ.

Барыня, пожалѣйте хотя бѣдную Анюту.

ПРИКАЩИКЪ.

Да отдай ложки и не запирайся; такъ, можетъ, и проститъ барыня.

ПЕТРЪ.

Да каки же вы хотите
Ложки чтобъ я вамъ отдалъ?

---

[1]) Надъ этимъ словомъ надписано «и отведши».

Хоть теперя умертвите,
Ни одной я ихъ не бралъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ вотъ я жъ те взъерепеню;
Какъ вобью въ кроваву пѣну,
Такъ не станешь больше лгать,
Будешь правду объявлять.

ПЕТРЪ.
(Падая въ ноги боярынѣ).

Не погубите, милосердая боярыня.

ПРИКАЩИКЪ.

Чтожъ, сударыня?

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, теперь ужъ некогда съ нимъ возиться; пора обѣдать, а тамъ мы сдѣлаемся.

ПРИКАЩИКЪ.

Слышу, сударыня, такъ я инъ его пота самъ постерегу....

Поступать съ нимъ, какъ я знаю,
И его не прогуляю;
Буду плотно такъ стеречь,
Чтобъ онъ не возмогъ утечь.

НОВОМОДОВА.

А мы пойдемъ обѣдать, душа моя; ужъ, чай, и на столъ накрыли.... слышь ты, мошенникъ, не запирайся, чтобъ хуже не было.

Не велика въ томъ утѣха
Запираться безъ успѣха;
Лучше правду намъ скажи,
Ложки вынь да положи.

ПРИКАЩИКЪ.

Развѣ хочешь изъ упрямства намъ ты лгать?
Такъ вѣдь палки то принудятъ же сказать.

Не велика въ томъ утѣха
Запираться безъ успѣха;
Лучше правду намъ скажи,
Ложки вынь да положи.

ВСѢ, КРОМѢ ПЕТРА.

Я тебѣ совѣтъ даю все объявить
И сказать: спина покамѣстъ не болитъ.
Не велика въ томъ утѣха
Запираться безъ успѣха;
Лучше правду намъ скажи,
Ложки вынь да положи.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ комнату г-жи Новомодовой.

ЯВЛЕНІЕ I.

КОФЕЙНИЦА.
(Одна).

Нѣтъ на свѣтѣ правды болѣ:
Всѣ обманами живутъ;
И по волѣ иль неволѣ
Лишь того и стерегутъ,

***

Чтобы ближняго ограбить,
Его мошну процѣдить,
На тотъ свѣтъ родню отправить
И тѣмъ свой карманъ набить.

***

Лихо въ руки бы попало
Отъ кого что и кому,

У него ужъ и пропало,
Тотъ не числи къ своему.

***

Иной кражей промышляетъ,
Иной честнымъ воровствомъ;
Только рѣдкій набиваетъ
Свой шкатулъ не плутовствомъ.

Однако, какъ бы то ни было, а мнѣ кажется, что нѣтъ лучше и безопаснѣе кофейницыной жизни, для того что всякій боится за свои плутни быть наказану; а я, ничего не боясь, набиваю свои карманы, и всѣ тѣ, коихъ я обманываю, на меня не приносятъ ни жалобъ, ни челобитій; а нерѣдко и довольны мною бываютъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Кофейница, Новомодова, Петръ и Прикащикъ.

НОВОМОДОВА.

Такъ ты не отдашь мнѣ ложекъ?

ПЕТРЪ.

Да помилуйте: когда я не бралъ, такъ что же я вамъ отдамъ?

НОВОМОДОВА.

О, такъ хорошо-же... слушай, Борисьичъ: сейчасъ прикажи его свесть въ городъ и тамъ содержать у меня въ домѣ во всякой строгости до продажи въ рекруты.

ПРИКАЩИКЪ.

Слышу, сударыня... Да скажи, окаянный, повинись: авось барыня-то и помилуетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже. Анюта, Финогенъ и Афросинья.

НОВОМОДОВА.

Вы зачѣмъ?

ФИНОГЕНЪ.

Барыня! я слышалъ, будто ты Петра нашего хочешь въ солдаты отдать?

НОВОМОДОВА.

Его! его не только въ солдаты, но съ него живаго кожу снять надобно за его плутовство.

ФИНОГЕНЪ И АФРОСИНЬЯ.

Помилуй, не погуби дѣвки нашей.

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, я что однажды сказала, то ужъ всегда то сдѣлаю; а дочь ваша можетъ и другаго жениха сыскать и лучше этого; развѣ у насъ въ деревнѣ только ребятъ-то что онъ одинъ?

АФРОСИНЬЯ.

Да они другъ другу по мысли, и мы было половину дѣла уже сдѣлали: кое-что сготовили къ свадьбѣ; такъ вѣдь теперь пришло все кинуть... Да за что вы хотите его отдать-то?

НОВОМОДОВА.

За то, чтобъ онъ не воровалъ.

АНЮТА, ФИНОГЕНЪ И АФРОСИНЬЯ.

Онъ воровалъ? да я за него, какъ за себя, побожусь.

НОВОМОДОВА.

Да ужъ тутъ нечего божиться, коли его приличили.

АНЮТА.

Развѣ вамъ налгали; да что онъ такое своровалъ?

НОВОМОДОВА.

Не много: только дюжину новыхъ серебряныхъ ложекъ.

АНЮТА.

Да чего они стоятъ?

НОВОМОДОВА.

Чего.... со... пятьдесятъ рублей.

КОФЕЙНИЦА.

(Въ сторону).

Немного цѣны прибавлено.

ФИНОГЕНЪ, АФРОСИНЬЯ И ПЕТРЪ.

Да, мы инъ хотя послѣднее распродавши и кое-гдѣ занявши, эти деньги тебѣ заплатимъ.

НОВОМОДОВА.

Вотъ-то дѣло иное; однако чтобъ нынѣ же деньги были, коли хотите, чтобъ она была за нимъ.

Чтобы нынѣ жъ деньги были
У меня всѣ вточь сполна,
Коли всѣ то полюбили,
Чтобъ была за нимъ она.

ФИНОГЕНЪ И АФРОСИНЬЯ.

Хотя это и не шутка
Пятьдесятъ отдать рублей,
Только эдака погудка
Для скупыхъ дурна ушей.

(Вмѣстѣ).

ФИНОГЕНЪ И АФРОСИНЬЯ.

А мы ихъ не пожалѣемъ,
Лишь его бы возвратить;
Работать еще умѣемъ,
Будетъ съ ними чѣмъ намъ жить.

ПЕТРЪ.

А мы ихъ не пожалѣемъ,
Лишь бы мнѣ отъ бѣдъ отбыть;
Работать еще умѣемъ,
Будетъ съ ними чѣмъ намъ жить.

НОВОМОДОВА.

Ну жъ, скорѣе, торопитесь
И съ уплатой возвратитесь;
А не то прощайтесь съ нимъ,
Ужъ не будетъ онъ моимъ.

ФИНОГЕНЪ.

Мѣшкать долго мы не будемъ,
Тотчасъ деньги принесемъ,

И, не давъ въ огласку людямъ,
Къ намъ назадъ его возьмемъ.

(Финогенъ, Афросинья, Петръ и Анюта уходятъ),

ЯВЛЕНІЕ IV.

Новомодова, Прикащикъ и Кофейница.

ПРИКАЩИКЪ.

Барыня, барыня, барыня! какъ тебѣ не стыдно этому плуту упускать?..

НОВОМОДОВА.

Да вѣдь ужъ и такъ не много въ сей деревнѣ молодыхъ, для того—

Для того что я такъ строго
Отдаю въ солдаты ихъ;
А какъ вдосталь поспыряю,
Такъ ужъ, право, какъ не знаю
Деревенькѣ сей стоять.

ПРИКАЩИКЪ.

Вамъ еще ихъ народятъ.

НОВОМОДОВА.

Ха, ха, ха, ха! неужто ты думаешь, что я и вѣдомо такая дура, чтобъ упустила этотъ случай? а я съ нимъ хочу сыграть одну шутку только, а какую, то тебѣ послѣ скажу, для....

ПРИКАЩИКЪ.

(Даетъ знать Кофейницѣ, чтобъ она не шла вонъ).

И теперь можно.

КОФЕЙНИЦА.

Барыня, позвольте мнѣ по саду проходиться.

НОВОМОДОВА.

Поди, мадамъ, ежели угодно, да приходи поскорѣе: мы еще кое-что загадаемъ.

(Кофейница уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Новомодова и Прикащикъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Что такое вы мнѣ хотѣли сказать, боярыня?

НОВОМОДОВА.

А вотъ что: вѣдь я дала слово его не отдавать въ рекруты за нынѣшнюю толковину; а вмѣсто того возьму на сѣни, и тутъ уже легко можно пригнать какую нибудь вину, за которую тотчасъ будетъ онъ въ красной шапкѣ; а пятьдесятъ-то рублевъ таки въ барышахъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Нельзя лучше; да невѣсту-то его возьмете же на сѣни.

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, ужъ онъ на ней не женится.

ПРИКАЩИКЪ.

Вотъ это ему подлинно страшнѣй громовой стрѣлы.

Какъ Анюту онъ увидитъ
За другимъ, не за собой,
Такъ авось возненавидитъ
Свой поступокъ начатой.

НОВОМОДОВА.

И какъ онъ въ солдатахъ будетъ
И потретъ свою суму,
Думы прежни позабудетъ
И приложитъ умъ къ уму[1]).

Мнѣ печали ужъ не будетъ,
Будетъ красть онъ, иль забудетъ;
Такъ себѣ пожалуй крадь,
Коль не лѣнь сквозь строй бѣжать.

---

[1]) Въ подлинной рукописи, по ошибкѣ, надъ слѣдующимъ куплетомъ повторена надпись: Новомодова.

ПРИКАЩИКЪ.

Кражу съ лихвою воротимъ,
Долги хоть не всѣ оплотимъ.

НОВОМОДОВА.

Да и вновь ихъ заберемъ,
Коли, Богъ дастъ, не умремъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Тамъ ужъ будетъ ваша воля
Заплатить и вновь забрать,
А моя въ дѣлахъ сихъ доля
Потакать иль ужъ молчать.

НОВОМОДОВА.

Кабы мнѣ да за Петрушку
Дали рубликовъ пять сотъ,
Да потомъ бы и Ванюшку
Я отправила въ походъ,
То бъ хорошую ливрею,
Экипажевъ, мебелей,
Словомъ, все уже затѣю,
Лишь бы съ рукъ ихъ сбыть скорѣй.

ПРИКАЩИКЪ.

Да ежели, барыня, вамъ за нихъ дадутъ и цѣлую тысячу, такъ вѣдь и того будетъ мало на ваши замыслы.

НОВОМОДОВА.

Коли этого не станетъ,
Я съ крестьянъ оброкъ сберу.

ПРИКАЩИКЪ.

И того вѣдь не дотянетъ.

НОВОМОДОВА.

Въ долгъ на вексель заберу.
Да съ крестьянъ-то какъ не станетъ?
Развѣ не изъ чего имъ мнѣ дать оброку за пять лѣтъ впередъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Да вы и такъ въ прошломъ мѣсяцѣ съ нихъ взяли за четыре года впередъ.

НОВОМОДОВА.

Эдакая диковинка! ну, такъ что жъ? можно и еще взять за четыре.

ПРИКАЩИКЪ.

Правда, и еще бы можно:
Да ужъ нечего имъ дать.
Знайте вы, что то не ложно:
Вы изволили все взять.

НОВОМОДОВА.

Какъ возьму въ ежовы руки,
Такъ дадутъ хоть изъ подъ муки.

ПРИКАЩИКЪ.

Да они ужъ такъ голы,
Какъ вотъ точно соколы.

НОВОМОДОВА.

Ну, да ужъ я тамъ подумаю.... да вотъ и они идутъ; какъ же дуракъ-то радъ! да скоро перестанетъ радоваться.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Финогенъ, Афросинья, Анюта, Петръ и прежніе.

ФИНОГЕНЪ И ПЕТРЪ.

(Приносятъ по мѣшку денегъ; потомъ, положивъ ихъ на полъ, поютъ съ Афросиньей и Анютой).

Приказъ вашъ мы исполняемъ,
Коль на то пришелъ уже рокъ;
Деньги тотчасъ отсчитаемъ
Вами въ положенный срокъ.

Мы теперь ужъ квиты съ вами.

ПЕТРЪ.

(Къ Финогену).

Скоро буду я твой зять.

ВСѢ, КРОМѢ ПРИКАЩИКА И НОВОМОДОВОЙ.

Будетъ тихо между нами
И слезъ не за чѣмъ терять.

НОВОМОДОВА.

Подождите,
Не ходите:
Не совсѣмъ-то квиты мы,
Хоть не будетъ несть сумы.

ПЕТРЪ.

Да за чѣмъ же дѣло стало?
Что вамъ въ мирѣ помѣшало?
Хоть бы ложки то я взялъ,
Такъ вѣдь деньги вамъ отдалъ.

НОВОМОДОВА.

Я то знаю,
Понимаю;
Только надо же унять,
Чтобъ не смѣлъ впередъ ты красть.

ФИНОГЕНЪ, АФРОСИНЬЯ, АНЮТА И ПЕТРЪ.

Да что-же вамъ еще надобно?

НОВОМОДОВА.

Хоть не будетъ онъ въ солдатахъ,
Да пусть будетъ мой лакей;
Будетъ жить въ моихъ палатахъ,
Чтобы былъ впередъ умнѣй.

ФИНОГЕНЪ.

Да вѣдь онъ не будетъ моимъ зятемъ: такъ что жъ мнѣ въ томъ пользы?

НОВОМОДОВА.

Та польза, что я такъ хочу... Слышите ль?

ФИНОГЕНЪ.

Такъ инъ подай же деньги, барыня.

НОВОМОДОВА.

Нѣтъ, деньги-то я таки возьму за ложки и за то, что не отдамъ его нынѣ въ рекруты.

ПЕТРЪ.

Помилуйте, Бога ради, барыня, что мы вамъ сдѣлали?

НОВОМОДОВА.

Ну же, больше ни слова.

ПЕТРЪ.

(Прикащику).

Фролъ Борисьичъ, замолви хоть ты за насъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Спорить отнюдь я не намѣренъ;
Ты будь, дружокъ [1]),
Ты будь, дружокъ мой, въ томъ увѣренъ
Съ госпожею худъ разборъ.

НОВОМОДОВА.

Коли въ лакеяхъ будетъ онъ послушенъ,
У меня ретивъ и не лѣнивъ,
То и еще успѣетъ быть Анютинъ;
Мой пароль донёръ не лживъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Сами совѣтъ ему вы дайте,
Какъ жить тамъ и поступать,
Также и я совѣтъ сей, знайте,
Ему буду же давать.

---

[1]) Этотъ стихъ не дописанъ въ рукописи

НОВОМОДОВА И ПРИКАЩИКЪ.

Не великая кака кручина
Быть лакеемъ на сѣняхъ;
Онъ ужъ вѣдь не маленькой—дубина,
Знаетъ сколь великъ сей страхъ.

НОВОМОДОВА.

(Прикащику).

Поди же одѣнь и убери его теперь какъ надобно..... а вы не подъѣзжайте ко мнѣ больше ни съ какими просьбами; коли будетъ уменъ, такъ я и въ лакеяхъ его не оставлю.

ПЕТРЪ.

(Прикащикъ уводитъ Петра, который поетъ вмѣстѣ съ Анютой, Финогеномъ и Афросиньею).

Чтобъ сквозь землю провалиться
Тому, ложки кто укралъ
И кто Бога не боится,
Что насъ такъ въ бѣду вкачалъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

НОВОМОДОВА.

Врите себѣ тамъ,
Что угодно вамъ;
А Петрушку я ужъ не отдамъ.
Я возьму на сѣни вора,
Пригоню къ нему вину
И безъ всякаго ужъ спора
Во солдаты прогоню.

А деньги надобны.... Подлинно, кабы почаще эдакіе виноватые.... Да полно, что говорить, я и безъ вины въ солдаты улётаю... лишь бы только деньги понадобились; за что ни отдамъ, да отдамъ.

Тотъ помѣщикъ ужъ худой,
Коль крестьяне у кого

Не подъ крѣпкою уздой
И не слушаютъ его.
Онъ въ обманъ,
Какъ болванъ,
Къ нимъ всегда готовъ попасться,
И ихъ принужденъ бояться.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Новомодова и Прикащикъ.

НОВОМОДОВА.

Ну, велѣлъ ли ты убрать новаго лакея?

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ какъ надобно лакею,
Я его велѣлъ убрать,
Обуть и одѣть въ ливрею,
Прививъ косу, причесать.

НОВОМОДОВА.

Нынѣ жъ, время не теряя,
Искать надобно купцовъ;
Тѣмъ и лучше что скоряе,
А ужъ онъ совсѣмъ готовъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Объ томъ буду я стараться,
Чтобъ продать его скорѣй;
Вы извольте лишь держаться
Дамской пароли своей.

НОВОМОДОВА.

Тутъ не долго надо думать,
Не о многомъ размышлять,
А чтобъ намъ скорѣе сдунуть,
Должно въ городъ поспѣшать.

ПРИКАЩИКЪ И НОВОМОДОВА.

Тамъ купцовъ сыскать сихъ можно;
Поспѣшать скорѣй лишь должно,
А какъ только продадимъ,
Деньги въ лавки отдадимъ.

НОВОМОДОВА.

Однакожъ надобно пріискать вину.

ПРИКАЩИКЪ.

О! въ евтомъ уже на меня положитесь и надѣйтесь, какъ на городскую стѣну; я самъ въ городъ съ вами поѣду, и на другой же день онъ у меня будетъ виноватъ.

Это я уже свахляю,
Потружуся околъ пня
И ужъ въ томъ васъ поздравляю;
Лишь надѣйтесь на меня.

НОВОМОДОВА.

А я пойду по саду и сыщу, можетъ быть, Кофейницу... а Петрушка пусть сряжается ѣхать въ городъ. А тамъ его уже спровадимъ.

Крушиться я не стану,
Мнѣ нечего жалѣть:
Какъ денежки достану,
Другихъ можно имѣть.
Все за деньги здѣсь достанешь,
Чего хочется тебѣ;
На что мило лишь ни взглянешь,
Смѣло все бери себѣ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

(Барыня уходитъ въ садъ, а Кофейница изъ другихъ дверей входитъ въ покой).

КОФЕЙНИЦА.

Ну что, умѣю ль я ворожить на кофей?

ПРИКАЩИКЪ.

Ну, подлинно, самъ бы сатана лучше твоего не спроворилъ.

КОФЕЙНИЦА.

Теперь подавай ло́жки за работу.

ПРИКАЩИКЪ.

Нѣтъ, кума, мы лучше чѣмъ-нибудь другимъ расплатимся.

КОФЕЙНИЦА.

Или ложки, или деньги, мнѣ что нибудь да-давай!

ПРИКАЩИКЪ.

Изволь, возьми за нихъ деньгами: много ль же тебѣ надобно?

КОФЕЙНИЦА.

Вотъ то дѣло инъ другое:
Я за деньги подарю,
И дороже только вдвое
Съ куманька за нихъ сдеру.

ПРИКАЩИКЪ.

Да я спрашиваю, много ль тебѣ за нихъ надобно.

КОФЕЙНИЦА.

Сорокъ рублевъ за полдюжины, которыми ты мнѣ долженъ

ПРИКАЩИКЪ.

Ухъ... Ухъ... Ухъ!... что ты это, сдурилась, что ли? да и двѣ-то дюжины эдакихъ больше не стоятъ.

КОФЕЙНИЦА.

Коли дашь двадцать рублей, такъ возьми; а меньше ни за полушку не отдамъ.

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ инъ возьми же лучше ложки.

КОФЕЙНИЦА.

Вотъ этого не надо лучше, подавай же скорѣе.

ПРИКАЩИКЪ.

(Вынимая ложки).

Вѣдь пять ложекъ.

КОФЕЙНИЦА.

Нѣтъ, и всѣ шесть.

ПРИКАЩИКЪ.

Такъ инъ тому и быть: принимай. Вотъ тебѣ съ рукъ на руки: разъ, два, три! Простите, мои любезныя ложечки; приходитъ наша разлука. *(Уроняетъ двѣ ложки на столъ. Въ ту минуту входитъ Новомодова).*

ЯВЛЕНІЕ X.

Новомодова, Прикащикъ, Кофейница, Петръ, Анюта, Финогенъ и Афросинья.

НОВОМОДОВА.

Больше ни слова... ба! что за ложки?

КОФЕЙНИЦА.

(Испугавшись).

М.. ои.. су..да..ры..ня.

НОВОМОДОВА.

(Осматривая ихъ).

Какія прекрасныя!.... ба, ба, ба! да на нихъ мое клеймо.

КОФЕЙНИЦА.

Нѣтъ, мамзель...

НОВОМОДОВА.

Какъ, нѣтъ? я точно вижу, и это тѣ, которыя, я думаю, что Петрушка укралъ, а это не его дѣло.

ПЕТРЪ.

Я вѣдь вамъ сказывалъ, барыня, что я ихъ не бирывалъ, да и въ умъ не всходила эдакая чепуха.

КОФЕЙНИЦА.

Мамзель, я право также не знаю.

НОВОМОДОВА.

(Прикащику).

Слушай, плутъ: это твое дѣло.

ПРИКАЩИКЪ.
(Становясь на колѣни).

Виноватъ! барыня, помилуйте..

НОВОМОДОВА.

О, хорошо: тотчасъ помилую. Я знаю, какъ вашу братью миловать. Ты еще годишься въ рекруты и замѣнишь Петрово мѣсто.

ПРИКАЩИКЪ.

Ахъ, не погубите!

НОВОМОДОВА.

А тебя, плутовку, сей же часъ отошлю въ городъ и тамъ ты за твое плутовство будешь потолѣ сидѣть въ тюрьмѣ, поколѣ не погонятъ на поселеніе.

КОФЕЙНИЦА.

Ахъ, мамзель! сжальтесь.

НОВОМОДОВА.

Нечего жалѣть, коли сами виноваты.... а ложки-то у васъ не останутся же; сейчасъ подайте ихъ мнѣ.

КОФЕЙНИЦА И ПРИКАЩИКЪ.
(Подаютъ всякъ отъ себя ложки и говорятъ вмѣстѣ).

Вотъ извольте.

НОВОМОДОВА.

Ну, теперь готовьтесь: *(Прикащику)* ты въ рекруты, *(Кофейницѣ)* а ты въ тюрьму. Гей, малый *(Входитъ слуга)*. Возьми этого плута и эту мошенницу и вели, чтобъ ихъ на заперти держать до завтрешняго дня; а завтре я съ ними отправлюсь въ городъ и тамъ они за ихъ плутни наказаны будутъ. *(Слуга выводитъ прикащика и кофейницу).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже, кромѣ Прикащика и Кофейницы.

НОВОМОДОВА.
(Петру).

А ты, сердешный Петръ, будь отъ сего времени прикащикомъ и свадьбу твою съ Анютой я сыграю на свой коштъ за претерпѣнный тобою страхъ, и деньги также вы у меня возьмете.

ВСѢ КЪ НОВОМОДОВОЙ.

Покорно благодарствую, барыня.

НОВОМОДОВА.

Теперь новымъ тебя чиномъ я дарю
И сама твоей съ нимъ свадьбы посмотрю.

ВСѢ, КРОМѢ НОВОМОДОВОЙ.

Ну, теперь повеселимся,
Намъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядимся,
Будемъ вмѣстѣ вѣчно жить.

АНЮТА.

Скоро буду я прикащику женою;
Веселитеся, друзья мои, со мною.

ВСѢ, КРОМѢ НОВОМОДОВОЙ.

Ну, теперь повеселимся,
Намъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядимся,
Будемъ вѣчно вмѣстѣ жить.

ФИНОГЕНЪ И АФРОСИНЬЯ.

Теперь оба мы счастливы, да и дочь;
Будетъ намъ кому на старости помочь.

ФИНОГЕНЪ, АФРОСИНЬЯ, ПЕТРЪ И АНЮТА.

Ну, теперь повеселимся,
Намъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядимся,
Будемъ вмѣстѣ вѣчно жить.

НОВОМОДОВА.

Ну, теперя веселитесь,
Вамъ не для чего тужить;
Другъ на дружку наглядитесь,
Вмѣстѣ будете вы жить.

КОНЕЦЪ

ПОСМЕРТНЫЯ МЕЛОЧИ КРЫЛОВА.

I.

ПИРЪ.

Басня.

(Эта, здѣсь въ первый разъ печатаемая басня Крылова сохранилась въ автографѣ его между бумагами покойнаго А. Н. Оленина и доставлена намъ Н. И. Стояновскимъ съ согласія дочери его Варвары Алексѣевны Олениной, рукою которой на автографѣ отмѣчено: «Въ то время какъ была написана Крыловымъ, цензура запретила ее печатать»).

Въ голодный годъ, чтобы утѣшить міръ,
Затѣялъ левъ богатый пиръ.
Разосланы гонцы и скороходы,
Зовутъ гостей:
Звѣрей
И малой и большой породы.
На зовъ со всѣхъ сторонъ стекаются ко льву.
Какъ отказать такому зву?
Пиръ дѣло доброе и не въ голодны годы.—
Вотъ приплелись туда жъ сурокъ, лиса и кротъ.
Да только часомъ опоздали
И за столомъ гостей застали.
У кумушки лисы хлопотъ
На ту бѣду случился полонъ ротъ;
Сурокъ прохолился, промылся,
А кротъ съ дороги сбился.

Однакожъ на тощакъ никто домой нейдетъ,
И, мѣсто подлѣ льва увидѣвши пустое,
Всѣ на него хотятъ продраться трое.
Послушайте, друзья! сказалъ имъ барсъ:
То мѣсто широко, да только не про васъ.
Тутъ придетъ слонъ и васъ сойти заставитъ,
Иль хуже: васъ онъ передавитъ.
Итакъ,
Когда не хочется домой вамъ на тощакъ,
Такъ оставайтесь у порогу:
Вы сыти будете, и это слава Богу.
Мѣста не ваши впереди:
Ихъ берегутъ звѣрямъ лишь крупнаго покроя;
А кто изъ мелочи не хочетъ кушать стоя,
Тотъ дома у себя сиди *).

II.

ОБЪЯСНЕНІЕ КРЫЛОВА
ПО ПОВОДУ ПРИПИСАННЫХЪ ЕМУ ЧУЖИХЪ СТИХОВЪ.

(Обстоятельство, вызвавшее со стороны Крылова это возраженіе, разсказано ниже въ библіографическомъ указателѣ г. Кеневича, стр. 278 и 279. — Печатается въ точности съ автографа, доставленнаго Л. М. Лобановымъ; вверху листа помѣта: «Ч. 9 Маія 1812»).

На сихъ дняхъ присланы къ А. С. Шишкову (неизвѣстно кѣмъ) стихи отъ моего имени, которые и напечатаны въ типографіи у Дрехслера съ моимъ же именемъ — вотъ они.

ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ А. С. ШИШКОВУ.

Апрѣля 13 дня 1812 года.

На случай Всемилостивѣйше пожалованной ему для слѣдованія за Его Императорскимъ Величествомъ коляски.

Шишковъ, оставя днесь бесѣды мирный домъ,
Ты ѣдешь въ славный путь въ каретѣ подъ орломъ.

---

*) Такъ стихъ окончательно поправленъ карандашемъ; сперва же было: «Тотъ ранѣ приходи».

Нашъ добрый Царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое хранить, покоить тѣло;
Лишь ето надобно, о тѣлѣ только рѣчь;
Неколебимый духъ умѣешь самъ беречь.

И. Крыловъ.

Не большему надобно быть знатоку, чтобы увидѣть, сколь нелѣпы и безтолковы сіи стихи; но безъ-толковые стихи у насъ не въ диковинку, такъ тутъ и чрезвычайнаго ничево нѣтъ; а удивительно то, что сочинитель ихъ не только скрылъ свое имя, но даже выставилъ чужое. Наблюдателю человѣческаго сердца покажется конечно ето загадкою; ибо примѣчено вообще, что чемъ глупѣе твореніе, тѣмъ охотнѣе и полнѣе сочинитель выставляетъ свое имя; а етова здѣсь нѣтъ, а вотъ еще первой подкидышъ на нашемъ Парнассѣ. Я не знаю, почему Автору вздумалось слабость своей музы сокрыть подъ чужимъ именемъ, но поставляю долгомъ сказать, что я стиховъ сихъ не писалъ, да и уваженіе мое къ А: С: Шишкову столь велико, что я бы почелъ непростительнымъ вставить имя почтеннаго сего человѣка въ столь нелѣпые стихи, въ коихъ похвала хуже брани. И. Крыловъ.

III.

ПИСЬМО КРЫЛОВА
КЪ ВАРВАРѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ОЛЕНИНОЙ.

(Письмо это было уже напечатано въ статьѣ Лобанова; но такъ какъ тамъ оно подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ,—отчасти, кажется, потому, что не вполнѣ было разобрано,—то мы перепечатываемъ его во всей точности съ автографа, сообщеннаго намъ, съ согласія г-жи Олениной, Н. И. Стояновскимъ).

Какъ изобразить вамъ мои чувства, любезнѣйшая и почтеннѣйшая Варвара Алексѣевна, когда я получилъ ваше второе письмо! мою радость, мою благодарность — мой стыдъ! — И вы еще столь добры, что ко мнѣ пишете и меня браните. — Сказать однакожъ правду, я стою и того и другова. По лѣни моей, мало бить меня — но по чувствамъ моимъ къ вамъ право я заслуживаю ва-

ше снисхожденіе; ибо такую имѣть привязанность, какъ я къ вамъ,— божусь, что можно едва ли только найти въ собакѣ, а въ человѣкѣ вы вѣрно ее не сыщете. Продолжайте же быть ко мнѣ добры по прежнему, и подсластите тѣмъ остатокъ жизни тово, который хотя много имѣетъ слабостей и пороковъ, но съ увѣреніемъ можетъ сказать, что неблагодарность никогда не заглядывала въ ево сердце.

Не смотря на вашъ негодный ревматизмъ, я утѣшаюсь мысленно, воображая, какъ вы толстѣете. Продолжайте съ Богомъ и въ доброй часъ—да хорошенько—такъ, чтобъ сдѣлаться оригиналомъ тово портрета, которой нѣкогда послали вы къ кузинѣ вашей Ел: Пав: Полтарацкой — то-то бы я порадовался и не пожалѣлъ бы опорожнить доброй бутылки шампанскаго за ваше здоровье съ будущими.

Намѣреніе ваше заняться музыкою прекрасно. Я всегда утверждалъ, что у васъ къ ней врожденный талантъ, и сожалѣлъ, что онъ пропадаетъ безъ дѣйствія. Сколько пріятныхъ минутъ вы можете доставить и себѣ и всѣмъ тѣмъ, которые васъ любятъ (и въ числѣ которыхъ я не послѣдній). Что касается до вашего голосу, то я никогда не былъ противъ—увѣренъ даже, что вы можете пѣть очень пріятно, лишь бы не погнались за большими крикливыми аріями—гдѣ часто болѣе шуму нежели чувства—и видна одна претензія на превосходство! которая всегда вооружаетъ слушателя на пѣвца, естьли ето не первѣйшій талантъ.

И такъ вамъ пріятно въ Воронежѣ (ето я замѣтилъ по вашему письму). Любя васъ, я етому очень радъ; любя себя, не совсѣмъ мнѣ ето по сердцу—ибо отнимаетъ надежду скоро васъ увидѣть; но какъ бы то ни было, будте только здоровы и будте щастливы—и тогда, естьлибъ я имѣлъ и волшебной жезлъ, которымъ махнувши могъ бы васъ перенести сюда, то какъ желаніе мое видѣть васъ ни велико—даже не ручаюсь, чтобъ я нѣсколько разъ не хватался за жезлъ, только вѣрно бы имъ не махнулъ—и не потревожилъ вашего щастія—а особливо естьлибы вы дали мнѣ слово, не смотря на мою лѣнь, иногда писать ко мнѣ. Вы не повѣрите, какой ето для меня пріятной подарокъ.—И сколько разъ я перечитывалъ ваше письмо.—Я авторъ и сказать вамъ на ушко, довольно самолюбивый; но естьлибы я зналъ, что мои стихи пе-

речитываютъ столько разъ, то бы я сдѣлался спѣсивѣе Г: Хвостова, котораго въ прочемъ никто не читаетъ.

Теперь что писать вамъ о Петербургѣ — о себѣ? Петербургъ нашъ похожъ на красавицу, которая наряжается и зѣваетъ. — Что до меня, то по отпускъ сего письма я слава Богу живъ и здоровъ — емъ и сплю много, читаю — вздоръ! пишу — ничего, и нахожу, что ето довольно весело. — Теперь сбираюсь къ себѣ: въ ваше Пріютино, — гдѣ мнѣ никогда не можетъ быть скучно. И къ статѣ: естьли лѣто находится у васъ въ Воронежѣ, то нельзя ли сдѣлать милость отпустить къ намъ ево на 28 дней? — вы бы очень насъ одолжили. — За то, естьли случится вамъ нужда въ холодѣ, дождяхъ и слякоти, то присылайте навѣрное къ намъ: мы ради вамъ служить сколько угодно: такіето мы здѣсь добрые!

Вы сбираетесь въ Москву? Нельзя ли увѣдомить, когда вы туда поѣдете — я уже нѣсколько лѣтъ тоже сбираюсь туда и только раздумывалъ, какое время выбрать въ году. Зимою — хотя Москва и полна, но меня пужали снѣга и то, что ни садовъ ни гуляньевъ не увидишь. — Лѣтомъ Москва пуста — когда же ѣхать? — Но естьлибы я васъ тамъ нашелъ — то всякое время въ году мнѣ бы показалось пріятно — и божусь (*только не такъ какъ честной человѣкъ*), что я бы тотчасъ сѣлъ въ дилижансъ и отправился бы безъ дальнихъ сборовъ. — Право! ета мысль играетъ у меня въ головѣ такъ весело! — такъ пріятно! — я вижу, что вы смѣетесь и говорите: какой вздоръ! — гдѣ ему ѣхать! пошевелится ли онъ? съ ево лѣнью — ето пустое! — Не вѣрте же мнѣ, пожалуйста не вѣрте, тового мнѣ и хочется — для тово, чтобъ больше васъ удивить; только отпишите, а особливо, гдѣ вы остановитесь и какъ васъ сыскать? — А тамъ увидимъ.

Между тѣмъ я буду. — Но не наскучилъ ли ужъ я вамъ? не заболтался ли —? Не пора-ли перестать? — но нѣтъ, совсѣмъ не пора. — Передо мною цѣлая десть бѣлой бумаги. Но я милостивъ — и не хочу довести васъ до зевоты, вить ето вамъ не здорово, — а ваше здоровье для меня дорого — и увѣренъ, что вы въ етомъ не сомнѣваетеся! И такъ кончу — на первой разъ — и естьли получу въ отвѣтъ, что вы все мое письмо вытерпѣли, то ждите отъ меня безконечныхъ посланій. — Мнѣ всегда только первый шагъ труденъ, — а тамъ меня не уймете.

Будте здоровы и щастливы — и продолжайте любить тово, который отъ всей души, отъ всего сердца и помышленія любитъ васъ (honny soit qui mal y pense) и будетъ любить пока останется въ немъ сердце и память! — NB. Прошу етова мѣста въ письмѣ кромѣ Григорья Никаноровича никому не показывать, а особливо тѣмъ, кто не знаетъ моихъ лѣтъ и моей фигуры. — — Прощайте, буди Божья милость съ вами.

Вашъ неизмѣнный И: Крыловъ.

Григорью Никаноровичу свидѣтельствую свое почтеніе и низко кланяюсь — хотя и воображаю, какъ онъ мучится отъ ревности — и какъ на меня золъ; — но я душевно ево люблю — и прошу ево чтобъ онъ ревновать-то ревновалъ — но все бы любилъ меня — чево даже искренно надѣюсь и въ чемъ увѣренъ.

ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ БАСНЯХЪ КРЫЛОВА [1]).

Я. К. ГРОТА.

Книга г. Галахова кончается полнымъ и обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ Крылова. Раздѣляя вообще взглядъ нашей критики на этого писателя, авторъ входитъ между прочимъ въ подробный разборъ тѣхъ басенъ, за смыслъ которыхъ уже не разъ упрекали Крылова, именно выставляющихъ вредныя стороны просвѣщенія, какъ-то: *Водолазы*, *Огородникъ и Философъ* и нѣк. др. Онъ справедливо приходитъ къ выводу, что мораль первой изъ этихъ басенъ оказывается не вполнѣ состоятельною. Крыловъ требуетъ въ ней, какъ выражается г. Галаховъ, «ученія по силамъ человѣку, умѣреннаго, срединнаго между невѣжествомъ, происходящимъ отъ лѣности, и глубокимъ пучиннымъ знаніемъ, или всезнаніемъ, происходящимъ отъ дерзости ума и ведущимъ, по словамъ пустынника, къ гибели». Г. Кеневичъ въ «пучинѣ» знаній указываетъ на увлеченіе ложною идеей или на вольнодумство, какъ на ту крайность, которую разумѣлъ баснописецъ; но, замѣчаетъ г. Галаховъ, «исканіе глубочайшихъ истинъ вовсе не

---

[1]) Изъ критической статьи о сочиненіи г. Галахова *Исторія русской словесности*, т. II, *первая половина*. Статья эта напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за февраль 1869 года. Заимствуя оттуда мѣсто, относящееся къ предмету настоящаго тома *Сборника*, позволяю себѣ надѣяться, что уважаемый авторъ разбираемой книги не посѣтуетъ на меня за нѣкоторое съ нимъ разногласіе въ частностяхъ, которое нисколько не мѣшаетъ мнѣ отдавать полную справедливость научному и литературному достоинству его обширнаго труда, какъ это и видно изъ цѣлаго разбора моего.

противно, а наоборотъ свойственно природѣ человѣка, и потому не можетъ быть отнесено къ ложнымъ идеямъ или ложнымъ увлеченіямъ» (стр. 312). Притомъ современники Крылова (ставимъ это выраженіе вмѣсто словъ г. Галахова: «предки наши въ первую половину царствованія Александра I»[1]) «не до такой степени погружались въ знанія, чтобы слѣдовало удерживать ихъ рвеніе; напротивъ было бы благоразумнѣе и патріотичнѣе возбуждать въ нихъ охоту къ умственнымъ трудамъ, которымъ очень немногіе посвящали свое время» (тамъ-же). Съ этимъ нельзя не согласиться точно такъ же, какъ и съ тѣмъ, что̀ говоритъ авторъ въ этомъ отношеніи о баснѣ «*Сочинитель и разбойникъ*», которая, по мнѣнію его, мало примѣнима къ обществу, обезпеченному *цензурой* отъ гибельныхъ послѣдствій вольнодумства въ литературѣ. «Развивалась ли на виду у баснописца литература съ безнравственнымъ направленіемъ? гдѣ сочинители, отравлявшіе ядомъ своихъ твореній общество, или философы-наставники, заражавшіе ядовитымъ ученіемъ юношество?» (стр. 314). Но мы готовы поспорить съ авторомъ, когда онъ находитъ, что «Крыловъ обходилъ большинство явленій, наиболѣе тяжкихъ, будто ихъ вовсе не существовало» (стр. 315). Отъ этого упрека защищаютъ Крылова не только его басни, въ которыхъ онъ какъ моралистъ и философъ касался всего, что могъ затронуть по характеру времени, а какъ художникъ не обязанъ былъ касаться того, что не вызывало въ душѣ его искры творчества; — отъ приведеннаго упрека ограждаютъ его и прежнія сатирическія его сочиненія, въ которыхъ онъ высказалъ много смѣлаго и рѣзкаго. Намъ кажется что г. Галаховъ, попавъ на справедливую точку зрѣнія въ отношеніи къ названнымъ баснямъ, самъ вдался въ нѣкоторое увлеченіе. Если и трудно вполнѣ отрицать мысль, что «Крыловъ былъ равнодушенъ къ знанію, какъ знанію, независимо отъ его практическихъ надобностей, которыя онъ цѣнилъ по преимуществу» (стр. 312), то нельзя однакожъ безусловно принять слѣдующаго за тѣмъ замѣчанія г. Галахова: «тяжелый на подъемъ, онъ и въ

---

[1]) Басня *Водолазы* написана въ 1813 г.; это уже не первая половина царствованія: да къ тому же положеніе дѣла не измѣнилось и послѣ, не только при Крыловѣ, но и по смерти его.

другихъ не одобрялъ качествъ, противоположныхъ своей собственной природѣ»...

Этому явно противорѣчитъ, напр., уваженіе, которое Крыловъ не разъ выражалъ къ трудолюбію и дѣятельности. Въ баснѣ *Прудъ и рѣка* онъ говоритъ:

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

Въ ограниченности образованія баснописца г. Галаховъ видитъ причину его недоброжелательнаго отношенія къ наукѣ (стр. 313 и 315); но немного выше (стр. 310) представлено нѣсколько извлеченій изъ басенъ, направленныхъ противъ невѣжества и показывающихъ сочувствіе къ наукѣ и къ ученымъ; можно бы привести еще нѣсколько другихъ подобныхъ мѣстъ. Нравоученіе, вытекающее изъ басни *Водолазы* во вредъ глубины знаній, очевидно, не было цѣлью автора и произошло отъ неудачнаго примѣненія образа пучины къ злоупотребленію наукой. Вѣроятно, Крыловъ разумѣлъ собственно не глубину, а гордость знанія, которая ведетъ къ безвѣрію и къ отрицанію всего, что налагаетъ на человѣка спасительныя узы: не даромъ онъ называетъ того, кто ищетъ морскаго дна на самой глубинѣ, безумцемъ и дерзкимъ; замѣтимъ, что его водолазъ выбралъ мѣсто, гдѣ была *чернѣе глубина*, т. е. такую область, которая всего болѣе закрыта отъ знанія. Крыловъ былъ конечно не такъ простъ, чтобы думать, будто стремленіе къ глубокимъ знаніямъ есть дѣло *дерзкаго ума* и ведетъ къ погибели. Напротивъ, неутомимаго и ненасытнаго изслѣдователя истины онъ сравниваетъ съ тѣмъ водолазомъ, который «богатыхъ жемчуговъ» *нырялъ искать по дну*, «и жилъ, всечасно богатѣя»; но этотъ водолазъ выбралъ себѣ *глубину по силѣ*, т. е., тѣ сферы мышленія, которыя доступны для человѣческаго разума, не превышаютъ его, словомъ, область вѣдѣнія, науки. Подъ бездонною же пучиной Крыловъ разумѣетъ область высшихъ, не умомъ, а вѣрою и совѣстью постигаемыхъ законовъ. Скорѣе всего можно полагать, что къ водолазамъ послѣдняго рода онъ относилъ философовъ, отвергающихъ откровеніе и рѣшающихъ мыш-

леніемъ самые трудные вопросы метафизики [1]). Басня *Водолазы* написана въ 1813 году. Въ это время вышелъ переводъ Эстетики Ансильйона, который надѣлалъ много шуму, вызвалъ строгую критику со стороны архимандрита (впослѣдствіи митрополита) Филарета и былъ причиною невзгоды архіепископа Ѳеофилакта, подъ руководствомъ котораго былъ сдѣланъ переводъ [2]). Толки объ этомъ дѣлѣ конечно находили отголосокъ и въ домѣ Оленина, который, какъ извѣстно, былъ почитателемъ Филарета; тамъ-же вѣроятно разсуждали иногда и о нѣмецкихъ философахъ, между которыми европейскою славой пользовался тогда Фихте. Подобныя разсужденія именно и могли подать Крылову поводъ сравнить слишкомъ отважныхъ мыслителей съ водолазомъ, ищущимъ жемчуга въ самой глубинѣ морской пучины. Спору нѣтъ, и такой взглядъ можно считать не безошибочнымъ; но между имъ и неуваженіемъ къ глубинѣ знанія вообще,—большая разница. Требовать, чтобы писатель былъ совершенно внѣ вліянія среды, въ которую онъ поставленъ обстоятельствами времени и мѣста, едва ли справедливо. Затѣмъ, въ своей силѣ остается все-таки замѣчаніе г. Галахова о малой примѣнимости подобнаго нравоученія къ русскому обществу; развѣ Крыловъ хотѣлъ предостеречь тѣхъ, которые слишкомъ увлекались системами нѣкоторыхъ западныхъ мыслителей.

Не можемъ также присоединиться къ слѣдующему мнѣнію почтеннаго автора *Исторіи русской словесности* о Крыловѣ: «Разсматривая его басни, легко узнать, чего онъ не хотѣлъ; трудно опредѣлить, чего именно хотѣлъ онъ». Безъ сомнѣнія, Крыловъ хотѣлъ всего противоположнаго тому, что онъ порицалъ или осмѣивалъ. «Конечно», продолжаетъ г. Галаховъ, «такое направленіе частію условливалось сущностью басни какъ сатиры, но большею частью (такъ мнѣ кажется) оно зависѣло отъ недостатка положи-

---

[1]) Тутъ припоминаются слова Ж. Ж. Руссо: «Voulons-nous pénétrer dans ces abîmes de métaphysique qui n'ont ni fond, ni rive, et perdre à disputer sur l'essence divine ce temps si court qui nous est donné pour l'honorer?» (*Nouv. Hél.*, VI, 8). Т. е. «Какъ намъ проникнуть въ ту пучину метафизики, у которой нѣтъ ни дна, ни береговъ, и не потеряемъ ли мы на споры о верховномъ Существѣ время, дарованное намъ для Его почитанія?»

[2]) См. *Сборникъ Отдѣленія р. яз. и сл.* т, V, вып. 1, «Переписка митроп. Евгенія» *и пр.* стр. 154 — 158.

тельнаго сочувствія къ чему бы то ни было. Переходъ отъ многихъ отрицаній, выражаемыхъ Крыловымъ, къ общему утвержденію теменъ и затруднителенъ» (стр. 330). Затѣмъ критикъ задаетъ себѣ вопросъ, въ чемъ именно могъ состоять положительный, господствующій идеалъ Крылова, и находитъ, что такого идеала нѣтъ въ его басняхъ. Мы съ своей стороны позволимъ себѣ замѣтить, что въ сатирѣ, такъ же какъ и въ комедіи, по самому существу этихъ родовъ, вообще не является положительныхъ идеаловъ; такъ и у Гоголя въ *Ревизорѣ* не отыскалось ни одного честнаго лица; когда же его въ томъ упрекнули, то онъ отвѣчалъ, что это честное лицо есть, но его проглядѣли: это — смѣхъ зрителей. Идеалъ поэта-сатирика скрывается за тѣмъ негодованіемъ или тою насмѣшкой, которыя пробуждаются его о́бразами. Неужли въ самомъ дѣлѣ всякому необходимо имѣть какой нибудь односторонній и узкій идеалъ? Развѣ не можетъ быть идеаломъ все достойное сочувствія и уваженія человѣческаго? И развѣ даже у поэтовъ положительнаго направленія, напр. у Шекспира или Пушкина, долженъ быть непремѣнно какой-нибудь явственно обозначенный, ограниченный идеалъ? По мнѣнію г. Галахова, идеалъ Крылова заключается въ покоѣ безстрастія. И въ подкрѣпленіе этой мысли онъ приводитъ слова Вигеля: «Одного ему дано не было: душевнаго жара, священнаго огня... Вездѣ умъ, нигдѣ не проникаетъ чувство» (тамъ-же). Если такъ, то откуда же взялся у Крылова тотъ священный огонь искусства, которымъ проникнуты всѣ его созданія? Если онъ обладалъ однимъ умомъ, не долженъ ли онъ былъ оставаться сухимъ моралистомъ, и какъ же могъ онъ сдѣлаться поэтомъ-художникомъ? Неужели правда, что нигдѣ у Крылова не проглядываетъ чувство? — а какъ же назвать то, чѣмъ согрѣты нѣкоторыя его басни, въ особенности *Два голубя*, или его письма къ Олениной? Подъ чувство такъ поддѣлаться нельзя. Жаль, что г. Галаховъ, въ подкрѣпленіе такого безотраднаго взгляда на Крылова, ссылается на свидѣтельство двухъ нерасположенныхъ къ нему современниковъ, — Вигеля и Сперанскаго, которые оба имѣли свои причины неблаговолить къ нему. Правда, и покойный П. А. Плетневъ говоритъ, что «Крыловъ ничего не полюбилъ какъ человѣкъ общественный», но это свидѣтельство ослабляется отзывомъ

того же критика о глубинѣ и разнообразіи содержанія многихъ басенъ Крылова.

Изъ частныхъ замѣчаній г. Галахова о нѣкоторыхъ басняхъ остановимся на томъ, что онъ говоритъ о двухъ изъ нихъ по поводу предположеній г. Кеневича. Онъ отрицаетъ (стр. 322), чтобы басня *Орелъ и паукъ* могла имѣть, какъ увѣрялъ Гречъ, какое-нибудь отношеніе къ Сперанскому. Дѣйствительно, преданіе, сообщенное Гречемъ, оказывается и по замѣчанію г. Кеневича несправедливымъ уже потому, что басня эта написана въ 1811 году, т. е. прежде паденія Сперанскаго. Происхожденіе этого преданія можно, кажется, объяснить тѣмъ, что Сперанранскаго въ образѣ паука представлялъ тогда другой писатель, также сочинявшій въ ту эпоху басни, которыя по всей вѣроятности были извѣстны многимъ современникамъ. Это былъ Державинъ; у него паукъ является съ этимъ значеніемъ въ двухъ басняхъ: *Выборъ министра* и *Цвѣтъ и паукъ* [1]). Г. Галаховъ отвергаетъ также мысль г. Кеневича, чтобы басня *Парнассъ* могла относиться къ любимцамъ императора Александра I въ началѣ его царствованія, но ничего не предлагаетъ на мѣсто этого объясненія. По нашему мнѣнію, баснописецъ подъ Парнассомъ могъ разумѣть не что иное, какъ Россійскую Академію. Вспомнимъ, во первыхъ, что Крыловъ уже и въ сатирическихъ журналахъ своихъ часто подшучивалъ надъ академіями и академиками; такъ напр., онъ говорилъ, что Каибъ [2]) многихъ попугаевъ сдѣлалъ членами своей академіи только за то, что они умѣли чистенько выговаривать то, что выдумалъ другой. Въ сказкѣ *Ночи* есть также выходка противъ академій; а вслѣдъ затѣмъ Момусъ, потрунивъ надъ Мельпоменой и Таліей, обращается къ Фебу съ такою насмѣшкой: «Что до другихъ твоихъ Музъ, то есть надежда, что онѣ скоро превратятъ Парнассъ въ богадѣльню». Послѣдняя мысль уже довольно близка къ содержанію разсматриваемой басни. Во вторыхъ, обратимъ вниманіе на отношенія, въ какихъ Крыловъ, при сочиненіи этой басни, могъ находиться въ Россійской Академіи. Басня написана въ 1808 году. Она въ хронологическомъ спискѣ сочиненій Крылова въ этомъ родѣ значится 10-ю. Не-

---

[1]) *Соч. Держ.*, изд. Ак. Н., т. III, стр. 561 и 563.

[2]) *Зритель* 1792 г. ч. III, стр. 94—95.

многія басни, написанныя имъ до нея, были помѣщены въ журналахъ *Моск. Зритель* и *Драматич. Вѣстникъ*; извѣстно, что Крыловъ уже при первомъ появленіи своемъ въ качествѣ баснописца возбудилъ вниманіе, которое конечно выражалось разными о немъ толками. Разумѣется, о его басняхъ судили и академики—можетъ быть, даже въ стѣнахъ академіи. Кто же были тогда члены Россійской Академіи? Не будемъ исчислять всѣхъ, но назовемъ между прочими: Захарова (Ив. Сем.), графа Хвостова, Мальгина, Соколова (Петра Ив.), Шишкова, Нартова, Кутузова (Павла Ив.), Львова (Павла Юрьев.) и, пожалуй, Ив. Ив. Мартынова, избраннаго въ академики незадолго передъ тѣмъ, именно въ 1807 году. Изъ нихъ нѣкоторые писывали и басни; къ числу такихъ лицъ принадлежалъ особенно гр. Хвостовъ, который не далѣе какъ въ 1807 г. издалъ свои *Притчи* и конечно встрѣтилъ враждебно опаснаго себѣ соперника на этомъ поприщѣ. Отношенія между имъ и Крыловымъ навсегда остались таковы[1]). Зная духъ и дѣятельность остальныхъ изъ исчисленныхъ нами академиковъ, можно навѣрное сказать, что большинство ихъ также неблагосклонно смотрѣло на новыя басни, въ которыхъ отражался оригинальный и свѣжій талантъ. Отзывы одного или нѣсколькихъ изъ этихъ лицъ могли дойти до Крылова, и въ отплату имъ онъ естественно могъ написать басню о *Парнассѣ*, на которомъ живутъ ослы и принимаютъ такое рѣшеніе:

А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнассъ.

Нашему предположенію не противорѣчитъ, кажется, и заключеніе басни:

Мнѣ хочется, невѣждамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

[1]) См. выше стр. 26 и 27.

Передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ настоящаго тома мы получили изъ Лондона книжку: «Krilof and his fables, by W. R. S. Ralston». Это переводъ въ прозѣ бо̀льшей части оригинальныхъ басенъ Крылова, число̀мъ около ста. Почти къ каждой присоединены объясненія, заимствованныя изъ *Библіографическихъ и историческихъ примѣчаній* г. Кеневича. Передъ баснями помѣщенъ, подъ заглавіемъ «Memoir», очеркъ біографіи баснописца (стр. XVII—XLII), составленный на основаніи статей Плетнева, Лобанова и напечатанныхъ нами по поводу юбилея Крылова. Кромѣ того, г. Ральстонъ изложилъ въ предисловіи свой взглядъ на предпринятый имъ трудъ. Вотъ что онъ говоритъ между прочимъ о значеніи басенъ Крылова въ переводѣ: «Картины русскаго быта, представляемыя словами этихъ разсказовъ. совершенно понятны всякому, кто приметъ на себя трудъ изучать ихъ; онѣ могутъ дать иностранцу болѣе вѣрное понятіе о русскихъ нравахъ и обычаяхъ, чѣмъ самыя яркія изображенія живо̀писца, не такъ основательно знакомаго съ предметомъ. Изъ разсказовъ *Два мужика*, *Крестьянинъ въ бѣдѣ*, *Три мужика*, *Крестьянинъ и работникъ* можно почерпнуть множество свѣдѣній о житьѣ-бытьѣ простонародья въ Россіи, этихъ милліоновъ единородныхъ намъ Европейцевъ, о которыхъ мы однакожъ знаемъ менѣе, чѣмъ о Китайцахъ и американскихъ Индѣйцахъ. Еще интереснѣе заключающіеся во многихъ басняхъ Крылова протесты противъ угнетенія и лихоимства, такъ долго господствовавшихъ въ Россіи, противъ того, какъ сильный попиралъ ногами слабаго, и богатый высасывалъ соки изъ бѣднаго. Отрадно видѣть то великодушное сочувствіе къ обиженной слабости, то смѣлое негодованіе противъ преступнаго насилія, которыя побуждали Крылова къ сочиненію такихъ апологовъ, какъ: *Крестьяне и рѣка*, *Медвѣдь у пчелъ*, и *Рыбьи пляски*. Такіе разсказы никогда не теряютъ вполнѣ своей заманчивости, даже тогда, когда у нихъ отнята изящная форма и онѣ являются въ чуждой имъ прозаической одеждѣ». Англійскій текстъ басенъ просмотрѣнъ живущимъ въ Лондонѣ г. Онѣгинымъ. Это уже не первый опытъ г. Ральстона въ переводахъ въ русскаго: сколько намъ извѣстно, онъ издалъ по-англійски кое-что изъ Кольцова и писалъ о русской литературѣ въ англійскихъ «обозрѣніяхъ». Мы должны быть признательны г. Ральстону за любовь, съ какою онъ изучаетъ Россію, и за его стараніе знакомить съ нею своихъ соотечественниковъ. Въ книжкѣ его помѣщены, передъ нѣкоторыми баснями, иллюстраціи; но къ сожалѣнію, въ нихъ русскій типъ до того изуродованъ, что издатель счелъ себя въ обязанности напечатать послѣ заглавнаго листа слѣдующее заявленіе на русскомъ языкѣ: «Тѣхъ Русскихъ, которымъ попадется этотъ переводъ уважаемаго баснописца, переводчикъ покорнѣйше проситъ принять въ соображеніе, что иллюстрированіе книги нисколько отъ него не зависѣло».

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ

БАСНЯМЪ КРЫЛОВА.

СОСТАВИЛЪ

В. Ѳ. Кеневичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крыловъ, какъ баснописецъ, представляетъ замѣчательное и въ нашей литературѣ безпримѣрное явленіе. Почти съ выхода въ свѣтъ первой его басни онъ дѣлается любимцемъ всей читающей публики; журналисты почитаютъ его басни украшеніемъ своихъ журналовъ, и сѣтуютъ, если его лѣнивая муза на время умолкаетъ. При жизни его, ему не было сдѣлано ни одного серьезнаго замѣчанія ни относительно содержанія его басенъ, ни относительно ихъ внѣшней отдѣлки. Рѣзкая статья Каченовскаго (1812 г.) должна была возбудить въ читателѣ только негодованіе, а замѣтки А. Измайлова въ статьѣ «О разсказѣ басни», по своей мелочности, не могли имѣть замѣтнаго вліянія на баснописца.

Такимъ образомъ Крыловъ, восхищая своихъ современниковъ, не нашелъ у нихъ строгой, безпристрастной, правильной оцѣнки. Съ 1844 до 1847 года напечатано было о Крыловѣ нѣсколько обширныхъ статей. Большая часть изъ нихъ посвящена біографическимъ свѣдѣніямъ; и дѣйствительно, эта сторона предмета такъ полно обработана, что къ ней почти нечего прибавить. Что же касается до оцѣнки басенъ, то въ этихъ статьяхъ обращено вниманіе преимущественно на ихъ литературное достоинство, опредѣляется отношеніе русскаго баснописца къ Ла Фонтену и дока-

зывается его самобытность; но вопросъ объ историческомъ значеніи его произведеній почти не затрогивается.

Правда, Лобановъ, Плетневъ, Гоголь и наконецъ Булгаринъ высказали мысль, что почти каждая оригинальная басня его была вызвана какимъ-нибудь современнымъ общественнымъ явленіемъ: что каждая изъ нихъ рѣшаетъ какой-нибудь вопросъ, занимавшій умы его современниковъ; но три случая, подавшіе поводъ къ сочиненію басни, разсказанные Лобановымъ; общія замѣчанія о цѣлыхъ группахъ басенъ однороднаго содержанія, Плетнева; три-четыре замѣтки Гоголя; разсказъ Булгарина о литературныхъ партіяхъ, — все это слишкомъ скудно, обще и представляетъ слишкомъ мало данныхъ для опредѣленія отношенія басенъ Крылова къ современной ему дѣйствительности.

Между тѣмъ многія басни, оторванныя отъ исторической почвы, лишаясь своего настоящаго значенія, пріобрѣтаютъ совершенно другой смыслъ; многіе нравоучительные выводы кажутся до того общими мѣстами, что повидимому даже не могутъ найти примѣненія къ дѣйствительности. Оно и не можетъ быть иначе: забывъ или вовсе не зная тѣхъ обстоятельствъ, съ которымъ связано литературное произведеніе, мы не можемъ ни правильно понять его, ни вѣрно опредѣлить направленіе дѣятельности писателя.

Такое неудовлетворительное состояніе одного изъ существеннѣйшихъ вопросовъ нашей науки побудило насъ къ собиранію матеріаловъ, которые могли бы послужить основаніемъ для его рѣшенія.

Прежде всего представилась необходимость привести всѣ басни въ возможно строгій хронологическій порядокъ. Тотъ порядокъ, въ какомъ обыкновенно печатаются басни Крылова, избранъ имъ самимъ въ изданіи 1843 года. Кажется, баснописецъ

заботился преимущественно о томъ, чтобы избѣжать однообразія: басни, близкія другъ къ другу по содержанію и по времени, онъ помѣстилъ въ различныхъ книгахъ, и такимъ образомъ совершенно разрушилъ ихъ хронологическую послѣдовательность.

Для возстановленія хронологическаго порядка оказалось необходимымъ разсмотрѣть всѣ изданія басенъ, появившіяся въ свѣтѣ при жизни баснописца, потому что каждое послѣдующее изданіе пополнялось цѣлою новою книгою басенъ. Эти изданія слѣдующія:

I. **Басни И. А. Крылова**, С. П.-бургъ, въ типогр. губернскаго правленія, 1809 г. 8°, съ надписью: «Съ дозволенія Санктпетербургскаго цензурнаго комитета», безъ означенія числа (54 стр.).

Это изданіе, заключающее двадцать-три басни, было привѣтствовано извѣстною статьею Жуковскаго и повторено въ 1811 г. Въ новомъ тисненіи авторъ многое измѣнилъ и исправилъ. Полное его заглавіе слѣдующее: Басни И. Крылова, С. П.-бургъ, 1811 г., въ типографіи губернскаго правленія (одобрено цензоромъ въ сентябрѣ).

II. **Новыя басни Ивана Крылова**, С. П.-бургъ, 1811 г., въ типографіи губернскаго правленія, 8° (цензорская отмѣтка 8-го марта). Это такъ же брошюра въ 42 стр., заключающая двадцать одну басню.

III. **Басни Ивана Крылова**, 1815 г. Это заглавіе съ виньеткою работы Ив. Иванова, составляетъ фронтиспись; на слѣдующемъ листѣ помѣщено полное заглавіе: Басни Ивана Крылова въ трехъ частяхъ. Въ Санктпетербургѣ, въ типографіи правит. сената, 1815 г. 8°. На третьемъ листѣ помѣщено слѣдующее посвященіе: «Его Императорскому Величеству Государю Императору

съ благоговѣніемъ и душевною благодарностію всеподданнѣйше посвящаетъ Иванъ Крыловъ». (Цензорская отмѣтка отъ 28 марта). Къ каждой изъ трехъ частей приложено оглавленіе и въ каждой особая пагинація *. Въ дополненіе къ нимъ въ 1816 году напечатаны были отдѣльно еще двѣ части: 4-я, подъ заглавіемъ: Новыя басни И. А. Крылова, часть четвертая, иждивеніемъ содержателя типографіи, А. Похорскаго. С.-Пбргъ, въ типогр. имп. театра, 1816 г. (форматъ предыдущихъ трехъ частей; цензорская отмѣтка отъ 25 февраля 1816 г.), и 5-я: Новыя басни И. А. Крылова, часть пятая, С.-Пбргъ, въ типографіи имп. театра, 1816 г. (въ томъ же форматѣ; цензорская отмѣтка отъ 7-го марта 1816 г.).

IV. **Басни Ивана Крылова, въ шести частяхъ**, иждивеніемъ содержателя театральной типогр., А. Похорскаго. С. П.-бргъ, въ тип. имп. театра, 1819, 8°. При каждой части приложено особое оглавленіе, и съ третьей, при которой другой заглавный листъ, начинается новая пагинація; цензорская отмѣтка отъ 18-го октября 1816 г. **

Съ 1819 по 1823 г. Крыловъ ничего не печаталъ; но съ 1823 г. вновь стали появляться его басни, которыя составили новую книгу въ слѣдующемъ изданіи, вышедшемъ въ 1825 году:

---

* Въ письмѣ А. Измайлова къ Н. Грамматину (отъ 13 января 1813 г.) сохранилось интересное свѣдѣніе, которое, кажется, должно отнести къ этому изданію. Авторъ письма, перечисляя, что кому изъ литераторовъ пожаловано государемъ императоромъ, говоритъ: «Крыловъ на изданіе своихъ басенъ получилъ отъ государя черезъ предстателя своего Оленина 4,000 рублей». Перечисленіе заключается словами: «Скажите послѣ этого, что худо быть словесникомъ». (Библіографич. записки, 1859 г., столб. 419,)

* Объ этомъ изд. см. въ Указателѣ объявленіе С. Петербургскихъ Вѣдомостей, 1819 г. Въ имп. публичн. библіотекѣ хранится весьма ин-

V. **Басни И. А. Крылова, въ семи книгахъ.** Новое исправленное и дополненное изданіе. С.-Пбргъ. У книгопродавца Сленина, въ тип. департ. нар. просвѣщенія 1825. Оно посвящено императору Александру и украшено прекраснымъ портретомъ баснописца, рисованнымъ съ натуры П. Оленинымъ*, виньеткою и семью картинками, приложенными къ первой баснѣ каждой книги. Первая изъ нихъ, при б. «Конь и Всадникъ», которою открывается изданіе, работы Зауэрвейта, остальныя шесть — Ив. Иванова. Въ этомъ изданіи Крыловъ въ первый разъ отмѣтилъ въ оглавленіи басни, переводныя и заимствованныя, которыхъ, по его счету, оказалось тридцать четыре.

VI. **Басни Ивана Крылова, въ осьми книгахъ.** Новое изданіе вновь исправленное и умноженное. С.-Пбргъ, въ тип. А. Смирдина, 1830 г. Заимствованныхъ басенъ показано такъ же тридцать четыре.

За этимъ изданіемъ слѣдуетъ цѣлый рядъ изданій Смирдина, который, по свидѣтельству Лобанова съ 1830 по 1840 г., напечаталъ въ различныхъ форматахъ 40000 экземпляровъ. Замѣчательнѣйшее изъ нихъ вышло въ 1834 г., съ картинками Сапожникова, въ двухъ частяхъ, 4°.

VII. **Басни И. А. Крылова, въ девяти книгахъ.** С.-Пбргъ, въ типогр. военно-учебныхъ заведеній, 1843 г. Число заимство-

---

тересный экземпляръ изданія 1819 г., проложенный чистыми листами, на которыхъ Крыловъ дѣлалъ поправки, приготовляя свои басни къ изданію 1825. Этотъ экземпляръ, какъ видно изъ собственноручной надписи Гнѣдича, былъ подаренъ ему Крыловымъ, а онъ въ свою очередь подарилъ его библіотекѣ.

* Сыномъ Алексѣя Николаевича, Петромъ Алексѣевичемъ.

ванныхъ басенъ показано то же. — Это то самое изданіе, которое предпринялъ и окончилъ самъ Крыловъ, но только не успѣлъ его выпустить въ свѣтъ, и которое душеприкащикъ его Я. И. Ростовцевъ, послѣ смерти баснописца, исполняя его волю, разослалъ въ числѣ болѣе тысячи экземпляровъ лицамъ, участвовавшимъ въ 1838 г. въ составленіи для него юбилейнаго торжества * и присутствовавшимъ на похоронахъ поэта. На траурной оберткѣ разосланныхъ экземпляровъ было напечатано: «Приношеніе. На память объ Иванѣ Андреевичѣ. По его желанію. Санктпетербургъ, 1844 г. 9 ноября ³/₄ 8 утромъ».

Съ 1847 года «Полнымъ собраніемъ сочиненій Крылова» начинается длинный рядъ изданій гг. Юнгмейстера и Веймарна; но эти изданія, представляя болѣе или менѣе неисправное повтореніе текста 1843 г., не имѣютъ никакого значенія при изученіи нашего баснописца.

Сравнительный пересмотръ исчисленныхъ изданій доставилъ существенныя данныя, на которыхъ долженъ былъ основаться хронологическій списокъ басенъ. Независимо отъ того, извлечены изъ періодическихъ изданій свѣдѣнія о времени появленія въ свѣтъ тѣхъ басенъ, которыя, прежде чѣмъ входили въ изданія, печатались отдѣльно. При этомъ обращалось вниманіе на время цензорской отмѣтки, такъ какъ оно иногда приблизительно опредѣляетъ время сочиненія басни.

Весьма важнымъ пособіемъ при опредѣленіи хронологіи басенъ, равно какъ и въ другихъ отношеніяхъ, служили рукописи. Онѣ могутъ быть раздѣлены на два отдѣла: 1) рукописи, принад-

* Жизнь и соч. И. А. Крылова, П. А. Плетнева, стр. LXLII.

лежащія имп. публ. библіотекѣ, и 2) рукописи, принадлежащія г. Савельеву.

Рукописи перваго отдѣла гораздо малочисленнѣе втораго.

I. На первой изъ нихъ, заключающей только четыре полныя басни (*Огородникъ и Философъ, Оселъ и Соловей, Квартетъ* и *Слонъ и Моська)*, рукою Гнѣдича сдѣлана надпись: «Экземпляръ басенъ, сколотый булавкою, который И. А. Крыловъ въ такомъ видѣ имѣлъ съ собою, когда читалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Зимнемъ дворцѣ, 1813 года, будучи у Нея вмѣстѣ со мною».

II. На второй, тщательно переписанной рукою баснописца и заключающей десять басенъ (*Лягушки и Юпитеръ, Лжецъ, Орелъ и Пчела, Собаки и Прохожіе, Лисица и Сурокъ, Тѣнь и Человѣкъ, Безбожники, Крестьяне и Рѣка, Пожаръ и Алмазъ, Лань и Дервишъ)*, имъ самимъ сдѣлана надпись: «По сей рукописи сочинитель имѣлъ счастіе читать свои басни ея императорскому величеству Маріи Феодоровнѣ, генваря 11 дня 1814 г.».

III. Въ третьей, такъ же переписанной рукою Крылова, находится тринадцать басенъ (*Прудъ и Рѣка, Дерево, Камень и Червякъ, Чижъ и Голубь, Орелъ и Кротъ, Комаръ и Пастухъ, Крестьянинъ и Разбойникъ, Лебедь, Щука и Ракъ, Клеветникъ и Змѣя, Конь и Всадникъ* (въ двухъ спискахъ), *Собаки и Прохожіе, Чижъ и Ежъ* (въ двухъ спискахъ), *Добрая Лисица)*, а въ концѣ ея приписано рукою А. Н. Оленина: «Басни были читаны самимъ авторомъ у государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, по требованію ея величества въ 12 день маія 1814 г. На сей конецъ авторъ тщательно старался ихъ переписать своею рукою, какъ то доказываетъ сія рукопись *».

---

* На той же страницѣ находится стихотвореніе кн. Вяземскаго «Къ портрету Государя Императора», переписанное съ дозволенія императрицы Оленинымъ.

IV. Сверхъ того, въ 1841 году Лобановъ, по выѣздѣ Крылова изъ дома публичной библіотеки, собралъ въ сору на чердакѣ черновые листы; многіе изъ нихъ изорваны, другіе такъ пострадали отъ сырости и грязи, что многаго въ нихъ вовсе нельзя разобрать. Въ этой коллекціи находится двадцать одна басня *(Огородникъ и Философъ, Волкъ и Мышенокъ,* черновое заключеніе басни *Безбожники, Собачья Дружба, Волкъ на Псарнѣ* (три ред.), *Мальчикъ и Червякъ, Мотъ и Ласточка, Булыжникъ и Алмазъ, Тѣнь и Человѣкъ, Зеркало и Обезьяна* (двѣ редакціи), *Тришкинъ Кафтанъ* (двѣ редакціи), *Два Мужика, Безбожники, Муха и Пчела, Двѣ Собаки, Чижъ и Ежъ, Ручей, Клеветникъ и Змѣя, Мышь и Крыса, Медвѣдь у Пчелъ, Любопытный);* но къ сожалѣнію, ни на одной изъ этихъ рукописей не означено года.

Рукописи втораго отдѣла, по словамъ ихъ владѣльца, г. Савельева, были собраны самимъ баснописцемъ за нѣсколько лѣтъ до смерти, сложены въ извѣстномъ порядкѣ и переданы ему на храненіе. Это почти полный экземпляръ басенъ, написанный рукою самого автора. Видно, что нѣкоторыя изъ нихъ были списаны имъ съ печатнаго изданія, неизвѣстно, для какой цѣли: одна тетрадь въ четвертку содержитъ всѣ басни, заключающіяся въ изданіи 1819 года, безъ всякихъ перемѣнъ сравнительно съ печатною редакціею. Другія же представляютъ всю работу баснописца, отъ черновой накидки нѣсколькихъ отрывочныхъ мыслей до окончательной редакціи; послѣднія принадлежатъ позднѣйшему времени; именно: періоду отъ 1823 года до 1835 *

* Послѣднія двѣ басни: «Два Мальчика» и «Кукушка и Пѣтухъ» мы помѣстили подъ 1836 г., потому что въ этомъ году онѣ явились въ печати;

Кромѣ данныхъ для опредѣленія хронологической послѣдовательности басенъ, тщательный пересмотръ рукописей доставилъ множество варіантовъ, которые при изученіи нашего поэта имѣютъ особенную важность.

Извѣстно, что Крыловъ былъ къ себѣ несравненно строже, чѣмъ его читатели: онъ по-многу разъ переписывалъ одну и ту же басню, всякій разъ передѣлывалъ ее и удовлетворялся только тогда, когда въ ней не оставалось ни одного слова, которое, какъ онъ выражался, «ему пріѣдалось». Этого рода варіанты даютъ богатый матеріалъ для изученія языка, и если бы впослѣдствіи представилась надобность въ специальномъ словарѣ къ баснямъ Крылова, то они нашли бы въ немъ видное мѣсто. Но надо замѣтить, что нерѣдко, обработывая языкъ, поэтъ нашъ измѣнялъ многіе оттѣнки мысли, подробности въ сценахъ и картинахъ, и такимъ образомъ придавалъ своему сочиненію совершенно иной характеръ. Подобные варіанты имѣютъ еще большую важность: они иногда приводятъ къ уразумѣнію той задней мысли, которую поэтъ скрывалъ за своимъ вымысломъ, или прямо намекаютъ на современныя явленія.

Такое важное значеніе варіантовъ побудило насъ къ самому тщательному сличенію окончательнаго текста басенъ (1843 года) со всѣми предшествовавшими изданіями и рукописями; и мы скорѣе опасаемся упрека въ излишней мелочности, чѣмъ въ невниманіи къ этой сторонѣ предмета. При собираніи варіантовъ по рукописямъ (особенно позднѣйшей эпохи) нерѣдко представлялось неодолимое препятствіе — крайняя неразборчивость черновыхъ рукописей, изъ коихъ нѣкоторыя написаны карандашемъ и отъ вре-

---

но судя по рукописямъ, онѣ, вѣроятно, были написаны одновременно съ 6, «Вельможа»; къ такому заключенію приводитъ одинаковость почерка, чернилъ, бумаги; всѣ онѣ набросаны въ одной тетради infolio въ 12 стр.

мени почти совершенно стерлись. Но мы заносили на наши страницы и тѣ стихи, которые хотя и были зачеркнуты, однако еще могли быть прочитаны. Мы не рѣшались пренебречь и такими стихами.

Приведенiе басенъ въ хронологическiй порядокъ и собранiе варiантовъ составляли собственно приготовительную работу. Теперь надлежало бы каждую басню (разумѣется, оригинальную) обставить тѣми историческими данными, которыя могли бы опредѣлить отношенiе ея къ современной дѣйствительности. Если бы это было выполнено, то, конечно, ничего болѣе не оставалось бы желать; но, къ сожалѣнiю, исторiя текущаго столѣтiя еще такъ мало извѣстна въ своихъ подробностяхъ, которыя могли имѣть и, конечно, имѣли важное значенiе; свидѣтельства современниковъ, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя намъ были доступны, такъ недостаточны, что выполненiе этой задачи остается пока невозможнымъ.

Отрывочныя замѣчанiя нѣкоторыхъ писателей и свѣдѣнiя, сообщенныя намъ нѣсколькими лицами, знавшими Крылова или имѣвшими возможность узнавать о немъ изъ первыхъ источниковъ, указывали иногда на факты, съ которыми связано появленiе той или другой басни; но и эти свѣдѣнiя весьма скудны и требовали строгой повѣрки, которая нерѣдко приводила къ отрицанiю установившагося мнѣнiя.

Всѣ имѣвшiяся у насъ данныя, по своей скудости, могли привести къ полному уразумѣнiю историческаго значенiя далеко не всѣхъ басенъ; очень многiя ожидаютъ новаго изслѣдованiя, которое, какъ надо надѣяться, съ теченiемъ времени, при болѣе подробной и разносторонней обработкѣ исторiи той эпохи, когда писалъ Крыловъ, сдѣлается возможнѣе.

При изученіи Крылова представляется ёще одинъ вопросъ, не только не рѣшенный, но почти не тронутый критикою: дѣйствительно ли оригинальны всѣ тѣ басни, которыя онъ самъ призналъ оригинальными? Изслѣдованіе его басенъ въ этомъ отношеніи привело насъ къ отрицательному отвѣту. Сверхъ Ла Фонтена, котораго преимущественно изучалъ нашъ баснописецъ, ему были знакомы и другіе писатели, особенно Эзопъ, изъ котораго онъ непосредственно почерпнулъ нѣсколько сюжетовъ. Тутъ мы старались быть какъ можно осторожнѣе: только тогда рѣшались признать басню заимствованною, когда заимствованіе было очевидно.

Такъ какъ басня во всѣ времена и у всѣхъ народовъ имѣла цѣлью исправленіе недостатковъ и заблужденій, которые повсюду болѣе или менѣе общи, то, естественно, нравоучительные выводы у разныхъ баснописцевъ должны имѣть нѣкоторое, хотя иногда весьма отдаленное сходство. Можетъ быть, сличеніе произведеній нашего баснописца съ произведеніями писателей другихъ народовъ и могло бы быть интересно, но едва ли оно содѣйствовало бы къ болѣе глубокому пониманію его басенъ. Поэтому мы останавливаемся только на тѣхъ писателяхъ, изъ которыхъ онъ могъ заимствовать непосредственно, и переходимъ къ болѣе отдаленнымъ источникамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда находимъ у Крылова что-либо общее съ ними.

Критика безусловно признала Крылова писателемъ самостоятельнымъ; даже въ заимствованныхъ басняхъ онъ умѣетъ сохранить свою самостоятельность, перенося чужой сюжетъ на родную почву, обставляя его чисто русскими условіями жизни и примѣняя выводы по возможности къ русскому строю общества. Но такое заключеніе, хотя и совершенно справедливое, высказывалось бездоказательно; никто изъ критиковъ не задалъ себѣ задачи отдѣ-

лить въ его басняхъ свое отъ чужаго и опредѣлить, въ чемъ именно заключается то, что всѣ русскіе съ дѣтства привыкаютъ называть народностію въ басняхъ Крылова.

Сопоставленіе заимствованныхъ его басенъ съ ихъ оригиналами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сходятся, или совершенно расходятся, можетъ, какъ полагаемъ, дать обильный запасъ данныхъ для повѣрки установившагося мнѣнія. Оттого всюду, гдѣ оказывалась надобность, приведены подлинныя мѣста изъ тѣхъ произведеній, изъ которыхъ заимствовалъ Крыловъ, а иногда приведены басни вполнѣ.

Басни Крылова, какъ извѣстно, доставили русскому языку множество пословицъ и поговорокъ; но съ другой стороны, онъ самъ почерпнулъ много изъ народныхъ пословицъ; у него есть даже басни, составляющія какъ бы развитіе мысли, выраженной въ пословицѣ. Если онъ въ изображеніи звѣрей иногда расходится съ народною сказкою, за то его нравственные выводы во многихъ случаяхъ совпадаютъ съ народнымъ взглядомъ на вещи, какъ онъ выразился въ пословицахъ. Указаніе такихъ заимствованій * не только не лишено интереса, но имѣетъ первостепенную важность. Съ одинаковою точностію мы отмѣчали и тѣ изреченія Крылова, которыя вошли въ сборники народныхъ пословицъ.

Въ русской литературѣ Крыловъ является первымъ баснописцемъ по достоинству, но послѣднимъ по времени. Хотя ни

* Мы пользовались сборниками пословицъ: Курганова (Писмовникъ), Д(митрія) К(няжевича) (1822 г.), Снегирева (Русскіе въ своихъ пословицахъ и Русскія народныя пословицы и притчи) и Даля (Пословицы русскаго народа).

одинъ изъ его предшественниковъ не можетъ быть поставленъ съ нимъ наравнѣ, однакожъ нельзя предположить, чтобы онъ не былъ хорошо знакомъ съ ними и не заимствовалъ чего-либо у нихъ. Чтобы опредѣлить отношенie его къ своимъ предшественникамъ, здѣсь сопоставлено все, что можно было найти общаго между баснями Крылова и другихъ русскихъ писателей, и указано, который изъ нихъ занимался обработкою сюжетовъ, возбудившихъ его вниманie.

Хотя нѣкоторые отрывочные отзывы о басняхъ помѣщены непосредственно при самыхъ басняхъ; однакожъ для большаго удобства прилагаемъ указатель статей о Крыловѣ и его произведенiяхъ съ изложенiемъ ихъ содержанiя; нѣкоторыя же изъ нихъ перепечатываемъ вполнѣ. Въ указатель не внесены только тѣ статьи, которыя по своей незначительности не заслуживаютъ вниманiя. Изъ статей о Крыловѣ, написанныхъ на иностранныхъ языкахъ, мы указываемъ только тѣ, которыя были переведены на русскiй языкъ. Мы не могли взять на себя обширнаго труда—собрать все, что было писано за границею о нашемъ баснописцѣ, во-первыхъ, потому, что ни въ одной изъ здѣшнихъ библiотекъ нѣтъ полной коллекцiи иностранныхъ перiодическихъ изданiй; во-вторыхъ, потому, что это значило бы вступить въ неравное соперничество съ С. Д. Полторацкимъ, который въ заграничныхъ библiотекахъ собралъ все, что было писано о Крыловѣ, а равно и всѣ переводы его басенъ, и вѣроятно, со временемъ напечатаетъ свою коллекцiю.

Сознаемъ, что трудъ нашъ и неполонъ и недостаточенъ; но онъ не могъ бы достигнуть и настоящей полноты безъ обязательнаго содѣйствія многихъ лицъ, и преимущественно К. С. Савельева, предоставившаго въ наше распоряженіе всѣ хранящіяся у него рукописи.

В. Кеневичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

1811.

1812.

1813.

1814.

1817.

1818.

1819.

1806.

—

I. Дубъ и Трость.

По времени появленія въ печати это первая басня Крылова. Еще въ 1781 г., на четырнадцатомъ отъ рожденія, онъ испробовалъ свои силы въ этомъ родѣ поэзіи — перевелъ одну б. изъ Ла Фонтена; знатоки того времени и между прочими И. И. Бецкій хвалили этотъ переводъ (М. Лобановъ, стр. 4). Съ тѣхъ поръ онъ посвящалъ свою дѣятельность преимущественно театру и только въ 1805 г., когда ему было 37 лѣтъ, снова обратился къ баснѣ: «перечитывая Ла Фонтена, онъ вдругъ почувствовалъ желаніе передать нѣкоторыя изъ его басенъ своимъ языкомъ русскому народу» (Лобановъ, стр. 48). И. И. Дмитріевъ первый радушно привѣтствовалъ будущаго великаго баснописца: «Это истинный вашъ родъ», сказалъ онъ ему: «наконецъ вы нашли его» (тамъ же). Эти басни были: «Дубъ и Трость» и «Разборчивая Невѣста», напечатанныя въ «Московскомъ Зрителѣ», изд. кн. П. Шаликовымъ, 1806 г. ч. I, стр. 73, подъ общимъ заглавіемъ: «Двѣ басни для С. К. Бкндрфвой», съ полною подписью и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: «Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И* И* Д*. Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое онѣ принесли ему. . . Имя любезнаго поэта обрадуетъ конечно и читателей моего журнала такъ, какъ обрадовало меня». «Всего замѣчательнѣе, говоритъ

М. А. Дмитріевъ въ своей статьѣ: «Мелочи изъ запаса моей памяти» («Москвитянинъ», 1854. Мартъ, № 6, кн. 2, стр. 92), что одна изъ этихъ басенъ была «Дубъ и Трость», въ которой Крыловъ (переводя ее послѣ Дмитріева) именно вступалъ съ нимъ въ соперничество».

Въ «Московскомъ Зрителѣ» «Дубъ и Трость» напечатана въ такомъ видѣ:

Тростинкѣ какъ-то Дубъ изволилъ сдѣлать честь —
Съ ней разговоръ завесть. — [1]
«Куда тебя обидѣла Природа!
(Онъ началъ) вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка; [2]
Чуть мелкой рябью лишь погода
Подернетъ по водѣ слегка,
Нагнешься такъ ты сиротливо! . . [3]
Не такъ, какъ я! Чело подъемля горделиво
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь:
Спокойно вѣтви тамъ мои распространяю,
Долинамъ цѣлымъ здѣсь я солнце заслоняю
И посмѣваюся порывамъ злѣйшихъ бурь; [4]
Я наслаждаюсь тихимъ миромъ
Среди стихійныя войны. . .
Какъ розно мы съ тобой сотворены!
Тебѣ все бурей — мнѣ все кажется зефиромъ. [5]
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла.
Моею тѣнію покрытой:

[1] У Ла Фонтена: Le chêne un jour dit au roseau. — Измѣнить этотъ простой стихъ Крылову, вѣроятно, подало поводъ выраженіе Дмитріева: «Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры», которымъ первый переводчикъ желалъ съ самаго начала опредѣлить отношеніе между дѣйствующими лицами.

[2] У Ла Фонтена: Un roitelet pour vous est un pesant fardeau. У Дмитріева: Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей.

[3] Эти три стиха ближе къ Ла Фонтену, чѣмъ Дмитріева; у перваго:

Le moindre vent qui d'aventure
Fait rider la face de l'eau
Vous oblige à baisser la tête.

[4] Этотъ и предыдущій стихи у Ла Фонтена:

Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave l'effort de la tempête.

[5] У Ла Фонтена: Tout vous est aquilon, tout me semble zéphyr. У Дмитріева: Все для меня зефиръ, тебѣ жъ все аквилонъ.

Отъ вѣтровъ и отъ бурь я бъ былъ тебѣ защитой! [6]
Но васъ природа разнесла
По влажнымъ берегамъ Эолова владѣнья: [7]
Конечно, въ ней о васъ ни мало нѣтъ радѣнья!» — [8]
«Ты очень жалостливъ» [9] — сказала Трость въ отвѣтъ —
«Однако не крушись! [10] мнѣ столько худа нѣтъ;
Не за себя я вихрей опасаюсь —
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь: [11]
А ты еще во вѣкъ не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывы ихъ ужасны;
Погнуть тебя досель всѣ силы ихъ напрасны! [12]
Но подождемъ конца.» — [13]
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
Взвивая пыль столбомъ, ревущій Аквилонъ. [14]

[6] У Ла Фонтена: Encor si vous naissiez à l'abri du feuillage
Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir:
Je vous défendrais de l'orage.

3-й изъ приведенныхъ стиховъ опущенъ и у Дмитріева, который эту мысль передаетъ такъ:

Блаженна бъ ты была, когда бъ росла со мною:
Подъ тѣнію моей густою
Ты бъ не страшилась бурь . . .

[7] У Ла Фонтена: Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.

Стихи Крылова болѣе приближаются къ стихамъ Дмитріева:

. . . . но рокъ тебѣ судилъ
Расти на мѣстѣ злачна дола
На топкихъ берегахъ владычества Эола.

[8] У Ла Фонтена: La nature envers vous me semble bien injuste.

[9] У Дмитріева такъ же.

[10] У Ла Фонтена: . . . . mais quittez ce souci.

[11] У Ла Фонтена: Je plie, et ne romps pas.

[12] У Ла Фонтена: . . . . . Vous avez jusqu'ici
Contre leurs coups épouvantables
Résisté sans courber le dos.

[13] У Ла Фонтена: Mais attendons la fin. У Дмитріева то же.

[14] Наступленіе грозы у Ла Фонтена изображено нѣсколько иначе:

. . . . Comme il disait ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le nord eût portés jusque-là dans ses flancs.

*

Уперся Дубъ; къ землѣ Тростиночка припала; — [15]
Бунтуетъ вѣтръ, — удвоилъ силы онъ
И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался. [16]

[15] У Ла Фонтена: L'arbre tient bon; le roseau plie. У Дмитріева: Трость гнется — Дубъ стоитъ.

[16] Послѣдніе 4 стиха составляютъ весьма близкій переводъ слѣдующихъ стиховъ Ла Фонтена:

Le vent redouble ses efforts,
Et fait si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine,
Et dont les pieds touchaient à l'empire des morts.

Въ 1808 году «Дубъ и Трость» снова была напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» (часть I, № 2, стр. 22, съ подписью *К.*). Здѣсь находимъ только двѣ незначительныя перемѣны: въ 14 стихѣ устарѣлая форма *стихійныя* замѣнена — *стихій*, и 27 стихъ читается такъ: А ты, — такъ ты еще не уклонялъ лица.

Въ первомъ изданіи басенъ Крылова (1809 г.) находимъ новыя перемѣны: вм. 3-го стиха: Какъ мало о тебѣ заботится природа; въ 8-мъ стихѣ: вм. *Не такъ какъ я* — Тогда какъ я*; вм. 19-го стиха: То былъ бы я тебѣ защитой; въ 35 стихѣ: . . . всѣ силы собралъ онъ.

Въ изданіи 1811 «Дубъ и Трость» подверглась болѣе значительнымъ перемѣнамъ: въ 10 ст. вм. *тамъ* — вкругъ; вм. 11 ст. Отъ солнца цѣлыя долины заслоняю; вм. 13 и 14 ст.

Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ
Стою неколебимъ среди стихій войны;

въ 21 ст. вм. *берегамъ* — рубежамъ;

Въ изд. 1815 г. второй изъ приведенныхъ стиховъ:

Ни вихремъ, ни грозой стою неколебимъ.

вм. 15 ст. Какъ розенъ жребій мой съ твоимъ; въ 21 ст. По тинистымъ брегамъ . . . ; въ 27 ст. А ты хотя еще . . . ; въ 28 ст.

---

* У Ла Фонтена: Cependant que . . .

вм. *ихъ* — бурь; вм. 29 ст. И всѣ усилья ихъ погнуть тебя . .; въ 35 ст. вм. *Бунтуетъ* — бушуетъ.

Въ изд. 1819 года не находимъ никакихъ перемѣнъ сравнительно съ предыдущимъ.

При изданіи 1825 года Крыловъ совершенно переработалъ свой первый переводъ*. Семь передѣлокъ его сохранились въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву; одна изъ нихъ написана карандашемъ, который отъ времени почти совершенно стерся; другая, хотя и написана чернилами, но такъ неразборчиво, что трехъ строкъ вовсе нельзя прочитать; въ ней поэтъ остановился на словахъ: «хоть я и гнусь, но не ломаюсь»; третья также доведена до словъ: «но подождемъ конца». Остальныя четыре совершенно полны. Приводимъ вполнѣ редакцію 1825 года, а въ выноскахъ варіанты по рукописямъ и изданіямъ; въ приложеніи же для удобнѣйшаго сравненія помѣщаемъ всю басню Ла Фонтена.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ. [a]
Поистинѣ роптать ты въ правѣ на природу, [b]
Сказалъ онъ: воробей [c], и тотъ тебѣ тяжелъ. [d]
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть. [e]

[a] Дубъ съ Тростью нѣкогда такую рѣчь завелъ. (рукоп.).
— Дубъ нѣкогда съ Тростинкой рѣчь завелъ.

[b] По истинѣ пенять ты можешь на природу. [c] . . . снигирь . . . .

[d] . . . . ты такъ тонка, мала, хила,
Что для тебя овсянка тяжела.

[e] Едва лишь легкой рябью воду
Подернетъ вѣтеръ въ непогоду,
Нагнешься ты такъ сиротливо!
— Въ легкую погоду
Едва отъ вѣтерка начнетъ вода рябѣть
Нагнешься . . . .
— И въ легкую погоду
Едва вода начнетъ рябить,
Ты такъ нагнешься . . .

* Въ экземплярѣ изд. 1819 г., принадлежащемъ Имп. публ. библ., эта басня написана Крыловымъ вполнѣ, такъ, какъ напечатана въ изд. 1825 г.

Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ; [f]
Но, посмѣваяся и вихрямъ и грозамъ,
Стою и твердъ и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все бурей, — мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнью вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой; [h]
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья: [i]
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья. [k]
Я вижу, какъ ты добръ [l], сказала Трость въ отвѣтъ:
Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Я гнусь [m], но не ломаюсь:
И [n] бури мало мнѣ вредятъ;
Едва не болѣе ль [o] тебѣ онѣ грозятъ! [p]

. . . . горделиво
Я возношу главу въ небесную лазурь,
Спокойно вѣтви здѣсь мои распространяю
И солнце заслоняю.
— Я, возносясь главой до тучъ,
Не только солнечный остановляю лучъ,
Но, будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ,
При вихряхъ и грозахъ стою и твердъ и прямъ,
Всю ярость презирая ихъ.

[g] Послѣ этого стиха: — Какъ розна жизнь моя съ твоей.

[h] Тебѣ бы могъ быть покровомъ и защитой.
— Отъ бурь былъ я тебѣ защитой.

[i] Но вамъ, какъ на бѣду, природа отвела
Брега Эолова владѣнія бурлива.
— Но вамъ рости природа отвела . . .

[k] Признаться, къ вамъ она совсѣмъ несправедлива.

[l] Ты очень жалостливъ (изд. 1830). [m] Хоть я и гнусь . . .

[n] Такъ . . . [o] Едва ль не болѣе . . .

[p] Я вижу, Трость на то сказала: съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ насъ всю разность ты;
Но сожалѣнія твои напрасны:
Мнѣ менѣ, чѣмъ тебѣ, набѣги бурь опасны:
Хоть я гибка,
Но не ломка.
— Я вижу, съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ насъ всю разность ты,
Трость Дубу отвѣчаетъ:

То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость [ч]
Твою не одолѣла крѣпость
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но подождемъ конца!
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ и съ дождемъ шумящій [г] аквилонъ.
Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался. [1]

Но жребій мой тебя напрасно огорчаетъ;
Подумай лучше о себѣ.
А мнѣ чего робѣть? Благодарю судьбинѣ:
Легко погнуть меня — за то я не ломаюсь.
— Я вижу, Тростиночка сказала: съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ насъ всю разность ты.
Но сожалѣніе твое напрасно:
Хоть я и гнусь,
Но не ломаюсь.
— Я чувствую ко мнѣ твою всю доброту,
Трость Дубу отвѣчала.
. . . .
Тебѣ едва ли вѣтръ не болѣе угрожаетъ,
Чѣмъ мнѣ: хотя и гнусь,
Но не ломаюсь.

[ч] То правда, ты еще не уклонялъ лица,
Какъ вѣтры здѣсь бушуя выли;
Тебя погнуть всѣ ихъ порывы тщетны были;
Но подождемъ конца (рукоп.).

[г] . . . ревущій.

---

[1] Басня, говоритъ Измайловъ, есть поэма; слѣдовательно всѣ стихотворные обороты, всѣ почти риторическія украшенія, тропы и фигуры могутъ имѣть въ ней мѣсто. Надобно только употреблять ихъ съ особеннымъ искусствомъ и благоразуміемъ, смотря по важности предмета и по тому, самъ ли въ баснѣ говоритъ сочинитель, или животныя и другіе актеры». Какъ образецъ такого искуснаго употребленія риторическихъ украшеній онъ приводитъ послѣдніе три стиха (*Соч.* т. II, стр. 678).

Такимъ образомъ переводъ, сдѣланный въ 1806 году, Крыловъ обработалъ окончательно только въ 1830; при этомъ дол-

жно замѣтить, что послѣдняя редакція гораздо ближе къ Ла Фонтеновой баснѣ, чѣмъ первая.

Ла Фонтенъ заимствовалъ эту басню у Эзопа, у котораго она носитъ заглавіе: «Трость и Олива» (переводъ Мартынова, № 142); уже Ла Фонтенъ замѣнилъ Оливу Дубомъ и озаглавилъ басню: «Le Chêne et le Roseau» (l. I, f. XXII). Изъ русскихъ писателей переводили ее: Сумароковъ (кн. I, притча 5), Княжнинъ («Сочиненія», изд. Смирдина, 1848 т. II, стр. 537,) и Дмитріевъ (кн. I, б. 1) подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Дубъ и Трость».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Le Chêne et le Roseau.

(Ла Фонтена.)

Le chêne un jour dit au roseau:
Vous avez bien sujet d'accuser la nature;
Un roitelet pour vous est un pesant fardeau:
Le moindre vent qui d'aventure
Fait rider la face de l'eau
Vous oblige à baisser la tête;
Cependant que mon front, au Caucase pareil,
Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave l'effort de la tempête.
Tout vous est aquilon, tout me semble zéphyr.
Encor si vous naissiez à l'abri du feuillage
Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir:
Je vous défendrais de l'orage;
Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.
La nature envers vous me semble bien injuste.
Votre compassion, lui répondit l'arbuste,
Part d'un bon naturel; mais quittez ce souci:
Les vents me sont moins qu'à vous redoutables;
Je plie, et ne romps pas. Vous avez jusqu'ici
Contre leurs coups épouvantables
Résisté sans courber le dos;
Mais attendons la fin. Comme il disait ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le nord eût portés jusquè-là dans ses flancs.

L'arbre tient bon; le roseau plie.
Le vent redouble ses efforts,
Et fait si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine,
Et dont les pieds touchaient à l'empire des morts.

II. Разборчивая невѣста.

О появленіи въ печати этой б. см. примѣч. I. Идею б. «La Fille», которую Крыловъ перевелъ подъ означеннымъ заглавіемъ, Ла Фонтенъ заимствовалъ, какъ думаетъ Валькнэеръ, изъ слѣдующей эпиграммы Марціала (l. V, е. 17):

In Gelliam.

Dum proavos, atavosque refers, et nomina magna;
Dum tibi noster eques sordida conditio est;
Dum te posse negas nisi lato, Gellia, clavo
Nubere: nupsisti, Gellia, cistifero. *

Въ изданіи басенъ Ла Фонтена, явившемся при его жизни, эта басня соединена съ другою: «Le Héron» **, и только въ посмертныхъ изданіяхъ стали ихъ раздѣлять, не смотря на то, что заключительные стихи б. «Le Héron»:

. . . Ce n'est pas aux hérons
Que je parle: écoutez, humains, un autre conte:
Vous verrez que chez vous j'ai puisé ces leçons. —

органически связываютъ ее съ б. «La Fille».

Вслѣдствіе такого раздѣленія эта басня и въ нашей литературѣ является независимою отъ предыдущей.

---

* Т. е. Между тѣмъ, какъ ты, Геллія, толкуешь о прадѣдахъ и прапрадѣдахъ и великихъ именахъ; между тѣмъ какъ (званіе) нашего всадника (кажется) тебѣ низкимъ положеніемъ; между тѣмъ какъ тебѣ, по твоимъ словамъ, не возможно выйдти иначе за-мужъ, какъ за сенатора; (на самомъ дѣлѣ) Геллія, вышла ты за носильщика.

** Содержаніе ея слѣдующее: Проходя вдоль рѣки, цапля увидѣла карпій и щуку; но такъ какъ для нея не наступило еще время обѣда, то она оставила ихъ безъ вниманія. Когда же у нея явился апетитъ, она снова подошла къ рѣкѣ; но на этотъ разъ стали являться все рыбы низшаго достоинства, такъ что цапля заключила, что на такую дрянь и клюва разѣвать не стоитъ. Кончилось тѣмъ, что ей пришлось удовлетвориться улиткою (l. VII, f. IV).

Гр. Хвостовъ, также переводившій ее, замѣчаетъ (т. 4, б. VII; примѣч. 5), что она была переведена имъ «около 1785 года и напечатана во всѣхъ изданіяхъ». Но надо думать, что Крыловъ вовсе не имѣлъ въ виду этого перевода, когда самъ переводилъ; потому что при самомъ тщательномъ сличеніи невозможно уловить ни одной общей черты, кромѣ развѣ риѳмы: *спесива* и *прихотлива*, которую находимъ у обоихъ писателей, что впрочемъ можетъ быть объяснено простою случайностію.

Въ содержаніи и въ расположеніи Крыловъ не сдѣлалъ никакого существеннаго измѣненія; онъ внесъ нѣсколько національныхъ чертъ, которыя легко усматриваются при сличеніи съ подлинникомъ. Жуковскій причислилъ ее къ разряду лучшихъ изъ 23 басенъ, явившихся въ 1809 г., но не вошелъ въ подробный разборъ ея достоинствъ («Сочиненія», т. VII, стр. 98).

Невѣста-дѣвушка смышляла [a] жениха.
Тутъ нѣтъ еще грѣха;
Да [b] вотъ что грѣхъ: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ [c]
(Красавица была немножко прихотлива): [d]
Ну, чтобы все имѣлъ. Кто жъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть. [1]
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,

[a] ...смѣкала... (Моск. Зр.). [b] А...
[c] Не вѣтренъ, не угрюмъ, имѣлъ бы милліонъ,*
И въ лентахъ . . .
[d] Вм. этого стиха: Къ середнему всему была она брюзглива.

[1] Эти девять строкъ у Ла Фонтена нѣсколько иначе, хотя общій смыслъ остается тотъ же:

Certaine fille, un peu trop fière,
Prétendait trouver un mari
Jeune, bien fait, et beau, d'agréable manière,
Point froid et point jaloux: notez ces deux points-ci.
Cette fille voulait aussi
Qu'il eût du bien, de la naissance,
De l'esprit, enfin tout. Mais qui peut tout avoir?

* Ср. съ 6-мъ стихомъ Ла Фонтена.

Презнатные катили къ ней на дворъ. [2]
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;
А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки! [3]
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ? [e]
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ
А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль [f], карманы пусты;
То носъ широкъ [4], то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ; [5]
Ну, не придетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, — годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи середней [g] ужъ руки. [6]
Какіе простаки! [h]
Твердитъ красавица: по нихъ ли я невѣста!
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста! [i]
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ? [j]

. . . . изъ этихъ жениховъ?
И думать смѣхъ: тотъ малъ, а тотъ безъ орденовъ;
У этого въ мозгу всѣ норки пусты,
То носъ широкъ *и проч.* (Моск. Зр.)

[f] . . . всѣ . . . (1809). [g] . . . средней . . . (1811).

[h] . . . дураки. (1809, 11). [i] . . . Затѣи, право, не у мѣста (Моск. Зр.)

[j] Пойду ли я за этихъ чудаковъ. (Моск. Зр.)

«*Размышленія* (les Réflexions) должны быть кратки, а болѣе всего естественны», замѣчаетъ Измайловъ. «Хотя главная истина въ баснѣ должна быть всегда одна, но сіе не препятствуетъ баснописцу въ продолженіе повѣствооанія упоминать краткимъ образомъ въ приличныхъ мѣстахъ и о другихъ постороннихъ истинахъ. Надобно только дѣлать сіе такъ, чтобы вовсе не было видно тутъ ни малѣйшаго принужденія, чтобы сіи постороннія истины, или размышленія, казались необходимо нужными и заключались въ немногихъ словахъ». Какъ образецъ такихъ *размышленій* онъ приводитъ ст. 6—7 и ниже 45 (*Соч.*, т. II, стр. 666).

[2] У Ла Фонтена: Le Destin se montra soigneux de la pourvoir:
Il vint des partis d'importance.

[3] Эта мысль у Ла Фонтена выражена такъ:
La belle les trouva trop chétifs de moitié.

[4] У Ла Фонтена: L'autre avait le nez fait de cette façon-là.

[5] У Ла Фонтена: C'était ceci, c'était cela.

[6] У Ла Фонтена: Après les bons partis, les médiocres gens
Vinrent se mettre sur les rangs.

Какъ будто бъ я себя замужствомъ торопила;
Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно; [7]
Такъ за-мужъ кинуться ничуть [k] мнѣ не пристойно.
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ. [8]
Еще минулъ годокъ [l]; еще уплылъ годъ цѣлой:
Къ ней свахъ никто не шлетъ. [m]
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считатъ своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
Та за-мужемъ давно, другую [n] сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть [o] въ красавицыну грудь. [9]
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ; тамъ живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость [p], рѣзвости какъ будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:
А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ! [10]
Вотъ тутъ спесивица [q] перемѣняетъ тонъ. [11]

[k] . . . совсѣмъ. (Моск. Зр.) [l] Еще скончался годъ . . . (М. Зр.).
[m] Въ изд. 1809 г. этотъ стихъ пропущенъ.
[n] . . . иную . . . (М. Зр.). [o] Закралася тоска . . . (М. Зр.).
[p] Улыбки . . . (до изд. 1825). [q] . . . красавица . . . (М. Зр.).

---

[7] У Ла Фонтена: . . . . Ils pensent que je suis
Fort en peine de ma personne:
Grâce à Dieu, je passe les nuits
Sans chagrin, quoique en solitude.

[8] У Ла Фонтена этотъ и слѣдующій стихи:
. . . . adieu tous les amants.
Un an se passe, et deux . . .

[9] У Ла Фонтена: Le chagrin vient ensuite . . (Ср. вар. o).

[10] Все это изображеніе перемѣнъ у Ла Фонтена сжато въ слѣд. три стиха:
. . . . elle sent chaque jour
Déloger quelques Ris, quelques Jeux, puis l'Amour;
Puis ses traits choquer et déplaire.

[11] У Ла Фонтена: Sa préciosité changea lors de langage.

Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться: [12]
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ, [г]
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку, [д]
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла:
И рада-рада ужъ была, [13]
Что вышла за калѣку.

[г] Какъ женщина на насъ ни искоса глядитъ (до изд. 1815 г,)

[д] Заключительные 5 стиховъ, редактированные окончательно при изд. 1815 г., были измѣнены два раза:

— Соскуча жизнь вести унылу, одинову,
Красавица ко браку
Кратчайшій путь взяла —
И рада *и проч.* (Моск. Зр.)
— Соскуча жизнь вести унылу, одинову,
Съ калѣкой наконецъ она вступила въ бракъ
И ужъ судила такъ:
Не всяко лыко въ строку. (1811).

---

[12] У Ла Фонтена: Son miroir lui disait: Prenez vite un mari.

[13] У Ла Фонтена: Se trouvant à la fin tout aise et tout heureuse
De rencontrer un malotru.

III. Старикъ и трое молодыхъ. *)

Переводъ б. Ла Фонтена Le Vieillard et les trois jeunes Hommes, содержаніе которой, по указанію Велькнэера, заимствовано у Абстеміуса (De Viro decrepito arbores inserente). Басня Крылова напечатана въ первый разъ съ полною подписью въ «Московскомъ Зрителѣ» за Февраль 1806 г. ч. 2, стр. 70; потомъ съ весьма значительными перемѣнами въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. I, № 10, стр. 88, гдѣ подписана буквою *К.*; отсюда перешла въ изданіе 1809 г. и послѣдующія, и подобно б. «Дубъ и Трость», окончательно редактирована въ 1825 г. Приводимъ послѣднюю редакцію, отмѣчая варіанты, заимствованные изъ всѣхъ перепечатокъ, начиная съ 1808 года, и изъ двухъ рукописей, изъ коихъ одна содержитъ переработку первыхъ 27 строкъ, а вторая 22. Первую же редакцію, напечатанную въ

---

*) Заглавіе взято у Дмитріева (кн. IV, б. XVIII).

«Московскомъ Зрителѣ», имѣющую мало общаго съ послѣдней, для большаго удобства, помѣщаемъ въ концѣ.

Старикъ садить сбирался деревцо. [a] [1]
Ужъ пусть бы строиться, да какъ садить въ тѣ лѣта, [b] [2]
Когда ужъ смотришь вонъ [c] изъ свѣта!
Такъ, старику смѣясь въ лицо, [d]

[a] Какой-то старичекъ развесть задумалъ садъ (до 1815).
— Старикъ сажалъ, копаясь, деревца (р.).

[b] Пускай бы строиться! да какъ сажать въ тѣ лѣта (до 1815).
— Добро бы (р.). У Дмитріева то же.

[c] . . . вонъ глядишь . . . (до 1815).

[d] Вмѣсто 11 стиховъ, отъ 4 до 14:

Какой тутъ складъ?
Ну, право, дожилъ ты, старинушка, до дѣтства!
Не двѣсти жъ лѣтъ въ твоемъ написано вѣку!
Такъ говорили старику
Три взрослыхъ молодца изъ ближняго сосѣдства,
И продолжали такъ, смѣясь его трудамъ:
Признайся самъ,
Что эти замыслы не по твоимъ годамъ;
А лучше бы тебѣ молиться дома Богу
Объ отпускѣ грѣхамъ своимъ.
Да собираться понемногу
Очистить мѣсто здѣсь другимъ.
Оставь ты молодымъ заботы,
Гдѣ такъ медлительно идутъ къ концу работы;
Намъ можно-таки отъ трудовъ
Черезъ полвѣка ждать плодовъ;
А въ старости глубокой, хилой
Приличнѣе всего знакомиться съ могилой. (Др. В.)

— Съ 10 до 16 изъ приведенныхъ стиховъ въ изд. 1809 г.:

Объ отпускѣ грѣховъ своихъ,
Да собираться по немногу
Очистить мѣсто для другихъ.
Ну что тебѣ охоты
Черезъ полвѣка ждать успѣха отъ работы.
Оставь ужъ молодымъ такія ты заботы.
Намъ можно позволять
Себя столь дальнею надеждою ласкать.

— Да собираться бы въ могилу понемногу,
А мѣсто бъ здѣсь свое очистить для другихъ, *и проч.* (изд. 1811).

---

[1] У Ла Фонтена: Un octogénaire plantait.

[2] У Ла Фонтена: Passe encor de bâtir; mais planter à cet âge!

Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали. [e]
Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали, [f]
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ. [3]
Не ужъ ли будешь ты второй Маѳусаилъ?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебѣ ли затѣвать толь дальніе разсчеты? [4]
Едва ли для тебя текущій вѣренъ часъ. [g] [5]
Такіе замыслы простительны [h] для насъ: [6]
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью и силой, [i]
А старику пора знакомиться съ могилой. —
Друзья, смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:
Издѣтства я къ трудамъ привыкъ; [k]
А если отъ того, что дѣлать начинаю, [l]
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю:
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь. [m]
Кто добръ, не все къ своей лишь прибыли трудится; [n]
Сажая деревцо, [o] и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни [p] не дождусь;
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится, [q] [7]
И это для меня ужъ плодъ. [r] [8]

[e] Три говорятъ ему сосѣднихъ молодца (1-ая р.).
— Смѣялись три ему сосѣднихъ молодца (1-ая р.).

[f] Чтобъ пользу принесла тебѣ работа эта (р.).

[g] Когда и будущій тебѣ не вѣренъ часъ (р.).
Ср. Дмитріева: Ровесникамъ твоимъ и настоящій часъ не вѣренъ.

[h] . . . годятся лишь . . .   [i] Мы въ цвѣтѣ юности и силы (р.).

[k] Къ трудамъ изъ дѣтства я привыкъ (до 1819).

[l] А если отъ трудовъ, которы начинаю (1809).

[m] За тѣ труды еще охотнѣй я берусь (1819).

[n] Вмѣсто этого стиха:
По что же вамъ дивиться (Др. В.)
Чему же вамъ дивиться (до 1819).

[o] Садъ этотъ разводя . . . (до 1819).

[p] Что если тѣни сихъ деревьевъ . . . (до 1819).

[q] . . . прохладится (до 1819).

[r] Въ изд. до 1819 г. этого стиха нѣтъ.

---

[3] У Ла Фонтена: Quel fruit de ce labeur pouvez-vous recueillir?
Autant qu'un patriarche il vous faudrait vieillir.

[4] У Ла Фонтена: Quittez le long espoir et les vastes pensées.

[5] Ср. варіантъ g.

[6] У Ла Фонтена: Tout cela ne convient qu'à nous.

[7] У Ла Фонтена: Mes arrière-neveux me devront cet ombrage.

[8] У Ла Фонтена: Cela même est un fruit que je goûte aujourd' hui.

Да можно ль [s] и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ? [9]
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, [t] что вашъ и ближе часъ.
И что сыра земля покроетъ прежде васъ. —
Какъ имъ сказалъ старикъ, такъ послѣ то и было: [10]
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ.
Надеждой счастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца, — все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока [u] власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залѣчили. [11]
Узнавши о кончинѣ ихъ, [v]
Нашъ добрый старичекъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

[s] Да льзя ли . . . (1811). [t] А можетъ быть . . . (Др. В.).
[u] . . . пороковъ . . . [v] Узнавъ кончину ихъ.

---

[9] У Ла Фонтена эта мысль выражена иначе:

Qui de nous des clartés de la voûte azurée
Doit jouir le dernier?

[10] Заключеніе совершенно сходно съ оригиналомъ по мысли, но различается въ выраженіи ея:

Le vieillard eut raison: l'un des trois jouvenceaux
Se noya dès le port, allant à l'Amérique;
L'autre, afin de monter aux grandes dignités,
Dans les emplois de Mars servant la république,
Par un coup imprévu vit ses jours emportés;
Le troisième tomba d'un arbre
Que lui-même il voulut enter;
Et, pleurés du vieillard, il grava sur leur marbre
Ce que je viens de raconter.

[11] Въ этомъ саркастическомъ замѣчаніи о докторахъ выразилось недовѣріе, съ которымъ Крыловъ во всю жизнь относился къ медикамъ и ихъ теоріямъ (см. Лобанова, стр. 62, а также Быстрова, который замѣчаетъ, что «Иванъ Андреевичъ не любилъ медицины; чтеніе глупыхъ романовъ замѣняло ему лѣкарства» (Сѣверн. Пчела, 1845, № 63); это впрочемъ не мѣшало ему вѣрить въ симпатіи и исполнять самые нелѣ-

ные совѣты старухъ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но еще до выхода въ отставку Крыловъ заболѣлъ рожей, которая помѣстилась у него на лицѣ. Приглашенный поутру врачъ прописалъ ему лѣкарства и вечеромъ, проѣзжая мимо дома публичной библіотеки, пожелалъ взглянуть на своего знаменитаго паціента. Что жъ онъ увидѣлъ? Больной сидѣлъ на томъ же креслѣ, гдѣ онъ его оставилъ утромъ; но все его лицо было завѣшено краснымъ сукномъ, въ которомъ были прорѣзаны двѣ дырочки для глазъ. — Къ чему вы это дѣлаете? спросилъ его докторъ. — Да вотъ онѣ говорятъ, что это помогаетъ, отвѣчалъ Крыловъ, указывая на какихъ-то женщинъ, сидѣвшихъ въ сосѣдней комнатѣ. Доктору стоило большаго труда увѣрить его, что лѣкарства дѣйствительнѣе краснаго сукна. (Слышано отъ доктора, къ которому Крыловъ обратился въ этомъ случаѣ).

Старикъ и трое молодыхъ.

(Первая редакція, напечатанная въ «Московскомъ Зрителѣ»).

Какой-то старичекъ развить задумалъ садъ. [1]
«Пускай бы строиться — да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда уже нога занесена изъ свѣта? [2]
Какой тутъ складъ!
Ну, право, дѣдушка, ты дожилъ ужъ до дѣтства: [3]
Не двѣсти жъ лѣтъ въ твоемъ написано вѣку!» [4]
Такъ говорили старику
Три взрослыхъ молодца изъ ближняго сосѣдства — [5]
И продолжали такъ, смѣясь его трудамъ:
«Затѣялъ дѣло ты не по своимъ годамъ,
А лучше бъ ты молился дома Богу
Объ отпускѣ грѣхамъ своимъ,
Да собирался бъ понемногу
Очистить мѣсто здѣсь другимъ;
И замыслы свои, держась разсудка правилъ,
Для нашихъ ты бъ ровесниковъ оставилъ. [6]
Лишь въ нашемъ возрастѣ не бѣгаютъ работъ,
Съ которыхъ надобно полвѣка ждать плодовъ;

[1] У Ла Фонтена: Un octogénaire plantait.

[2] У Ла Фонтена: Passe encor de bâtir; mais planter à cet âge!

[3] У Ла Фонтена: Assurément il radotait.

[4] Эта мысль у Ла Фонтена выражена слѣдующимъ стихомъ:
Autant qu'un patriarche il vous faudrait vieillir.

[5] У Ла Фонтена: Disaient trois jouvenceaux, enfants du voisinage.

[6] Предыдущіе семь стиховъ Крылова соотвѣтствуютъ слѣдующимъ пяти Ла Фонтена:

A quoi bon charger votre vie
Des soins d'un avenir qui n'est pas fait pour vous?
Ne songez désormais qu'à vos erreurs passées;
Quittez le long espoir et les vastes pensées;
Tout cela ne convient qu'à nous.

А въ старости глубокой, хилой
Приличнѣе всего знакомиться съ могилой.»
«Друзья!» смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:
Къ трудамъ отъ мягкихъ я ногтей моихъ привыкъ; [7]
Но часто не себѣ я только въ вѣкъ свой сѣялъ.
Не одного себя я въ жизнь мою лелѣялъ;
И трудъ тотъ былъ всегда по сердцу моему,
Гдѣ видѣлъ пользу я не мнѣ лишь одному.
Чему же вамъ дивиться?
Садя теперь, и той я мыслью веселюсь,
Что если тѣни сихъ деревьевъ не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда ихъ тѣнью прохладится. [8]
Да льзя ли и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ: [9]
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу
Иль на пригожство лицъ?
Ахъ! сколько въ старости прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я проводилъ въ могилу . . .
Не смѣйтеся! . . а можетъ быть,
Вамъ прежде моего лежать въ земной утробѣ! . .
И можетъ быть, на вашемъ сидя гробѣ,
Придется нѣсколько зарей мнѣ проводить.» — [10]
Какъ напророкъ старикъ, такъ точно послѣ было; [11]
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Улыбкой счастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца, — все море поглотило;
Другой, за славою гонясь, въ чужой землѣ
Палъ въ брани — въ честь себѣ, а матери — къ страданью;
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И занемогъ; быть можетъ, живъ бы былъ,
Но добрый врачъ его поторопилъ
Послѣднею природѣ данью.
Нашъ старичекъ на гробѣ ихъ
Оплакалъ всѣхъ троихъ.

[7] Отъ мягкихъ . . . ногтей. — Это выраженіе, нѣсколько впрочемъ измѣненное: *отъ младыхъ ногтей*, Снегиревъ относитъ къ числу нашихъ старинныхъ выраженій, заимствованныхъ изъ греческихъ (ἀπὸ τῶν ἁπαλῶν ὀνύχων) и латинскихъ писателей (a teneris unguiculis) (*Русск. въ своихъ послов.* кн. I, стр. 87, М. 1831). Такое выраженіе дѣйствительно встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, напр. въ «Посланіи Никыфора, митр. кіевск., къ в. к. Володимѵру» * и въ «Пов. объ Ульяніи Муром.» (*Пам. стар. русск. литер.*, вып. I) **.

[8] У Ла Фонтена: Mes arrière-neveux me devront cet ombrage.

[9] Ср. выше примѣч. 9-е.

[10] У Ла Фонтена: Je puis enfin compter l'aurore
Plus d'une fois sur vos tombeaux.

[11] Ср. выше примѣчаніе 10.

---

* …изъ младъ ногтій очисти. **) … отъ младыхъ ногтей Бога возлюби …

1808.

IV. Ворона и Лисица.

Сюжетъ этой б. заимстованъ у Ла Фонтена (Le Corbeau et le Renard, кн. I, б. 2), который въ свою очередь заимствовалъ ее у Эзопа (см. № 204, переводъ Мартынова) и Федра (кн. I, б. 13); изъ русскихъ писателей раньше Крылова переводили эту б. Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Воронъ и Лисица» («Сочиненія», т. I, стр. 218), и Сумароковъ два раза, подъ заглавіемъ: »Ворона и Лисица» (кн. II, притча XXX) и «Ворона и Лиса» (кн.V; притча VI). Басня Крылова * въ первый разъ напечатана въ

*) Кенигъ въ своихъ «Очеркахъ русской литературы» (68 стр. русск. перев.) говоритъ, что Крыловъ въ отношеніяхъ своихъ къ гр. Хвостову уподоблялся этой Лисицѣ: онъ долго и терпѣливо выслушивалъ его стихи, похваливалъ ихъ, а потомъ «у довольнаго графа выпрашивалъ въ-займы денегъ». Къ такому разсказу, ничѣмъ не подтверждающемуся, Кенигу, вѣроятно, подалъ поводъ слѣдующій анекдотъ, разсказанный Бантышомъ-Каменскимъ, со словъ Дмитрія Ивановича Языкова, слышавшаго его отъ самого Крылова: «Однажды пришелъ къ послѣднему пріятель его Ок. и уговорилъ Крылова отправиться вмѣстѣ къ гр. Хвостову. Посѣщеніе ихъ чрезвычайно обрадовало неутомимаго стихотворца. «Садитесь, господа», сказалъ онъ въ кабинетѣ: «я прочту вамъ новое свое произведеніе». «Нѣтъ, не сядемъ», отвѣчалъ Ок. «пока не ссудишь ты меня двумя стами рублями».—Хвостовъ отговаривался. — «Прощай», сказалъ Ок. съ досадою, и пригласилъ Крылова послѣдовать его примѣру. — «Останьтесь, выслушайте!» сказалъ хозяинъ еще съ бо̀льшимъ неудовольствіемъ: «право не будете раскаяваться». — «Дай двѣсти рублей», продолжалъ Ок.: «останемся.»—«Дамъ, но выслушайте напередъ.» — «Нѣтъ, братъ, не проведешь: дай двѣсти рублей, а тамъ читай, сколько тебѣ будетъ угодно».—«И вы останетесь у меня, будете слушать»?—«Останемся и будемъ слушать». — Деньги отсчитаны, гости усѣлись у окна, близъ двери,

«Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. I, № 1, стр. 16, и окончательно редактирована при изданіи 1815 г. Въ предыдущихъ перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 4—6: Ворона, сидя на суку,
Сбиралась ужъ клевать кусочекъ свой сырку (1808, 9).
17: Какой умильненькій носокъ (1808, 9).
21: Єпой, свѣтикъ, не стыдись! Будь съ Лисынькой дружнѣе.
Я чай, вѣдь соловья ты чище и нѣжнѣе. —
Вѣщуньина *и проч.* (1808).
— Я чай, вѣдь ты поешь и соловья нѣжнѣе (1809, 11).
23: .... духъ .... (1809).
24: И, вздумавъ оправдать Лисицыны слова (1808).
— Тутъ на привѣтливы лисицыны слова (1811).

Къ ст. 2: На ель Ворона....

Уже Сумароковъ замѣнилъ въ этой баснѣ *Вòрона* прежнихъ баснописцевъ, болѣе подходящею къ этому сюжету птицею, *Вороною*, что совершенно согласно съ народнымъ представленіемъ. (См. *Словарь* Даля, вып. II, стр. 215).

Къ ст. 4—7: Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру...
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
У Ла Фонтена: Maître corbeau, sur un arbre perché.
Tenait en son bec un fromage.

Къ ст. 9: Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
У Ла Фонтена: Maître renard, par l'odeur alléché, ...

Къ ст. 14: Голубушка, какъ хороша!
У Ла Фонтена: Que vous êtes joli!

Къ ст. 19—21: Что, ежели, сестрица....
Вѣдь ты бъ была у насъ царь-птица!
У Ла Фонтена: .... si votre ramage
Se rapporte à votre plumage,
Vous êtes le phénix des hôtes de ces bois.

хозяинъ началъ чтеніе съ жаромъ, свойственнымъ поэту. Долго продолжалось оно. Выведенный изъ терпѣнія Ок. сказалъ на ухо Крылову: «Уйдемъ, право, нѣтъ силъ!» — Крыловъ совѣтовалъ дождаться конца. Ок. удалился потихоньку, потомъ Крыловъ; но послѣдній, вышедши, остановился за дверью, ожидая развязки.—«Не правда ли, друзья», произнесъ наконецъ стихотворецъ, прервавъ свое чтеніе, «что это стихъ геніяльный!» и не слыша отвѣта, оглянулся, вскрикнувъ съ сердцемъ: «Ахъ, проклятые, они ушли!» Тогда Крыловъ бросился бѣжать, не оглядываясь назадъ». (Библ. для Чт. 1845, т. 69, отд. III, стр. 11). Очень можетъ быть, что Кёнигу былъ не точно переданъ этотъ разсказъ, и онъ приписалъ Крылову поступокъ его пріятеля, въ которомъ также нельзя видѣть сходства со вкрадчивою Лисицею.

Для сравненія приводимъ стихи Сумарокова, соотвѣтствующіе 14—21 стихомъ б. Крылова:

Дружокъ, воронушка, названная сестрица:
Прекрасная ты птица,
Какія ноженьки, какой носокъ;
И можно то сказать тебѣ безъ лицемѣрья,
Что паче всѣхъ ты мѣръ, мой свѣтикъ, хороша;
И попугай ничто передъ тобой, душа;
Прекраснѣе сто кратъ твои павлиньихъ перья:
Нелѣстны похвалы пріятно намъ терпѣть:
Естьли бы еще умѣла ты и пѣть!
Такъ не былобъ тебѣ подобной птицы въ мірѣ.

Къ ст. 22—23: Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
От радости въ зобу дыханье сперло...

Эти два стиха передаютъ слѣдующую мысль Ла Фонтена:
A ces mots le corbeau ne se sent pas de joie.

V. Лягушка и Волъ.

Переводъ б. Ла Фонтена: La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Boeuf, который могъ заимствовать ее у Федра (кн. I, б. 24) или у Горація (кн. II, sat. 3)*. Изъ русскихъ писателей Сумароковъ перевелъ ее два раза подъ слѣдующими заглавіями: «Лагушка» (кн. IV, пр. XXXI) и «Возгордѣвшая Ля-

---

*) Вотъ это мѣсто Гораціевой сатиры:

Разъ лягушонка теленокъ ногой раздавилъ; ускользнувши
Въ сильномъ испугѣ, другой разсказывать матери началъ,
Что товарища звѣрь растопталъ! — «А великъ ли?» спросила
Мать, надуваясь: «будетъ такой?» — Нѣтъ! тотъ вдвое былъ больше!
«А такой?» мать спросила, надувшись еще. — Нѣтъ! хоть лопни,
Все не будешь съ него.
(Сатиры Горація, переводъ Дмитріева, М. 1858).

Въ сатирѣ педантъ Дамазиппъ сравниваетъ съ надувающеюся лягушкою Горація, укоряя его въ страсти строить (откуда у Ла Фонтена: bâtir), т. е. подражать людямъ высокимъ.

Ср. такъ же пословицу: «Не бывать бычкомъ лягушкѣ, больше въ деньгѣ есть цѣны, нежели въ полушкѣ». (*Русск. нар. послов.* Снегирева, стр. 260).

гушка» (кн. VI, пр. XXIII). Переводъ Крылова въ первый разъ напечатанъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808, ч. I, № 2, стр. 2, съ подписью *К.* и безъ нравоученія, которое появилось въ изд. 1815 г. Въ предшествующихъ изд. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Смотрит-ко...: (1809, 11). 8: Что каково? (Др. В.).
9: Прибавиласъ ли я? 10: Ну, а теперь? (Др. В.).
13: Съ натуги околѣла (Др. В. и изд. 1809).

Къ ст. 1—4: Лягушка на лугу увидѣвши вола....
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.

У Ла Фонтена: Une grenouille vit un boeuf
Qui lui sembla d'une belle taille,
Elle, qui n'était pas grosse en tout comme un oeuf,
Envieuse, s'étend, et s'enfle, et se travaille
Pour égaler l'animal en grosseur.

Къ ст. 5—10: Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?...
Ну какъ теперь? — Все то жъ. —

Эта часть разсказа довольно близка къ подлиннику, какъ по содержанію, такъ и по формѣ:

.... Regardez bien, ma soeur:
Est-ce assez? dites-moi; n'y suis-je point encore?
Nenni. — M'y voici donc? — Point du tout. — M'y voila?
Vous n'en approchez point.

Къ ст. 13: Съ натуги лопнула, и околѣла.

У Ла Фонтена: .... La chétive pécore
S'enfla si bien qu'elle creva.

Къ ст. 14—17: Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ....
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

Мысль нравоученія та же, но выражена въ другой формѣ:

Le monde est plein de gens qui ne sont pas plus sages:
Tout bourgeois veut bâtir comme les grands seigneurs,
Tout petit prince a des ambassadeurs
Tout marquis veut avoir des pages.

VI. Ларчикъ.

По времени появленія въ печати это первая оригинальная басня Крылова. Въ первый разъ она была напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808 г. ч. I, № 6, стр. 56, и, подобно всѣмъ другимъ баснямъ, явившимся въ этомъ журналѣ, подписана буквою *К*. По словамъ С. П. Жихарева («Дневникъ Чиновника, Отеч. Зап». 1855 г. за октябрь, стр. 363), Крыловъ написалъ эту басню въ 1807 г. и читалъ ее около 19 мая у кн. Шаховскаго. Замѣчательно, что первое оригинальное произведеніи Крылова подверглось гораздо меньшимъ перемѣнамъ, чѣмъ всѣ предыдущія заимствованныя басни и многія послѣдующія.

Ст. 5-й: Къ кому-то принесли Ларецъ (Др. В.).
6-й: .... метался (до изд. 1819).
8-й: Какъ .... (вм. *Вотъ* ....) (1819).

VII. Левъ на Ловлѣ.

Содержаніе и форму разсказа Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена: La Genisse, la Chèvre, et la Brebis, en société avec le Lion, которую въ свою очередь Ла Фонтенъ заимствовалъ у Федра (кн. I, б. 5); б. послѣдняго имѣетъ близкое сродство съ б. Эзопа: «Левъ и дикій Оселъ» (№ 225, перев. Мартынова); но Крыловъ измѣнилъ дѣйствующихъ лицъ, и въ первомъ изданіи, въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. (ч. I, № 12, стр. 95), его басня явилась подъ заглавіемъ: «Левъ, Собака, Лисица и Волкъ»; настоящее же заглавіе выставлено въ изданіи 1809 г. Замѣнивъ корову, овцу и козу собакою, лисицею и волкомъ, Крыловъ избѣжалъ порицаній критики, которымъ часто подвергался Ла Фонтенъ, и приблизилъ нѣсколько свою басню къ слѣдующему эпизоду въ «Roman du Renart»: Со львомъ въ обществѣ были волкъ и лисица, и пришлось имъ дѣлить быка, корову и теленка. Волкъ предложилъ отдать быка льву, ягненка лисицѣ, а корову предназначилъ себѣ. Въ отвѣтъ на это, левъ

растерзалъ его и предложилъ дѣлежъ лисицѣ. Та отдала быка льву, корову—львицѣ, а теленка—ихъ сыну. Левъ остался очень доволенъ и спросилъ ее, какъ она научилась такъ хорошо дѣлить. Лисица отвѣчала ему, указывая на волка, у котораго голова была растерзана и висѣла кожа: «Мой учитель тотъ, котораго вы видите съ краснымъ воротникомъ». Эпизодъ этотъ заимствованъ изъ басни Эзопа: «Левъ, Лисица и Оселъ» (№ 38 перев. Мартынова), которая передѣлана Сумароковымъ подъ заглавіемъ «Раздѣлъ» (кн. III, притча XVI). Эту басню перевели: Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: Левъ, Телица, Коза и Овца («Сочиненія», т. I, стр. 223), Сумароковъ «Левъ, Корова, Овца и Коза» (кн. I, пр. XXXV) и Хемницеръ, который озаглавилъ ее «Дѣлежъ Львиный» (изд. Смирдина, б. LIX) и ввелъ въ разсказъ новое лицо—Осла, почему Льву пришлось дѣлить добычу на пять частей. Подобнаго содержанія басни находимъ у В. Н. Майкова, подъ заглавіемъ: «Медвѣдь, Волкъ и Лисица» (ч. I, б. 9), и у Державина, для котораго, по мнѣнію Я. К. Грота, первая послужила источникомъ (см. «Сочиненія Державина», академич. изд., т. III, стр. 540—1); но обѣ онѣ значительно отличаются отъ б. Федра обстановкою и тѣмъ, что Лиса предлагаетъ найденный полоть ветчины отдать тому, кто старше. — При перепечаткахъ б. эта поверглась слѣдующимъ незначительнымъ измѣненіямъ:

Ст. 5: Зарокъ всѣ положили (1808, 9),
— Они зарокъ всѣ положили (1811).
10: И ну скорѣй къ товарищамъ пословъ (1808—19).

Къ ст. 7: И что наловится, то по-ровну дѣлить.

У Ла Фонтена эта мысль выражена общѣе:

.... mirent en commun le gain et le dommage.

Къ ст. 8—9: Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала.

У Ла Фонтена: Dans les lacs de la chèvre un cerf se trouva pris.

Къ ст. 10: И шлетъ къ товарищамъ пословъ,

У Ла Фонтена: Vers ses associés aussitôt elle envoie

Къ ст. 16—17: И говоритъ: мы, братцы, вчетверомъ,
И на четверо онъ оленя раздираетъ.

У Ла Фонтена:

Et dit: Nous sommes quatre à partager la proie.
Puis en autant de parts le cerf il dépeça

Къ ст. 19—24: Вотъ эта часть моя....
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.

Разсказъ о дѣлежѣ довольно близокъ подлиннику:

Prit pour lui la première en qualité de sire.
Elle doit être à moi, dit-il; et la raison,
C'est que je m'appelle lion;
A cela l'on n'a rien à dire.
La seconde, par droit, me doit échoir encor:
Ce droit, vous le savez, c'est le droit du plus fort.
Comme le plus vaillant, je prétends le troisième.
Si quelqu'une de vous touche à la quatrième,
Je l'étranglerai tout d'abord.

Ср. также у Хемницера:

А за послѣднюю лишь только кто примись,
То тутъ же съ жизнію простись.

VIII. Обезьяны.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808 г. (ч. I, № 12, стр. 103.) съ подписью: *К.*

Хотя Крыловъ не отнесъ этой басни къ числу заимствованныхъ, однакожъ нельзя не замѣтить, что въ индѣйской «Панчатантрѣ» и у Эзопа находимъ басни, основанныя на страсти обезьянъ къ подражанію. Въ «Нравоучительныхъ и политическихъ басняхъ Пильпая» (объ этой книгѣ, см. прим. къ б. XI) разсказывается о столярѣ и обезьянѣ: увидѣвъ, что столяръ кололъ бревно двумя большими клиньями, обезьяна, воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда онъ отошелъ отъ работы, задумала подражать ему; она вынула одинъ клинъ, но не вложила другаго, и бревно защемило ей обѣ ноги. Столяръ, возвратясь, убилъ обезьяну. Отсюда выводится заключеніе: не должно мѣшаться въ постороннія дѣла (стр. 58). Содержаніе б. Эзопа слѣдующее: обезьяна съ высокаго дерева увидѣла, что рыбаки закинули въ рѣку неводъ, и стала замѣчать, что̀ и какъ они дѣлали. Когда они пошли обѣдать, обезьяна попробовала имъ подражать; но запуталась въ сѣти и чуть было не утонула. Отсюда выводъ: «предпринимающій себѣ неприличное не только не получаетъ успѣха, но и вредъ себѣ причиняетъ. (См. переводъ Мартынова, № 293.)

При перепечаткахъ эта басня подверглась слѣдующимъ перемѣнамъ:

Ст. 5: Я вамъ скажу тому примѣръ.... (Др. В.).
28: .... тутъ.... (вм. *имъ*) (до 1819 г.).
29: Что жъ время, говорятъ, терять? (до 1811).
32: Премножество внизу разостлано сѣтей (Др. В.).
34: .... обвиваться (вм. *завиваться*) (Др. В.)
35: Кричать, шумѣть.... (1809).
— Кричатъ, шумятъ.... (1809).

Въ этой баснѣ Крыловъ возвратился къ темѣ, которая въ первомъ періодѣ его литературной дѣятельности давала обильную пищу его сатирѣ. Пристрастіе къ иностранцамъ и слѣпое подражаніе имъ онъ осмѣялъ и въ своихъ прозаическихъ статьяхъ (см. «Почта Духовъ» изд. 1847, т. I), и въ комедіяхъ. Нѣтъ возможности положительно сказать, что̀ именно подало ему поводъ возвратиться къ этому предмету; всего вѣроятнѣе, что онъ осмѣиваетъ здѣсь страсть къ французскимъ модамъ и пристрастіе къ французамъ, усилившееся послѣ Тильзитскаго мира. Къ этому же времени относится и перемѣна формы военныхъ по французскому образцу. «Подражаніе обычаямъ или одѣянію какого нибудь народа всегда въ Россіи есть вѣрнѣйшій признакъ добраго съ нимъ согласія», говоритъ Вигель. «Уже съ сентября мѣсяца начали всю гвардію переодѣвать по-французски; въ слѣдующемъ году это сдѣлано и со всею арміей.... Они (военные) были недовольны: въ новыхъ мундирахъ своихъ они видѣли французскую ливрею, и съ насмѣшливою досадой поглядывая на новое украшеніе свое, на эполеты, говорили, что Наполеонъ у всѣхъ русскихъ офицеровъ сидитъ на плечахъ» («Воспом.», т. III, стр. 7).

IX. Музыканты.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808, ч. I, № 15, стр. 128, и подписана буквою *К*.

Гоголь придавалъ этой баснѣ особенно важное значеніе, находя въ ней выраженіе здраваго взгляда на практическую дѣятельность. Его школьный учитель, большой любитель тишины и порядка, на смерть не любилъ Крылова за то, что тотъ сказалъ: По мнѣ ужъ пей, да дѣло разумѣй («Мертвыя Души», ч. I, гл. XI). Впослѣдствіи онъ весьма опредѣлительно высказалъ свое мнѣніе: «Особенно слышно, какъ онъ (Крыловъ) держитъ

сторону ума, какъ проситъ не пренебрегать умнаго человѣка, но умѣть съ нимъ обращаться. Это отозвалось въ баснѣ «Музыканты», которую онъ заключилъ словами: «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй». Не потому онъ это сказалъ, чтобы хотѣлъ похвалить пьянство, но потому, что заболѣла его душа при видѣ, какъ нѣкоторые, набравши къ себѣ, на мѣсто мастеровъ дѣла, людей Богъ вѣсть какихъ, еще и хвастаются тѣмъ, говоря, что хоть мастерства они не смыслятъ, за то отличнѣйшаго поведенія. Онъ зналъ, что съ умнымъ человѣкомъ все можно сдѣлать и не трудно его обратить къ хорошему поведенію, если сумѣешь умно говорить съ нимъ; но дурака трудно сдѣлать умнымъ, какъ ни говори съ нимъ. «Въ ворѣ, что въ морѣ, а въ дуракѣ, что въ прѣсномъ молокѣ», говоритъ наша пословица («Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, Собр. сочин.» Т. III. стр. 463). Замѣчаніе Плетнева объ этой б. см. при б. «Огородникъ и Философъ».

При перечаткахъ только два стиха этой басни подверглись измѣненіямъ:

Ст. 8-й: И завертѣлась голова (до 1811 г.).
15-й: И я не нахвалюсь ихъ добрымъ поведеніемъ (до 1815).

Къ ст. 16—17. Измѣненная народная пословица: Пей, да дѣло разумѣй! (См. «*Русскія народныя пословицы и притчи*», изд. И. Снегиревымъ, 1848, М. стр. 320). Впрочемъ въ изд. 1831 г., кн. II, стр. 12, Снегиревъ приводитъ эту же пословицу тѣми же почти словами, какъ у Крылова: «По мнѣ хоть пей, да дѣло разумѣй».

X. Парнасъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г., ч. I, № 16, стр. 135; подписана буква *К.* Въ послѣдствіи значительно измѣнена.

Ст. 1—2: Какъ въ Греціи богамъ пришли минуты грозны
И сталъ ихъ колебаться тронъ;
Или, такъ сказать, простѣе взявши тонъ,
Какъ боги выходить изъ моды стали вонъ,

То начали богамъ прижимки дѣлать розны:
Ни храмовъ не чинить, ни жертвъ не отпускать;
Что Боги ни скажи, всему смѣяться;
И даже, гдѣ они изъ дерева случатся,
Самихъ ихъ на дрова таскать.
Богамъ худыя шутки:
Житье тѣснѣе каждый годъ,
И наконецъ имъ сказанъ въ сутки
Совсѣмъ изъ Греціи походъ.
Какъ ни были они упрямы,
Пришло очистить храмы;
Но это не конецъ: давай съ боговъ лупить
Все, что они успѣли накопить.
Не дай Богъ изъ боговъ разжаловану быть!
Угодья божески міряна расхватали.
Когда дѣлить ихъ стали,
Безъ дальнихъ выписокъ и словъ
Кому-то и Парнасъ .... (Др. В.).

4: Хозяинъ сталъ пасти на немъ ословъ (Др. В.)
10: И хочетъ свѣтъ .... (Др. В.).
11—16: Одинъ изъ нихъ, кто болѣ былъ востеръ,
Кричитъ: друзья, робѣть не надо;
Вы видите: насъ цѣлое здѣсь стадо;
То какъ не замѣнить намъ девяти сестеръ?
Подымемъ музыку, составимъ свой мы хоръ).
(Первые три стиха измѣнены при изданіи 1815 г.; послѣдніе при изд. 1825.)
18: То выдадимъ указъ (Др. В.).
20: Тому быть приняту не можно на Парнасъ (Др. В.).
24: Какъ будто заскрипѣлъ обозъ (до 1811).

Внимательное изученіе этого замѣчательнаго произведенія нашего баснописца приводитъ къ убѣжденію, что оно было вызвано какимъ нибудь современнымъ общественнымъ явленіемъ. Но какимъ именно? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только предположительно. Всѣ наши изслѣдованія привели насъ къ догадкѣ, и мы рѣшаемся высказать ее единственно потому, что надѣемся, это побудитъ интересующихся этимъ предметомъ къ новымъ изысканіямъ, которыя, можетъ быть, откроютъ неопровержимую истину.

По времени появленія эта басня близка къ одному изъ замѣчательныхъ событій первой половины царствованія имп. Александра I, именно: къ удаленію товарищей его юности, сотрудниковъ его въ дѣлѣ преобразованія государственнаго управленія, и это обстоятельство даетъ намъ поводъ думать, что она имѣетъ къ нему отношеніе. Въ началѣ царство-

ванія люди, извѣстные своею опытностію и именами своими напоминавшіе славное царствованіе Екатерины, были устранены. Замѣщеніе ихъ людьми хотя благородными, образованными, но совершенно неопытными и излишне пылкими; задуманное ими преобразованіе, которое приведено было въ исполненіе съ чрезмѣрною торопливостію,—все это возбуждало повсемѣстное неудовольствіе и громкія порицанія. «Дѣйствительно, пишетъ баронъ Корфъ («Жизнь гр. Сперанскаго», т. I, стр. 94), образованіе министерствъ 1802 года, даже если смотрѣть на него безъ предубѣжденія въ пользу совѣщательнаго порядка, было произведеніемъ мало обдуманнымъ, не зрѣлымъ, не соглашеннымъ ни съ образованіемъ только что передъ тѣмъ учрежденнаго совѣта, ни съ правами и властію древняго установленія сената и коллегій, еще остававшихся, покамѣстъ, въ прежнемъ своемъ составѣ и дѣйствіи. Набросанное на бумагу въ нѣскольких поверхностныхъ очеркахъ, безъ всякихъ подробностей исполненія, и между тѣмъ тотчасъ же приведенное въ дѣйствія, это образованіе носило на себѣ отпечатокъ особенной спѣшности и малой опытности составителей». Можно себѣ представить, какая должна была произойти путаница въ администраціи, когда самимъ реформаторамъ «приходилось учиться на самыхъ своихъ реформахъ, дѣйствовать какъ бы въ чаду, ощупью, не умѣя дать себѣ достаточно отчота въ томъ, что изъ всего ими дѣлаемаго выйдетъ». (Тамъ же стр. 98). Въ глазахъ даже безучастнаго зрителя, не говоря о тѣхъ, кто долженъ былъ уступить имъ свое мѣсто и вліяніе, недостатокъ опытности и зрѣлой обдуманности не могъ искупаться ни добросовѣстностію, ни искренностію стремленія ко благу общему. Они казались, и должны были казаться людьми не свѣдущими, а для многихъ и злонамѣренными («Зап. Державина, Русская Бесѣда», 1859 г., кн. 17, «Воспом.» Вигеля, ч. II, стр. 1—15). Карамзинъ, выразившій, по мнѣнію барона Корфа, въ своей запискѣ «О старой и новой Россіи» столько же свои личныя мнѣнія, сколько и то, что слышалъ вокругъ себя, сведшій воедино разнообразные толки тогдашней консервативной опозиціи, говоритъ: «одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія Россіянъ на нынѣшнее правительство есть излишняя любовь его къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу имперіи и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною» («Жизнь графа Сперанскаго», т. I, ст. 141).

Свиданіе императора Александра съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, какъ извѣстно, совершенно измѣнило его внѣшнюю политику и значительно подѣйствовало на его личный характеръ. Съ этимъ свиданіемъ связывается перемѣна министерства, которое (по словамъ Вигеля), подъ прозваніемъ англійскаго, цѣлыя пять лѣтъ управляло Россіею. Изъ прежнихъ министровъ и любимцевъ Александра, дѣлившихъ его труды въ первую эпоху преобразованій, къ концу 1807 года никого не осталось. Удаленіе ихъ г. Богдановичъ приписываетъ нравственному перевороту,

происшедшему въ императорѣ Александрѣ послѣ Тильзитскаго свиданія. «Многократныя, продолжительныя бесѣды съ тѣмъ, кого современники наперерывъ провозглашали величайшимъ изъ смертныхъ, должны были развитъ самостоятельность Александра и показать ему въ настоящемъ видѣ благородныхъ, но мало опытныхъ и не всегда дальновидныхъ совѣтниковъ, которыхъ прежде считалъ онъ умами превосходными». («Тильзитскій миръ», ст. Богдановича, «Вѣстникъ Европы», 1867 г., т. III, стр. 294). Къ этимъ-то удаленнымъ любимцамъ, какъ кажется, и должно отнести басню «Парнасъ»; что же касается до приведеннаго варіанта первыхъ стиховъ, то, мы полагаемъ, Крыловъ изображаетъ въ немъ положеніе старыхъ государственныхъ людей, которые изъ упрямства или изъ дальновидности всѣми силами противились реформамъ, спорили, негодовали, но наконецъ покорились необходимости и мало-помалу вовсе сошли со сцены.

Такое предположеніе, можетъ быть, слишкомъ смѣлое, мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: басня появились только четыре мѣсяца спустя послѣ перемѣны министерства, но написана была, конечно, гораздо ранѣе, можетъ быть, даже подъ живымъ впечатлѣніемъ событія, чѣмъ и объясняются многочисленные намеки на современность, которыми исполнена первая ея редакція. Подобно всѣмъ своимъ сверстникамъ, развившимся въ царствованіе императрицы Екатерины и руководствовавшимся воззрѣніями, усвоенными въ молодости, Крыловъ, которому было тогда уже 40 лѣтъ, не могъ перемѣнить своихъ убѣжденій и присоединиться къ молодежи, смутно понимавшей, что необходимо что-то перемѣнить, улучшить. По самому свойству своего характера, нарасположенный къ перемѣнамъ, онъ не могъ стать на сторону реформаторовъ, дѣятельность которыхъ не оправдалась никакими положительными результатами, а повлекла только новыя перемѣны. Благоразумный, разсудительный и осторожный, онъ не могъ сочувствовать людямъ, которые взялись за дѣло безъ основательнаго знакомства съ нимъ, безъ необходимый подготовки, безъ выработаннаго заранѣе плана. Эти люди должны были казаться ему людьми пустыми, которымъ никакое мѣсто не придастъ ума. Такого недостатка не могли искупить въ глазахъ нашаго баснописца никакія ихъ личныя достоинства.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ замѣтить, что если наша догадка справедлива, то она не даетъ намъ права отводить Крылову мѣсто въ ряду противниковъ разумнаго развитія. Въ этомъ случаѣ его мѣсто рядомъ съ Карамзинымъ, представителемъ мыслящей части общества: они оба высказали одну и туже мысль, съ тою только разницею, что Крыловъ облекъ ее въ рѣзкія, можетъ быть, даже слишкомъ рѣзкія формы сатиры.

Къ ст. 30—31: Послѣднія два стиха басни Снегиревъ внесъ въ свое собраніе пословицъ: «Когда у кого голова пуста, то головѣ ума не придадутъ мѣста». (стр. 174).

XI. Пустынникъ и Медвѣдь.

Содержаніе этой б. заимствовано у Ла Фонтена, который свою б. L'Ours et l'Amateur des jardins заимствовалъ изъ le Livre des Lumières, ou la Conduite des roys composé par le sage Pilpay, Indien; traduit en françois par David Sahid d'Ispahan, ville capitale de la Perse. A Paris, chez Siméon Piget, 1644.* Это переводъ сокращенной передѣлки первыхъ четырехъ главъ пространной персидской книги, называемой Anvár-i Suhailí **. Этимъ сочиненіемъ персидская литература обязана Гусайнъ-Ваицу (въ началѣ XV в.), который переработалъ трудъ знаменитаго своимъ краснорѣчіемъ «ритора» Наср-Аллага, переложившаго на персидскій языкъ арабскій переводъ сборника басенъ подъ заглавіемъ «Калила и Димна», по имени двухъ шакаловъ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ (въ санскритскомъ имъ соотвѣтствуютъ Катарака и Данамака). Что же касается до арабскаго перевода, то онъ, какъ говоритъ преданіе, былъ сдѣланъ знаменитымъ ученымъ Абдаллагомъ бенъ-Конкаффа, во времена халифа Мансура, основателя Багдада, съ древняго персидскаго или пельвискаго языка, на которомъ говорили султаны Ирана. О послѣднемъ переводѣ сохранилось преданіе, что во времена Нуширвана (531—579) распространился слухъ, будто въ сокровищахъ индустанскихъ царей хранится книга, составленная изъ рѣчей животныхъ и заключающая въ себѣ все необходимое ца-

---

* Эта книга переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Политическія и нравоучительныя басни Пильпая, философа индейскаго, съ французскаго переведена Академіи Наукъ переводчикомъ Борисомъ Волковымъ, Спб. 1762 г.

** Полное заглавіе этой книги въ англійскомъ переводѣ, которымъ мы пользовались, слѣдующее: The Anvàr-i Suhailí, or the lights of Canopus; being the Persian version of the Fables of Pilpay; or the Book «Kalilah and Dimnah», rendered into Persian, by Husain Và'iz ùl-Kàshifi; Literally translated into prose and verse by Edward B. Eastwich; Hertford. 1856, 1 v. — Странность заглавія объясняется однимъ стихомъ персидскаго переводчика: «Мудрость исходитъ изъ Аравіи, — такъ сказалъ царь арабовъ», т. е. Магометъ. Если смотрѣть изъ Герата, то Канопусъ восходитъ на правой сторонѣ неба, слѣдовательно, по направленію Аравіи; а такъ какъ пророкъ сказалъ, что мудрость исходитъ изъ Аравіи, то мудрость можно разсматривать, какъ бы состоящею въ связи съ этимъ свѣтиломъ. (См. Anvàr-i Suhailí, стр. 11).

рямъ въ дѣлѣ правленія и охраненія своей власти. Нуширванъ поручилъ своему врачу Берзуегу отправиться въ Индустанъ и добыть эту книгу. Посольство увѣнчалось успѣхомъ: Барзуегъ привезъ изъ Индіи книгу, извѣстную подъ именемъ: «Панчатантра» и перевелъ ее на языкъ пельви. (Подробности о переработкахъ «Панчитантры», см. Pantschatantra, fünf Bücher indischer, Fabeln, Märchen und Erzählungen, 2 Th. Leipzig, 1859). Въ le Livre des Lumières эта басня носитъ заглавіе: «О садовникѣ и медвѣдѣ» (№ XXX, стр. 134 русск. перев.). Содержаніе ея слѣдующее: «Какой-то садовникъ такъ любилъ сады, что удалился отъ человѣческаго общества и предался единственно заботамъ о своихъ деревьяхъ. Онъ былъ одинокъ, а потому ему наскучило жить въ уединеніи; вслѣдствіе этого онъ рѣшился идти искать общества. Прогуливаясь однажды у какой-то горы, онъ увидѣлъ медвѣдя, видъ котораго привелъ его въ ужасъ. Но этому звѣрю также наскучило быть одному, и онъ сошелъ съ своей горы съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и садовникъ. Лишь только они увидѣли другъ друга, то почувствовали взаимную любовь. Медвѣдь весьма учтиво поклонился садовнику, а тотъ знаками пригласилъ его слѣдовать за нимъ и, придя въ садъ, угостилъ его лучшими плодами. Съ этого времени они не разлучались. Когда садовникъ, утомясь отъ работы, ложился спать, то медвѣдь отгонялъ мухъ, опасаясь, чтобы онѣ его не разбудили. Однажды садовникъ заснулъ подъ тѣнью дерева, а медвѣдь по обыкновенію отгонялъ мухъ. Замѣтивъ, что одна изъ нихъ сѣла садовнику на ротъ, онъ согналъ ее; но она тотчасъ же сѣла съ другой стороны; это такъ его разсердило, что онъ схватилъ большой камень и убилъ ее; но вмѣстѣ съ тѣмъ разбилъ черепъ своему другу». Отсюда нравоученіе: «лучше имѣть разумнаго непріятеля, чѣмъ глупаго друга». (О дальнѣйшемъ развитіи этого сюжета въ народныхъ сказаніяхъ и литературѣ, см. упомятое сочиненіе Бенфея, ч. I, § 106 и Nachträge zum ersten Theil, S. 538—9. *).

---

*) Объ этомъ предметѣ см. мою статью въ «Учителѣ», 1865 г., № 2 и 3, въ которой указано также отношеніе этого сюжета къ русскимъ народнымъ сказаніямъ.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808, ч. I, № 17, стр. 142; но, по словамъ Жихарева («От. Зап.» 1855, сентябрь, стр. 157), онъ перевелъ ее въ 1807 году и читалъ на литературномъ вечерѣ у А. С. Хвостова, 5-го мая. Кромѣ Крылова басню Ла Фонтена переводилъ Сумароковъ, подъ заглавіемъ: «Другъ Невѣжа» (кн. IV, пр. XIV), и гр. Хвостовъ — подъ заглавіемъ: «Медвѣдь и Огородникъ» (кн. III, б. 3); послѣдній перевелъ позже Крылова, что видно изъ примѣчанія (58-го) къ этой баснѣ: «она прекрасно переведена у И. А. Крылова». Сверхъ того передѣлка этой б. напечатана въ журналѣ Подшивалова: «Покоящійся Трудолюбецъ», 1784 г., ч. II, стр. 221, подъ заглавіемъ: «Пустынникъ и Медвѣдь», безъ имени автора.

Замѣчательно, что эта басня подверглась самымъ ничтожнымъ перемѣнамъ:

Ст. 7: .... складно .... (до 1811 г.).
39: Вотъ какъ-то .... (Др. В.). 48: .... усни. 62: ... ужъ я-жъ ...

Къ ст. 1—4: Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога ....
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Нравоученіе, которымъ у Ла Фонтена заключается басня, выражено слѣдующимъ двустишіемъ:

Rien n'est si dangereux qu'un ignorant ami;
Mieux vaudrait un sage ennemi.

3-й и 4-й стихи Крылова внесены Далемъ въ «Сборникъ народныхъ пословицъ» (стр. 557).

Къ ст. 5 — 13: Жилъ нѣкто человѣкъ безродный одинокой ....
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.

Въ изд. 1809 г. и во всѣхъ послѣдующихъ до 1830 г. неправильно печаталось: *одинакой*, хотя уже въ 1809 году Жуковскій въ своей статьѣ замѣтилъ эту ошибку (*Соч.*, т. VII, стр. 107).

Выписавъ эти стихи, Жуковскій замѣчаетъ: «Вотъ истинное простодушіе Ла Фонтена, который не могъ бы выразиться лучше, когда бы родился русскимъ» (тамъ же стр. 107).

Къ ст. отъ 50 до 57: Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ ....
У друга на носу.

Жуковскій говоритъ: «Здѣсь подражаніе несравненно лучше подлинника». Ла Фонтенъ сказалъ просто:

Sur le bout de son nez une (муха) allant se placer,
Mit l'ours au désespoir — il eut beau la chasser!

«Какая разница! Въ переводѣ картина, и картина совершенная. Стихи летаютъ вмѣстѣ съ мýхою» (тамъ же). Въ словарѣ Академіи Наукъ вторая половина 56-го и 57-й стихъ приведены въ примѣръ подъ словомъ *спахивать*, причемъ слово *согналъ* замѣнено словомъ *спахнулъ*; но такая замѣна не оправдывается ни однимъ изданіемъ.

Къ ст. 59—66: Вотъ Мишенька, не говоря ни слова....
Что силы есть, хвать друга камнемъ въ лобъ.

Противопоставляя эти стихи, изображающіе медлительность медвѣдя, предыдущимъ, Жуковскій говоритъ: «здѣсь всѣ слова длинныя, стихи тянутся. Всѣ эти слова: *мишенька*, *увѣсистый*, *булыжникъ*, *корточки*, *переводитъ*, *думаетъ*, *и у друга*, *подкарауля*, прекрасно изображаютъ медлительность и осторожность: за пятью длинными, тяжелыми стихами слѣдуетъ быстро полустишье:

Хвать друга камнемъ въ лобъ —

Это молнія, это ударъ! Вотъ истинная живопись, и какая противоположность послѣдней картины съ первою». (Тамъ же.)

Къ ст. 63: И, у друга на лбу подкарауля муху.

Этотъ стихъ въ измѣненномъ видѣ сдѣлался народной пословицею, какъ видно изъ «Сборника» Даля: «Подсидѣлъ у друга муху» (стр. 557).

Вообще должно замѣтить, что если возможно въ этой б. Крылова находить что либо общее съ б. Ла Фонтена, то развѣ только основной фактъ; все же остальное: расположеніе разсказа, характеристика дѣйствующихъ лицъ и отношенія между ними, обстановка, изображеніе самаго факта,—все это вполнѣ принадлежитъ русскому баснописцу. Сверхъ того нельзя оставить безъ вниманія и искусства, съ какимъ Крыловъ избѣжалъ нѣкоторыхъ недостатковъ, замѣтныхъ во французской баснѣ. Любитель садовъ Ла Фонтена значительно отличается отъ восточнаго садовника, о которомъ въ le Livre des lumières сказано глухо: «у него не было ни жены, ни дѣтей, и онъ съ утра до вечера трудился въ своемъ саду, который сдѣлалъ такимъ прекраснымъ, какъ земной рай»; между тѣмъ у Ла Фонтена онъ поставленъ совершенно въ другія условія: Seigneur, говоритъ онъ медвѣдю:

Vous voyez mon logis; si vous vouliez faire
Tant d'honneur que d'y prendre un champêtre repas,
J'ai des fruits, j'ai du lait....

Во всѣхъ восточныхъ передѣлкахъ этой басни животныя (въ санскритскихъ обезьяна, въ персидскихъ медвѣдь) являются равноправными съ человѣкомъ; въ le Livre des lumières садовникъ и медвѣдь при пер-

вой встрѣчѣ предлагаютъ другъ другу узы дружбы, какъ равный равному. У Ла Фонтена эти отношенія нарушены:

L'homme eut peur: mais comment esquiver? et que faire?...

и потомъ:

.... il sut donc dissimuler sa peur.

Такое нарушеніе отношенія между человѣкомъ и міромъ животныхъ, устанавливаемаго первобытною поэзіею, разрушаетъ кажущееся правдоподобіе всего разсказа.

Замѣнивъ ла-фонтеновскаго любителя садовъ «пустынникомъ, человѣкомъ безроднымъ, одинокимъ, живущимъ вдали отъ города, въ глуши», Крыловъ уже самою неопредѣленностію этихъ выраженій далъ волю воображенію читателя перенести дѣйствіе въ такую эпоху и въ такую мѣстность, въ которыхъ дружественныя отношенія между человѣкомъ и животнымъ могли представляться возможными.

XII. Оракулъ.

Хотя по свидѣтельству С. П. Жихарева («От. Зап.», 1855, сентябрь, стр. 164), Крыловъ написалъ эту б. въ 1807 г. и читалъ ее 9 мая на вечерѣ у кн. Шаховскаго, однако она была напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. (ч. I, № 22, стр. 183) съ подписью *К.*

Основная мысль этой басни была высказана Крыловымъ въ «Почтѣ Духовъ»: танцмейстеръ Фурбиній совѣтуетъ Плутону не отставлять отъ должности повредившихся судій, во уваженіе ихъ долговременной службы, но «приставить къ нимъ умнаго секретаря, который бы вмѣсто ихъ разсматривалъ дѣла, а они бы подписывали то, что онъ имъ скажетъ». (См. IX письмо, «Полное собраніе сочиненій», т. I, стр. 84). Почти тоже повторено въ первой статьѣ подъ заглавіемъ «Ночи»: «Его превосходительство, валяясь въ пышныхъ пуховикахъ, изволитъ заниматься хорошими сновидѣніями, между тѣмъ какъ секретарь его готовитъ ему къ завтраму политическія разсужденія, которыя, конечно, онъ выдастъ за свои; ибо этотъ господинъ уже привыкъ думать секре-

*

тарскою головою, которая есть его душа, а вельможа этотъ ея тѣло». (Тамъ же, стр. 215—16).

Въ перепечаткахъ этой б. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 7: оглушенъ (вм. *заглушенъ*) (Др. В.).
13: И кто за чѣмъ къ нему ни подойдетъ.
16: Куда въ немъ умъ дѣвался (до изд. 1811).

XIII. Волкъ и Ягненокъ.

Заимствована у Ла Фонтена, который содержаніе своей б. le Loup et l' Agneau могъ почерпнуть у Эзопа (№ 229, пер. Мартынова) или у Федра (кн. I, б. 1 *). Раньше Крылова переводилъ ее Тредьяковскій («Сочиненія», т. I, стр. 221), потомъ Сумароковъ подъ тѣмъ же заглавіемъ (кн. I, притча II). Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808 г. (ч. I, № 24 стр. 199 и подписана буквою *К*). Въ V части того же журнала была напечатана статья Шишкова: «Сравненіе Сумарокова съ Ла Фонтеномъ», въ которой между прочимъ разбирается притча «Волкъ и Ягненокъ». Это обстоятельство, по мнѣнію Я. К. Грота, подало поводъ Державину написать басню на тотъ же предметъ (см. «Сочиненія Державина», академич. изд. т. III, стр. 566 и слѣд.). — Приводимъ варіанты:

* Эта басня напоминаетъ апологъ Гезіода въ его поэмѣ: «Труды и Дни», о копчикѣ и соловьѣ. Изъ него выводится то нравоученіе, что слабѣйшій долженъ уступать сильнѣйшему и не раздражать его безполезнымъ противодѣйствіемъ. Этимъ сюжетомъ Ла Фонтенъ воспользовался въ своей баснѣ le Milan et le Rossignol. Приводимъ апологъ Гезіода: «Вотъ что сказалъ однажды копчикъ гармоническому соловью, котораго онъ въ своихъ загнутыхъ когтяхъ уносилъ въ нѣдра облаковъ. Когда несчастный, пронзенный жестокими когтями похитителя, жаловался и стоналъ, тотъ обратился къ нему съ такими суровыми словами: «Несчастный! зачѣмъ эти жалобы? Тотъ, кто держитъ тебя въ своей власти, сильнѣе тебя. Ты идешь, куда я тебя веду, какова бы ни была сладость твоихъ пѣсенъ. Если захочу, я могу съѣсть тебя, могу и отпустить». Такъ говорилъ быстрый копчикъ, съ распростертыми крыльями. Безуменъ тотъ, кто хотѣлъ бы противустать волѣ сильнѣйшаго! онъ не побѣдилъ бы, но навлекъ бы стыдъ и несчастіе» (см. Fables de La Fontaine, édit. variorum Paris, 1861.).

Ст. 6: ....надо же.... (до изд. 1825).
10—13: Съ пескомъ и съ иломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое (Др. В.).
14 и 15: эти стихи явились въ изд. 1809 г.
16—17: Когда свѣтлѣйшій волкъ замѣтить удостоитъ,
Ягненокъ отвѣчалъ, что.... *и проч.* (до изд. 1811).
19—20: То гнѣвомъ онъ себя напрасно безпокоитъ —
И вамъ питья мутить никакъ я не могу (до изд. 1811).
22: Бездѣльникъ!.... (до 1819).
25: Я этого, другъ мой.... (Др. В.).
27—28: Въ изд. 1815, 19 и 25 г. вторая половина 27 и первая 28-го стиховъ пропущены, вѣроятно, по ошибкѣ.
— Нѣтъ брата.... (до 1811).
34: .... мнѣ скучно слушать (Др. В.).

Къ ст. 1: У сильнаго всегда безсильный виноватъ.

Этотъ стихъ обратился въ пословицу и внесенъ въ сборникъ Снегирева (стр. 422).

У Ла Фонтена: La raison du plus fort est toujours la meilleure.

Къ ст. 5: Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться:

У Ла Фонтена: Un agneau se désaltérait
Dans le courant d'une onde pure.

Къ ст. 6 и 7: И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ.

У Ла Фонтена: Un loup survient à jeun, qui cherchait aventure,
Et que la faim en ces lieux attirait.

Къ ст. 10: ....Какъ смѣешь, ты наглецъ, нечистымъ рыломъ...

Обращеніе волка у Ла Фонтена выражено въ болѣе сжатой формѣ:
Qui te rend si hardi de troubler mon breuvage?
Dit cet animal plein de rage:
Tu seras châtié de ta témérité.

Къ ст. 16—20: Когда свѣтлѣйшій волкъ позволитъ...
Питья мутить ему никакъ я не могу.

Оправданіе ягненка весьма близко къ оригиналу;

У Ла Фонтена: Sire, répond l'agneau, que Votre Majesté
Ne se mette pas en colère;
Mais plutôt qu'elle considère
Que je me vas désaltérant
Dans le courant,
Plus de vingt pas au-dessous d'elle;
Et que, par conséquent, en aucune façon,
Je ne puis troubler sa boisson.

Къ ст. 23 — 32: Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ...
И если можете, то мнѣ всегда вредите.

Весь разговоръ только въ подробностяхъ отличается отъ слѣд. стиховъ Ла Фонтена:

Et je sais que de moi tu médis l'an passé!
Comment l'aurais-je fait si je n'étais pas né?
Reprit l'agneau; je tette encor ma mère. —
Si ce n'est toi, c'est donc ton frère, —
Je n'en ai point. — C'est donc quelqu'un des tiens;
Car vous ne m'épargnez guère,
Vous, vos bergers, et vos chiens.

Къ ст. 37: Сказалъ — и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

У Ла Фонтена:

Là-dessus, au fond des forêts
Le loup l'emporte...

Басня Ла Фонтена оканчивается иронической фразой: et puis le mange sans autre forme de procès; Крыловъ измѣнилъ заключеніе; но дополнилъ разсказъ одною чертою, которой нѣтъ у французскаго баснописца:

Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ....

Эти строки придаютъ всему разсказу оттѣнокъ ироніи. — Такой же тонъ, придаетъ своей басенкѣ и Тредьяковскій:

Сего (ягненка) какъ съѣсть ему (волку) намѣреніе вспало,
А справедливымъ бы казалось дѣло то,
Онъ говорилъ....

Это совершенно согласно съ Эзопомъ, у котораго сказано, что волкъ хотѣлъ съѣсть ягненка «подъ благовиднымъ предлогомъ».

Съ этой басней Ла Фонтена связывается разсказъ о Наполеонѣ I, который однажды на островѣ св. Елены высказалъ свое мнѣніе объ его басняхъ вообще и объ этой въ особенности. Полагаемъ, что этотъ разсказъ не будетъ здѣсь неумѣстенъ, потому что сужденіе Наполеона такъ же можетъ быть примѣнено къ Крылову, какъ и къ Ла Фонтену. «Императоръ встрѣтилъ маленькаго Тристана, старшаго сына де-Монтолона, которому было только семь лѣтъ. Онъ поставилъ его между колѣнъ и заставилъ говорить басни, въ которыхъ бѣдное дитя изъ десяти словъ не понимало двухъ. Императоръ много смѣялся, осуждалъ то, что даютъ Ла Фонтена дѣтямъ, которыя не могутъ его понимать, и началъ объяснять ихъ Тристану, желая сдѣлать ихъ понятными ему.... Императоръ нашелъ, что въ б. «Волкъ и Ягненокъ» слишкомъ много ироніи, почему она не можетъ быть доступна пониманію дѣтей; сверхъ того она грѣшитъ въ своемъ принципѣ и въ нравоученіи, и это въ первый разъ его пора-

зло. Несправедливо, que la raison du plus fort fût toujours la meilleure, и если такъ случается на самомъ дѣлѣ, то это зло, говорилъ онъ, злоупотребленіе, достойное порицанія. Волкъ долженъ былъ бы подавиться, пожирая ягненка». (Mémorial de Sainte-Hélène; 1842, t. I, p. 780—1).

XIV. Стрекоза и Муравей.

Ла Фонтенъ заимствовалъ свою б. la Cigale et la Fourmi у Эзопа, у котораго дѣйствующими лицами являются «Кузнечикъ и Муравей» (№ 133, перев. Мартынова *). Въ первый разъ на русскій языкъ она была переведена Сумароковымъ, подъ заглавіемъ «Стрекоза» (кн. II, пр. LXVII), потомъ подъ тѣмъ же заглавіемъ Хемницеромъ («Сочиненія», изд. 1847, б. XLIX) и наконецъ Крыловымъ. Въ первый разъ эта б. напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ», 1808, ч. I, № 34, стр. 61, и подписана буквою *К.* Въ послѣдующихъ изданіяхъ перемѣнено только одно слово: придетъ, вм. *пойдетъ* (1809). Жуковскій отнесъ ее къ числу лучшихъ изъ 23 басенъ, вошедшихъ въ изданіе 1809 г. («Сочиненія», т. VII, стр. 98.)

Къ ст. 1—4: Попрыгунья Стрекоза....
Какъ зима катитъ въ глаза.

У Ла Фонтена:

La cigale, ayant chanté
Tout l'été,
Se trouva fort dépourvue
Quand la bise fut venue.

---

* Сверхъ того у Эзопа есть другая басня, весьма сходная съ этой по содержанію и по нравоученію: «Муравей и Жукъ». Содержаніе ея слѣдующее: Жукъ, увидѣлъ муравья, бѣгавшаго по пашнѣ и собиравшаго зерна въ запасъ на зиму, и назвалъ его жалкимъ бѣднякомъ, который весь вѣкъ трудится болѣе всѣхъ животныхъ. Муравей перенесъ упрекъ, не сказавъ ни слова. Когда же настала зима и навозъ потопило разлитіемъ рѣкъ, то голодный жукъ пришелъ къ муравью просить у него взаймы пищи. Но муравей сказалъ ему: «о Жукъ! если бы ты работалъ въ то время, какъ поносилъ меня, то не терпѣлъ бы теперь недостатка въ пищѣ». Басня учитъ насъ не лѣниться въ пріобрѣтеніи нужнаго, но заблаговременно заботиться о необходимомъ для сохраненія жизни. (№ 244, пер. Мартынова).

Къ ст. 5 — 13: Помертвѣло чисто поле...
На желулокъ пѣть голодный!

Эти стихи составляютъ развитіе слѣдующей мысли Ла Фонтена:

Pas un seul petit morceau
De mouche ou de vermisseau.

Къ ст. 16: Не оставь меня, кумъ милой!

Начиная съ этого стиха вторую половину басни, которая почти ничего не имѣетъ общаго съ французскою, кромѣ заключенія, Жуковскій приводитъ въ своей статьѣ, какъ образецъ разговора. («Сочиненія», т. VII, стр. 104).

Къ ст. 29 — 30: Ты все пѣла? Это дѣло!
Такъ поди же попляши!

У Ла Фонтена: Vous chantiez! j'en suis fort aise.
Eh bien, dansez maintenant.

XV. Орелъ и Куры.

Напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. II, № 45, стр. 150, съ подписью *К.* Ни въ одномъ изъ изданій Крыловъ не отнесъ этой б. къ разряду заимствованныхъ, однакожъ она имѣетъ много сходства по содержанію и по цѣли съ б. Дмитріева «Орелъ и Каплунъ», напечатанной въ первый разъ въ «Московскомъ Зрителѣ», 1806 г. (за мартъ, стр. 33). Пѣтухъ, увидѣвъ, какъ Орелъ взлетѣлъ къ небесамъ, въ восторгѣ воскликнулъ: «Кто равенъ съ нимъ!»—Ты и я», сказалъ Каплунъ и вздумалъ доказать это на дѣлѣ, но тутъ же упалъ на кровлю, какъ свинецъ. Птицы смѣялись, а благоразумный пѣтухъ сказалъ: «Каплунъ, ты не орелъ!» Заключеніе слѣдующее:

Читатель! я хотѣлъ въ иносказаньи этомъ
Представить риѳмача съ поэтомъ.

При изданіи собранія стихотвореній Дмитріевъ замѣнилъ эти двѣ строки обращеніемъ къ Каплуну и далъ баснѣ болѣе общее значеніе:

Спасибо Каплуну! и онъ урокъ оставилъ!
«Отважный безъ ума всегда себя безславилъ».

Приводимъ варіанты.

Ст. 1—2. Въ день свѣтлый, солнечный желая нагуляться,
Орелъ подъ небесью леталъ (Др. В.).
— Въ день свѣтлый, солнечный желая прогуляться (1809).
— Днемъ солнечнымъ желая насладиться,
По поднебесью царь пернатыхъ птицъ леталъ (1815, 30).
. . . . пернатый.... (1819, 25).
Ст. 4: Гдѣ молнія родится (1815, 30).
14: И подлѣ.... (Др. В., 1809).
18: Неужъ ли за полетъ, сосѣдка (Др. В.).
22: вм. *знатнѣе:* честнѣе.... (до 1825).
25: вм. *такъ какъ куры:* какъ и куры (Др. В.).
29: вм. *до облакъ:* съ орлами.... (1819).
30: вм. *таланты:* поэтовъ.... (до 1819).
32: Но чувствуя лишь то, что сильно и прекрасно (до 1819).

XVI. Муха и Дорожные.

Переработка б. Ла Фонтена le Coche et la Mouche, первообразъ, которой Валькнэеръ находитъ въ б. Эзопа «Комаръ и Волъ» (№ 213, пер. Мартынова) и Федра «Муха и Ослица» (кн. III, б. 5), хотя между ними и французскою баснею весьма отдаленное сходство. Содержаніе басни Эзопа слѣдующее: Комаръ, сидя на рогу Вола, пищалъ и сказалъ ему: если я тяжелъ для твоей шеи, то улечу прочь. На это Волъ отвѣчалъ: ни того не зналъ я, когда ты сѣлъ, ни до того нѣтъ мнѣ надобности, когда останешься. Басня уличаетъ неизвѣстныхъ, ничего не значущихъ и сражающихся съ сильными государями. — Разсказъ Федра, какъ по содержанію, такъ и по выводу значительно измѣненъ; вотъ содержаніе этой басни: Муха, сидя на оглоблѣ укоряла ослицу, что она идетъ тихо, и угрожала ужалить ее. На это ослица отвѣчала, что слова мухи ничего ей не значатъ; но она опасается того, кто, сидя на переднемъ сидѣніи, держитъ возжи и бичъ и умѣряетъ ея ходъ. Вслѣдствіе этого она совѣтуетъ мухѣ оставить свои упреки, ибо она сама знаетъ, гдѣ нужно идти скорѣе, гдѣ

тише. Этою баснею достойно осмѣивается тотъ, кто, не имѣя силы, дѣлаетъ тщетныя угрозы.

У Сумарокова находимъ четыре басни, въ которыхъ развивается сюжетъ обоихъ древнихъ баснописцевъ: «Высокомѣрная муха» (кн. III, пр. XXIII) по содержанію сходна съ б. Федра; но заключеніе болѣе частное: онъ сравниваетъ съ мухою, погоняющею лошака, господъ, которые,

Раздувшися, гоняютъ лошадей,
Которы возятъ ихъ, и коихъ сами хуже.

«Тяжелый Комаръ» (кн. IV, пр. XLVIII), сидѣвшій на дубѣ въ то время, какъ его повалила буря, и потомъ сказавшій, что если бы онъ не отяготилъ дуба, то вѣтеръ не причинилъ бы ему такого бѣдствія, равно какъ и Муха въ притчѣ «Муха и Карета» (кн. VI, пр. IX), хвалившаяся тѣмъ, что подняла пыль, произведенную колесами кареты, по своему характеру приближаются къ комару Эзопа. Притча же «Услужливый Комаръ» (кн. IV, пр. XLVII), какъ по содержанію, такъ мѣстами и по изложенію весьма близка къ Ла Фонтену. Сюда же относится и извѣстная б. Дмитріева «Муха» (кн. II, б. XII), хваставшаяся своимъ участіемъ въ работѣ быка и заключившая рѣчь свою знаменитымъ «мы пахали!» Басню Ла Фонтена перевелъ также гр. Хвостовъ подъ заглавіемъ «Муха и Берлинъ» (кн. III, б. XVII), но позже Крылова, что видно изъ примѣчанія (67): «Басня «Берлинъ и Муха» прекрасно передѣлана Крыловымъ». («Полн. собр. стих.», т. IV, стр. 305).

Басня Крылова въ первый разъ была напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г., ч. III. № 63, стр. 85, съ не большими перемѣнами.

Ст. 7 — 9: .... Спустился съ козелъ онъ
И въ два кнута, мучитель,
Съ лакеемъ лошадей тиранитъ съ двухъ сторонъ (Др. В.).
27: Лакеи, гуторя .... (1809).
28: .... болтаютъ вздоръ тишкомъ.
30: .... грибовъ искать .... (до изд. 1834 г.).
31 — 32: .... что только лишь одна
О всемъ заботится она (Др. В.).

34: Втащились и всползли на ровную дорогу.
38: .... ноги носятъ.
40: Которые во все....

Къ ст. 1 — 5: Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору....
Тащился.

У Ла Фонтена:

Dans un chemin montant, sablonneux, malaisé,
Et de tous les côtés au soleil exposé,
Six forts chevaux tiraient un coche.

Къ ст. 6 — 14: Кони измучились и кучеръ какъ ни бился....
Но въ гору по песку едва-едва тянули.

Послѣдніе девять стиховъ замѣняютъ слѣдующіе два стиха Ла Фонтена:

Femmes, moine, vieillards, tout était descendu:
L'attelage suait, soufflait, était rendu.—

и представляетъ картину чисто національнаго колорита. Подобную же картину находимъ и у Сумарокова:

Труды коней почти совсѣмъ уже исчезли;
Жалѣя и колесъ, жалѣя и коней,
Лакеи слезли,
Стоящіе на ней:
Однако этотъ скиртъ и съ мѣста не ступаетъ:
Возница лошадямъ кричитъ: ну, ну, ну, ну!
И плѣтью лупитъ ихъ, какъ будто за вину;
Стегалъ, стегалъ, кричалъ, кричалъ и осипаетъ.
Отъ лошадей и пѣна тутъ и паръ

Къ ст. 15 — 32: Случись тутъ мухѣ быть. Какъ горю не помочь?...
О всемъ заботится одна.

Хотя разсказъ, заключающійся въ этихъ стихахъ, по содержанію и сходенъ съ оригиналомъ, но подробности такъ различны, что не возможно уловить ни одной общей черты.

Къ ст. 33 — 38: Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, по-немногу..
Меня насилу крылья носятъ.

У Ла Фонтена:

Après bien du travail, le coche arrive au haut:
Respirons maintenant! dit la mouche aussitôt:
J'ai tant fait que nos gens sont enfin dans la plaine.
Çà, messieurs les chevaux, payez-moi de ma peine.

Къ ст. 39 — 41: Куда людей на свѣтѣ много есть....
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

Нравоученіе по мысли сходно съ подлинникомъ. У Ла Фонтена:

Ainsi certaines gens, faisant les empressés,
S'introduisent dans les affaires:
Ils font partout les nécessaires,
Et, partout importuns, devraient être chassés.

XVII. Слонъ на Воеводствѣ.

Напечатана въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г., ч. IV, № 79, стр. 8, съ подписью *К.* Эта б. не вошла въ изд. 1809 г. и перепечатана была въ изд. 1811 г. съ незначительною перемѣною въ 22 стихѣ: вм. *говоритъ имъ Слонъ*, Слонъ сказалъ (Др. В.).

Къ ст. 5 — 6: Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,
Однакоже въ семьѣ не безъ урода!

«Какъ размышленія», замѣчаетъ Измайловъ, «имѣющія форму изреченій (sentences), нерѣдко дѣлаются пословицами, такъ и самыя пословицы употребляются иногда въ разсказѣ и вмѣсто размышленій». Въ примѣръ приведены означенные стихи («Сочиненія», т. II, стр. 666).

Къ ст. 12 — 13: Вступило отъ овецъ прошеніе въ Приказъ,
Что волки де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.

Особенно забавнымъ въ этихъ стихахъ Измайловъ находитъ то, что животнымъ приписываются обычаи людей. «Какъ прилично послѣ словъ: *прошеніе*, *приказъ* поставлена здѣсь любимая приказными частица *де*!» («Сочиненія», т. II, стр. 690).

Къ ст. 17 — 18: .... Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легенькій оброкъ собрать съ овецъ?

«Правдоподобіе состоитъ въ томъ», говоритъ Измайловъ, «чтобы не говорить того, чего не можетъ быть въ природѣ, или въ естественномъ порядкѣ вещей.

Rien n'est beau que le vrai: le vrai seul est aimable,
Il doit régner partout, et même dans la Fable.
(Boileau, *Epitre* IX)

«Надобно быть весьма осторожнымъ, чтобы сохранить сіе качество въ разсказѣ басни. Ла Фонтенъ и лучшіе наши баснописцы погрѣшали иногда противъ правдоподобія». Въ примѣръ такой погрѣшности онъ при-

водитъ означенные два стиха и вмѣстѣ съ Каченовскимъ спрашиваетъ: «На что волкамъ тулупы, и развѣ надобны имъ овечьи кожи»? (См. рецензію Каченовскаго, «Вѣстникъ Европы», 1812 г., № 4, стр. 309).

Къ ст. 20: Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкуркѣ снять.

Въ «Сборникѣ» Даля находимъ пословицу, составившуюся на основаніи этого стиха; а именно: «Дай хоть по шкуркѣ съ брата снять. Й всего-то придется по шкуркѣ съ брата» (стр. 183).

XVIII. Лисица и Виноградъ.

Содержаніе заимствовано изъ б. Ла Фонтена le Renard et les Raisins (кн. III, б. 11). Такого же содержанія б. находимъ у Эзопа подъ заглавіемъ «Лисица и Виноградъ» (№ 155, пер. Мартынова) и у Федра—«Лисица и Виноградная кисть» (кн. IV, б. 2). Изъ русскихъ писателей кромѣ Крылова переводили эту б. Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Лисица и Віноградна кисть» («Соч.» т. I, стр. 240) и Сумароковъ—«Лисица и Виноградъ» (кн. VI, пр. XL). Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808, ч. IV, № 80, стр. 16, съ подписью *К.*, а потомъ явилась въ изд. 1811 г.

Ст. 3: У кумушки на виноградъ
Глаза и зубы разгорѣлись (Др. В.).
— Запрыгали глаза и зубы разгорѣлись (до изд. 1834).
4: .... висятъ онѣ высоко (до 1825 г.).
5: Одна бѣда ....

Къ ст. 7—8: Хоть видитъ око ....

Народная пословица: «Глазъ видитъ да зубъ нейметъ» (Снегирева: «Русск. народн. посл.», М. 1848, стр. 69). Въ «Сборникѣ пословицъ» Даля находимъ эти стихи въ измѣненномъ видѣ: «Зеленъ виноградъ—когда не даютъ» и «Киселъ виноградъ, зѐленъ» (стр. 237).

Къ ст. 11—12: На взглядъ то онъ хорошъ,
Да зеленъ ....

Подобное выраженіе встрѣчается у Сумарокова; лисица говоритъ о виноградѣ:

Хорошъ на взглядъ,
Да киселъ.

Для сравненія приводимъ басню Ла Фонтена:

Le Renard et les Raisins.

Certain renard gascon, d'autres disent normand,
Mourant presque de faim, vit au haut d'une treille
Des raisins, mûrs apparemment
Et couverts d'une peau vermeille.
Le galant en eût fait volontiers un repas,
Mais comme il n'y pouvait atteindre:
Ils sont trop verts, dit-il, et bon pour des goujats.
Fit-il pas mieux que de se plaindre?

XIX. Крестьянинъ и Смерть.

Источникомъ Крылову, какъ показываетъ сравненіе, послужила б. Ла Фонтена: la Mort et le Bûcheron, передѣланная изъ Эзоповой басни «Старикъ и Смерть» (№ 20 перев. Мартынова *). Ее же переводили: Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Старикъ и Смерть» («Сочиненія», т. I, стр. 232), Сумароковъ, «Крестьянинъ и Смерть» (кн. VI, притча VIII) и Державинъ, подъ заглавіемъ: «Смерть и Старикъ» («Сочиненія» академич. изд., т. III, стр. 539); но онъ измѣнилъ смыслъ басни тѣмъ, что его старикъ на вопросъ явившейся къ нему Смерти: «Ты звалъ меня?»— Нѣтъ, нѣтъ, не я, помилуй! онъ вскричалъ. И пальцемъ ближняго сосѣда указалъ». Переводъ гр. Хвостова (кн. I, б. IV), въ нѣкоторыхъ выраженіахъ сходенъ съ б. Крылова. С. П. Жихаревъ свидѣтельствуетъ, что Крыловъ написалъ эту б. въ 1807 г.: въ «Дневникѣ Чиновника», подъ 3 февраля 1807 г., разсказывается: «всѣ пристали къ Крылову, чтобъ онъ прочиталъ что нибудь. Долго отнекивался остроумный комикъ, но наконецъ разрѣшился баснею Ла Фонтена: «Смерть и Дровосѣкъ» и проч. («Отеч. Зап.», 1855, т.CI, стр. 126).

* У Ла Фонтена есть другая басня: la Mort et le Malheureux, написанная въ подражаніе Эзопу; но такъ какъ онъ упустилъ нѣкоторыя черты оригинала, то рядомъ съ нею помѣстилъ упомянутую передѣлку (см. Fables de la Fontaine, édit. variorum, Paris, 1861.)

** Такого заглавія ни въ рукописяхъ, ни въ печатныхъ изданіяхъ мы не встрѣчали.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. IV, № 81, стр. 24, съ подписью *К.*, и перепечатана къ изд. 1811 г., стр. 6.

Ст. 1: Валежнику набравъ.... (рукоп.).
10: .... при томъ жена.... (Др. В.).
11: А тамъ боярщина, подушное, оброкъ.

Къ 1—8: Набравъ валежнику порой холодной, зимной....
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой.

У Ла Фонтена:

Un pauvre bûcheron, tout couvert de ramée,
Sous le faix du fagot aussi bien que des ans
Gémissant et courbé, marchait à pas pesants,
Et tâchait de gagner sa chaumine enfumée.
Enfin, n'en pouvant plus d'effort et de douleur,
Il met bas son fagot, il songe à son malheur.

Къ ст. 9—13: Куда я бѣденъ, Боже мой....
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ.

Жалобы крестьянина по темѣ довольно близки къ размышленіямъ французскаго дровосѣка:

Quel plaisir a-t-il eu depuis qu'il est au monde?
En est-il un plus pauvre en la machine ronde?
Point de pain quelquefois, et jamais de repos:
Sa femme, ses enfants, les soldats, les impôts,
Le créancier, et la corveé,
Lui font d'un malheureux la peinture achevée.

Къ стр. 15—16: Зоветъ онъ смерть. Она у насъ не за горами,
А за плечами.

У Ла Фонтена: Il appelle la Mort.

Народная поговорка: «Смерть не за горами, а за плечами», или «Дума за горами, а смерть за плечами» (Снегирева: «Русскія народныя пословицы и притчи», дополненіе, изд. 1857, а также «Словарь» Даля, стр. 332).

Къ ст. 17—18: Явилась вмигъ
И говоритъ: За чѣмъ ты звалъ меня, старикъ?

У Ла Фонтена:

.... Elle vient sans tarder,
Lui demande ce qu'il faut faire.

Въ б. Сумарокова смерть спрашиваетъ тѣми же словами, какъ у Крылова:

За чѣмъ ты звалъ меня?

Къ ст. 21—22: Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.

У Ла Фонтена:

C'est, dit-il, de m'aider
A recharger ce bois....

Къ ст. 25—26: Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

Заключительные два стиха — народная пословица: «Какъ жить ни тошно, а умирать еще тошнѣй» (Снег. 165 стр.), которая разнообразно варіируется; напр. «Жить грустно, а умереть тошно» и «Жить — мучиться, а умереть не хочется» (см. «Русск. нар. посл. и пр.» Снегирева, 1848, стр. 127). Эта мысль у Ла Фонтена выражена извѣстнымъ стихомъ:

Plutôt souffrir que mourir.

XX. Слонъ и Моська.

Напечатана въ первый разъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» 1808 г. ч. IV, № 85, стр. 35. Это восемнадцатая и послѣдняя басня изъ появившихся въ этомъ изданіи, которое прекратилась съ концомъ года; потомъ она перепечатана въ изданіи 1811 г., стр. 19, съ единственною перемѣною: въ 4 стихѣ вм. «зѣвакъ» было: смотрителей (Др. В.).

Ст. 19—20: Ай, Моська, знать она сильна,
Что лаетъ на слона.

Эти два стиха внесены, какъ народная пословица, въ «Полное собраніе нар. посл.» Д. К., 1822 г. (стр. 1).

1809.

—

XXI. Два Голубя.

Содержаніе своей б. les deux Pigeons Ла Фонтенъ заимствовалъ изъ le Livre des Lumières (см. примѣч. къ б. XI), гдѣ эта басня разсказывается визиремъ царю Дабшелиму, намѣревающемуся предпринять дальнее путешествіе для отысканія сокровищъ, о которыхъ онъ былъ извѣщенъ въ сновидѣніи. Приводимъ этотъ разсказъ въ извлеченіи, такъ какъ онъ объясняетъ нѣкоторыя частности въ б. Ла Фонтена: «Были нѣкогда два голубя, сказалъ визирь, которые, довольствуясь пшеницею и водою, жили въ своихъ гнѣздахъ совершенно благополучно. Одному изъ нихъ, Базиндагу, вздумалось однажды странствовать. Какъ ни уговаривалъ его другой, Навазиндагъ, остаться дома, однакожъ тотъ не послушалъ его и отправился въ путь. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы и сады, и къ вечеру пріютился на деревѣ, которое росло въ прекрасномъ мѣстѣ, подобномъ земному раю. Лишь только онъ сѣлъ на дерево, какъ началась гроза. Онъ перелеталъ съ одной вѣтки на другую, но нигдѣ не могъ укрыться отъ дождя и града. Проведя такъ безпокойно ночь, онъ уже началъ раскаяваться, что разстался съ другомъ, и вознамѣрился возвратиться домой. Когда взошло солнце, то голодный ястребъ увидѣлъ Базиндага и устремился на него. Онъ затрепеталъ отъ страха; но къ счастію его, на ястреба налетѣлъ орелъ, и пока два хищника дрались между собою, голубь успѣлъ ускользнуть отъ нихъ и спрятаться въ небольшой скважинѣ, куда едва возмож-

но было войти воробью. Вышедши на другой день оттуда, онъ чувствовалъ себя совершенно слабымъ отъ голода и страха. Озираясь на всѣ стороны, не летитъ ли на него снова ястребъ или орелъ, онъ увидѣлъ на полѣ голубя, предъ которымъ было разсыпано много пшеницы, и смѣло приблизился къ нему; но лишь только проглотилъ нѣсколько зеренъ, какъ почувствовалъ, что ноги его запутались въ силокъ. Базиндагъ обратился къ голубю съ упреками, отчего онъ не предупредилъ его о такомъ обманѣ, и просилъ указать ему какой нибудь способъ избавленія. «Глупенькій, отвѣчалъ ему тотъ: если бы я зналъ какое нибудь средство, то прежде всего самъ употребилъ бы его и не былъ бы причиною гибели моихъ товарищей», и при томъ разсказалъ ему «о молодомъ верблюдѣ и его матери»: Немилосердая мать! говорилъ молодой верблюдъ, утомившись идти за своею матерью: остановись хоть на минуту, чтобы я могъ отдохнуть». «Безразсудный сынъ, отвѣчала мать: развѣ ты не видишь, что мою узду держитъ другой? Если бы я была свободна, я сбросила бы съ себя ношу и помогла бы тебѣ». — Употребивъ всѣ усилія, Базиндагъ вырвался наконецъ изъ силковъ и полетѣлъ домой. Отъ радости онъ забылъ о другихъ опасностяхъ и даже о голодѣ. Пролетая черезъ деревню, онъ сѣлъ на стѣну противъ засѣяннаго поля. Тамъ увидѣлъ его крестьянинъ, который стерегъ поле отъ птицъ, бросилъ въ него камнемъ изъ пращи и такъ жестоко ударилъ его, что онъ полумертвый упалъ въ находившійся подлѣ глубокій колодезь, откуда крестьянинъ никакъ не могъ его достать. Такъ провелъ онъ всю ночь и на другой день, собравъ послѣднія силы, полетѣлъ къ своему гнѣзду. Навазиндагъ узналъ его по полету и съ радостью полетѣлъ къ нему на встрѣчу; но увидѣвъ его слабымъ и унылымъ, сталъ спрашивать о причинѣ. Базиндагъ разсказалъ ему свои приключенія и поклялся, что впредь никогда не будетъ путешествовать». Дабшелимъ возражаетъ визирю и въ свою очередь выслушиваетъ новое возраженіе *. Изъ этой бесѣды составляется введеніе въ книгу Anvàr-i Suhailí, неимѣющее ничего общаго съ санскритскимъ текстомъ «Панчитантры», а равно и съ арабскою переработкою его

* См. русскій переводъ этой книги: *Политическія и нравоучительныя басни Пильпая*, пер. Б. Волкова, 1762, стр. 20.

«Калила и Димна» (см. Benfey's Pantschatantra, I Th. §§ 12—17 и 19 *. Слѣдовательно, басня «о голубѣ путешественникѣ» персидскаго происхожденія, и составляетъ, по замѣчанію Эствика, одинъ изъ удачнѣйшихъ эпизодовъ Гусайнъ-Ваица (см. англійскій переводъ Anvàr-i Suhailí, Translator's Preface, X).

Изъ русскихъ писателей у Ла Фонтена заимствовали эту басню: Сумароковъ, который назвалъ ее «Голубь и Голубка» (кн. V, притча XXXIV), гр. Хвостовъ — «Два Голубя» (т. IV, стр. 11, б. VI); (онъ измѣнилъ ея содержаніе: у него одинъ изъ голубей «постарѣе, другой помоложе», отчего они становятся въ такія отношенія, какія могутъ существоватъ между наставникомъ и воспитанникомъ, что совершенно противорѣчитъ основной мысли разсказа); Дмитріевъ — «Два Голубя» (кн. I, б. 14), который перевелъ ее почти по-строчно **, и наконецъ Крыловъ.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданіи 1809 года, стр. 6, и впослѣдствіи подверглась нѣкоторымъ перемѣнамъ:

Ст. 1: .... братца .... (изд. 1811 и 15).
9: одинъ у нихъ .... (1815).
10—11: Диковинки земнаго круга
Судить и видѣть самъ собой,
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой, —
Во снѣ и на яву походъ лишь видитъ свой
И ни о чемъ другомъ не можетъ рта разинуть (до 1819).
14: Въ изданіяхъ до 1819 г. этого стиха нѣтъ.
15: Иль братца хочешь ты покинуть (до 1819).
16: Жестокій: ежели ... (1809, 11),
20: .... упрашивать не буду (1809, 11).
21: Теперь и кормъ такъ скуденъ, малъ (1809).
— Теперь и кормъ и скуденъ такъ и малъ (1811).
— Теперь же кормъ .... (1815, 19).
24: Останься, другъ любезный мой (1809).
28: Силки да ястреба .... (1809, 11).
36: И разсуждать и чувствовать мѣшаетъ (1809, 11).
40: И, лучшія узнавъ диковинки на свѣтѣ.
44—45: Тамъ это слышалъ я, тамъ то попалось мнѣ,
А тамъ такое видѣлъ диво.
47: Какъ будто бъ самъ леталъ со мной въ той сторонѣ.

---

* Тамъ же стр. 1 — 46.
** См. Журн. *Учитель* за 1865 г. № 3 и 4, стр. 123—4.

*

Ст. 48: По сихъ словахъ друзья....
52: .... Къ счастью засохшій дубъ попался (до 1819).
55: Но ни отъ вѣтровъ.... (1809, 11).
79—82: Вм. этихъ стиховъ:

И тутъ не всѣ бѣды окончились на немъ:
Мальчишка въ близости рѣзвился:
Набравши камушковъ, онъ въ цѣль метать учился
И, чтобъ узнать, вѣрна ль рука,
Хвать камнемъ въ голубка.
Какъ срѣзалъ съ ногъ онъ бѣдняка (1809, 11).

Къ ст. 1 — 6: Два голубя, какъ два родные брата жили....
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

«Въ этихъ шести стихахъ», пишетъ Жуковскій, «которые всѣ принадлежатъ подражателю, распространенъ одинъ прекрасный стихъ Ла Фонтена:

Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre;

но они, вѣрно, не покажутся никому излишними. Можно ли пріятнѣе представить счастливое согласіе двухъ друзей? Вотъ то, что называется замѣнять красоты подлинника собственными». («Сочиненія», т. VII, стр. 99.)

Къ ст. 7—12: Ну, кажется, куда бъ хотѣть...
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой.

«И этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ», продолжаетъ Жуковскій,— «но они милы тѣмъ простодушіемъ, съ какимъ выражается въ нихъ нѣжное чувство». (Тамъ же).

Вм. стиховъ отъ 6 до 12 у Ла Фонтена:

L'un d'eux, s'ennuyant au logis,
Fut assez fou pour entreprendre
Un voyage en lointain pays.

Къ ст. 13 — 33: Куда ты? говоритъ сквозь слезъ ему другой....
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья?

Вся эта рѣчь голубя по содержанію сходна съ подлинникомъ, хотя и отличается отъ него въ частностяхъ:

L'autre lui dit: Qu'allez-vous faire?
Voulez-vous quitter votre frère?
L'absence est le plus grand des maux:
Non pas pour vous, cruel! Au moins que les travaux,
Les dangers, les soins du voyage,
Changent un peu votre courage.
Encor, si la saison s'avançait davantage!
Attendez les zéphyrs: qui vous presse? un corbeau
Tout à l'heure annonçait malheur à quelque oiseau.

Je ne songerai plus que rencontre funeste,
Que faucons, que réseaux. Hélas! dirai-je, il pleut:
Mon frère a-t-il tout ce qu'il veut,
Bon souper, bon gîte, et le reste?

Къ ст. 34 — 36; Растрогала рѣчь эта голубка....
Она и разсуждать и чувствовать мѣшаетъ.

Эта мысль у Ла Фонтена выражена иначе:

Ce discours ébranla le coeur
De notre imprudent voyageur.
Mais le désir de voir et l'humeur inquiète
L'emportèrent enfin.

Къ ст. 37 — 47: Не плачь, мой милый, такъ онъ друга утѣшаетъ....
Какъ будто бъ самъ леталъ ты по свѣту со мной.

Отвѣтъ голубя у Ла Фонтена;

.... Il dit: Ne pleurez point;
Trois jours au plus rendront mon âme satisfaite:
Je reviendrai dans peu conter de point en point
Mes aventures à mon frère;
Je le désennuierai. Quiconque ne voit guère
N'a guère à dire aussi.

Къ ст. 48—58: Тутъ дѣлать нечего, друзья поцѣловались....
Желанье подзывать бѣдняжку далѣ стало.

Этимъ стихамъ у Ла Фонтена соотвѣтствуютъ слѣдующіе стихи:

A ces mots, en pleurant, ils se dirent adieu.
Le voyageur s'éloigne: et voilà qu'un nuage
L'oblige de chercher retraite en quelque lieu.
Un seul arbre s'offrit, tel encor que l'orage
Maltraita le pigeon en dépit du feuillage.
L'air devenu serein, il part tout morfondu,
Sèche du mieux qu'il peut son corps chargé de pluie....

Къ ст. 51: Подъ нимъ какъ океанъ синѣетъ степь кругомъ.

Этотъ стихъ Жуковскій и Измайловъ приводятъ, какъ образецъ живописнаго изображенія бури.

Къ ст. 59—66: Встряхнулся и летитъ, летитъ и видитъ онъ....
Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.

Ла Фонтенъ, слѣдуя своему оригиналу, вводитъ другаго голубя, дѣйствующее лице, вовсе ненужное для разсказа:

Dans un champ à l'écart voit du blé répandu,
Voit un pigeon auprès: cela lui donne envie;
Il y vole, il est pris: ce blé couvrait d'un lacs
Les menteurs et traîtres appas.

Le lacs était usé; si bien que, de son aile,
De ses pieds, de son bec, l'oiseau le rompt enfin:
Quelque plume y périt....

Къ ст. 67—76: Вотъ пуще той бѣды, бѣда надъ головой....
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.

Эта часть разсказа у Ла Фонтена передана такимъ образомъ:

.... et le pis du destin
Fut qu'un certain vautour, à la serre cruelle,
Vit notre malheureux, qui, traînant la ficelle
Et les morceaux du lacs qui l'avait attrapé,
Semblait un forçat échappé.
Le vautour s'en allait le lier, quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.
Le pigeon profita du conflit des voleurs,
S'envola....

По поводу этихъ стиховъ Крылова Жуковскій замѣчаетъ: «Вотъ изображеніе опасностей голубка путешественника, котораго преслѣдуетъ ястребъ:

Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ него съ холодныхъ крыльевъ пашетъ.

Въ Ла Фонтенѣ этихъ стиховъ нѣтъ; но подражатель, кажется, хотѣлъ замѣнить ими другіе два, нѣсколько ослабленные имъ въ переводѣ

.... quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.

Сожалѣемъ также, что онъ выпустилъ прекрасный стихъ, который переведенъ такъ удачно у Дмитріева:

Le pigeon profita du conflit des voleurs —
И такъ, благодаря стеченію воровъ.

Стихъ тѣмъ болѣе важный, что въ немъ стихотворецъ мимоходомъ, одною чертою напоминаетъ намъ о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, гдѣ иногда раздоръ злодѣевъ бываетъ спасеніемъ невинности. Это искусство *намекать* принадлежитъ въ особенности Ла Фонтену». (Тамъ же.)

Къ ст. 77—87: Межъ тѣмъ нашъ голубь милой....
Поплелся кое какъ безъ дальнихъ бѣдъ.

У Ла Фонтена:

.... s'abattit auprès d'une masure,
Crut pour ce coup que ses malheurs
Finiraient par cette aventure;
Mais un fripon d'enfant (cet âge est sans pitié)
Prit sa fronde, et du coup tua plus d'à moitié
La volatile malheureuse,

Qui, maudissant sa curiosité,
Traînant l'aile, et tirant le pied,
Demi-morte et demi — boiteuse,
Droit au logis s'en retourna:
Que bien, que mal, elle arriva
Sans autre aventure fâcheuse.

Къ ст. 82: Сей возрастъ жалости не знаетъ.

Измайловъ относитъ этотъ стихъ къ разряду удачныхъ размышленій (réflections) («Соч.» т. II, стр. 665).

Къ ст. 85—97: Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Гдѣ ваша милая иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

Объ этихъ стихахъ Жуковскій говоритъ: «Заключеніе басни прекрасно въ обоихъ переводахъ (т. е. Дмитріева и Крылова), съ тою только разницею, что Крыловъ замѣнилъ стихи подлинника собственными, а Дмитріевъ перевелъ очень близко Ла Фонтена и съ нимъ сравнился. (За тѣмъ авторъ выписываетъ заключеніе обѣихъ басенъ *. Послѣдніе стихи (т. е. Дмитріева) лучше первыхъ; но должно ли ихъ сравнивать? Крыловъ, не желая переводить снова, а можетъ быть, и не надѣясь перевести лучше, замѣнилъ красоту подлинника собственною. Заключеніе басни его (если не сравнивать его ни съ Ла Фонтеномъ, ни съ переводомъ Дмитріева) прекрасно само по себѣ. Напримѣръ, послѣ подробнаго описанія несчастій голубка-путешественника, не тронетъ ли васъ одинъ прекрасный и нѣжный стихъ:

Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ.

Авторъ поставилъ одно имя дружбы въ противоположность живой картинѣ страданія, и вы спокойны на счетъ печальнаго странника. Поэтъ далъ полную волю вашему воображенію представить вамъ тѣ отрады,

---

* Приводимъ переводъ Дмитріева:

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ,
Хотите ль странствовать? Забудьте гордый Нилъ
И далѣ ближняго ручья не разлучайтесь.
Чѣмъ любоваться вамъ? Другъ другомъ восхищайтесь;
Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный.
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца праздный?
Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ: тогда за лугъ уединенный,
Присутствіемъ моей любезной озаренный,
Я не хотѣлъ бы взять ни каменныхъ палатъ,
Ни царства въ небесахъ... Придете ль вы назадъ,
Минуты радостей, минуты восхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаньемъ жить?
Уже ль прошла пора столь милыхъ обольщеній
И полно мнѣ любить?

которыя найдетъ голубокъ его, возвратившись къ своему другу. Здѣсь всякая подробность была бы излишнею и только ослабила бы главное дѣйствіе. Посредственный писатель, вѣроятно, воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы наскучить читателю обыкновенными выраженіями чувства; но истинное дарованіе воздержаннѣе: оно обнаруживается и въ томъ, что поэтъ описываетъ, и въ томъ, о чемъ онъ умалчиваетъ, полагаясь на чувство читателя. Послѣдніе три́ стиха прелестны своею простотою и нѣжностію». («Сочиненія», т. VII, стр. 100 и слѣд.).

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что, замѣняя заключительные стихи Ла Фонтена собственными, Крыловъ, сверхъ соображеній, указанныхъ Жуковскимъ, могъ руководиться и тѣмъ еще, что субъективно-лирическій тонъ, въ который впадаетъ французскій баснописецъ, не вполнѣ согласуется съ объективнымъ, спокойнымъ разсказомъ. Чтобы выдержать этотъ тонъ до конца сочиненія, Крыловъ пожертвовалъ стихами подлинника.

XXII. Моръ Звѣрей.

По мнѣнію комментаторовъ Ла Фонтена, басня его les Animaux malades de la peste заимствована имъ у Guillaume Gueroult, le premier livre des Emblèmes, изданной въ Ліонѣ въ 1540 г., гдѣ находится разсказъ подъ заглавіемъ: Fable du Lion, du Loup et de l'Ane; но Жерюзе въ своей Histoire de l'Eloquence au XVI siècle приводитъ разсказъ проповѣдника Ролена (Raulin) (род. 1443 ум. 1514) изъ проповѣдей и писемъ котораго Рабле и Ла Фонтенъ почерпнули нѣсколько сюжетовъ. Его разсказъ направленъ противъ злоупотребленій католической церкви. «Левъ однажды исповѣдывалъ. Различныя животныя подходили къ нему исповѣдываться. Волкъ началъ: онъ сознался, что пожралъ множество барановъ; но прибавилъ, что это старинное обыкновеніе его фамиліи, что съ незапамятныхъ временъ волки ѣли овецъ и что онъ не чувствуетъ себя столь виновнымъ. Левъ ему сказалъ: такъ какъ это обыкновеніе вашихъ предковъ, наслѣдственное право, то продолжайте; только читайте при этомъ Pater noster. Лисица сдѣлала подобное же признаніе, и сказала: я съѣла много куръ, опустошила много птичьихъ дворовъ; но во всѣ времена мои предки дѣлали то же самое прежде меня, и я ѣмъ ихъ по моей

природѣ. — Пусть будетъ такъ, сказалъ левъ: продолжайте, дѣлайте, какъ ваши предки; но читайте при этомъ Pater noster. Въ свою очередь пришелъ оселъ; онъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ бьетъ себя въ грудь и сознается, что виновенъ въ трехъ прегрѣшеніяхъ: во-первыхъ, онъ съѣлъ сѣно, которое упало съ телѣги на терновникъ. — Это большой грѣхъ — ѣсть чужое сѣно! Продолжайте. — Тогда оселъ сознался, что онъ однажды нагадилъ въ монастырѣ. — Загадить святую землю! вскричалъ левъ: это смертный грѣхъ! — Признаніе въ третьемъ прегрѣшеніи онъ произнесъ среди слезъ и рыданій. Онъ сказалъ наконецъ, что, когда братія пѣла въ хорѣ, онъ заревѣлъ и подтягивалъ имъ. Левъ ему сказалъ: О! это тяжкій грѣхъ — пѣть въ то время, когда поетъ братія, разстраивать ее и сѣять разногласіе въ церкви! — За все это онъ приговорилъ его къ бичеванію (Fables de La Fontaine, édit. variorum. 1861). Едва ли не отсюда Ла Фонтенъ заимствовалъ основу своей басни, въ которой оселъ винится въ томъ, что ѣлъ траву на лугу, принадлежащемъ монастырю, чѣмъ возбуждаетъ общее негодованіе и навлекаетъ на себя наказаніе. Этотъ намекъ на своекорыстіе духовной касты въ русскихъ переводахъ и передѣлкахъ исчезаетъ.

Изъ русскихъ писателей переводили эту б. Ла Фонтена: Княжнинъ, подъ заглавіемъ «Моръ Звѣрей» («Собраніе сочиненій», т. II, стр. 539) и гр. Хвостовъ подъ тѣмъ же заглавіемъ («Полное собраніе стихотвореній», т. IV, стр. 33).

Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ изд. 1809 г., стр. 13—16.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ, моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри.
Въ адъ распахнулись настежъ двери; [1]
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы. [2]

---

[1] У Княжнина: Повсюду къ смерти имъ отверзты двери.

[2] Жуковскій, выписавъ все вступленіе до 17 стиха, говоритъ: «Крыловъ занялъ у Ла Фонтена искусство смѣшивать съ простымъ и легкимъ разсказомъ картины, истинно стихотворныя». 4-й и 5-й стихи — «два стиха, которые не испортили бы никакого описанія моровой язвы въ эпической поэмѣ». («Соч.», т. VII. стр. 103).

По поводу этихъ-же стиховъ Лобановъ замѣчаетъ: «Крыловъ на-

Неумолимая, какъ сѣно коситъ ихъ; [a]
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, [b] чуть бродятъ полумертвы.
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ. [c]
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ: [d] [3]
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ монахъ; [4]
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ;
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ. [e]
Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье!
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ. [f]
Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ нихъ души;

[a] На часъ по тысячѣ валится ихъ (до 1819). У Княжнина: валятся звѣри.

[b] Такой же части ждя.... (1809),
— Съ собой того же ждя.... (1811).
— Себѣ того жъ боясь.... (1815, 19).

[c] Въ изд. до 1825 г. этого стиха нѣтъ.

[d] Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ бѣдѣ великой той (1809, 11).
— ....въ великихъ тѣхъ бѣдахъ (1815, 19).

[e] ....смиренъ какъ святой;
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ.
И пища имъ на умъ нейдетъ (1809, 11).
(Послѣдній стихъ остается также до изд. 1834 г.).

[f] Въ сей крайности совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ (1819).

писалъ свое начало басни; но это свое несравненно лучше; въ немъ болѣе поэзіи; кисть его сильнѣе и роскошнѣе. У Ла Фонтена нѣтъ, напримѣръ, этого прекраснаго изображенія:

Въ адъ распахнулись настежъ двери.

(См. «Жизнь и сочин. Крылова», стр. 50).

[3] У Княжнина: И звѣри въ ужасѣ уже не звѣри стали.

[4] По поводу относящагося къ этимъ стихамъ варіанта Жуковскій замѣчаетъ: «здѣсь разсказъ стихотворный забавенъ и легокъ, но не составляетъ непріятной противоположности съ поэтическою картиною язвы. А въ слѣдующихъ трехъ стихахъ съ простымъ описаніемъ сливается нѣжное чувство». Выписавъ стихи 15—16, Жуковскій продолжаетъ: «Это переводъ, и самый лучшій, прекрасныхъ ла-фонтеновыхъ стиховъ:

Les tourterelles se fuyaient:
Plus d'amour, partant plus de joie....

Какая разница съ переводомъ Княжнина, который однакоже не дуренъ:

И горлицы другъ друга убѣгаютъ,

Сбрелись и, въ тишинѣ царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши. [5]
— «О други!» началъ Левъ: «по множеству грѣховъ [6]
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ! [g]
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокостъ гнѣва ихъ. [h]

[g] Дозволитъ принести себя на жертву имъ (до 1819).
[h] Смягчитъ жестокость ихъ (1809).

Нѣтъ болѣе любви въ лѣсахъ и нѣтъ утѣхъ! («Соч.» т. VII, стр. 103).

Для сравненія приводимъ стихи Ла Фонтена, изображающіе уныніе звѣрей:

On n'en voyait point d'occupés
A chercher le soutien d'une mourante vie;
Nul mets n'excitait leur envie;
Ni loups ni renards n'épiaient
La douce et l'innocente proie;

Слѣдуютъ два вышеприведенные стиха.

[5] Ла-фонтеново выраженіе: Le lion tint conseil et dit, Крыловъ замѣнилъ четверостишіемъ, на которое Лобановъ указываетъ, какъ на «прекрасную картину» (стр. 50).

[6] Вся рѣчь льва, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, близка къ подлиннику:

.... Mes chers amis,
Je crois que le ciel a permis
Pour nos péchés cette infortune.
Que le plus coupable de nous
Se sacrifie aux traits du céleste courroux;
Peut-être il obtiendra la guérison commune.
L'histoire nous apprend qu'en de tels accidents
On fait de pareils dévouements.
Ne nous flattons donc point; voyons sans indulgence
L'état de notre conscience.
Pour moi, satisfaisant mes appétits gloutons,
J'ai dévoré force moutons.
Que m'avaient-ils fait? nulle offense;
Même il m'est arrivé quelquefois de manger
Le berger.
Je me dévouerai donc, s'il le faut: mais je pense
Qu'il est bon que chacun s'accuse ainsi que moi;
Car on doit souhaiter, selon toute justice,
Que le plus coupable périsse.

Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ,
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
И такъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно. [i]
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь, хоть это мнѣ и больно,
Не правъ и я! [j]
Овечекъ бѣдненькихъ — за что? — совсѣмъ безвинно,
Диралъ безчинно;
А иногда, — кто безъ грѣха? —
Случалось, дралъ и пастуха:
И въ жертву отдаюсь охотно.
Но лучше бъ намъ всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи; на комъ ихъ болѣ есть, [k]
Того бы въ жертву и принесть:
И было бы богамъ то болѣе угодно. [l]
«О царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты»,
Лисица говоритъ, «въ грѣхъ это ставишь ты. [7]
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;
При томъ же, нашъ отецъ,
Повѣрь, что это честь большая для овецъ, [8]
Когда ты ихъ изволишь кушать. [m]

И такъ
Пусть всякъ
Подробно здѣсь разскажетъ,
Кого въ чемъ совѣсть вяжетъ (1809, 11).
— И такъ, собравши духъ,
Пусть исповѣдуетъ *и проч.* (до 1819).

[j] Охъ, признаюсь: не правъ и я! (1809, 11).

[k] Вм. ст. отъ 42 до 44:
И въ жертву отдаюсь охотно — только сперва
Не худо бъ всѣмъ свои грѣхи здѣсь перечесть;
На комъ ихъ болѣ есть,
Того бы.... (1809, 11).

[l] Онъ правосудію прямая будетъ жертва.

[m] Къ чему щадить овецъ? — Я думаю безъ лести,
И всѣ то скажутъ здѣсь, хоть самъ спросить изволь,
Для твари глупой, подлой толь,

---

[7] У Ла Фонтена:
Sire, dit le renard, vous êtes trop bon roi;
Vos scrupules font voir trop de délicatesse.

[8] У Ла Фонтена: .... Vous leur fîtes, seigneur,
En les croquant, beaucoup d'honneur.

А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ. [9]
Ихъ чаще такъ учить: имъ это по-дѣломъ.
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спѣсью дышетъ,
И нашими вездѣ себя царями пишетъ.»
Окончила лиса; за ней на тотъ же ладъ, [10]
Льстецы Льву тоже говорятъ,
И всякій доказать спѣшитъ наперехватъ,
Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья. [п]
За львомъ медвѣдь и тигръ и волки въ свой чередъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья:
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ.
И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ [о]
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ [11] имъ такъ мычитъ: «И мы

Царю по вкусу быть чрезмѣрно много чести (1809, 11).
Въ изд. 1815 и 19 г. 2-й и 3-й стихи:
И вѣрно всѣ согласны здѣсь со мной —
Для твари глупенькой такой *и проч.*

[п] .... разрѣшенья (1809, 11).

[о] И всѣ, кто былъ зубкомъ иль ноготкомъ богаты,
Тѣ вышли вонъ (до 1825).

---

[9] О пастухѣ у Ла Фонтена лисица говоритъ:

Et quant au berger, l'on peut dire
Qu'il était digne de tous maux,
Étant de ces gens-là qui sur les animaux
Se font un chimérique empire.

[10] Слѣдующіе двѣнадцать стиховъ соотвѣтствуютъ шести Ла Фонтена:

Ainsi dit le renard; et flatteurs d'applaudir.
On n'osa trop approfondir
Du tigre, ni de l'ours, ni des autres puissances,
Les moins pardonnables offenses:
Tous les gens querelleurs, jusqu'aux simples mâtins,
Au dire de chacun, étaient de petits saints.

[11] По поводу замѣны ла-фонтеновскаго осла воломъ Лобановъ замѣчаетъ: «У Ла Фонтена оселъ въ свою очередь кается въ грѣхахъ прекрасными стихами; но Крыловъ замѣнилъ его воломъ, не глупымъ, какимъ всегда принимается оселъ, но только простодушнымъ животнымъ... Эта перемѣна и тѣмъ уже совершеннѣе, что въ рѣчи вола мы слышимъ мычаніе и столь естественное, что словъ его нельзя замѣнить другими звуками; а эта красота, которою нашъ поэтъ пользуется и вездѣ съ край-

Грѣшны. Тому лѣтъ пять, [p] когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого [q] себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ!
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ медвѣди, тигры, волки:
«Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣсть! [12] Ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги?
Его безчинника съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть и нравы отъ заразы:
Такъ, по его грѣхамъ и моръ у насъ такой!» [r]
Приговорили —
И на костеръ Вола взвалили.
И въ людяхъ такъ же, говорятъ:
Кто по-смирнѣй, [s] такъ тотъ и виноватъ. [13]

[p] .... Тому давно .... (1819).
[q] Нигдѣ .... (до 1819).
[r] По немъ у насъ и моръ такой (до 1819).
[s] .... побезсильнѣе .... (1809).

нимъ благоразуміемъ, вездѣ приноситъ читателю истинное удовольствіе» (стр. 51). Для сравненія приводимъ стихи Ла Фонтена, соотвѣтствующіе стихамъ Крылова отъ 61 до 76:

L'âne vint à son tour, et dit: J'ai souvenance
Qu'en un pré de moines passant,
La faim, l'occasion, l'herbe tendre, et, je pense,
Quelque diable aussi me poussant,
Je tondis de ce pré la largeur de ma langue;
Je n'en avais nul droit, puisqu'il faut parler net.

[12] У Ла Фонтена:

Manger l'herbe d'autrui! quel crime abominable!

[13] Мысль этого стиха только въ обратной формѣ выражается въ пословицѣ: «Чья сильнѣе, та и правѣе» (*Сборникъ* Даля, стр. 162, и *Полн. собр. послов.* Д. К., стр. 286).

XXIII. Пѣтухъ и Жемчужное зерно.

Первообразъ этой басни находимъ у Федра (кн. III, б. 10) Pullus ad Margaritam; пѣтухомъ Федръ называетъ того, кто его не понимаетъ:

Hoc illis narro, qui me non intelligunt.

Ла Фонтенъ, заимствовавъ у него содержаніе, измѣнилъ заключеніе, отнеся басню вообще къ невѣждамъ, не умѣющимъ пользоваться предметами, драгоцѣнными для ученаго (кн. I, б. XX, le Coq et la Perle).

Въ русскую литературу эта басня была перенесена Тредьяковскимъ подъ заглавіемъ: «Пѣтухъ и Жемчужина» («Соч.» изд. 1849, басенка I) безъ нравоученія; потомъ переводили ее Сумароковъ, подъ заглавіемъ: «Пѣтухъ и Жемчужное зерно» (кн. II, прит. XLIV), примѣнившій ее, подобно Федру, къ тѣмъ, «кто притчи презираетъ»; и гр. Хвостовъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ (кн. III, б. IX).

Передѣлка Крылова напечатана въ первый разъ въ изд. 1809 года съ слѣд. варіантами:

Ст. 2: Нашелъ пѣтухъ.... (1809, 11).
5 — 8: Ну, что за прибыль, что на взглядъ
Ячменнаго зерна собою повиднѣе;
Я, право, вдвое былъ бы радъ,
Когда бы что нибудь здѣсь вырылъ посытнѣе.
10: Чего не вóзьмутъ въ толкъ....

Для сравненія приводимъ всю басню Ла Фонтена:

Le Coq et la Perle.

Un jour un coq détourna
Une perle, qu'il donna
Au beau premier lapidaire.
Je la crois fine, dit-il;
Mais le moindre grain de mil
Serait bien mieux mon affaire.
Un ignorant hérita
D'un manuscrit, qu'il porta
Chez son voisin le libraire.
Je crois, dit-il, qu'il est bon;
Mais le moindre ducaton
Serait bien mieux mon affaire.

XXIV. Левъ и Комаръ.

Басня Эзопа «Левъ и Комаръ» (№ 144, перев. Мартынова), и заимствованная изъ нея б. Ла Фонтена le Lion et le Moucheron (кн. II, б. 9) въ общемъ весьма сходны между собою, но значительно различаются въ подробностяхъ. Приводимъ для сравненія первую: Комаръ, пришедши ко Льву, сказалъ: «я тебя не боюсь ты не сильнѣе меня. Но если не такъ, къ чему тебѣ служитъ твоя сила? Что ты царапаешь когтями и кусаешь зубами, — это дѣлаетъ и жена, когда дерется съ мужемъ. Я гораздо тебя сильнѣе; если хочешь, выйдемъ на сраженіе», и, запищавъ, напалъ на Льва, кусая его въ безволосыя мѣста около ноздрей. Левъ своими когтями отгонялъ его отъ него (*себя*), доколѣ не вышелъ изъ себя. Комаръ, побѣдивши льва и затрубивъ и запѣвши побѣдную пѣснь, улетѣлъ, но, запутавшись въ паутину, когда паукъ сталъ его ѣсть, взрыдалъ, что, сражаясь съ величайшими звѣрьми, былъ ихъ побѣдителемъ; а нынѣ погибаетъ отъ ничтожнаго животнаго—паука.—Баснь на тѣхъ, кои низвергаютъ великихъ и малыми низвергаются».—Сохранивъ вполнѣ основу разсказа, Ла Фонтенъ вывелъ нравоученіе какъ для Льва, такъ и для его побѣдителя:

Quelle chose par là nous peut être enseignée?
J'en vois deux, dont l'une est qu'entre nos ennemis
Les plus à craindre sont souvent les plus petits;
L'autre, qu'aux grands périls tel a pu se soustraire,
Qui périt pour la moindre affaire.

Эту б. Ла Фонтена довольно близко перевелъ И. И. Дмитріевъ, подъ заглавіемъ: «Левъ и Комаръ» (кн. IV, б. XVIII); у Сумарокова есть также притча, по идеѣ приближающаяся къ этой: «Заяцъ и Медвѣдь» (кн. VI, притч. XXIV): «Заяцъ мститъ медвѣдю, пожравшему его дѣтенышей, тѣмъ, что зимою протаптываетъ слѣдъ отъ деревни къ его берлогѣ; мужикъ, погнавшійся за зайцемъ, открываетъ медвѣдя, сзываетъ крестьянъ, и тѣ его убиваютъ». Выведенное отсюда нравоученіе сходно съ нравоученіемъ Крылова:

Не учиняй обидъ, ты сильный, никогда,
Безсильный то отмстить удобенъ иногда.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданія 1809 года, стр. 26, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 5 — 7: Послушай здѣсь,
Какъ больно Комаромъ наказанъ Левъ за спесь;
Вотъ слухъ какой о томъ дошелъ мнѣ стороною (изд. 1809, 11).
14: То съ тылу, то съ лица.... (1809, 11).
26 — 27: Деретъ сыру землю когтями онъ и зубомъ
Взоръ искрой засверкалъ, бьетъ у рту пѣна клубомъ.

(Такъ читаются эти два стиха въ изд. 1809 и 11 г.; второй изъ нихъ вовсе уничтоженъ въ изд. 1815 и 1819).

Къ ст. 11: Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань.

У Ла Фонтена:

.... lui-même il sonna la charge,
Fut le trompette et le héros.

Къ ст. 15: И мѣсто высмотрѣвъ, и время улуча....

У Ла Фонтена:

Puis prend son temps, fond sur le cou
Du lion....

Къ ст. 23: То въ носъ забьется льву, то въ ухо льва укуситъ.

У Ла Фонтена:

Tantôt pique l'échine, et tantôt le museau,
Tantôt entre au fond du naseau.
La rage alors se trouve à son faîte montée.

Къ ст. 25—33: Престрашный поднялъ ревъ....
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги.

Эти стихи составляютъ развитіе слѣдующихъ стиховъ Ла Фонтена.

Il rugit. On se cache, on tremble à l'environ;
Et cette alarme universelle
Est l'ouvrage d'un moucheron.

Означенные стихи Крылова въ частностяхъ нѣсколько приближаются къ стихамъ Дмитріева:

У Льва глазъ кровью налился;
Изъ пасти пѣна бьетъ; зубами онъ скрежещетъ,
Реветъ и все вокругъ уходитъ и трепещетъ!
Отъ Комара всеобщій страхъ!

Ср. съ первыми двумя стихами Дмитріева варіантъ ст. 26 — 27.

Къ ст. 37—39: Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

У Ла Фонтена:

L'insecte du combat se retire avec gloire:
Comme il sonna la charge, il sonne la victoire,
Va partout l'annoncer....

Надобно однакожъ замѣтить, что хотя Крыловъ и сохранилъ указанные здѣсь подробности оригинала, однакожъ совершенно измѣнилъ послѣдовательность разсказа.

У Дмитріева дѣло оканчивается тѣмъ, что Левъ умираетъ, изгрызши и исцарапавши себя отъ ярости. Крыловъ же, послѣдовавъ Ла Фонтену и Эзопу, оставилъ Льва въ живыхъ и заставилъ его просить мира, что, кажется, естественнѣе.

XXV. Роща и Огонь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1809 года, стр. 34, и окончательно редактирована только въ 1825 г. Въ предшествовавшихъ изданіяхъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 2—3: Бываетъ, что корысть себя подъ дружбой кроетъ,
Тогда тебѣ она лишь яму роетъ (1809 и 11).
17: Все это ничего.... (до изд. 1819).
26—27: Однако же сказать я не запнусь,
Что я въ могуществѣ и съ солнцемъ потянусь (до 1819).
31—33: И такъ, когда зимою,
Ты хочешь зеленѣть, какъ лѣтомъ и весною
Такъ только у себя мнѣ дай ты уголокъ (до 1819).

Сверхъ того въ одной изъ черновыхъ рукописей рядомъ съ передѣлками б. «Дубъ и Трость», изъ которыхъ извлечены варіанты ея, сохранились два стиха, долженствовавшіе замѣнить приведенные варіанты стиховъ 26 и 27:

Коль правду говорить (а правду я люблю),
То солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.

Это первая басня, въ которой Крыловъ обличаетъ своекорыстную, лицемѣрную дружбу; впослѣдствіи онъ не разъ возвращался къ этому предмету и изображалъ его съ разныхъ сторонъ.

XXVI. Лягушки, просящія царя.

Это передѣлка б. Ла Фонтена les Grenouilles qui demandent un Roi, заимствованной имъ у Эзопа (№ 166, перев. Мартынова); ее также находимъ у Федра (кн. I, б. 2), который сюжетъ ея примѣнилъ прямо къ Аѳинянамъ.

Изъ русскихъ писателей, кромѣ Крылова, эту б. перевели Вас. Майковъ (изд. 1766 г., кн. I, б. 4) и гр. Хвостовъ (кн. III, б. 1); послѣдній позже Крылова (примѣч. 55); оба подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданіи 1809 года, стр. 36.

Лягушкамъ стало неугодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ неблагородно
Безъ службы и на волѣ жить. [1]
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ царя онѣ просить. [a] [2]

[a] Пришли къ Юпитеру царя онѣ просить (1809, 11).

---

[1] У Ла Фонтена:

Les grenouilles, se lassant
De l'état démocratique....

По поводу этихъ стиховъ Измайловъ въ своемъ разборѣ этой басни («Соч.» т. II, стр. 721) замѣчаетъ: Слово: неугодно, иронически здѣсь употребленное, означаетъ уже прихоть и сумасбродство лягушекъ, хотя мы и не знаемъ еще, что именно имъ не нравится. *Кому не угодно? Лягушкамъ*, самымъ послѣднимъ и презрительнымъ животнымъ. — У Ла Фонтена жаловались онѣ только на демократическое правленіе; но это еще не показываетъ безумія ихъ, ни прихоти, потому что въ демократическомъ, или народномъ правленіи гораздо болѣе, нежели въ прочихъ, дѣлается несправедливостей и притѣсненій. Напротивъ того у Крылова лягушки похожи на собакъ, которыя *съ жиру бѣсятся:* имъ показалось *неблагородно безъ службы и на волѣ жить!* Подлинно *безумныя*, какъ ихъ назвалъ Юпитеръ».

[2] «Лягушки могли бы сами себѣ выбрать царя; нѣтъ, онѣ вздумали просить о томъ *боговъ*, которые безъ просьбы даютъ всѣмъ необходимо нужное». (Измайловъ, т. II, стр. 722).

Хоть слушать всякій вздоръ богамъ бы и не сродно, [3]
На сей однако жъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ: [4]
Далъ имъ царя. Летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ, [5]
И плотно такъ онъ треснулся [b] на царство, [6]
Что ходенемъ пошло трясинно государство: [7]
Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ, [8]
И шепотомъ царю по кельямъ дивовались.

[b] .... трепнулся .... (во всѣхъ изд., кромѣ 1843 г.).

(Замѣчательно, что Жуковскій, въ своей статьѣ, приводя текстъ этой б., замѣнилъ глаголъ *трепнулся* гл. *треснулся*; въ академич. словарѣ перваго нѣтъ вовсе, но приведенъ послѣдній съ выпискою 9-го и 10-го стиховъ (т. IV, стр. 296). Такимъ образомъ, можемъ сказать, что эта удачная поправка принадлежитъ не Крылову, а Жуковскому).

---

[3] Измайловъ замѣчаетъ, что слово: не сродно «употреблено весьма удачно», потому что слушать вздоръ богамъ не только не прилично, но именно не сродно». (Тамъ же).

[4] Въ этомъ стихѣ, по мнѣнію Измайлова, частица *жъ* «лишняя и дѣлаетъ непріятность для слуха». (Тамъ же.)

[5] Измайловъ замѣчаетъ, что въ этомъ стихѣ нарушено правило, требующее, чтобы въ шестистопномъ ямбическомъ стихѣ цезура была послѣ первыхъ трехъ стопъ», а здѣсь она сдѣлана послѣ двухъ, и всякій чувствуетъ, что это очень хорошо, естественно и не противно для уха; ибо легкость и естественность составляютъ главнѣйшее достоинство обыкновеннаго разговора въ стихахъ. — Онъ обращаетъ также вниманіе на слово: *съ шумомъ*, придающее особенную выразительность стиху, какъ звукоподражательное. (Тамъ же).

[6] Измайловъ находитъ этотъ стихъ особенно выразительнымъ и приписываетъ его выразительность тому, что «первая половина его оканчивается односложнымъ словомъ, вторая начинается такъ же односложнымъ, за которымъ слѣдуетъ длинное слово: *трепнулся* .... Все это чрезвычайно живо изображаетъ описываемое здѣсь дѣйствіе. Кажется, видишь, какъ этотъ царь упалъ съ неба на землю, отскочилъ немного вверхъ, потомъ опять упалъ и остался уже на мѣстѣ». (Тамъ же.)

[7] «Живопись въ самыхъ звукахъ!» говоритъ Жуковскій. «Два длинныхъ слова: *ходенемъ* и *трясинно*, прекрасно изображаютъ потрясеніе болота» («Соч.», т. VII, стр. 106). Измайловъ повторяетъ слова Жуковскаго.

[8] «Въ послѣднемъ стихѣ», пишетъ Жуковскій, «красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, которыя своею гармоніею представляютъ скачки и прыганіе. Вся эта тирада есть образецъ легкаго, пріятнаго и живописнаго разсказа». (Тамъ же.)

И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ, [9]
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто:
Со страхомъ на него глядятъ онѣ, и то [c]
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку; [10]
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому бъ не пригладѣлся свѣтъ:
То и онѣ сперва отъ страха отдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули:
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которыя еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ. [11]

[c] Чуть смѣютъ на него глядѣть онѣ — и то (1809, 11).

---

[9] Выраженіе, напоминающее народную поговорку: «Всѣмъ взялъ, и ростомъ, и дородствомъ». («Словарь» Даля, стр. 423.)

[10] По поводу этого стиха Измайловъ замѣчаетъ: «Прекрасное, забавное и живое изображеніе! Изъ этого стиха можно написать картину». (Тамъ же.)

[11] Выписавъ стихи отъ 9 до 38, Жуковскій говоритъ: «Можно забыть, что читаешь стихи: такъ этотъ разсказъ легокъ, простъ и свободенъ. Между тѣмъ какая поэзія! Я разумѣю здѣсь подъ словомъ *поэзія* искусство представлять предметы такъ живо, что они кажутся присутственными». («Соч.» т. VII, стр. 105). Въ стихахъ отъ 31 до 38 Измайловъ видитъ «прекрасный примѣръ постепенности» («Соч.» т. II, стр. 725). Эти стихи могутъ быть признаны вполнѣ оригинальными, потому что у Ла Фонтена видимъ только намекъ на эту постепенность; приводимъ для сравненія стихи Ла Фонтена, соотвѣтствующіе стихамъ Крылова отъ 22 до 38:

Or c'était un soliveau,
De qui la gravité fit peur à la première
Qui, de le voir s'aventurant,
Osa bien quitter sa tanière.
Elle approcha, mais en tremblant.
Une autre la suivit, une autre en fit autant:
Il en vint une fourmilière;

Въ три дня наскучило съ такимъ царемъ житье.
Лягушки новое челобитье, [d]
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство Журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ инаго нраву:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ: а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого;
За то ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ лягушкахъ каждый годъ великій недочетъ.
Съ утра до вечера ихъ царь по царству ходитъ,
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и — проглотитъ. [12]
Вотъ пуще прежняго и кваканье, и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ царя инова;
Что нынѣшній ихъ царь глотаетъ ихъ, какъ мухъ;
Что даже имъ нельзя (какъ это не ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконецъ, ихъ царь тошнѣе имъ засухъ. [13]

[d] Лягушки снова за вытье (1809).

(Послѣднее слово въ бывшемъ у насъ экземплярѣ, принадлежавшемъ эрмитажной, а нынѣ публичной библіотекѣ, зачеркнуто карандашемъ и вмѣсто его вписано: *вновь челобитье*. Эта поправка, вѣроятно, сдѣлана самимъ Крыловымъ.)

Et leur troupe à la fin se rendit familière
Jusqu'à sauter sur l'épaule du roi.

37-й стихъ, въ которомъ Измайловъ признаетъ особенно удачнымъ выраженіе: *по милости своей*, переводъ полустишія Ла Фонтена, слѣдующаго непосредственно за приведенными стихами: Le bon sire le souffre....

[12] О стихахъ отъ 45 до 56 Измайловъ замѣчаетъ, что они представляютъ прекрасную фигуру *разумноженія* («Соч.» т. II, стр. 727); она тѣмъ замѣчательнѣе, что вполнѣ принадлежитъ Крылову: у Ла Фонтена все это описаніе замѣняетъ слѣдующая фраза:

Le monarque des dieux leur envoie une grue,
Qui les croque, qui les tue,
Qui les gobe à son plaisir.

[13] «И коротко и сильно!» восклицаетъ Измайловъ. «Что можетъ быть мучительнѣе положенія: сидѣть цѣлый день на мѣстѣ, молчать и не смѣть никуда выглянуть. Самая малая засуха есть уже великое несчастіе для лягушекъ; но царь ихъ, журавль, несноснѣе, *тошнѣе* имъ засухъ.

— «Почто жъ вы прежде жить счастливо не умѣли? [14]
Не мнѣ ль, безумныя», вѣщалъ имъ съ неба гласъ: [e]
«Покоя не было отъ васъ?
Не вы ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ царь, — такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ;
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ;
Другой вамъ данъ, — такъ этотъ очень лихъ:
Живите жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже! [15]

[e] Безумныя! вѣщалъ имъ съ неба гласъ:
Не мнѣ ли не было нигдѣ житья отъ васъ (1809, 11).

Выразительная эта метафора: *тошнѣе* весьма часто употреблялась въ старинныхъ нашихъ простонародныхъ пѣсняхъ, и даже нынѣ еще употребляется въ разговорахъ между простолюдинами» (тамъ же). У Ла Фонтена вся эта тирада сжата въ одно предложеніе: Et grenouilles de se plaindre.

[14] Заключительная рѣчь Юпитера довольно близка къ подлиннику:

Et Jupin de leur dire: Eh quoi! votre désir
A ses lois croit-il nous astreindre?
Vous avez dû premièrement
Garder votre gouvernement;
Mais, ne l'ayant pas fait, il vous devait suffire
Que votre premier roi fût débonnaire et doux:
De celui-ci contentez-vous,
De peur d'en rencontrer un pire.

[15] «Вообще басня сія у Крылова несравненно лучше, нежели у Ла Фонтена» (Измайловъ, тамъ же); «въ стихахъ послѣдняго, кажется, менѣе живописи, и самый разсказъ его не столь забавенъ» (Жуковскій т. VII, стр. 106). — Замѣчаніе, которымъ Измайловъ заключаетъ свой разборъ, что въ исходѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія французы походили на изображенныхъ въ этой баснѣ лягушекъ, было причиною, что ее нерѣдко примѣняли къ французамъ этой эпохи; можетъ быть, и самъ Крыловъ, пиша эту басню, имѣлъ ту же заднюю мысль, что нисколько не противорѣчило бы вообще его мнѣніямъ о французахъ.

XXVII. Левъ и Человѣкъ [1].

Эта б. въ первый разъ была напечатана въ изд. 1809 года, стр. 40, а потомъ повторена во второмъ только изданіи первыхъ 23 б. («Басни Ивана Крылова, вновь исправленныя, 1811»); изъ всѣхъ же остальныхъ изданій исключена; въ 1865 году мы ее перепечатали въ «Русскомъ Архивѣ» (№ 4) въ приложеніи къ нашей статьѣ: «Хронологія б. Крылова», сохранивъ какъ орѳографію, такъ и пунктуацію изданія 1809 г.

Быть сильнымъ хорошо, быть умнымъ лучше вдвое.
Кто вѣры этому нейметъ,
Тотъ ясный здѣсь примѣръ найдетъ,
Что сила безъ ума сокровище плохое. —
Разкинувши тенета межъ деревъ
Ловецъ добычи дожидался;
Но какъ-то оплошавъ, самъ въ лапы льву попался. —
Умри презрѣнна тварь! Взревѣлъ свирѣпый левъ,
Разинувъ на него свой зѣвъ.
Посмотримъ, гдѣ твои права, гдѣ сила, твердость,
По коимъ ты въ тщеславіи своемъ
Всей твари, даже льва быть хвалишься царемъ?
И у меня въ когтяхъ мы разберемъ,
Сразмѣрна ль съ крѣпостью твоей такая гордость? —
Не сила, разумъ намъ надъ вами верхъ даетъ,
Былъ человѣка льву отвѣтъ.
И я хвалиться смѣю,
Что я съ умѣньемъ то препятство одолѣю,
Отъ коего и съ силой, можетъ быть,
Ты долженъ будешь уступить. —
О вашемъ хвастовствѣ усталъ я сказки слушать. —
Не въ сказкахъ доказать, я дѣломъ то могу;
А впрочемъ ежели солгу,
То ты еще меня и послѣ можешь скушать.
Взгляни — между деревьевъ сихъ,
Трудовъ моихъ
Разкинуту ты видишь паутину —
Кто лучше сквозь нее изъ насъ туда пройдетъ? —
Коль хочешь я пролѣзу напередъ.
А тамъ посмотримъ, какъ и съ силой въ свой чередъ

---

[1] У Эзопа есть также басня подъ заглавіемъ «Левъ и Человѣкъ» (№ 219, переводъ Мартынова), которую Ла Фонтенъ перевелъ подъ заглавіемъ le Lion abattu par l'homme (кн. III, б. X); но ни по содержанію, ни по нравственному выводу она не имѣетъ ничего общаго съ б. Крылова.

Проскочишь ты ко мнѣ на половину.
Ты видишь: эта сѣть не каменна стѣна;
Малѣйшимъ вѣтеркомъ колеблется она;
Однако съ силою одною,
Ты прямо сквозь нее едва-ль пройдешь за мною.
Съ презрѣніемъ тенета обозрѣвъ,
Ступай туда, сказалъ надменно левъ;
Въ мигъ буду я къ тебѣ дорогою прямою.
Тутъ мой ловецъ не тратя лишнихъ словъ
Нырнулъ подъ сѣть и льва принять готовъ. —
Какъ изъ лука стрѣла, левъ вслѣдъ за нимъ пустился,
Но левъ подныривать подъ сѣти не учился.
Онъ въ сѣть ударился, но сѣти не прошибъ —
Запутался — (ловецъ тутъ кончилъ споръ и дѣло).
Искуство силу одолѣло
И бѣдный левъ погибъ.

1811.

XXVIII. Огородникъ и Философъ.

Читана авторомъ въ первомъ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова, 14 Марта 1811 г. и напечатана въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ», того же года, кн. I, стр. 51; за тѣмъ въ изданіи 1811 г. вышедшемъ подъ заглавіемъ: «Новыя басни Ивана Крылова», стр. 27.

Эта б. сохранилась въ рукописи. Приводимъ варіанты, извлеченные изъ нея и изъ изданій:

Ст. 17: И подлѣ моего твой огородъ во всемъ (рукп., Чт. въ Б. и изд. 1811).
28: .... худо, вм. *криво* (тамъ же).
42: За заступъ взялся свой (рукп.).

Приводимъ слова Плетнева, по поводу этой и нѣсколькихъ другихъ басенъ: «Его (Крылова) нравоученіе проникнуто свѣтомъ опытовъ и мудрости .... Онъ воевалъ противъ крайностей во всемъ, зная, какъ близко отъ нихъ бѣды. Вникнувъ мыслью въ тайный смыслъ его басенъ: «Огородникъ и Философъ», «Червонецъ», «Музыканты», «Любопытный», кто не почувствуетъ, что, по его системѣ, педантство нелѣпо во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ». Эта басня дала поводъ г. Флёри (Journal de St. Peterbourg, № 219, 1867) къ слѣдующему заключенію о Крыловѣ: «Krylow», говоритъ онъ, «est médiocrement favorable aux découvertes, aux inventions nouvelles; il est plus frappé de leurs inconvénients que de leurs avantages. Ainsi il se plaît à railler les savants, occupés de recherches minutieuses (*le Curieux)*, les expériences agricoles (*le Jardinier et le Phi-*

losophe) и проч. Понявъ эту басню въ прямомъ ея смыслѣ и не давъ себѣ труда проникнуть въ мысль автора, французскій критикъ продолжаетъ: «La Fontaine est au contraire ami des nouveautés et quoique la philosophie de Descartes fût assez vivement poursuivie, il déclare que dans les siècles passés on eût fait un dieu de l'auteur de la «Méthode» et qu'il tient le milieu entre l'esprit et l'ange».

Хотя Крыловъ, дѣйствительно, нигдѣ, ни въ басняхъ, ни въ предшествовавшихъ сочиненіяхъ, не выразилъ сочувствія ни къ какимъ открытіямъ, изобрѣтеніямъ или нововведеніямъ; хотя дѣйствительно, ко всему онъ относился не иначе, какъ критически, что и составляетъ существенное отличіе его таланта; однакожъ никто не скажетъ, чтобы Крыловъ оставался равнодушенъ и безучастенъ къ тому, что заслуживало сочувствія. Достаточно вспомнить, съ какимъ уваженіемъ относился онъ къ труду Гнѣдича, какъ рѣзко отзывался о порицателяхъ Пушкина, который и Крылову, воспитавшемуся въ классическихъ преданіяхъ, долженъ былъ казаться нововводителемъ.

XXIX. Гуси.

Какъ и предшествующая б., читана въ первомъ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова и появилась въ печати въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ», 1811, кн. I, стр. 53; перепечатана въ «Новыхъ басняхъ», стр. 39. Рукописи не сохранилось; въ печатныхъ изданіяхъ находимъ только одинъ варіантъ:

Ст. 14: И насъ, какъ птицъ простыхъ гоняетъ (Чт. въ Б. и изд. 1811).

Къ ст. 1—2: Предлинной хворостиной мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать.

Этотъ стихъ Измайловъ приводитъ, какъ примѣръ «живаго изображенія, сдѣланнаго, такъ сказать, одною чертою». («Соч.» т. II, стр. 658).

Къ ст. 30—31: Баснь эту можно бы и болѣ пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Ср. пословицу: «Можно бы про это пѣсню спѣть, да чтобъ кого по уху не задѣть» («Послов. рус. народа», Даля, стр. 732).

XXX. Оселъ и Соловей.

Вмѣстѣ съ предыдущими двумя баснями была читана въ первомъ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова и въ первый разъ напечатана въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ», кн. I, стр. 55. Сохранившаяся рукопись и изданія заключаютъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4—6: Пропой мнѣ кой-что, чтобы я,
Твое услыша пѣнье,
Самъ посудилъ о твоемъ умѣньѣ (рукоп.)
— Желалъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье («Чт. въ Б.». Послѣдній стихъ измѣненъ при изд. 1843).
— Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое послушавъ пѣнье (изд. 1811).
20—21: Ну, что жъ, сказалъ оселъ — хотя
Не худо.... (рукп.)
— Скончалъ пѣвецъ и ждалъ хвалы потомъ.
Изрядно, говоритъ оселъ, сказать не ложно.... («Чт. въ Б.», изд. 1811).

Къ ст. 1 — 6: Оселъ увидѣлъ Соловья....
Велико ль подлинно твое умѣнье?

По поводу этихъ стиховъ Лобановъ замѣчаетъ: «Оселъ, котораго обличаютъ уже слова: *послушай-ка*, *дружище*, не довѣряя похваламъ другихъ, самъ хочетъ посудить о пѣньѣ соловья. Читатель предугадываетъ уже мудрое рѣшеніе его и любопытствуетъ слышать оное; авторъ съ самаго начала овладѣлъ уже его вниманіемъ» (стр. 52). Первыя 3 строки Измайловъ приводитъ, какъ образецъ «естественности въ изображеніи характеровъ», при чемъ обращаетъ особенное вниманіе на увеличительныя: *дружище* и *мастерище* («Соч.» т. II, стр. 681).

Къ ст. 8 — 12: Защелкалъ, засвисталъ....
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.

«Мы читывали когда-то», говоритъ Лобановъ (тамъ же), указавъ на приведенныя строки, «утомительныя, скучныя описанія пѣнія соловья, но такого мелодическаго, мастерскаго концерта, даннаго намъ Крыловымъ, не случалось намъ читать ни на какомъ языкѣ. Предпослѣднимъ стихомъ очаровавши нашу душу и усладивши нашъ слухъ упоительною мелодіею, авторъ, какъ глубокій музыкантъ, оканчиваетъ свой концертъ гремучимъ, рокочущимъ стихомъ».

Ср. съ описаніемъ пѣнія соловья и произведеннаго имъ впечатлѣнія у Державина, въ стихотвореніяхъ: «Соловей», т. I, стр. 692, и «Обитель Добрады», т. II, стр. 695, академич. изд.; и съ слѣдующимъ четверостишіемъ Мих. Попова:

Урчалъ, дробилъ, визжалъ, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косно вдругъ, вдругъ томно, тяжко, звонко,
Стеналъ, хрипѣлъ, щелкалъ, скрыпѣлъ, тянулъ, вилялъ,
И разностью такой людей и птицъ плѣнялъ.

(Притча «Соловей», «Досуги» Мих. Попова, Спб. 1772 г., ч. I, стр. 30.)

Въ 1-мъ и 2-мъ примѣчаніяхъ къ стих. «Соловей» Я. К. Гротъ указалъ на всѣ попытки русскихъ писателей описать пѣнье соловья и заключилъ, что Крыловъ наконецъ рѣшилъ эту задачу. («Соч.» Державина, т. I, стр. 692—695.)

Къ ст. 13 — 16: Внимало все тогда....
И прилегли стада.

«Подобныя фантазіи рождаются только въ головахъ такихъ людей, каковъ былъ Крыловъ. Очарованіе полное, нечего, кажется, болѣе прибавить; но нашъ поэтъ былъ живописецъ. Въ богатомъ своемъ воображеніи онъ нашелъ еще прелестную картину, которая увѣнчиваетъ изображеніе и довершаетъ очарованіе, произведенное пѣньемъ соловья.» (Приводятся слѣдующіе стихи до 19-го.) (Лобановъ, стр. 52). — На описаніе пѣнья соловья и впечатлѣнія, произведеннаго имъ, Измайловъ указываетъ, какъ на образецъ картиннаго описанія. («Соч,» т. II, стр. 661).

Къ ст. 20 — 23: Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ...
Тебя безъ скуки слушать можно.

«Это судъ обыкновеннаго невѣжды, которому недоступно изящное; но окончательный нелѣпый приговоръ глупца еще не высказанъ; вотъ онъ:

А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.

Вотъ приговоръ, отъ какихъ многіе, по слабости человѣческой природы, сходили съ ума или погибали въ огорченіи. Изящество даровъ природы всегда сопровождается и живымъ воображеніемъ и чрезмѣрною чувствительностію, которыя легко раздражаются и все принимаютъ къ сердцу; да и соловей Крылова что дѣлаетъ?

Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридевять полей.»

(Лобановъ, стр. 52).

О случаѣ, подавшемъ поводъ къ сочиненію этой б., Лобановъ говоритъ весьма неопредѣленно: «Авторъ, зная по опыту, а можетъ быть и собственному своему, сколько страдаютъ умные, талантливые люди отъ глупыхъ сужденій сильныхъ судей, и сколько вреда, а иногда и зла отъ того проистекаетъ, хотѣлъ выставить на позоръ такихъ людей; и если онъ ихъ не исправилъ, — вѣдь дураковъ не переродишь, — то надѣлилъ русскую словесность восхитительнымъ стихотвореніемъ» (стр. 51). Гораздо опредѣлительнѣе выражается объ этомъ предметѣ Кёнигъ въ «Очеркахъ русской литературы» (рус. перев. 1862 г. стр. 67). Онъ говоритъ: «Никто не сомнѣвается, что подъ соловьемъ и пѣтухомъ Крыловъ разумѣлъ себя и Дмитріева, а подъ осломъ одного преданнаго сему послѣднему критика». Но это не совсѣмъ вѣрно. Намъ неоднократно случалось слышать отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ В. Т. Плаксина, имѣвшаго возможность узнать истину изъ ближайшихъ источниковъ, конечно устныхъ, слѣдующій разсказъ о происшествіи, подавшемъ поводъ къ сочиненію этой басни:

Какой-то вельможа (по словамъ однихъ, гр. Разумовскій, по другимъ, кн. А. Н. Голицынъ), можетъ быть, слѣдуя примѣру имп. Маріи Ѳеодоровны, покровительствовавшій поэту, а можетъ быть, искренно желая свести съ нимъ знакомство, пригласилъ его къ себѣ и просилъ прочитать двѣ-три басенки. Крыловъ артистически прочиталъ нѣсколько басенъ, въ томъ числѣ одну, заимствованную у Ла Фонтена. Вельможа выслушалъ ихъ благосклонно и глубокомысленно сказалъ: «Это хорошо; но почему вы не переводите такъ, какъ Ив. Ив. Дмитріевъ»? — «Не умѣю», скромно отвѣчалъ поэтъ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Возвратясь домой, задѣтый за живое баснописецъ, вылилъ свою желчь въ б. «Оселъ и Соловей». Что всѣ дѣйствующія лица этой басни и отношенія между ними—намеки на дѣйствительность, въ этомъ нельзя сомнѣваться; но мы находимъ подтвержденіе этому въ слѣдующемъ фактѣ, записанномъ М. А. Дмитріевымъ: «Лѣтомъ 1822 года», говоритъ онъ, «нѣсколько русскихъ литераторовъ, въ томъ числѣ Крыловъ, нанимали на общій счетъ дачу близъ Руки (мѣстность указана не вѣрно). Иногда у нихъ бывали чтенія. Въ этомъ маленькомъ обществѣ Крылова называли «соловьемъ». («Мелочи изъ запаса моей памяти», «Москвит.», за январь 1854, стр. 191). Едва ли возможно сомнѣваться, что такое имя было дано ему на основаніи его басни. Сюда же, по словамъ М. А. Дмитріева, относится и стихотвореніе гр. Хвостова: «Пѣвцу-Соловью», для прочтенія котораго авторъ нарочно поѣхалъ на дачу; но поплатился за то, потому что слушатели безпрестанно прерывали чтеніе апплодисментами, увѣривъ его напередъ, что за каждый апплодисментъ у нихъ положено ставить бутылку шампанскаго. Въ «Полномъ собраніи сочиненій» гр. Хвостова мы нашли это стихотвореніе только не подъ тѣмъ заглавіемъ, какое даетъ

ему М. А. Дмитріевъ, а подъ другимъ: «Новоселье въ Киріановкѣ» * (т. V, стр. 86), которое отнесено къ іюню 1822 г. и было читано авторомъ на дачѣ 7-го іюня (примѣч. 67), гдѣ, по словамъ гр. Хвостова, собирались не литераторы, а члены англійскаго клуба. Приводимъ 4-ю строфу стихотворенія, относящуюся къ нашему предмету:

Средь Киріановки смекали
Устроить на Руси Парнасъ,
Съ утра до вечера, подъ часъ,
И въ вистъ и рокомболь играли.
Теперь, любезные друзья,
Пріѣхалъ (*я*) слушать соловья.

XXXI. Листы и Корни.

Въ первый разъ напечатана въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любит. русскаго слова», кн. IV, стр. 100.

Въ изд. 1811 г. и позднѣйшихъ находимъ слѣдующія перемѣны.

Ст. 3: Листки.... (до 1843).
6: .... краса долинѣ всей (до 1843).
14: Плясать пастушекъ привлекаемъ (Чт. въ Б. и изд. 1811).
21: Кто смѣетъ съ нами такъ считаться дерзновенно (до 1843).
23-й ст. прибавленъ въ изданіи 1843 г.
25—27: Мы тѣ,
Имъ снизу отвѣчали,
Которые, здѣсь роясь *и проч.* (изд. 1830, 34).
31: .... съ каждою весной.... (Чт. въ Б. 1811).

«Листы и Корни», пишетъ Плетневъ, «утверждаютъ законныя отношенія между сословіями» (стр. LVII).

Вникнувъ въ смыслъ этой басни и замѣчанія Плетнева, правда, очень лаконическаго, но тѣмъ не менѣе многозначительнаго, нельзя не

* Киріановка — дача на четвертой верстѣ по петергофской дорогѣ, принадлежавшая княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой; она назвала ее такъ во имя св. Кира и Іоанна, память которыхъ празднуется 28 іюня, въ день восшествія на престолъ имп. Екатерины II.

видѣть, что подъ корнями, роющимися въ землѣ, Крыловъ, разумѣлъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ басня отвѣчаетъ на одинъ изъ серьознѣйшихъ вопросовъ, поднятыхъ въ первый же годъ царствованія имп. Александра I,* — вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, вызвавшій самыя разнорѣчивыя мнѣнія не только людей государственныхъ, но и тогдашнихъ литераторовъ, въ томъ числѣ и главнѣйшаго, передоваго между ними — Карамзина **. Сличеніе вгляда Крылова съ высказанными въ тѣ времена мнѣніями вполнѣ раскрываетъ тотъ здоровый, самостоятельный умъ баснописца, которому не даромъ удивлялись его современники.

XXXII. Синица.

Въ первый разъ напечатана въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любит. русскаго слова», кн. IV, стр. 102, затѣмъ въ изд. 1815 года, ч. II, стр. 4. съ перемѣною одного стиха:

Ст. 26: Не обижаючи синицына лица (Чт. въ Б.).

Основная мысль б., выраженная въ нравоученіи, вполнѣ высказывается народною пословицею: «Не хвалися ѣдучи на рать, а хвалися ѣдучи съ рати» (Снегиревъ, «Рус. нар. посл.», 1848 г. стр. 295). Къ кому относилась эта б., узнать мы не имѣли возможности; но ее весьма удачно впослѣдствіи примѣнили къ Н. Полевому, сочиненія котораго, «Исторіи Русскаго народа», долго ожидали вслѣдствіе сдѣланнаго заранѣе объявленія, и когда вышли первые два тома, то О. Сомовъ (въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1830 г. стр. 93) о нихъ сказалъ, что они приводятъ на память окончаніе басни «Синица».

Къ ст. 23—24: Надѣлала синица славы,
А моря не зажгла.

Съ этими двумя стихами Снегиревъ (стр. 369) сопоставляетъ народную поговорку: «Синица за море летѣла и море зажигать хотѣла; синица много нашумѣла, да не было изъ шума дѣла» (см. «Пол. собр. русск. посл.» Д. К., стр. 225).

---

* См. «Вѣстникъ Европы» 1866 г., т. I, стр. 178 — 9; 184 и слѣд.

** См. рѣчь Я. К. Грота, «Торжественное собраніе Имп. Акад. Н. 1-го Дек. 1866 года», стр. 21, и примѣчанія отъ 41 до 51, а также «Записки» Державина въ «Русской Бесѣдѣ», 1859 г. кн. XVII, стр. 485 — 490, и «Соч.» его, академич. изд. т. II, стр, 391.

XXXIII. Откупщикъ и Сапожникъ.

По указанію Валькнэера (Fables de La Fontaine, 1841), содержаніе басни le Savetier et le Financier Ла Фонтенъ заимствовалъ у французскаго писателя первой половины XVI вѣка Bonaventure des Periers изъ его разсказа: du savetier Blondeau, qui ne fut oncques en sa vie mélancholique deux fois; et comment il y pourveut, et de son épitaphe. Прежде Крылова эту б. передѣлалъ на русскій языкъ Сумароковъ, подъ заглавіемъ: «Ремесленникъ и Купецъ» (кн. V, притча LV), а послѣ него гр. Хвостовъ (кн. III, б. XIV).

Передѣлка Крылова въ первый разъ напечатана въ «Новыхъ басняхъ», 1811 года, стр. 1.

Ст. 5 и 6: Въ дому сластей и винъ по горло, черезъ край (1811).
31: .... сударь, вм. *баринъ.*
32: .... ты и веселъ и поешь?
34: И вѣрно! что жъ за чудо?
46: .... ужъ тѣмъ ведется свѣтъ.
48: .... богатѣ, вм. *богатѣй.*
55: Дай Богъ, чтобъ *и проч.*
62—71: Примчалъ гостинецъ подъ полой,
А съ нимъ принесъ заботу, сокрушенье,
Безсонницу, тоску и подозрѣнье.
То спрячетъ деньги за замокъ,
То дорогой мѣшокъ
Украдкою схоронитъ подъ заборомъ,
Замечетъ хворостомъ и сором,
И ходитъ ночью самъ дозоромъ;
Ну, словомъ, жизнь *и проч.*

Къ ст. 1—2: Богатый откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ ....
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.

Первые 20 стиховъ, въ которыхъ изображены отношенія и положенія дѣйствующихъ лицъ, составляютъ развитіе слѣдующихъ стиховъ Ла Фонтена:

Un savetier chantait du matin jusqu'au soir:
C'était merveilles de le voir,
Merveilles de l'ouïr; il faisait des passages,
Plus content qu'aucun des sept sages.

Son voisin, au contraire, étant tout cousu d'or,
Chantait peu, dormait moins encor:
C'était un homme de finance.
Si sur le point du jour parfois il sommeillait,
Le savetier alors en chantant l'éveillait.

Къ ст. 27—59: Пріятель дорогой, здорово....
Прощай!...

Идея разговора между откупщикомъ и сапожникомъ остается та же, но изложеніе у Крылова совершенно оригинально.

Къ ст. 30: Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ.

Измѣненная пословица: «Кто кому надобенъ, тотъ тому памятенъ» (Снегирѣвъ, «Рус. пословицы и поговорки», 1848, стр. 189). Измайловъ приводитъ этотъ стихъ, какъ образецъ удачнаго уклоненія отъ разсказа, *размышленія* («Соч.», т. II, стр. 666).

Къ ст. 56—57: Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ихъ ты береги.

У Ла Фонтена: Prenez ces cent écus; gardez-les avec soin,
Pour vous en servir au besoin.

Къ ст. 63—71: Примчалъ гостинецъ подъ полой....
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку.

У Ла Фонтена:

Il retourne chez lui: dans sa cave il enserre
L'argent, et sa joie à la fois.
Plus de chant: il perdit la voix,
Du moment qu'il gagna ce qui cause nos peines.
Le sommeil quitta son logis:
Il eut pour hôtes les soucis,
Les soupçons, les alarmes vaines.
Tout le jour il avait l'oeil au guet; et la nuit
Si quelque chat faisait du bruit,
Le chat prenait l'argent.

Къ ст. 74—80: Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ откупщику....
Не надобенъ милльонъ.

У Ла Фонтена:

.... A la fin le pauvre homme
S'en courut chez celui qu'il ne réveillait plus:
Rendez-moi, lui dit-il, mes chansons et mon somme,
Et reprenez vos cent écus.

XXXIV. Вороненокъ.

Ла Фонтенъ содержаніе своей басни le Corbeau voulant imiter l'Aigle заимствовалъ изъ Эзоповой б. Соя и Пастухъ (№ 203 пер. Мартынова), но измѣнилъ нравоученіе Эзопа. — У послѣдняго выводъ тотъ, что «спорящій съ высшими себя, не только никакого не имѣетъ успѣха, но и въ несчастіи подвергается смѣху». У Ла Фонтена же читаемъ слѣдующее:

Il faut se mesurer; la conséquence est nette:
Mal prend aux volereaux de faire les voleurs.
L'exemple est un dangereux leurre:
Tous les mangeurs de gens ne sont pas grands seigneurs;
Où la guêpe a passé, le moucheron demeure.

Сумароковъ также перевелъ эту б., подъ заглавіемъ «Ворона» (кн. VI, притча LV), и вывелъ нравоученіе, что «не должно браться за дѣло, которое выше силъ»; впослѣдствіи и гр. Хвостовъ перевелъ ее, прибавивъ совершенно иное заключеніе, въ которомъ отчасти выразилась идея Ла Фонтена, отчасти Крылова:

Положимъ, воровать иному безопасно, —
Примѣровъ тысячи всегда легко сыскать;
Но въ этой басенкѣ правоученье ясно:
Худому образцу не должно подражать.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изд. 1811 г., стр. 5, съ слѣдующими незначительными варіантами:

Ст. 13: Тутъ воронъ поднялся и сталъ кружить надъ стадомъ(1811).
22: Тутъ поздно онъ узналъ....

Къ ст. 1—5: Орелъ....
Взманило это вороненка.

Первые пять стиховъ Крылова соотвѣтствуютъ слѣдующимъ четыремъ Ла Фонтена:

L'oiseau de Jupiter enlevant un mouton,
Un corbeau, témoin de l'affaire,
Et plus faible de reins, mais non pas moins glouton,
En voulut sur l'heure autant faire.

*

Къ 6—12: Да только думаетъ онъ такъ....
Такъ царскій, подлинно, кусочекъ подхвачу.

У Ла Фонтена воронъ, высмотрѣвъ барана, говоритъ:

Je ne sais qui fut ta nourrice;
Mais ton corps me paraît en merveilleux état:
Tu me serviras de pâture.

Къ ст. 12—19: Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ....
Который доброму бъ и волку былъ въ подъемъ.

У Ла Фонтена:

Il tourne à l'entour du troupeau,
Marque entre cent moutons le plus gras, le plus beau,
Un vrai mouton de sacrifice:
On l'avait réservé pour la bouche des dieux.

Къ ст. 20—32: Изладясь, на него спустился....
И дѣтямъ отдали играть.

По содержанію эта часть разсказа сходна съ подлинникомъ, но значительно отличается по изложенію; у Ла Фонтена:

Sur l'animal bêlant.... il s'abat.
La moutonnière créature
Pesait plus qu'un fromage; outre que sa toison
Etait d'une épaisseur extrême,
Et mêlée à peu près de la même façon
Que la barbe de Polyphème.
Elle empêtra si bien les serres du corbeau,
Que le pauvre animal ne put faire retraite:
Le berger vient, le prend, l'encage bien et beau,
Le donne à ses enfants pour servir d'amusette.

Къ ст. 33—36: Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ....
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

Ср. съ приведеннымъ выше нравоученіемъ Ла Фонтена. — По поводу этой басни Каченовскій въ своей желчной, придирчивой статьѣ о «Новыхъ басняхъ Крылова», говоритъ, что здѣсь орелъ неправильно представленъ воромъ, «потому что въ области баснословія орелъ имѣетъ не такой характеръ», и такое представленіе противорѣчитъ мнѣнію Баттё, который говоритъ: «основаніемъ басни должна быть натура или по крайней мѣрѣ *всѣми принятое мнѣніе*». Несправедливость этого замѣчанія можно доказать ужъ тѣмъ, что у Ла Фонтена, котораго наши классики почитали безукоризненнымъ, не только въ этой баснѣ орелъ представленъ воромъ, что видно изъ нравоученія, но и въ б. les deux

Pigeons ему приданъ тотъ же эпитетъ: когда между коршуномъ и орломъ завязалась изъ-за голубя борьба,

Le pigeon profita du conflit «des voleurs».

Послѣдній стихъ басни Крылова: «Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ», съ малымъ измѣненіемъ въ расположеніи словъ, вошелъ во всѣ сборники пословицъ (Д. К., стр. 283, Снегиревъ, стр. 459, Даль, 157).

XXXV. Подагра и Паукъ.

Заимствована изъ б. Ла Фонтена la Goutte et l'Araignée, который, по указанію Валькнэера (Fables de La Fontaine, Paris, 1841, кн. III, б. VIII), взялъ сюжетъ изъ Camerarii fabulae, 1570. Тредьяковскій первый изъ русскихъ писателей перевелъ эту басню («Соч.» т. I, стр. 250) и отнесъ ее къ числу Эзоповыхъ, что совершенно несправедливо, потому что у Эзопа вовсе нѣтъ басни такого содержанія.

Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 8., съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 2—6: Такъ въ баснѣ Ла Фонтенъ сказалъ — и утвердилъ.
Не мнѣ за нимъ судить, вывѣшивать и мѣрить,
На сколько правды тутъ; при томъ же ужъ кому,
Коль не ему,
Намъ въ басняхъ вѣрить (1811).
(Первый изъ приведенныхъ стиховъ измѣненъ уже въ изд. 1815 г., остальные при изд. 1830 г.)

29—31: Подалѣ отъ аптекъ, въ деревнѣ жить я рада.
А то меня хирурги, доктора
Тамъ сгонятъ съ каждаго богатаго двора (до 1830).

39—40: Но только что съ работою убрался,
По-утру щеткою все смелъ слуга долой.

вм. 43—44: Паукъ туда, сюда — гдѣ сѣть сновать ни станетъ.

72—74: .... не видались
И не мѣнялись,
Довольны участью равно.

Къ ст. 1—25: Подагру съ паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ . . .
И трудъ, и нищета.

Этой части разсказа, исключая отступленіе, отъ 2-го до 13-го стиха, соотвѣтствуютъ слѣдующіе стихи Ла Фонтена:

Quand l'enfer eut produit la goutte et l'araignée,
Mes filles, leur dit-il, vous pouvez vous vanter
D'être pour l'humaine lignée
Egalement à redouter.
Or, avisons aux lieux qu'il vous faut habiter.
Voyez-vous ces cases étraites,
Et ces palais si grands, si beaux, si bien dorés?
Je me suis proposé d'en faire vos retraites.

Къ ст. 26—31: Мнѣ хижинъ ни за что не надо . . . .
Гонять изъ каждаго богатаго двора.

У Ла Фонтена:

Il n'est rien, dit l'aragne, aux cases qui me plaise.
L'autre, tout au rebours, voyant les palais pleins
De ces gens nommés médecins,
Ne crut pas y pouvoir demeurer à son aise.

Къ ст. 32—58: Такъ смолвясь братъ съ сестрой . . . .
Избавишься отъ ней.

Въ этой части басни Крыловъ измѣнилъ порядокъ изложенія, но сохранилъ мысль подлинника, а мѣстами и способъ выраженія:

Elle (la goutte) prend l'autre lot, y plante le piquet,
S'étend à son plaisir sur l'orteil d'un pauvre homme,
Disant: Je ne crois pas qu'en ce poste je chôme,
Ni que d'en déloger et faire mon paquet
Jamais Hippocrate me somme.
L'aragne cependant se campe en un lambris,
Comme si de ces lieux elle eût fait bail à vie;
Travaille à demeurer: voilà sa toile ourdie,
Voilà des moucherons de pris.
Une servante vient balayer tout l'ouvrage.
Autre toile tissue, autre coup de balai.
Le pauvre bestion tous les jours déménage.
Enfin, après un vain essai,
Il va trouver la goutte. Elle était en campagne,
Plus malheureuse mille fois
Que la plus malheureuse aragne.
Son hôte la menait tantôt fendre du bois,
Tantôt fouir, houer: goutte bien tracassée
Est, dit-on, à demi pansée.

Къ ст. 59—77: Нѣтъ, братецъ, говоритъ она: не жизнь мнѣ въ полѣ....
И оба дѣлаютъ умно.

Эта часть басни по мысли также сходна съ оригиналомъ:

Oh! je ne saurais plus, dit-elle, y résister.
Changeons, ma soeur l'aragne. Et l'autre d'écouter:
Elle la prend au mot, se glisse en la cabane:
Point de coup de balai qui l'oblige à changer.
La goutte, d'autre part, va tout droit se loger
Chez un prélat, qu'elle condamne
A jamais du lit ne bouger.
Cataplasmes, Dieu sait! Les gens n'ont point de honte
De faire aller le mal toujours de pis en pis.
L'une et l'autre trouva de la sorte son compte,
Et fit très sagement de changer de logis.

XXXVI. Квартетъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 12. Въ этомъ изданіи и сохранившейся рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Затѣйщица Мартышка (рукоп.)
13: Въ изд. 1830 и 1834 неправильно печаталось: *прямо* вм. *прима*
19: Сказалъ Оселъ.... (р.).
34—36: Имъ соловей на то въ отвѣтъ:
А этого-то въ васъ и нѣтъ —
То какъ, друзья, вы ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь (р.).

О поводѣ къ сочиненію этой б. находимъ свидѣтельство въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля (т. II, стр. 151). Въ 1811 г. въ мартѣ мѣсяцѣ была открыта Бесѣда любителей русскаго слова. «На подобіе государственнаго совѣта, составленнаго изъ четырехъ департаментовъ, и Бесѣду раздѣлили на четыре разряда, также какъ у него посадили по предсѣдателю, да еще каждому дали по попечителю. Это былъ сущій вздоръ, ибо въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Потомъ было въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку членовъ и по нѣскольку членовъ-сотрудниковъ, которые составляли какъ бы канцелярію Бесѣды. Вообще она имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста, чѣмъ ученаго сословія, и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ

о талантахъ».... Списокъ членовъ «украшался именемъ Крылова, какъ вечернія собранія ихъ оживлялись немного чтеніемъ его басенъ» . . . «Крыловъ хотя и выдалъ особу свою Бесѣдѣ, но, говорятъ, тайкомъ подсмѣивался надъ нею. Доказательствомъ тому поставляютъ вскорѣ послѣ ея открытія выданную имъ басню «Квартетъ».... Сверхъ того, баронъ М. А. Корфъ указываетъ на другой фактъ, послужившій поводомъ къ сочиненію этой басни: Послѣ преобразованія государственнаго совѣта въ 1810 г., «первыми предсѣдателями департаментовъ были: гр. Завадовскій, Мордвиновъ, кн. Лопухинъ и гр. Аракчеевъ. Извѣстно, что продолжительнымъ преніямъ о томъ, какъ ихъ разсадить и даже нѣсколькимъ послѣдовавшимъ пересадкамъ мы обязаны остроумною баснею Крылова «Квартетъ». («Жизнь гр. Сперанскаго», изд. 1861 г., т. I, стр. 118). Оба эти свидѣтельства такъ вѣроятны, что нѣтъ возможности положительно рѣшить, которому изъ нихъ должно отдать предпочтеніе.

XXXVII. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 15, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 4: .... стѣны тамъ....
8: Съ богатствомъ легъ....
36: За этимъ стихомъ слѣдовалъ:
Совѣтовъ ихъ не оберешься.

Къ ст. 26—29: Возьми у меня щенка любаго . . .
Чѣмъ ихъ топить.
Измайловъ признаетъ образцомъ *простодушія* («Соч.» т. I, стр. 701).

XXXVIII. Хозяинъ и Мыши.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 17, и перешла въ послѣдующія изданія безъ всякихъ перемѣнъ.

Не имѣетъ ли эта басня отношенія къ послѣдствіямъ, обнаружившимся послѣ всеобщаго наказанія, постигшаго чиновниковъ коммиссаріатскаго и провіантскаго департаментовъ, за злоупотребленія во время войны съ Франціею? (Отъ нихъ отняты были мундиры, см. «Полн. собр. зак.» т. XXIX, № 22542). На эту мысль наводитъ все содержаніе басни и въ особенности слѣдующіе стихи:

.... берегись клепать,
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору.

и потомъ:

Тутъ чѣмъ бы вора подстеречь,
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатый,
И правый тутъ и виноватый
Скорѣй съ двора долой.

Дѣйствительно, множество чиновниковъ немедленно подало въ отставку, не желая нести общаго, многими, можетъ быть, не заслуженнаго наказанія. «Графъ Аракчеевъ, опасаясь, чтобы малое число честныхъ людей не поспѣшило оставить службу, выпросилъ, вопреки дворянской грамотѣ, запрещеніе подавать въ отставку даже и тѣмъ (чиновникамъ), кои найдены будутъ совершенно исправными» («Воспом.» Вигеля, ч. III, стр. 23). Это дѣло могло особенно интересовать Крылова, потому что должность генералъ-провіантмейстера занималъ тогда Дмитрій Борисовичъ Мертваго, женатый на родной сестрѣ Елизаветы Марковны Олениной. («Записки» Д. Б. Мертваго, «Русск. Архивъ», 1867 г. № 8 и 9-й стр. 225—252).

Мы не имѣемъ никакихъ средствъ опредѣлить время, когда написана была эта басня; но очень вѣроятно, что Крыловъ написалъ ее задолго до изданія «Новыхъ Басенъ», въ число которыхъ включено нѣсколько басенъ, сочиненныхъ въ 1808 г., напр. «Слонъ на Воеводствѣ, Лисица и Виноградъ» и другія.

XXXIX. Волкъ и Волченокъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 20, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 2: Трудомъ когтей питаться (1811),
вм. 6 и 7: На счетъ сосѣдній отобѣдать.
15: Да ободрать и съѣсть.
23: И плохи, кажется, или ужъ очень смирны.

Къ ст. 33: А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.

Ср. этотъ стихъ, выражающій основную мысль басни, съ пословицами: «Каковъ попъ, таковъ и приходъ», «Каковъ батька, таковы у него и дѣтки» и др. (Снегиревъ, «Русскія народныя пословицы и притчи», М. 1848 г., стр. 163).

XL. Обезьяна.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 22, и перешла въ слѣдующія изданія безъ перемѣнъ.

Крыловъ не причислялъ этой б. къ разряду заимствованныхъ, но у Сумарокова находимъ притчу подъ заглавіемъ: «Пахарь и Обезьяна» (кн. VI, пр. XXXV), весьма сходную по содержанію съ «Обезьяною» Крылова. Вотъ эта притча:

Мужикъ своимъ трудомъ на свѣтѣ жить родился.
Мужикъ пахалъ, потѣлъ, мужикъ трудился,
И отъ труда
Онъ ждетъ себѣ плода.
Прохожій похвалилъ работника съ дороги.
То слыша подняла и обезьяна ноги,
И хочетъ похвалы трудами испросить,
Отъ любочестія и въ ней разжегся пламень,
Взяла великой камень,
И стала камень сей переносить
На мѣсто съ мѣста,
А камень не пирогъ, и здѣланъ не изъ тѣста;
Такъ ежели когда носить ево хотѣть,
Конечно надлежитъ нося ево потѣть:
Потѣетъ и трудится.
Другой прохожій шелъ,
Въ трудѣ ее нашелъ,
И говоритъ: на что толикой трудъ годится?
Безумцы ни когда покоя не хранятъ.
Впередъ не заманятъ
Къ трудамъ меня, она болтала:
Свой камень бросила, трудиться перестала;
И жестоко роптала,
За что хвала другимъ, за то меня бранятъ.

По всей вѣроятности, эта притча послужила источникомъ Крылову.

XLI. Совѣтъ мышей.[1]

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 23, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 13—14: Да впрочемъ объ умѣ мы сами часто судимъ
По бородѣ (1811).
36—37: У всѣхъ
По ней одной подымутъ насъ на смѣхъ;
Какой же съ ней въ дѣлахъ намъ будетъ и успѣхъ
(до изд. 1825).

XLII. Мѣшокъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 25, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 31: Хоть такъ онъ вретъ (1811).
40: Мы басней ни на чье лицо не намекали.
43: . . . . въ поднощикахъ бывали.
49: Которые теперь не рѣдко съ тѣмъ вельможей (до 1825).

Къ ст. 20—21: Когда же кто къ нему подсядетъ,
То, вѣрно, ужъ его потреплетъ иль погладитъ.

У Измайлова эти стихи приведены какъ образецъ «естественности въ описаніи происшествій». («Соч.» т. II, стр: 680).

Къ ст. 33—35: Но у людей къ несчастью тотъ порокъ . . . .
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.

Эти три стиха Измайловъ приводитъ, какъ примѣръ *размышленія*, въ которомъ «баснописецъ, повѣствуя какое нибудь вымышленное происшествіе, мимоходомъ намекаетъ на слабости и пороки». (Тамъ же.)

XLIII. Крестьянинъ и Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 29, и перешла въ послѣдующія изданія безъ перемѣнъ.

Къ ст. 20—21: Притомъ же иногда, голубчикъ мой . . . .
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ.

У Измайлова они приводятся, какъ образецъ удачнаго *размышленія* «Соч.» т. II, стр. 668).

---

[1] У Ла Фонтена есть басня Conseil tenu par les Rats (кн. II, б. 11), которую перевелъ гр. Хвостовъ, подъ заглавіемъ «Совѣтъ мышей» (кн. I, б. 28); но она ничего не имѣетъ общаго съ этой б. Крылова.

Къ ст. 43—47: Въ комъ есть и совѣсть и законъ....
Онъ воровать не перестанетъ.

Эти стихи, составляющіе выводъ изъ басни, суть ничто иное, какъ распространеніе народной пословицы: «Дай вору хоть золотую гору — воровать не перестанетъ (прибавляется: а честнаго хоть засыпь золотомъ не украдетъ)» («Пословицы русскаго народа», В. Даля, стр, 158). Впрочемъ, очень можетъ быть, что въ настоящемъ случаѣ не Крыловъ заимствовалъ у народа, а его мысль изъ басни перешла въ народъ и приняла форму пословицы, первая половина которой у него уже была готова въ пословицѣ: «Дай вору золотую гору—и ту промотаетъ» (Снегиревъ, «Русс. нар. посл. и притчи», М. 1848 г., стр. 82).

XLIV. Воспитаніе Льва.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 31, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 16—17: А ложь въ устахъ царя гнусна,
И долженъ слово царь хранить ненарушимо;
Итакъ лисицу мимо.
— А слово царское быть должно нерушимо:
Царю и царству ложь въ устахъ царя вредна;
Итакъ лисицу мимо.
(Экземпляръ изд. 1819 г., принадлежащій имп. публ. библіотекѣ).

24: Что кротъ неутомимъ на малыя дѣла.

66: И такъ я съ радостью тебѣ правленье сдамъ.

73: Какой гдѣ птицѣ водъ (1811).
— Какой гдѣ *птицы* болѣ водъ (во всѣхъ изд. до 1843).

87—90: Что пользы мало въ томъ, или и вовсе нѣтъ,
Чтобъ знать, кто какъ у птицъ живетъ,
Тому, кого звѣрьми владѣть зоветъ природа;
И что главнѣйшая наука *и проч.* (во всѣхъ изд. до 1830).
— Что львенокъ не тому, что надобно, учился —
Что онъ о птицахъ лишь твердитъ,
Едва ли вѣдая, въ чемъ состоитъ
Звѣриный бытъ.
Хоть царствовать звѣрьми владѣть (sic) зоветъ его природа *

---

* Этотъ и слѣдующій стихъ приводимъ, какъ они напечатаны въ изд. 1834 года: ясно, что въ обоихъ вкрались важныя ошибки.

И что главнѣйшей нѣтъ науки въ немъ царей;
Знать пользы своего народа *и проч.* (изд. 1834).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой баснѣ (которая, подобно многимъ другимъ могла быть написана раньше 1811 г.) Крыловъ намекаетъ на неправильное воспитаніе имп. Александра. Вотъ что говоритъ объ этомъ Вигель, вообще относящійся враждебно къ эпохѣ преобразованій и главнымъ ея представителямъ, слѣдовательно, выражающій не столько личное свое мнѣніе, сколько мнѣніе всѣхъ тогдашнихъ консерваторовъ: «Его (Александра) воспитаніе было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины; образованіе его ума поручила она Женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ въ день своего пріѣзда, и который карманную республику свою поставилъ образцомъ будущему Самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ. Идеями, которыя едва могутъ развиться и созрѣть въ головѣ двадцатилѣтняго юноши, начинили мозгъ ребенка.... Но не разжевавши ихъ, можно сказать, не переваривши ихъ, призвалъ онъ ихъ себѣ на память въ тотъ день, въ который началъ царствовать» («Воспоминанія», ч. II, стр. 11, ркп. имп. публ. библ.). «Утверждаютъ, что въ это время (*т. е. въ началѣ царствованія*) благонамѣренный, но неопытный царь, подстрекаемый письмами изъ Женевы (кои послѣ имѣлъ я случай читать и даже переписывать), хотѣлъ безъ всякаго приготовленія, однимъ махомъ издать для Россіи какую-то конституцію». (Тамъ же, стр. 27). Понятно, что такіе слухи, будь они даже неосновательные, должны были самымъ непріятнымъ образомъ поразить людей, воспитавшихся и развившихся въ царствованіе имп. Екатерины, смотрѣвшихъ на всякое измѣненіе въ ея учрежденіяхъ, какъ на святотатство.

Со львенкомъ Крылова Вигель сравниваетъ гр. Виктора Павловича Кочубея: «передъ соотечественниками было чѣмъ ему блеснуть: онъ лучше другихъ зналъ составъ парламента (англійскаго), права его членовъ, прочиталъ всѣхъ англійскихъ публицистовъ и, какъ львенокъ крыловой басни, учить собирался звѣрей вить гнѣзда». (Тамъ же, стр. 7)

Мнѣніе Плетнева объ этой б. см. въ примѣч. къ б. «Бочка».

У Флоріана есть басня подъ заглавіемъ: l'Education du Lion (кн. II, б. XV), переведенная Дмитріевымъ (кн. III, б. I); но ни по содержанію, ни по цѣли эти басни не имѣютъ между собою ничего общаго.

XLV. Свинья.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1811 года, стр. 41, и перешла въ послѣдующія изданія безъ перемѣнъ.

По поводу этой б. Каченовскій, вѣроятно, принявшій ее на свой счетъ, писалъ слѣдующее: «Собраніе сихъ «Новыхъ Басенъ» заключается престраннымъ сочиненіемъ, которое ниже всего того, что ни есть самаго отвратительнаго въ басняхъ Сумарокова. Піитъ есть художникъ: онъ долженъ искать образцовъ своихъ въ изящной природѣ, долженъ творить идеалы прекрасные и благородные, а не заражать своего воображенія смрадомъ запачканныхъ нелѣпостей. Вотъ чудовище, поставленное на ряду съ баснями!» (Здѣсь выписана басня до 11-го стиха). «Достопамятный пастухъ сей, повидимому, не разумѣетъ, что «бисеръ» и «жемчугъ» точь въ точь одно и тоже *. Дѣло въ томъ, что хавронья, бывши на барскомъ дворѣ, видѣла

Все только лишь навозъ и соръ.

Да что же, спросятъ, изо всей этой кучи сору и навоза? А вотъ что: Стихотворцу вздумалось уподобить критика,

Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно дурное видѣть.

Но что же другое можетъ увидѣть критикъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, а именно, напримѣръ, въ этой хавроньиной исторіи? Иной подумаетъ, что стихотворецъ предпринялъ такой странный подвигъ единственно для того, чтобы испугать критиковъ; но, кажется, онъ не имѣлъ въ этомъ никакой нужды. («Вѣстникъ Европы», 1812 г., № 4, стр. 310).

Къ ст. 5—6: И изъ гостей домой,
Пришла свинья-свиньей.

У Измайлова эти стихи указаны, какъ образецъ забавнаго, состоящаго «въ названіи животныхъ общими ихъ именами, которыя часто у насъ въ разговорѣ даются людямъ» («Соч.» т. II, стр. 691).

---

* Это замѣчаніе критика не совсѣмъ справедливо: въ церковно-слав. языкѣ слово «бисеръ», дѣйствительно, означало жемчугъ (μαργαρίτη) *(Словарь Церк.-слав. яз.* А. Востокова); но въ русскомъ языкѣ «бисеръ» и «жемчугъ» означаютъ двѣ совершенно различныя вещи: «бисеромъ» называются стеклянные разноцвѣтные шарики, употребляемые для низанія; а «жемчугомъ» самородные шарики, образующіеся въ раковинахъ. *(Словарь Акад. Н.* и *Словарь Велик.-Русск. яз.* В. Даля*)*.

1812.

—

XLVI. Червонецъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 55 съ незначительною перемѣною въ одномъ стихѣ:

Ст. 20: Червонецъ былъ измаранъ.... (Ч. въ Б.).

Къ ст. 1—2: Измайловъ приводитъ эти два стиха въ подтвержденіе правила, что «повѣствованіе бываетъ весьма естественно и пріятно, когда въ продолженіе онаго сочинитель обращается къ своимъ читателямъ, или слушателямъ съ вопросами и самъ себѣ на нихъ отвѣчаетъ». («Соч.» т. II, стр. 683).

Басня эта, конечно, имѣетъ значеніе добраго совѣта тѣмъ лицамъ, которыя направляли общественное образованіе въ первую половину царствованія Александра I. Уже въ первые четыре года этого царствованія было много сдѣлано по министерству народнаго просвѣщенія: «составлено положеніе объ устройствѣ учебныхъ заведеній на всемъ пространствѣ Россійской имперіи, преобразованы три и вновь учреждены два университета, основаны три высшихъ училища, 26 гимназій и 80 уѣздныхъ училищъ... Наконецъ, что всего важнѣе, проявилась во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа жажда къ образованію, залогъ будущихъ успѣховъ: богатые приносили обильныя жертвы; прочія возлагали съ усердіемъ лепту свою на алтарь народнаго просвѣщенія». («Первая эпоха преобразованій имп. Александра I», ст. Богдановича, «Вѣстникъ Евр.» 1866 г., т. II, стр. 163). Мѣры, принятыя правительствомъ, были такъ дѣйствительны и прочны, что съ 1800 по 1812 г. открыто было слишкомъ 300 разнаго рода учебныхъ заведеній. Даже въ тягостную эпоху 1812 г. дѣйствіе этихъ мѣръ не прекращалось: въ этомъ году было открыто

51 училище. С.-Петербургскія и Московскія вѣдомости наполнены свѣдѣніями о происшествіяхъ этого рода. Съ какимъ энтузіазмомъ всѣ сословія оказывали содѣйствіе благимъ начинаніямъ правительства, видно изъ того, что предположеніе объ устройствѣ университетовъ и училищъ вызвало повсемѣстныя пожертвованія—даже крестьяне участвовали въ нихъ. (См. «Матеріалы для ист. просв. въ Россіи», собр. П. Кеппеномъ, № 3, 1827 г., статья Л. К. Якоба, стр. 16). Должно помнить, что такое настроеніе русскаго общества совпало со временемъ наибольшаго вліянія иностранцевъ и преимущественно французовъ, противъ чего Крыловъ уже не разъ высказывался и прежде. Естественно, что эти люди, за которыми обычай утвердилъ славу отличныхъ педагоговъ, заняли вліятельнѣйшія мѣста во всѣхъ вновь учрежденныхъ училищахъ. Проистекшее отъ того зло замѣчено было еще ранѣе правительственными лицами, и вызвало противодѣйствіе съ ихъ стороны. «Въ отечествѣ нашемъ давно простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое», пишетъ министръ народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскій, въ докладѣ своемъ, 1811 г. Мая 25. «Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все не иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу, воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло толь глубоко въ ономъ внѣдрившееся. Поставленъ будучи бодрствовать надъ воспитаніемъ согражданъ своихъ, священнымъ чту долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣянію ихъ истинными сынами отечества». Но, говоритъ онъ, не отъ него зависитъ переломить духъ своихъ согражданъ и внушить имъ духъ счастливаго недовѣрія къ иностранцамъ; онъ полагаетъ, что вліяніе государя и примѣръ правительства, быть можетъ, благодѣтельно подѣйствуютъ на общество. «Всѣ почти пансіоны въ имперіи», продолжаетъ онъ, «содержатся иностранцами, которые рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ, для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянъ образуютъ иностранца. Сего недовольно: и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніямъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго». За тѣмъ предлагаются мѣры если не къ совершенному уничтоженію, то по крайней мѣрѣ уменшенію господствующаго зла. (См. «Полное собраніе законовъ», т. XXXI, № 24647). Этотъ докладъ, вполнѣ знакомящій съ характеромъ народнаго образованія, въ тоже время разрѣшаетъ вопросъ: что вызвало басню «Червонецъ»?

Мнѣніе объ этой б. Плетнева см. въ примѣчаніи къ б. «Огородникъ и Философъ».

XLVII. Орелъ и Паукъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 57, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 29: Нѣтъ, на это я бы не рѣшился (Ч. въ Б.).
34: И такъ, прошу не величаться.
44: Чтобъ ихъ опять на низъ снести и съ паутиной.

Отъ нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ покойнаго Н. И. Греча, мы слышали, будто Крыловъ въ этой исторіи паука изобразилъ судьбу Сперанскаго. Хотя такое объясненіе значенія басни и весьма правдоподобно, несмотря на черезъ-чуръ рѣзкую характеристику паука, которая можетъ быть объяснена ненавистію, внушенною Сперанскимъ консервативной партіи *; однако нельзя принять его безусловно: въ баснѣ паденіе возгордившагося паука представлено уже совершившимся, почему должно было бы предположить, что она написана уже послѣ ссылки Сперанскаго; между тѣмъ она одобрена цензурою слишкомъ за три мѣсяца до этого событія (17-го ноября 1811 г.). Остается допустить, что Крыловъ предугадалъ судьбу этого замѣчательнаго человѣка, который своимъ быстрымъ возвышеніемъ возбуждалъ зависть, а реформами — ненависть и злобу.

---

* Какъ сильно было это чувство, видно изъ слѣдующаго разсказа Вигеля: «Первая важная вѣсть, которую получили мы въ концѣ марта, была о неожиданныхъ отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго: но эта вѣсть громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это былъ человѣкъ, который никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ погибели ни единаго изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіи многихъ лѣтъ трудился въ тиши кабинета своего. Но на кабинетъ сей смотрѣли всѣ, какъ на пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли, наконецъ, глаза обманутому государю; только дивились милосердію его и роптали. Какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя, и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы и устраненіемъ отъ дѣлъ! Не менѣе того сію мѣру, слишкомъ строгую, если человѣкъ былъ безвиненъ, торжествовали, какъ первую побѣду надъ Французами» ... («Воспоминанія», ч. IV, стр. 21, 22).

XLVIII. Ручей.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 59; рукопись и первая печатная редакція заключаютъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5 — 6: Несытая рѣка! ручей журчитъ сердито,
Услыша пастуха .... (Ч. въ Б.).
— .... ручей ворчитъ .... (рукоп.).
7: Подобно было, какъ мое (р.).
9: И видѣли бъ .... (р.).
12: И въ пропастяхъ .... (р.).
14—16: Дала судьба такія воды,
Я бъ, украшеньемъ ставъ природы,
И курицѣ не сдѣлалъ зла (р.).
18: У каждой хижинки, вкругъ каждаго кусточка (Ч. въ Б.).
22—23: И дѣлая всѣмъ одно добро
И не причиня .... (р.).
37: Недавно онъ пенялъ.... (Ч. въ Б.).

По поводу этой басни Лобановъ замѣчаетъ: «Иванъ Андреевичъ по какой-то особенной причинѣ преимущественно любилъ свою басню «Ручей». Правда, изобрѣтеніе ея обличаетъ глубокаго мудреца, а исполненіе, плавность стиховъ, чистота языка — великаго художника, и, кажется, она создана болѣе сердцемъ, нежели умомъ. Наблюдая человѣка и заглядывая въ исторію, авторъ видѣлъ, какъ трудно людямъ при возрастающемъ ихъ могуществѣ удержаться въ прежнихъ своихъ границахъ любви и умѣренности; что они, большею частію, по какому-то неизъяснимому дѣйствію ихъ страстей, не могутъ устоять ни въ прежнихъ своихъ правилахъ, ни въ прежнихъ своихъ добродѣтельныхъ наклонностяхъ. Нашъ авторъ излагаетъ и оплакиваетъ эту печальную истину» ... («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. 53).

XLIX. Лжецъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», кн. V, стр. 61.

По мнѣнію г. Галахова, эта б. есть подражаніе Геллерту, басня котораго der Bauer und sein Sohn, заимствованная у нѣмецкаго баснописца XVI в. Вильдиса, переведена была на фран-

цузскій языкъ Эмберомъ (Imbert, ум. въ 1790 г.), подъ заглавіемъ: le Paysan et son Fils. У послѣдняго, вѣроятно, заимствовалъ Сумароковъ свою притчу «Хвастунъ» (кн. IV, прим. XXIX)*, которая по основной мысли и по складу равно близка и къ б. Геллерта, и къ б. Эмбера. Очень вѣроятно, что передѣлка русскаго притчетворца послужила источникомъ Крылову. — Всѣ эти три басни приводимъ въ приложеніи.

У Хемницера есть также басня «Лжецъ»: хотя по общей мысли она сходна съ упомянутыми выше, но въ подробностяхъ значительно отъ нихъ отличается.

Въ сохранившейся рукописи и въ изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Съ пріятелемъ своимъ гуляя въ полѣ (р.).
15: И круглый божій годъ какъ будто майскій день.
17: А посмотри-ка ты....
22—23: Ну, что жъ диковинки, пріятель отвѣчалъ:
На сей землѣ чудесъ разсѣяно повсюду (Ч. въ Б.).
— Что за диковинка, пріятель отвѣчалъ:
На сей землѣ чудесъ разсѣяно повсюду (рук. и изд. до 1819 г.).
29: . . . . Онъ, кажется, и простъ.
30: А свойство странное имѣетъ (р.).
32: Въ Чт. въ Бесѣдѣ л. р. сл. этого стиха нѣтъ.
— До половины лишь дойдетъ (р.).
39: Хоть съ гору огурца мы здѣсь и не найдемъ.
42: Смотри, пожалуй! вѣрить трудно.
49: Не скрою, огурецъ....
61: Что лжецъ . . . .

О происшествіи, подавшемъ Крылову поводъ къ сочиненію этой басни, намъ случалось слышать отъ разныхъ лицъ весьма разнообразные разсказы; но всѣ они сводятся къ тому, что какой-то провинціалъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, непомѣрно преувеличивалъ ростъ, по словамъ однихъ, барановъ, водившихся на его родинѣ, по словамъ другихъ, стер-

* У него есть еще одна притча, по идеѣ сходная со «Лжецомъ» Крылова: «Господинъ-Лжецъ». Вотъ ея содержаніе: Господинъ, одержимый страстью лгать, приказалъ своему слугѣ, стоявшему обыкновенно за его стуломъ, толкать его, когда онъ, забывшись, солжетъ. Однажды господинъ сталъ разсказывать о видѣнномъ имъ капищѣ, которое было длиною въ пять верстъ. Тутъ слуга толкнулъ его:

Господчикъ зданіе гораздо уменьшаетъ:
А шириной, сказалъ, то капище на перстъ.

*

лядей, арбузовъ, и т. п. Кажется, что Лобановъ точнѣе всѣхъ передаетъ этотъ фактъ. Вотъ что онъ разсказываетъ: «Въ англійскомъ клубѣ, въ этомъ разнообразномъ и многолюдномъ обществѣ, онъ (Крыловъ) любилъ наблюдать людей, и иногда не могъ удержаться отъ сатирическихъ своихъ замѣчаній и отвѣтовъ. Однажды пріѣзжій помѣщикъ, любившій прилыгать, разсказывая о стерлядяхъ, которыя ловятся на Волгѣ, неосторожно увеличивалъ ихъ длину. — «Разъ», сказалъ онъ, «передъ самымъ моимъ домомъ, мои люди вытащили стерлядь. Вы не повѣрите, — но увѣряю васъ, длина ея вотъ отсюда.... до....» Помѣщикъ, не договоря своей фразы, протянулъ руку съ одного конца длиннаго стола по направленію къ другому, противоположному концу, гдѣ сидѣлъ Иванъ Андреевичъ. Тогда Иванъ Андреевичъ, хватаясь за стулъ, сказалъ: «Позвольте, я отодвинусь, чтобъ пропустить вашу стерлядь».

Къ ст. 18—19: Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ,
Ахъ, мой Творецъ!

Измайловъ указываетъ на эти стихи, какъ на образецъ «естественности въ выборѣ выраженій въ разговорѣ» («Соч.» т. II, стр. 683).

Первый изъ вышеприведенныхъ стиховъ обратился въ народную поговорку: «Хорошо сказывать сказку про римскій огурецъ» (Даль, 260).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Der Bauer und sein Sohn.

(Геллерта.)

Ein guter dummer Bauernknabe,
Den Junker Hans einst mit auf Reisen nahm,
Und der, trotz seinem Herrn, mit einer guten Gabe,
Recht dreist zu lügen, wieder kam,
Ging, kurz nach der vollbrachten Reise,
Mit seinem Vater über Land.
Fritz, der im Gehn recht Zeit zum Lügen fand,
Log auf die unverschämtste Weise.
Zu seinem Unglück kam ein grosser Hund gerannt.
Ja, Vater, rief der unverschämte Knabe,
Ihr mögt mir's glauben oder nicht,
So sag' ich's euch und jedem in's Gesicht,
Dass ich einst einen Hund bei — Haag gesehen habe,
Hart an dem Weg, wo man nach Frankreich fährt,
Der — ja ich bin nicht ehrenwerth,
Wenn er nicht grösser war, als euer grösstes Pferd.
Das, sprach der Vater, nimmt mich Wunder;
Wiewohl ein jeder Ort lässt Wunderdinge sehn.

Wir, zum Exempel, gehn jetzunter,
Und werden keine Stunde gehn,
So wirst du eine Brücke sehn,
(Wir müssen selbst darüber gehn),
Die hat dir manchen schon betrogen;
(Denn überhaupt soll's dort nicht gar zu richtig sein).
Auf dieser Brücke liegt ein Stein,
An den stösst man, wenn man denselben Tag gelogen,
Und fällt, und bricht sogleich das Bein.
Der Bub' erschrack, sobald er dies vernommen,
Ach! sprach er, lauft doch nicht so sehr!
Doch wieder auf den Hund zu kommen,
Wie gross sagt' ich, dass er gewesen wär'?
Wie euer grosses Pferd? Dazu will viel gehören.
Der Hund, jetzt fällt mir's ein, war erst ein halbes Jahr,
Allein das wollt' ich wohl beschwören,
Dass er so gross, als mancher Ochse, war.
Sie gingen noch ein gutes Stücke;
Doch Fritzen schlug das Herz. Wie konnt' es anders sein?
Denn Niemand bricht doch gern ein Bein.
Er sah nunmehr die richterische Brücke,
Und fühlte schon den Beinbruch halb.
Ja, Vater, fing er an, der Hund, von dem ich redte,
War gross, und wenn ich ihn auch was vergrössert hätte,
So war er doch viel grösser als ein Kalb.
Die Brücke kömmt, Fritz! Fritz! wie wird dir's gehen!
Der Vater geht voran; doch Fritz hält ihn geschwind.
Ach, Vater! spricht er, seid kein Kind,
Und glaubt, dass ich dergleichen Hund gesehen.
Denn kurz und gut, eh' wir darüber gehen,
Der Hund war nur so gross, wie alle Hunde sind.
Du musst es nicht gleich übel nehmen,
Wenn hie und da ein Geck zu lügen sich erkühnt.
Lüg' auch, und mehr als er, und such' ihn zu beschämen:
So machst du dich um ihn und um die Welt verdient.

II.

Le Paysan et son Fils.

(Эмбера.)

Qui vient de loin peut mentir, c'est l'usage:
Grand voyageur
Et grand menteur
Marchent ensemble. En mon dernier voyage,

Vous dira-t-il, j'ai vu, vu de mes yeux:
Eh! qu'opposer à pareil témoignage?
Si l'on dispute, aussitôt sur les lieux
Il vous renvoie. —
Un enfant de village
Epais de corps et d'esprit davantage,
Lucas usait des droits du voyageur.
Une fois en sa vie, aux gages du seigneur,
Il avait fait un court pélérinage:
C'était assez. A peine un jouvenceau
A-t-il perdu de vue et le natal rivage,
Et le clocher de son hameau,
Qu'il se croit un grand personnage.
De retour chez son père, il avait toujours prêt
Un vieux conte qu'il habillait
Du titre de nouvelle histoire.
Un jour surtout en allant en foire
Il ne tarissait plus: chaque nouvel objet
Avertissait sa fertile mémoire
Tout allait bien, lorsqu' à deux pas,
Passe un grand chien. Tenez, mon père,
S'écria-t-il, vous ne m'en croirez pas,
Rien n'est pourtant plus vrai: je suis sincère:
J'ai vu dans mon voyage un chien....
Chut! attendez, c'était tout près de Rome....
Sur le chemin de Paris.—Soit! eh bien? —
Et bien donc! ce chien-là, je veux être un vaurien,
S'il n'était pas plus grand qu'un grand cheval de somme. —
Diable! quel chien! il m'étonne en effet;
J'en crois à peine mes oreilles,
Dit le vieillard; au reste chacun sait
Que tout pays a ses merveilles.
Nous, par exemple, en peu de temps,
Nous allons trouver sur la route
Un pont funeste à bien des gens:
Pour le passer, quelquefois il en coûte!
On croit que c'est un sort. Tu vas le voir mon fils;
Nous devons y passer. Or voici le mystère:
Celui qui dans le jour a dit en quelque affaire
Un seul mensonge, un rien, une misère,
Crac, sur ce maudit pont, quelque soin qu'il ait pris,
Heurte contre un pavé, tombe, et le pauvre hère,
Avec un bras cassé, s'en retourne au — logis. —
Le drôle, à ce récit, se trouble, délibère;

Eh! comme vous courez, dit-il.... le pont n'est rien....
Mais pour revenir à ce chien.
Combien vous ai-je dit qu'il était grand, mon père?
— Comme un cheval.—Ah, c'est trop, j'exagère.
A présent donc, je m'en souviens;
Il n'avait que six mois; mais je jurerais bien
Qu'il était aussi grand au moins qu'une genisse.
Cependant on avance, et le pauvre Lucas
Rêvant au bras cassé, chancèle à chaque pas,
Et semble marcher au supplice.
Bientôt il voit un pont sur un faible ruisseau;
Il regarde son bras, veut avancer, et n'ose:
Ah! mon père, avouez que ce chien était beau,
Et grand surtout, car je suppose
Que j'aie encore outré la chose,
Il était bien au moins de la hauteur d'un veau.
Enfin tous deux au pont arrivent en silence.
Et bien! Lucas, pauvre Lucas!
Comment sortir d'un aussi mauvais pas?
Le père le premier s'élance:
Mais Lucas le retient. Oh ça! de bonne foi,
Mon père, vous sentez, je crois,
Que je n'ai jamais vu de tels chiens en ma vie:
Car s'il faut dire vrai, là-bas, dans la prairie,
Vous en avez pu voir un grand comme cela.
Eh bien! le mien, je le parie,
Etait tout justement de cette grandeur-là.

(Recueil des meilleurs contes en vers. A Genève MDCCLXXIV.)

III.

Хвастунъ.

(Сумарокова.)

Шелъ нѣкто городомъ, но града не былъ житель;
Изъ дальныхъ былъ онъ странъ,
И лгать ему талантъ привычкою былъ данъ.
За нимъ ево служитель,
Слуга наемной былъ и города сево,
Не изъ отечества ево.
Вѣщаетъ господинъ ему вѣщанья новы,
И говоритъ ему: въ моей землѣ коровы
Не мѣняе слоновъ.
Слуга ему плететъ и самъ расказенъ ковъ:

Я чаю, пуда въ три такой коровы вымя;
Слонихой лутче бы ей было дати имя.
Я думаю, у ней одинъ полпуда хвостъ:
А мы имѣемъ мостъ,
Къ нему теперь подходимъ;
По всякой день на немъ диковинку находимъ.
Когда взойдетъ на середину,
Кто въ оной день солжетъ, мостъ тотчасъ разойдется,
Лишъ только лжецъ найдется;
А лжецъ падетъ во глубину.
Проѣзжій говоритъ: коровы то съ верблюда,
А то бы очень былъ великъ коровій хвостъ.
Слоновьева звѣна не врютишь на три блюда:
А ты скажи еще, каковъ бишъ вашъ-атъ мостъ?
А мостъ-атъ нашъ таковъ, какъ я сказалъ, конечно.
Такой имѣти мостъ,
Мой другъ, безчеловѣчно.
Коровы то у насъ
Поболѣ, какъ у васъ:
А мостъ-атъ вашъ каковъ? Сказалъ уже я ето;
У насъ же и зимой рѣкамъ вѣсна и лѣто:
Мосты всегда потребны по рѣкамъ.
Коровы то и здѣсь такіяжъ какъ и тамъ;
Мнѣ только на етотъ часъ ложно показалось,
И отъ тово то все неловко и сказалось;
А мостъ-атъ вашъ каковъ?
Какъ я сказалъ, таковъ.
Проѣзжій говорилъ: коль ето безъ обману,
Такъ я черезъ рѣку у васъ ходить не стану.

(кн. IV, притча XXIX.)

L. Котъ и Поваръ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 8, стр. 67, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

8-е Чтеніе въ Бесѣдѣ вышло въ свѣтъ въ 1813 году; но, разумѣется, оно было раньше 11-го и 13-го, явившихся также въ этомъ году; 8-е Чтеніе одобрено цензурою 16 августа 1812 г., а потому эта басня и помѣщенная съ нею рядомъ б. «Раздѣлъ» отнесены къ 1812 году.

LI. Раздѣлъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 8, стр. 69 (см. примѣч. къ б. «Котъ и Поваръ»), съ слѣдующими незначительными варіантами:

Ст. 11: А нашъ раздѣлъ . . . (Ч. въ Б.).
17: Да какъ, когда . . .

Соображая содержаніе и особенно заключеніе этой басни съ событіями, современными ея сочиненію, не трудно видѣть, что рѣчь идетъ о неумѣстномъ проявленіи эгоистическихъ стремленій во время нашествія Наполеона. Но какіе именно факты и лица вызвали это нравоученіе, мы не знаемъ: исторія говоритъ только о проявленіяхъ высокаго патріотизма и самоотверженія, умалчивая о мелочныхъ, себялюбивыхъ разсчетахъ; а что они и тутъ обнаружились, доказательствомъ тому служитъ слѣдующій рѣзкій, желчный и, конечно, преувеличенный отзывъ о дворянствѣ неизвѣстнаго лица, назвавшаго себя «Ротмистромъ дипломатомъ», въ письмѣ также къ неизвѣстному лицу: «Въ годину испытанія, т. е. 1812 года, не покрыло ли оно (дворянство) себя всѣми красками чудовищнѣйшаго корыстолюбія и безчеловѣчія, расхищая, какъ и теперь, все, что расхитить можно было, даже одежду, даже пищу, и ратниковъ, и рекрутъ, и плѣнныхъ,—не смотря на прославленный газетами патріотизмъ, котораго дѣйствительно не было ни искры, что̀ бы ни говорили о нѣкоторыхъ утѣшительныхъ исключеніяхъ?!» («Изъ записокъ о времени Императора Александра I», «Вѣстникъ Европы», т. II, 1867 г. стр. 197.) Сергѣй Никол. Глинка тоже упоминаетъ о такого рода проявленіяхъ и приводитъ въ доказательство фактъ: «при позднемъ вооруженіи ополченія пошли мѣстническія передряги. Московскій ратническій комитетъ подчинили петербургскому ратническому комитету, состоявшему подъ предсѣдательствомъ графа Аракчеева, Балашова и Шишкова. Графъ Ростопчинъ въ порывѣ досады сказалъ: «Государь далъ мнѣ эполеты съ брилліантовымъ своимъ вензелемъ, говорилъ, что я его на плечахъ ношу. А теперь отдаетъ меня въ батраки къ Аракчееву». И потому бросилъ ратническій комитетъ». («Изъ записокъ Серг. Никол. Глинки», «Русскій Вѣстникъ», за май, 1866 года, стр. 214.)

LII. Волкъ на Псарнѣ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1812 г., октябрь, № 2, стр. 60. Приводимъ варіанты по тремъ сохранившимся рукописямъ:

Ст. 3: Встревожился вдругъ.... (2 и 3 ред.).
4: Почуявши сѣдаго забіяку.... (2 р.).
— Почуявъ сѣраго *и проч.* (С. От.).
5: Псы взвыли по клѣтямъ.... (2 и ред.).
6: Псари кричатъ: ребята, воръ (2 и ред.).
7: Во 2-й и 3-й редакціи этого стиха нѣтъ.
8: И словомъ, псарня.... (2 ред.).
3—8: Туда *былъ доступъ* не мудренъ;
Да только *какъ-то выйдетъ* вонъ? *
Поднялся лай и вой, и псарный дворъ сталъ адомъ (1-я ред.).
9: Бѣгутъ псари.... (1 ред.).
11: Огня, огня! кричатъ.... (1 и 3 ред.).
— Кричатъ: огня!... (2 ред.).
12: Сидитъ мой волкъ, прижавшись къ углу задомъ (1 ред.).
13—22: И видитъ наконецъ,
Пришло ему расчесться за овецъ;
Однакожъ думаетъ хитрецъ:
Дай, попытаюся вступить въ переговоры.
И зачалъ.... (1 ред.).
— И видитъ онъ, что наконецъ
Пришло ему расчесться за овецъ;
Однакоже хитрецъ
Вступилъ въ переговоры,
Какъ добрый дипломатъ.
И началъ.... (2 ред.).
19: .... Друзья! напрасно весь этотъ шумъ (1 и 3 ред.).
23: Уставимъ общій ладъ (1 ред. вм. цѣлаго стиха).
— Забудемъ старое.... (3 ред.).
25. Но самъ за нихъ со всѣми драться радъ (1 ред.).
26—34: Довольны-ль вы?... Прекрасно!
Тутъ ловчій отвѣчалъ: «Послушай-ка, мой свѣтъ!
Ты сѣръ — я сѣдъ,

* Словъ, означенныхъ курсивомъ въ рукописи Крылова недостаетъ; они вписаны карандашемъ рукою Лобанова.

Такъ обмануть тебѣ меня не слѣдъ,
И, вѣрь, трудишься ты напрасно». (1 ред.).
— И клятвою .... (3 ред.; далѣе нельзя разобрать).
27: «Послушай-ка», тутъ ловчій перервалъ:
«Ты сѣръ, а я ужъ сѣдъ» (3 ред.; конца разобрать нельзя).
30: И волчью я натуру крѣпко знаю (2 ред. слѣд. двухъ стиховъ нельзя разобрать).
33: Какъ снявши шкуру съ нихъ долой (2 ред.).

Въ этой баснѣ, какъ извѣстно, Крыловъ представляетъ Наполеона въ Россіи. По словамъ Быстрова, «Крыловъ, собственною рукою переписавъ басню «Волкъ на Псарнѣ», отдалъ ее княгинѣ Катеринѣ Ильиничнѣ, а она при своемъ письмѣ отправила ее къ свѣтлѣйшему своему супругу» («Сѣв. Пчела», 1846 г., № 64) *, который прочиталъ ее послѣ сраженія подъ Краснымъ собравшимся вкругъ него офицерамъ и при словахъ: «а я пріятель сѣдъ», снялъ свою бѣлую фуражку и потрясъ наклоненною головою («Полн. собр. соч.» Михайловскаго-Данилевскаго, т. V, гл. 2).

Первая мысль этой басни, какъ видно изъ 1-й ред. стиховъ:

И волчьей клятвой утверждаю,
Что я .... Послушай-ка, сосѣдъ,
Тутъ ловчій перервалъ *и проч.*

---

* Приводимъ вполнѣ разсказъ Быстрова, имѣющій интересъ независимо отъ этой басни. «Иванъ Андреевичъ, какъ и всякій великій геній, былъ необыкновенно скроменъ. Въ 39 № «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду» на 1837 г., на стр. 377, въ повѣсти, подъ названіемъ: «Преобразованіе», разсказанъ былъ весьма любопытный анекдотъ изъ незабвенной эпохи 1812 г. Вотъ онъ: «Наполеонъ послѣ Бородинскаго отпора пошелъ ощупью верстъ 15 въ сутки, и какъ бы ожидалъ другой битвы столь же страшной и гибельной, какъ первая. Наши молодые воины также требовали сей битвы и дерзали укорять великаго тактика въ старости, нерѣшительности, а иные близорукіе называли его просто трусомъ». Далѣе авторъ говоритъ, что «Иванъ Андреевичъ Крыловъ, живучи въ С.-Петербургѣ, проникъ думу Кутузова и прислалъ ему свою басню «Волкъ на Псарнѣ». Кутузовъ, зная ропотъ нетерпѣливой молодежи, призвалъ къ себѣ юныхъ героевъ и прочиталъ имъ басню. Смыслъ басни пояснилъ многимъ то, чего они прежде не понимали, и съ той поры, возложивъ надежду на Бога и опытность сѣдаго ловчаго, наши богатыри выжидали въ Тарутинскомъ лагерѣ перваго сигнала къ битвѣ и побѣдѣ».

«Когда я прочелъ это мѣсто Ивану Андреевичу», продолжаетъ Быстровъ, то онъ нахмурился и сказалъ: «Все это вздоръ ... Я не Богъ ... Возможно ли, чтобъ я, частный человѣкъ, ни дипломатъ, ни военный, напередъ зналъ, что сдѣлаетъ Кутузовъ? .... Смѣшно .... Да и гдѣ Кутузовъ читалъ басню? Не въ Тарутинскомъ же лагерѣ, а послѣ. ... Скажите, мой милый, въ какомъ нибудь журналѣ, что все это было не такъ».—На другой день я отнесъ къ А. Ѳ. Воейкову составленныя мною примѣчанія къ б. Ивана Андр. Крылова «Волкъ на Псарнѣ», которыя и были напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 38, 1838 г.).» Въ этихъ примѣчаніяхъ Быстровъ разсказываетъ происшествіе, какъ оно было.

могла явиться у Крылова по полученіи извѣстія о попыткахъ Наполеона вступить въ переговоры, т. е. послѣ 23 сентября (день свиданія Кутузова съ Лористономъ). Послѣдняя же редакція могла составиться не ранѣе, какъ послѣ Тарутинскаго сраженія, бывшаго 6 октября, потому что до того времени, отъ самаго выступленія нашихъ войскъ изъ Москвы, кромѣ ничтожныхъ стычекъ, не было предпринято никакихъ дѣйствій, которыя бы могли служить Крылову основаніемъ сказать: «И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю».

Къ ст. 3—14: Поднялся вдругъ весь псарный дворъ....
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть.

Измайловъ указываетъ на эти стихи, какъ на образецъ «быстроты и живости въ разсказѣ». («Соч.» т. II. стр. 661.)

Общій планъ военныхъ дѣйствій, сообщенный Кутузову изъ Петербурга еще въ началѣ сентября, заключался въ томъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ Наполеону, затрудняя отступленіе. Князь Волконскій, посланный для полученія отъ Кутузова объясненія его дѣйствій, доносилъ Государю: «Смѣло можно увѣрить, что Наполеону трудно будетъ выбраться изъ Россіи». («Полн. собр. соч.» Мих.-Данилевскаго, т.V, стр.14.) На это Крыловъ намекаетъ въ первой редакціи 3—8 стиховъ.

Къ ст. 20—27: ....«Друзья, къ чему весь этотъ шумъ....
Что я....

Рѣчь попавшаго въ безвыходное положеніе волка довольно близка къ тѣмъ выраженіямъ, въ которыхъ раздраженный Наполеонъ высказывалъ свое желаніе мириться: «Пора положить предѣлъ кровопролитію», говорилъ онъ Яковлеву. «Намъ съ вами легко поладить.... Мнѣ нечего у васъ дѣлать; я не требую отъ васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора.... Я готовъ возвратиться».... («Ист. Отеч. войны», генерала Богдановича, т. II, стр. 322.) Столь же интересны въ этомъ отношеніи и слова Лористона, приведенныя Кутузовымъ въ донесеніи Государю: «Государь мой искренно желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими народами, и положить его навсегда. (Тамъ же, стр. 392.) Въ письмѣ, посланномъ черезъ Яковлева, Наполеонъ непреминулъ напомнить о прежнихъ чувствахъ къ нему Александра: «Если ваше величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнія чувствованія»... *и проч.* (Тамъ же, стр. 325.)

Къ ст. 29: Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ.

Этотъ стихъ, а еще болѣе относящійся къ нему варіантъ 1-й ред. показываетъ, что Крыловъ въ своемъ ловчемъ цѣнилъ преимущественно и даже исключительно хитрость. Такой взглядъ баснописца на главнокомандующаго вполнѣ оправдывается многими историческими данными. Передъ отъѣздомъ Кутузова въ армію, одинъ изъ его родственниковъ имѣлъ нескромность спросить: «Неужели вы, дядюшка, надѣетесь раз-

бить Наполеона»?—Кутузовъ отвѣчалъ: «Нѣтъ! А обмануть надѣюсь». (Богдановичъ, т. II. стр. 15.) Почти тоже самое сказалъ онъ во время Тарутинской стоянки: «Разбить меня можетъ Наполеонъ, а обмануть—никогда». (Мих.-Данилевскій, т. V, стр. 92.) Суворовъ, подъ начальствомъ котораго Кутузовъ пріобрѣлъ извѣстность и заслужилъ расположеніе императрицы Екатерины, говаривалъ о немъ: «уменъ, очень уменъ; его и Рибасъ не обманетъ». (Богдановичъ, т. II, стр. 15.) Въ такомъ же смыслѣ отзывается о немъ и Вильсонъ въ своихъ «Запискахъ»: «Bon vivant, утонченно образованный, вѣжливый, хитрый, какъ грекъ, смѣтливый отъ природы, какъ азіятецъ, и просвѣщенный, какъ европеецъ, онъ болѣе былъ склоненъ разсчитывать на успѣхъ отъ своей дипломатіи, чѣмъ отъ военной отваги».... («Записки» Роберта Вильсона, «Русск. Вѣстникъ», за янв. 1762 г., стр. 134.) См. также характеристику Кутузова во II т. «Исторіи Отечественной войны» и характеристику военныхъ дѣйствій, которою генералъ Богдановичъ заключаетъ свой прекрасный трудъ.

LIII. Обозъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», ноябрь, 1812, № 7, стр. 41, и перепечатывалась въ позднѣйшихъ изданіяхъ съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 18: Таскалъ бы воду ужъ (до изд. 1819).
20: Небось, ужъ время не потратимъ.
25: .... коня толкаетъ въ бокъ.
30: Прыжки....

Цѣль басни—оправдать медлительность дѣйствій Кутузова. Оставленіе въ рукахъ непріятеля Москвы безъ боя, истребленіе ея и вслѣдъ за тѣмъ—бездѣйствіе главнокомандующаго должно было неминуемо возбудить ропотъ и горькія нареканія. Всѣ желали рѣшительнаго боя, ждали его подъ стѣнами Москвы; а между тѣмъ Кутузовъ, никому не открывая своего плана истребленія арміи Наполеона, спокойно и настойчиво приводилъ его въ исполненіе—старался ослабить врага, уклоняясь отъ рѣшительной развязки. (Богдановичъ, т. II.) Весьма естественно, что общественное мнѣніе вооружилось теперь противъ него, какъ за полтора мѣсяца передъ тѣмъ противъ Барклая-де-Толли. (Мих.-Данилевскій, т. IV, стр. 629; «Зап.» Вильсона, «Русск. Вѣстн.» 1862 г. кн. I.) Самъ Императоръ поставлялъ ему въ вину то, что онъ не далъ вто-

ричнаго сраженія подъ Москвою. («Краткія Записки» Адмирала А. Шишкова, 1831 г. стр. 45.) Слѣдствіемъ этого былъ рескриптъ на имя главнокомандующаго, полученный имъ за нѣсколько дней до Тарутинскаго сраженія. (Богдановичъ, т. II, стр. 487.) Приводимъ окончаніе его, прямо относящееся къ нашему предмету: «... казалось, что, пользуясь сими обстоятельствами (раздробленностію силъ Наполеона), могли бы вы съ выгодою атаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго, или, по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ, и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ городовъ. На вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ на Петербургъ,... ибо, съ ввѣренной вамъ арміей *дѣйствуя съ рѣшительностью и дѣятельностью*, вы имѣете всѣ средства отвратить это новое несчастіе. Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы.... Я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего *усердія*, *твердости и успѣховъ» и проч.* (Мих.-Данилевскій, т. V, стр. 96; Богдановичъ, т. II, стр. 487.) Но Кутузовъ, сравненный въ баснѣ съ добрымъ конемъ, который понесъ на крестцѣ свой возъ, не измѣнилъ своего плана, не смотря ни на упреки, ни на порывы своихъ сподвижниковъ. («Зап.» Роб. Вильсона, «Русск. Вѣстн.» 1862 г., кн. I.)

LIV. Ворона и Курица

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», ноябрь, 1812 г., № 8, стр. 77, подъ заглавіемъ «Ворона», съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 18: А вѣдь Воронъ, ты знаешь, не ѣдятъ (С. От.).
28: Сама къ нимъ въ супъ попалась.

Первыя извѣстія о бѣдственномъ состояніи арміи Наполеона могли достигнуть Петербурга не раньше, какъ въ концѣ сентября. (Богдановичъ, т. II, стр. 288.) Въ «Сынѣ Отечества» (№ 7, стр. 44) находимъ слѣдующую замѣтку: «Очевидцы разсказываютъ, что въ Москвѣ Французы ежедневно ходили на охоту стрѣлять воронъ и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux. Теперь можно дать отставку старинной русской пословицѣ: «попалъ, какъ куръ во щи, «а лучше говорить: «попалъ, какъ ворона во французскій супъ». Къ тому же времени относится и каррикатура Ивана Теребенева, приложенная къ 7 № «Сына Отечества»: *Французскій вороній супъ*, гдѣ представлены четыре французскіе гренадера въ оборванныхъ мундирахъ, расположившіеся въ полѣ:

посреди картины стоитъ гренадеръ, раненный въ ногу, которая у него совершенно босая, и отрываетъ у вороны крылья; съ одной стороны, стоя на колѣнахъ на камнѣ, товарищъ схватился за воронью ножку и, судя по разинутому рту, готовъ ее проглотить; не менѣе сильный аппетитъ выражается въ фигурѣ третьяго, сидящаго по другую сторону; позади ихъ лежитъ четвертый, обнимающій обѣими руками пустой котелъ. Подъ каррикатурою находится слѣдующее четверостишіе:

Бѣда намъ съ нашимъ великимъ Наполеономъ!
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ.
Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ:
Не тутъ-то похлебаемъ же хоть вороній супъ! *

Можетъ быть, тогда же и явилась у Крылова первая мысль этой басни; но окончательно редактирована она могла быть только въ ноябрѣ: князь Кутузовъ, названный въ б. Смоленскимъ, получилъ этотъ титулъ послѣ дѣла подъ Краснымъ, окончившагося 6-го ноября. (Мих.-Данилевскій, т. V, стр. 273.)

Къ ст. 55: Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей.

Кутузовъ дѣйствительно считалъ голодъ однимъ изъ рѣшительнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. По окончаніи совѣта въ Филяхъ, на вопросъ полковника Шнейдера: «Гдѣ мы остановимся?» фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Это мое дѣло; но ужъ доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо». (Мих.-Данилевскій, т. IV, стр. 478.) Къ этой цѣли Кутузовъ, кажется, направлялъ дѣйствія партизанскихъ отрядовъ. (Богдановичъ, т. II, стр. 387.)

Къ ст. 27—30: Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ...
Попался, какъ ворона въ супъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта ворона, погнавшаяся за лакомымъ кускомъ, въ увѣренности, что «Воронъ ни жарятъ, ни варятъ», — Наполеонъ, увѣренный въ своей непобѣдимости, погнавшійся за счастіемъ, но обманувшійся въ разсчетѣ. Его неудача въ Россіи внушила нашему поэту стихи, составляющіе нравоученіе басни.

---

* Каррикатуру И. Теребенева см. въ собраніи каррикатуръ, относящихся къ Отечественной войнѣ въ библіотекѣ имп. академіи наукъ. — Подобная же картинка приложена къ этой баснѣ въ изданіи Смирдина: «Басни Ивана Крылова», 1834 г. (часть I, кн. I. стр. 9): къ тремъ солдатамъ, расположившимся у треножника, на которомъ виситъ котелъ, подходитъ четвертый съ пучкомъ хворосту въ одной рукѣ и вороною въ другой; въ его лицѣ и фигурѣ видѣнъ оттѣнокъ торжества, а въ лицахъ сидящихъ его товарищей — удовольствіе, вызванное мыслью о предстоящей трапезѣ.

1813.

LV. Демьянова Уха.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. II, стр. 95, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

По поводу этой басни Лобановъ разсказываетъ слѣдующее: Иванъ Андреевичъ, зная всю силу своего литературнаго оружія, т. е. сатиры, выбиралъ иногда случаи, чтобы не промахнуться и мѣтко попасть въ цѣль; вотъ доказательство: Въ Бесѣдѣ русскаго слова, бывшей въ домѣ Державина, приготовляясь къ публичному чтенію, просили его прочитать одну изъ его новыхъ басенъ, которыя были тогда лакомымъ блюдомъ всякаго литературнаго пира и угощенія. Онъ обѣщалъ; но на предварительное чтеніе не явился, а пріѣхалъ въ Бесѣду во время самаго чтенія и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную пьесу; онъ сѣлъ за столъ. Предсѣдатель отдѣленія А. С. Хвостовъ, сидѣвшій напротивъ него за столомъ, въ полголоса спрашиваетъ у него: Иванъ Андреевичъ, что, привезли? — Привезъ. — Пожалуйте мнѣ. — А вотъ ужо, послѣ.—Длилось чтеніе, публика утомилась, начали скучать, зѣвота овладѣла многими. Наконецъ дочитана пьеса. Тогда Ив. Андр. руку въ карманъ, вытащилъ измятый листокъ и началъ: «Демьянова Уха». Содержаніе басни удивительнымъ образомъ соотвѣтствовало обстоятельствамъ, и принаровленіе было такъ ловко, такъ кстати, что публика громкимъ хохотомъ отъ всей души наградила автора за басню, которою онъ отплатилъ за скуку ея и развеселилъ ее прелестью своего разсказа». («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. 55.)

Къ ст. 1—13: Сосѣдушка, мой свѣтъ....
.... Да кланяйся, жена!

Эти стихи Измайловъ приводитъ въ примѣръ «естественности въ выборѣ выраженій въ разговорѣ». («Соч. т. II, стр. 682.)

Г. Флёри въ своей статьѣ о переводѣ басенъ Крылова г. Парфé высказалъ мысль, что б. «Демьянова Уха» заимствована. Приводимъ подлинныя слова г. Флёри: «Krylow du reste a moins inventé qu'on ne pourrait le supposer; il sait si bien imprimer le caractère russe aux sujets qu'il emprunte, qu'on peut croire souvent qu'il a créé quand il s'est borné à imiter. Nous citerons entre autre «l'Oukha de Demiane». Qui en lisant cette fable pourrait supposer qu'elle n'est pas d'origine russe? Eh bien! l'original est français et figure dans les «Fables» du P. Barbe, jésuite, mort en 1792, sous ce titre: «la Politesse villageoise. («Journal de St. P.-bourg», № 219, 1867.) Мы употребили всѣ усилія, чтобы отыскать указанную г. Флёри басню; но, къ сожалѣнію, ни въ одной изъ здѣшнихъ библіотекъ нѣтъ сочиненій Барба. Будемъ надѣяться, что г. Флёри возьметъ на себя трудъ разрѣшить этотъ вопросъ и напечатаетъ текстъ басни, изъ которой, по его мнѣнію, Крыловъ заимствовалъ сюжетъ «Демьяновой Ухи».

LVI. Лисица и Сурокъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 11, стр. 97, и безъ перемѣнъ перешла въ слѣдующія изданія.

LVII. Волкъ и Кукушка.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова». чт. 13, стр. 53, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 4: . . . . и ты хоть ангелъ будь (Ч. въ Б.).
24: Въ тиши . . . .

LVIII. Заяцъ на ловлѣ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 54, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Полагаютъ, что въ этой б. Крыловъ въ образѣ Зайца представилъ Австрію, домогавшуюся на конгрессѣ нѣкоторыхъ областей послѣ пораженія Наполеона союзными державами; но такое предположеніе ужъ и

потому неосновательно, что б. появилась лѣтомъ 1813 года (она одобрена цензурою 5 іюня 1813), въ самый разгаръ войны за независимость Германіи. Очень можетъ быть, что впослѣдствіи, во время Вѣнскаго конгресса, примѣнили эту басню къ слишкомъ притязательной Австріи, и вслѣдствіе того утвердилось приведенное мнѣніе.

Къ ст. 14—16: Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно ...
Что Зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

Измайловъ находитъ, что такое представленіе зайца противоестественно: «какъ волки не ѣдятъ капусты», говоритъ онъ: «такъ и зайцы не питаются мясомъ». («Соч.», т. II, стр. 654.)

Къ ст. 17—18: Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

Эти два стиха вошли въ сборники народныхъ пословицъ. (Д. К., 151, Снег. 243.)

LIX. Орелъ и Пчела.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 91. Въ сохранившейся рукописи и въ печатной редакціи находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 4: Но сколько тотъ .... (Чт. въ Б.).
12: Послѣ этого стиха слѣдовало:
Но стоятъ ли твои труды такихъ заботъ (р.).
15: Который воскъ тутъ или медъ
Твоей работы (р.).
29: Но я, родясь труды для пользы общей несть (р.).

«Предметъ этой басни», говоритъ Плетневъ, «есть одно изъ самыхъ утѣшительныхъ и высокихъ чувствованій человѣческаго сердца. Поэтъ видѣлъ, что изложеніе сей басни должно быть достойно своего предмета. Онъ избралъ для сего языкъ благородный, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышенный. Въ самомъ понятіи объ Орлѣ и Пчелѣ нѣтъ ничего комическаго, или забавнаго; потому что одинъ служитъ изображеніемъ могущества, а другая — трудолюбія. Такимъ образомъ все употреблено, чтобы оставить въ душѣ читателя чувство, располагающее болѣе къ задумчивости, нежели къ удовольствію. Красоты поэзіи разительны. Изображеніе страха, который наводитъ орелъ полетомъ своимъ на другихъ животныхъ, вѣрно и живописно». («Письмо къ графинѣ С. И. С. о русскихъ

поэтахъ», въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г., собранныхъ б. Дельвигомъ, стр. 26.)

О вступительныхъ стихахъ этой б. Гоголь говоритъ: «Въ книгѣ его (Крылова) всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ высшаго сановника и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ, которому указываетъ онъ на высокій удѣлъ въ видѣ пчелы, не ищущей отличать своей работы:

Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытой,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Слова эти останутся доказательствомъ вѣчнымъ, какъ благородна была душа самого Крылова». («Соч.», т. III, стр. 464.)

LX. Щука и Котъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 13, стр. 92, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Поводомъ къ сочиненію этой б. была извѣстная неудача адмирала Чичагова, который долженъ былъ пресѣчь путь Наполеону черезъ Березину. «Нельзя изобразить общаго на него негодованія», пишетъ Вигель: «всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискусство, и Крыловъ написалъ басню о пирожникѣ, который берется шить сапоги, т. е. о морякѣ, начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ». («Воспом.» ч. IV, стр. 73.) Въ современной каррикатурѣ * сохранилось весьма опредѣленное выраженіе того убѣжденія,

---

* Эта каррикатура находится въ сборникѣ каррикатуръ, относящихся къ Отечественной войнѣ, подаренномъ П. Л. Лавровымъ императорской публичной библіотекѣ. Сборникъ состоитъ изъ 53 каррикатуръ; изъ нихъ 15 Ивана Теребенева, 5 подписаны буквами И. И. (Ивановъ?) и 33 безъ подписи; къ числу послѣднихъ относится и та, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Мы слышали, будто существовала другая каррикатура такого содержанія: Кутузовъ съ великимъ усильемъ затягиваетъ мѣшокъ, а Чичаговъ съ другаго конца перочиннымъ ножикомъ разрѣзываетъ этотъ мѣшокъ и выпускаетъ изъ него маленькихъ французскихъ солдатиковъ. Къ сожалѣнію, всѣ наши старанія отыскать ее остались тщетны.

что Чичаговъ преднамѣренно уклонился отъ общаго плана. Въ ней Кутузовъ скачетъ на конѣ и тянетъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть Наполеонъ; а на другомъ концѣ ея Чичаговъ, сидящій на якорѣ, восклицаетъ: je le sauve! и Наполеонъ въ видѣ зайца проскальзываетъ за его спиною. То же убѣжденіе выразилось и въ слѣдующей эпиграммѣ, найденной Я. К. Гротомъ въ бумагахъ Державина (см. «Соч. Державина», академич. изд., т. III. стр. 451):

Смоленскій князь Кутузовъ
Продерзостныхъ французовъ
И гналъ и билъ,
И наконецъ имъ гибельну онъ сѣть связалъ;
Но земневодный генералъ
Приползъ, — да всю и распустилъ.

Характеризуя его, какъ человѣка, Вигель говоритъ, что «въ душѣ онъ былъ англичанинъ, учился въ Англіи мореплаванію, и былъ женатъ на англичанкѣ; что съ суровостію моряка онъ соединялъ надменность англичанина и это сдѣлало его ненавистнымъ для русскихъ; послѣдній же его подвигъ (защита Березины) заставилъ ихъ всѣхъ презирать его». («Воспоминаніе,» т. II, стр. 9, рукоп. имп. публ. библ.) «Да и не могло быть иначе», пишетъ ген. Богдановичъ (т. II, стр. 289): «князь Кутузовъ, освободитель Россіи отъ нашествія Наполеона и его полчищъ, Витгенштейнъ, защитникъ нашей сѣверной столицы,... оба они стояли такъ высоко въ общемъ мнѣніи, что никто не смѣлъ усомниться въ безошибочности ихъ дѣйствій.... Общему порицанію подвергся Чичаговъ, потому что, во 1-хъ, положеніе, занимаемое его арміею, давало ему наиболѣе возможности преградить путь Наполеону; во 2-хъ, потому, что, командуя въ Отечественную войну впервые сухопутными силами, онъ еще не успѣлъ заслужить славы искуснаго военачальника. Къ тому же онъ сдѣлалъ важную ошибку, уклонясь отъ направленія, по которому отступала наполеонова армія». Этимъ общимъ мнѣніемъ, котораго не раздѣлять Крыловъ не имѣлъ причины, можетъ быть объяснена рѣзкость выраженій во вступленіи и заключеніи басни.

Къ ст. 30: И крысы хвостъ у ней отъѣли.

Въ этомъ стихѣ заключается намекъ на неудачное отступленіе войскъ Чичагова отъ Борисова на правую сторону Березины; при этомъ были потеряны многіе изъ полковыхъ обозовъ, канцелярія главнокомандующаго, большая часть экипажей и въ томъ числѣ фургонъ со столовымъ сервисомъ Чичагова, и всѣ наши раненные и больные, изъ коихъ нѣкоторые погибли отъ пожара, опустошившаго городъ. (Богдановичъ, т. III, стр. 249.)

Къ ст. 26 — 32: Такъ въ добрый часъ, пойдемъ.
— Пошли, засѣли . . . .
Кумъ за-мертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

Измайловъ находитъ, что выраженіе *пошли* здѣсь неумѣстно, потому что Щука ходить не можетъ; объ остальныхъ стихахъ онъ замѣчаетъ, что «басня оканчивается собственно 32-мъ стихомъ и что больше бы ничего не надобно; но послѣ сихъ быстрыхъ и сильныхъ стиховъ прибавлены, къ сожалѣнію, четыре вялыхъ и прозаическихъ стиха:

И дѣльно! это, Щука,
Тебѣ наука
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Все бы еще лучше было, если бы сказалъ это Щукѣ Котъ; а здѣсь говоритъ самъ сочинитель, который въ началѣ басни помѣстилъ уже приличное къ ней нравоученіе». («Соч.» т. II, стр. 645.)

LXI. Водолазы.

Напечатана въ первый разъ въ «Описаніи торжественнаго открытія Императорской публичной библіотеки, бывшаго января 2-го дня 1814 года». С.-Пбргъ, 1814 г., стр. 99; но мы относимъ эту басню къ 1813 г., потому что Крыловъ написалъ ее лѣтомъ этого года, что видно изъ письма къ нему Оленина. Здѣсь она помѣщена подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Читанный въ торжественномъ собраніи помощникомъ библіотекаря, титулярнымъ совѣтникомъ Крыловымъ Апологъ (притча): Водолазы». Олеиинъ приглашалъ Крылова прочесть эту басню въ собраніи письмомъ, отъ 17 ноября 1819 г., которое также помѣщено въ «Описаніи»: сказавъ нѣсколько словъ о предстоящемъ торжествѣ и исчисливъ вопросы, которые предложилъ разрѣшить библіотекарю Красовскому, архимандр. Филарету (впослѣдствіи митрополиту московскому) и Гнѣдичу, Оленинъ продолжаетъ: «четвертымъ вопросомъ, т. е. «о пользѣ истиннаго просвѣщенія и пагубныхъ слѣдствіяхъ суемудрія», — давно уже занимался человѣкъ вамъ весьма коротко знакомый, и именно: Иванъ Андреевичъ Крыловъ; — онъ знаетъ съ какимъ удовольствіемъ прекрасный его трудъ былъ уже принятъ въ кругу его пріятелей и знакомыхъ,

(которые иногда строго разбираютъ его творенія). Теперь остается ему только согласиться сей трудъ самому прочесть передъ публикою въ день торжественнаго открытія Императорской публичной библіотеки. — Вотъ о чемъ я рѣшился васъ, милостивый государь мой, письменно просить, и надѣюсь, что вы въ томъ мнѣ не откажете; я увѣренъ, что почтенная публика съ большимъ удовольствіемъ будетъ слушать вашъ апологъ, который вы нынѣшнимъ лѣтомъ на дачѣ моей сочинили, подъ названіемъ «Водолазы». Пребываю и проч. («Описаніе торж. откр. Имп. п. б., стр. 149.)

Въ первомъ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 25: Ни дара постигать вещей безплотныхъ (до изд. 1819).
28: Безсмысленныхъ животныхъ.
33—34: Что вес́ь ученый бредъ
Былъ нравовъ простотѣ во вредъ.
41—42: . . . . Созвавъ со всѣхъ сторонъ
Разумниковъ, изъ нихъ онъ учредилъ собранье.
52: Такъ онъ.... (Опис. откр. б.)
98: Хотя близъ береговъ ласкаться счастьемъ можно
(до изд. 1819).

Къ ст. 19—20: Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секретарской.
48—50: И если бы имъ волю дали....
Да жалованье брали.

Эти стихи приводятся Измайловымъ, какъ образецъ намека на слабости и пороки человѣческіе, о которыхъ баснописецъ упоминаетъ мимоходомъ. (»Соч.» т. II, стр. 668—669.)

Плетневъ видитъ въ этой баснѣ рѣшеніе одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія». («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. LVII.)

Къ ст. 113 — 117: Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину....
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

Г. Стоюнинъ замѣчаетъ, что «здѣсь высказывается странный взглядъ на науку, въ которой баснописецъ хочетъ видѣть какую-то гибельную глубину, забывая, что наука развиваетъ только истину, а она несетъ лишь свѣтъ и добро людямъ». («О преподаваніи русской Литературы», стр. 385.)

Нельзя не согласиться съ почтеннымъ педагогомъ, что наука развиваетъ только истину, а она дѣйствительно приноситъ одно добро. Но намъ кажется, что здѣсь баснописецъ указываетъ на вредныя послѣдствія

увлеченія не истинною, а ложною идеею: его водолазъ погибаетъ отъ того, что рѣшился на дѣло, противное природѣ человѣка. Мы думаемъ, что Крыловъ здѣсь говоритъ о политическомъ и религіозномъ вольнодумствѣ, какъ «пагубномъ суемудріи» и причинѣ народныхъ бѣдствій.

LXII. Крестьянинъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1813 г., № XXXIX, стр. 43, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 1: Къ крестьянину пришла змѣя проситься въ домъ (С. О.).
2: Не даромъ....
9: . . . . твердитъ молва.
13: Къ несчастью, правда все.... (до изд. 1819).
19—20: И, словомъ, всѣхъ я змѣй добрѣй (С. О.).
29: А сверхъ того....
33: Отцы! Вдогадъ ли вамъ, на что здѣсь цѣлю я? (С. О.).
— Отцы! Вы видите-ль, на что здѣсь мѣчу я?
(изд. 1815—1819).

Эта б. касается непосредственныхъ слѣдствій Отечественной войны и при своемъ появленіи имѣла живое современное значеніе. Она была направлена противъ зла, возбуждавшаго въ тѣ времена сильное негодованіе патріотовъ и усилившагося послѣ кампаніи 1812 года, — противъ обыкновенія поручать воспитаніе дѣтей иностранцамъ, преимущественно французамъ. «Выморозки» — такъ называли тогда оставшихся въ Россіи воиновъ изъ арміи Наполеона — были разсылаемы партіями въ различныя, преимущественно внутреннія губерніи, гдѣ имъ, по свидѣтельству анонимнаго современника, оказывали не только человѣколюбіе, но даже лестное вниманіе. «Достовѣрные свидѣтели разсказывали намъ, говоритъ этотъ современникъ,... что не бываетъ ни одного собранія, ни одного бала, куда бы французы преимущественно приглашены не были, что они имѣютъ входъ во всѣ дома, что нѣкоторые русскіе дворяне съ ними о Россіи разсуждаютъ, слушаютъ ихъ, любуются ихъ краснорѣчію и даже берутъ ихъ въ учители къ дѣтямъ своимъ; увѣряютъ, и «безъ ужаса повторить сего не можно,

On dit et sans horreur je ne puis le redire,

что нѣсколько благородныхъ дѣвицъ собираются выдти за нихъ замужъ; что, забывъ честь, долгъ родства и любви къ отечеству, не погнушались онѣ руку свою предложить—кому? Тѣмъ, у которыхъ кровь свойствен-

никовъ или ближнихъ, несчастнымъ симъ дѣвицамъ принадлежащихъ, не успѣла еще на рукахъ обсохнуть *... Вотъ достойная награда родителямъ, столь много пекущимся о томъ только, чтобы дѣти ихъ болтали по французски! вотъ плодъ воспитанія, введеннаго у насъ въ XVIII столѣтіи, — воспитанія, въ которомъ отцы и матери, отрекшись отъ священной обязанности своей, отъ должнаго присмотра за своими дѣтьми «слѣпо» ихъ предаютъ въ руки иноплеменныхъ, ибо безъ сего коварнаго условія ни одинъ французскій гувернеръ или гувернантка въ русскій домъ не вступаетъ! Нерѣдко случается, что въ провинціяхъ парижская судомойка становится наставницею молодыхъ благородныхъ дѣвицъ! И чему удивляться, когда здѣсь, въ столицѣ, мы часто видимъ французскую горничную дѣвку, вдругъ возведенную въ почетное достоинство наставницы! Сіи-то наставницы, а паче тѣ, которыя слывутъ учеными, постепенно развращаютъ нашихъ дѣвицъ, знакомятъ ихъ съ образомъ мыслей, съ языкомъ непримиримыхъ враговъ нашихъ, заставляя забывать и презирать нашъ отечественный **»! («Сынъ Отечества», 1813, № XXVI, стр. 301—305.)

Въ томъ же духѣ высказались около того времени Оленинъ и Гнѣдичъ, лица бывшія въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Крыловымъ. Приглашая митрополита Филарета (бывшаго тогда ректоромъ петербургской духовной академіи) принять участіе въ торжественномъ открытіи императорской публичной библіотеки, онъ предлагалъ ему написать рѣчь въ которой были бы разрѣшены слѣдующіе вопросы: 1) Что полезнѣе для успѣха въ отечественной словесности: изученіе ли двухъ мертвыхъ классическихъ, или многихъ живыхъ чужихъ языковъ? 2) Время, употребляемое въ нашей молодости на пріобрѣтеніе самаго чистаго произношенія иностранныхъ языковъ, а особливо французскаго, не лучше ли бы сберечь на усовершенствованіе въ знаніи природнаго своего языка? И наконецъ 3) не вредно ли будетъ со временемъ для народной нравственности и для любви къ отечеству общее употребленіе живаго чужаго языка съ исключеніемъ природнаго даже въ обыкновенномъ разговорѣ съ ближними родственниками, не говоря о единоземцахъ». Къ послѣднему пункту Оленинъ относитъ слѣдующее примѣчаніе, прямо касающееся

* Подобный бракъ авторъ признаетъ не дѣйствительнымъ, основываясь на правилахъ, составленныхъ святѣйшимъ Синодомъ, по порученію Петра I, послѣ пораженія Карла XII (о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными *и проч.* Спб. 1721 г. мѣсяца августа, въ 18 день), гдѣ на страницѣ 8 сказано, что бракъ такой допускается только въ томъ случаѣ, когда *плѣнники и свободные иностранцы царскому величеству запишутся въ вѣчную службу.*

** Статья эта была доставлена издателямъ съ слѣдующимъ, не лишеннымъ интереса письмомъ: «Соболѣзнующіе о заблужденіи нашихъ соотечественниковъ, а еще болѣе нашихъ молодыхъ соотечественницъ, просятъ издателей *Сына Отечества* помѣстить слѣдующее извѣстіе въ ихъ смѣси для свѣдѣнія всѣхъ вѣрныхъ и доблестныхъ россіанъ и россіанокъ».

нашего предмета: «Признаюсь, я не могу довольно надивиться непонятной для меня страсти щеголять знаніемъ, а особливо чистымъ произношеніемъ всѣхъ языковъ, кромѣ своего природнаго! Скоро между нами будетъ, какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи! *Не услышитъ кійждо гласа ближняго (своего).* Сіе странное изступленіе ума до такой степени доходитъ, что въ иныхъ русскихъ домахъ дѣти, рожденныя отъ русскихъ, учиться должны природнаго своего языка отъ такихъ учителей, которые бы знали какой нибудь иностранный языкъ, а безъ того бѣдныя, невинныя дѣти учителя своего въ самыхъ простыхъ изрѣченіяхъ понимать не въ состояніи. О tempora! о mores»! («Описаніе торжеств. открытія имп. публ. библ.» стр. 131—132.)

Гнѣдичъ въ своей рѣчи «*о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности*», читанной при открытіи публичной библіотеки, находитъ, что главная причина заключается въ недостаткѣ строгаго классическаго образованія и пристрастіи къ французскому языку, который не могла вытѣснить даже ненависть, внушенная варварствомъ наполеонцевъ. «Я слышалъ», говоритъ онъ, «какъ убійцъ нашихъ дѣтей языкомъ убійцъ ихъ у насъ проклинали съ прекраснымъ произношеніемъ. Я слышалъ, какъ молили Бога о спасеніи отечества—языкомъ враговъ Бога и отечества, сохраняя выговоръ во всемъ совершенствѣ». (Тамъ же, стр. 90.)

Такой рѣшительный протестъ противъ укоренившагося пристрастія къ французскому языку, французскимъ гувернерамъ и гувернанткамъ, конечно былъ слѣдствіемъ измѣненія понятій о Франціи и о французахъ, послѣдовавшаго за нашествіемъ Наполеона. Мы не станемъ говорить о ненависти, возбужденной его полчищами въ массѣ народа (см. «Зап.» Р. Вильсона, «Русск. Вѣстн.» за январь 1862 г., стр. 191 и 192); обратимъ вниманіе на то, какъ это чувство выразилось въ литературѣ, и именно въ «Сынѣ Отечества», въ которомъ Крыловъ въ то время помѣщалъ свои басни.

«Нынѣшнее слово французъ есть синонима чудовищу, извергу, варвару и проч. такого рода», говорится въ этомъ журналѣ (1812 г., ч. 8, стр. 90). Дѣйствительная безнравственность наполеоновскихъ солдатъ, которые оскверняли не только православные, но и католическіе храмы, какъ то видно изъ письма католическаго священника въ Москвѣ, свидѣтельствующаго о ихъ неблагопристойномъ поведеніи въ церкви, а впослѣдствіи подвергшагося личнымъ оскорбленіямъ и насмѣшкамъ при посѣщеніи больницы, гдѣ помѣщались плѣнные («Сынъ От.», 1812 г., ч. 2, стр. 180),—перенесена на всю націю и приписана французскому воспитанію. Французскій народъ представлялся лишеннымъ всѣхъ нравственныхъ основъ, разрушенныхъ энциклопедистами (тамъ же, стр. 71): у него «религія сдѣлалась посмѣшищемъ, добродѣтель предразсудкомъ, а блестящіе пороки—добродѣтелями». А такъ какъ, по словамъ Платона, легче городъ построить на воздухѣ, чѣмъ учредить государство безъ религіи и нравственности, то авторъ анонимныхъ писемъ изъ Москвы въ Нижній

Новгородъ («Сынъ От.» ч. 8, 9 и 10), позволяя себѣ забѣжать впередъ, предсказываетъ совершенное исчезновеніе французской націи. «Приговоръ: delenda Francia! по его мнѣнію, во всѣхъ сердцахъ, если не у всѣхъ въ устахъ»; но этотъ приговоръ исполнится, «и тогда развратнѣйшій изъ всѣхъ народовъ представитъ собою ужасное позорище на театрѣ міра. Останки его, скитающіеся по свѣту, будутъ вопить, подобно Ѳезею въ Виргиліевомъ аду:

Discite justitiam moniti et non temnere Divos!

и докажутъ примѣромъ своимъ, что безъ вѣры, общество человѣческое, какъ бы оно сильно ни было, долго существовать не можетъ». Французскому народу, наконецъ, предсказывается участь болѣе плачевная, чѣмъ евреевъ; «послѣднимъ религія служитъ узломъ, связующимъ бродячее ихъ общество; французамъ не предстоитъ и подобнаго сему жребія. Одно имъ останется — быть особливымъ родомъ цыганъ». («С. От.» 1813 г., ч. 8, стр. 96—97.)

Отказавъ французскому народу въ нравственныхъ началахъ, отказали и въ качествахъ гражданина. Быстрый переходъ отъ революціи и республики къ монархіи объясняется «подлостію и низостію народа». «Нѣсколько вѣковъ разврата потребно было на то, чтобы пріучить потомство Гракховъ ползать у ногъ Тиверія», говоритъ авторъ тѣхъ же писемъ: «во Франціи это дѣлается скорѣе: сегодня издается законъ, которымъ осужденъ на казнь всякъ, кто только осмѣлится предложить возстановленіе монархіи, а на другой день все стадо французское уже лежитъ у ногъ пришельца и присягаетъ ему въ вѣчномъ рабствѣ. Каковъ народъ?— Natio comoeda est»! (Тамъ же.)

Французская литература, предъ которою безусловно преклонялись лучшіе умы XVIII и начала нынѣшняго вѣка, подверглась также строгому осужденію. О Расинѣ говорили, что все его очарованіе состоитъ въ искусствѣ владѣть своимъ языкомъ, что̀ однакожъ не составляетъ генія-творца; поэму Вольтера называли «уродливою рапсодіею, холодною въ стихахъ декламаціею»; въ Мольерѣ цѣнили только «очищеніе комедіи отъ кощунства; что же касается характеровъ, хода комедіи и развязки, то онъ занялъ ихъ отчасти у древнихъ, отчасти у испанскаго театра»; Ла Фонтенъ оказывается подражателемъ Федру, Боккаччіо и Аріосту. Наконецъ всю поэзію и художества французовъ упрекали въ страсти украшать природу и въ изнѣженномъ жеманствѣ, проникающемъ ихъ живопись, скульптуру и музыку». («С. От.», № XLIV.)

Такимъ жалкимъ представлялся этотъ народъ, къ которому русское общество питало ничѣмъ непобѣдимое пристрастіе. На чемъ же могло основываться и чѣмъ поддерживалось это пристрастіе? Вопросъ этотъ разрѣшался очень просто: основано на привычкѣ, заразившей русское общество еще въ XVIII в., а поддерживается воспитаніемъ, «которое отравлено вліяніемъ французскимъ, которое низведено до безсмысленной

заботливости о правильномъ носовомъ выговорѣ и изяществѣ манеръ». (Тамъ же.)

Всѣ эти разсужденія были, такъ сказать, резюмированы въ каррикатурѣ Теребенева: «Жидъ обманываетъ вещами, цыганъ лошадьми, французъ воспитаніемъ! Который вреднѣе»? Содержаніе ея слѣдующее: съ правой стороны еврей услужливо подаетъ ящикъ съ галантерейными вещами; по срединѣ цыганъ старается украдкою разгорячить уродливую клячу, а на лѣвой сторонѣ — французъ, качаясь на стулѣ, самодовольно любуется билетомъ, на которомъ написано: 10 рубл. за часъ. За нимъ у стола сидитъ мальчикъ за книжкою, и возлѣ него: Oeuvres de Voltaire, Honny soit qui mal y pense; далѣе — романъ Pigault le Brun, l'histoire de France и наконецъ географическая карта, на которой видна только Франція; законы же русскіе и россійская грамматика лежатъ подъ столомъ, надъ сочиненіями русскихъ авторовъ трудится мышь, а катихизисъ валяется подъ ногами учителя. (См. Сборникъ каррикатуръ имп. акад. наукъ.)

Таковы были мнѣнія, высказываемыя тѣмъ кругомъ, къ которому тогда принадлежалъ Крыловъ и нисколько не противорѣчившія его собственнымъ убѣжденіямъ. Вотъ какъ онъ отзывался о французахъ еще въ «Почтѣ Духовъ»: «Скорѣе всего можно познакомиться съ французомъ: въ немъ нѣтъ ни гордости, свойственной испанцамъ, ни врожденной нѣмцамъ угрюмости, ниже той подозрительной улыбки, которая въ поступкахъ сопровождаетъ всегда италіянцевъ; кажется, природа одарила его столь выгодною наружностію, подъ которою должны храниться истинная добродѣтель и честнѣйшая въ свѣтѣ душа, но напротивъ того.... Однакожъ, оставимъ это; я не хочу никого вооружать противъ себя; и если мало могу сказать добраго о французахъ, такъ, право, это самому мнѣ досадно»... («Полное собраніе сочиненій», т. I, стр. 34.) Въ 1807 году въ двухъ своихъ комедіяхъ («Модная Лавка», гдѣ французъ представленъ плутомъ, ростовщикомъ и доносчикомъ, и «Урокъ дочкамъ»), имѣвшихъ огромный успѣхъ на сценѣ («Воспом.» Вигеля, ч. III, стр. 123), онъ язвительно смѣялся надъ галломаніею, господствовавшею въ столицѣ и въ провинціяхъ. Теперь же, когда литература сдѣлалась выраженіемъ патріотизма, иногда слишкомъ неумѣренною, но совершенно понятнаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда въ ней безпрестанно слышался громкій протестъ противъ «враговъ Бога и отечества», Крыловъ присоединился къ этому протесту и подъ видомъ змѣи, просящейся къ крестьянину въ домъ няньчить дѣтей, изобразилъ гувернера француза, несущаго съ собою нравственный ядъ.

1814.

LXIII. Лягушка и Юпитеръ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 29; но мы относимъ ее къ 1814 г., потому что она сохранилась въ рукописи, на которой означено 11 января 1814 г. Въ рукописи и въ изд. 1815 г. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 6: Подъ тѣнью ивнячка.... (р. и 1816).
10: . . . . могли въ ней ползать мухи (р.).
12: Меня несчастную не погубите.
14: Чтобы въ моемъ помѣстьѣ....
16: Кричитъ лягушка безъ умолку.
19: Безмозглая!...
25: На свѣтѣ много мы такихъ головъ найдемъ.
26: Которымъ все, опричь себя....

Къ ст. 14 — 15: Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода.

Измайловъ замѣчаетъ въ этихъ стихахъ грамматическую ошибку, состоящую въ ненужномъ повтореніи союза *бы*. («Соч.» т. II, стр. 676.)

Къ ст. 25 — 28: На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ....
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

Нравоучительная мысль этой б. выражается весьма разнообразно во многихъ народныхъ пословицахъ; каковы напр.: «Мнѣ, хоть весь свѣтъ гори, только бы я живъ былъ»; «Чортъ возьми сосѣда, жги огнемъ деревню»; «Мнѣ что до кого? — Было бъ намъ хорошо» и проч. («Пословицы русскаго народа, сбор.» Даля, стр. 666, 670, 671 и слѣд.)

LXIV. Прохожіе и Собаки.

Сохранилась въ двухъ рукописяхъ, изъ коихъ первая отмѣчена 11 января 1814 года, а вторая 12 мая того же года; но въ первый разъ напечатана въ изд. 1815 года ч. II, стр. 20; въ рукописяхъ и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: И разговоръ вели....
9—11: Собакъ намъ не исправить;
Пойдемъ, увидишь самъ, что лучше ихъ оставить (рук. и изд. до 1819).
13—14: . . . . шаговъ десятковъ пять,
Какъ стало ни одной собаки не слыхать (р. и изд. до 1825).
15: Хулители (рук. и изд. до 1819).

Г. Флёри утверждаетъ, что Крыловъ заимствовалъ сюжетъ этой б. у Вольтера, который въ предисловіи къ своей трагедіи «Alzire, ou les américains» (Théatre de Voltaire, Paris, 1801, t. III, p. 161), говоря о критикахъ, приводитъ слѣдующій разсказъ италіанскаго сатирика Боккалини (ум. 1613): «Un voyageur était importuné dans son chemin du bruit des cigales: il s'arrêta pour les tuer; il n'en vint pas à bout, et ne fit que s'écarter de sa route. Il n'avait qu'à continuer paisiblement son voyage; les cigales seraient mortes d'elles-mêmes au bout de huit jours». Хотя дѣйствительно этотъ разсказъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ баснею Крылова, но трудно сказать утвердительно, что именно онъ послужилъ ему источникомъ, потому что и въ другихъ литературахъ можно найти произведенія, въ которыхъ завистливые критики уподобляются животнымъ, безпокоящимъ путника. (Ср. стихотвореніе Гёте: der Kläffer); сверхъ того Крыловъ даетъ своей баснѣ самое общее значеніе: подъ собаками онъ разумѣетъ не однихъ критиковъ, но вообще «хулителей, завистниковъ».

У Сумарокова (кн. I, пр. XLIX) и у гр. Хвостова (кн. II, б. XXL) находимъ также басни подъ заглавіемъ: «Прохожій и Собака»; но притча Сумарокова не имѣетъ ничего общаго съ б. Крылова; басня же Хвостова написана въ подражаніе ей, о чемъ свидѣтельствуетъ примѣч. (48), что «авторъ не будетъ хвастаться изобрѣтеніемъ содержанія этой басни; нравоученіе свое онъ относитъ къ журналисту, который,

Зоильствомъ наполняя листъ,
Подчасъ облаетъ всѣхъ, и никому не вреденъ:
Онъ злобою богатъ, — умомъ и вкусомъ бѣденъ».

LXV. Безбожники.

Сохранилась въ рукописи, отмѣченной 11 янв. 1814 года; но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1815 года ч. II, стр. 9; сверхъ упомянутой рукописи, сохранились еще двѣ черновыя этой басни, неизвѣстно, къ какому году относящіяся. Въ рукописяхъ и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: . . . . судъ небесъ и слѣпъ.... (рукописи).
16—19: Олимпъ съ мольбой къ Зевесу приступилъ,
Чтобы грозящую бѣду онъ отвратилъ (2-я черн. рукоп.).
— Тутъ боги Зевсу бьютъ челомъ,
Чтобъ отвратилъ онъ зло иль силой, иль умомъ,
И даже всѣ согласны въ томъ,
На беззаконныхъ кинуть громъ (1-я черн. рук.).
— Тутъ боги Зевсу бьютъ челомъ,
Чтобъ отвратилъ онъ зло иль силой, иль умомъ,
И даже всѣ согласны въ томъ,
Что къ укрощенію....
20: Хоть маленькое сдѣлать чудо (1-я черн. р.).
24: Въ рукописяхъ и изданіяхъ до 1825 г. вкл. этого стиха нѣтъ.
25: Они въ дѣлахъ своихъ казнятся (2-я черн. рукоп.).
— .... если не смирятся *,
То намъ ли въ небесахъ ихъ дерзости бояться?
Кому не вѣдомо изъ васъ,
Что камни, стрѣлы ихъ, не досягнувъ до насъ,
На нихъ же обратятся (1-я черн. рук.).
29: На собственныя ихъ обратилися главы (1-я черн. р.).
30—35: О вы,
Которымъ Богъ вручилъ о царствахъ попеченье!
Любите мудрости ученье:
Оно людей къ добру ведетъ.
Но бойтесь, если въ нихъ невѣріе гнѣздится;
Иль придетъ часъ, оно какъ туча разразится,
Присягу, и родство, и дружбу разорветъ
И каменнымъ дождемъ на царство упадетъ (1-я черн. р.).

«Въ баснѣ «Безбожники», говоритъ Плетневъ, «представлена картина, до такой степени поразительная и согласная съ очевидностію, что въ

---

* Варіанты 25-го стиха и 30—35 напечатаны въ «Библіографич. запискахъ», 1859 г., т. II, стр. 85—87; первый изъ нихъ прочитанъ не совсѣмъ правильно: вмѣсто: «Что камни, стрѣлы ихъ, не досягнувъ до насъ, на нихъ же обратятся», — «Что камни, стрѣлы ихъ *не досягнутъ* до насъ»?

слѣдъ за нею, всякое сомнѣніе и легкомысліе уступятъ въ сердцѣ мѣсто отрадному вѣрованію». («Жизнь и соч. И. А. Крылова», стр. LVII.)

Нѣтъ сомнѣнія, что подъ этимъ безбожнымъ народомъ Крыловъ разумѣлъ французскій народъ; бѣдствія революціи и послѣдовавшія за нею тягости наполеоновскихъ войнъ, онъ, подобно всѣмъ своимъ современникамъ, приписываетъ исключительно вліянію философовъ, а потому и совѣтуетъ тѣмъ, кому «Богъ вручилъ о царствахъ попеченье», любить ученіе мудрецовъ, но бояться невѣрія, которое рано или поздно должно навлечь народныя бѣдствія.

Къ ст. 30: Плоды невѣрія ужасны таковы.

Измайловъ замѣчаетъ здѣсь грамматическую ошибку; надлежало бы сказать: «*такъ* или *столь ужасны плоды невѣрія*». («Соч.» т. II, стр. 676.)

LXVI. Крестьяне и Рѣка.

Сохранилась въ рукописи 11 января 1814 г.; напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 30. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: Гдѣ озими изрыты.
24: Вздохнули и пошли домой.

Къ ст. 27—28: На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по-поламъ.

Ср. заключеніе съ нравоученіемъ б. Эзопа «Претерпѣвшій кораблекрушеніе и Море» въ примѣч. къ б. «Пловецъ и Море».

Ср. эту б. съ разсказомъ у Гоголя о недогадливомъ просителѣ, которому обѣщали принести дѣло на домъ, но не несутъ. Онъ начинаетъ вывѣдывать и узнаетъ, что надо дать писарямъ. — «Почему жъ не дать? говоритъ онъ; я готовъ четвертакъ, другой. — Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой! отвѣчаютъ ему. — По бѣленькой писарямъ? вскрикиваетъ проситель. — Да чего вы такъ горячитесь? отвѣчаютъ ему: оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству». («Мертв. Души», ч. I, гл. XI.)

LXVII. Пожаръ и Алмазъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 года, ч. IV, стр. 28; но сохранилась въ рукописи 11 января 1814 года, гдѣ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Тогда жъ, при общей тутъ тревогѣ (р.).
8—9: Какъ ты ничтоженъ предо мной,
Сказалъ ему огонь, со всей твоей игрой.
17: . . . . блескъ твой ослабляетъ.
32: А ты живе́шь лишь тѣмъ....
37: . . . . народъ пожаръ тушить принялся.

Здѣсь кстати припомнить, что пожаръ для Крылова былъ занимательнѣйшимъ зрѣлищемъ. Онъ не пропускалъ ни одного значительнаго пожара и о каждомъ сохранилъ самыя живыя воспоминанія. «Безъ сомнѣнія», замѣчаетъ Плетневъ, «отъ этой странной черты любопытства его произошло и то, что въ его басняхъ всѣ описанія пожаровъ такъ поразительно точны и оригинально хороши». («Полн. собр. соч.» т. I, стр. LXXIII.)

LXVIII. Бумажный змѣй.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», 1814 г., № II, стр. 73, подъ заглавіемъ: «Бумажный Змѣй и Мотылекъ», съ слѣд. варіантами:

Ст. 1 — 2: Бумажный змѣй, увидя съ высока (С. От.).
16: Безъ устали пустаго.

Къ ст. 16—17: Пустаго
Вѣкъ цѣлый не трещу.

Измайловъ находитъ неправильность въ употребленіи глагола «*трещать*»; по его мнѣнію, это глаголъ среднiй и не можетъ управлять никакимъ падежомъ; («Соч.» т. II, стр. 676), тоже самое онъ говоритъ и о дѣепричастіи «*гуторя*» въ б. «Муха и Дорожные», что совершенно несправедливо. Вообще Измайловъ требуетъ, чтобы сочинитель, говоря самъ, изъяснялся «всегда правильно, и особливо избѣгалъ словъ, употребляемыхъ черныо». На этомъ основаніи онъ осуждаетъ выраженія: «*обидѣть не моги*», *стеречи* съѣстное, начнетъ *печи*, *глядитко* насъ. (Тамъ же.)

LXIX. Тѣнь и Человѣкъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., № XI, стр. 206, и сохранилась въ рукописи 11 января 1814 г., гдѣ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Чудакъ.... (р. и изд. до 1819).
3: Она туда жъ; онъ наконецъ, что мочи есть, бѣжать (рук.).
8: . . . . . видалъ я сколько разъ (рук).

У Хемницера есть б. подъ заглавіемъ: «Дуракъ и Тѣнь» («Соч.» стр. 168), въ которой также, какъ и у Крылова, представленъ человѣкъ, гоняющійся за своею тѣнью. Разсказъ примѣняется къ человѣку, который «въ счастіи счастія искалъ», и заключается слѣдующими стихами:

— Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняяся за нимъ, его гоняешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись твоимъ желаньемъ
И будь доволенъ состояньемъ,
Въ которомъ ты живешь.

LXX. Прудъ и Рѣка.

Сохранилась въ рукописи, отмѣченной 12 мая 1814 г.; но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV, стр. 14, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 4: Не уже ли таки.... (1816).
41: Этого стиха нѣтъ въ рукоп. и въ изданіяхъ 1816, 19 и 25 г.
48: По всякій день....

Мнѣніе Гоголя объ этой б. см. въ примѣч. къ б. «Сочинитель и Разбойникъ».

LXXI. Дерево.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г.; въ первый разъ напечатана въ изд. 1816 года, ч. IV, стр. 8, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 5: Этотъ стихъ внесенъ въ изд. 1830 г.
7: Притомъ же солнечный мнѣ чуть мелькаетъ свѣтъ (р.).
9—12: Когда бъ вокругъ меня не этотъ сбродъ,
Я вѣрно бъ выросла до облакъ въ годъ,
И скрасилась бы мной здѣсь цѣлая долина;
Теперь же тонокъ я и сухъ, какъ хворостина (1816).

— Послѣдній стихъ въ изд. 1819 г.:
Теперь же я какъ хворостина.
— И скрасила бъ собой здѣсь цѣлую долину;
Теперь же не расту и въ половину (р.).
14: И молодому другу (р.).
18: То жаромъ солнечнымъ печетъ.
20: И бурей ....
23: Когда бъ укрытое ты лѣсомъ ....
25—26: Деревья крѣпкія тебя бы берегли.
И если бъ нѣкогда большихъ деревъ не стало.
28: То до того ты столько бъ возросло (1816, 19).

У Хемницера есть б. подъ тѣмъ же заглавіемъ («Соч.», стр. 15). Въ ней также представлено дерево, недовольное тѣмъ, что растетъ въ долинѣ. Зевесъ превращаетъ долину въ гору, и когда поднялась буря, то дерево позавидовало деревьямъ, растущимъ въ долинѣ. Басня примѣняется къ людямъ, стоящимъ на высотѣ.

LXXII. Камень и Червякъ.

Въ первый разъ напечатана въ изд. 1816 года, ч. V, стр. 7, но сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г., гдѣ находимъ слѣдующее заключеніе, не вошедшее ни въ одно изданіе:

После 18 ст.: Такъ нечего тебѣ напрасно тратить словъ,
И долгимъ здѣсь твоимъ бытьемъ гордиться;
А развѣ тѣмъ ты можешь похвалиться,
Что въ нѣсколько вѣковъ
Не пролежалъ ты здѣсь боковъ.

—

Есть люди, коихъ Богъ, конечно, избираетъ:
Таковъ вельможа мудрый, вождь,
Хоть иногда судьба ихъ жизнь .... *,
Но жизнь сія, какъ благотворный дождь,
Здѣсь по слѣдамъ своимъ лишь благо оставляетъ.

—

Вы спросите: кого жъ намъ къ камню примѣнить?
Про тѣхъ не стоитъ говорить.

---

* Послѣднее слово въ этомъ стихѣ осталось не разобраннымъ.

LXXIII. Чижъ и Голубь.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г. и напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 1. Ни въ рукописи, ни въ изданіяхъ не находимъ никакихъ перемѣнъ.

Къ ст. 10: Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ.
Ср. пословицу: «Не радуйся чужому безвременью! самъ подъ Богомъ ходишь». (Снегиревъ, стр. 285.)

LXXIV. Орелъ и Кротъ.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г., но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV, стр. 3, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 12—14: Что корнемъ онъ не крѣпокъ и не цѣлъ,
Что даже, можетъ быть, онъ скоро и свалится,
Такъ чтобы вить на немъ гнѣзда
Не принималъ Орелъ напраснаго труда (р. 1816, 19).
32—34: Несчастный! онъ сказалъ: за то бѣда мнѣ эта,
Что не послушалъ я совѣта.
30: Но какъ же было воображать .... (р.).
38—41: .... Кротъ сказалъ: то бъ зналъ, что подъ землею
Живу я вѣкъ и, роясь близъ корней,
Здорово ль дерево, могу судить вѣрнѣй.

Къ ст. 1—2: Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.
Эти два стиха внесены Д. К. и Снегиревымъ въ сборникъ народныхъ пословицъ.

LXXV. Комаръ и Пастухъ.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г., но напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 года, ч. V, стр. 13, съ слѣдующею незначительною перемѣною:

Ст. 3: Ползетъ къ нему, обливши ядомъ жало (до изд. 1830).

---

*

LXXVI. Крестьянинъ и Разбойникъ.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г., но напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV, стр. 18, съ незначительными перемѣнами:

Ст. 4: Брелъ подъ вечеръ домой .... (р.).
6: Разбойникъ мужичка .... (до изд. 1843).

LXXVII. Лебедь, Щука и Ракъ.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г.; напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. 4, стр. 10:

Ст. 7: ... а возу нѣту ходу (изд. 1816, 19).

Эту басню такъ часто примѣняли къ различнымъ коллективнымъ учрежденіямъ и преимущественно къ государственному совѣту, что наконецъ утвердилось мнѣніе, будто она была вызвана несогласіями членовъ этого совѣта. Но чтобы утвердительно сказать, что именно къ нему относится сатира Крылова, для того нѣтъ никакихъ данныхъ. Другіе же видятъ въ ней сатиру на Вѣнскій конгрессъ; но Вѣнскій конгрессъ открылся 1 ноября 1814 года, а басня, какъ показываетъ рукопись, написана была уже въ маѣ 1814 г.

Къ ст. 7—10: Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу нѣту ходу ....
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.

Измайловъ находитъ неестественнымъ соединеніе этихъ дѣйствующихъ лицъ за однимъ дѣломъ: «если, дѣйствительно, поклажа была легка, то лебедь могъ поднять на воздухъ и возъ, и щуку, и рака». («Соч.» т. II, стр. 654.)

LXXVIII. Клеветникъ и Змѣя.

Сохранилась въ рукописи 12 мая 1814 г.; напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 17-е, стр. 45 (цензорская отмѣтка отъ 18 дек. 1814 г.), съ слѣдующимъ варіантомъ:

Ст. 5—7: Въ какомъ-то торжествѣ въ аду,
Для дня рожденія Аттилы иль Нерона,

Иль, можетъ быть, Наполеона;
Боюсь сказать,
Чтобъ не солгать;
А впрочемъ все равно; извѣстно: дни такіе
У сатаны
Всѣ въ табель включены
И торжества для нихъ уставлены большія;-
Такъ въ торжествѣ такомъ,
Готовясь въ ходъ, змѣя съ клеветникомъ
Другъ другу уступить ни пяди не хотѣли... (до изд. 1825).
10: А въ адѣ большинство.... (Ч. въ Б.).

Эта басня тогда же была перепечатана въ «Сынѣ Отечества» (ч. 21, № XVII, стр. 179). Въ этомъ №, стр. 181, въ отдѣлѣ современной русской библіографіи помѣщено извѣстіе о выходѣ означенной книги «Чтенія въ Бесѣдѣ любит. р. сл.» съ перечнемъ помѣщенныхъ въ ней статей, при чемъ редакторъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Одною изъ сихъ басенъ украсили мы нынѣшнюю книжку «С. О.». Почтенный сочинитель въ нынѣшнемъ году забылъ нашъ журналъ». Дѣйствительно, Крыловъ шесть послѣднихъ б., написанныхъ въ 1814 г., напечаталъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ», чѣмъ отчасти оправдывается выраженіе Вигеля: «Крыловъ выдалъ особу свою Бесѣдѣ». («Воспом.», ч. III, стр. 152.)

Къ ст. 28—31: Но можешь ли язвить ты такъ издалека....
Ни за морями.

Ср. пословицу: «Змѣю обойдешь, а отъ клеветы не уйдешь». (Сборн. Даля, стр. 179.)

LXXIX. Конь и Всадникъ.

Напечатана въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 10; но сохранилась въ двухъ спискахъ въ рукописи 12 мая 1814 г.; въ первомъ изъ нихъ сдѣлано нѣсколько измѣненій, второй совершенно сходенъ съ первою печатною редакціею. Приводимъ варіанты:

Ст. 6: Съ собою всадникъ разсуждалъ (р.).
16—17: Мой расходился конь ретивый;
Въ немъ разыгралась кровь....
21—22: Напрасно на него дрожащею рукой
Сѣдокъ узду накинуть покушался.

По идеѣ и по нѣкоторымъ подробностямъ эта басня сходна съ стихотвореніемъ Державина «Колесница» («Соч.» академич. изд., т. I, стр.

524). У Державина возница, убѣжденный, что кони его смирны, ослабилъ возжи и задремалъ. Кони понеслись:

Дрожатъ, храпятъ, ушми прядутъ,
И, стиснувъ сталь во рту зубами
Изъ рукъ возницы возжи рвутъ,
Бросаются и прахъ ногами,
Какъ вихорь, подъ собою вьютъ;
Какъ стрѣлы, изъ лука пущенны,
Летятъ они во весь опоръ.
Отъ сна возница возбужденный,
Поспѣшно открываетъ взоръ....
Уже колеса позлащенны
Какъ огнь, сквозь пыль кружась, гремятъ!
Ѣздокъ, ихъ шумомъ устрашенный,
Вращая поблѣднѣлый взглядъ,
Хватаетъ возжи, но ужъ поздно;
Зоветъ по именамъ коней,
Кричитъ и ихъ смиряетъ грозно;
Но ужъ они его рѣчей
Не слушаютъ, не понимаютъ;
Не знаютъ голоса того,
Кто ихъ любилъ, кормилъ, — пыхаютъ
И звѣрски взоры на него
Бросаютъ страшными огнями.
Ужъ дымъ съ ихъ жаркихъ мордъ валитъ....

Возница падаетъ подъ нихъ.
Безъ управленья, перевѣса,
И колесница вмигъ,
Какъ лодка, бурей устремленна,
Безъ кормщика, снастей, средь волнъ,
Разломанна и раздробленна,
Въ ровъ мрачный вержется вверхъ дномъ.
Раззбруенные Буцефалы,
Томясь отъ жажды, отъ алчбы,
Чрезъ камни, пни, бугры, забралы
Несутся, скачутъ на дыбы
И, что̀ ни встрѣтятъ, сокрушаютъ.
Отвсюду слышенъ вопль и стонъ;
Кровавы рѣки протекаютъ;
По стогнамъ мертвыхъ милліонъ!
И въ толь остервененьи лютомъ,
Всѣ силы сами потерявъ,

Падутъ стремглавъ смердящимъ трупомъ,
Безумной воли жертвой ставъ.

Обыкновенно думаютъ, что Крыловъ этою баснею отвѣчалъ на либеральныя стремленія, возникшія въ нашемъ обществѣ послѣ войнъ съ Наполеономъ. Отчасти онъ самъ, а еще болѣе Плетневъ, сказавшій, что б. «Конь и Всадникъ» «есть отвѣтъ на политическіе толки» («Полн. собр. соч.», т. I, стр. LVII), были причиною тому, что ее примѣнили именно къ революціонной пропагандѣ, которую начали съ 1818 года тайныя политическія общества, образовавшіяся сперва въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ: въ изданіи 1825 года Крыловъ помѣстилъ эту басню въ самомъ началѣ и такимъ образомъ заставилъ своихъ современниковъ искать въ ней прямыхъ намековъ на дѣйствительность; приложенная къ ней прекрасная картинка, работы Зауэрвейта, скомпонованная по мысли Алексѣя Николаевича Оленина (какъ то доказываетъ подпись А. О.), должна была обратить на нее особенное вниманіе. Но отмѣченная 12 мая 1814 года рукопись, въ которой находимъ вполнѣ законченную редакцію этой басни, положительно доказываетъ, что, задумавъ ее, Крыловъ могъ имѣть въ виду только французскую революцію и бѣдственныя ея послѣдствія. Въ его Всадникѣ, какъ и въ Возницѣ Державина, мы должны видѣть Людовика XVI, а въ Конѣ — французскій народъ; тогда и заключительное четверостишіе:

Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана, —

пріобрѣтетъ болѣе основательное значеніе, какъ выводъ изъ совершившагося уже факта.

LXXX. Добрая Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 17, стр. 43 (одобрено цензоромъ 18 дек. 1814 г.), подъ заглавіемъ «Лисица», такъ же какъ и въ рукописи 12 мая 1814 г.; настоящее же заглавіе дано этой баснѣ въ изд. 1816 г. Въ рукописи и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: .... за ней еще должны .... (р. и изд. 1816).
6: Бѣдняжки терпятъ голодъ (чужою рукою вписано: Малютки).
10: Такое горе видя.

17: .... жизнь имъ сохраните.
36—37: Когда птеняточекъ ко сну потянетъ;
Межъ тѣмъ какъ съ гнѣздышкомъ зефиръ качать ихъ станетъ.
38: Съ такой-то нѣжностью... (чужою рукою исправлено: Такою.).

Нѣкоторое, впрочемъ весьма отдаленное сходство находимъ между этой б. Крылова и двумя баснями Флоріана: въ первой изъ нихъ le Renard qui prêche (кн. III, б. XV), переведенной Дмитріевымъ, подъ заглавіемъ «Лиса-Проповѣдница» (кн. I, б. VI), дряхлая, болѣзненная лисица, удалясь отъ свѣта, проповѣдуетъ добродѣтель и кротость, громитъ кровожадныхъ медвѣдей, тигровъ, львовъ. Молва о ея краснорѣчіи доходитъ до царя звѣрей. Ее приглашаютъ ко двору, и левъ, восхищенный ея рѣчью, спрашиваетъ, чего она желаетъ въ награду за свои поученія. — Sire, quelques dindons, отвѣчала лисица. — Въ другой баснѣ: la jeune Poule et le vieux Renard (кн. II, б. XVII), лисица, встрѣтивъ заблудившагося цыпленка, разсказываетъ ему, что ходитъ слухъ, будто въ слѣдующую ночь намѣревается забраться въ ихъ курятникъ очень хитрая и злая лисица; но такъ какъ предохранять невинныхъ отъ опасности составляетъ для нея самое большое наслажденіе, то она проситъ цыпленка показать ей дорогу къ курятнику. Цыпленокъ показываетъ, и лисица, ворвавшись въ него, передушила всѣхъ куръ. — Басня заключается слѣдующимъ двустишіемъ:

La pire espèce de méchans
Est celle des vieux hypocrites.

Подобнымъ же образомъ представлена лисица въ баснѣ Ла Фонтена le Coq et le Renard (кн. II, б. XV): увидѣвъ сидящаго на деревѣ пѣтуха, лисица приглашаетъ его спуститься на землю и увѣряетъ, что заключенъ на этотъ разъ общій миръ, почему она хотѣла бы поцѣловать его по-братски. Различіе между этой баснею и предшествующими состоитъ въ томъ, что пѣтухъ не поддается обману.

Сличивъ съ этими баснями басню Крылова, не трудно замѣтить, что сходство между ними заключается единственно въ характерѣ главнаго дѣйствующаго лица — лисицы; но событія, вся обстановка и нравоученіе не имѣютъ ничего общаго съ ними.

Эта басня, безъ всякаго сомнѣнія, вызвана современными явленіями: послѣ наполеоновскихъ войнъ осталось въ Россіи множество семействъ, совершенно разоренныхъ вслѣдствіе нашествія непріятеля или вслѣдствіе того, что отцы ихъ пали на полѣ брани. Сочувствіе къ такимъ несчастнымъ жертвамъ событій не заключало въ себѣ, конечно, ничего достойнаго порицанія; но чрезмѣрное увлеченіе и благотворительностію могло обличать въ людяхъ и смѣшныя и дурныя ихъ стороны. Въ тогдашнихъ журналахъ безпрестанно читаемъ объявленія, въ которыхъ изображается бѣдственное состояніе какого либо лица или семейства и призы-

ваются всѣ къ благотворенію. Съ другой стороны, въ тѣхъ же журналахъ находимъ длинные списки лицъ, жертвовавшихъ въ пользу бѣдныхъ, а иногда и письма отъ нихъ къ издателямъ, отзывающіяся самымъ безцеремоннымъ самохвальствомъ. (См. «Сынъ Отечества» 1814 и 1815 г.) Этого рода явленія, по всей вѣроятности, заставили нашего поэта сказать:

Кто добръ по-истинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

LXXXI. Чижъ и Ежъ.

Была читана Крыловымъ въ «Бесѣдѣ любителей русскаго слова» и напечатана въ 17-мъ чтеніи, стр. 100, которое вышло въ свѣтъ уже въ 1815 г., но было одобрено цензоромъ 18 декабря 1814 г. Въ сохранившейся рукописи, отмѣченной 12 мая 1814 г., и изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Покой и музыку любя (р.).
3—10: Не изъ награды, не изъ славы,
А для своей забавы, —
Какъ изъ морей
И въ блескѣ, и во славѣ всей
Фебъ лучезарный показался,
И громкій соловьевъ по рощѣ свистъ раздался (р.).
12: Кумъ милый .... (р. и Чт. въ Б.).
17: Такъ нынѣ я крушуся .... (р.).

Разсказываютъ, будто этою баснею Крыловъ отвѣчалъ на упреки своихъ друзей, что онъ пишетъ только басни, и на совѣты ихъ написать что нибудь по-серьезнѣе на возвращеніе имп. Александра въ Россію. «Когда послѣ взятія Парижа», говоритъ Вигель, «Александръ возвратился въ Петербургъ *, тогда вся восхищенная толпа поэтовъ въ

* Имп. Александръ возвратился въ Петербургъ 6 іюля 1814 г.; на праздникѣ, данномъ по этому поводу имп. Маріею Ѳеодоровною въ Павловскѣ, пѣли пѣсню Лобанова: «Ѣздилъ Русскій бѣлый царь» (Михайловскій-Данилевскій, т. VII, стр. 314).

честь и славу его возвысила свои искренніе не купленные голоса, и Жуковскій * посланіе свое къ нему начиналъ сими словами:

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, къ тебѣ зовутъ: великій....

когда раздался всеобщій сей, безподобный, трогательный гимнъ, то въ немъ различить можно было и умирающіе звуки лиры Державина **, и нѣжный, но уже сильный голосъ еще ребенка Пушкина***, который посвятилъ ему первые плоды чуднаго своего таланта †. Крыловъ нашелъ средство въ маленькой премилой баснѣ «Чижъ и Ежъ» также воспѣть ему хвалу». («Воспоминанія», ч. IV, стр. 159.) Упомянутая выше рукопись доказываетъ, что Крыловъ предупредилъ всѣ упреки и совѣты: почти за мѣсяцъ до возвращенія имп. Александра, онъ прочиталъ уже вполнѣ отдѣланную басню имп. Маріи Ѳеодоровнѣ. Можетъ быть, и это очень вѣроятно, что извѣстіе о взятіи Парижа и о томъ, какое высокое положеніе занялъ Александръ послѣ этого событія, побудили поэта къ сочиненію этой басни.

LXXXII. Троеженецъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», 1814 г., № XXVII, стр. 23, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 6: То.... (С. О.).
9—11: И чтобъ никто не могъ впередъ
Такое сдѣлать злодѣянье;
А если де найду....
14: Въ сердцахъ у нихъ боязнь.
18: . . . . отъ зла людей не отучаютъ.

---

* См. «Собраніе соч.» изд. 1849, т. II, стр. 163.

** Въ академическомъ изданіи «Сочиненій» Державина находимъ два стихотворенія, относящіяся къ возвращенію Александра: «На возвращеніе Императора Александра I» (т. III, стр. 214), которое авторъ назвалъ кантатою и которое было пѣто въ Павловскѣ у имп. Маріи Ѳеодоровны, 17 іюня 1814 г., и «На срѣтеніе побѣдителя Европы, Александра I» (т. III, стр. 215).

*** Здѣсь Вигель ошибается: въ 1814 году Пушкинъ не писалъ ничего по поводу возвращенія имп. Александра (см. изд. Анненкова, т. II).

† Къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній, написанныхъ по этому поводу, принадлежитъ стих. Н. Карамзина: «Освобожденіе Европы и слава Александра I», которое было напечатано въ «Вѣстн. Европы», 1814 г., ч. I, стр. 238, и отдѣльно; стихотвореніе А. Востокова: «Государю Императору на возвращеніе Его Величества въ Россію по заключеніи всеобщаго мира». («Стихотворенія», изд. 1821 г., ч. III, стр. 260).

Покойный Н. И. Гречъ разсказывалъ намъ, что эта басня написана была по поводу производившагося тогда въ сенатѣ разводнаго дѣла Егора Борисовича Фукса, который, разведясь съ первою женою и, не дождавшись окончанія дѣла, возникшаго по поводу его развода со второю, перешелъ изъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ православное и вступилъ въ третій бракъ. Въ общемъ собраніи сената, которое, по высочайшему повелѣнію, разсматривало это дѣло не въ очередь, кто-то изъ сенаторовъ сказалъ: «Что же намъ разсуждать объ этомъ? Крыловъ прежде насъ рѣшилъ дѣло?» Фуксъ очень былъ оскорбленъ появленіемъ въ печати басни и совершенно прервалъ знакомство съ Гречемъ, редакторомъ и издателемъ «Сына Отечества».

Г. Флёри (Journal de St.-Petersbourg, № 219, 1867) полагаетъ, что б. «Троеженецъ» есть переложеніе въ дѣйствіе bon-mot, которое является во множествѣ французскихъ сочиненій. Но исторія происхожденія этой басни, кажется, не оставляетъ сомнѣнія, что и по содержанію, и по формѣ она вполнѣ принадлежитъ Крылову.

LXXXIII. Любопытный.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., № XL, стр. 69, и сохранилась въ рукописи, гдѣ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 6: Ужъ подлинно чудесъ палата (р.).
7: Куда на выдумки натура .... (р. и С. О.).

Въ своихъ «Воспоминаніяхъ о И. А. Крыловѣ» Булгаринъ разсказываетъ, что «одинъ стихотворецъ (но не поэтъ), впрочемъ человѣкъ остроумный *, выпустилъ въ свѣтъ стишки, въ которыхъ говоритъ, что въ литературѣ три великихъ баснописца и всѣ трое Иваны: Иванъ Ла Фонтенъ, Иванъ Хемницеръ и Иванъ Дмитріевъ. Объ Иванѣ Крыловѣ, уже наслаждавшемся полною славою,—ни помина»! («Сѣверная Пчела», 1845, № 8). Говорятъ, будто Крыловъ, оскорбленный такимъ невниманіемъ, написалъ басню «Любопытный», въ которой далъ понять автору стихотворенія, что онъ высмотрѣлъ козявокъ, мушекъ и проч., а слона-то, Ивана Крылова, не замѣтилъ.

Г. Флёри (Journal de St.-Petersbourg, № 219, 1867) выразилъ мысль, что въ этой баснѣ Крыловъ вооружается противъ «ученыхъ, занятыхъ мелоч-

* Здѣсь Булгаринъ разумѣетъ кн. П. А. Вяземскаго.

ными изслѣдованіями»; такое объясненіе значенія басни весьма близко къ толкованію Плетнева, который причисляетъ ее къ разряду тѣхъ произведеній нашего баснописца, въ которыхъ онъ указываетъ, какъ «нелѣпъ педантизмъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ» («Полн. собр. соч.», т. I, стр. LVII; см. прим. къ б. «Огородникъ и Философъ»). Мы думаемъ, что вѣрнѣе всего будетъ склониться на сторону послѣдняго объясненія, потому что первое, свидѣтельствуя о колоссальномъ самолюбіи Крылова, будто бы считавшаго себя слономъ въ сравненіи съ Ла Фонтеномъ, противорѣчитъ взгляду его на этого баснописца, выраженному въ б. «Подагра и Паукъ», и взгляду на самого себя, высказавшемуся въ б. «Чижъ и Ежъ». Нельзя сказать, чтобы Крыловъ вовсе не былъ самолюбивъ. Онъ самъ сказалъ о себѣ въ письмѣ къ Варварѣ Алексѣевнѣ Олениной: «Я авторъ, и сказать вамъ на ушко, довольно самолюбивъ» («Жизнь и соч. И. А. Крылова», Лобанова, стр. 72); Лобановъ также замѣчаетъ, что онъ «не чуждъ былъ этого» (тамъ же, стр. 76); однако трудно предположить, чтобы авторское самолюбіе могло побудить столь разумнаго и сдержаннаго человѣка, дожившаго уже почти до пятидесяти лѣтъ, къ такой ребяческой выходкѣ. Сверхъ того, свойственная только посредственности, самоувѣренность, которую надлежало бы предположить въ Крыловѣ, придавая баснѣ его то значеніе, какое ей даетъ молва, была совершенно чужда ему. «... прочтите мои басни», пишетъ онъ къ В. А. Олениной, посылая ей три новыя басни, «и скажите (если лѣнь вамъ не помѣшаетъ ко мнѣ отписать), скажите чистосердечно: на много ли я поглупѣлъ, и какъ онѣ въ сравненіи съ прежними моими баснями. Ахъ, какъ я боюсь, чтобы не сдѣлаться архіепископомъ гренадскимъ и чтобы мнѣ не сказали: point d'homélies, monseigneur. Право, мнѣ кажется, я похожъ на стараго танцовщика, который, хотя отъ лѣтъ сутулится, а все еще становится въ третью позицію». (Лобановъ, стр. 75.)

Еще опредѣлительнѣе высказался взглядъ Крылова на самого себя въ томъ, что онъ сказалъ Плетневу и Карлгофу, поѣхавшимъ приглашать его на юбилейный обѣдъ. «Знаете что», сказалъ онъ имъ: «я не умѣю сказать, какъ благодаренъ за все моимъ друзьямъ, и конечно, мнѣ еще веселѣе ихъ быть сегодня вмѣстѣ съ ними; боюсь только, не подумали бы вы чего лишняго: вѣдь я то же, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только бѣды не случилось, что онъ не хаживалъ далеко въ море». («Полн. собр. соч.», т. I, стр. LXXVI.)

LXXXIV. Бочка.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 16, стр. 55. (Цензорская отмѣтка 6-го апрѣля 1816 г.) *

Ст. 2: .... дни на два.... (Чт. въ Б.).
4: Ну....
7—8: Какъ воротилася она, тогда опять
По-прежнему возить въ ней стали воду.
9: .... да дѣло только въ томъ.
11—12: И напиталась такъ простымъ виномъ,
Что винный духъ отъ ней пошелъ во всемъ.
18: .... онъ долженъ былъ разстаться.
19—21: Нельзя довольно вамъ, отцы, остерегаться,
Когда ввѣряете наставнику дѣтей.
Намъ стоитъ только съ юныхъ дней
Лишь вреднымъ толкомъ напитаться ....
24: Имъ станешь вѣчно отзываться.

Значеніе этой басни отчасти объясняетъ Плетневъ: «Глубоко проникнутый убѣжденіемъ, сколько нравственнаго зла распространяется въ государствѣ отъ ложнаго понятія о воспитаніи, и въ какой мѣрѣ задерживаются успѣхи общественнаго образованія отъ предпочтенія иностраннаго языка отечественному, Крыловъ, въ каждомъ періодѣ литературной жизни своей, обращался къ развитію темы» о воспитаніи. «Ей посвятилъ онъ.... двѣ комедіи: «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» и три басни: «Крестьянинъ и Змѣя», «Бочка» и «Воспитаніе Льва».

Въ «Почтѣ Духовъ» онъ также затрогиваетъ этотъ вопросъ: «Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей, и толковали имъ только о томъ, чтобы были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія. Къ такимъ наставленіямъ нерѣдко способствовали примѣры самихъ отцовъ, которые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жители здѣшніе хотя не были краснорѣчивы, но говорили такія истины, которыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ. Теперь же по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и

---

* Хотя 17-е чтеніе въ Бесѣдѣ было цензировано прежде 16-го (18 декабря 1814), но мы здѣсь, какъ и выше, слѣдуемъ порядку чтеній, о которыхъ въ свое время были публикаціи, между прочимъ въ «Сынѣ Отечества».

болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что есть добродѣтель и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки; а учители научаютъ промѣнивать эти деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство». («Полн. собр. соч.» т. I, стр. 151).—Нельзя однакожъ не видѣть, что въ этой баснѣ Крыловъ глубже, чѣмъ во всѣхъ упомянутыхъ произведеніяхъ, разсматриваетъ этотъ вопросъ. Онъ не ограничивается однимъ языкомъ: онъ прямо говоритъ о томъ «вредномъ ученіи» или «вредныхъ толкахъ», проводниками которыхъ въ нашемъ обществѣ могли быть французскіе наставники, оставшіеся въ Россіи послѣ 1812 года. Но въ чемъ состояло это вредное, по мнѣнію Крылова, ученіе? На этотъ вопросъ отвѣчать возможно только предположительно. «Ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ», говоритъ Плетневъ (стр. LVII), не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой утвердился онъ собственнымъ размышленіемъ». Т. е. Крыловъ, никогда не увлекаясь моднымъ настроеніемъ умовъ, постоянно оставался вѣренъ однимъ и тѣмъ же убѣжденіямъ.

Замѣчаніе Плетнева, въ которомъ рядомъ съ матеріализмомъ, проповѣдывавшимся до 1812 года, упомянуто о мистицизмѣ, дастъ нѣкоторое основаніе думать, что въ концѣ 1814 года онъ вооружился противъ мистиковъ. Вспомнимъ, что въ это время знаменитая баронесса Крюднеръ уже вела въ Парижѣ бесѣды съ монархами, рѣшавшими судьбы Европы; что сочиненія Штиллинга не только читались и переводились въ Россіи, но и вызывали подражанія; какова, напр., «Побѣдная повѣсть», въ которой предсказывается всемірная революція и свѣтопреставленіе, долженствующее наступить въ 1836 году. Къ этому же времени относится возникновеніе тайныхъ мистическихъ обществъ, о цѣли которыхъ одинъ современникъ выражается такимъ образомъ: «Адская гордость породила тайныя общества, кои подъ видомъ братолюбія и самоотверженія стремятся надъ всѣми владычествовать тайнымъ образомъ... Это обольщеніе производятъ они наипаче изданіемъ коварныхъ книгъ, имѣющихъ благовидную наружность, но внутренность, постигаемую размышленіемъ, погибельную» *. Что эти общества пріобрѣтали многочисленныхъ адеп-

---

* Степанъ Смирновъ, «Чтенія въ имп. обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», 1858 г., окт.—дек., кн. 4, отд. V, стр. 139, «Письмо къ государю о богохульныхъ книгахъ».

Здѣсь въ числѣ богохульныхъ книгъ, имѣющихъ такую цѣль, находимъ «Науку чиселъ» Эккартсгаузена, гдѣ доказывается мысль, что Илія пророкъ

товъ и начинали угрожать общественному благосостоянію, видно изъ письма бывшаго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, С. С. Уварова къ императору Александру (отъ 18 ноября 1821 года) по поводу гоненія на профессоровъ с.-петербургскаго университета (Германа, Раупаха, Арсенева и Галича), обвиненныхъ въ либерализмѣ и стремленіи къ ниспроверженію существующаго порядка:

«Peut-être alors sera-t-il clairement déterminé quels sont ceux qui menacent l'ordre établi et quels sont les amis de l'ordre? S'il faut les chercher dans les rangs des hommes essentiellement religieux et monarchiques, liés à la conservation de ce qui existe par tous les liens de principes, de sentiments, de patriotisme, d'orgueil national, de lumières, de propriété et de famille; qui ne «peuvent» connaitre «qu'une voye» et qui fidèles à Dieu sans ostentation et à Votre Majesté Impériale sans servilité sont prêts à donner pour Vous tout leur sang parcequ'ils savent que «Vous êtes la pierre angulaire de l'édifice social» et leur unique point de ralliements,—ou bien si les provocateurs des désordres ne seraient pas plutôt cette poignée d'hommes sans aveu qui le fiel dans le coeur et la charité à la bouche ennemis-nés «de tout ordre positif» et par conséquent «amis des ténèbres» se revêtent des noms les plus saints pour s'emparer de l'autorité et saper dans ses fondements l'ordre établi; fanatiques de sang-froid qui tour à tour exorcistes, illuminés, quakers, maçons, lancastriens, méthodistes, tout enfin excepté hommes et citoyens, prétendent défendre le trône et l'autel contre des attaques qui n'existent pas et faire en même temps planer le soupçon sur les véritables appuis de l'autel et du trône; comédiens habiles qui prennent tous les masques pour troubler toutes les consciences, alarmer tous les esprits et qui créent maintenant autour d'eux des dangers chimériques pour prolonger de quelques instants leur éphémère existence»? («Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I», М. Сухомлинова, стр. 371). Соображая всѣ эти данныя, мы рѣшились высказать предположеніе, что подъ «вредными ученіями» или по варіанту, подъ «вредными толками» Крыловъ разумѣетъ здѣсь мистическіе толки.

зналъ кабалистику; «Приключенія по смерти», Штиллинга, въ которой говорится о временности мукъ по смерти; «О истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей», безъименное сочиненіе, написанное, какъ кажется, въ подражаніе первымъ двумъ: въ немъ проповѣдуется пантеизмъ, утверждается высокое значеніе кабалистики, которую будто бы въ совершенствѣ постигали Адамъ и Моисей, отвергается вѣчность мукъ и проч.—Эти сочиненія не могли пройти незамѣченными для Крылова: какъ библіотекарь публ. библіот., онъ принималъ ихъ и, ужъ только для того, чтобы опредѣлить имъ соотвѣтственное мѣсто, долженъ былъ хоть поверхностно познакомиться съ ихъ содержаніемъ.

LXXXV. Вельможа и Философъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чтеніе 16, стр. 56 (цензорская отмѣтка отъ 6-го апрѣля 1815 г.), съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 4: И будто книгу разбираешь (до изд. 1815 г.).
7: Ну, не успѣемъ оглянуться (Чт. въ Б.).
9: Не ужъ ли жъ.... (до изд. 1815).
12: Какъ.... (Чт. въ Б.).
14: Хозяева еще въ него не выбрались (Чт. въ Б.).

Эта басня, какъ видно изъ самаго ея содержанія, есть сатира на какое-то не задолго передъ тѣмъ открытое коллективное учрежденіе; но ни въ «Полномъ собраніи законовъ» (за 1813 и начало 1814 г.), ни въ современныхъ газетахъ мы не могли отыскать никакихъ данныхъ даже къ основательному предположенію.

LXXXVI. Лань и Дервишъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», чт. 17, стр. 99 (ценз. 18 дек. 1814), съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 1: Младая лань, лишась своихъ.... (рукп. и Чт. въ Б.).
13: .... Лань Дервишу отвѣчала.
19: Такъ благодѣтельный, любя едину благость.
21: И если онъ богатъ, ему избытки въ тягость.
22: .... съ бѣднымъ....

Эта б. представляетъ обратную сторону предмета, котораго Крыловъ коснулся въ б. «Добрая Лисица». Тамъ, какъ мы видѣли, онъ порицалъ благотворителей лицемѣровъ; здѣсь выставляетъ идеалъ доброты, тяготящейся избытками, если они не раздѣлены съ ближнимъ, и жертвующей ими безъ всякаго помысла о благодарности. Надо полагать, что и послѣдняя б. находится въ связи съ тѣми же современными явленіями, какъ и предыдущая.

Она особенно замѣчательна, потому что въ ней нашъ баснописецъ представляетъ положительный идеалъ.

1815.

—

LXXXVII. Тришкинъ Кафтанъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», 1815 г., № 27, стр. 24.

Ст. 4: И локти заплатилъ — кафтанъ готовъ (до изд. 1825).

Г. Соснецкій въ своей книгѣ: «Опытъ разбора образцовъ русской словесности» (Москва, 1867 г.) замѣчаетъ, что б. «Тришкинъ Кафтанъ» заключаетъ намекъ на нашихъ помѣщиковъ, которые, заложивъ имѣнія въ опекунскій совѣтъ, не платили процентовъ, перезакладывали и наконецъ доходили до того, что лишались имѣній (стр. 129). Но, къ сожалѣнію, г. Соснецкій не объясняетъ, на какомъ основаніи онъ дѣлаетъ такое заключеніе.

LXXXVIII. Туча.

Въ первый разъ напечатана въ «Сынѣ Отечества», 1815, № 29, стр. 100 (одобренъ цензоромъ 17-го іюля); здѣсь и въ позднѣйшихъ изданіяхъ находимъ слѣд. варіанты:

Ст. 4: Большая туча пронеслась,
Не освѣжа ея не каплею одною,
Дождемъ густымъ надъ моремъ пролилась (С. О.).
— Обильнѣйшимъ дождемъ .... (до изд. 1843.).
12: .... безъ тебя и такъ воды довольно (О. С.).

Разсказываютъ, и мы это слышали съ разныхъ сторонъ, будто Крыловъ написалъ эту басню по поводу пожалованія аренды псковскому губернатору во время всеобщаго голода въ этой губерніи; но въ совре-

менныхъ журналахъ мы не нашли никакихъ извѣстій ни о голодѣ въ псковской губерніи (между тѣмъ какъ въ «Сынѣ Отечества» сообщаются подробности о пожарѣ въ Казани и о мелочныхъ пожертвованіяхъ въ пользу погорѣвшихъ), ни о наградѣ арендою никакого губернатора. Можетъ быть, подобный случай совершился въ псковской или въ иной какой нибудь губерніи уже позже, и къ нему примѣнили эту басню.

Мы съ своей стороны обращаемъ вниманіе читателя на связь этой б. съ баснями: «Добрая Лисица» и «Лань и Дервишъ». Во всѣхъ этихъ трехъ басняхъ Крыловъ разсматриваетъ одинъ и тотъ же предметъ, только съ разныхъ сторонъ. Къ этой темѣ, какъ уже замѣчено было выше, вниманіе его было привлечено общимъ настроеніемъ.

LXXXIX. Оселъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1815 г., ч. II, стр. 5, съ слѣдующими замѣчательными варіантами, имѣвшими, по всей вѣроятности, для современниковъ значеніе (для насъ къ сожалѣнію утраченное) прямаго указанія на извѣстное лицо:

Ст. 7: И вылился .... (1825); въ остальныхъ изд. *А* вылился ....
— .... почти какъ муха малъ (1815, 19).
— И вылился оселъ почти какъ бѣлка малъ.
Осла никто почти не примѣчалъ;
А въ спеси никому оселъ не уступалъ.
И жить ему невыносимо (зачеркн.).
И хочется ослу повеличаться. (рук. современная послѣдней редакціи басни «Дубъ и Трость»).

9—13: Однако же оселъ спесиваго былъ духу:
Какъ ростомъ оставаться съ муху?
Оселъ къ Юпитеру присталъ,
И росту .... (1815, 19).
— Но въ спеси .... (1825).

18: .... объ нихъ лишь, да объ нихъ (1815, 19).

24: И свѣтъ бы больше ихъ о мнѣ заговорилъ (1815, 19).

27: Въ изд. 1834 и 1843 по ошибкѣ пропущено «*ему*»; по всѣмъ остальнымъ: И до того ему онъ надоѣлъ.

30: Изъ мошки сталъ оселъ .... (1815, 19).

41—42: Смыслъ этой басни мы найдемъ,
Когда подумаемъ немножко:
Не лучше ль маленькой изжить на свѣтѣ мошкой,
Чѣмъ добиваться быть большимъ осломъ (1815, 19).

XC. Мартышка и Очки.

Напечатано въ первый разъ въ изд. 1815 г., ч. II, стр. 11, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

XCI. Левъ и Барсъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1815 г., ч. II, стр. 13, съ слѣдующимъ варіантомъ:

Вм. ст. 4—7: Хоть разобраться льзя бъ имъ по правамъ:
Но сильные въ правахъ бываютъ часто слѣпы,
И вѣрятъ болѣе когтямъ (до изд. 1830 г.).

Какъ самый смыслъ басни показываетъ, Крыловъ въ ней говоритъ о назначеніи какого-то лица въ дипломатическую должность; но безъ прямыхъ указаній невозможно сказать, о комъ именно идетъ рѣчь.

XCII. Собачья дружба.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1815 г., ч. II, стр. 17, и безъ перемѣнъ перешла во всѣ послѣдующія изданія; но въ рукописи, гдѣ она озаглавлена «Дружество», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: .... Кудланъ....
3—4: Хоть сидя бы передъ дворомъ
Пристойнѣе стеречь имъ было домъ.
7: Не лаютъ на прохожихъ днемъ.
8: Такъ философствовать....
11: .... говоритъ Кудланъ....
16: И наконецъ глядѣть въ глаза....
20: Что если бъ....
21: Такое дружество другъ къ другу пламенѣло.
23: Что мы бъ не взвидѣли, какъ время пролетѣло.
32: Примѣромъ дружества пса ставятъ съ давнихъ дней.
36: Сказалъ Кудланъ....
38: Вертѣть хвостомъ и цѣловаться.
39: .... къ кому бы приравняться.

*

Ст. 41: .... изъ кухни кинь имъ кость.
42—43: Кудланъ съ Барбосомъ къ ней несутся,
Рвутъ кость другъ у друга, храпятъ.

По всей вѣроятности, въ этой баснѣ, (цензированной въ маѣ 1815 г.) Крыловъ намекаетъ на тогдашнія политическія событія. На Вѣнскомъ конгрессѣ, на который было обращено вниманіе всей Европы, какъ извѣстно, интересы договаривавшихся державъ такъ перепутались, что нѣкоторыя изъ нихъ рѣшались уже поддержать свои требованія силою оружія; наконецъ въ январѣ 1815 г. Австрія заключила съ Англіею и Франціею оборонительный союзъ противъ Россіи и Пруссіи. Не эта ли вражда сторонъ, стремящихся къ миру, и вызвала басню?

Къ ст. 32: Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ лѣтъ.

«Неправильная разстановка словъ», замѣчаетъ Измайловъ. По моему мнѣнію, стихъ сей можно было бы поправить слѣдующимъ образомъ:

Примѣромъ дружества слыветъ песъ съ давнихъ лѣтъ.

(«Соч.» т. II, стр. 677).

XCIII. Крестьянинъ и Работникъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1815 г., ч. II, стр. 37, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 5: .... отъ насъ же придетъ худо (до изд. 1830 г.).
15: .... вертитъ его, ломаетъ (1815, 19).
20—22: Вотъ новый Геркулесъ, собравшись съ силой,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ. (до изд. 1830).

1816.

XCIV. Волкъ и Лисица.

Напечатана въ первыи разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 5, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 1—4: Охотно любятъ то дарить и уступ..
Что некуда самимъ дѣвать. —
Я про Лису примѣръ хочу сказать.
За тѣмъ что .... (1816, 19).
8: Глядитъ, анъ въ гости ....
19—21: И такъ, пріятель сѣрый мой
Обласканъ по уши кумой;
Однакоже пошелъ безъ ужина домой.

Къ ст. 1—2: Охотно мы даримъ
Что намъ ненадобно самимъ.

Основная мысль басни выражается народными пословицами: «Что гнило (намъ не мило), то тому въ кадило». (Русск. народ. послов. Снегирева, стр. 485), и «Удобрилась мачиха до пасынка: велѣла въ заговѣнье всѣ щи выхлѣбать» («Сборникъ» Даля, стр. 633).

Къ ст. 4: За тѣмъ что истинна сноснѣе вполоткрыта.

Ср. народную пословицу: «Съ нагольной правдой въ люди не кажись». («Сборникъ» Даля, стр. 193.)

XCV. Собака.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 11, съ слѣдующимъ варіантомъ:

Ст. 4—6: .... счастлива,
Общественныхъ не нарушая правъ.
Но ужъ у ней такой былъ нравъ:
Что изъ мяснаго.... (1816, 19).

См. примѣч. къ б. «Медвѣдь у Пчелъ».

XCVI. Механикъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 12, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 1—2: Какой-то молодецъ, но только не умомъ,
Огромный каменный купилъ съ деревней домъ. (1816, 19).
4: ... пришелъ молодчику по нраву.

XCVII. Цвѣты.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 19, безъ всякихъ перемѣнъ.

XCVIII. Мірская сходка.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. IV, стр. 22, безъ всякихъ перемѣнъ.

По поводу этой б. Плетневъ замѣчаетъ: «Въ «Мірской Сходкѣ» изъяснено начало несообразности многихъ общественныхъ постановленій... Для общества онъ (Крыловъ) проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія, законной власти. Злоупотребленія, пороки, глупости нашли въ немъ неумолимаго обвинителя» (стр. LVII). Это замѣчаніе должно отнести ко всѣмъ баснямъ однороднымъ по содержанію съ «Мірской Сходкою».

XCIX. Скворецъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. IV. стр. 25.

Ст. 23—24: Въ изданіяхъ до 1830 г. этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.

С. Волкъ и Журавль.

Ла Фонтенъ могъ заимствовать свою б. le Loup et la Cigogne (кн. III, б. 6) у Эзопа («Волкъ и Журавль», № 143, пер. Мартынова) или у Федра (кн. I, б. 8). Оба эти баснописца совершенно одинаково разсказываютъ происшествіе; но выводятъ различное нравоученіе. Первый относитъ басню къ тѣмъ, «кои, избавившись отъ опасности, подобно волку благодарятъ своихъ благодѣтелей», второй заключаетъ, что тотъ, «кто требуетъ отъ злыхъ наградъ за услуги, вдвойнѣ ошибается: во-первыхъ, онъ помогаетъ недостойнымъ, во-вторыхъ, едва ли онъ уйдетъ отъ нихъ безнаказанно». Изъ русскихъ писателей Тредьяковскій первый передѣлалъ эту басню («Соч.», 1849, т. I, стр. 222), вполнѣ сохранивъ подробности разсказа, но опустивъ нравоученіе. Сумароковъ (кн. VII, пр. XXI) прибавилъ нравоученіе, нѣсколько напоминающее Федра:

Тотъ права честности не мало сберегаетъ,
Кто людямъ никогда худымъ не помогаетъ.

Гр. Хвостовъ, также передѣлавшій эту б. и озаглавившій ее: «Волкъ и Журавль-Лѣкарь» (кн. III, б. XIII), сузилъ смыслъ ея, назвавъ волка лѣснымъ вельможей и отнеся нравоученіе къ хитрымъ вельможамъ:

Вельможѣ хитрому кто оказалъ услугу, —
Совѣтую, какъ другу,
Объ этомъ языкомъ не много шевелить:
Награды у него за трудъ свой не просить.

Измайловъ («Соч.» т. I, б. XII) и Крыловъ послѣдовали примѣру Ла Фонтена: передали въ точности его разсказъ и не вывели никакого нравоученія.

Басня Крылова въ первый разъ была напечатана въ изданіи 1816 г., ч. IV, стр. 27, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 1—4: Что Волкъ жадненекъ, всякій знаетъ:
Онъ ѣвши никогда
Костей не разбираетъ.
За то съ однимъ изъ нихъ случилася бѣда. (1816, 19.)

11: Журавль свой долгій носъ....

Къ ст. 11—12: Журавль свой долгій носъ по шею
Засунулъ волку въ пасть....
15—16: А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ.

Въ этихъ стихахъ Измайловъ видитъ погрѣшность противъ правдоподобія. «Судя по величинѣ волчьяго горла и журавлинаго носа, послѣдній долженъ былъ пройти гораздо долѣе и повредить у волка внутренность». («Сочин.» т. II, стр. 655.) Впрочемъ этотъ упрекъ одинаково относится и къ Ла Фонтену, у котораго также говорится, что журавль вытащилъ изъ волчьяго горла свою шею.

Сравненіе этой б. Крылова съ французскимъ подлинникомъ показываетъ, что въ этомъ случаѣ нашъ баснописецъ заботился преимущественно о сохраненіи подробностей оригинала. Приводимъ б. Ла Фонтена:

Le Loup et la Cigogne.

Les loups mangent gloutonnement.
Un loup donc étant de frairie
Se pressa, dit-on, tellement
Qu'il en pensa perdre la vie:
Un os lui demeura bien avant au gosier.
De bonheur pour ce loup, qui ne pouvait crier,
Près de là passe une cigogne.
Il lui fait signe; elle accourt.
Voilà l'opératrice aussitôt en besogne.
Elle retira l'os; puis, pour un si bon tour,
Elle demanda son salaire.
Votre salaire! dit le loup:
Vous riez, ma bonne commère!
Quoi! ce n'est pas encor beaucoup
D'avoir de mon gosier retiré votre cou!
Allez, vous êtes une ingrate:
Ne tombez jamais sous ma patte.

CI. Хмѣль.

Въ первый разъ напечатана къ изд. 1816 г., ч. V, стр. 2, и перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ безъ перемѣнъ.

CII. Мышь и Крыса.

Въ первый разъ напечатана въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 4; въ сохранившейся рукописи, безъ означенія года, находимъ слѣдующіе варіанты, сравнительно съ печатной редакціею:

Ст. 4: Теперя погулять....
8—9: Я такъ думаю, что льву не быть живому.
14: Весь долженъ свѣтъ глядѣть его глазами.

CIII. Госпожа и двѣ служанки.

Содержаніе этой басни Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена: la Vieille et les deux Servantes (кн. V, б. 6), которому источникомъ служила б. Эзопа: «Вдова и Служанки» (№ 79, перев. Мартынова), значительно отличающаяся отъ новѣйшихъ передѣлокъ по цѣли. У Эзопа кто-то надоумилъ служанокъ убить пѣтуха; а потому выводится нравоученіе, что «многимъ людямъ совѣты бываютъ виною бѣдствій». Басню Эзопа передѣлалъ Тредьяковскій, озаглавивъ ее: «Вдова и Служанки» («Сочиненія», т. I, стр. 247), а потомъ Сумароковъ, который назвалъ ее: «Пряхи» (кн. I, притча XVIII); оба они опустили нравоученіе.

Басня Крылова въ первый разъ напечатана въ изданіи 1815—16 г., ч. V, стр. 5, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Въ приложеніи приводимъ б. Ла Фонтена, изъ сравненія съ которой можно видѣть, что Крыловъ заимствовалъ только основной фактъ и идею нравоученія; форма же изложенія вполнѣ оригинальна.

Къ ст. 44: .... Изъ огня онѣ да въ полымя попали.

«Изъ огня да въ полымя» — народная пословица, перешедшая къ намъ, по мнѣнію Снегирева, изъ греческаго («Русскіе въ своихъ пословицахъ», М. 1831, стр. 87).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

La Vieille et les deux Servantes.

(Ла Фонтена).

Il était une vieille ayant deux chambrières:
Elles filaient si bien, que les soeurs filandières
Ne faisaient que brouiller au prix de celles-ci.
La vieille n'avait point de plus pressant souci
Que de distribuer aux servantes leur tâche.
Dès que Téthys chassait Phébus aux crins dorés,
Tourets entraient en jeu, fuseaux étaient tirés;
    Decà, delà, vous en aurez:
    Point de cesse, point de relâche.
Dès que l'Aurore, dis-je, en son char remontait,
Un misérable coq à point nommé chantait;
Aussitôt notre vieille, encor plus misérable,
S'affublait d'un jupon crasseux et détestable,
Allumait une lampe, et courait droit au lit
Où, de tout leur pouvoir, de tout leur appétit,
    Dormaient les deux pauvres servantes.
L'une entr'ouvrait un oeil, l'autre étendait un bras;
    Et toutes deux, très-mal contentes,
Disaient entre leurs dents: Maudit coq, tu mourras!
Comme elles l'avaient dit, la bête fut grippée:
Le réveille-matin eut la gorge coupée.
Ce meurtre n'amenda nullement leur marché:
Notre couple, au contraire, à peine était couché,
Que la vieille, craignant de laisser passer l'heure,
Courait comme un lutin par toute sa demeure.

    C'est ainsi que, le plus souvent,
Quand on pense sortir d'une mauvaise affaire,
    On s'enfonce encor plus avant:
    Témoin ce couple et son salaire.
La vieille, au lieu du coq, les fit tomber par là
    De Charybde en Scylla.

CIV. Медвѣдь у Пчелъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 8, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

По идеѣ эта басня приближается къ б. «Собака», въ которой баснописецъ совѣтуетъ, чтобы исправить вора, отнимать у него кражу; здѣсь же указывается на то, что нерѣдко отъ уличеннаго вора отнимаютъ возможность продолжать красть, но оставляютъ накраденное, что, конечно, не можетъ повести къ исправленію; съ другой стороны, въ б. «Медвѣдь у Пчелъ», какъ и въ б. «Мірская Сходка», авторъ осуждаетъ и тѣхъ, кто избираетъ къ должностямъ людей не только не способныхъ къ честному исполненію своихъ обязанностей, но уже заслуживавшихъ своею недобросовѣстностію самую дурную извѣстность.

Лихоимство и вообще злоупотребленіе довѣріемъ правительства были застарѣлымъ зломъ въ нашей администраціи. Противъ этого зла съ равною энергіею вооружались и правительство и литература. Императоръ Александръ въ первый же годъ своего царствованія подтвердилъ законъ «о нечиненіи никакихъ незаконныхъ поборовъ»; потомъ призывалъ губернаторовъ употребить всѣ мѣры «къ пресѣченію гнуснаго лихоимства и отвращенія всякаго поползновенія къ оному во всѣхъ подчиненныхъ имъ». Въ 1809 году, послѣ открытія злоупотребленій коммиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, онъ подтвердилъ указъ Петра I (1714 г. 24 дек.) о наказаніяхъ за взятки и указъ Екатерины 1763 г. дек. 16. Первымъ изъ нихъ повелѣвается виновныхъ во взяточничествѣ «весьма жестоко на тѣлѣ наказывать, всего имѣнія лишать, шельмовать и изъ числа добрыхъ людей извергать или и смертію казнить»; а вторымъ: «не только изъ числа честныхъ, да изъ всего рода человѣческаго истреблять». Но, какъ видно, всѣ эти мѣры не приводили къ желанному результату: каждый годъ до самаго конца царствованія Александра издавались указы противъ взяточничества и казнокрадства.

Въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ министру юстиціи Трощинскому (1816 г. авг. 5) между прочимъ сказано: «.... въ полной къ вамъ довѣренности, поручаю вамъ усугубить надзоръ,... чтобъ законы и указы повсюду исполнялись неизмѣнно, чтобъ бѣдные и угнетаемые находили въ судахъ защиту и покровительство, чтобъ правосудіе не было помрачено ни пристрастіемъ къ лицамъ, ни мерзкимъ лихоимствомъ, Богу противнымъ и мнѣ ненавистнымъ, и чтобъ обличаемые въ семъ гнусномъ порокѣ не терпимы были въ службѣ и преслѣдуемы всею строгостію законовъ».... («Полное собраніе законовъ».)

Такимъ образомъ во всѣхъ басняхъ противъ злоупотребленій должностныхъ лицъ, Крыловъ дѣйствуетъ въ одномъ направленіи съ зако-

нодательствомъ, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что эти басни имѣютъ прямое отношеніе къ дѣйствительности; что его Медвѣдь, перетаскавшій медъ въ свою берлогу, Собака, не перестававшая красть, не смотря на побои, Волкъ, посаженный въ овчарню,—дѣйствительныя лица. Но кто они—это намъ остается неизвѣстнымъ.

CV. Зеркало и Обезьяна.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 12, и сохранилась въ двухъ рукописяхъ, но безъ означенія года; въ одной изъ нихъ б. переписана на-чисто, безъ перемѣнъ сравнительно съ печатною редакціею; въ другой, въ которой баснѣ дано заглавіе: «Мартышка и Медвѣдь», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Взгляни-тка, шепчетъ, милый мой.
5: Что за ужимки, за прыжки.
7: Когда бы на нее родилась чуть похожа.
10: Я, право....
11—14: Этихъ четырехъ стиховъ въ рукописи нѣтъ.
15—18: Какъ часто тожъ бываетъ въ мірѣ,
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ любитъ взять, всѣ знаютъ....

Плетневъ замѣчаетъ, что «стрѣлы сатиры, какъ бы онѣ остры ни были, не исправляютъ пороковъ, и никому не приходитъ въ голову приложить описаніе къ своей особѣ. Все дѣло оканчивается, какъ въ баснѣ «Зеркало и Обезьяна» (стр. XLIII). Судя по этой баснѣ, Крыловъ также сознавалъ эту истину. Да и могла ли подѣйствовать сатира на людей, которыхъ не могли обуздать даже суровые законы Петра?

Такое же сознаніе безсилія сатиры высказалъ и Гоголь въ концѣ «Мертвыхъ душъ». Сказавъ о томъ, какія обвиненія посыплются на автора, онъ продолжаетъ: «Вы боитесь глубоко устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему не думающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ, можетъ быть, даже похвалите автора—скажете: «Однакожъ коечто онъ ловко подмѣтилъ, должно быть веселаго нрава человѣкъ»! И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостью, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ и вы прибавите: «А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да подлецы при томъ не малые»! А кто изъ васъ,

полный христіанскаго смиренія, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой углубитъ во внутрь собственой души всѣ тяжелые запросы: «А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова»? Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо него какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ не слишкомъ большой, не слишкомъ малый, — онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: «Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ»!... («Соч.» т. III, стр. 251—252.)

CVI. Рыцарь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 14, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 19: Состроить....
21—22: Теперя и овса ты видишь не всегда,
А воду пьешь изъ мутнаго ручья;
Тогда
Ячмень *и проч.* (изд. 1816, 19).
— Теперь знакомъ
Ты мало и съ овсомъ;
Тогда у насъ пойдетъ инымъ все чередомъ (1825).

CVII. Крестьянинъ и Топоръ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 17, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CVIII. Левъ и Волкъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. V, стр. 19, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CIX. Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ.

Напечатана въ первый разъ въ изд. 1816 г., ч. V, стр. 20.

Ст. 34: Но въ нуждѣ лишь узнать льзя истиннаго друга (до изд. 1830).

Крыловъ не призналъ этой басни заимствованною; однако жъ нельзя не видѣть въ основной ея идеѣ сходства съ идеею б. Эзопа «Пѣшеходцы и Медвѣдь» (№ 249, перев. Мартынова). Содержаніе б. Эзопа слѣдующее: Два друга шли одною дорогою. Когда имъ повстрѣчался Медвѣдь, то одинъ изъ нихъ, котораго чуть было не схватилъ Медвѣдь, упалъ на землю и притворился мертвымъ; а другой взлѣзъ на дерево. Перваго изъ нихъ Медвѣдь обнюхалъ и, не замѣтивъ другаго, ушелъ. Тогда слѣзшій съ дерева спросилъ товарища, что ему говорилъ Медвѣдь. «Впередъ не ходить въ дорогу съ такими друзьями», отвѣчалъ онъ, «которые въ опасностяхъ насъ оставляютъ. — Басня учитъ, что искренніе друзья въ несчастіи познаются».

Къ ст. 34: Но въ нуждѣ лишь узнать прямаго можно друга.

Ср. пословицы: «Безъ бѣды друга не узнаешь»; «Другъ познается въ несчастіи», «Коня въ рати узнаешь, а друга въ бѣдѣ» и пр. («Сборникъ» Даля, стр. 859.)

CX. Волкъ и Пастухи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 22; въ послѣдующихъ изданіяхъ измѣненъ одинъ стихъ:

Ст. 6: Сказалъ имъ, уходя въ досадѣ (до изд. 1830).

Во всѣхъ изданіяхъ Крыловъ эту басню причислилъ къ разряду заимствованныхъ. У Ла Фонтена есть басня, подъ заглавіемъ le Loup et les Bergers, которую онъ, по мнѣнію Валькнэера, заимствовалъ у Филибера Ежмона (des Pasteurs et du Loup). Въ б. Ла Фонтена есть одно положеніе, которое могло подать Крылову мысль, выраженную въ этой баснѣ. У Ла Фонтена Волкъ, сознавъ свою жестокость, рѣшается уже перестать питаться тѣмъ, что имѣетъ жизнь; но вдругъ видитъ, что пастухи ѣдятъ ягненка, изжаривъ его на вертелѣ, и собаки участвуютъ въ ихъ ужинѣ. Тогда онъ воскликнулъ: если они это дѣлаютъ, то и ему не въ чемъ упрекать себя.

CXI. Слонъ въ случаѣ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 23, съ слѣдующими варіантами:

Ст. 5: .... Или, сестрица,
Хоть когти были бъ у него,
Прибавилъ Волкъ, а то вѣдь нѣту ничего (до 1819).

20—22: Послушайте-жъ меня, я радъ божиться:
Не будь лишь у него такихъ большихъ ушей,
Такъ дворъ бы и не зналъ о немъ, ей! ей! (до 1825).

Основная мысль б. весьма разнообразно выражается въ народныхъ пословицахъ: «Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ»; «Всякая старина свою плѣшь хвалитъ»; «Всякая харя сама себя хвалитъ» *и проч.* (Даль стр. 811, 813).

CXII. Фортуна и Нищій.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, ч. V, стр. 26, и безъ всякихъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CXIII. Лиса-строитель.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 года, стр. 31; въ сохранившейся рукописи и въ изданіяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 15—18: .... и кончено оно.
Смотрѣли, видѣли: строенье
Заглядѣнье (рукоп. и изд. до 1819).
20: Кормъ подъ бокомъ....
35: Чтобъ куръ таскать оттоль не могъ никакъ никто (рук.).
36: Послѣ этого стиха въ рукописи слѣдовало еще три стиха, долженствовавшіе составить нравоученіе:
Какъ этотъ курятный построенъ дворъ,
Такъ въ свѣтѣ не одинъ написанъ договоръ,
И даже приговоръ (зачеркнуто).

Послѣдній варіантъ, совершенно измѣняющій значеніе басни, указываетъ на заднюю мысль Крылова; но за недостаткомъ хронологическихъ данныхъ (потому что на рукописи не означено года) нѣтъ возможности даже предположительно указать факта, къ которому эта басня могла бы относиться.

CXIV. Напраслина.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 33, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Основная мысль басни выражается въ народныхъ пословицахъ: «На чорта только слова, (а монахъ поросенка съѣлъ»); «На лукаваго только славу пускаютъ, а сами грѣшатъ». Сверхъ того Даль приводитъ поговорку, которая очевидно составилась на основаніи б. Крылова: «Монахъ говоритъ: сатана соблазнилъ (яйцо на свѣчкѣ испечь); а чертъ говоритъ: и самъ впервые вижу». (Даль, стр. 185.)

CXV. Фортуна въ гостяхъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1816 г., ч. V, стр. 35, съ незначительною перемѣною въ одномъ стихѣ:

Ст. 4: А разсмотрѣть.... (изд. 1816, 19).

CXVI. Апеллесъ и Осленокъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества», 1816 г., ч. 32, № XXXVII, стр. 197 (вышедшемъ 15 сентября), и въ томъ же году перепечатана въ «Вѣстникѣ Европы», ч. 89, № XIX, стр. 203. Въ обѣихъ этихъ перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 2: Тотъ милъ себѣ и тѣмъ.... (С. О. и В. Е.).
4: Чего бы долженъ былъ стыдиться.
6: Къ себѣ просилъ....
7: Запрыгали въ Осленкѣ кости.
9: И всякому кричитъ....
10: Я имъ замученъ....
11: Все проситъ, чтобы я
Былъ съ нимъ, какъ съ тѣнью неразлученъ.

По словамъ Н. И. Греча, Крыловъ въ образѣ Осленка изобразилъ начинавшаго тогда молодаго писателя, Катенина, который однажды въ библіотекѣ преважно сказалъ, что ему Крыловъ (который, дѣйствительно,

раза два зазывалъ его къ себѣ) надоѣлъ своими вѣчными приглашеніями. У Греча въ «Черной Женщинѣ» Катенинъ выведенъ на сцену подъ именемъ штабсъ-капитана Закатаева. (Свѣдѣнія эти сообщены Н. И. Гречемъ, 10 ноября 1863 года).

CXVII. Похороны.

Напечатана въ «Трудахъ общества любит. россійск. слов.», М. 1816 г., ч. VII, стр. 65, а потомъ перепечатана въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Три новыя басни И. А. Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи имп. публич. библіотеки, января 2 дня 1817 г.», Спб. въ типогр. имп. театра. Въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: .... схоронить (Труд.)
14—15: Молитвы мы съ собой такія носимъ:
Покойникъ встанетъ сей же часъ.
17: Лишь одного при томъ мы просимъ. (Труд. и Три нов. б.)
20: Въ живомъ здѣсь не было въ немъ проку никакова (Труд.).
21: Какъ много богачей....

Въ чрезвычайномъ засѣданіи, 26 февраля 1816 года, московское общество любителей россійской словесности избрало Крылова своимъ членомъ. 26-го іюня того же года онъ написалъ въ общество письмо, въ которомъ благодарилъ за честь избранія и обѣщалъ «приложить всѣ старанія, сколь только слабые его таланты дозволятъ, чтобы быть оной достойнымъ». Въ октябрѣ того же года онъ доставилъ въ общество двѣ басни: «Похороны» и «Водопадъ и Ручей», которыя по прочтеніи въ собраніи общества (28 октября) были напечатаны въ «Трудахъ общества». — Этимъ и кончились сношенія его съ почтеннымъ обществомъ.

CXVIII. Водопадъ и Ручей.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ общества люб. рос. слов.», М. 1816 г., ч. V, стр. 66, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 2: Съ презрѣньемъ нѣкогда Ручью сказалъ (Труд.).
4: Этого стиха нѣтъ вовсе.
6: .... толпа гостей.
7: Не мудрено, коль пышности моей
Приходитъ кто дивиться.

1817.

—

CXIX. Кукушка и Горлинка.

Напечатана въ первый разъ въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Три новыя басни И. А. Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи имп. публ. библіотеки, января 2-го дня 1817 года» (С.-Пбргъ, 1817 г.). Въ сохранившейся рукописи и въ перепечаткахъ этой б. находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4—5: Или о томъ, что ужъ прошла весна (Тр. б.).
19: .... за тебя (рукоп. и изд. до 1825).
20—23: Такъ у тебя ужъ дѣти есть?
Когда же ты гнѣздо успѣла сплесть?
27: Я, сидя на гнѣздѣ, напрасно растеряла.
28: .... всего смѣшнѣй (рукоп.).

———

Уже въ «Почтѣ духовъ» Крыловъ укорялъ родителей за то, что они поручаютъ воспитаніе своихъ дѣтей «наемничьимъ рукамъ» (см. примѣч. къ б. «Бочка»). Но обычай этотъ, ведущій свое начало съ прошлаго столѣтія и особенно усилившійся послѣ Отечественной войны (см. примѣч. къ б. «Крестьянинъ и Змѣя», подъ 1813 г.), могъ уничтожиться только вслѣдствіе значительнаго возвышенія уровня образованія въ нашемъ обществѣ, на что требовалось много времени. Ни протестъ литературы, ни мѣры правительства (см. примѣч. къ упомянутымъ баснямъ, а также къ б. «Червонецъ») не могли истребить укоренившагося зла. Доказательствомъ тому служитъ воспитаніе Евгенія Онѣгина и, нѣсколько позже, воспитаніе Бельтова въ романѣ «Кто виноватъ?»

Съ другой стороны, безпрестанно умножавшіяся закрытыя учебныя заведенія * давали возможность родителямъ слагать съ себя заботу вос-

* См. «Полн. собр. законовъ», 1801—1817 г.

питанія на правительство. При внимательномъ разсмотрѣніи басни, нельзя не замѣтить указанія и на эту сторону предмета въ заключительныхъ стихахъ, составляющихъ ея нравоученіе:

Отцы и матери, вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И не любовь — всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ:
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ.

СXX. Сочинитель и Разбойникъ.

Напечатана въ первый разъ въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ «Три новыя басни И. А. Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи имп. публ. библіотеки, января 2-го дня 1817 г.» (С.-Пбргъ, 1817 г.), а потомъ безъ перемѣнъ перепечатана въ изданіи 1819 года и послѣдующихъ.

Утвердилось мнѣніе, что въ этой баснѣ Крыловъ говоритъ о Вольтерѣ. Крыловъ самъ, конечно, не подалъ къ тому повода, потому что, какъ видно изъ разсказовъ Лобанова и Булгарина, онъ никогда не открывалъ, даже близкимъ къ нему людямъ, на кого именно намекалъ въ своихъ басняхъ. Сколько намъ извѣстно, Гречъ первый примѣнилъ эту б. къ Вольтеру. Въ «Сынѣ Отечества», 1819 г. (ч. 54, № XXII, стр. 136—137) находимъ слѣдующую замѣтку: «Знаменитый нѣмецкій трагикъ Шиллеръ написалъ романтическую трагедію: die Jungfrau von Orleans, принадлежащую къ числу лучшихъ его произведеній. Нѣсколько разъ покушались переводить и передѣлывать ее на французскій языкъ и представлять сіи переводы и подражанія на театрахъ; но одно названіе: la Pucelle d'Orléans производило въ одной части публики глупый смѣхъ, а въ другой негодованіе. Въ этомъ случаѣ можно сказать Вольтеру словами нашего Крылова:

.... уже твои истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.»

Вскорѣ убѣжденіе, что нашъ поэтъ посадилъ въ адъ Вольтера, проникло во Францію и произвело тамъ свое дѣйствіе. Въ 1824 г. 2-го ян-

варя въ Journal de Paris явилась статья, авторъ которой подписавшійся буквами B(ormian) L(aour) — (какъ видно изъ отвѣта на нее *), вообще мало знакомый и съ исторіею Россіи и съ исторіею нашей литературы, нападаетъ на Крылова за то, что онъ въ своей баснѣ l'Auteur et le Voleur (какъ перевелъ гр. де Местръ ея заглавіе) унижаетъ достоинство великаго человѣка Франціи. Эта статья побудила Я. Толстаго издать брошюру въ защиту Крылова: Quelques pages sur l'anthologie russe; pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage, insérée dans le Journal de Paris du 2 janvier 1824, par J. de Tolstoy. Suivies d'une fable, traduite du Russe. A Paris, 1824 (19 страницъ). Хотя доказательства Я. Толстаго и не достаточно сильны, однако мы находимъ умѣстнымъ привести ту часть брошюры, которая имѣетъ отношеніе къ нашему предмету.

« .... la pièce qui excite le plus sa colère (автора статьи) est une fable intitulée: «l'Auteur et le Voleur», par M. Kriloff. M. B. L. prétend que l'objet des sarcasmes de cet écrivain est Voltaire. Qu'il me soit permis de demander à M. le critique, d'où il a tiré la preuve que cette fable était écrite contre le philosophe de Ferney! M. Kriloff parle d'un auteur qui par ses oeuvres ayant semé dans la société des principes dangereux, reçoit dans l'enfer le salaire des maux que ses écrits ont produits; or, Voltaire n'est pas le seul qui, dans ses écrits, ait attaqué les prêtres, et surtout les abus du pouvoir et de la religion, ou, pour me servir des expressions de M. le comte de Maistre, la morale et les moeurs; et comme la fable est écrite en russe et pour la nation russe, n'est-il pas plus probable que ses traits sont aussi dirigés contre quelque philosophe russe? D'ailleurs, M. de Saint-Maure, dans sa notice sur M. Kriloff, s'exprime clairement sur ce sujet; voici ses propres paroles: «Le fabuliste s'adresse aux masses dans ses innocentes allusions; l'individu qui se reconnaît au miroir, n'étant point saisi corps à corps, pardonne à la fable qui fait rire, et à l'auteur, qui ne le visait pas en décochant son trait. M. Kriloff transporte rarement ses personnages hors de la Russie; il reste sur son terrain, craignant de perdre en le quittant cette précieuse originalité», etc. Si M. B. L. reconnaît à ce portait l'auteur de la Henriade, il n'en résulte pas que le poète russe, en le traçant, ait eu en vue ce grand homme. L'inculpation que M. B. L. fait à M. Kriloff d'avoir maltraité Voltaire est d'autant plus injuste, que ce philosophe a été constamment admiré en Russie, et s'il a trouvé des détracteurs, c'est plutôt en France que partout ailleurs.

N'avons-nous pas entendu, encore tout récemment, un orateur célèbre tonner de sa chaire contre cet apôtre de la civilisation, et prodiguer des éloges à Racine au détriment de Voltaire! Racine, disait-il, a copié les anciens, et Voltaire a copié Racine.

---

* Въ публ. библіот. Journal de Paris нѣтъ вовсе.

En Russie, au contraire, on a toujours su l'apprécier: l'impératrice Catherine était une des plus zélées protectrices de ce grand homme; elle admirait son génie, et la nation a suivi l'exemple de sa souveraine.»

Извѣстный нашъ библіографъ, С. Д. Полторацкій, которому носимъ благодарность за указаніе намъ упомянутой брошюры, высказываетъ мнѣніе, что Крыловъ, дѣйствительно, подъ сочинителемъ разумѣлъ Вольтера; но основываетъ это мнѣніе единственно на сущности самой басни. Замѣчательно, что сами французы-роялисты, жившіе въ Россіи, высказывали мнѣніе, что бѣдствія, постигшія Францію, суть плодъ ученія Вольтера: «Онъ (графъ Монфоконъ) очень полюбилъ меня», говоритъ г. Жихаревъ, «особенно за то, что я не большой охотникъ до Вольтера, котораго онъ ненавидитъ, приписывая его ученію бѣдствія своего отечества» («Отеч. Зап.» 1855 г., за апрѣль, «Дневникъ чиновника», стр. 390). Цитируемый М. Дмитріевымъ отзывъ гр. де-Местра тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что приближается къ мысли Крылова, высказанной о сочинителѣ въ баснѣ: «Много сдѣлалъ намъ вреда этотъ человѣкъ»! говоритъ гр. де-Местръ: «подобно насѣкомому, которое въ нашихъ садахъ нападаетъ на корни самыхъ драгоцѣнныхъ растеній, Вольтеръ безпрестанно уязвляетъ своимъ жаломъ два корня человѣческаго общества: молодыхъ людей и женщинъ; онъ впускаетъ въ нихъ свой ядъ, который передается отъ одного поколѣнія другому». («Москвит.» 1853, № 23, стр. 158.)

Однакожъ, не смотря на это, по всей вѣроятности, случайное совпаденіе взглядовъ, трудно предположить, чтобы Крыловъ, вообще не увлекавшійся чужими мнѣніями, увлекся этими сужденіями и возсталъ въ своей баснѣ именно противъ Вольтера; не правильнѣе ли будетъ признать мнѣніе Гоголя, который не видитъ въ этой б. намековъ на извѣстнаго какого либо писателя, но относитъ ее вообще къ писателямъ, избравшимъ ложное направленіе. Вотъ его слова: «Но и умному дѣлаетъ онъ (Крыловъ) также крѣпкія замѣтки, сильно попрекнувши его въ баснѣ «Прудъ и Рѣка» за то, что далъ задремать своимъ способностямъ, и строго укоривши въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ» за развратное и злое ихъ направленіе». («Соч.» т. II, стр. 463—4.)

1818.

ПРИМѢЧАНІЕ. Всѣ біографы Крылова, равно какъ и всѣ лица, пользовавшіяся его знакомствомъ, единогласно утверждаютъ, что онъ безъ всякой посторонней помощи на пятидесятомъ году, т. е. въ 1818, выучился по-гречески. Исполненіе такого труднаго предпріятія уже въ преклонныхъ лѣтахъ могло бы казаться невѣроятнымъ, если бы мы не имѣли положительныхъ доказательствъ. Уже разсказъ Лобанова, сообщающаго подробности событія и напечатавшаго даже отрывокъ изъ Одиссеи (стр. 69), переведенный Крыловымъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ вполнѣ овладѣлъ этимъ языкомъ. Но кромѣ того мы нашли другое доказательство въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву: переводъ изъ Плутарха жизнеописанія Алкивіада; какъ видно, нѣкоторыя фразы затрудняли переводчика: для этихъ фразъ онъ оставлялъ мѣсто въ текстѣ и выписывалъ ихъ на поляхъ.

Конечно, баснописцу, который, благодаря единственно своимъ собственнымъ усиліямъ, открылъ себѣ путь къ поэтическимъ сокровищамъ древняго греческаго міра, всего интереснѣе было прочитать въ оригиналѣ произведенія баснописца; можетъ быть, онъ даже съ него и началъ изученіе греческихъ классиковъ. «Иногда», говоритъ Лобановъ, «находили его съ Эзопомъ въ рукѣ, скромно отвѣчающаго па вопросы: *учусь у него*» (стр. 64). Съ этого года начинаютъ появляться басни, заимствованныя непосредственно у Эзопа. Но къ сожалѣнію, Крыловъ, удовлетворивъ своему желанію и удививъ своихъ друзей, вскорѣ забылъ греческихъ классиковъ, и они, покрытые пылью, мало-по-малу перешли изъ-подъ его постели въ печь. (Плетневъ, стр. LXXII и слѣд.)

CXXI. Мотъ и Ласточка.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ торжественномъ собраніи имп. россійской академіи, бывшемъ въ 5 день декабря 1818 г.».

Содержаніе этой басни заимствовано у Эзопа. У него находимъ слѣдующую басню, подъ заглавіемъ: «Молодой человѣкъ и Ласточка» (№ 248, перев. Мартынова): «Развратный юноша, промотавши наслѣдство и оставшись въ одномъ только платьѣ, увидѣлъ ласточку, преждевременно показавшуюся и, думая, что уже наступила весна, не требующая никакого платья, продалъ и его. Когда же пришла зима и подулъ сильный вѣтеръ, увидѣвши ласточку мертвую, сказалъ ей: бѣдняжка! ты меня погубила. — Басня учитъ, что все, дѣлаемо не во время, опасно».

Изъ сличенія обѣихъ басенъ видно, что Крыловъ измѣнилъ подробности разсказа, чтобы примѣнить его къ сѣверному климату; что же касается нравоученія, то онъ опустилъ его, какъ не вполнѣ соотвѣтствующее разсказу.

Въ сохранившейся рукописи и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 13: .... во всей природѣ (1818).
19: Гдѣ ни возьмись, опять трескучіе морозы (рукоп.).
— .... отколь опять .... (1818).
20: Скрыпятъ обозы (рукоп.).
25: Онъ видитъ на полу .... (1818, 19).
29: И я теперь безъ шубы (рукоп.).

Къ ст. 18: .... Ласточка одна не дѣлаетъ весны.

Народная пословица, какъ самъ Крыловъ сказалъ въ предыдущемъ стихѣ, съ измѣненіемъ расположенія словъ. — Въ «Письмовникѣ» Курганова, у Д. К. и у Снегирева: «Одна ласточка весны не дѣлаетъ».

CXXII. Алкидъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ торжественномъ собраніи въ Имп. Россійской Академіи, бывшемъ въ 5 день декабря 1818 г.».

Содержаніе этой басни заимствовано у Эзопа; такъ какъ въ изданіи Мартынова эта б. пропущена, то приводимъ подлинный ея текстъ, обязательно доставленный намъ г. академикомъ Наукомъ:

К. Гальма № 159. Ἡρακλῆς καὶ Ἀθηνᾶ. Διὰ στενῆς ὁδοῦ ὥδευεν Ἡρακλῆς. ἰδὼν δ' ἐπὶ γῆς μήλῳ ὅμοιόν τι, ἐπειρᾶτο συντρί-

ψαι. ὡς δὲ εἶδε διπλοῦν γενόμενον, ἔτι μᾶλλον ἐπέθετο καὶ τῷ ῥοπάλῳ ἔπαιεν· τὸ δὲ φυσηθὲν εἰς μέγεθος τὴν ὁδὸν ἐπέφραξεν· ὁ δὲ ῥίψας τὸ ῥόπαλον ἵστατο θαυμάζων. Ἀθηνᾶ δὲ αὐτῷ ἐπιφανεῖσα εἶπε· πέπαυσο, ἄδελφε. τοῦτ' ἔστι φιλονεικία καὶ ἔρις. ἄν τις αὐτὸ καταλείπῃ ἀμάχητον, μένει οἷον ἦν πρῶτον, ἐν δὲ ταῖς μάχαις οὕτως οἰδεῖται.

Ὅτι αἱ μάχαι καὶ ἔριδες αἰτίαι μεγάλης βλάβης ὑπάρχουσιν. *

Въ первой печатной редакціи пропущенъ 14-й стихъ:
Застановляетъ солнца свѣтъ;
во всѣхъ же послѣдующихъ изданіяхъ печаталась безъ перемѣнъ.

CXXIII. Гребень.

Напечатана въ первый разъ въ «Чтеніи въ торжественномъ собраніи имп. россійской академіи, бывшемъ въ 5-й день декабря 1818 г.», съ слѣдующими незначительными перемѣнами:

Ст. 3: .... вонъ изъ рукъ дитя обновку (1818).
11: Такъ гладокъ, плавенъ.
24: Да голова теперь всклокочена ** твоя.
25: .... со злости ....

---

* Т. е. «*Геркулесъ и Аөина.* По узкой дорогѣ шелъ Геркулесъ; увидѣвъ на землѣ что-то похожее на яблоко, онъ попытался разбить (это); но когда увидѣлъ, что (оно) вдвое больше выросло, онъ еще сильнѣе поразилъ и побилъ палицею. Выросшее своею величиною закрыло дорогу. Бросивъ палицу, онъ стоялъ съ удивленіемъ. Но Аөина, ему явившись, сказала: Перестань, братъ Это любовь къ раздору (φιλονεικία — die Streitsucht) и вражда. Если кто его оставитъ въ покоѣ, оно будетъ, какимъ было прежде; но въ битвахъ оно такъ возрастаетъ. Что битвы и ссоры бываютъ причинами великаго вреда».

** Въ этой баснѣ Крыловъ употребляетъ нѣсколько формъ, производныхъ отъ глагола *клочить*, которыя въ разныхъ изданіяхъ печатались различно. Сравненіе ихъ ясно показываетъ, что онъ колебался между двумя формами: *всклоченный* (отъ *клочить*, *всклочить* волосы) и менѣе правильной, но болѣе употребительной: *всклокоченный*. Въ изд. 1819 и 1825 г. въ 15-мъ ст. печаталось: «всклокатилъ» отъ клокатить, всклокатить (Словарь Акад. Наукъ).

1819.

CXXIV. Скупой и Курица.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 65, безъ перемѣнъ.

Прототипъ этой басни находимъ въ б. Эзопа (№ 24, перев. Мартынова): «Вдова и Курица»: У одной вдовы была курица, которая всякій день несла ей яйца. Думая, что если она больше станетъ давать курицѣ ячменю, то она будетъ нестись два раза въ день; это и сдѣлала. Курица же, пожирнѣвъ, не стала нестись и одинъ разъ въ день. — Баснь учитъ, что изъ корыстолюбія желающіе получить много, теряютъ и послѣднее.

Этотъ сюжетъ передѣлалъ Ла Фонтенъ: у него курица несетъ золотыя яйца, и скупой обладатель ея убиваетъ ее въ надеждѣ, что найдетъ въ ней сокровище.

Сличеніе съ этими двумя баснями б. Крылова показываютъ, что онъ заимствовалъ ее не у Эзопа, а у Ла Фонтена; онъ распространилъ разсказъ, прибавивъ нѣсколько подробностей, и нравоученіе французскаго баснописца замѣнилъ его же мыслью, высказанною въ началѣ басни:

Скупой теряетъ все, желая все достать.

Кромѣ Крылова изъ русскихъ писателей передѣлали эту б. Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Курица, несущая золотыя яйца» (т. I, стр. 249), и Сумароковъ — «Золотыя яйца» (кн. V, пр. XXXVIII).

Къ ст. 1: Скупой теряетъ все, желая все достать.

Мысль эта выражается въ народныхъ пословицахъ: «Многаго захочешь, послѣднее потеряешь»; «Много желать, добра не видать» (Д. К., стр. 142; Снегиревъ, стр. 225, 226).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

La Poule aux oeufs d'or.

L'avarice perd tout en voulant tout gagner.
Je ne veux, pour le témoigner,
Que celui dont la poule, à ce que dit la fable,
Pondait tous les jours un oeuf d'or.
Il crut que dans son corps elle avait un trésor;
Il la tua, l'ouvrit, et la trouva semblable
A celles dont les oeufs ne lui rapportaient rien,
S'étant lui-même ôté le plus beau de son bien.

Belle leçon pour les gens chiches!
Pendant ces derniers temps, combien en a-t-on vus
Qui du soir au matin sont pauvres devenus
Pour vouloir trop tôt être riches!

CXXV. Двѣ Бочки.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 67, безъ перемѣнъ сравнительно съ позднѣйшими изданіями.

Приводимъ мнѣніе Гоголя о Крыловѣ, которое онъ подтверждаетъ заключительными стихами этой басни: «Ни одинъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено и такъ усвоено крѣпко вещи, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ, какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ, шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ, одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ вы-

даетъ она ощутительно самую невыразимую ея духовность. Стоитъ вспомнить величественное заключеніе басни «Двѣ Бочки»:

Великій человѣкъ лишь виденъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Тутъ отъ самаго размѣщенія словъ какъ бы слышится величіе ушедшаго въ себя человѣка». («Соч.» т. III, стр. 464.)

CXXVI. Охотникъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 69, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

Идея басни выражается пословицею: «Не откладывай на завтра, что можешь сдѣлать сегодня». Но Снегиревъ находитъ источникъ ея въ нѣмецкой поговоркѣ: Spar nicht auf morgen, was du heut' thun kannst (стр. 720).

CXXVII. Пловецъ и Море.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 71, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

Эту басню Крыловъ заимствовалъ у Эзопа (№ 247, перев. Мартынова), но значительно измѣнилъ какъ ея содержаніе, такъ и нравоученіе. Приводимъ б. Эзопа: «Претерпѣвшій кораблекрушеніе и Море»:

«Претерпѣвшій кораблекрушеніе, выброшенный волнами моря на берегъ, спалъ отъ утомленія. Черезъ нѣсколько времени проснувшись, сталъ бранить море, обвиняя его, что оно, обольщая людей наружною своею тихостію, когда къ себѣ заманитъ, ихъ поглощаетъ и губитъ. Море, принявъ видъ жены, сказало ему: не меня, другъ мой, вини, но вѣтры; я таково отъ природы, каковымъ видишь меня. Кто же нечаянно попадаетъ ко мнѣ, тѣ поднимаютъ на мнѣ волны и приводятъ меня въ ярость. — И намъ

должно винить не тѣхъ, кои дѣлаютъ обиды, когда они подчинены другимъ, но ихъ начальниковъ».

Изъ этого разсказа Крыловъ вывелъ однакожъ другое нравоученіе:

И я скажу, совѣтъ хорошъ, не ложно;
Да плыть на парусахъ безъ вѣтру не возможно.

Съ нравоученіемъ Эзопа сравн. заключеніе б. «Крестьяне и Рѣка». Идея басни Крылова выражается вполнѣ пословицею: «Не море топитъ корабли, а вѣтры»; это изрѣченіе находимъ у Даніила Заточника (Снегиревъ, стр. 277).

CXXVIII. Крестьянинъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 72, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ.

CXXIX. Левъ и Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 г., ч. VI, стр. 73.

Приводимъ басню Эзопа подъ тѣмъ же заглавіемъ (№ 5, переводъ Мартынова), которая служила ему оригиналомъ: «Лисица, никогда невидавшая льва, по какому-то случаю съ нимъ встрѣтилась и въ первый разъ такъ испугалась его, что чуть было не умерла. Потомъ, увидѣвши его во второй разъ, хотя испугалась, но не столько, какъ прежде; увидѣвъ же въ третій, сдѣлалась такъ смѣлою, что, подойдя къ нему, вошла съ нимъ и въ разговоръ. — Баснь учитъ, что привычка и страшные предметы дѣлаетъ удобоприступными».

Къ ст. 7—8: Инаго также мы боимся,
Поколь къ нему не приглядимся.

Во всѣхъ изданіяхъ съ 1819 до 1834 г. эти стихи печатались такъ:

Инова также мы боимся,
Поколь *къ чему* не приглядимся.

Они окончательно редактированы при изданіи 1843 г. и показываютъ, что Крыловъ, подобно Эзопу, сначала относилъ выводъ изъ этой б. вообще къ предметамъ, внушающимъ страхъ.

CXXX. Муравей.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 73, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 28: Мой Муравей то на возу....
35—36: Въ городѣ народъ
Большой уродъ.

Къ ст. 12: Я лишнія хвалы считаю за отраву.

Ср. народныя пословицы: «Хвала молодцу — пагуба»; «Хвала — первая порча» (Даль, 814).

CXXXI. Овцы и Собаки.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 75, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

CXXXII. Оселъ и Мужикъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 77, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Къ ст. 1—2: Мужикъ на лѣто въ огородъ,
Нанявъ Осла, приставилъ....

Этотъ фактъ, служащій основою басни, выражается въ народной пословицѣ: «Пустилъ козла въ огородъ» (Д. К., стр. 215; Снегиревъ, стр. 346).

Къ ст. 9—12: Оселъ, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ....
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.

Ср. пословицу: «Заставь дурака Богу молиться, онъ и лобъ расшибетъ» (Снегиревъ, стр. 136).

CXXXIII. Медвѣдь въ сѣтяхъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 78. Въ послѣдующихъ изданіяхъ измѣнено только одно слово: въ 7-мъ стихѣ: опутанъ вм. *окутанъ*.

«Медвѣдь въ сѣтяхъ» представляетъ развитіе весьма сжатой басни Эзопа (№ 164, перев. Мартынова): «Медвѣдь и Лисица»:

«Нѣкогда медвѣдь хвасталъ, что онъ всѣхъ животныхъ человѣколюбивѣе. Ибо, говорятъ, что Медвѣдь ничего мертваго не ѣстъ. Лисица, услышавъ это, усмѣхнулась и сказала ему: о, когда бы ты ѣлъ мертвыхъ, а не живыхъ.—Басня изобличаетъ обманщиковъ и лицемѣровъ».

Положеніе медвѣдя, попавшаго въ сѣти, его оправданіе и роль ловчаго напоминаютъ б. «Волкъ на Псарнѣ». См. также пословицы: «Присмирѣлъ, что волкъ подъ рогатиной»; «Поджалъ хвостъ, что волкъ на псарнѣ» (Даль, стр. 280). Ясно, что послѣдняя изъ этихъ пословицъ составилась уже подъ вліяніемъ басни Крылова.

CXXXIV. Колосъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 80, съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 15: Въ изд. 1819 и 25 г. этого стиха нѣтъ; въ изд. 1830 г. онъ напечатанъ неправильно·
Велѣлъ ли насъ полить.... (вм. *полоть*).
29: Этого стиха также нѣтъ въ изд. 1819 г.

CXXXV. Мальчикъ и Червякъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 80. Въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующіе незначительные варіанты:

Ст. 5: Садовника.... (рукоп.).
13: Притомъ же, кажется....
27: Трахнуть ее....
30: .... я слышалъ это точно.
39: Червякъ мой работàть пустился.

CXXXVI. Пастухъ и Море.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 84, съ незначительною перемѣною въ 8 стихѣ: вм: *Но, видя всякій разъ* . . . . Но, видя, наконецъ . . . .

Эту басню Крыловъ заимствовалъ у Ла Фонтена, басня котораго: le Berger et la Mer (кн. VI, б. II), есть передѣлка эзоповой: «Пастухъ и Море» (№ 49, перев. Мартынова). Сумароковъ также перевелъ эту б. подъ заглавіемъ «Пастухъ-Мореплаватель» (кн. III, притча LVIII). Для сравненія приводимъ б. Ла Фонтена:

Le Berger et la Mer.

Du rapport d'un troupeau, dont il vivait sans soins,
Se contenta longtemps un voisin d'Amphitrite:
Si sa fortune était petite,
Elle était sûre tout au moins.
A la fin, les trésors déchargés sur la plage
Le tentèrent si bien qu'il vendit son troupeau,
Trafiqua de l'argent, le mit entier sur l'eau.
Cet argent périt par naufrage.
Son maître fut réduit à garder les brebis,
Non plus berger en chef comme il était jadis,
Quand ses propres moutons paissaient sur le rivage:
Celui qui s'était vu Corydon ou Tircis
Fut Pierrot, et rien davantage.
Au bout de quelque temps il fit quelques profits,
Racheta des bêtes à laine;
Et comme un jour les vents, retenant leur haleine,
Laissaient paisiblement aborder les vaisseaux:
Vous voulez de l'argent, ô mesdames les Eaux!
Dit-il; adressez-vous, je vous prie, à quelque autre:
Ma foi, vous n'aurez pas le nôtre.

Ceci n'est pas un conte à plaisir inventé.
Je me sers de la vérité
Pour montrer, par expérience,
Qu'un sou, quand il est assuré,
Vaut mieux que cinq en espérance;
Qu'il se faut contenter de sa condition;

*

Qu'aux conseils de la mer et de l'ambition
Nous devons fermer les oreilles.
Pour un qui s'en louera, dix mille s'en plaindront.
La mer promet monts et merveilles:
Fiez-vous-y; les vents et les voleurs viendront.

Къ ст. 52: Что впереди — Богъ вѣсть; а что мое — мое.

Этотъ стихъ внесенъ въ нѣкоторые сборники пословицъ (Д. К., стр 279; Снегиревъ, стр. 445).

CXXXVII. Мальчикъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 87, безъ перемѣнъ сравнительно съ послѣдующими изданіями.

Основная мысль этой б. заимствована изъ б. Эзопа (№ 263, перев. Мартынова): «Мальчикъ, ловящій саранчу, и Скорпіонъ»:

«Мальчикъ ловилъ на стѣнѣ саранчу. Наловивъ ея довольно и увидѣвши Скорпіона, котораго счелъ за саранчу, хотѣлъ было и его схватить рукою. Скорпіонъ, поднявъ жало, сказалъ: берегись взять меня, чтобъ не бросить тебѣ и той саранчи, которую ты наловилъ. — Хорошо знать и противное, чтобы доброе уважать, а худаго избѣгать».

CXXXVIII. Пчела и Мухи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 88, и безъ перемѣнъ перешла въ позднѣйшія изданія.

CXXXIX. Трудолюбивый Медвѣдь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VI, стр. 89, и безъ перемѣнъ перепечатана въ послѣдующихъ изданіяхъ:

Плетневъ относитъ эту басню къ самому Крылову: говоря о томъ періодѣ жизни Крылова, когда онъ, приглашенный въ деревню кн. Голицына, не находя для себя занятія и не желая играть роль безполезнаго

нахлѣбника, сталъ добровольно учить дѣтей князя и воспитывавшихся съ ними двухъ мальчиковъ, Плетневъ, очевидно, основываясь на свидѣтельствѣ Вигеля, но не называя его, характеризуетъ слѣдующими чертами будущаго баснописца: «Онъ описанъ (въ Запискахъ Вигеля) человѣкомъ уклончивымъ, тонкимъ и замѣтно угождавшимъ прихотливому вкусу хозяина, что подтверждаетъ мысль объ его затруднительномъ положеніи (въ домѣ кн. Голицына) и доказываетъ гибкій, проницательный умъ его, рано постигнувшій истину, изложенную имъ послѣ въ баснѣ: «Трудолюбивый Медвѣдь».

Характеристика Крылова, сочиненная Вигелемъ, такъ извѣстна, что мы почитаемъ излишнимъ повторять ее здѣсь. Но намъ кажется, въ рѣзкомъ, необыкновенно рельефномъ портретѣ этомъ многія черты черезъ-чуръ преувеличены. И могъ ли мальчикъ 10 — 15 лѣтъ, который самъ сознается, что, если слылъ умнымъ человѣкомъ, то обязанъ этимъ своему наставнику, вѣрно понимать поступки этого наставника, видѣть въ нихъ скрытыя цѣли и правильно ихъ оцѣнивать? Характеристика же написанная по одному воспоминанію, не подтвержденная достаточнымъ количествомъ фактовъ, не оправдывающаяся ни другими свидѣтельствами, ни дальнѣйшимъ развитіемъ человѣка, положительно не можетъ быть признаваема авторитетомъ. Отрывокъ въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля, посвященный Крылову, мы признаемъ прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ, но не можемъ признать за нимъ историческаго значенія.

Изъ одного письма Льва Андреевича Крылова къ брату*, относящагося къ этому времени, видимъ, что Иванъ Андреевичъ чувствовалъ себя въ домѣ кн. Голицына, какъ дома, и былъ совершенно счастливъ. Трудно допустить, чтобы онъ находилъ счастье въ необходимости поддѣлываться подъ чужіе вкусы, раболѣпствовать, короче, говоря его словами, ходить на заднихъ лапкахъ; также трудно предположить, чтобы въ перепискѣ своей съ братомъ, дышущей искренностію и прямотою (что можно заключить изъ пространныхъ отвѣтовъ на его письма), безъ всякой при томъ надобности, онъ представлялъ свое положеніе лучшимъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Мысль этой б. выражается народными пословицами: «Правитъ, какъ медвѣдь въ лѣсу дуги гнетъ (прибавляютъ: гнетъ не паритъ, а переломитъ — не тужитъ»); «Исподволь и ольху согнешь, а вкрутѣ и вязъ переломишь». (Даль, стр. 225 и 735.)

---

* Объ этой перепискѣ см. Русскій Архивъ 1868 г.

CXL. Ягненокъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1819 года, ч. VII, стр. 91; въ сохранившейся рукописи и печатныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Послѣ этого стиха слѣдовало:
— При добромъ поведеньѣ (рукоп.).
15: Ужъ ли же не глядѣть? ужъ ли не улыбаться.
33: Взревѣли.... (рукоп. и изд. до 1830).

По словамъ В. А. Олениной, басню эту Крыловъ написалъ для ея младшей сестры, Анны Алексѣевны, когда она была еще ребенкомъ. Этимъ объясняется тонъ разсказа, начиная съ 19 стиха, въ которомъ Крыловъ видимо поддѣлывается подъ дѣтскій языкъ.

1823.

CXLI. Крестьянинъ и Овца.

Напечатана въ первый разъ въ «Полярной звѣздѣ», изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, на 1823 годъ; но судя по цензорской отмѣткѣ (отъ 30 ноября 1822 г.), написана была въ 1822 году.

Въ первой печатной редакціи и позднѣйшихъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Судьей былъ Волкъ . . . («Пол. зв.»).
4—5: Допросъ отвѣтчику, другой запросъ истцу,
Сказать . . . .
9: . . . . перушки да косточки остались.
14—15: Ни плутовства,
Ни воровства.
17: И волчій приговоръ . . . .
18—27: Понеже куръ овца сильнѣй,
И съ ними ночь была, какъ видится изъ дѣла,
То признаюсь по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла («Пол. зв.»).
— Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны,
Но такъ какъ, со двора не отлучаясь прочь,
Овца та съ курами была одна всю ночь,
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То, обстоятельства соображая дѣла,

*

Я признаюсь по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла (изд. 1825).

— Въ изд. 1830 г. повторена первая редакція этихъ стиховъ; окончательно редактированы они при изданіи 1834 года.

CXLII. Василекъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сынѣ Отечества» 1823 г., т. 86, стр. 226, съ помѣткою: «Павловскъ, 15 іюня 1823»; тогда же Крыловъ предоставилъ перепечатать эту б. издателямъ «Полярной звѣзды» на 1824 годъ, какъ видно изъ цензорской помѣтки, отъ 20 декабря 1823 г.

Въ сохранившейся рукописи и печатныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Межъ тѣмъ зефиру онъ такъ жалобно шепталъ (р.).
11: Неужъ-то....
21—22: И восхитительной для сердца красотой
Цвѣты пушистые.... (р.).
(Первый изъ приведенныхъ стиховъ остается безъ перемѣны до изд. 1830 г.)
36—38: О вы! кому судьбой удѣлъ счастливый данъ
Носить высокій санъ,
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ возьмите (р.).
41: И кедру и цвѣтку....

О поводѣ къ сочиненію этой б. Лобановъ разсказываетъ слѣдующее: «Изъ всѣхъ привязанностей второй половины жизни Ивана Андреевича, привязанность къ просвѣщенному и добродушному семейству А. Н. Оленина была теплѣе и искреннѣе всѣхъ. Въ этомъ семействѣ, нѣкогда полномъ, цвѣтущемъ, радушномъ, гостепріимномъ, собирались и находили пріятный пріютъ и занимательную бесѣду всѣ знаменитѣйшіе русскіе писатели, начиная съ Державина и Карамзина. Крыловъ почти вседневно былъ тутъ, или на обѣдѣ, или на ужинѣ, или только на вечерней бесѣдѣ. Пріятно ему было служить у такого начальника, который былъ и другомъ и благодѣтелемъ и меценатомъ. Черезъ него лились на Крылова

и милости двухъ Монарховъ *. Мать этого семейства, почтенная Е(лисавета) М(арковна), была изъ числа тѣхъ рѣдкихъ, разумныхъ, добродушныхъ дамъ, которыя, составляя счастіе своего семейства, разливаютъ его и на все ихъ окружающее. Въ ней нашелъ Ив. Андр. нѣжнѣйшую мать и преданъ ей былъ съ сыновнею горячностію, и знаменитый нашъ поэтъ слышалъ и любилъ слышать изъ устъ ея ласкательное себѣ названіе: *Крылышко!* Крылышко любилъ покоиться подъ крыломъ добрѣйшей, благодѣтельной своей матери и, согрѣтый ея заботливостію и попеченіемъ о немъ, вполнотѣ чувствъ однажды сказалъ ей: «Елисавета Марковна, когда наступитъ мой часъ, я приду умереть къ вамъ, сюда, къ вашимъ ногамъ». — И въ самомъ дѣлѣ, когда отъ прилива крови къ головѣ, удары начали его поражать такъ, что при второмъ ударѣ покривилось его лицо, онъ больной дотащился до ихъ дома (отъ дома публичн. библ. до дома Олениныхъ на Фонтанкѣ, противъ Обуховской больницы). — «Вѣдь я сказалъ вамъ, что приду умереть у ногъ вашихъ; взгляните на меня». Доктора были призваны и всякая помощь была оказана больному съ материнскою нѣжностью» (ст. 69 — 70). В. А. Оленина, вполнѣ подтвер-

---

* Самъ Крыловъ признавалъ, что вниманіемъ членовъ Августѣйшаго семейства и своими успѣхами онъ обязанъ покровительству Оленина. Эту мысль онъ выразилъ въ стихотвореніи: «А. Н. Оленину при доставленіи послѣдняго изданія басенъ» (т. е. изд. 1825 г.), которое появилось потомъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», на 1828 г., съ помѣткою: «18 апрѣля, 1826». Стихотвореніе это съ пропусками перепечатано Плетневымъ (стр. LXIX); а потому повторяемъ его здѣсь:

Прими, мой добрый меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженья.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышалъ, говорятъ,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь,
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь.
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня
Щедротъ Монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ.
И можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта
И я бы умеръ весь для свѣта.
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ томъ назову?
При мысли сей мое живѣе сердце бьется.
Прими жъ мой скромный даръ теперь
И вѣрь,
Что благодарностью, не лестью онъ дается.

дивъ этотъ разсказъ, прибавила, что Крыловъ оставался въ ихъ домѣ почти до совершеннаго выздоровленія. Когда же весною имп. Марія Θеодоровна переѣхала въ Павловскъ и до нея дошла вѣсть о болѣзни благотворимаго ею баснописца, то она приказала А. Н. Оленину перевезти его въ Павловскъ, сказавъ: «подъ моимъ надзоромъ онъ скорѣй поправится». «Здѣсь онъ излилъ благодарныя свои чувствованія прелестною баснею «Василекъ» (Лобановъ), оставленною имъ «въ одномъ изъ альбомовъ, которые въ Розовомъ павильонѣ разложены были для удовольствія посѣтителей». (Плетневъ, стр. LXXIV.)

1824.

—

CXLIII. Кошка и Соловей.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей россійской словесности (или по прежнему заглавію: Соревнователь просвѣщенія и благотворенія), ч. XXV, кн. I, стр. 128; въ трехъ сохранившихся рукописныхъ редакціяхъ и въ печатныхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4—7: Соловушка, дружокъ, слыхала часто я,
Что голосъ твой .... и славятъ,
И съ первыми тебя пѣвцами рядомъ ставятъ.
И сказывала мнѣ лиса, моя кума (1-я рукоп. ред.).
6: .... съ первыми пѣвцами .... (3-я рукоп. ред. и 1824).
7: Мнѣ говоритъ лиса, моя кума (2 рукоп. ред.).
8: Что голосъ у тебя чудесенъ.
9: .... прекрасныхъ пѣсенъ (1 ред.).
10: Пасту́шки, пастухи всѣ сходятъ здѣсь съ ума (1 ред.).
11—12: Мнѣ очень хочется тебя послушать.
Пропой мнѣ что нибудь (1 ред.; 2-й стихъ остается также и во 2-й).
14: Повѣрь, что не хочу тебя я скушать (3 ред.).
15: Лишь спой, тотчасъ тебѣ я волю дамъ
Гулять по рощамъ и лѣсамъ (1 ред.; 1-й ст. также и во 2-й).
17: Въ 1-й ред. этого и слѣд. стиховъ нѣтъ.
— Я къ музыкѣ въ любви тебѣ не уступаю (2 ред.).
22—23: Пропой хотя немножко.

Но бѣдный нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а чуть пищалъ (1 ред.).
— Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только чуть пищалъ (2 ред.).

26—29: Гдѣ эта чистота, пріятность, плавность, сила?
Все а-а, — да ты, я вижу, хватъ,
И дразнишь, кажется, моихъ котятъ,
Негодный! а въ пѣньѣ ты вовсе не искусенъ (1 ред.).

28: — Мнѣ скученъ этотъ пискъ.... (2 ред.).

29: Нѣтъ, видно.... (3 ред. 1824).
Послѣ этого стиха:
— Все безъ начала, безъ конца (2 и 3 ред. 1824 г.).

33—35: Хотите ль, поясню я басню вамъ мою
И на ушко скажу: пѣть плохо соловью
Въ когтяхъ у кошки (1 ред.).

Редакція «Соревнователя» по поводу этой б. сдѣлала слѣдующее заявленіе, свидѣтельствующее о томъ, какъ современники относились къ Крылову и его баснямъ: «Вотъ одно изъ новыхъ произведеній г. почетнаго члена общества, И. А. Крылова! Общество, раздѣляя съ почтенными читателями своего журнала чувство удовольствія при неожиданномъ появленіи новыхъ басенъ классическаго нашего баснописца, предварительно извѣщаетъ ихъ, что въ теченіе нынѣшняго года оно часто будетъ украшать «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» сими драгоцѣнными произведеніями русскаго Ла Фонтена. Пріятно извѣстить отечественную публику, что И. А. Крыловъ написалъ еще до двадцати басенъ. Черезъ нѣсколько времени онъ предполагаетъ сдѣлать новое изданіе своихъ сочиненій. Кто не согласится, что подобный трудъ съ его стороны есть примѣрная, чистѣйшая благодарность за ту любовь, которую повсюду торжественно изъявляютъ ему соотечественники? Онъ столько могъ быть увѣренъ въ своей неизмѣнной славѣ, что, вѣроятно, по одному благородному стремленію къ пользѣ согражданъ принялся вновь за литературные труды — и тѣмъ съ бо́льши́мъ восторгомъ, конечно, принято будетъ появленіе новаго его изданія».

По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ Крылова, б. эта касалась самаго чувствительнаго современнаго вопроса, — именно, вопроса о цензурѣ. Въ ней онъ изобразилъ печальное состояніе русской литературы, которая, въ тѣ времена, въ эпоху реакціи, подверглась невѣроятнымъ цензурнымъ стѣсненіямъ. Хотя цензоры обязаны были руководиться цензурнымъ уставомъ 1804 года, однако примѣненіе его зависѣло отъ личнаго взгляда министра (А. Н. Голицына) и членовъ главнаго правленія училищъ, и са́мъ онъ измѣнялся и утрачивалъ свой первоначальный характеръ вслѣдствіе различныхъ толкованій тѣхъ его статей, которыми до нѣкоторой степени ограждалась свобода книгопечатанія. Такъ событія политическія, отношенія Россіи къ иностраннымъ государствамъ, конституціонныя начала и въ особенности крѣпостное право включены были въ кругъ тѣхъ

предметовъ, которые не подлежали суду и разбору печати; запрещались книги, которыя, по мнѣнію цензоровъ, не вели къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, или въ которыхъ находили мысли, противныя началамъ нравственности, личной чести и политическому устройству страны (напр.«Эгмондъ» Гёте, «Замокъ Смальгольмъ» Жуковскаго); цензура переходила иногда въ область литературной критики и возвращала рукописи для исправленія слога; наконецъ, въ отношеніи къ журналистамъ, она не только задерживала ихъ программы, если не была увѣрена въ успѣхѣ предпріятія; но бывали случаи, что откладывала изданіе журнала до того времени, пока редакторъ журнала не пріобрѣтетъ необходимыя свѣдѣнія и опытность (какъ было съ А. Бестужевымъ въ 1819 году). (Подробности см. въ ст. М. Сухомлинова, «Матеріалы для ист. просвѣщ. въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I», «Журналъ Министерства нар. просвѣщ.», ноябрь, 1866 г.)

CXLIV. Двѣ Собаки.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей россійской словесности», 1824, ч. XXVI, кн. I, стр. 64. Въ сохранившихся рукописяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—7: Собака добрая, Барбосъ,
Который на дворѣ усердно службу несъ,
Жужу, кудрявую болонку,
Лежащую увидѣвъ на окнѣ,
Онъ, ей обрадуясь....(1 ред.).
— Обрадуясь ей, какъ роднѣ (2 ред.).
8: Отъ радости едва (1 ред.).
16: На счастье грѣхъ пенять (2 ред.).
17: Кусочекъ лучшій мнѣ идетъ съ стола (1 ред.)
20: А ежели рѣзвясь устану....
24: Живу по-старому ....
27: Сплю подъ заборомъ здѣсь....
31: Безсиленъ ты и малъ.

Басня Измайлова: «Два Кота», заимствованная имъ у Флоріана (кн. II, б. IX) и явившаяся уже въ изданіи его «Басенъ и сказокъ» 1821 г. весьма близка по содержанію къ этой б. Крылова. У него тоже котъ-Васька находитъ счастіе въ томъ, что «ходитъ на заднихъ лапкáхъ, пляшетъ» и вообще забавляетъ хозяина; между тѣмъ какъ котъ-Ванька,

честно исполняющій свою службу, оберегающій цѣлый домъ отъ крысъ и отъ мышей, голодаетъ. Басня заключается слѣдующимъ четверостишіемъ, которое произноситъ первый котъ:

Знай, глупенькій, что тотъ, кто людямъ угождаетъ
Въ бездѣлкахъ, пустякахъ, — у нихъ не потеряетъ:
А кто для пользы ихъ трудится и не спитъ,
Тотъ часто голоденъ бываетъ.

CXLV. Рыбьи пляски.

Напечатана въ первый разъ въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей россійской словесности», 1824 г., ч. XXVII, кн. I, стр. 3 (цензорская отмѣтка, отъ 1-го іюля 1824); тогда же перепечатана въ «Сынѣ Отечества» (т. 29, стр. 33) и въ «Полярной звѣздѣ на 1824 г.»

Въ рукописяхъ сохранились двѣ различныя редакціи этой басни: первая въ совершенно чистомъ спискѣ; вторая въ нѣсколькихъ черновыхъ, составляющихъ переработку печатной редакціи. Приводимъ первую вполнѣ:

От жалобъ на судей,
На сильныхъ и на богачей
Левъ, вышедъ изъ терпѣнья,
Пустился самъ свои осматривать владѣнья.
Онъ идетъ—а мужикъ, расклавши огонекъ,
Наудя рыбъ, изжарить ихъ сбирался.
Бѣднняжки прыгали отъ жару кто какъ могъ;
Всякъ, видя близкій свой конецъ, метался.
На мужика разинувъ зѣвъ,
Кто ты? что дѣлаешь? спросилъ сердито левъ.
Всесильный царь! сказалъ мужикъ, оторопѣвъ,
Я старостою здѣсь надъ водянымъ народомъ;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здѣсь тебя съ твоимъ приходомъ.
Ну, какъ они живутъ? богатъ ли здѣшній край?
Великій государь! здѣсь не житье имъ—рай.
Богамъ о томъ мы только и молились,
Чтобъ дни твои безцѣнные продлились.

(А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились).
Да отчего же, левъ спросилъ, скажи ты мнѣ,
Онѣ хвостами такъ и головами машутъ?
О, мудрый царь! мужикъ отвѣтствовалъ: онѣ
Отъ радости, тебя увидя, пляшутъ.
Тутъ старосту лизнувъ левъ милостиво въ грудь*,
Отправился въ дальнѣйшій путь.

Въ такомъ видѣ Крыловъ хотѣлъ напечатать эту басню; но цензоръ, вообразивъ, что баснописецъ разумѣетъ въ ней путешествовавшаго тогда по Россіи имп. Александра, положительно ее запретилъ. Это такъ оскорбило Крылова, что онъ въ порывѣ негодованія хотѣлъ-было уничтожить свою басню; но уступилъ наконецъ просьбамъ своихъ друзей и передѣлалъ ее. (Сл. отъ В. А. Олениной.)

Приводимъ начало и заключеніе первой передѣлки, которыя имѣютъ мало общаго съ предыдущею и послѣдующею редакціями:

Когда-то въ царствѣ льва такъ развратились нравы,
Что безъ суда и безъ расправы,
Кто по-сильнѣй, тотъ слабаго давилъ.
Не только что въ лѣсахъ, но въ глубинѣ подводной
Былъ ропотъ всенародной.
И всякій день до льва онъ доходилъ.
Онъ слушать уставалъ прошенья
Въ лѣсахъ на тигровъ, на волковъ,
А изъ воды на щукъ и рыболововъ.
И вышедъ наконецъ отъ жалобъ изъ терпѣнья,
Пустился самъ *и проч.*

Далѣе какъ въ 1-й редакціи до стиха 24:

Не могши болѣ тутъ обмана левъ стерпѣть,
Я вижу, говоритъ, что ты чудакъ великой:
Какъ можно музыки на балѣ не имѣть?
Однакожъ я тотчасъ ихъ сдѣлаю съ музыкой.
И плута онъ въ когтяхъ своихъ заставилъ пѣть.

Въ остальныхъ трехъ рукописныхъ редакціяхъ и въ перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 1—2: Левъ, получа въ свое владѣнье воды,
А съ ними подданныхъ несмѣтное число.
— Какой-то левъ завоевалъ
Не только что лѣса, и воды.

---

* Этотъ стихъ зачеркнутъ и замѣненъ слѣдующимъ:
Еще изволя разъ на пляску ихъ взглянуть;
но и этотъ зачеркнутъ.

— Имѣя въ области своей лѣса и воды,
Левъ собралъ на совѣтъ звѣрей, чтобъ посудить. (3 ред.),
— Имѣя въ области своей
Не только-что лѣса, и воды (5 ред., 1824).

Ст. 4: Послѣ этого стиха:
Какъ водится, пошли на голоса (5 ред. и до изд. 1830).

5: Вотъ велѣно къ тому лисицу нарядить (3 ред.).

10: .... Лиса, какъ воевода, судитъ (3 ред.).
— Межъ тѣмъ какъ съ берегу .... (5 ред. и 1824).

11: И дѣлитъ съ лисынькой (3 ред.).
— И дѣлится съ кумой (5 ред. и 1824).

15: Что покривилися Ѳемидины вѣсы (5 ред. и 1824).

18: Вотъ онъ идетъ .... (3 ред.).

28—29: При мнѣ онъ секретарь;
За правду здѣсь почтенъ всѣмъ водянымъ народомъ (3 ред.).

33: Ну какъ суды идутъ?... (5 ред. и 1824).

36: Этого стиха въ ред. 1824 г. и предыдущихъ нѣтъ.

42: Для пляски рыбьяго народу (3 ред.).

44: По-своему въ когтяхъ .... (3 ред.).

1825.

CXLVI. Муха и Пчела.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ, на 1825 г., стр. 261 (цензорская отмѣтка отъ 9 авг. 1824 г.).

Вѣроятно по ошибкѣ или по забывчивости, Крыловъ не отнесъ этой басни къ разряду заимствованныхъ; но что она заимствована у Ла Фонтена, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Съ своей стороны Ла Фонтенъ свою басню la Mouche et la Fourmi (кн. IV, б. III), которую для сравненія приводимъ ниже, передѣлалъ изъ б. Федра: Formica et Musca (кн. IV, б. 21). Ее находимъ у Тредьяковскаго подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Муха и Муравей» (т. I, стр. 213).

Въ рукописяхъ и перепечаткахъ заключаются слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 4: И въ близости.... (р.).
7: Я съ грусти бъ....
8—9: Вотъ на меня бъ ты посмотрѣла.
11: Летать день цѣлый по гостямъ.
12: И молвя....
20: Беру, что думаю.... (рукоп. и 1824).
23: И въ нѣгѣ отдыхать.... (р.).
28: И на пирахъ....

ПРИЛОЖЕНІЕ.

La Mouche et la Fourmi.

(Ла Фонтена.)

La mouche et la fourmi contestaient de leur prix.
O Jupiter! dit la première,
Faut-il que l'amour-propre aveugle les esprits
D'une si terrible manière,
Qu'un vil et rampant animal
A la fille de l'air ose se dire égal!
Je hante les palais, je m'assieds à ta table:
Si l'on t'immole un boeuf, j'en goûte devant toi;
Pendant que celle-ci, chétive et misérable,
Vit trois jours d'un fétu qu'elle a traîné chez soi.
Mais, ma mignonne, dites-moi,
Vous campez-vous jamais sur la tête d'un roi,
D'un empereur, ou d'une belle?
Je le fais; et je baise un beau sein quand je veux;
Je me joue entre des cheveux;
Je rehausse d'un teint la blancheur naturelle;
Et la dernière main que met à sa beauté
Une femme allant en conquête,
C'est un ajustement des mouches emprunté.
Puis allez-moi rompre la tête
De vos greniers! — Avez-vous dit?
Lui répliqua la ménagère.
Vous hantez les palais; mais on vous y maudit.
Et quant à goûter la première
De ce qu'on sert devant les dieux,
Croyez-vous qu'il en vaille mieux?
Si vous entrez partout, aussi font les profanes.
Sur la tête des rois et sur celle des ânes
Vous allez vous planter, je n'en disconviens pas;
Et je sais que d'un prompt trépas
Cette importunité bien souvent est punie.
Certain ajustement, dites-vous, rend jolie;
J'en couviens: il est noir ainsi que vous et moi.
Je veux qu'il ait nom mouche: est-ce un sujet pourquoi
Vous fassiez sonner vos mérites?
Nomme-t-on pas aussi mouches les parasites?
Cessez donc de tenir un langage si vain:
N'ayez plus ces hautes pensées.
Les mouches de cour sont chassées;

Les mouchards sont pendus: et vous mourrez de faim,
De froid, de langueur, de misère,
Quand Phébus régnera sur un autre hémisphère.
Alors je jouirai du fruit de mes travaux:
Je n'irai, par monts ni par vaux,
M'exposer au vent, à la pluie:
Je vivrai sans mélancolie:
Le soin que j'aurai pris de soin m'exemptera.
Je vous enseignerai par là
Ce que c'est qu'une fausse ou véritable gloire.
Adieu; je perds le temps: laissez-moi travailler,
Ni mon grenier, ni mon armoire,
Ne se remplit à babiller.

CXLVII. Богачъ и Поэтъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ, на 1825 г., стр. 283.

Приводимъ варіанты по рукописямъ и печатнымъ редакціямъ:

Ст. 1: Поэтъ къ Юпитеру Вельможу позвалъ въ судъ (1 рук. ред.).
Поэтъ съ Вельможею затѣялъ судъ (2 ред.).
2: И на него просилъ у Зевса онъ управы.
Обоихъ велѣно представить для расправы (1 ред.).
20: .... не будутъ вѣдать внуки (2 ред., 1824, 25).
23—24: Но вѣрь, коль при его умѣ была бъ возможность
Почувствовать свою.... (2 ред. и 1824, 25).

CXLVIII. Прихожанинъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ, на 1825 г., стр. 284.

Эта б. ни въ одномъ изданіи не причислена къ разряду заимствованныхъ; но г. Лонгиновъ («Русскій Архивъ», 1866 г., 11 и 12 вып.) указалъ на эпиграмму стариннаго, давно забытаго французскаго писателя, Баратона, l'Excuse, какъ на источникъ, изъ котораго Крыловъ почерпнулъ сюжетъ своей басни. У Бара-

тона, дѣйствительно, есть эпиграмма одинаковаго содержанія съ б. «Прихожанинъ», но она носитъ другое заглавіе. Помѣщаемъ здѣсь эту эпиграмму, по изд. 1705 г.*

Les Pleureurs.
Epigramme.

Près de Meudon, dans un village,
Prêchoit un Père Capucin,
Qui le Crucifix à la main,
Pour émouvoir les coeurs mettoit tout en usage.
Sur les peines d'Enfer au long il s'étendoit;
Chacun des assistans pleuroit.
Parmi ces bonnes gens chose assez ordinoire.
Un Paysan de Vaugirard,
Qui se trouvoit là par hazard,
Tranquille, et d'un oeil sec écoutoit le bon Père.
«Tu vois que je pleurons, luy dit le grand Colas,
D'où vient que tu ne pleures pas?.
Morgué quand j'avons tous le coeur serré d'angoisse,
Le tien est aussi dur qu'une pierre à fusi'
— Pourquoy pleurerois-je, dit-il,
Je ne suis pas de la Paroisse.

Этотъ сюжетъ обработалъ и другой французскій писатель, Экушаръ Лебренъ (род. 1729, ум. 1807), подъ заглавіемъ:

Le Sermon.

Un bon curé dans son village
Prêchait la passion si bien
Qu'il n'était bon paroissien
Qui de larmoyer ne fit rage.
Un seul paysan à l'écart
Semblait ne prendre aucune part
A cette universelle angoisse.
— Eh pourquoi ne pleures-tu pas?
Dit quelqu'un. — Moi! répond Lucas,
Je ne suis point de la paroisse.

Г. А. Марковъ въ своей замѣткѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866 г., № 313, указалъ еще на одинъ источникъ,

*) Баратонъ родился въ Парижѣ около половины XVII в., умеръ около 1725 года. Собраніе его сочиненій было издано два раза: въ 1704 и въ 1705 г. Послѣднее изданіе, находящееся въ имп. публ. библіот., носитъ слѣдующее заглавіе: Poésies diverses, contenant des Contes choisis, Bons Mots, Traits d'Histoire et de Morale, Madrigaux, Epigrammes et Sonnets. Par M. Baraton. Paris. Упомянутая эпиграмма на стр. 224.

очень вѣроятный, если принять во вниманіе страсть Крылова къ пустымъ книгамъ. «Есть старинная книжонка 1778 года», пишетъ г. Марковъ, «едва ли кому нибудь теперь извѣстная, да быть можетъ, и въ дни своего процвѣтанія не пользовавшаяся особенною извѣстностію. Называется она: «Отрада въ скукѣ, или книга веселія и размышленія», напечатана въ Москвѣ, въ типографіи при театрѣ у Клаудія. Книжечка эта наполнена анекдотами, изъ которыхъ иные забавны и остроумны. Нѣкоторые изъ нихъ и теперь помѣщаются въ повременныхъ изданіяхъ и приводятся изустно, какъ произведеніе новѣйшаго остроумія. Въ этой книжечкѣ, во второй ея части, есть слѣдующій анекдотъ: «Въ нѣкоторой деревнѣ, священникъ, сказывая проповѣдь внятнымъ слогомъ и чувствительными выраженіями, привелъ въ слезы слушающихъ его поселянъ; всѣ плакали, исключая одного крестьянина. Его спросили, для чего онъ не плачетъ. На сіе отвѣчалъ онъ: «Я не здѣшняго прихода *». Нашъ неподражаемый И. А. Крыловъ позаимствовалъ смыслъ изъ этого анекдота, далъ баснѣ своей новую жизнь и значеніе, направивъ эпиграмму анекдота на литературные приходы».

Лобановъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе этой басни: «Едва ли какой писатель при жизни своей имѣлъ столько пріятностей, какъ нашъ Крыловъ; едва ли чье либо самолюбіе было такъ лелѣяно, даже до упоенія, какъ нашего баснописца; живой — онъ уже наслаждался безсмертіемъ. Критика почти не прикасалась къ нему; первыя басни его даже въ Москвѣ были приняты по достоинству. В. А. Жуковскій отозвался объ нихъ тогда въ журналѣ («Вѣстникъ Европы», 1809 г., ч. 45, № 9, стр. 35) добросовѣстно и уважительно. Но если въ послѣдствіи Москва не вполнѣ дѣлила восторги Петербурга, вспомнимъ, что въ стѣнахъ ея жилъ заслуженный гражданинъ и знаменитый поэтъ, котораго вѣнокъ ей тяжело было уступить другому. За нѣкоторую ея холодность Крыловъ позволилъ себѣ мщеніе — такова была его натура — въ баснѣ «Прихожанинъ», которую онъ составилъ изъ анекдота о мужикѣ, мною ему случайно разсказанному.

---

* Повторяемъ разсказъ въ томъ видѣ, какъ онъ приведенъ въ замѣткѣ г. Маркова, потому что указанной имъ книжки мы не имѣли возможности найти.

Такимъ образомъ разсказъ Лобанова есть уже четвертый источникъ, которымъ могъ воспользоваться Крыловъ. Какъ бы то ни было, но сравненіе его б. съ французскими стихотвореніями, положительно доказываетъ, что онъ воспользовался только однимъ скелетомъ разсказа и заключительнымъ отвѣтомъ.

Въ рукописи, гдѣ б. озаглавлена «Проповѣдникъ», и въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 7: Хоть, можетъ быть, я ихъ немного разсержу (рукоп.).
— Хоть, можетъ быть, я имъ немного досажу (Сѣв. ц., 1825 г.).
8: .... быль на это вамъ скажу (рук. и Сѣв. ц.).
.... быль на это я скажу (1825).
13: Въ немъ правда чистая безъ помощи искусства (рук.).
15: Восхитя .... (рук.).
22: Какой прелестный даръ.
30: Вѣдь я не этого прихода (р., 1825).

Приведенное выше замѣчаніе Лобанова отчасти объясняетъ обстоятельства, вызвавшія б. «Прихожанинъ». Дѣйствительно послѣ извѣстной статьи Жуковскаго, упомянутой Лобановымъ, и рѣзкаго отзыва Каченовскаго о «Новыхъ басняхъ», 1811 года, «Вѣстникъ Европы», бывшій тогда средоточіемъ литературной дѣятельности въ Москвѣ, до самаго 1825 г., когда появилась эта басня, даже не упомянулъ его имени. Всѣ изданія его басенъ, не говоря уже о тѣхъ басняхъ, которыя явились отдѣльно въ журналахъ, пройдены молчаніемъ. Конечно, такое невниманіе московской журналистики могло задѣть самолюбіе баснописца, избалованнаго петербургскими журналами и публикою.

Булгаринъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ объ И. А. Крыловѣ» несравненно точнѣе и подробнѣе разсказываетъ о поводѣ къ сочиненію б. «Прихожанинъ». Въ «Извѣстіи о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева», помѣщенномъ вмѣсто предисловія въ изданіи «Стихотвореній И. И. Дмитріева», 1823 года, кн. П. А. Вяземскій, «превознося И. И. Дмитріева, впрочемъ по заслугамъ, ... и желая отдать ему преимущество предъ всѣми и въ басняхъ, напечаталъ между прочимъ слѣдующее: «По счастію совершенство нашего баснописца (т. е. И. И. Дмитріева) не испугало, а подстрекнуло къ соревнованію многихъ истинныхъ поэтовъ; прибавимъ, къ сожалѣнію, многихъ и подложныхъ; но они неизбѣжные гаеры, слѣдующіе по пятамъ за каждымъ образцовымъ твореніемъ. Въ числѣ первыхъ сыскался одинъ, который не только послѣдовать и, такъ сказать, бороться дерзнулъ съ нашимъ поэтомъ (т. е. И. И. Дмитріевымъ), перерабатывая басни уже имъ переведенныя, и басни превосходныя, и мы благодарны ему за его смѣлость». — Послѣ нѣсколькихъ

похвалъ дарованію Крылова въ общихъ выраженіяхъ, сочинитель «Извѣстія» заключилъ сужденіе о немъ тѣмъ, что хотя достоинство слога и языка Крылова не такъ велико въ отношеніи къ предмѣстнику его, который былъ изобрѣтателемъ своего слога, то оно велико въ сравненіи съ тѣми, которые не изобрѣли ни слога, ни содержанія своихъ басенъ» (см. стр. LX и XLI).

Этотъ приговоръ, по словамъ Булгарина, тронулъ Крылова, «потому что ему было извѣстно, что сочинитель «Извѣстія», кн. Вяземскій, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Карамзину, Дмитріеву и Жуковскому, и слѣдовательно, это печатное мнѣніе есть отголосокъ и ихъ мнѣнія. Однакожъ онъ не входилъ въ полемику, хотя изъ рѣчей его можно было заключать, что сердце его уязвлено». — Тогда Булгаринъ началъ въ «Литературныхъ Листкахъ» (1823 г.) полемику, вызвавшую, какъ онъ говоритъ, множество эпиграммъ и сатиръ на него.

«Однажды», продолжаетъ Булгаринъ, «Крыловъ сказалъ ему: «Напрасно ты за меня поссорился и раздражилъ сильныхъ словесниковъ: мнѣ, право, это больно». — «Богъ милостивъ, Ив. Андр., хоть и укусятъ, а не съѣдятъ», отвѣчалъ я. — «А все-жъ тебѣ нельзя жить долѣе въ этомъ приходѣ». — Черезъ нѣсколько дней на вечерѣ А. Н. Оленина И. А. Крыловъ прочелъ новую басню свою, одну изъ превосходнѣйшихъ: «Прихожанинъ». — Всѣ догадались, что значила эта басня». («Сѣв. Пчела», 1845 г. № 8.)

Этотъ разсказъ въ общемъ весьма вѣроятенъ: замѣчательно, «что изъ лучшихъ поэтовъ того времени, говоритъ г. Лонгиновъ («Соврем.» 1857 г., май, стр. 72), только Крыловъ и Гнѣдичъ не были арзамасцами и, хотя находились съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, но состояли членами Шишковской Бесѣды». Между ними двумя и членами арзамасскаго общества существовалъ какой-то необъяснимый антагонизмъ. Это подтверждаетъ и В. А. Оленина, которая видитъ въ б. «Прихожанинъ» отвѣтъ на эпиграмматическій отзывъ кн. Вяземскаго. (Объ отношеніяхъ Крылова къ арзамасскому обществу см. также «Воспомин.» Вигеля, ч. IV, стр. 165 и слѣд.).

CXLIX. Левъ состарѣвшійся.

Эту б. Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена: le Lion devenu vieux (кн. III, б. XIV), которому источникомъ послужила б. Федра: Leo senex, Aper, Taurus et Asinus (кн. I, б. 21). Такъ какъ въ связи съ этими произведеніями упомянутыхъ двухъ баснописцевъ находится не только б. «Левъ состарѣвшійся», но и

слѣдующая за нею: «Лисица и Оселъ», то мы помѣщаемъ ихъ въ приложеніи.

Изъ русскихъ писателей эту басню передѣлывали: Тредьяковскій, подъ заглавіемъ: «Левъ престарѣлый» (т. I, стр. 241), Сумароковъ — «Левъ состарѣвшійся» (кн. I, притча XXXVII), и, наконецъ, Измайловъ — «Дряхлый Левъ» («Соч.» т. I, стр. 10), помѣстившій ее въ «Сынѣ Отечества», 1815 г.

Басня Крылова напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», собранныхъ б. Дельвигомъ на 1825 г., стр. 290. Въ сохранившихся трехъ рукописныхъ редакціяхъ * находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 1: Левъ, царь звѣрей, лѣсовъ гроза (1 ред.).
2: .... своей лишился силы (1 — 3 ред.).
3: Нѣтъ взора пламенна.... (1 ред.).
— Нѣтъ глазъ тѣхъ огненныхъ.... (2 ред.),
— Огонь въ глазахъ потухъ.... (зачеркнуто въ 3 ред.).
— Нѣтъ пламенныхъ тѣхъ глазъ.... (тамъ же).
4: Чѣмъ прежде наводилъ.... (3 ред.; въ 1-й ред. этого стиха нѣтъ).
6: А что всего больнѣй, что въ подданныхъ звѣряхъ
Не только что пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
Но всякъ за прежнія обиды льву въ отмщенье
Старался дѣлать оскорбленье (1 ред.).
— Не только что къ нему исчезъ весь прежній страхъ,
Но всякъ за старыя обиды льву въ отмщенье
Наноситъ оскорбленье (2 ред.).
— Стремится дѣлать оскорбленье (3 ред.).
10: Конь нà-отмашъ его копытомъ.... (1 и 2 ред.).
13: Въ 1 ред. этого стиха нѣтъ.
14: Сжавъ сердце, терпитъ левъ, готовясь къ смерти злой (1 ред.)
— Сжавъ сердце, сноситъ.... (2 и 3 ред.).

---

* На томъ же листѣ, на которомъ переписана эта б. на-чисто, въ томъ видѣ, какъ появилась въ печати, набросано частью чернилами, частью карандашемъ, весьма неразборчиво 13 строкъ; изъ того что можно было разобрать, видно, что Крыловъ задумывалъ басню, но почему-то оставилъ ее: Вотъ эти строки:

Попалъ Заяцъ (sic) въ тенета,
И отведенъ ему въ жилье пустой сарай.
Какъ хочешь, бѣгай въ немъ, играй,
Была бы лишь охота;
Лишь худо то, что заперты ворота....

Остальные 8 стиховъ написаны карандашемъ, который совершенно стерся.

15: Оплакивая жребій свой (2 ред.).
19: И мѣсто выбиралъ.... (1 ред.).
— Тутъ вовсе левъ терпѣнье потерялъ (3 ред.).
19—20: Тутъ левъ терпѣнье потерялъ:
О боги! къ небесамъ онъ жалобно воззвалъ:
Пошлите мнѣ.... (1—3 ред.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Leo senex, Aper, Taurus et Asinus.

(Федра).

Quicunque amisit dignitatem pristinam,
Ignauis etiam jocus est in casu graui.
Defectus annis, et desertus viribus
Leo quum jaceret, spiritum extremum trahens,
Aper fulmineis ad eum venit dentibus.
Et vindicauit ictu veterem iniuriam.
Infestis taurus mox confodit cornibus
Hostile corpus. Asinus ut vidit ferum
Impune laedi, calcibus frontem exterit.
At ille expirans: Fortes indigne tuli
Mihi insultare: Te, naturae dedecus,
Quod ferre cogor, certe bis videor mori *.

II.

Le Lion devenu vieux.

(Ла Фонтена).

Le lion, terreur des forêts,
Chargé d'ans, et pleurant son antique prouesse,
Fut enfin attaqué par ses propres sujets,
Devenus forts par sa faiblesse.
Le cheval s'approchant lui donne un coup de pied;
Le loup, un coup de dent; le boeuf, un coup de corne.

---

* Т. е. Старый Левъ, Вепрь, Волкъ и Оселъ. — Кто утратилъ прежнее достоинство, тотъ въ случаѣ несчастія бываетъ посмѣшищемъ и для презрѣнныхъ.— Удрученный годами и лишенный силъ, левъ лежалъ, испуская послѣднее дыханіе Подошелъ къ нему вепрь съ оскаленными зубами, и ударомъ отмстилъ прежнюю обиду. Затѣмъ и волъ непріязненными рогами пропоролъ ненавистное тѣло (льва). Лишь только увидѣлъ оселъ, что безнаказанно оскорбляютъ звѣря (льва), копытами ударилъ его въ лобъ. Левъ, издыхая (сказалъ): Я переносилъ съ негодованіемъ, когда сильные меня обижали; принужденный же терпѣть (обиды) и отъ тебя, поношеніе природы, я подлинно считаю это двойною смертью.

Le malheureux lion, languissant, triste, et morne,
Peut à peine rugir, par l'âge estropié.
Il attend son destin, sans faire aucunes plaintes;
Quand voyant l'âne même à son antre accourir:
Ah! c'est trop, lui dit-il; je voulais bien mourir;
Mais c'est mourir deux fois que souffrir tes atteintes.

CL. Лисица и Оселъ.

Во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ изданія 1825 года, Крыловъ относилъ эту басню къ разряду заимствованныхъ. По содержанію она очень близка къ предыдущей и при томъ не только одновременно съ нею явилась въ печати, но даже, какъ видно изъ рукописей, одновременно задумана: на оборотѣ того листа, на которомъ набросана первая редакція б. «Левъ состарѣвшійся», находимъ черновую накидку и б. «Лисица и Оселъ». Что такое раздѣленіе сюжета возможно, это видно изъ сравненія обѣихъ басенъ Крылова съ произведеніями Федра и Ла Фонтена.

Пропустивъ первые два стиха Федра, заключающіе общую мысль, Ла Фонтенъ пересказалъ почти слово-въ-слово все содержаніе басни, измѣнивъ только то, что относилось къ ослу. Федръ представилъ дѣло уже конченнымъ, между тѣмъ какъ Ла Фонтенъ останавливается на одномъ намѣреніи осла; а потому вмѣсто стиховъ:

.... Asinus ut vidit ferum
Impune laedi, calcibus frontem exterit, —

у него читаемъ:

Quand voyant l'âne même à son antre accourir:
Ah! c'est trop, lui dit-il....

По поводу этого отступленія отъ подлинника, сдѣланнаго Ла Фонтеномъ, Валькнэеръ замѣчаетъ: «Кажется Ла Фонтенъ боялся оскорбить величество льва, представивъ намъ его переносящимъ послѣднюю обиду; онъ только указываетъ на ту картину, которою Федръ заключаетъ эту басню: calcibus frontem exterit».

Въ своей б. «Левъ состарѣвшійся» Крыловъ послѣдовалъ примѣру Французскаго баснописца; хотя онъ значительно распро-

странилъ ее вставкою многихъ подробностей; однакожъ, подобно ему, ограничился только указаніемъ на намѣреніе осла. Но роль осла, бьющаго копытомъ безсильнаго льва, сама по себѣ такъ богата, и нравоученіе, выводимое изъ этого поступка, такъ часто можетъ находить примѣненіе, что Крыловъ не могъ не остановиться на ней. Онъ отдѣлилъ ее и основалъ на ней другую басню, которая окончательно исчерпываетъ содержаніе б. Федра съ его нравоученіемъ. Этимъ объясняется между прочимъ и то, почему въ б. «Лисица и Оселъ» роль лисицы сравнительно безцвѣтна и почему эта басня, не представляя дѣйствія во время его совершенія (чего у Крылова вообще не бываетъ), заключаетъ только разсказъ о фактѣ, уже совершившемся.

Приводимъ вполнѣ первую рукописную редакцію:

Гдѣ былъ ты умна голова?
Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.
Въ пещерѣ былъ у стараго я льва,
Оселъ въ отвѣтъ. — Куда его дѣвалась сила!
Бывало зарычитъ, такъ лѣсъ кругомъ *
. . . .
. . . отъ этого урода.
Теперь, чуть шевелясь, безъ силъ
Лежитъ въ пещерѣ, какъ колода.
За то ужъ всякъ безъ страха заходилъ.
И поплатился левъ старинными долгами!
Всякъ терзалъ (?) его — кто зубомъ, кто рогами.
Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?
Лиса осла перерываетъ.
Да, какъ не такъ! . . .
И я его лягнулъ —
Пускай другихъ не обижаетъ.

Сверхъ этой редакціи сохранились еще двѣ, значительно полнѣйшія. Извлекаемъ изъ нихъ варіанты:

Ст. 1: Отколѣ умна голова? (2 и 3 ред.).
4: Куда, кума, его дѣвалась сила (2 ред.).
— .... вся дѣлась сила (3 ред.).
5: .... такъ стонъ въ горахъ кругомъ (2 ред.).
6—7: И со страстей, признаться, я не зналъ,
Куда бѣжать .... (2 ред.).

* Мѣстъ означенныхъ точками нельзя было разобрать.

8—16: А нынѣ, въ старости, чуть шевелясь, безъ силъ
Лежитъ въ пещерѣ, какъ колода.
За то ужъ всякъ къ нему безъ страха заходилъ.
И поплатился левъ стариннными долгами:
Всякъ принималъ его — кто зубомъ, кто рогами (2 ред.).
11—12: Въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь страхъ (3 ред.).
14: Кто тутъ ни шелъ....
17—21: Но тронуть льва ты, вѣрно, не дерзнулъ?
Лиса осла перерываетъ.
А мнѣ что онъ за сватъ? — Я такъ его лягнулъ,
Что онъ и ноги протянулъ.
Пускай другихъ не обижаетъ (2 и 3 ред.).
22—25: Какъ много есть людей,... *
Тогда твои имъ страшны взгляды;
Но поскользнись лишь съ высоты,
То менѣ всѣхъ отъ нихъ себѣ ты жди пощады (2 и 3 ред.).
(Въ приведенной выше, черновой ред. эти стихи набросаны такъ неразборчиво, что можно прочитать только нѣкоторыя слова).

CLI. Мельникъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Полярной звѣздѣ», изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ на 1825 г., стр. 374. Въ рукописяхъ сохранилось пять редакцій этой басни: 1-я крайне неразборчивая и перечерканная, на сколько можно судить по нѣкоторымъ стихамъ, мало чѣмъ отличается отъ 2-й редакціи; 5-я совершенно согласна съ печатною; а потому приводимъ варіанты изъ 2-й, 3-й и 4-й.

Ст. 4: Мельникъ мой не думаетъ тужить (2 ред.).
6: Вода ужъ бьетъ . . . .
9: Но мельникъ....
11—15: И ею мельница моя богата;
А между тѣмъ
Глядитъ: вода ужъ льетъ, какъ изъ ушата.

---

* 2-я половина стиха осталась неразобранною.

.... мельница совсѣмъ;
Едва-едва ужъ жорновъ служитъ. (2, 3 ред.).
16—17: Мой мельникъ охаетъ и тужитъ,
Сбирается унять въ плотинѣ течь (2 ред.).
18: Вотъ, ходя у рѣки.... (2 и 3 ред.).
19: Онъ видитъ, что къ рѣкѣ....
20: Негодныя! кричитъ мой мельникъ: дуры!
26—34: Есть люди — эта басня имъ сдѣлана въ улику:
Имъ тысячей не жаль для прихотей своихъ;
На дѣло жъ попроси у нихъ копѣйку — то отъ нихъ
Не оберешься крику (2 ред.).
— Что этимъ я хотѣлъ сказать?
(Остальные стихи, какъ во 2-й ред.).
— Есть люди — эта басня пусть будетъ имъ въ улику —
На прихоть тысячми сорятъ;
Спроси на дѣло рубль — заспорятъ, зашумятъ,
И ты отъ нихъ не оберешься крику;
А съ бережью такою, диковинка-ль, что домъ
Скорехонько пойдетъ вверхъ дномъ (4 ред.).

Въ этой б., какъ должно заключить изъ словъ Плетнева, Крыловъ изобразилъ самаго себя: «Онъ былъ», говоритъ Плетневъ, «безпеченъ и неразсчетливъ...» «Отправляясь со мною вмѣстѣ куда нибудь въ гости (разсказывалъ Гнѣдичъ), Крыловъ никакъ не соглашался заплатить хорошему извощику столько же, сколько платилъ я, и считалъ это мотовствомъ. Половину дороги онъ шелъ пѣшкомъ, и наконецъ, усталый, бывалъ принужденъ сѣсть на самый дурной экипажъ, и за половину дороги платить почти столько же, сколько просили его при началѣ. Это называлъ онъ бережливостью». Вотъ образчикъ разсчетливости поэта, имъ же изображенной въ б. «Мельникъ» («Собр. соч.» т. I, стр. XXXIX).

Отзывъ Пушкина объ этой баснѣ сохранился въ письмѣ его къ Дельвигу, отъ 8 іюня 1825 г.: «Какую Крыловъ выдержалъ операцію *? Дай Богъ ему многія лѣта! Его «Мельникъ» хорошъ, какъ «Демьянъ и Ѳока». («Соч.» 1855 г., т. I, стр. 157).

---

* Мы никогда не слышали, чтобы Крылову дѣлали какую либо операцію; да врядъ ли бы онъ на нее рѣшился. Очень можетъ быть, что петербургскій корреспондентъ Пушкина употребилъ это слово въ переносномъ смыслѣ, намекая на прежнюю болѣзнь Крылова, о которой Пушкинъ, жившій тогда въ деревнѣ, могъ узнать очень поздно.

CLII. Пестрыя Овцы.

При жизни поэта эта басня не была напечатана и едва ли кому была извѣстна. Мы открыли ее въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву, и напечатали въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 года, вып. 3, стр. 386—392. Помѣщаемъ ее подъ 1825 г. и именно послѣ б. «Мельникъ» на слѣдующихъ основаніяхъ: во-первыхъ, черновые ея списки находятся на однихъ листахъ съ баснями «Мельникъ» и «Змѣя и Овца», изъ коихъ первая одобрена цензурою 20-го марта 1825 года, а вторая 30 августа того же года; во-вторыхъ, листъ, на которомъ совершенно чисто и четко переписана послѣдняя редакція этой б., положенъ былъ между листами, изъ которыхъ первый, означенный числомъ 20, заключалъ б. «Мельникъ», а второй, означенный числомъ 21, б. «Голикъ», появившуюся въ печати одновременно съ б. «Змѣя и Овца». Поэтому можно совершенно достовѣрно сказать, что «Пестрыя Овцы» занимаютъ середину въ группѣ басенъ, написанныхъ Крыловымъ въ промежутокъ времени отъ 1819 года, когда онъ объявилъ, что болѣе писать не будетъ, до 1825 года, когда появилось пятое изданіе его басенъ, съ прибавленіемъ седьмой книги.

Изъ четырехъ редакцій б. «Пестрыя Овцы» четвертая *, судя по четкости письма, по относительной правильности орѳографіи и пунктуаціи, которыхъ вообще Крыловъ не соблюдалъ, была, повидимому, на равнѣ съ другими, приготовлена къ печати. Изъ остальныхъ 3-хъ двѣ значительно различаются между собою и не вполнѣ закончены; третья же**, сохраняя нѣкоторыя подробности второй, въ цѣломъ совершенно сходна съ четвертой; въ ней не достаетъ только двухъ заключительныхъ стиховъ. Помѣщаемъ послѣднюю, совершенно законченную редакцію, а за тѣмъ первыя двѣ, чтобы дать возможность прослѣдить процессъ созданія и всѣ перемѣны, которымъ подвергалась основная мысль произведенія.

---

* На оборотѣ этого листа черновая б. «Змѣя и Овца».

** На томъ же листѣ написана карандашемъ черновая б. «Свинья подъ дубомъ», весьма неразборчиво, съ большими помарками.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно:
Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу; —
А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ!
Какъ сбыть ихъ и свою сберечь на свѣтѣ славу?
И вотъ къ себѣ зоветъ
Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ,
И имъ за тайну открываетъ,
Что, видя пеструю овцу, онъ всякій разъ
Глазами цѣлый день страдаетъ,
И что придетъ ему совсѣмъ лишиться глазъ,
И, какъ такой бѣдѣ помочь, совсѣмъ не знаетъ.
Всесильный левъ! сказалъ, насупившись, медвѣдь:
На что тутъ много разговоровъ?
Вели безъ дальнихъ сборовъ
Овецъ передушить. — Кому о нихъ жалѣть?
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
Смиренно говоритъ: О царь! нашъ добрый царь!
Ты вѣрно запретишь гнать эту бѣдну тварь
И не прольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести:
Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать, побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То прикажи овецъ волкамъ пасти.
Не знаю, какъ-то мнѣ сдается,
Что родъ ихъ самъ собой переведется.
А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ;
И что бъ ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ.
Лисицы мнѣніе въ совѣтѣ силу взяло *,
И такъ удачно въ ходъ пошло, что наконецъ
Не только пестрыхъ тамъ овецъ,
И гладкихъ стало мало.
Какіе жъ у звѣрей пошли ** на это толки?
Что левъ бы и хорошъ, да все злодѣи волки!

---

* И мнѣніе лисы въ совѣтѣ силу взяло.
Проектъ свой выполнять (зачеркнуто)

** Какіе жъ вышли (зачеркнуто).

Первая редакція, на отдѣльномъ листѣ, безъ заглавія, написана такъ неразборчиво, что нѣсколькихъ словъ вовсе нельзя прочесть; эти слова означаемъ точками.

Левъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы неправосудно.
(Что жъ левъ придумалъ наконецъ *)
Онъ не затѣмъ носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу;
Притомъ сберечь свою онъ хочетъ славу.
.... придумалъ наконецъ ....

На оборотѣ того же листа продолженіе:

Придумалъ — и звѣрей сзываетъ на совѣтъ.
Друзья, онъ говоритъ . . .
. . . .
Съ прискорбіемъ давно я замѣчалъ,
Что кто у насъ и слабъ и малъ,
Тому съ трудомъ есть гдѣ и пріютиться,
Не только что кормиться;
А это не годится....
Кому жъ за слабаго и гдѣ .... вступиться?
Я . . . .
И для того хочу, чтобъ бѣдненькихъ овецъ,
Которыхъ между насъ житье бываетъ тошно,
И прокормить и .... какъ можно,
И для того луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ бы поскакать, побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ.
(То наряжать волковъ овецъ п ....).
То волки могутъ ихъ пасти.

Вторая редакція, написанная на одномъ листѣ съ черновою б. «Мельникъ», уже гораздо полнѣе, но все еще съ значительными помарками и также безъ заглавія.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ (истребить ему) прямо перевесть ему не трудно;
Но это было бы неправосудно;
А онъ былъ милостивъ и подданныхъ отецъ
(И наблюдалъ свою онъ славу);
Такіе бы ему поступки не по нраву.

---

* Слова, заключенныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

При томъ же наблюдалъ свою онъ очень славу;
А видѣть пеструю овцу (ему бѣда) терпѣнья нѣтъ.
Въ такой кручинѣ и печали
Медвѣдя и лису зоветъ онъ на совѣтъ.
Пришли — и разсуждать о царскомъ горѣ стали.
Всесильный левъ! сказалъ медвѣдь:
Начто тутъ много разговоровъ?
Вели (ты ихъ) безъ дальнихъ сборовъ
Ихъ всѣхъ передушить (кто станетъ ихъ жалѣть); кому о нихъ жалѣть?
(Лишь ты бы былъ у насъ въ покоѣ).
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
(Вертя хвостомъ, смиренно говоритъ)
Смиренно говоритъ: о царь! нашъ добрый царь!
Ты, вѣрно, гнать не станешь эту тварь,
И не прольешь невинной крови.
Напротивъ: повели луга имъ отвести,
Гдѣ бъ былъ разгулъ и пища какъ для матокъ,
Такъ и для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То ихъ вели волкамъ пасти.
(Пускай невинныхъ родъ овецъ....)
Пускай блаженствуютъ онѣ;
А тамъ, что ни случись,
Ты будешь въ сторонѣ.

Относительно историческаго значенія этой б. не только нѣтъ возможности сказать что либо положительное, но даже сдѣлать болѣе или менѣе основательное предположеніе. Послѣдняя редакція могла бы быть примѣнена къ занимавшей въ тѣ времена общественное мнѣніе университетской исторіи; но первая редакція, въ которой левъ скорбитъ о томъ, что «бѣдненькимъ овечкамъ нечѣмъ прокормиться и негдѣ пріютиться, что никто за нихъ не заступается» разрушаетъ такое предположеніе. Поэтому вопросъ о томъ, на что здѣсь намекаетъ баснописецъ, остается нерѣшеннымъ.

CLIII. Ворона.

Басню такого содержанія находимъ у Эзопа: «Соя и Голуби» (№ 101, перев. Мартынова): «Соя, увидѣвши, что въ голубятнѣ хорошо кормятъ голубей, выбѣлила себя и пошла къ нимъ. Пока она молчала, голуби, полагая, что она голубка, оставляли ее

въ покоѣ; но однажды, забывшись, она крикнула. Голуби узнали, кто она, стали бить ее и прогнали отъ себя. Лишившись здѣсь корму, она возвратилась къ соямъ; но тѣ не узнали ея и отказали ей въ пищѣ. — Баснь учитъ, что и намъ должно быть довольными своимъ, помня, что жадность, не пользуя ни къ чему, часто отнимаетъ и то, что имѣемъ». Федръ (кн. I, б. 3) сохранилъ разсказъ Эзопа, но вывелъ изъ него другое нравоученіе: онъ осуждаетъ тѣхъ, кто «тщеславится чужимъ». Басня Ла Фонтена: le Geai paré des plumes du Paon (кн. IV, б. 9) по содержанію сходна съ произведеніями обоихъ его предшественниковъ; но въ примѣненіи значительно отличается отъ б. Эзопа. Ла Фонтенъ относитъ ее къ тѣмъ,

.... que l'on nomme plagiaires,

и такимъ образомъ приближается къ Федру. Этотъ сюжетъ въ значительно измѣненномъ видѣ является у Тредьяковскаго въ баснѣ: «Ворона, чванящаяся чужими перьями». («Соч.» т. I, стр. 242): Ворона, набравъ перьевъ другихъ птицъ, убралась ими и стала величаться. Ласточка, замѣтивъ на ней свое перо, вырвала его; другія птицы послѣдовали ея примѣру. Обнаженная такимъ образомъ ворона подвергается общему посмѣянію. — Сумароковъ замѣнилъ ворону коршуномъ (кн. VII, притча III), который, утыкавши себя павлиными перьями, сталъ ими гордиться. Разсказъ примѣняется къ низкимъ людямъ, которые гордятся чинами.

По содержанію б. Крылова близка ко всѣмъ упомянутымъ; но значительно различается въ примѣненіи.

Она напечатана въ первый разъ въ «Полярной звѣздѣ», изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, на 1825 годъ, стр. 375, и сохранилась въ двухъ рукописяхъ. Приводимъ варіанты:

Ст. 2: Старайся быть въ кругу, въ которомъ ты рожденъ (1 ред.).
3: Не знатный....
— Простолюдимъ.... (до изд. 1830).
4—5: И въ великаны не тянися,
Коль карлика дала тебѣ природа ростъ (1 ред.).
6: И озирайся ты на свой по-чаще ростъ (2 ред.; въ 1-й этого стиха нѣтъ).
— А помни свой ты скудный ростъ (тамъ же).

Ст. 7: Натыкавши себѣ павлиныхъ перьевъ въ хвостъ,
Ворона въ стадо павъ.... (1 и 2 ред.).
12—26: Что такъ, какъ равную сестру
Ее .... павы всѣ...;
И даже, что ее представятъ
Къ Юнонину двору;
Но бѣдную ворону нашу
Щипали для забавы,
А прежніе друзья оставили совсѣмъ.
Я къ этой баснѣ быль прибавлю (1 ред.).
— Что павамъ всѣмъ она набитая сестра (2 ред.).
26: Я въ этой баснѣ быль простую принялъ.
29: Во 2 ред. этого стиха нѣтъ.
30: Матрешенька графиней стала.
34: И стала бѣдная Матрена.

Къ ст. 24—25: .... отъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

Ср. пословицы: «Отъ воронъ отсталъ, а къ павамъ не присталъ»; «Ни пава, ни ворона» (заключительный стихъ басни). Сюда же относятся поговорки: «Соколъ — вороньи перья»; «Ворона въ павлиныхъ перьяхъ» (Даль, стр. 817).

CLIV. Булыжникъ и Алмазъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 257. Въ сохранившейся рукописи* находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 14: Не понимаю я, за что же въ случай онъ попался.
15: .... здѣсь по грязи валялся.
16—18: .... набитый братъ;
А вѣсомъ я его еще и по-тяжелѣ.

---

* На томъ же листѣ написано 10 строкъ крайне неразборчиво; однакожъ нѣсколько стиховъ можно разобрать, и изъ нихъ видно, что Крыловъ начиналъ писать другую басню, но оставилъ:

Купецъ . . .
А чтобы сберегать отъ кражи свой товаръ
Къ амбару злыхъ собакъ приставилъ.
Послѣдній стихъ зачеркнутъ и вм. него:
Къамбару онъ собакъ приставилъ стаю.

Но только бъ выбраться отсѣлѣ!
Кто знаетъ, если я въ столицу покажуся,
Быть можетъ, что и я тожъ въ дѣло пригожуся.

Ст. 21: Мой камень думаетъ, что рядомъ....
24: Мой камень въ дѣло взятъ....

Послѣ этого стиха слѣдуютъ въ рукописи еще два стиха, которые долженствовали составить нравоученіе:

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
За что онъ въ почести, въ чинахъ и въ уваженьѣ....

CLV. Плотичка.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 258. Въ рукописяхъ и перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 5: Вотъ юный другъ.... (рукоп.).
25: .... она къ несчастью первый шагъ.
26: Она становится сперва привычкой....
27: И, вовлекая насъ....
29: Чтобы тебѣ еще живѣй представить.
45: Вотъ, кажется, взяла....
56: Сегодня съ рукъ сошло.... (рукоп. и изд. до 1843).

Къ ст. 57: Но глупымъ, что глухимъ разумныя слова.

Ср. стихъ Дмитріева въ б. «Два Голубя»: «Безумцамъ умна рѣчь, что въ ручейкѣ вода».

По словамъ В. А. Олениной, Крыловъ написалъ эту басню для одного изъ племянниковъ Елисаветы Марковны, Полторацкаго, который умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

CLVI. Паукъ и Пчела.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 261. Въ двухъ сохранившихся рукописяхъ и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Въ которыхъ пользы нѣтъ (1 ред.).
3: Хоть иногда и имъ дивится свѣтъ (2 ред.).

Ст. 4: .... ярмонку.... (рукоп. и изд. до 1843).
5: .... что надобны для всѣхъ (2 ред.).
9—10: Товаръ прекрасно сходитъ съ рукъ.
Увидя то, завистливый паукъ
На барыши.... (рукоп.).
17—18: И ждетъ, надувшися спесиво,
Не отходя отъ лавки прочь (1 ред.).
21: Насталъ и день. — Но что жъ? Затѣйника метлой (1 ред.).
26—27: Твое, пчела ему тутъ отвѣчаетъ (1 ред.).
— Пчела въ отвѣтъ ему.... (2 ред.).

CLVII. Крестьянинъ и Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 263. Изъ трехъ сохранившихся рукописей двѣ совершенно сходны съ печатною редакціею, а въ третьей заключаются слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 2: Съ разборомъ выбирай....
5: Такъ вкралась въ мужика....
16: Ни огорчилъ ничѣмъ, ни опечалилъ.

CLVIII. Котелъ и Горшокъ.

Содержаніе этой б. Крыловъ заимствовалъ изъ б. Ла Фонтена: le Pot de terre et le Pot de fer (кн. V, б. 11), который въ свою очередь заимствовалъ у Эзопа изъ слѣдующей б., подъ заглавіемъ: «Горшки» (№ 289, перев. Мартынова): «Плыли по рѣкѣ два горшка: глиняный и мѣдный. Глиняный сказалъ мѣдному: плыви по-дальше отъ меня; если до меня дотронешься, то расшибешь меня, хотя бы я и не хотѣлъ до тебя дотрогиваться. — Жизнь бѣдняка бываетъ подвержена опасности, когда близъ него живетъ вельможа».

Ла Фонтенъ значительно измѣнилъ какъ разсказъ, такъ и нравоученіе: у него желѣзный горшокъ приглашаетъ глиняный путешествовать. Глиняный сначала отказывается, но потомъ,

уступивъ убѣжденiямъ товарища, отправился въ путь и былъ имъ разбитъ въ куски. Отсюда нравоученiе:

Ne nous associons qu'avecque nos égaux;
Ou bien il nous faudra craindre
Le destin d'un de ces pots.

Сумароковъ въ своей притчѣ: «Горшки» (кн. VII, пр. XXXIX) вполнѣ сохранилъ какъ основу разсказа, такъ и нравоученiе.

Изъ сравненiя б. Крылова съ предшествовавшими переработками этого сюжета видно, что онъ заимствовалъ только основу разсказа; изложенiе же и нравоучительный выводъ вполнѣ принадлежитъ ему. Эта б. была въ первый разъ напечатана въ изданiи 1825 года, кн. VII, стр. 264. Въ трехъ рукописяхъ находимъ слѣдующiе варiанты:

Ст. 5: Этого и слѣдующаго стиховъ въ 1-й ред. нѣтъ.
7: И на огнѣ.... (3 ред.).
— Другъ безъ друга и на огнѣ имъ скучно (2 ред.)
10—11: Вотъ надобно котлу въ дорогу отправляться,
И друга онъ зоветъ съ собой (1 ред.).
12: Пускается съ котломъ горшокъ въ дорогу.
19: Горшокъ и чести ужъ не радъ (2 ред.).
21: Что такъ съ котломъ онъ подружился.
22—24: Какъ были странствiя ихъ далеки,
Не знаю — только то провѣдать я успѣлъ,
Что изъ пути домой котелъ прiѣхалъ цѣлъ (1 ред.).
23: .... вѣрно извѣстился (3 ред.).
26—27: Сей басни мысль простая,
Что въ дружбѣ и любви равенство вещь святая (1 ред.).

Основная мысль этой басни выражается во многихъ народныхъ пословицахъ: «Горшокъ чугуну не товарищъ»; «Лычко съ ремешкомъ не связывается»; «Сапогъ лаптю не братъ» и проч. (Даль, стр. 856 — 7).

CLIX. Свинья подъ Дубомъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 268, и безъ перемѣнъ перешла въ позднѣйшія изданія (рукописей не сохранилось).

Идея этой басни заимствована изъ б. Эзопа: «Пѣшеходцы и Яворъ» (№ 251, перев. Мартынова): «Пѣшеходцы лѣтнею порою, около полудня, томимые зноемъ, увидѣвши яворъ, пошли подъ него и, легши подъ его тѣнью, покоились. Взглянувши же на яворъ, говорили другъ другу, что это дерево безплодно и безполезно для людей. Яворъ имъ отвѣчалъ: о неблагодарные! наслаждаясь моимъ благодѣяніемъ, называете меня безполезнымъ и безплоднымъ. Такъ многіе бываютъ несчастны: благотворя ближнимъ, больше лишь дѣлаютъ ихъ неблагодарными».

CLX. Змѣя и Овца.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 273. Въ единственной сохранившейся рукописи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 7: Какъ вдругъ....
9: Кровь ядомъ въ немъ горитъ.
14: .... и съ жизнію расталея.
17: И злость одну....

CLXI. Дикія Козы.

Содержаніе этой басни заимствовано изъ б. Эзопа «Пастухъ и Козы» (№ 149, перев. Мартынова): «Пастухъ въ ненастіе привелъ козъ къ необитаемой пещерѣ, гдѣ нашелъ дикихъ козъ и козловъ больше числомъ и ростомъ, чѣмъ было у него. Почему, оставивши своихъ, началъ кормить дикихъ листьемъ. Когда наступила хорошая погода, то онъ нашелъ своихъ козъ околѣвшими съ голоду, а дикія убѣжали въ горы. Пастухъ, разсмѣявшись,

пошелъ домой безо всего. — Никогда не надобно пренебрегать своимъ добромъ, въ надеждѣ прибыли отъ чужаго».

Эта басня напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 274. Въ рукописныхъ и первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Онъ въ радости судьбу .... (1 и 2 ред.).
6: И этихъ козъ къ себѣ ....
11: .... и шкурками беретъ .... (1 ред.).
14: Вотъ отъ своихъ овецъ онъ къ гостьямъ .... (1, 2 ред. и изд. до 1843).
20: При томъ съ своими легче сладить (1 и 2 ред.).
29: И мой пастухъ пошелъ къ веснѣ съ сумой (2 ред. и изд. до 1843 г.).
33—34: Чѣмъ въ дикихъ тратить кормъ напрасно,
Не лучше ли бъ своихъ по-болѣ поберечь (2 ред. и изд. 1825).

Существуетъ мнѣніе, что Крыловъ написалъ эту б. по поводу дарованія конституціи царству польскому и что имп. Александръ, которому будто бы эта б. была представлена, крайне былъ недоволенъ баснописцемъ и, сказавъ: «Не ожидалъ я этого отъ старика», запретилъ ее печатать. Но сохранившіяся рукописи, свидѣтельствующія, что басня написана почти десять лѣтъ спустя послѣ упомянутаго событія, положительно доказываютъ неосновательность молвы. Вѣроятнѣе всего, что Крыловъ, перечитывая Эзопа, безъ всякой задней мысли остановился на этой баснѣ.

CLXII. Голикъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 276. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Голикъ попалъ въ большую честь (1 ред.).
2: .... не будетъ въ сѣняхъ месть.
11—14: Видалъ я иногда,
Что у людей бѣды выходятъ тѣ же,
Коль поправлять дадутъ ученаго невѣжѣ (2 ред.).

CLXIII. Соловьи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 278. Въ рукописи и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: Когда въ тюрьму попалъ.... (рукоп.).
14: .... злу горемъ не помочь.
22—26: .... свободу заслужу.
И началъ пѣсни мой пѣвецъ:
И вечеръ пѣснями кончаетъ,
И солнечный восходъ онъ пѣснями встрѣчаетъ (рукоп. и изд. 1825).
24: Такъ разсудилъ.... (1830).
34: Тѣмъ берегли.... (рукоп.).

CLXIV. Скупой.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 281. Въ рукописи и печатной редакціи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 2: Какъ вдругъ ему нарядъ (рукоп.).
12: Оставить просто кладъ, такъ можетъ онъ пропасть.
24: Пей, ѣшь теперь.... (1825).
42: Не домовому ли онъ деньги бережетъ (рукоп.).

Ср. пословицы: «Что скупому въ руки попало, то и пропало»; «Въ могилу глядитъ, а надъ копѣйкой дрожитъ» и т. п. (Даль, стр. 90—91).

CLXV. Волкъ и Мышенокъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 283. Въ сохранившихся двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—11: Волкъ изъ овцы черево вырвалъ вонъ,
И такъ надъ ней трудился онъ,

Что на зубахъ хрустятъ лишь кости.
Мышенокъ, запахомъ пирушки привлеченъ (1 ред.).
Ст. 12: По мхамъ и кочкамъ онъ.... (2 ред.),
13—14: Кусокъ мясца схватилъ и съ нимъ скорѣй убрался
Домой къ себѣ въ дупло (1 ред.).
— Въ укромный свой пріютъ, въ дупло (2 р.).
16—18: Волкъ поднялъ вой — пошелъ по лѣсу гулъ:
Разбой! кричитъ онъ: караулъ! (1 ред.).
21—23: У Климыча судьи часишки воръ стянулъ;
Онъ то жъ кричитъ на вора: караулъ,
Хлопочетъ,
Радъ цѣлый міръ поднять вверхъ дномъ;
А этого и вспомнить онъ не хочетъ,
Что самъ имѣніе все нажилъ грабежомъ (1 ред.).

CLXVI. Два Мужика.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 284. Въ двухъ сохранившихся рукописяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3—4: Охъ, кумъ, вижу, ты бѣды моей не знаешь!
Господь прогнѣвался.... (1 ред.).
12: Ты какъ живешь....
15: Какъ живъ еще....
— Какъ спасся самъ.... (1 ред.).
18—19: .... полугара
.... пожара (до изд. 1830).
22: Послѣ этого стиха:
Я съ лѣстницы стремглавъ, чуть шеи не свихнулъ.
Убавилъ у меня полвѣка (2 ред.).
24—29: Неправы оба вы, друзья,
Сказалъ имъ сватъ Степанъ: пустая осторожность
Вредна не менѣе, какъ и оплошность.
Свѣчи въ дому держу и я,
И тоже иногда о праздникахъ гуляю;
Но со свѣчею не зѣваю:
А ежели бываю на дворѣ,
Свѣчу держу я въ фонарѣ (2 ред.).

CLXVII. Котенокъ и Скворецъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 года, кн. VII, стр. 288. Въ рукописи и перепечаткахъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2—3: Философъ, говорунъ презнатный (рукоп. и изд. 1825).
17: Но и совѣсть.... (рукоп.).
24: Тутъ на свои манеры (рукоп. и изд. 1825).
26: Котенку по-сердцу пришла (р.).
29: Хоть голоду совсѣмъ....
31: Съ большимъ вниманьемъ весь прослушалъ.

1829.

CLXVIII. Бритвы.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 127 (цензорская помѣтка отъ 27 дек. 1828). Въ сохранившихся двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—2: Съ знакомцемъ встрѣтясь я однажды на дорогѣ (1 ред.).
1—6: Съ пріятелемъ въ дорогѣ
Я на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Заутра — я едва глаза продралъ —
И что же слышу .... (2 ред.).
— И что жъ мнѣ слышится .... (1 ред.).
9: .... Такъ, ничего! я брѣюсь.
11: Противу зеркала такъ кисло ....
14—16: Что дива? я сказалъ: пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не бритвы — косари (1 ред.).
18: Охъ, братецъ, отвѣчалъ бѣдняжка: признаюсь (2 ред.).
20—21: .... очень тупы,
Вѣдь мы не такъ-то глупы (2 ред.).
26—29: Не такъ ли многіе, боясь большихъ умовъ,
Охотнѣй при себѣ лишь держатъ дураковъ (1 ред.).
— Не такъ ли многіе, боясь большихъ умовъ ... (2 ред.).

Значеніе этой басни объяснено у Гоголя: «Какъ у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недогадливыхъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ

(Крыловъ) написалъ замѣчательную басню: «Двѣ Бритвы», и въ ней справедливо попрекнулъ начальниковъ, которые

Людей съ умомъ боятся
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ.
(«Сочин.» т. III, стр. 463).

CLXIX. Бѣдный Богачъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 годъ, стр. 127, и безъ перемѣнъ перешла въ слѣдующія изданія. Въ рукописяхъ сохранилась одна черновая накидка до того неразборчиво написанная карандашемъ, что невозможно разобрать ни одного полнаго стиха.

CLXX. Пушки и Паруса.

Напечатана въ первый разъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 годъ, стр. 149. Рукописи не сохранилось; но въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 11: Какъ будто равнаго намъ сану (1829).
15: Не мы ль съ собой несемъ....
18: .... помоги, могучій намъ Борей.
22: Покрылись тучами густыми небеса.
26: Межъ тѣмъ бушуетъ непогода.
28: Игрушкой сдѣлался....
29: И въ морѣ носится, какъ вялая колода.

«Когда нѣкоторые, черезъ-чуръ военные люди», говоритъ Гоголь, «стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія, Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:

Оружіемъ — врагамъ она грозна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

Какая мѣткость опредѣленія! Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь». («Сочин.» т. III, стр. 463).

Плетневъ находитъ соотношеніе между этой б. и другимъ сочиненіемъ Крылова, именно: »Посланіемъ о пользѣ страстей». Вотъ его слова: «онъ (Крыловъ) здѣсь (въ этомъ «Посланіи»), говоря о значеніи страстей, какъ бы подготовилъ канву для одного изъ совершеннѣйшихъ своихъ произведеній, которое названо: «Пушки и Паруса».

1830.

CLXXI. Крестьянинъ и Лошадь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 261. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Такъ про себя съ досадой разсуждала.
7—9: Какъ разбросать овесъ свой по-пустому.
12—16: А тутъ не вижу я ни пользы, ни ума.
Въ той осени овесъ тотъ сжали
И той же лошади его давали.
— И лошадь ту жъ кормить имъ стали.
17—20: Что глупо конь судилъ, конечно, нѣтъ сомнѣнья;
Но съ древности начавъ, въ нашъ даже самый вѣкъ
Не такъ ли.... *и проч.*

CLXXII. Бѣлка.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 262 *. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: И скалитъ предъ царемъ....
23: У бѣлки ужъ давно ни зуба во рту нѣтъ.
На что жъ орѣхи ей? пустое только бремя:
Награда хороша, когда она во время.

Обыкновенно думаютъ, что эту б. Крыловъ написалъ по поводу назначенія пенсіи за очень долгій срокъ службы; но приведенный варіантъ указываетъ на совершенно иное обстоятельство.

---

* И въ томъ же году въ «Московскомъ телеграфѣ», № 9, стр. 44.

CLXXIII. Щука.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 263 *. Сохранилась въ двухъ спискахъ; въ одномъ изъ нихъ, черновомъ, находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Чтобъ форму соблюсти и учинить допросъ,
То виноватую ....
11: Да добрая лиса за прокурора.
13—14: Лиса любила рыбный столъ.

CLXXIV. Кукушка и Орелъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 265. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 6—10: Глядитъ — всѣ прочь летятъ. Кукушка огорчилась,
И съ просьбою къ орлу: Помилуй, говоритъ.
13: .... Орелъ въ отвѣтъ: я сдѣлалъ все, что могъ.
15—16: Звать соловьемъ тебя я могъ заставить,
Но голосъ соловья я дать тебѣ не могъ.

Мы слышали, что подъ этою кукушкою должно разумѣть профессора Толмачева, который, замѣнивъ въ Педагогическомъ институтѣ Мартынова, не удовлетворялъ своихъ слушателей и жаловался министру, что студенты не посѣщаютъ его лекцій; но едва ли это справедливо, потому что Мартыновъ оставилъ институтъ въ началѣ 1817 года.

CLXXV. Левъ, Серна и Лиса.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 266. Сохранившаяся черновая рукопись, весьма неразборчивая, съ большими помарками, показываетъ, что Крыловъ, дописавъ эту басню почти до половины, задумалъ было перестроить ее

* А также въ «Литературной газетѣ», 1830 г., т. I, стр. 143.

совершенно по другому плану; но оставилъ это намѣреніе и возвратился къ первому.

Ст. 2: Уже ее онъ догонялъ.
— ..... достигалъ.
5: Спастись нельзя никакъ.
10: Все до этого стиха зачеркнуто; за тѣмъ слѣдуетъ:
Лиса ко льву въ большую дружбу вкралась.
Передо львомъ
Вертитъ хвостомъ. (зачеркн.)
— Лиса ко льву въ большую милость вкралась.
. . . .
И честью лишь своей клянется,
Что онъ сильнѣй Самсона,
И во сто разъ премудрѣй Соломона.
Ну такъ, что левъ, душой къ ней прилепясь,
Жилъ.... (друзья у сильныхъ рѣдки).
. . . .
За то свою лису
Онъ часто жаловалъ отъ своего обѣда (зачеркнуто).
16: Махни за ней и сдѣлай чудеса.
17: Хоть пропасть глубока, но коль захочешь,
Ты вѣрно....
21: Когда бъ навѣрно я не знала.
25: Но пропасти....
32: У друга пировать на похоронахъ сталъ.
Послѣ этого стиха начато нравоученіе:
Я впрочемъ этого самъ.... не видалъ;
Но слышалъ стороною:
Такихъ друзей.... (зачеркнуто).

CLXXVI. Соколъ и Червякъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 272; въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующую незначительную перемѣну:

Ст. 6: .... высоко такъ доползъ.

CLXXVII. Булатъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 274. Въ трехъ рукописныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ первыя двѣ весьма сходны между собою, а третья съ печатною редакціею, находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 8: И началъ драть въ лѣсу булатомъ лыки.
. . . .
То вѣтви у плетня имъ обрубать (1 ред.).
13: Какъ бѣдный мой булатъ
Весь въ ржавчинѣ, въ зубцахъ, игрушкой сталъ ребятъ (2 ред.).
14: Сталъ наконецъ ребятамъ ужъ конькомъ (3 ред.).
16: Вотъ ужъ.... (вм. *ежъ*) (1 ред.).
22—30: Не стыдно ли тебѣ игрушкой быть ребятъ,
Или щепать лучину,
Или обтесывать тычину...., (1 ред. не кончена).
— Не стыдно ли тебѣ конькомъ служить ребятамъ,
Или щепать лучину,
Или обтесывать тычину.
Такъ отвѣчалъ булатъ ему:
Я знаю то, что здѣсь въ дому
Истощены мои въ пустыхъ работахъ силы;
Работы эти мнѣ не сродны и не милы;
Но стыдно то не мнѣ, а стыдно лишь тому,
Кто, самъ родясь къ большимъ дѣламъ не сроденъ,
Не могъ понять, къ чему я годенъ (2 ред.).
24: А наконецъ.... (3 ред.).
26: Отвѣтствовалъ булатъ....
27—30: Но я ль тому виною?
Въ рукахъ у мужика — я ножикъ лишь простой,
Въ рукахъ дѣтей служу игрушкою пустою.

CLXXVIII. Купецъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 276. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—2: Фадѣй! Фадѣй!
Куда ты тамъ запалъ? Подитка поскорѣй (1 ред.).

— .... поди же поскорѣй (2 ред.).

Ст. 4: .... то будешь.... (1 ред.).

5—6: Такъ своего племянника училъ купецъ.
Смотри-ка молодца....

11: Самъ Богъ помогъ мнѣ.

15—21: Сказать здѣсь людямъ не въ укоръ:
На свѣтѣ столько я обмановъ примѣчалъ,
Что изъ того невольно заключалъ:
Едва ли свѣтъ похожъ не на гостиный дворъ (1 ред., во 2-й эти стихи зачеркнуты).

CLXXIX. Миронъ.

Напечатана въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 277. Сохранилась въ трехъ рукописныхъ редакціяхъ; въ двухъ первыхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 5: .... сосѣди въ томъ не правы (1 ред.).

7: А нищимъ....

14: .... онъ бѣдный разорился.

16—27: Суббота какъ придетъ, онъ съ цѣпи злыхъ собакъ
Отвяжетъ,
И нищенькій на дворъ лишь только носъ покажетъ,
Не только чтобы тамъ попить, поѣсть,
А дай Богъ ноги лишь убраться.
И нашъ богачъ не кормитъ нищихъ — травитъ.
А между тѣмъ молва повсюду славитъ
Ему за щедрость похвалы.
Всѣ говорятъ: онъ радъ послѣднимъ подѣлиться;
Лишь жаль, что у него собаки очень злы.
Случалось часто мнѣ
Видать такой пріемъ въ палаты:
Но въ томъ то секретарь, то жучки виноваты (1 ред.).
— И нищихъ бѣдныхъ онъ не кормитъ, только травитъ (2 ред.).

24—27: Случалось въ старину — и то едва ли не во снѣ —
Вельможу видѣть мнѣ:
Нѣтъ доступа въ его палаты;
Но все секретари его въ томъ виноваты,
А самъ онъ вѣчно въ сторонѣ (2 ред.).

CLXXX. Крестьянинъ и Лисица.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, ч. VIII, стр. 278. Въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 9—13: Не въ разумѣ, кума, тутъ сила,
Крестьянинъ ей въ отвѣтъ:
Въ умѣ ея мнѣ нужды нѣтъ,
А нужно, чтобъ она меня возила

CLXXXI. Оселъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, ч. VIII, стр. 279.

У Эзопа есть басня весьма близкая къ этой б. Крылова, какъ по содержанію, такъ и по заключенію, подъ заглавіемъ: «Собака» (№ 210, перев. Мартынова): «Собака привыкла кусать изъ-подъ-тиха. Хозяинъ привѣсилъ ей гремушку, чтобы всѣ ея остерегались. Она, потряхивая гремушкою, на рынкѣ величалась. Старуха сказала ей: что ты хвастаешь? Не за добродѣтель носишь ты это, но для обличенія кроющагося въ тебѣ лукавства.— Тщеславные нравы хвастуновъ обнаруживаютъ скрытную ихъ злость».

Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Что имъ не могъ крестьянинъ нахвалиться.
11: Но надобно сказать вамъ напередъ.
13: Но прежде до звонка ему все съ рукъ сходило.
17: .... мой новый господинъ.
25: И кости лишь на немъ остался да кожа.
26—30: И людямъ въ чинахъ
Съ плутами та жъ бѣда — что кто богаче чиномъ,
Такъ пакости его виднѣй.

CLXXII. Филинъ и Оселъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, ч. VIII, стр. 280. Сохранившаяся рукопись заключаетъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Онъ странствовать было пустился.
4: Что двинуться назадъ не могъ онъ....
7—8: И, сторговавшися съ осломъ,
Онъ взялся быть его проводникомъ.
22—25: Ему кричитъ: лѣвѣй, еще лѣвѣе шагъ!
И втюрился оселъ всей харею въ оврагъ;
А филинъ такъ въ него вцѣпился,
Что вмѣстѣ съ нимъ и самъ убился.
25: Послѣ этого стиха слѣдуетъ:
Есть люди, коимъ просвѣщенье
Не пользу, но одно наводитъ ослѣпленье (зачеркнуто).
— Иному также просвѣщенье
Не пользу, но одно наводитъ ослѣпленье;
Чѣмъ болѣе онъ съ книгами знакомъ,
Тѣмъ болѣ голова его идетъ кругомъ;
Не дай Богъ въ путь идти съ такимъ проводникомъ.

CLXXIII. Собака и Лошадь.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 282. Въ рукописи находимъ только одинъ стихъ, несогласный съ печатной редакціею:

Ст. 14: То не было бъ чего тебѣ здѣсь и стеречь,
— То было бъ нечего тебѣ здѣсь и стеречь.

CLXXXIV. Левъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 283. Въ рукописи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 3: Онъ въ ней лишь кости мялъ....
9: Мнѣ шерсти бы набрать.
10: Послѣ этого стиха слѣдовало:
А овцы то на что?
12: Кто для тебя жалѣть подумаетъ своей.
16: На что имъ шерсть? собрать съ нихъ шерстью дань.
19: Имъ же легче бѣгать будетъ.

CLXXXV. Змѣя.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 284. Въ двухъ сохранившихся рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 11—12: То привлекла бъ отъ всѣхъ любовь и удивленье
И даже, можетъ быть, почтенье (1 ред.).
14—15: Послушалъ Юпитеръ змѣинаго прошенья,
И свисту и шипѣнья
Пропалъ у ней и слѣдъ.
18—19: И стая птицъ къ змѣѣ было подсѣла.
Но возрясь, кто поетъ такой,
Дождемъ всѣ съ дерева долой.
— Но возрясь, кто пѣвецъ.... (2 ред.).
23—26: Нѣтъ, птицы ей въ отвѣтъ: онъ силенъ, звученъ,
Но издали сладка бесѣда намъ твоя.
— Но пѣснь какъ ни сладка твоя,
Еще твое страшнѣе жало (1 ред.).
27—30: Вм. этихъ стиховъ въ 1-й ред.:
Въ чемъ этой басни смыслъ, мы тотчасъ пояснимъ:
Восхитить можешь всѣхъ талантомъ ты своимъ;
Но если хочешь быть почтенъ или любимъ,
Къ тому однихъ талантовъ мало (зачеркн.).
— И ты, пріятель мой,

Сказать тебѣ не для досады,
Твоихъ мы пѣсенъ слушать рады,
Да только ты отъ насъ подальше пой,

Вторая ред.:

Ты можешь удивить талантомъ всѣхъ своимъ,
Но если хочешь быть почтенъ или любимъ,
Къ тому талантовъ мало.

Варіанты послѣднихъ стиховъ не оставляютъ никакого сомнѣнія, что въ этой баснѣ Крыловъ разумѣлъ извѣстное лицо; но чтобы положительно сказать, кого именно, для того у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ; всякое же предположеніе, даже болѣе или менѣе основательное, въ настоящемъ случаѣ почитаемъ неумѣстнымъ.

CLXXXVI. Волкъ и Котъ.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 285. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4: За нимъ гналася гончихъ стая (1 и 2 ред.).
5—7: Онъ радъ бы въ первые махнуть тутъ ворота;
Да то лишь горе,
Что въ деревняхъ всегда ворота на запорѣ (1 ред.).
10: И говоритъ: скажи мнѣ, Васенька, скорѣе (1 и 2 ред.).
11: Кто здѣсь изъ мужичковъ у васъ добрѣе (2 ред.).
14: .... Просись же у Степана.
Онъ очень добръ....
17: Ну, отвѣдай....
20: Такъ къ Сидору. Тебя навѣрно онъ спасетъ;
Его добрѣй во всей деревнѣ нѣтъ (зачеркн.).
— Бѣги жъ вонъ къ той избѣ·
Авось тебя укроетъ Климъ.
Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка (1 ред.).
25—26: Въ досадѣ котъ сказалъ тутъ волку:
Я вижу: ты здѣсь всѣмъ въ деревнѣ насолилъ.
. . . .
Кому не сдѣлалъ ты убытку иль досады.
За то теперь ты.... (1 ред. не кончено).
31: Какъ ты посѣялъ, такъ и жни (2 ред.).

---

*

Къ ст. 31: Что ты посѣялъ, то и жни.

Народная пословица (Д. К. стр. 282). Ср. также пословицы: «Чѣмъ кого взыщешь — и себѣ то же сыщешь»; «Какъ постлался, такъ и выспался» и др. (Даль, стр. 281).

CLXXXVII. Лещи.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 287. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2—4: Въ прозрачной, какъ хрусталь, водѣ
Лещи водились,
И барской милостью они не нахвалились.
— И барской милостью хвалясь, они рѣзвились.
7—8: Вотъ баринъ напускать велѣлъ въ прудъ этотъ щукъ.
Такой приказъ его услыша другъ.
11—12: Или ты свойства щукъ не знаешь?
Вѣдь у тебя они лещей переведутъ.
14: Тутъ баринъ отвѣчалъ: я самъ все это знаю.

На листѣ, на которомъ написана эта б., Крыловъ написалъ было заглавіе: «Лисица и Куры» и первый стихъ: «Увидя куръ»; но все зачеркнулъ.

CLXXXVIII. Три Мужика.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1830 года, кн. VIII, стр. 288. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2—4: Этихъ стиховъ въ 1 ред. нѣтъ.
6—7: Въ деревнѣ не великъ бываетъ разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ щей на столъ.
9—13: Скудненекъ ужинъ былъ, но рады и тому.
Ужъ всякій ложку взялъ, перекрестился . . .;
Однако же одинъ, посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего не много для троихъ,
Смѣкнулъ, какъ дѣлу быть, и умудрился.
11—12: . . . . перекрестились,
И къ чашѣ было пріютились (2 ред.).

Ст. 20: Нашъ Царь велѣлъ собрать оброкъ съ Китайцевъ чаемъ.
22—23: Они же грамотѣ хотя не сильно знали
И кой-какъ иногда газеты разбирали (2 ред.).
24—36: Кому быть рекрутомъ, кому повелѣвать.
Тутъ пошли догадки, толки, споры:
Быть такъ! Нѣтъ, будетъ такъ....
А что жъ зачинщикъ нашъ? — Онъ время не терялъ:
Пока по-своему дѣла они вершали
И, быть войнѣ иль нѣтъ, рѣшали,
Онъ щи всѣ до-чиста убралъ.
И двое мужиковъ легли съ пустымъ желудкомъ.
И въ свѣтѣ я видалъ людей съ такимъ разсудкомъ:
Готовы разсуждать они и такъ и сякъ,
О мирѣ, о войнѣ — вверхъ дномъ всѣ царства ставятъ;
Послушаешь, кажись, они всѣмъ свѣтомъ правятъ,
Лишь о своихъ дѣлахъ не думаютъ никакъ,
И часто оттого ложатся на тощакъ.
29—36: Пока они судили да рядили
И войска на словахъ водили,
Онъ ни-гугу — и щи всѣ до-чиста пріѣлъ.
Такихъ политиковъ мы много находили:
Готовы разсуждать и такъ они и сякъ,
О мирѣ, о войнѣ — вверхъ дномъ всѣ царства ставятъ;
Послушать, — кажется, они всѣмъ свѣтомъ правятъ;
Управить лишь своихъ не знаютъ дѣлъ никакъ.
И часто оттого ложатся натощакъ (послѣдн. 7 стиховъ зачеркн.).
— Чѣмъ на словахъ вверхъ дномъ чужіе флоты ставить,
Не лучше ль челнокомъ своимъ вѣрнѣе править (зачеркн.).
— Когда бы въ сторону, друзья, не заходили
Въ дѣлахъ, гдѣ вашъ совѣтъ не надобенъ никакъ
То не легли бы натощакъ (зачеркн.).
— Друзья, чѣмъ толками пустыми заниматься,
Въ которыхъ съ васъ ни справокъ.... (зачеркн.).
— .... ни въ совѣтъ не просятъ васъ никакъ,
Вы бъ лучше подъ носомъ смотрѣли по-точнѣе,
То было бы для васъ прочнѣе
И не легли бъ вы натощакъ (зачеркн.).

Приведенные варіанты показываютъ, что въ этой б. Крыловъ говоритъ о страсти къ политикѣ; о томъ свидѣтельствуетъ также и Гоголь. («Мертв. души», гл. X, стр. 210).

3 5

1833.

—

CLXXXIX. Пастухъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. I, стр. 401. Въ рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: .... (онъ пасъ овецъ господскихъ).
2—4: Пошла бѣда, онъ въ горѣ и печали.
14—15: Изъ поваренковъ онъ былъ сосланъ въ пастухи.
16: Такъ кухня у него была похожа съ нашей.
17—20: Вотъ вся деревня поднялась,
Чтобъ защитить своихъ овецъ.
На волка поднялись войной (зачеркнуто)
— Ругаетъ волка цѣлый свѣтъ,
На волка поднялся весь свѣтъ.
Обшарили весь лѣсъ — и духу волка нѣтъ (зачеркн.).
— Про волка всѣ кричатъ — бранитъ его весь свѣтъ;
Весь лѣсъ обшарили, а волка слѣду нѣтъ.
Друзья, сказать ли вамъ? — на волка *и проч.*

Къ ст. 19—20: . . . на волка только слава,
А ѣстъ овецъ-то — Савва.

Народная пословица, которую находимъ уже въ сборникѣ Д. К., стр. 150; см. также Снегирева, стр. 24: «На волка токмо слава, а овецъ таскаетъ Савва»

CXC. Бѣлка.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. I, стр. 402. Въ двухъ рукописныхъ редакціяхъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1—3: На бѣлку въ колесѣ дивился свѣтъ (зачеркн).
15—16: Что ты бѣжишь, сказалъ ей дроздъ, — то ясно мнѣ,
Да только все на томъ же ты окнѣ (1 ред.).
— Тутъ улетая.... (2 ред.).

На оборотѣ того листа, на которомъ 2 редакція этой б., написано заглавіе: «Разбойникъ и возъ пузырей»; но зачеркнуто; затѣмъ слѣдуетъ 14 строкъ, перечерканныхъ и весьма неразборчивыхъ. На сколько возможно разобрать эти строки, кажется, Крыловъ задумывалъ еще одну басню. Вотъ эти строки:

Юпитеръ нѣкогда построить вздумалъ домъ.
Извѣстно, какъ живали пышно боги.
Въ Гомерѣ образецъ остался ихъ хоромъ;
Такъ Зевсу надобны чертоги.
. . . .
. . . .
Сколь припасы для строенья.
И подлинно, везутъ со всѣхъ сторонъ.

Остальныхъ 6-ти строкъ, какъ и двухъ, означенныхъ точками, разобрать нельзя.

CXCI. Мыши.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. I, стр. 404. Въ рукописи, гдѣ эта басня озаглавлена «Двѣ Мыши», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Что, кумушка, совсѣмъ бѣда!
6: Этого стиха нѣтъ.
7: .... какъ самый капитанъ.
11—14: И я имъ всѣмъ твержу довольно,
Что нашъ корабль идетъ на дно.
Сейчасъ давала имъ совѣтъ.

16—17: А кораблю до ночи не проплыть.
Сестрица, какъ намъ быть?
20: Тутъ въ море кумушки спрыгнули.
25—28: А что же течь? что капитанъ? матросы?
Течь слабая, и та въ минуту унята,
А достальное одна лишь клевета.
— А достальное — клевета («Новос.»).

CXCII. Лиса.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. I, стр. 405. Въ рукописи и въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующія незначительныя перемѣны:

Ст. 1: Лиса у проруби пила въ большой морозъ (р.).
— Зимой по-утру близъ жилья.
— Зимою рано близъ ....
11: Да какъ попортить (р. «Новос.»).
30: Читатель, я скажу тебѣ смыслъ басни сей (р.).

CXCIII. Волки и Овцы.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. I, стр. 407. Въ сохранившейся рукописи находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 5: И учрежденъ совѣтъ звѣрей.
8: Видали многократъ
Такихъ волковъ.
12 Такъ почему жъ въ совѣтѣ имъ не быть.
17—18: И наконецъ премудрый объявили
Звѣрямъ законъ.
Вотъ онъ.
24: Въ дремучій боръ.
25: Законъ хорошъ — въ немъ нечего убавить и прибавить.
27—30: Что волки въ лѣсъ овецъ таскаютъ.
29: Да только волки все овецъ («Новос.»).

CXCIV. Крестьянинъ и Собака.

Напечатана въ первый разъ въ «Новосельи», 1833 года, т. II, стр. 473. Въ двухъ сохранившихся рукописяхъ, изъ коихъ въ одной почти совершенно сходной съ печатною редакціею, она озаглавлена: «Собака и Мужикъ», находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Собака нанялась въ деревнѣ.... (1 ред.).
6—7: Какой же вздоръ!
Читатель скажетъ мнѣ.
18: Тамъ погулялъ и воротился (2 ред.).
23—28: .... на дворъ
Залѣзъ и обобралъ его до-чиста воръ.
А что жъ барбосъ? Онъ дворъ оставилъ,
Но жалованье все съ хозяина доправилъ.
Я примѣчалъ, что въ этакихъ дѣлахъ
Хозяева всегда бываютъ въ дуракахъ.
— Всегда хозяинъ въ дуракахъ (1 ред.; посл. 5 ст. зачеркн.).
— Вотъ мой хозяинъ развозился:
Зачѣмъ ты хлѣба не испекъ?
Да некогда — я дворъ тогда стерегъ (зачеркн.).
25: Однако жъ у него готово оправданье (2 ред.).

1834.

CXCV. Разбойникъ и Извощикъ.

Напечатана въ первый разъ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1834 года, т. III, стр. 235. Сохранилась въ пяти спискахъ: три изъ нихъ совершенно сходны съ печатной редакціею, въ остальныхъ двухъ находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Послѣ этого стиха слѣдовало:
Услышали его желанье боги (зачеркн.).
4: Свирѣпымъ взглядомъ онъ дорогу озиралъ (1 ред.).
— Свирѣпымъ взоромъ онъ долину озиралъ (2 ред.).
5: .... какъ будто валъ (1 ред.).
9: И не пропалъ.... (2 ред.).
10: Подъѣхалъ возъ.... (1 ред.)
12: Да повстрѣчался онъ....
13—14: Извощикъ самъ былъ малый удалой:
Злодѣя встрѣтилъ онъ тяжелой мостовиной (1 и 2 ред.).
17: Пришло брать Трою съ бою.
20: Да переломлена рука.... (1 ред.).
26: .... безчестнаго и злаго (2 ред.).
(Въ первой ред. заключительны 2-хъ стиховъ нѣтъ).

CXCVI. Левъ и Мышь.

Напечатана въ первый разъ въ «Библіотекѣ для чтенія», 1834 г., т. III, стр. 236. Основою этой басни, обработанной Эзопомъ, воспользовался Ла Фонтенъ: въ б. le Lion et le Rat (кн. II, б. XI), нравоученіе которой:

> Il faut, autant qu'on peut, obliger tout le monde:
> On a souvent besoin d'un plus petit que soi;

и стихъ:

> De cette vérité deux fables feront foi, —

связываютъ ее съ слѣдующею баснею: la Colombe et la Fourmi. Обѣ онѣ въ старыхъ изданіяхъ печатались вмѣстѣ, подъ общимъ заглавіемъ, и вторая, такъ же какъ и первая, заимствована у Эзопа. Такъ какъ б. Крылова находится съ первою изъ нихъ въ связи, то мы приводимъ ее: «Левъ и Мышь» (№ 217, перев. Мартынова), а б. Ла Фонтена относимъ въ приложеніе.

«Когда левъ спалъ, мышь пробѣжала по его тѣлу. Онъ, вставши, поймалъ ее. Мышь просила оставить ее въ живыхъ, говоря, что она за это много возблагодаритъ ему. Левъ, разсмѣявшись, пустилъ ее. Спустя не много времени послѣ того, дѣйствительно спасенъ онъ мышью. Когда охотники, поймавши его, привязали веревкою къ дереву, то мышь, услышавъ его стонъ и пришедши къ нему, перегрызла веревку и, освободивъ его, сказала: ты смѣялся надо мною, не думая, чтобы я могла тебѣ когда либо возблагодарить; увѣрься же теперь, что и мыши благодарны. — Благомыслящіе люди, хотя бы и бѣдны были, при случаѣ могутъ быть полезны и вельможамъ».

Сравненіе басни Крылова съ произведеніями Эзопа и Ла Фонтена показываетъ, что нашъ баснописецъ воспользовался ихъ сюжетомъ, но измѣнилъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развязку разсказа, равно какъ и его подробности, а потому нельзя положительно сказать, которая изъ двухъ приводимыхъ нами редакцій послужила ему оригиналомъ. Сдѣланное имъ измѣненіе въ этомъ сюжетѣ составляетъ весьма важную характеристическую черту: онъ почти никогда не увле-

каетъ людей къ добру примѣрами добродѣтели, но старается отклонить ихъ отъ порока, показывая имъ вредныя его послѣдствія; «онъ зналъ», говоритъ Плетневъ, «что люди перемѣняютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ» (стр. LXVI.); оттого въ его басняхъ такъ мало идеаловъ добродѣтели.

Басня Ла Фонтена подала поводъ его комментаторамъ (edit. variorum) написать слѣдующее примѣчаніе: «Въ б. l'Aigle et l'Escarbot, такъ же какъ въ le Lion et le Moucheron, баснописецъ угрожалъ силѣ местью слабости. Здѣсь, въ б. le Lion et le Rat, напротивъ, онъ показываетъ, какія услуги можетъ оказать слабость силѣ, когда послѣдняя бываетъ къ ней великодушна». Крыловъ же не только учитъ сильнаго быть великодушнымъ въ отношеніи къ слабому, но и показываетъ, какъ жестоко наказывается презрѣніе къ нему.

Басню Ла Фонтена передѣлалъ Сумароковъ (кн. VI, пр. XXXVI), подъ заглавіемъ: «Левъ и Мышь».

Въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву, сохранился одинъ довольно чистый списокъ этой басни; другой, копія съ котораго была доставлена намъ Я. К. Гротомъ, хранится въ собраніи автографовъ А. С. Норова; оба эти списка совершенно сходны между собою и въ обоихъ б. озаглавлена: «Левъ и Мышенокъ».

Приводимъ варіанты:

Ст. 1—17. Мышенокъ полевой
Просилъ у льва смиренно позволенье
По близости его въ дуплѣ завесть селенье
Со всей своей семьей;
А къ этому прибавилъ,
Что какъ де силою себя ты ни прославилъ
И какъ ни малымъ я кажусь;
Но въ нуждѣ, можетъ, самъ тебѣ я пригожусь.
Ты! вскрикнулъ левъ: ты, существо ничтожно!
Такого случая представить невозможно.
Чтобъ помощи левъ сталъ искать въ мышахъ.
Прочь, мерзкій, прочь отсель, чтобъ духъ твой здѣсь не пахъ!
Отъ эдакой тревоги
Бѣднякъ — давай скорѣй Богъ ноги,
Простылъ его и слѣдъ....

Къ ст. 32—33: Не плюй въ колодезь, пригодится
Воды напиться.

Эти два стиха составлены изъ народной пословицы: «Не плюй въ чужой колодезь, случится въ немъ воды испить» (Снегиревъ, стр. 134); «Не плюй въ колодезь Титъ, случится въ немъ воды испить» (Д. К. стр. 175).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Le Lion et le Rat.

(Ла Фонтена).

Il faut, autant qu'on peut, obliger tout le monde:
On a souvent besoin d'un plus petit que soi.
De cette vérité deux fables feront foi;
Tant la chose en preuves abonde.

Entre les pattes d'un lion
Un rat sortit de terre assez à l'étourdie.
Le roi des animaux, en cette occasion,
Montra ce qu'il était, et lui donna la vie.
Ce bienfait ne fut pas perdu.
Quelqu'un aurait-il jamais cru
Qu'un lion d'un rat eût affaire?
Cependant il avint qu'au sortir des forêts
Ce lion fut pris dans des rets,
Dont ses rugissements ne le purent défaire.
Sire rat accourut, et fit tant par ses dents
Qu'une maille rongée emporta tout l'ouvrage.

Patience et longueur de temps
Font plus que force ni que rage.

1835.

CXCVII. Вельможа.

По свидѣтельству Плетнева, эта басня была написана въ 1835 году, а потому она и отнесена къ этому году, хотя появилась въ печати позже двухъ остальныхъ басенъ, а именно: въ 1836 году, въ «Сынѣ Отечества», ч. CLXXV, стр. 36. Въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. Савельеву, сохранилось нѣсколько совершенно чистыхъ списковъ этой басни, сходныхъ съ печатною редакціею, и одна черновая рукопись, въ которой находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 3: Отправился туда....
6: Тотчасъ вопросъ ему....
8—12: Но такъ какъ я все былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
Но только пилъ, да ѣлъ, да спалъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ,
И онъ за подписью моею управлялъ (зачеркн.).
18—19: Когда съ его бы властью
Входилъ въ дѣла онъ по несчастью.
22—23: Затѣмъ то мы ему и присудили рай,
Что за дѣла онъ самъ не принимался.

Появленіе этой б. въ печати сопровождалось слѣдующими не лишенными интереса обстоятельствами. Крыловъ былъ иногда приглашаемъ на придворные маскарады. Въ 1836 году при дворѣ устраивался маскарадъ. Крыловъ былъ также въ числѣ приглашенныхъ. За нѣсколько дней до маскарада онъ въ мрачномъ расположеніи духа сидѣлъ послѣ

обѣда у А. Н. Оленина. — «Что съ вами, дѣдушка»? спросила Варвара Алексѣевна, къ которой Крыловъ питалъ глубокую привязанность *.— «Да вотъ бѣда: надо ѣхать во дворецъ въ маскарадъ, а не знаю, какъ одѣться». — «А вы бы, дѣдушка, помылись, побрились, одѣлись бы чистенько, васъ тамъ никто бы и не узналъ».—Шутка искренно любимой «фавориточки» (такъ называлъ Крыловъ Варвару Алексѣевну) развеселила старика, но не уменьшила заботы. Мы слышали (и это вполнѣ подтверждается Бантышъ-Каменскимъ), что разрѣшить трудную задачу, какъ одѣться, удалось знаменитому трагику Каратыгину, который нарядилъ баснописца въ костюмъ боярина-кравчаго **. Сообразно съ этою ролью и написано нижеслѣдующее стихотвореніе ***. Предварительно нужно замѣтить, что праздникъ былъ устроенъ по англійскому обычаю. Кому достался кусокъ пирога со спрятаннымъ въ немъ бобомъ, тотъ и былъ царемъ праздника.

Къ этому-то царю Крыловъ и обращаетъ рѣчь:

По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь позволь,
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,
Не морщась, выслушать изволь.
Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я апетита,
Чтобъ на день разъ хоть пять ты кушалъ бы до сыта,
А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать бы вставалъ.
Вотъ жить здоровая манера!
Съ ней къ году, — зà это я, кравчій твой, берусь —
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь-арбузъ!
Отецъ нашъ! не бери ты съ тѣхъ царей примѣръ,
Которые не лакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ,
И только лишь того и смотрятъ и глядятъ,
Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но, разсуди премудро самъ,
Что за житье съ такой заботой пополамъ;
И бѣднымъ кравчимъ намъ
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло.
Нѣтъ, не того бы мнѣ хотѣлось!
Я всякій день молюсь тепло,
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь, да ѣлось,
А дѣло бы на умъ не шло.

Стихотвореніе это государь выслушалъ съ видимымъ удовольствіемъ; тогда Крыловъ обратился къ гр. Бенкендорфу съ просьбою доложить

* Разсказъ подтвержденъ вполнѣ В. А. Олениною

** См. статью Бантышъ-Каменскаго, И. А. Крыловъ, «Библіот. для чтенія», 1845, т. LXIX.

*** Оно сохранилось, переписанное писарскою рукою, въ бумагахъ, принадлежащихъ г. Савельеву.

государю, что онъ желалъ бы прочесть вновь сочиненную имъ басню. Государь изъявилъ на то согласіе, и Крыловъ прочелъ «Вельможу». Вся басня и особенно заключительные стихи такъ понравились государю, что онъ обнялъ автора, поцѣловалъ его и промолвилъ: «пиши, старикъ, пиши». Воспользовавшись этимъ случаемъ, Крыловъ просилъ высочайшаго разрѣшенія напечатать басню и, разумѣется, получилъ.

Причина, понудившая Крылова поступить такимъ образомъ, была слѣдующая. Еще за годъ до этого маскарада онъ написалъ «Вельможу». Предполагалъ ли Крыловъ, что его произведеніе не будетъ дозволено цензурою, или дѣйствительно цензура его запретила, но только онъ передалъ его тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, гр. Уварову, для представленія государю императору. Не знаемъ, по какой причинѣ, Уваровъ не исполнилъ просьбы баснописца; рукопись оставалась у него около года. Между тѣмъ кто-то ее списалъ, передалъ другому, тотъ третьему и такимъ образомъ въ короткое время басня разошлась въ публикѣ во множествѣ списковъ; дошло до того, что ученики Пажескаго корпуса читали ее на экзаменѣ, а въ публикѣ распространилось мнѣніе, что Крыловъ написалъ басню, которую цензура запретила; а онъ, на зло ей, распространилъ эту басню въ рукописи. Чтобы прекратить эти толки, онъ рѣшился лично просить государя о дозволеніи напечатать эту басню *.

---

*) Разсказъ подтвержденъ нѣсколькими лицами, знавшими Крылова. См. также статью Бантышъ-Каменскаго, «Крыловъ», «Библ. для чт.» 1845 г. мартъ, отд. критики, стр. 17, гдѣ приведено и другое стихотвореніе, читанное Крыловымъ на маскарадѣ, тогда же напечатанное въ небольшой брошюркѣ, составленной изъ стихотвореній, написанныхъ по этому случаю и другими лицами, на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; въ ней же находится между прочимъ и стихотвореніе Пушкина «Циклопъ», о которомъ упоминаютъ Бантышъ-Каменскій и Анненковъ (въ матеріалахъ для біогр. Пушкина, стр. 354).

1836.

—

CXCVIII. Два Мальчика.

Напечатана въ первый разъ въ «Библ. для чтенія», 1836 г., т. XIV, стр. 65. Изъ четырехъ сохранившихся рукописныхъ редакцій первая такъ неразборчива, что въ ней можно прочитать только отдѣльныя слова; четвертая, чистая, совершенно сходна съ печатнымъ текстомъ; изъ двухъ же промежуточныхъ извлекаемъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 2: Насъ не погнали въ классъ (2 ред.).
5: Хоть, кажется, они и не далеко,
Да знаешь вѣдь, какъ дерево высоко (2 и 3 ред.).
Такъ видно, намъ ужъ ихъ не ѣсть (2 ред.)
10: До ближняго сука....
11: А тамъ ужъ мы и сами....
14—15: Мой Сеня помогать пріятелю тутъ взялся,
Ужомъ и жабой извивался (2 и 3 ред.).
18: Что жъ Сеня? — Сеня мой внизу каштановъ ждалъ,
Да смо́тря вверхъ, облизывалъ лишь губки.
Какъ это? — Такъ же. — Нашъ Ѳедюша не дремалъ:
За обѣ щеки самъ каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки (зачеркн.).
— Что жъ вышло? Сеня нашъ облизывалъ лишь губки,
Вверху Ѳедюша не дремалъ (и проч., какъ выше).
(Стиховъ, составляющихъ нравоученіе, во 2-й ред. нѣтъ; въ 3-й они сходны съ печатнымъ текстомъ.)

CXCIX. Кукушка и Пѣтухъ.

Напечатана въ первый разъ въ альманахѣ: «Сто русскихъ литераторовъ», 1841 г., т. II, стр. 15. Сохранилось пять рукописныхъ редакцій; первыя двѣ, написанныя весьма неразборчиво и во многихъ мѣстахъ перечерканныя, почти совершенно сходны между собою; но значительно отличаются отъ печатнаго текста. Приводимъ вторую редакцію вполнѣ:

Куда ты, кумушка, поешь какъ величаво!
  Пѣтухъ (воронѣ) кукушкѣ говорилъ:
Мнѣ льстить не для чего, — а право,
Я, слушая тебя, про куръ совсѣмъ забылъ. —
Спасибо, куманекъ, хвалы твои мнѣ лестны;
Вѣдь ты у насъ и самъ пѣвунъ большой,
И слушать голосъ твой я рада всей душой.
Да и кому твои таланты неизвѣстны?
Пусть говорятъ, что твой напѣвъ не очень чистъ. —
    Да это все злословье;
  За то, дай Богъ тебѣ здоровье,
    Ужъ какъ ты голосистъ! —
  То правда, я пою отважно;
За то ужъ ты, кума, такъ тянешь плавно, важно.
  Когда бъ не этотъ вотъ проклятый соловей,
    Тебя заслушалась бы я.
  Поди жъ съ народомъ ты! Хоть тресни,
    На нихъ не угодишь.
  Однако же: друзья....
 Скажу вамъ правду хоть въ досаду;
  Хвалите вы себя хоть до упаду,
    Не пѣть вамъ лучше соловья.

Третья редакція до 14 стиха включительно сходна съ печатною; помѣщаемъ остальную часть басни:

Случася близко, дроздъ тутъ молвилъ имъ: друзья!
  Хвалите вы себя хоть до упаду,
  Далеко вамъ до соловья;
 За тѣмъ что въ васъ ни складу нѣтъ ни ладу.
  Когда замѣчу я, что, не боясь трѣха,
Друзья писатели такъ хвалятъ дружка дружку,
  Все хвалитъ, кажется, пѣтухъ кукушку,
    Кукушка хвалитъ пѣтуха.

Эти же стихи въ 4-й ред.:

Услыша это, дроздъ промолвилъ имъ: друзья!
Хвалите вы себя хоть до упаду,
Далеко вамъ до соловья:
Въ обоихъ васъ ни складу нѣтъ, ни ладу.
Когда увидишь ты, что, не боясь грѣха,
Друзья писатели (возносятъ такъ) честятъ другъ дружку,
Все хвалитъ, кажется, пѣтухъ кукушку,
Хоть слава обоихъ плоха (зачеркн.).

Вмѣсто послѣднихъ пяти стиховъ:

Повѣрьте, хвалитъ тутъ кукушка пѣтуха
За то, что хвалитъ онъ кукушку (зачеркн.).

Въ пятой редакціи, написанной писарскою рукою, все заключеніе отъ стиха: «Услыша дроздъ», — зачеркнуто и рукою самого Крылова приписано:

Пріятели! на то имъ молвилъ воробей:
Хоть вы охрипните хваля другъ дружку,
А слава ваша все плоха.
Какъ ни хвали кукушка пѣтуха,
Какъ ни хвали пѣтухъ кукушку,
Далеко имъ до соловья.
Инымъ писателямъ сказалъ бы то же я.

Извѣстно, что въ этой б. въ образѣ Пѣтуха и Кукушки изображены Гречъ и Булгаринъ, которые, сдѣлавшись издателями «Сѣверной Пчелы», при всякомъ удобномъ случаѣ восхваляли другъ друга. Это подтверждаетъ и замѣтка Н. М. Колмакова, который слышалъ такое объясненіе басни отъ самого ея автора. («Русск. Архив.», 1865 г., вып. 8, стр. 1011.)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Крестьянинъ и Смерть

Стр. 47. Крыловъ окончательно редактировалъ эту б. въ 1809 г. и вновь напечаталъ ее въ «Цвѣтникѣ», ч. II, 1809 г., стр. 213.

Оселъ и Соловей.

Стр. 76. Г. Флёри и эту б. почитаетъ заимствованною. Мы помѣщаемъ здѣсь отрывокъ изъ Дидеро, который сообщилъ намъ почтенный критикъ; но принуждены замѣтить, что какъ невозможно отрицать того, что Крылову былъ извѣстенъ этотъ отрывокъ, такъ невозможно и утверждать, что изъ него онъ почерпнулъ сюжетъ своей басни, которая по справедливости почитается однимъ изъ лучшихъ его произведеній.

L'âne et le rossignol.

«Mes amis, je me rappelle une fable; écoutez-la. Elle sera peut-être un peu longue, mais elle ne vous ennuiera pas.

«Un jour, au fond d'une forêt, il s'éleva une contestation sur le chant entre le rossignol et le coucou. Chacun prise son talent. «Quel oiseau», disait le coucou, «a le chant aussi facile, aussi simple, aussi naturel et aussi mesuré que moi»?

«Quel oiseau», disait le rossignol, «l'a plus doux, plus varié, plus éclatant, plus léger, plus touchant que moi?»

«*Le coucou*: «Je dis peu de choses; mais elles ont du poids, de l'ordre, et on les retient».

«*Le rossignol*: «J'aime à parler, mais je suis toujours nouveau, et je ne fatigue jamais. J'enchante les forêts; le coucou les attriste. Il est tellement attaché à la leçon de sa mère, qu'il n'oserait hasarder un ton qu'il n'a point pris d'elle. Moi, je ne reconnais point de maître; je me joue des règles. C'est surtout lorsque je les enfreins qu'on m'admire. Quelle comparaison de sa fastidieuse méthode avec mes heureux écarts!»

«Le coucou essaya plusieurs fois d'interrompre le rossignol. Mais les rossignols chantent toujours, et n'écoutent point; c'est un peu leur défaut. Le nôtre, entraîné par ses idées, les suivait avec rapidité, sans se soucier des réponses de son rival.

«Cependant, après quelques dits et contredits, ils convinrent de s'en rapporter au jugement d'un tiers animal.

«Mais où trouver ce tiers également instruit et impartial qui les jugera? Ce n'est pas sans peine qu'on trouve un bon juge. Ils vont en cherchant un partout.

«Ils traversaient une prairie, lorsqu'ils y aperçurent un âne des plus graves et des plus solennels. Depuis la création de l'espèce, aucun n'avait porté d'aussi longues oreilles.

«Ah! dit le coucou en les voyant, nous sommes trop heureux: notre querelle est une affaire d'oreilles; voilà notre juge: Dieu le fit pour nous tout exprès».

«L'âne broutait. Il n'imaginait guère qu'un jour il jugerait de musique. Mais la Providence s'amuse à beaucoup d'autres choses. Nos deux oiseaux s'abattent devant lui, le complimentent sur sa gravité et sur son jugement, lui exposent le sujet de leur dispute, et le supplient très humblement de les entendre et de décider.

«Mais l'âne, détournant à peine sa lourde tête et n'en perdant pas un coup de dent, leur fait signe de ses oreilles qu'il a faim, et qu'il ne tient pas aujourd'hui son lit de justice. Les oiseaux insistent; l'âne continue à brouter. En broutant, son appétit s'apaise. Eh bien! leur dit-il, allez là: je m'y rendrai; vous chanterez, je digérerai, je vous écouterai, et puis je vous en dirai mon avis».

«Les oiseaux vont à tire-d'aile, et se perchent; l'âne les suit, de l'air et du pas d'un président à mortier qui traverse les salles du palais. Il arrive, il s'étend à terre, et dit: «Commencez, la cour vous écoute». C'est lui qui était toute la cour.

«Le coucou dit: «Monseigneur, il n'y a pas un mot à perdre de mes raisons; saisissez bien le caractère de mon chant, et surtout daignez en observer l'artifice et la méthode». Puis se rengorgeant et battant à chaque fois les ailes, il chanta: «Coucou, coucou, coucoucou, coucoucou, coucou, coucoucou». Et, après avoir combiné cela de toutes les manières possibles, il se tut.

«Le rossignol, sans préambule, déploie sa voix, s'élance dans les modulations les plus hardies, suit les chants les plus neufs et les plus recherchés: ce sont des cadences ou des tenues à perte d'haleine; tantôt on entendait les sons descendre et murmurer au fond de sa gorge comme l'onde du ruisseau qui se perd sourdement entre des cailloux, tantôt on l'entendait s'élever, se renfler peu à peu, remplir l'étendue des airs, et y demeurer comme suspendue. Il était successivement doux, léger, brillant, pathétique, et, quelque caractère qu'il prît, il peignait; mais son chant n'était pas fait pour tout le monde.

«Emporté par son enthousiasme, il chanterait encore; mais l'âne, qui avait déjà baillé plusieurs fois, l'arrêta, et lui dit: «Je me doute que tout ce que vous «avez chanté là est fort beau, mais je n'y entends rien; cela me parait bizarre, «brouillé, décousu. Vous êtes peut-être plus savant que votre rival, mais il est plus méthodique que vous; et je suis, moi, pour la méthode».

(Diderot, Lettre à M-elle Voland. Oeuvres de Diderot, édition 1821.)

Хозяинъ и Мыши.

Стр. 89. Предположеніе наше, что эта б. была написана задолго до появленія изданія 1811 года, вполнѣ подтверждается тѣмъ, что она, подъ заглавіемъ: «Хозяинъ и Кошки», была напечатана въ «Цвѣтникѣ», 1809 года, ч. II, стр. 332. Такимъ образомъ и предположеніе относительно ея значенія становится вѣроятнѣе.

Мѣшокъ.

Стр. 91. До появленія изданія 1811 г. эту б. Крыловъ напечаталъ въ «Цвѣтникѣ», 1809 года, ч. III, стр. 33. Здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя отмѣны, сравнительно съ позднѣйшими перепечатками:

Ст. 4: У самыхъ нижнихъ слугъ.
19: То всякій на него съ умильностью глядитъ.
34: Чтобъ ни сказалъ, всему дивиться станутъ.
39: Мы басней ни на чье лицо не намѣкали.

Орелъ и Паукъ.

Стр. 97. Прилагаемъ стихотвореніе Экушаръ-Лебрена: «Moyen sûr de parvenir», изъ котораго, по мнѣнію г. Флёри, Крыловъ заимствовалъ содержаніе своего сочиненія.

Un chêne était sur la cime hautaine
Du mont Ida, roi des monts d'alentour;
Un aigle était sur la cime du chêne;
Près de l'Olympe il y tenait sa cour.
A l'improviste apparait un beau jour
Maître escargot, fier d'être au milieu d'elle.
Des courtisans l'oeil ne se croit fidèle.
L'un d'eux lui dit: Me serais-je trompé?
Insecte vil, toi qui n'eus jamais d'aile,
Comment vins — tu jusqu'ici? — J'ai rampé.

Намъ кажется, что, не смотря на это, впрочемъ весьма отдѣльное сходство положенія дѣйствующихъ лицъ, б. Крылова слѣдуетъ признать оригинальною. какъ по обработкѣ сюжета, такъ и по примѣненію.

Демьянова Уха.

Стр. 113. Прилагаемъ стихотвореніе Барба, обязательно сообщенное намъ г. Флёри, послужившее, какъ онъ думаетъ, источникомъ Крылову:

La Politesse Villageoise.

Chez un certain coq du village
Eleuthère un jour se trouva.
«Quoi! sécria ce personnage,
«C'est donc vous! Comment vous en va?»
Il met aussitôt sur la table
Un pâté, des fruits et du pain.
«Buvons, dit-il d'un air affable;
Vous serez content de mon vin».

On était sur le point de boire,
Lorsqu'un dialogue maudit
Vint à la traverse. L'histoire
En a conservé le récit.
«Asseyez-vous sur cette chaise.
— Souffrez que je reste debout.
— Oh! vous vous mettrez à votre aise.
— Je ne m'assieds point; c'est mon goût.
— C'est par pure cérémonie.
— Pardonnez-moi; je n'en fais point.
— Asseyez-vous donc, je vous prie.
— Monsieur, vous prenez trop de soin.
— On s'assied toujours quand on mange.
— Je me tiens debout fort souvent.
— Votre conduite est bien étrange.
— N'importe; j'agis librement.
— Après une si longue route!
— J'en conviens, et si j'étais las...
— Oh! monsieur, vous l'êtes, sans doute.
— Croyez-moi, je ne le suis pas.
— Je vous en prie avec instance.
— Eh! pourquoi? — Je fais mon devoir».
Eleuthère par complaisance,
Se vit obligé de s'asseoir.
«Maintenant, monsieur, il faut boire,
Dit le paysan bien joyeux
D'avoir gagné cette victoire,
Si considérable à ses yeux.
— Monsieur, le vin pur m'est contraire;
Un peu d'eau me ferait du bien.
— Gâter du vin si salutaire!
«Oh! monsieur, vous n'en ferez rien.
— Mais le vin sans eau m'est nuisible;
Il fait du tort à ma santé.
— Vous me demandez l'impossible;
Mon vin ne sera pas gâté.
— D'ailleurs, quand vous aurez la fièvre,
Pour avoir bu votre vin pur,
Un peu de ce pâté de lièvre
Vous rétablirait, j'en suis sûr.
— Du lièvre! je vous remercie;
Il m'est défendu d'en manger.
— Mangez-en, monsieur, je vous prie,
C'est le moyen de m'obliger.
— Le lièvre m'est insupportable.
— C'est un pâté de ma façon.
— Jamais on n'en sert à ma table.
— Il est délicat et très-bon».

Ensuite, ouvrant sa tabatière:
«J'ai, dit-il, du tabac divin;
Goûtez. — Le tabac m'est contraire.
— Vous me refuserez en vain.
— Je n'ai pas coutume d'en prendre.
— Il est excellent. — Je le crois..
— A mes désirs daignez vous rendre.
— Je ne puis. — Au moins une fois.
— Songez donc... — Mon tabac surpasse
Celui même que le roi prend.
— Soit! mais dispensez-moi de grâce.
— Je vous en prie, acceptez-en».
Toute politesse gênante
Est soeur de l'incivilité.
Eleuthère s'impatiente,
Se lève, et s'enfuit irrité.

УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ О КРЫЛОВѢ И ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Драматическій вѣстникъ, 1808, ч. I, № 8, стр. 72. «Стихи» подписаны буквою Н., и ч. IV, № 58, стр. 41. «Письмо» къ г. Крылову (безъ подписи). Въ обоихъ стихотвореніяхъ Крыловъ восхваляется, какъ авторъ комедіи «Урокъ дочкамъ», и призывается къ дальнѣйшему служенію этого рода поэзіи.

Драматическій вѣстникъ, 1808, № 70, стр. 136. — «Разговоръ общества со временемъ».

Общество.

Какъ, время, ты могло промчаться такъ мгновенно?
Вчера ты тише шло, и тише несравненно.

Время.

Крыловъ мнѣ крылья далъ
Тогда, какъ басенки тебѣ свои читалъ.

— а — а.

Вѣстникъ Европы, 1809, ч. 45, № 9, стр. 35. «Басни Ив. Крылова», ст. Жуковскаго. Перепечатана въ Полномъ собр. соч. 1849, ч. 7, стр. 79.

Цвѣтникъ, 1809, ч. I, стр. 378. «Басни Ивана Крылова», СПргъ, тип. губ. правленія, 1809 г., ст. А. Измайлова (по словамъ Быстрова). Авторъ сожалѣетъ, что всѣхъ басенъ не много, всего 23; выписываетъ б. «Разборчивая Невѣста», «которая, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія, понравится нашимъ читателямъ и, можетъ быть, принесетъ пользу нѣкоторымъ читательницамъ». Сравнивъ б. «Дубъ и Трость» съ подлинникомъ и съ переводомъ Дмитріева, и замѣтивъ нѣсколько отступленій какъ у того, такъ и другаго баснописца, перечисляетъ лучшія б. Кр. и заключаетъ статью

слѣдующими словами: «Двѣ изъ сихъ б., взятыя изъ Ла Фонтена, а именно: *Старикъ и трое молодыхъ* и *Два голубя* переведены уже давно, какъ и всѣмъ извѣстно, г. Дмитріевымъ. Переводъ его первой б. кажется намъ лучше перевода г. Крылова; но трудно рѣшить, кто изъ нихъ лучше перевелъ послѣднюю: *Два голубя*».

Вѣстникъ Европы, 1811, ч. 58, № 15, стр. 216. Авторъ «Письма къ пріятелю о третьемъ чтеніи въ Бесѣдѣ люб. рус. сл.», Р. Ц., замѣчаетъ автору «Разсужденія о стихотворствѣ», что онъ, упомянувъ о Дмитріевѣ, «умолчалъ о господинѣ Крыловѣ, который въ своемъ родѣ также имѣетъ пріятную и привлекательную кисть».

Вѣстникъ Европы, 1812, ч. 61, № 4, стр. 333. «Новыя басни И. Крылова», К(аченовскій). Содержаніе ея слѣдующее: сказавъ въ началѣ, что изобрѣтателемъ басни могъ быть не рабъ, а свободный человѣкъ, щадившій чужое самолюбіе, которое несравненно вспыльчивѣе и взыскательнѣе всякаго тирана, а потому предлагавшій истину подъ покрываломъ аллегоріи, онъ продолжаетъ: «Я этому очень вѣрю и желаю, чтобы какой нибудь изобрѣтательный умъ выдумалъ безопаснѣйшій способъ писать баснями критическія замѣчанія на книги и открылъ бы тайну, какъ можно, не расточая невѣжественныхъ похвалъ, и не показывая ребяческаго удивленія, угождать сочинителямъ. На бѣломъ свѣтѣ искони такъ ведется, что въ комъ родилась охота напечатать и сдать книгопродавцамъ произведеніе своей музы, тотъ иногда признаетъ неотъемлемымъ правомъ своимъ папскую непогрѣшительность. Всякій тогда уже обязанъ, купивши книгу, непремѣнно восхищаться всѣмъ тѣмъ, что въ ней написано, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ подвергнуть себя жестокимъ ругательствамъ, уликамъ въ невѣжествѣ, въ зависти, въ развратности, въ вольнодумствѣ и даже въ безбожіи. Irritabile genus vatum! Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ сего спасительнаго изобрѣтенія»... Затѣмъ слѣдуютъ отрывочныя замѣчанія о нѣкоторыхъ басняхъ; они помѣщены при самихъ басняхъ.

Сынъ Отечества, 1814, ч. 14, № XXIV, стр. 206. — Скрывъ время первыхъ двухъ изданій басенъ, книгопродавцы, въ 92 № Санктпетербургскихъ Вѣдомостей объявили, безъ вѣдома автора, что онѣ продаются по 10 рублей, тогда какъ первоначальная цѣна ихъ была 2 руб. 50 коп. Крыловъ нашелся вынужденнымъ обличить ихъ подлогъ.

Сынъ Отечества, 1816, ч. 27, № XI.—Объявленіе о выходѣ въ свѣтъ изданія басенъ 1815 г.; при томъ замѣчено, что въ книгѣ много опечатокъ: «этотъ недостатокъ непріятенъ въ книгѣ, которая во многихъ отношеніяхъ должна быть и будетъ классическою».

Сынъ Отечества, 1816, № XVI, стр. 54. «Разборъ басенъ Крылова», ст. А. Измайлова (неокончена). Она состоитъ изъ замѣчаній, вошедшихъ потомъ въ статью «о Разсказѣ басни» (Соч. т. II).

С.-Петербургскія вѣдомости, 1819, марта 28 дня, № 25. «Басни И. А. Крылова» въ 6 частяхъ. «Изданіе сіе заключаетъ въ себѣ сверхъ прежде бывшихъ пяти частей, новую шестую и послѣднюю часть сихъ

твореній знаменитаго нашего баснописца. — Авторъ, желая симъ новымъ и послѣднимъ изданіемъ заключить достославное поприще свое въ семъ родѣ поэзіи, столь черезъ него прославившейся, имѣлъ въ виду соединить въ ономъ всѣ свои басни со времени послѣдняго изданія вновь сочиненныя, какъ манускриптами у него находившіяся, такъ и въ разныхъ временныхъ листкахъ отпечатанныя, дабы черезъ то удовлетворить справедливымъ ожиданіямъ своихъ соотечественниковъ, желающихъ имѣть вполнѣ всѣ его произведенія». — Далѣе издатель говоритъ, что употребилъ всѣ средства, чтобы сдѣлать изданіе доступнымъ для всѣхъ состояній, и объявляетъ цѣну 10 рублей за экземпляръ на бѣлой бумагѣ.

Сынъ Отечества, 1819, ч. 53, стр. 90. Крыловъ избранъ въ члены С.-П-скаго общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія.

Полярная звѣзда, 1823, изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, стр. 21. «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи» А. Бестужевъ. «И. Крыловъ возвелъ русскую басню въ оригинально классическое достоинство. Невозможно дать большаго простодушія разсказу, большей народности языку, больше осязаемости нравоученію. Въ каждомъ его стихѣ виденъ русскій здравый умъ *. Онъ похожъ природою описаній на Ла Фонтена, но имѣетъ свой особый характеръ: его каждая басня—сатира, тѣмъ сильнѣйшая, что она коротка и разсказана съ видомъ простодушія. Читая стихи его, не замѣчаешь даже, что они стопованы, — и это-то есть верхъ искусства. Жаль, что Крыловъ подарилъ театръ только двумя комедіями. По своему знанію языка и нравовъ русскихъ, по неистощимой своей веселости и остроумію, онъ могъ бы дать ей черты народныя».

Литературные листки, журналъ нравовъ и словесности, изд. Булгаринымъ, 1824, ч. 1, стр. 61.— По поводу извѣстія о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева, написаннаго кн. Вяземскимъ (вм. предисловія къ изд. стихотв. И. И. Дмитріева, 1823 г.), Булгаринъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній. Вотъ то, которое относится къ Крылову:

«Что касается до мнѣнія автора о заслугахъ и дарованіяхъ И. А. Крылова, то мы осмѣлимся сказать, что находимъ оное слишкомъ строгимъ и даже пристрастнымъ. Ссылаемся на читателей: можно ли говорить такимъ образомъ о семъ несравненномъ баснописцѣ.

«Въ числѣ первыхъ (т. е. поэтовъ) сыскался одинъ ** (т. е. Крыловъ), который не только послѣдовалъ, но, такъ сказать, бороться дерзнулъ съ

* «Неужели это принадлежность одного Крылова? и что значитъ, русскій здравый умъ»? спрашиваетъ рецензентъ «Вѣстника Европы». «Надобно говорить и осторожнѣе и яснѣе». («Вѣстн. Евр.» 1823 г. январь, стр. 142.)

** Мнѣ кажется, что здѣсь бы надлежало упомянуть объ А. Е. Измайловѣ, котораго многія басни имѣютъ большое достоинство, особенно въ отношеніи къ разсказу. К. П. А. Вяземскій слишкомъ строго и смѣло назвалъ всѣхъ прочихъ поэтовъ, стоящихъ за И. И. Дмитріевымъ, гаерами. Къ чему ведетъ это заключеніе? *Примѣч. Булгарина.*

нашимъ поэтомъ (т. е. Дмитріевымъ), переработывая басни ужъ имъ переведенныя, и басни превосходныя, и мы благодаримъ его за смѣлость». Какъ? И. А. Крылова мы должны только благодарить за то, что онъ *дерзнулъ* бороться съ И. И. Дмитріевымъ и осмѣлился подражать ему? — Но гдѣ это подражаніе? Слогъ И. А. Крылова совершенно *различный*, разсказъ ни мало не *сходствуетъ*; планъ басенъ Крылова оригинальный, а языкъ его есть, такъ сказать, возвышенное простонародное нарѣчіе, неподражаемое въ своемъ родѣ, и столь же понятное и милое для русскаго вельможи, какъ и для крестьянина. Прибавимъ къ тому вымыселъ, печать генія, и мы рѣшительно можемъ сказать, что И. А. Крыловъ есть первый *оригинальный* русскій баснописецъ, по изобрѣтенію, языку и слогу. Басни И. И. Дмитріева прелестны; но онѣ не народныя русскія. Главнѣйшее ихъ достоинство есть чистота слога, и мы никакъ не согласимся съ кн. П. А. Вяземскимъ на счетъ достоинства Крылова. Вотъ что онъ говоритъ: «Между тѣмъ забывать не должно, что онъ (т. е. И. А. Крыловъ), часто творецъ содержанія прекраснѣйшихъ изъ своихъ басенъ, и что если сіе достоинство не такъ велико въ отношеніи къ предмѣстнику его (И. И. Дмитріеву), который былъ изобрѣтателемъ своего слога и проч.» — Если бы въ И. А. Крыловѣ не было другаго достоинства кромѣ того, что *онъ часто творецъ содержанія прекраснѣйшихъ своихъ басенъ*, то и сего одного было бы много; но онъ также *творецъ* своего слога, который, хотя вовсе не похожъ на слогъ его предмѣстника, но имѣетъ необыкновенную прелесть для того, кто знаетъ русскій народъ не въ однѣхъ только гостиныхъ. Слогъ басенъ И. И. Дмитріева, по нашему мнѣнію, есть языкъ образованнаго свѣтскаго человѣка; слогъ И. А. Крылова изображаетъ простодушіе и вмѣстѣ съ тѣмъ замысловатость русскаго народа; это русскій умъ, народный русскій языкъ, облагороженный философіею и свѣтскими приличіями. Содержаніе его басенъ представляетъ галерею русскихъ нравовъ, но только не въ родѣ Теньѐра, а въ родѣ возвышенной исторической живописи, принадлежащей къ русской народной школѣ. Впрочемъ для И. И. Дмитріева остается столь много преимуществъ, что ему легко уступить другому первенство въ басняхъ. Онъ *первый* въ сатирахъ и посланіяхъ, *первый* въ сказкахъ, *первый* въ пѣсняхъ *, *одинъ изъ первыхъ* въ лирической поэзіи и первый въ легкихъ стихотвореніяхъ. Этого слишкомъ довольно, чтобы *навсегда остаться безсмертнымъ на русскомъ Парнасѣ*».

Полярная звѣзда, на 1825, изд. А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ, стр. 15. «Взглядъ на русскую словесность въ теченіи 1824 и началѣ 1825 г., А. Бестужевъ». — «И. А. Крыловъ порадовалъ насъ новыми прекрасными баснями; нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, и скоро сіи плоды вдохновенія, числомъ до *тридцати*, покажутся въ полномъ собраніи».

---

* Рядомъ съ И. И. Дмитріевымъ можно поставить въ пѣсняхъ Нелединскаго-Мелецкаго. (Тоже.)

«Сѣверные цвѣты», собр. б. Дельвигомъ на 1825, стр. 26 «О русскихъ поэтахъ», письмо къ гр. С. Н. С., П. Плетнева. (См. б. «Орелъ и Пчела»).

Сынъ Отечества, 1825, ч. 99, стр. 313. «Отечественная литература, Письма на Кавказъ», 2-е письмо. — «Должно ли говорить о басняхъ И. А. Крылова? Онѣ прекрасны, замысловаты, но.... право, не хочется высказать,— по разсказу не могутъ сравниться съ прежними его баснями, въ которыхъ съ прелестью поэзіи соединено что-то русское, національное. Въ прежнихъ басняхъ И. А. Крылова мы видимъ русскую курицу, русскаго ворона, медвѣдя, соловья и т. п. Я не могу хорошо изъяснить того, что чувствую при чтеніи его первыхъ басенъ, но мнѣ, кажется, будто я видѣлъ гдѣ-то этихъ звѣрей и птицъ, будто они водятся въ моей родительской вотчинѣ. Лучшія басни Крылова, по моему мнѣнію, суть тѣ, которыхъ нельзя перевесть на чужой языкъ, и почти ни одна прежняя его басня не можетъ быть переведена со всѣми подлинными красотами. О новыхъ басняхъ, напечатанныхъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» и въ «Сѣверной пчелѣ (?)», по совѣсти нельзя сказать этого. Онѣ чрезвычайно хороши, однимъ словомъ, б. Крылова (особенно «Муха и Пчела» и «Прихожанинъ»); но онѣ могутъ быть столь же хорошо переведены. Нельзя не замѣтить здѣсь антологической бездѣлки И. А. Крылова: «Три поцѣлуя». Анакреонъ въ преклонныхъ лѣтахъ не могъ бы лучше изъяснить возвратившихся на минуту воспоминаній юности»

Сынъ Отечества, 1825, ч.100, стр. 285. «Нѣсколько замѣчаній на статью г. Геро о переводѣ басенъ Крылова, помѣщенную въ іюньской книжкѣ журнала: Revue Encyclopédique: Fables Russes, tirées du recueil de M. Kriloff, etc». Авторъ статьи, подписавшійся NN, исправляетъ сначала ошибки Геро въ сужденіяхъ его о б. Сумарокова, переходитъ къ разсмотрѣнію проведенной имъ параллели между Ла Фонтеномъ и Крыловымъ, и останавливается на слѣдующемъ заключеніи Геро: «Но есть одна точка, на которой французскій баснописецъ беретъ верхъ; русскій же поэтъ, кажется, ее слишкомъ пренебрегъ, а именно: вѣроятность дѣйствія, столь необходимая въ баснѣ, что безъ нея обманъ воображенія становится невозможнымъ». Можно ли.... «чтобы щука ходила съ котомъ на ловлю мышей, чтобъ мужикъ нанялъ осла стеречь свой огородъ, чтобъ у другаго мужика змѣя бралась воспитать дѣтей, чтобъ щука, лебедь и ракъ впряглись въ одинъ возъ и проч.?» Замѣчаніе опровергается тѣмъ, что и у Ла Фонтена есть подобныя же несообразности: звѣри посылаютъ дань Александру Македонскому (кн. IV); летучая мышь, кустъ и улитка сдѣлались торговыми товарищами и даже завели конторы (кн. VII); что крысѣ черепашки кажутся корабликами (кн. VIII) и пр.»

---

* На эту статью въ «Московскомъ телеграфѣ» № 4, было напечатано возраженіе: «Жуковскій, — Пушкинъ, — о новой піитикѣ басенъ, ст. кн. П. А. Вяземскаго. Авторъ письма, высказавшій мнѣніе свое и объ упомянутыхъ двухъ поэтахъ, написалъ антикритику, въ «С. От.» 1825, ч. 100, стр. 280.

«Г. Геро дѣлаетъ упрекъ почтенному издателю басенъ Крылова въ Парижѣ, гр. Г. В. Орлову, за помѣщеніе въ семъ собраніи трехъ слѣдующихъ басенъ: «Демьянова Уха», «Свинья» и «Гребень». Еще болѣе жалѣетъ онъ, какъ рыцарь прекраснаго пола, что переложеніе сихъ б. на французскіе стихи досталось двумъ дамамъ *. «Могли ли ихъ дарованія, говоритъ онъ, явиться съ выгодной стороны въ столь неблагодарномъ трудѣ? и какія пріятныя картины, какой привлекательный урокъ можно было извлечь изъ такихъ предметовъ»? Хваля г. критика за уваженіе къ прекраснымъ его соотечественницамъ, мы все-таки скажемъ, что г. Крыловъ здѣсь не виноватъ. Вольно-жъ было г-жѣ Амабль Тастю развернуть въ б. Soupe au poisson, написанной, можно сказать, въ подражаніе б. Крылова, «Демьянова Уха», такую картину, которую нашъ баснописецъ открылъ своимъ читателямъ съ большою осторожностію. Стихъ:

«А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ».

Замѣненъ слѣдующимъ:

Etienne se soumet; son coeur bondit.... il crève....

Эта картина и въ самомъ дѣлѣ отвратительна. Также и въ б. «Свинья», весьма осмотрительно нашъ писатель, можно сказать, намекнулъ только о томъ, что видѣла хавронья на барскомъ дворѣ:

Все только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.

Прелагательница же сей б. дала себѣ волю сказать гораздо больше и яснѣе:

C'est dans la basse-cour un assez beau fumier,
Puis un bassin d'eau verte, *un gros tas d'immondices*,
Voilà tout, et ma bonne foi,
Par un seul fait je vous le prouve,
Car des beautés, qu'en ce château l'on trouve
Je porte encor les parfums avec moi.

Но хотѣлъ бы я знать, чѣмъ оскорбляется разборчивый вкусъ критика въ б. «Гребень»? Картина, представленная Крыловымъ, именно изъ тѣхъ, которыя сами французы называютъ *привлекательными* (des tableaux gracieux). Вотъ изображеніе волосовъ дитяти:

..... Кудри золотые,
Волнистые, барашкомъ завитые
И мелкіе, какъ тонкій ленъ.

Наконецъ, дополнительная мысль г. Крылова, когда мальчикъ бросилъ гребень въ рѣку:

Теперь имъ чешутся наяды....

такова, что въ поэмѣ, требующей гораздо больше разборчивости вкуса составляла бы красоту».

---

* Демьянова Уха и Гребень — г-жѣ Амабль Тастю, Свинья — г-жѣ С. Ге (Gay).

Далѣе слѣдуютъ бѣглыя замѣчанія о сужденіяхъ Геро о переведенныхъ басняхъ Крылова. Статья заключается сравненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ перевода рецензіи Геро, помѣщеннаго въ «Московск. телеграфѣ» (№ 18).

Сынъ Отечества, 1825, ч. 102, стр. 67 и 173. «Предисловіе г. Лемонтея къ изданію басенъ Крылова съ французскими и италіанскими переводами», переводъ С.... — Послѣ общаго и весьма поверхностнаго очерка исторіи русскаго народа и его литературы, авторъ переходитъ къ баснописцамъ, которыхъ насчитываетъ три: Хемницера, Дмитріева и Крылова. Послѣднему отдаетъ между ними первенство. Разсказавъ весьма кратко и мѣстами ошибочно его біографію, и перечисливъ его драматическія сочиненія, авторъ предисловія продолжаетъ: «Но истинный свой талантъ г. Крыловъ явилъ въ басняхъ и сталъ въ первомъ ряду литераторовъ своей отчизны. Вниманіе, которое привлекаетъ къ себѣ столь отличный писатель, возбуждаетъ желаніе узнать его самого, и вотъ подробности, сообщенныя мнѣ нѣкоторыми путешественниками, сведшими съ нимъ знакомство въ Петербургѣ. Г. Крыловъ имѣетъ отъ роду около 56 лѣтъ, высокъ ростомъ, полонъ лицемъ и тѣломъ; походка его небрежна; простое и открытое его обращеніе внушаетъ къ нему довѣріе. Ни отъ кого не завися и не бывъ женатъ, онъ не избѣгаетъ ни игры, ни удовольствій. Въ обществѣ, онъ больше замѣчаетъ, нежели говоритъ; но когда его взманятъ, то разговоръ его бываетъ весьма занимателенъ. При всемъ томъ, онъ никогда не выѣзжалъ изъ Россіи, не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ, *и только понимаетъ по-французски* *. Подъ тучною его наружностію кроется умъ тонкій и быстрый, вкусъ разборчивый, сердце человѣколюбивое и доброхотное, и всѣ качества превосходнаго друга. Въ одномъ только его укоряютъ, — и это, къ сожалѣнію, есть господствующая черта его характера: онъ перенесъ подъ 60 градусъ широты безпечность неаполитанскую, и предается той роскошной лѣни, которая взлелѣяла геній Ла Фонтена и Шольё. Муза его уступаетъ только настойчивымъ просьбамъ друзей: это *басенникъ* **, который должно крѣпко потрясти, чтобы съ него упали плоды.

«Баснями г. Крылова открылся славный періодъ, въ который Россія, испытавъ себя въ литературѣ, такъ сказать, *заморской*, увидѣла у себя и словесность истинно народную, и публику, ей внемлющую. Басни сіи, думаю, и донынѣ составляютъ то, что Парнассъ невскій имѣетъ совер-

---

* Переводчикъ замѣчаетъ, что это несправедливо, потому что Крыловъ кромѣ французскаго, зналъ нѣмецкій и италіанскій языки, да кромѣ того въ преклонныхъ уже лѣтахъ научился греческому.

** Французы въ семъ случаѣ употребляютъ слово Fablier, означающее какъ бы *басенное дерево*, и составленное по образцу словъ: pommier, poirier, murier exc.

шеннѣйшаго. Ни одинъ народъ не имѣетъ баснописца, который бы превзошелъ сего писателя въ новости разсказа и изобрѣтенія. Почти всѣ его басни принадлежатъ собственно ему. Разсказъ его отличается тонкостію подъ видомъ простосердечія и правдоподобіемъ, и усѣянъ веселыми и остроумными подробностями. Онъ съ отмѣннымъ искусствомъ употребляетъ краски мѣстныя, и кисть его, прямо русская, показываетъ, какъ въ зеркалѣ, необыкновенное подобіе народа, который заемлетъ столько же простоты отъ праотеческаго образа своей жизни, сколько тонкости ума отъ положенія своего въ обществѣ человѣческомъ.

«Изобрѣтеніе въ басняхъ г. Крылова вообще исполнено ума. Онъ рѣдко играетъ своими уроками; нравоученіе его открыто и твердо, иногда даже сбивается на эпиграмму, или на ту общую сатиру, которая есть оружіе добродѣтели. Слогъ его, котораго совершенство живо чувствуютъ его единоземцы, совокупляетъ въ себѣ два рода красотъ, недоступныхъ для переводчиковъ: съ одной стороны онъ обилуетъ словами звукоподражательными, а съ другой онъ искусно извлекаетъ изъ нарѣчія простонароднаго самыя, такъ сказать, удобныя и нежданныя выраженія, которыя сами собою пробуждаютъ множество понятій, чувствованій и воспоминаній, любезныхъ русскимъ. Къ счастію русскаго языка, одна и та же эпоха являетъ въ немъ г. Карамзина и г. Крылова, и оба они оказываютъ ему важныя и разнообразныя услуги. Первый изъ нихъ возвышаетъ ту частъ сего языка, которая прилична достоинству исторіи, второй изощряетъ въ немъ то, что способно къ списыванію нравовъ. Можно сказать, что г. Карамзинъ даетъ избираемымъ имъ словамъ грамоты на благородство, а г. Крыловъ надѣляетъ слова своего выбора патентами на умъ....

«Правда, не легко было доказать сего переводомъ г. Крылова. То, что мы сказали о его слогѣ, богатомъ звукоподражаніями и выраженіями, такъ сказать, сродными народу и нравамъ его отчизны, довольно ясно уже доказываетъ, что сіи мѣстныя красоты неудобопереносимы въ другой языкъ. Крыловъ, переселенный такимъ образомъ подъ чужое небо, не былъ бы узнанъ своими соотечественниками, такъ какъ и мы не узнаемъ Монтаня и Ла Фонтена въ самыхъ лучшихъ переводахъ. Посему должно было оставить напрасныя попытки — переводить поэзію его басенъ, а ограничиться подражаніями, для которыхъ дѣльность содержанія, прелесть и новость подробностей доставляютъ писателямъ всѣхъ странъ удобный запасъ. Для облегченія сихъ подражаній, графъ Орловъ началъ переводить басни своего единоземца на французскій языкъ прозою и какъ можно ближе къ подлиннику и надъ симъ, уже готовымъ запасомъ, трудились поэты французскіе и италіанскіе, съ свободою таланта и отбросивъ всѣ препоны, противополагаемыя текстомъ подлиннымъ. Такимъ образомъ, изъ творенія г. Крылова до насъ дойдетъ все, что могло перейти за предѣлы Россіи, и новыя красоты, безъ сомнѣнія, замѣнятъ тѣ, которыхъ намъ не суждено постигнуть.» — Затѣмъ слѣдуетъ пере-

численіе писателей, принимавшихъ участіе въ переводѣ басенъ Крылова, и художниковъ, составлявшихъ картинки (числомъ 5) для этого изданія.

Московскій телеграфъ, 1825, часть V, № XVII, критика и библіографія, стр. 40—46. «О предисловіи г. Лемонте къ переводу б. И. А. Крылова»; статья подписана: Н. К. Подъ этими буквами скрылъ свое имя Пушкинъ. (Соч. т. I, стр. 157).

Московскій телеграфъ, 1825, ч. V, № XVIII, отд. Науки и искусства, стр. 100 — 121. — «Разсужденіе Ф. Сальфи о переводѣ б. Крылова».

Московскій телеграфъ, 1825, № LXI, стр. 245, отд. критики и библіографіи. Рецензія на изданіе перевода басенъ Крылова: Fables russes, tirées du recueil de M. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs, précédées d'une Introduction française de M. Lemontey et d'une Préface italienne de M. Salfi, publieés par M. le comte Orloff, Paris. 1825.

Сѣверные цвѣты, собр. б. Дельвигомъ на 1831 г., стр. 36. Объ изданіи: «Басни И. Крылова» въ 8 книгахъ. «Есть люди, которые по разсчетамъ ли здраваго ума, или по экономіи самой природы, позже другихъ начинаютъ предаваться всѣмъ наслажденіямъ жизни; за то эти наслажденія долговѣчнѣе, чувства ихъ соблюдаютъ всю живость, ощущенія всю свѣжесть молодости въ такія лѣта, когда другіе живутъ уже однимъ воспоминаніемъ. Тоже можно примѣнить и къ талантамъ, и говоря о нихъ, естественно приходитъ на мысль несравненный нашъ Крыловъ. Талантъ сего баснописца развился въ возрастѣ зрѣлаго мужества и съ тѣхъ поръ безпрерывно шелъ отъ успѣховъ къ успѣхамъ, отъ совершенства къ совершенствамъ. Избранный имъ родъ сочиненій весьма благопріятствовалъ сему позднему развитію: басня требуетъ *поэзіи ума*, т. е. отчотливости въ созданіи, обдуманности въ цѣли, правдоподобія, глубокой истины въ примѣненіяхъ и, такъ сказать, *цѣлости* и полноты обѣихъ частей ея — вымысла и нравственныхъ слѣдствій, изъ онаго извлекаемыхъ. Въ лѣта, когда страсти перестаютъ мучительно тревожить насъ, въ лѣта опытности и соображенія, человѣкъ яснѣе видитъ пороки и недостатки человѣческіе, полнѣе постигаетъ ихъ, и вѣрнѣе передаетъ въ своихъ поучительныхъ разсказахъ. Таковъ плѣнительный наставникъ нашъ Крыловъ: онъ чудно соединилъ въ себѣ юность поэтическаго дарованія съ пожилыми совѣтами и наставленіями разсудительной опытности; любуешься и дивишься, встрѣчая у него часто свѣжіе, трепещущіе жизнью и цвѣтущіе молодостью стихи на ряду съ поученіями ума, давно знакомаго съ жизнью и по опыту знающаго ея превратности. — Новыхъ басенъ его въ этомъ новомъ изданіи двадцать одна: всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о сочной зрѣлости таланта баснописцева, и ни въ одной нѣтъ ни малѣйшихъ примѣтъ преклонности или охлажденія. Издатель, книгопродавецъ Смирдинъ, заслуживаетъ благодарность русскихъ за то, что сію истинно народную русскую книгу, чтеніе по сердцу всякаго, старался сдѣлать *чтеніемъ и по*

карману каждаго, даже недостаточнаго читателя: экземпляры оной, хорошо напечатанные на порядочной бумагѣ, продаются по 4 рубля.»

Библіотека для чтенія, 1834, № I, отд. I, стр. 163. «Письмо въ Парижъ къ Якову Николаевичу Толстому»; Н. Гречъ.

«Первыя мѣста въ числѣ дѣйствующихъ нашихъ поэтовъ занимаютъ Крыловь и Пушкинъ. Жаль. что къ нимъ нельзя приложить рецепта Репетилова:»

Писать, писать, писать!

Крыловъ изрѣдка выдаетъ свои новыя басни. Пять было напечатано въ *Новосельѣ*. Надѣемся, что и *Библіотека для чтенія* будетъ украшаться ими. Крыловъ, какъ человѣкъ умный, не довѣряетъ самъ себѣ и на старости боится славы архіепископа гренадскаго. Мнѣ кажется, что это опасеніе напрасно. Не говоря о поэтическомъ талантѣ его, который ни мало не увялъ съ лѣтами, замѣтили, что и самый родъ его стихотвореній менѣе другихъ подверженъ вліянію лѣтъ. Воображеніе, чувство, пламя лирическое, могутъ потухнуть съ лѣтами, но свѣтская наблюдательность, умъ, прелесть разсказа не ветшаютъ въ человѣкѣ съ дарованіемъ.

Стр. 174: «И. А. Крыловъ по прежнему проводитъ утра, занимаясь своею должностію главнаго библіотекаря русскаго отдѣленія имп. публ. библіотеки, обѣдаетъ въ англійскомъ клубѣ и тамъ просиживаетъ вечеръ, невольно собирая вокругъ себя кружокъ всего, что есть умнаго, грамотнаго и толковаго въ семъ разнообразномъ обществѣ.

Библіотека для чтенія, 1834, № IV, отд. VI, стр. 1. — «Басни Ивана Крылова» Спб. 1834. «Это прекрасное изданіе твореній великаго баснописца соединяетъ съ занимательностію содержанія художническую важность: девяносто три переводныхъ картинокъ карандаша г. Сапожникова... усугубляютъ прелесть живописной поэзіи Крылова».

Библіотека для чтенія, 1834, т. III, отд. III, стр. 177. «Картинки г. Сапожникова и б. Крылова» В. И. Григоровича. — Авторъ находитъ, что къ басн. Крылова картинки необходимы: онѣ помогаютъ памяти: наглядное изученіе крѣпче вкореняетъ въ ней пріобрѣтаемыя свѣдѣнія. Крыловъ самъ хотѣлъ сдѣлать подобное изданіе и принималъ къ тому мѣры; хотѣлъ, по недостатку граверовъ въ Россіи, поручить выгравировать картинки на стали въ Англіи и напечатать тамъ самый текстъ. Съ него спросили милліонъ рублей. Сапожниковъ осуществилъ мысль Крылова. Вообще о картинахъ авторъ говоритъ:

«Искусство художественнаго произведенія состоитъ въ точномъ выраженіи избраннаго предмета; но изобразить не болѣе того, что нужно изобразить такъ, чтобы не было ни въ чемъ недостатка, — это задача, которой разрѣшеніе дается не многимъ. Художникъ долженъ быть богатъ воображеніемъ, чтобы не повторять собственныхъ своихъ, тѣмъ болѣе чужихъ идей и представлять предметы въ ихъ характерѣ. Онъ долженъ знать условія искусства, чтобы умѣть составить картину группу; долженъ твердо и свободно рисовать, чтобы рука повиновалась его фан-

тазіи, долженъ чувствовать за другихъ и постигать, какъ обнаруживаются чувства въ лицахъ и движеніяхъ, чтобы живописать страсти, безъ чего самыя важныя художественныя творенія бываютъ холодны и безжизненны. Въ картинкахъ г. Сапожника разнообразіе сочиненія чрезвычайно. Всякое изъ нихъ совершенно ново и оригинально; характеры лицъ, званій, половъ, дѣйствія схвачены вѣрно. Животныя имѣютъ свою свойственную каждому характеристику. Все начертано, легко свободно, кажется, безъ малѣйшаго труда; неисправностей въ рисункѣ нѣтъ, или онѣ незамѣтны. Вездѣ видѣнъ разговоръ, страсти ясно выказаны, гравировка замѣчательна особенною непринужденностію руки опытнаго художника, управлявшаго иглою по мѣди, какъ карандашемъ или перомъ по бумагѣ.» — Затѣмъ разсказывается содержаніе нѣкоторыхъ картинъ, причемъ указываются моменты разсказа, изображенныя на картинахъ.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1838, ч. XVII, отд. разныя извѣстія. «Обѣдъ, данный Ивану Андреевичу Крылову въ залѣ благороднаго собранія, 2 февр. 1838 г.» Описаніе обѣда; въ примѣчаніяхъ приведены рѣчи: Оленина, А. С. Норова, Жуковскаго, кн. Одоевскаго и стихи кн. Вяземскаго. (Статья подписана буквами Б. Ф.).

Современникъ, 1838, т. IX, стр. 57. «Праздникъ въ честь Крылова». Статья написана по поводу пятидесятилѣтняго юбилея Крылова Плетневымъ (2-го февр. 1838 г.).

«Поэтъ, по назначенію своему, обязанъ все, доступное обработыванію душевныхъ силъ, лучшими орудьями языка пересоздать въ ясные, полные и живые образы, которые бы изъ области его искусства представляли намъ еще природу со всѣми вѣчными ея законами.» «Крыловъ въ точномъ смыслѣ слова поэтъ, хотя не разнороденъ, но разнообразенъ. Оставивъ другія отрасли безграничнаго искусства, онъ всего себя посвятилъ одной, для которой природа такъ счастливо образовала его душу: преобладающее направленіе ума его обнаруживается уроками практической, житейской мудрости. Онъ по природѣ своей такъ наклоненъ къ этому предмету, что изслѣдованіями своими обвелъ его со всѣхъ сторонъ.» Безъ сильныхъ производительныхъ силъ и сочувствія къ истиннымъ красотамъ природы, съ такимъ направленіемъ ума легко можно бы вдаться въ холодность дидактическую, чего не замѣтишь ни въ одномъ его стихотвореніи. Обдумывая изложеніе какой нибудь истины, которая сама по себѣ столь же неоспорима, какъ и нага, онъ поэтическимъ чувствомъ видитъ и слышитъ ее въ душѣ своей рождающуюся такъ согласно съ законами искусства, какъ бы зачалась она прямо съ поэтическаго зародыша — съ формы чувственной и вмѣстѣ одушевленной. Ни одинъ изъ множества тоновъ прекраснаго не затруднилъ его. Онъ каждый выдержалъ вѣрно, перепробовавши всѣ. Обработываніе одного рода поэзіи не препятствуетъ истинному таланту разнообразить его произведенія.... На всякую новую истину у него готовы новыя краски, и новое вдохновеніе, и новая жизнь. Останавливаясь

мысленно предъ какою нибудь идеею, вникая ли въ нее долго, или по художническому свойству мгновенно обнимая ее съ неимовѣрною живостью, какъ бы то ни было, только онъ никогда не возвращается къ прежнимъ своимъ картинамъ, не ищетъ пособія въ старыхъ своихъ опытахъ, но сливается вполнѣ съ предметомъ, въ эту минуту его поразившимъ, и все почерпаетъ изъ этой жизни»... Запасъ истинъ, доступныхъ его душѣ, столь же неистощимъ, какъ явленія жизни. Даже старая мысль, нѣсколько разъ являвшаяся у его предшественниковъ, облеченная имъ въ новые образы, является какъ созданіе, трепещущее свѣжестію бытія.

«Находясь на такой высокой степени какъ поэтъ, Крыловъ еще замѣчательнѣе какъ баснописецъ... Онъ во всемъ чувствуетъ проявленіе чего-то человѣческаго, подобно жителю Индіи, вѣрующему въ переселеніе душъ. Нѣтъ вещи въ природѣ, которая, не говорила бы ему о человѣкѣ и каждое о немъ помышленіе пріемлетъ какой нибудь одинъ изъ тѣхъ образовъ, которыми такъ богата вселенная. Но какія бы видѣнія ни преслѣдовали душу баснописца, онъ не можетъ освободиться отъ двойственнаго прикосновенія: съ одной стороны человѣка, съ другой аллегорическихъ актеровъ, замѣняющихъ его въ каждомъ апологѣ.

«Баснописецъ, приведенный самою сущностью поэзіи своей въ какую-то ограниченную дѣятельность, принужденъ истощать весь талантъ на образы, положенія и другія внѣшнія красоты выводимыхъ имъ существъ, по наслѣдству переходящихъ изъ одной литературы въ другую... Можетъ быть, этотъ тѣсный горизонтъ, изъ-за котораго мудрено съ перваго шага предвидѣть обширное поле, нѣкогда породилъ въ немъ то отвращеніе отъ апологической поэзіи, о которомъ не забылъ онъ до сихъ поръ». Но онъ преодолѣлъ это отвращеніе, и басня сдѣлалась для него только привычною формою поэзіи истинной и всеобъемлющей. «Человѣкъ въ частной своей жизни, гражданинъ въ общественной дѣятельности, природа въ своемъ вліяніи на духъ нашъ, страсти въ ихъ борепіи, причуды, странности, пороки, благородныя движенія сердца, вѣчные законы мудрости — все перешло въ его область, все подверглось его изслѣдованію, все къ общему изумленію, разрѣшено имъ съ такою ясностію, съ такою легкостію, съ такимъ высокимъ поэтическимъ достоинствомъ, что нынѣ Крыловъ, какъ баснописецъ, конечно, первый поэтъ въ Европѣ. Самыхъ знаменитыхъ изъ числа его предшественниковъ можно сравнить съ дѣтьми; а онъ подлѣ нихъ — мужъ. Они простодушны и увлекательны; а онъ глубокъ и поразителенъ. Поэзія къ нимъ являлась для оживленія всѣмъ извѣстной мысли; а у него передъ глазами полная сокровищница жизни, изъ которой онъ извлекаетъ все новыя мысли и съ ними новую поэзію».

Полная слава Крылова наступитъ тогда, когда русскій языкъ и его литература сдѣлаются предметомъ изученія европейцевъ: «истинный поэтъ такой же дѣеписатель, какъ и историкъ, съ тою разницею, что

послѣдній сохраняетъ строгую систему въ распредѣленіи событій, а первый набрасываетъ группы, не заботясь о ихъ послѣдовательности... Крыловъ во всемірное книгохранилище положилъ твореніе о своемъ отечествѣ съ изумительнымъ прагматизмомъ обработанное».

Явленія русской жизни не представлялись бы такъ поразительно, если бы были представлены другимъ художникомъ-писателемъ: «въ русскомъ языкѣ Крылова есть таинства, еще никѣмъ изъ нашихъ поэтовъ не разоблаченныя: но по крайней мѣрѣ никто ими не воспользовался такъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ Крыловъ. Онъ какъ будто родился, чтобы все русское облекать въ такіе стихи, отъ которыхъ предметъ заимствуетъ болѣе жизни и цвѣту. Она въ такой симпатіи сходится съ идеями, что для обозначенія ихъ выбираетъ съ удивительною разборчивостію и мѣткостію только имъ свойственныя выраженія, обороты рѣчи, разстановку словъ, даже звуки ихъ. Конечно, въ самой сущности дѣла идея уже предполагаетъ бытіе и слова своего; но въ этомъ и состоитъ авторское достоинство, чтобы совокупить въ произведеніи со всею строгостію только такія идеи, которыя вмѣстѣ образуютъ чудную гармонію мыслей, картинъ и событій... Крыловъ проникнутъ чувствомъ всего русскаго — все у него возникаетъ въ воображеніи подъ неизмѣннымъ типомъ народности русской». Въ концѣ статьи авторъ переходитъ къ юбилею и изображаетъ Крылова, «растроганнаго и смущеннаго новостію его положенія посреди друзей, знакомыхъ и чужихъ, гдѣ для всѣхъ онъ былъ единственнымъ предметомъ радости и вниманія»...

Отечественныя записки, 1840, т. X, отд. русск. лит., стр. 2. «Басни Ивана Крылова», въ восьми книгахъ. Сороковая тысяча. Статья Бѣлинскаго, перепечатанная въ IV томѣ его сочиненій, стр. 9.

Современникъ, 1841, т. XXII, стр. 42, въ отдѣлѣ новостей русской литературы. — Разсказывается анекдотъ о листѣ нотной бумаги, неправильно переданный въ біографіи Крылова, напечатанной въ *Портретной и біографической галлереѣ словесности, наукъ, художествъ и искусствъ въ Россіи*, которая здѣсь разбирается.

Звѣздочка, 1844, ч. IX, № 1. «Крыловъ», статья, написанная, какъ видно изъ примѣчанія редакціи, одною дамою, лично знавшею Крылова; съъ эпиграфомъ:

Какой-то чародѣй, какъ говоритъ преданье,
Ключъ къ тайнѣ нравиться въ волшебный ларчикъ скрылъ;
Его могло открыть одно лишь дарованье:
Крыловъ нашъ просто взялъ — да и открылъ.

Статья обнимаетъ дѣтство Крылова; важнѣйшіе факты, въ ней изложенные, внесены Плетневымъ и Бантышъ-Каменскимъ въ біографію баснописца.

Библіотека для чтенія, 1844, т. 62, отд. VI, стр. 30. «Басни И. А Крылова», въ девяти книгахъ, 1843 г. — Которое это изданіе басенъ И. А. Крылова, право, мы ужъ и сосчитать не умѣемъ. Но дѣло въ томъ,

что И. А. умножилъ его одиннадцатью новыми баснями. И новыхъ басенъ Крылова! Да это кладъ для литературы, цѣлая библіотека для публики, золотая розсыпь для книжной торговли: для «разработки» этихъ 11-ти басенъ, вѣрно, составилась уже компанія на акціяхъ. Изумительный старецъ! 2-го февр. 1843 г. кончилось ему 75 лѣтъ; но прочитайте его новыя басни: онѣ также свѣжи, какъ тѣ, которыя писалъ онъ въ лучшіе дни своей жизни». Приводится б. «Волки и Овцы».

Отечественныя записки, 1844, т. II, отд. библіографіи: «Басни Ивана Крылова», въ девяти книгахъ. СПб. 1844.—Статья Бѣлинскаго, перепечатанная въ его сочиненіяхъ, т. IX, стр. 78.

Современникъ, 1844, т. XXXV, стр. 299. Упоминается о Крыловѣ, какъ постоянномъ посѣтителѣ субботнихъ вечеровъ Жуковскаго.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1844, ч. XLIV, отд. VII, стр. 11, Новости и смѣсь. Извѣстіе о смерти и погребеніи Ивана Андреевича Крылова (перепеч. изъ Сѣверной пчелы).

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1844, XLV, отд. VII, стр. 19. Объявленіе о памятникѣ Крылову.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1844, ч. XLV, отд. III, стр. 25. Отчетъ Имп. Акад. Наукъ по отд. Рус. языка и Слов., читанный 29 дек. 1844 г. въ публ. собр. Ордин. Акад. Д. Ст. Сов. П. А. Плетневымъ.

Въ краткомъ вступленіи сказано, что «Крыловъ для другихъ націй всегда останется какъ самый вѣрный и точный представитель того, что есть оригинальнаго, любопытнаго и выразительнаго въ русскомъ духѣ, въ русскихъ нравахъ, въ русскомъ соображеніи и дѣятельности мысли;» что онъ, «посвятивъ себя преимущественно апологической поэзіи, не смотря на тѣсную раму ея, умѣлъ обнять главное въ народной жизни и нарисовать картины свои характерными красками, заимствованными изъ нашей природы, изъ нашей общежительности, изъ нашей чистой рѣчи»; что «изученіе иностранныхъ языковъ, чтеніе писанныхъ на нихъ сочиненій, сближеніе съ людьми разныхъ націй, принятіе привычекъ, разлучающихъ насъ съ чисто русскимъ бытомъ, словомъ, все вліяніе той общительности, которая въ Европѣ такъ сглаживаетъ національныя особенности, — не покорили себѣ Крылова, какъ многихъ изъ нашихъ писателей; и онъ своими сочиненіями оставилъ потомству памятникъ русской народности въ совершеннѣйшемъ видѣ по созданію, изложенію и краскамъ».

За тѣмъ слѣдуетъ бѣглое изложеніе его біографіи и литературной дѣятельности; авторъ останавливается на Крыловѣ какъ баснописцѣ: «Крыловъ написалъ въ это время (во время службы въ библіот.) большую часть своихъ басенъ, годъ отъ году восходя выше и выше въ соображеніи ихъ, въ оригинальности мыслей и описаній, въ глубокозначительности вымысловъ, въ неподражаемой вѣрности характеровъ, въ изумительной точности русскаго языка и обрисовкѣ природы. Прежде высочайшею похвалою для баснописца было у насъ выраженіе: это русскій Ла Фонтенъ. Оно для Крылова теперь уже было бы несправедливостію. Въ его

созданіяхъ, принадлежащихъ лучшей эпохѣ его, видѣнъ самобытный геній, извлекающій все изъ собственной души, изъ окружающаго его общества, изъ жизни изученнаго имъ народа, изъ смысла и духа роднаго языка и внятной сердцу поэта нашей природы. Изъ всѣхъ Русскихъ писателей наиболѣе Крылову угрожали двѣ крайности: послѣ Ла Фонтена онъ нечувствительно могъ впасть въ принужденное французское простодушіе и привыкнуть къ изысканности въ разсказѣ и отдѣлкѣ стиховъ; или увлекшись ложною, такъ называемою народностію, онъ могъ обременить, даже обезобразить свои произведенія вынужденно простыми выраженіями, безвкусными картинами и неумѣстнымъ во всемъ подражаніемъ грубой простонародности. Его талантъ, его тонкій умъ, его врожденное, такъ сказать, чутье, указали ему истинный путь по каждой сторонѣ искусства, и онъ сдѣлался русскимъ народнымъ писателемъ въ благородномъ, въ надлежащемъ значеніи этого слова. Его басни вразумительны, увлекательны и исполнены поэзіею для всѣхъ возрастовъ, для всѣхъ сословій. Онъ простъ въ созданіи, кратокъ, но полонъ въ разсказѣ, живъ и самообразенъ въ украшеніяхъ, точенъ, всегда правиленъ, выразителенъ и новъ въ языкѣ. Высочайшая тайна магическаго искусства его заключалась въ полномъ его сочувствіи съ духомъ народа: умъ, сердце и душа его проникнуты были русскими элементами».

Авторъ переходитъ къ опредѣленію дѣятельности Крылова какъ академика: «Умственная дѣятельность Крылова не была дѣятельностію ученою въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее обыкновенно. Ему были чужды эти утомительные, разнообразные, хотя и однородные труды, которые изъ науки образуютъ послѣдовательность первоначальныхъ идей, ихъ успѣховъ и окончательныхъ выводовъ. Ни частная, ни общая, ни сравнительная грамматика или лексикографія не привлекали его вниманіи. Филологія, критика, эстетика и философія не пріобрѣли отъ него особенныхъ изслѣдованій, разсужденій и системъ. Правда: въ этомъ значеніи онъ не былъ академикомъ; за то онъ былъ едва ли не цѣлою академіею. Въ творческомъ, свѣтломъ и дѣятельномъ умѣ его возникали, принимали образы и полную жизнь геніальныя откровенія, вѣчныя истины, уроки мудрости, завѣты опытовъ, идеалы художнической красоты. Ихъ приняли милліоны людей въ тѣхъ вѣчно неизменныхъ формахъ, съ тѣми многозначительными выраженіями, какія созидаются только природою и геніями. Всѣ академіи въ мірѣ не могутъ похвалиться столь дѣйствительнымъ вліяніемъ на умственное, нравственное, гражданское и даже религіозное образованіе человѣчества, какое производилъ незамѣтно, но повсемѣстно и безпрерывно одинъ геніальный писатель. Онъ не только творецъ и законодатель языка, но и всего, что въ душу нашу входитъ изъ этой метафизической вселенной. Разскрытіе и объясненіе силы и законовъ геніальнаго писателя — этой натуральной академіи — достаточно снабжаютъ благороднымъ трудомъ всѣхъ академиковъ, хотя нерѣдко и здѣсь они такъ же приходятъ въ недоумѣніе, какъ испытуя силы и за-

..оны природы. Геніяльныя произведенія, подобно произведеніямъ природы, оставляютъ въ насъ неизгладимыя впечатлѣнія; но тѣ и другія, такъ легко и свободно сливаясь съ душею нашею, по большей части хранятся въ ней неразгаданными».

«Не удивительно, что Крыловъ, не выходя изъ своей, тѣсной по наружности, сферы дѣятельности, проникнулъ своимъ геніемъ въ каждое русское сердце и населилъ каждое воображеніе своими сказаніями. Не одинъ слѣпой случай ввелъ его какъ наставника, любимца и друга въ семейный кругъ русскаго народа и въ шумные классы дѣтей. Его чтили, изучали и пользовались уроками его люди высшаго образованія, на всѣхъ ступеняхъ гражданской дѣятельности. Его почтили вниманіемъ благоволеніемъ, любовію два Монарха наши — Александръ и Николай. Благоволящее ко всему прекрасному, семейство ихъ усладило жизнь его нѣжнымъ участіемъ и осыпало гробъ его цвѣтами трогательнаго воспоминанія. Всѣ ученыя сословія наши торжественно внесли имя его въ свои лѣтописи, какъ дѣятельнаго участника въ общеполезныхъ трудахъ ихъ. Бывшая императорская россійская академія избрала его въ 16 день декабря 1811 г. въ свои дѣйствительные члены — званіе, которое носилъ онъ до кончины своей и въ отдѣленіи русскаго языка и словесности академіи наукъ». — Далѣе упоминается о празднованіи юбилея, возбудившемъ общій энтузіазмъ. «Въ этомъ же (1838) году * написана имъ послѣдняя басня его *Вельможа.* Она останется для потомства памятникомъ, что и въ старости геній Крылова сохранялъ всю свою свѣжесть и силу». — Въ заключеніи упомянуто о погребеніи и о подпискѣ на памятникъ.

Сѣверная пчела, 1845, № 8. «Воспоминанія объ И. А. Крыловѣ,» ст. Ѳ. Булгарина. Существенная часть ея приведена въ поясненіе б. *Прихожанинъ.*

Прибавленіе къ Журналу министерства народнаго просвѣщенія, 1845, кн. 2, стр. 35. Статья В. Т. Плаксина: «Въ память Ив. Андр. Крылова,» съ эпиграфомъ изъ Державина:

Здѣсь персть твоя — а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? Онъ тамъ! . . . Гдѣ тамъ? . . . Не знаемъ!
Мы только плачемъ и взываемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Во вступленіи авторъ говоритъ, что смерть И. А. даетъ возможность, не опасаясь упрековъ въ пристрастіи, смѣло высказать свои мысли о его произведеніяхъ.

Послѣ краткаго очерка литературной дѣятельности Крылова, авторъ переходитъ къ баснямъ, при чемъ замѣчаетъ, что «мы должны быть чрезвычайно благодарны И. И. Дмитріеву за его высокій, истинно благородный поступокъ въ отношеніи къ Крылову,» которому онъ указалъ его настоящее призваніе. Далѣе сравненіемъ б. «*Ворона и Лисица*» и отрыв-

* Это несправедливо; см. стр. 239.

ка изъ б. «*Моръ звѣрей*» съ оригиналомъ, доказывается, что переводы Крылова возвышаютъ достоинства подлинника.

Переходя къ баснямъ оригинальнымъ, В. Т. Плаксинъ говоритъ, что «Крыловъ умѣлъ создать народность русской басни, которая свободно вылилась изъ души его и слилась также свободно съ народнымъ умомъ и сердцемъ, потому что въ ней нѣтъ ничего чужаго; въ ней все родное; въ ней нѣтъ извороты ума, русскія движенія сердца, русскія формы выраженія. «Крылова несправедливо называютъ дѣтскимъ писателемъ, потому что многія его басни недоступны дѣтямъ. Чѣмъ болѣе вникаешь въ ихъ смыслъ, тѣмъ обширнѣе становится объемъ ихъ и сила.» Потому то вообще о басняхъ Крылова можно безошибочно сказать то, что древніе писатели говорили объ Иліадѣ: въ этой книгѣ всякій можетъ почерпать столько, на сколько у него достанетъ силъ». — Мысль эта доказывается разборомъ б. *Ручей*, *Добрая Лисица*, *Орелъ и Паукъ*. — Совершенство внѣшней отдѣлки басни опредѣляется разборомъ б. *Вороненокъ*, *Слонъ на Воеводствѣ* и *Оселъ* и *Соловей*, содержаніе которыхъ незначительно, но въ нихъ все зависитъ отъ изложенія.

Къ числу достоинствъ б. Крылова, авторъ относитъ то, «что онъ умѣлъ соединить высшую степень народности съ міровою общностію.» Это доказывается разборомъ б. *Крестьянинъ и Работникъ* и указываются б. *Волкъ и Котъ*, *Заяцъ на ловлѣ*, *Крестьянинъ и топоръ*, *Крестьянинъ въ бѣдѣ*, *Курица и Ворона* и проч.

Мнѣніе, что Крыловъ свои басни списывалъ съ частныхъ случаевъ, авторъ не отрицаетъ, но и не утверждаетъ, потому что ни для того, ни для другаго не находитъ достаточныхъ доказательствъ; но замѣчаетъ, что если онъ и точно списывалъ съ частныхъ случаевъ, то придавалъ своимъ изображеніямъ идеальное значеніе.

Въ заключеніи авторъ говоритъ о заслугахъ Крылова въ отношеніи къ языку: «Онъ раскрылъ геній русскаго языка, исполнилъ то, къ чему стремились другіе. Онъ познакомилъ образованныя сословія съ роднымъ языкомъ. — Дмитріевъ для басенъ и сказокъ своихъ образовалъ особый языкъ, простой и легкій,— но все же составленный изъ началъ книжнаго языка. Крыловъ отвергъ вѣковой предразсудокъ противъ народности и народнаго языка. Въ разсказѣ онъ сообразуется съ свойствами предметовъ и возбуждаемыхъ ими мыслей; а когда заставляетъ говорить самихъ дѣйствователей, то даетъ имъ и слова и обороты и даже связь выраженій, согласные и съ нравственнымъ характеромъ и съ свойствами ихъ. На зло гонителямъ раздѣленія слога на *высокій*, *средній* и *низкій*, Крыловъ раздѣлилъ его самымъ дѣломъ такъ рѣзко, какъ никто еще не дѣлилъ». (Приводятся примѣры: описаніе бури въ б. *Пушки и Паруса*, отрывокъ изъ *Левъ, Серна и Лисица*; начало б. *Крестьянинъ* и *Смерть* и начало *Свиньи подъ Дубомъ*.) «Эта разность описаній даетъ ясное понятіе о разности колорита въ языкѣ и слогѣ.»

«И такъ Крыловъ великъ, какъ переводчикъ; ибо онъ свои переводы поставилъ выше прекрасныхъ подлинниковъ славнаго Ла Фонтена; великъ, какъ подражатель: его подражанія далеко превосходятъ образцы; но выше всего онъ является тогда, когда самостоятельно почерпаетъ мысли изъ природы, изъ дѣйствительнаго міра: тогда онъ глубокомысленный философъ, вѣрный другъ природы, предъ которымъ она открываетъ свои тайны; тогда онъ поэтъ въ мысляхъ, въ картинахъ, въ формахъ языка и въ сочетаніи звуковъ. — Онъ разгадалъ нравственный міръ и опредѣлилъ всѣ его изгибы, всѣ пути и уклоненія»...

Современникъ, 1845, т. XXXVII, стр. 33. Иванъ Андр. Крыловъ, статья Плетнева, вышедшая потомъ въ написанную имъ біографію баснописца.

Современникъ, 1845, т. XXXVII, стр. 308. «Избранныя басни Крылова», на французскомъ языкѣ. Съ четырмя гравированными картинками. Изд. И. Эйнерлинга. Краткое заявленіе объ изданіи, въ которомъ помѣщено 89 басенъ, переведенныхъ по предложенію гр. Г. Орлова французскими писателями.

Библіотека для чтенія, 1845, т. 69, отд. критики, стр. 1. «Крыловъ,» статья Бантышъ-Каменскаго. Въ этой статьѣ изложена біографія поэта въ связи съ его литературною дѣятельностію; бѣгло указано отношеніе Крылова, какъ баснописца, къ его предшественникамъ; за тѣмъ описывается 50-ти лѣтній юбилей и церемонія погребенія поэта. Разсказавъ нѣсколько извѣстныхъ анекдотовъ, характеризующихъ Крылова, какъ человѣка, авторъ заключаетъ статью сравненіемъ, впрочемъ совершенно внѣшнимъ, его съ Ла Фонтеномъ.

Отечественныя записки, 1845, т. XXXVIII, отд. II, стр. 62. — Бѣглый очеркъ литературной дѣятельности Крылова, оканчивающійся объявленіемъ о подпискѣ на памятникъ ему.

Сѣверная пчела, 1845, № 71. «Два отрывка изъ неизданнаго сочиненія: Русская Библіотека,» С. П(олторацк)ій. — Говорится о времени и мѣстѣ появленія первыхъ трехъ басенъ Крылова.

Сѣверная пчела, 1845, № 203. «Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ», ст. Быстрова.—«Съ Ив. Андр. находился я въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, сначала по службѣ (1829—1841 г.), а потомъ по *привычкѣ* (1841 — 1844 г.); слѣдовательно, не прибѣгая къ системѣ правдоподобныхъ вымысловъ, могу говорить о бывшемъ моемъ сослуживцѣ и благодѣтелѣ только то, что мнѣ лично о немъ извѣстно. — Памятныя записки мои, изъ коихъ позволяю себѣ извлечь самую малую часть въ пополненіе извѣстныхъ біографій Крылова, заключаютъ въ себѣ непрерывную нить отношеній моихъ къ Ивану Андреевичу, съ 1829 года по день кончины незабвеннаго. Посему было бы съ моей стороны даже непростительно, если бы я не посвятилъ священной памяти сослуживца нѣсколькихъ строкъ. Я увѣренъ также, что никто не сочтетъ

за дерзость, если (въ послѣдствіи) составлю я сводъ, повѣрку и соглашеніе крупныхъ и мелкихъ противорѣчій, которыя, безъ сомнѣнія безъ умысла авторовъ, вкрались въ ихъ біографическія свѣдѣнія объ Иванѣ Андреевичѣ *.

(Перечисляются извѣстные біографическіе очерки и воспоминанія о баснописцѣ).

Извѣстно, что Иванъ Андреевичъ испытывалъ свой талантъ въ разныхъ родахъ словесности: онъ писалъ сатиры, трагедіи, комедіи, драмы, оперы, любовные стишки, подражанія псалмамъ и басни. Иванъ Андреевичъ принималъ также самое дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1789 году издавалъ онъ еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ: *Почта Духовъ.* Товарищемъ ему былъ Рахмановъ, котораго Иванъ Андреевичъ любилъ за остроту его ума, за откровенный и веселый нравъ. «Помнится, мой милый, что разъ поссорились мы съ Рахмановымъ за то, какое названіе дать журналу.... Пельскій, кажется, помирилъ насъ.... Ну, Рахмановъ хорошо былъ ученъ: зналъ языки, исторію, философію.... Онъ давалъ намъ матеріалы.... Послѣ еще ближе сошелся я съ Клушинымъ.... Онъ былъ умный, услужливый человѣкъ.... Мы съ нимъ много писали въ тогдашнихъ журналахъ...» Это подлинныя слова Ивана Андреевича.

Другіе журналы, въ которыхъ Иванъ Андреевичъ печаталъ свои статьи, были: *Зритель* (1792) и *Санктпетербургскій Меркурій* (1793). Въ *Зритель* помѣщены: а) Ночи; б) Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ; в) Утро, ода; г) Разсужденіе о дружествѣ; д) Мысли философа по модѣ; е) Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ; ж) Каибъ. Въ *Меркуріи:* а) Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ; б) Примѣчанія на комедію: *Смѣхъ и горе,* соч. А. Клушина; в) Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей; г) Утѣшеніе Анютѣ, стихи; д) Мое оправданіе къ Анютѣ, стихи; е) Замѣчанія на комедію въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, соч. А. Клушина, подъ названіемъ: «*Алхимистъ*»; ж) Стихи къ другу моему, А. И. К. з) Стихи къ счастію, и мой отъѣздъ, пѣсня.

Теперь эти журналы, въ коихъ Крыловъ съ такимъ усердіемъ и искусствомъ нѣкогда подвизался, стали довольно рѣдки. А кто бы изъ насъ не пожелалъ прочесть хоть что нибудь изъ *сочиненій* Ивана Андреевича, писанныхъ имъ *прозою?*

(Слѣдуютъ выписки: изъ рѣчи Ермалафиду и изъ примѣчаній на комедію Клушина: *Смѣхъ и Горе*).

Кто не согласится, что замѣчанія Ивана Андреевича, высказанныя имъ въ 1793 году, не могли бы имѣть равнаго приложенія и къ настоящему времени?...

---

* Такого свода Быстровъ не успѣлъ составить.

Въ стихахъ «Къ счастію», Иванъ Андреевичъ такъ пеняетъ на фортуну:

«Богиня рѣзвая, слѣпая,
Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предметъ,
Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
Подъ часъ не кстати слишкомъ злая,
Подъ часъ роскошна не впопадъ.
Скажи, фортуна дорогая,
За что у насъ съ тобой не ладъ?»

Въ 1831 году, по совѣту Ивана Андреевича, сталъ я заниматься составленіемъ *Алфавитнаго указателя къ русскимъ періодическимъ изданіямъ*, начавъ эту работу со старинныхъ, нынѣ довольно рѣдкихъ журналовъ.— Однажды я принесъ къ Ивану Андреевичу *Зрителя* и *Меркурія*, въ коихъ находились вышепоименованныя статьи его. И. А. хорошо помнилъ свое прошедшее время, но захотѣлъ снова прочесть прежнія свои сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Между тѣмъ, я обратилъ вниманіе его на стихи «Къ счастію». — «Иванъ Андреевичъ, за что это вы пеняете на фортуну, когда она такъ милостива къ вамъ?» — «Ахъ, мой милый; со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить; но тогда.... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя.... Журналу не повезло; полиція, и еще одно обстоятельство.... да кто не былъ молодъ и не дѣлалъ на своемъ вѣку проказъ».... Это подлинныя слова Ивана Андреевича.

Вообще, проза И. А. лучше его стиховъ, писанныхъ имъ въ 1792 и 1793 годахъ. Любовные стишки его больно плохи, какъ справедливо замѣтилъ Ѳ. В. Булгаринъ (Сѣв. пчела, 1845 г. № 8); но въ 1795 году Иванъ Андреевичъ является уже высокимъ лирическимъ поэтомъ. Въ русскомъ отдѣленіи императорской публичной библіотеки, въ кипѣ разрозненныхъ газетъ и журналовъ, нашелъ я тетрадь стиховъ, писанныхъ собственною Ивана Андреевича рукою. (Это было въ апрѣлѣ 1832 года). «Въ этой тетради есть прекрасная ваша *Молитва къ Богу*», сказалъ я Ивану Андреевичу. — «Покажите, мой милый». — И. А. взялъ рукопись, и сталъ читать про себя. Какой огонь, какой благовѣйный восторгъ одушевляли въ то время поэта! И не одна слеза скатилась на грудь его!

Говорятъ, что Иванъ Андреевичъ изучилъ греческій языкъ въ совершенствѣ и въ самое короткое время. Такъ, но къ этому надобно прибавить, что Иванъ Андреевичъ началъ учиться по-гречески безъ грамматики, по *Новому Завѣту*, и скоро такъ успѣлъ, что въ состояніи былъ переводить классиковъ. Въ Геродота Иванъ Андреевичъ, такъ сказать, влюбился, и предполагалъ также перевести его. — Когда А. Н. Оленинъ изъявилъ свое намѣреніе издать въ свѣтъ, въ буквальномъ русскомъ переводѣ, Одиссею, съ рисунками греческихъ древностей, то Иванъ Андреевичъ не прочь былъ отъ любимой мысли своего начальника-друга

и перевелъ изъ этой поэмы, экзаметромъ, двадцать семь стиховъ первой пѣсни, вотъ какъ:

«Мужа повѣдай мнѣ, Муза, *хитраго* *), странствія многи,
Имъ понесенны **), когда былъ священный Пергамъ испровергнутъ,
Много онъ видѣлъ градовъ и обычаевъ разныхъ народовъ;
Много, носясь по морямъ, претерпѣлъ сокрушеній сердечныхъ,
Пекшися всею душей о своемъ и друзей возвращеньѣ;
Но не спасъ онъ друзей и сподвижниковъ, сколько ни пекся,
Сами они отъ себя и своимъ безразсудствомъ погибли.
Буйные! — тучныхъ воловъ они *высокаго солнца* ***)
Пожрали; онъ на вѣкъ обрекъ ихъ не видѣть отчизны.
Ты, богиня, и Діева дщерь, намъ все то повѣдай.
Всѣ ужъ иные, кого не постигла горькая гибель,
Въ домы свои возвратились, войны избѣжавши и моря.
Онъ лишь одинъ, по отчизнѣ тоскуя и вѣрной супругѣ,
Властью удержанъ былъ сильной, божественной нимфы Калипсы.
Въ утлыхъ † *прекрасныхъ* †† пещерахъ — она съ нимъ узъ брачныхъ желала.
Годъ же когда совершился и новое лѣто настало,
Боги тогда присудили въ отчизну ему возвратиться
Въ область Итаку — и тутъ не избѣгли трудовъ и злосчастій
Онъ и дружина его; боги всѣ къ нему умилились,
Только Посейдонъ одинъ гнѣвенъ жестоко былъ къ Одиссею,
Мужу божественну, доколь не вступилъ онъ на землю.
Но тогда былъ Посейдонъ далеко въ странѣ Еѳіоповъ.
Два Еѳіопскихъ народа земли на концахъ обитаютъ:
Тамо, гдѣ солнце восходитъ, и тамъ, гдѣ солнце нисходитъ,
Жертвами тучныхъ воловъ и богатой стотельчною жертвой
Онъ отъ нихъ услаждался — боги же купно другіе
Были тогда на Олимпѣ, въ чертогахъ могущаго Дія †††».

По словамъ Ивана Андреевича, *экзаметръ ему не дался.* «Я не могу сладить съ этимъ Голіафомъ, говаривалъ иногда Иванъ Андреевичъ.

Сѣверная пчела, 1845, № 208. Въ статьѣ И. Быстрова: *Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ,* помѣщенной въ № 203-мъ Сѣв. Пчелы, мы обѣщали сообщить стихотвореніе *Молитва къ Богу,* отысканное г. Быстровымъ, въ 1832 г. (въ рукописи), въ кипѣ разрозненныхъ газетъ и журналовъ, въ русскомъ отдѣленіи императорской публичной библіотеки ***). (Это стихотвореніе повторено въ «Полномъ соб. соч. Крылова»).

---

* Сверху написано рукою И. А.: *мудраго.*

** *Кои претекъ онъ* зачеркнуто, и сверху написано: *имъ понесенны.*

*** Прежде написано было: *свѣтозарнаго Ѳеба.*

† Сначала написано было: *темныхъ,* но оно зачеркнуто.

†† *Прохладныхъ* зачеркнуто, и рукою А. Н. Оленина написано сверху: *прекрасныхъ.*

††† Драгоцѣнная рукопись И. А. принадлежитъ имп. публ. библіотеки библіотекарю ст. сов. П. Попову.

*** Въ «Аонидахъ» Карамзина, 1796 г., кн. I, стр. 36, напечатана также Ода Ивана Андреевича, подъ названіемъ: *Вольное подражаніе Псалму:* «Смягчи, о Боже, гнѣвъ Твой ярый», и проч.

Г. Быстровъ пишетъ относительно этихъ стиховъ: «Присемъ замѣчу, что 1) подлинная рукопись Ивана Андреевича, съ разрѣшенія А. Н. Оленина, отдана была г. С., который выпросилъ ее у И. А. на самый короткій срокъ. Была ли возвращена она А. Н. Оленину, или самому автору, мнѣ не извѣстно. По крайней мѣрѣ, ея нѣтъ въ императорской публичной библіотекѣ. 2) На спискѣ, сдѣланномъ мною въ 1833 году, съ автографа Ивана Андреевича, отмѣчены собственною рукою послѣдняго слѣдующія въ стихахъ поправки:

Строфа 3-я, стихъ 10-й:

«Сгустилъ онъ тучи подъ собой».

Строфа 4-я, стихъ 10-й:

«Смутясь, изъ бездны рвутся вонъ.

Строфа 5-я, стихъ 8-й:

«Столь тѣсны вражьихъ силъ предѣлы».

Строфа 6-я, стихъ 5-й:

«Бѣги мужей коварныхъ льстивыхъ».

Сѣверная пчела, 1846, № 63, «Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ». Ивану Андреевичу обязанъ я первыми уроками и нѣкоторыми свѣдѣніями моими въ библіографіи. Совѣты и наставленія его заохотили меня къ изученію сей науки. Въ маѣ 1829 года, И. А. писалъ мнѣ: «Пришлите мнѣ мои карточки. Что у васъ сдѣлано? Не скучаете ль новою должностью?—Старайтесь, старайтесь, мой милый! Сопиковъ много трудился, ему и честь. Но не безъ грѣха и онъ, и при ссылкахъ на него будьте осторожны. Въ чемъ усомнитесь, спросите Анастасѣвича. Онъ живетъ», и проч.

Таковы были заботы И. А. объ успѣхахъ моихъ въ библіографіи, и это заставляетъ меня, въ память великаго моего учителя, хотя въ краткомъ очеркѣ представить здѣсь хронологическое обозрѣніе басенъ его.

Первое собраніе басенъ Ивана Андреевича, числомъ двадцать три, напечатано было въ началѣ 1809 года, въ типографіи С.-Петербургскаго губернскаго правленія, въ малую осьмую долю листа, и тогда же появились два замѣчательные разбора ихъ: одинъ въ «Вѣстникѣ Европы» *, написанный В. А. Жуковскимъ, другой въ журналѣ «Цвѣтникъ» **. Здѣсь надобно замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ академикъ Георгій, въ извѣстномъ своемъ «Описаніи Петербурга» ***, на страницѣ 558-й провозгласилъ міру о существованіи какого-то Ивана-Крылова, какъ *сочинитель разныхъ сатиристическихъ писаній и нѣкоторыхъ комедій, трудящагося также въ Россійскомъ Меркуріи*», В. А. Жуковскій, въ превосходной кри-

* Часть 3, 1809 г. Съ 35-й до 50-й стр. В. А. Жуковскій разсуждаетъ о баснѣ вообще, а съ 59-й до 67-й стр. разбираетъ *Басни господина Крылова.*

** Часть I, стр. 378—394. Рецензентъ не называлъ себя, но онъ, какъ мнѣ извѣстно, А. Е. Измайловъ.

*** Изд. Безакомъ, въ С.-Петербургѣ 1794 г. (8).

тической статьѣ своей, первый съ удивительнымъ искусствомъ разобралъ и оцѣнилъ высокое достоинство литературныхъ произведеній неподражаемаго нашего баснописца. (Слѣдуетъ перечисленіе изданій басенъ.)

Весьма хороша, по изобрѣтенію, заглавная картинка, относящаяся къ баснѣ *Василекъ*: Иванъ Андреевичъ сидитъ на камнѣ въ Павловскомъ саду, возлѣ бюста Августѣйшей его Покровительницы, *Императрицы Маріи Θеодоровны*, и подслушиваетъ разговоръ Василька съ Жукомъ. Извѣстно, что басня эта написана авторомъ по случаю благодѣяній, оказанныхъ автору сею *Императрицею*. Иванъ Андреевичъ питалъ въ душѣ своей безпредѣльное благоговѣніе къ *Государынѣ*, и однажды, со слезами на глазахъ разсказывая мнѣ о милостяхъ къ нему Царицы, примолвилъ: «Да, мой милый, это одно обязываетъ меня написать исторію моей жизни». Однакожъ, какъ послѣ увидимъ, Иванъ Андреевичъ не сдержалъ своего слова. Онъ былъ безпеченъ, и не скрывалъ отъ меня этой слабости. Разъ (это было въ началѣ 1837 г.), когда я пришолъ къ Ивану Андреевичу дать отчетъ о трудахъ моихъ по службѣ, онъ спросилъ: «А каково идетъ вашъ Указатель къ журналамъ»? Я отвѣчалъ, что отмѣтилъ на карточкахъ до 117 тысячъ статей, и что это, по моему мнѣнію, третья доля изъ того количества историческихъ матеріаловъ, которые возможно будетъ извлечь изъ періодическихъ изданій. — Иванъ Андреевичъ, подумавъ немного, сказалъ: «А я, мой милый, лѣнивъ ужасно... Началъ было нѣчто похожее на вашъ трудъ, и бросилъ.... скучно показалось... Да что, мой милый, говорить!... И французы знаютъ, что я лѣнтяй» *. Кончивъ послѣднюю фразу, Иванъ Андреевичъ вынулъ изъ корзины листъ бумаги и, отдавая его мнѣ, сказалъ: «Прочтите-ка, мой милый!». Это была копія съ предложенія А. Н. Оленина императорской публичной библіотекѣ, отъ 10 января 1812 года, слѣдующаго содержа-

---

* Этими словами И. А. намекалъ на предисловіе Лемонтея къ баснямъ его, изданнымъ графомъ Г. В. Орловымъ въ Парижѣ, подъ названіемъ: Fables Russes, tirées du recueil de Mr. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de Mr. Lemontey et d'une préface italienne de Mr. Salfi, publiées par Mr. le Comte Orloff, ornées du portrait de Mr. Kriloff et de cinq gravures. Deux vol. imprim. par F. Didot. 1825 (8) т. е. русскія басни, заимствованныя изъ сочиненій г. Крылова съ французскими и италіанскими подражавіями разныхъ авторовъ, съ французскимъ введеніемъ г. Лемонтея и италіанскимъ Сальфи, изданныя гр. Орловымъ, съ портретомъ автора и пятью картинками, два тома, печ. у Ф. Дидота). — Въ переводѣ басенъ Крылова участвовали всѣ тогдашнія знаменитости французской и италіанской литературъ. Изъ французовъ, напримѣръ: графъ Буасси д'Англа, два графа Сегюра, графъ Дарю, Казимиръ Делавинь, Арно, Герцогъ де Бассано, Андріе, Жуи, Суме и другіе; дамы: Констанція Сальмъ, Софія Ге, г-жа Тастю и другія. Рисунки къ изданію дѣлали: Изабе, Бертонъ и другіе отличные художники. — Лемонтей, въ предисловіи къ сему изданію, между прочимъ сравниваетъ Ивана Андреевича съ *басеннымъ деревомъ* (у Лемонтея игра словъ), котораго вѣтви надобно сильно потрясать, если желаешь стряхнуть съ нихъ плоды.

нія: «Помощнику библіотекаря титулярному совѣтнику Крылову, по извѣстнымъ его успѣхамъ въ россійской словесности и по свойственному ему пріятному слогу, поручено было заняться составленіемъ критическихъ замѣчаній, которыя должны были входить въ составъ разборныхъ каталоговъ (catalogues raisonnés). Въ сихъ замѣчаніяхъ (по части только исторической и словесныхъ искусствъ, т. е. витійства и поэзіи), г. Крыловъ долженъ былъ въ виду имѣть слѣдующіе предметы: 1) Краткій критическій разборъ содержанія книгъ; 2) Критическій таковой разборъ слога; 3) Опредѣленіе книгъ въ число рѣдкихъ, полезныхъ или изящныхъ твореній». — «Каковъ же я молодецъ!... Да и Алексѣй Николаевичъ не принуждалъ меня.... Другое дѣло, если бъ потребовалъ.... А то... ну, вы постараетесь за меня, мой милый....»

Сѣверная пчела, 1846, № 64. «Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ» ст. Быстрова. Иванъ Андреевичъ любилъ читать романы въ старинныхъ переводахъ, и чѣмъ романъ былъ глупѣе, тѣмъ онъ болѣе нравился нашему поэту. Въ мартѣ 1829, при первомъ свиданіи и разговорѣ моемъ съ Иваномъ Андреевичемъ, я увидѣлъ на столѣ его книгу; это, какъ на другой день узналъ я, была повѣсть подъ названіемъ: *Похожденіе задомъ напередъ.* Дорожа и мелкими чертами великаго человѣка, я сохранилъ собственноручную ко мнѣ записку Ивана Андреевича, въ которой онъ говоритъ: посылаю 27 книгъ счетомъ. У меня осталось 5 книгъ, да покорно прошу прислать ко мнѣ *Сказки духовъ,* чѣмъ очень одолжите. Всѣ сочиненія полны. *

Изъ періодическихъ изданій Иванъ Андреевичъ читалъ весьма усердно: Сѣверную пчелу, Библіотеку для чтенія и Сына Отечества, и все прочитанное въ этихъ журналахъ, отъ первой строки до послѣдней, онъ очень хорошо и долго помнилъ. Статьи, относящіяся къ домоводству, технологіи и хозяйству вообще, Иванъ Андреевичъ нарочно отмѣчалъ для Алексѣя Николаевича Оленина. Въ удостовѣреніе сего, можетъ быть, не всѣмъ извѣстнаго факта, ссылаюсь на подлинную ко мнѣ записку Алексѣя Николаевича, отъ 19-го іюля 1838 года. Вотъ она: «Иванъ Андреевичъ Крыловъ сказывалъ мнѣ, что въ послѣднихъ нумерахъ (за мѣсяцъ, должно быть, назадъ) Сѣверной пчелы или Сына Отечества напечатано извѣщеніе отъ какого-то сельскаго хозяина въ Германіи, который объявляетъ, что онъ нашелъ средство добывать лучшій сахаръ изъ свекловицы, безъ машинъ и безъ дальныхъ заведеній, такъ что каждый можетъ варить сахаръ у себя дома, и предлагаетъ принимать учениковъ для изученія сего новаго производства. Прошу Ивана Павловича Быстрова отыскать мнѣ эту статью.»

---

* Иванъ Андреевичъ не любилъ медицины, и всегда, какъ только начиналъ чувствовать себя подъ вліяніемъ хандры, обращался къ чтенію нелѣпыхъ романовъ. Это было единственное средство къ возстановленію его здоровья.

(Далѣе слѣдуетъ разсказъ, приведенный въ примѣчаніи къ о. «Волкъ на Псарнѣ.»)

«Душевно благодаримъ г. Струйскаго (автора повѣсти «*Преобразованіе*») за прекрасный историческій анекдотъ, но мы обязаны поправить автора тамъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ истины: 1) По словамъ Г. Струйскаго, И. А. Крыловъ проникъ думу Кутузова. Это вовсе несправедливо. Нашъ маститый поэтъ, довольный безсмертными лаврами, которые заслужилъ онъ на скромномъ поприщѣ литературы, торжественно отрекается отъ сюрприза, предлагаемаго ему г. Струйскимъ, и откровенно сознается, что онъ тогда уже разгадалъ высокую думу князя Смоленскаго, когда ангелъ-истребитель, въ лицѣ русскаго Фабія, губилъ полки враговъ, стремглавъ бѣжавшихъ изъ Россіи; 2) И. А. Крыловъ, *собственною рукою переписавъ басню: «Волкъ на псарнѣ», отдалъ ее княгинѣ Катеринѣ Ильиничнѣ, а она при письмѣ своемъ отправила ее къ Свѣтлѣйшему своему супругу.* Однажды, послѣ сраженій подъ Краснымъ, объѣхавъ съ трофеями всю армію, полководецъ нашъ сѣлъ, на открытомъ воздухѣ, посреди приближенныхъ къ нему генераловъ и многихъ офицеровъ, вынулъ изъ кармана рукописную басню И. А. Крылова, и прочелъ ее вслухъ. При словахъ: «ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ», произнесенныхъ имъ съ особенною выразительностію, онъ снялъ фуражку и указалъ на свои сѣдины. Всѣ присутствовавшіе восхищены были этимъ зрѣлищемъ, и радостныя восклицанія раздались повсюду. — Извѣстно, что армія вошла въ Тарутинскій лагерь 20-го сентября, а Краснинское дѣло происходило 2 — 5 ноября. Большая разница! Въ это время сѣрый волкъ бѣжалъ уже отъ побѣдоносной гончихъ стаи, и проч. — Когда я прочелъ Ивану Андреевичу эту статью, то онъ сказалъ: «Не мудрено, мой милый, отгадать, когда дѣло сдѣлано.... Я не люблю этого... Нынче пишутъ, напримѣръ, *всемогущій* геній... и тому подобное...» Тутъ Иванъ Андреевичъ весьма пріятно улыбнулся и примолвилъ: «Всѣ мудрецами стали... Пожалуй, скоро недостанетъ превосходныхъ степеней въ русскомъ языкѣ... Всѣ выберемъ для себя; что жъ оставимъ Тому?...» При послѣднемъ словѣ Иванъ Андреевичъ устремилъ къ Небу взоръ, въ которомъ выражалось чувство живѣйшаго благоговѣнія его къ Божеству»....

Сѣверная пчела, 1846, № 292. «Матеріалы для біографіи И. А Крылова». — «Знаменитый нашъ баснописецъ Крыловъ принадлежитъ особенно нашей Твери: здѣсь онъ воспитался и провелъ первые годы своей юности; здѣсь онъ началъ свое гражданское служеніе. Я засталъ еще въ Твери одного старика, его бывшаго школьнаго товарища. Онъ передалъ мнѣ объ юношѣ Крыловѣ, что могъ замѣтить особенно замѣчательнаго въ его характерѣ. «Иванъ Андреевичъ,» разсказывалъ онъ между прочимъ, «посѣщалъ съ особеннымъ удовольствіемъ народныя сборища, торговыя площади, качели и кулачные бои, гдѣ толкался между пестрою толпою, прислушиваясь съ жадностью къ рѣчамъ простолюдиновъ. Нерѣдко сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги, про-

тивъ платомоекъ, и, когда возвращался къ своимъ товарищамъ, передавалъ имъ забавные анекдоты и поговорки, которые уловилъ изъ устъ словоохотныхъ прачекъ, сходившихся на рѣку съ разныхъ концевъ города, изъ дома богатаго и бѣднаго. Можетъ быть, эти забавныя росказни были богатыми темами для многихъ изъ его басенъ.

По случаю разборки архива тверскаго губернскаго правленія, я открылъ въ немъ любопытные акты о первоначальной службѣ Ивана Андреевича; и, какъ все, что до него касается, особенно насъ интересуетъ, то и передаю ихъ, въ первобытной ихъ простотѣ, съ соблюденіемъ и правописанія подлинника.

Втверское наместническое правленіе Тверскаго
Губернскаго Магистрата изъ 2-го Департамента
Репортъ.

Сего Апрѣля 7-го числа здешнему департаменту репортомъ приставъ Никифоръ Ивановъ представилъ что посыланъ онъ былъ отъ департамента вквартиру къ подканцеляристу Ивану Крылову который числился больнымъ для проведыванія естли ему отъ болезни облегченіе но и вквартирѣ его неполучилъ отбабки его Крылова Матрены Ивановой ему приставу объявлено что онъ подканцеляристъ Крыловъ отлучился отсюда всанктпетербургъ внынешнемъ году зимнимъ временемъ а котораго мѣсяца и числа о томъ она не упомнитъ. Того ради Тверскаго Губернскаго Магистрата во второмъ департаменте определено оботлучкѣ означеннаго подканцеляриста Крылова наместническому правленію отрепортовать о чемъ симъ и репортуетъ Апрѣля 11-го дня 1783 году.»

«Указъ *Ея Императорскаго Величества* Самодержицы Всероссійской изъ тверскаго наместническаго правленія тверскаго губернскаго магистрата 2-му департаменту присудствію наместническаго правленія докладывано что прошлаго 782 года іюля съ 29-го числа по представленію онаго губернскаго магистрата 2-го департамента и по прошенію находящагося въ ономъ департаментѣ подканцеляриста ивана крылова отпущенъ онъ зданнымъ отнаместническаго правленія пашпортомъ для его нуждъ всанктъ петербургъ на двадцать на девять днеи но стого-времени не токмо на указаной срокъ но и понынѣ чему минуло болѣе года вдолжности не явился того ради наместническое правленіе приказали всанктпетербургское губернское правленіе сообщить и требовать дабы благоволило кому надлежитъ приказать означеннаго подканцеляриста крылова *яко проживающаго самовольно засрокомъ сыскавъ прислать за присмотромъ вздешнее наместническое правленіе* когдажъ по сыску ево тамъ неокажется то о семъ уведомить о чемъ губернскаго магистрата 2-му департаменту за известіе дать знать симъ указомъ Июля 24-го дня 1783 года на подлинномъ подписано тако Михаило Олсуфьевъ секретарь егоремъ вешняковъ справилъ канцеляристъ Ѳедоръ тихановъ.»

«Указъ *Ея Императорскаго Величества* Самодержицы Всероссійской изъ тверскаго наместническаго правленія губернскаго магистрата 2-му департаменту предложеніемъ наместническому правленію его сиятельство господинъ генералъ Аншеѳъ сенаторъ *Ея Императорскаго Величества* генералъ адъютантъ лейбъ гвардіи семеновскаго полку подполковникъ тверскои и новгородскои генералъ губернаторъ водяныхъ каммуникаціи главныи директоръ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ яковъ александровичь брюсъ прописывая что явясь къ его сіятельству уволенный симъ правленіемъ для надобностеи всанктпетербургъ губернскаго магистрата подканцеляристъ иванъ крыловъ подалъ доношеніе о увольненіи его за слабостію здоровья отдолжности на основаніи о вольности дворянства указа поелику онъ изштабъ офицерскихъ дѣтей предлагать изволилъ буде никакихъ унего Крылова на рукахъ дѣлъ нетъ аравномерно и ничемъ по здешнему наместничеству обязаннымъ несостоитъ втакомъ случаѣ его отъ должности уволить и дать пашпортъ относительно награжденія его забеспорочную службу чиномъ то его сіятельство представляетъ на разсмотрѣніе наместническому правленію а по справкѣ по послужному списку значитъ что реченнои проситель крыловъ точно изштабъ-офицерскихъ дѣтей отроду имеетъ 15 летъ, по прошенію по наместническимъ правленіемъ 778 іюня 15-го определенъ вгубернской магистратъ подканцеляристомъ 782 года июля 27-го дня отпущенъ для его надобности всанктпетербургъ впредь на двадцать на девять днѣй по протеченіи которыхъ и по нынѣ кдолжности не явился по чему о сыску и о присылке ево сюда писано исъ здешняго наместническаго правленія всанктпетербургское губернское правленіе справкою нынѣ отъ онаго департамента показано что у онаго крылова на рукахъ ни какихъ делъ неимелось и потому ко увольненію ево препятствия по департаменту не состоитъ того ради наместническое правленіе приказали поелику какъ изъ оной справки видно что у показаннаго подканцеляриста крылова на рукахъ делъ нетъ и чтобъ по здешнему намѣстничеству былъ чемъ обязанъ не значитъ и для того ево по прошенію отдолжности уволить снагражденіемъ забезпорочную ево службу чиномъ канцеляриста о чемъ иснабдя ево пашпортомъ которой для отдачи ему по обретательству ево всанктпетербургѣ препроводить въ тамошнее губернское правленіе при сообщеніи стемъ дабы напередъ онъ на тотъ чинъ приведенъ babприсяге о чемъ за известіе губернскаго магистрата 2 департаменту дать знать симъ указомъ августа 23 дня 1783 года.»

Сѣверная пчела, 1847, № 22. «Матеріалы для біографіи И. А. Крылова», (изъ Тверск. губ. вѣдом.). «Помѣщаемъ здѣсь два анекдота о Крыловѣ: они близко выражаютъ его добродушіе и простоту нрава; разсказывалъ ихъ пріятель его, извѣстный художникъ, живущій нынѣ въ своемъ тверскомъ помѣстьѣ. Вотъ подлинныя слова почтеннаго разскащика:

*

Я зашелъ однажды къ Ивану Андреевичу, и обошелъ всѣ комнаты; въ нихъ не было ни одной живой души; плачъ ребенка привелъ меня въ кухню. Я полагалъ найти въ ней кого либо изъ немногочисленныхъ слугъ его; напротивъ, я нашелъ самого хозяина. Онъ сидѣлъ на простой скамейкѣ; въ колыбели передъ нимъ лежалъ ребенокъ, неугомонно кричавшій. И. А. съ отеческою заботливостью качалъ его и прибаюкивалъ. На спросъ мой, давно ли занимается этимъ ремесломъ, онъ преспокойно отвѣчалъ: «Что жъ дѣлать? Негодяи, отецъ и мать, бросили на мои руки бѣднаго ребенка, а сами ушли, Богъ знаетъ куда». И. А. продолжалъ усердно исполнять обязанность няньки до тѣхъ поръ, пока не возвратилась мать.

Замѣтивъ на стѣнѣ его комнаты грязное пятно, позади тѣхъ креселъ, на которыхъ онъ постоянно сиживалъ, образовавшееся отъ частаго прикосновенія головы къ одному мѣсту, я посовѣтовалъ И. А. выкрасить комнату. Замѣчаніе мое, повидимому, удивило его, какъ бы важное открытіе.—«Эхъ, братецъ, сказалъ онъ, немного подумавши, вѣдь чрезъ нѣсколько дней появится новое пятно; неужто для этого всякій разъ красить комнату»? Призвавъ потомъ служанку, сталъ ей выговаривать, почему она не позаботится смыть пятно; когда же она возразила, что пятно будетъ еще хуже и больше, если его вымыть, потому что краска кругомъ сойдетъ, И. А. отвѣчалъ пресеріозно: «Да, правда твоя! Ну, пока мы сдѣлаемъ лучше: прикрой пятно чистою тряпичкою, прикрѣпивъ ее къ стѣнѣ, и каждый разъ, какъ тряпичка замарается, можешь ее вымыть». Выдумкою этою онъ остался такъ доволенъ, что лице его, прежде озабоченное, тотчасъ просіяло особеннымъ удовольствіемъ».

Сынъ Отечества, за январь 1847, «Жизнь и Сочиненія И. А. Крылова». М. Лобанова. (Напечатана такъ же отдѣльно).

Современникъ, 1847, т. I, русск. литер., стр. 124. Рецензія на вышедшее въ этомъ году: «Полное собраніе сочиненій И. Крылова, съ біографіею, писанною Плетневымъ,» три тома, 1847, и «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова», сочин. академика М. Лобанова. Вся рецензія состоитъ изъ извлеченій изъ этихъ изданій.

Отечественныя записки, 1847, т. LI, отд. рус. лит., стр. 1.—Рецензія на статью М. Лобанова: «Жизнь и Сочин. И. А. Крылова», состоящая изъ выписокъ изъ этой статьи.

Отечественныя записки, 1847, т. L, отд. рус. лит., стр. 88.—Замѣтка о выходѣ «Полн. собр. соч. Крылова», въ 3-хъ томахъ, съ біографіею, написанною Плетневымъ.

Финскій вѣстникъ, 1847, томъ XIV, отд. библіографич. хроники. Рецензія по поводу изданія «Сочин. Ив. Крылова», три тома, 1847 года.

Отечественныя записки, 1847, т. LV, библіограф. хрон., стр. 4. — Замѣтка о выходѣ въ свѣтъ басенъ Крылова отдѣльнымъ изданіемъ.

Москвитянинъ, 1849, № 13. Эпиграмма Крылова, напечатанная имъ въ журналѣ: «Лекарство отъ скуки и заботъ», 1786 г., Туманскаго, ч. I, стр. 268.

Москвитянинъ, 1851, № 21. «Бесѣда люб. русскаго слова и Арзамасъ», ст. Струдзы, стр. 10 и 11. — Говорится объ участьи его въ Бесѣдѣ, затѣмъ разсказано объ отношеніяхъ его къ Гнѣдичу и о томъ, какъ Крыловъ научился греческому языку.

Москвитянинъ, 1851, т. XII, стр. 424. Упомянуто объ отношеніяхъ Крылова къ Оленину и Елисаветѣ Марковнѣ, статья А. В.

Современникъ, 1852, т. XXXV, отд. соврем. замѣтки, стр. 270. Статья въ Revue des deux Mondes о Крыловѣ.—По поводу этой статьи, авторъ которой Сенъ-Жульенъ, замѣчено, что въ ней безошибочно только то, что Крыловъ названъ народнымъ русскимъ писателемъ.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1852 г., № LXXV, отд. VI, стр. 204 Bajki I. Kryłowa, w IX księgach z rossyjskiego. Wilno, w drukarni M. Zymelowicza, 1851.

Поставляется переводчику въ заслугу какъ самая мысль перевести басни Крылова на польскій языкъ, такъ и исполненіе мысли. Рецензентъ указываетъ на нѣкоторыя частныя неточности; но находитъ, что многія басни: какъ напр. Wilk w Psiarni, Kot i Kucharz, Mucha i Podróżni, Zwierciadło i Małpa, Liszka i Winogrona, Owce i Psy, Dwaj Chłopi, Dwaj Psy, читаются весьма легко и пріятно. Особенно хорошо переведена Бѣлка — Wiewiórka,— и Прихожанинъ. (Статья подписана буквами И. Б).

Пантеонъ, 1852 года, т. V, октябрь, Смѣсь. Сообщается извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ книги Бужо: Kryloff ou le La Fontaine russe, sa vie et ses fables, par Alfred Bougeault: «Въ этой книгѣ Бужо является достойнымъ цѣнителемъ дарованія Крылова, но что всего любопытнѣе—очень удачнымъ переводчикомъ нашего баснописца. Всѣ знаютъ, какъ трудно перевести на иностранный языкъ красоты его басенъ, проникнутыхъ чистымъ русскимъ духомъ».— Далѣе перечисляются французскіе поэты, переводившіе басни Крылова по предложенію гр. Орлова, которыхъ переводы большею частію весьма неудачны. «Не скажемъ, чтобы г. Бужо былъ счастливѣе ихъ всѣхъ, но не можемъ не отдать справедливости его старанію передать Крылова, по возможности подстрочно. Переводъ грѣшитъ скорѣе противъ звучности и гармоніи французскихъ стиховъ, нежели противъ вѣрности съ подлинникомъ. Г. Бужо перевелъ 17 басенъ и помѣстилъ, сверхъ того, еще три въ концѣ книги, переведенныя г. Жеребцовымъ и де Местромъ». Приводятся въ переводѣ б. les Oies и le caftan de Trichka, — которыя по возможности близки къ подлиннику. Краткій очеркъ русской литературы, приложенный къ переводу, не заключаетъ въ себѣ ничего несправедливаго, кромѣ мысли, что «русская литература еще молода и не можетъ представить достаточно пищи для образованности и жажды знаній высшихъ классовъ общества.»

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1853, т. LXXVIII, отд. VI, стр. 120. Взглядъ французскихъ критиковъ на басни Крылова. Въ 1852 г. появилось два соч. о Крыловѣ: Сенъ-Жульена, въ XV т. Revue des deux Mondes, который сначала весьма поверхностно, но пространно говоритъ вообще о русской литературѣ, а потомъ переходитъ къ Крылову: «Между нашими старыми баснями найдется нѣсколько маленькихъ поэмъ, которыя выражаютъ сатирическое направленіе въ самой легкой и живой формѣ. Басни Крылова скорѣе похожи на нихъ, чѣмъ на апологи Ла Фонтена. Существенное отличіе Крылова — это мѣстная точность и вполнѣ русская физіономія лицъ, которыхъ онъ выводитъ на сцену». Подъ перомъ Крылова всѣ предметы дѣлаются русскими. Онъ всегда остается оригинальнымъ, даже въ подражаніи, но когда онъ найдетъ предметы и содержаніе въ самомъ себѣ, соединитъ ихъ въ своемъ воображеніи съ жизнью и нравами своего отечества, тогда вся вообще Россія отразится въ его произведеніяхъ: нравы, мысли, предразсудки, характеръ, физіономія, языкъ, одежда, все тамъ найдется; всѣ лица выходятъ на сцену неподражаемо. Другое сочиненіе Бужо (Bougeault), Kryloff ou le La Fontaine Russe, sa vie et ses fables. Paris, 1852, начинается общимъ обозрѣніемъ русской литературы весьма поверхностнымъ и неточнымъ; о Крыловѣ же сказано: «Изъ всѣхъ новѣйшихъ писателей Крыловъ особенно заслуживаетъ изученія по своему таланту и по своей народности. Его назвали русскимъ Ла Фонтеномъ, и такой титулъ, принадлежащій ему по праву, показываетъ всю важность этого писателя» (извлечено изъ Сына Отечества, № 10, и Совр. № 10.)

Москвитянинъ, янв. 1854, «Мелочи изъ запаса моей памяти» М. Дмитріева. (См. б. «Дубъ и Трость» и «Оселъ и Соловей»).

Отечественныя записки, 1856, т. CVI, отд. Библіограф. Хрон., стр. 72. — Извѣстіе о брошюрѣ: «И. А. Крыловъ, для простонародія», при чемъ замѣчено, что она вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію.

Сѣверная пчела, 1857 г., № 119. Пчелка. *Газетныя Замѣтки.* Эрміонъ (Гречъ). По поводу *Библіографич. Записокъ*, которыя М. Н. Лонгиновъ печаталъ въ Современникѣ, Гречъ разсказываетъ:

«Не всѣмъ извѣстенъ слѣдующій анекдотъ, въ достовѣрности котораго мы ручаемся: 9-го апрѣля 1812 года имп. Александръ Павловичъ отъѣзжалъ къ дѣйствующей арміи. На молебствіе въ Казанскомъ соборѣ съѣхались всѣ знавшіе объ отъѣздѣ государя. Площадь передъ соборомъ наполнилась народомъ. И. А. Крыловъ, пробираясь въ толпѣ, столкнулся съ гр. Хвостовымъ. «Ну, что, графъ, спросилъ онъ, не напишите ли вы оды? Вы, конечно, пришли сюда за вдохновеніемъ?» Графу непонравилось это насмѣшливое привѣтствіе. «Почему жъ именно я долженъ писать?» спросилъ онъ: «вы также пишете стихи, и, какъ говорятъ, очень хорошіе». «Мои стихи», отвѣчалъ Крыловъ, «ничтожныя басни, а вы парите высоко, вы лирикъ». Толпа разлучила ихъ.

Должно знать, что государь, назначивъ А. С. Шишкова государственнымъ секретаремъ на мѣсто Сперанскаго, пожаловалъ ему на дорогу придворную карету. Въ тотъ день данъ былъ прощальный обѣдъ Александромъ Семеновичемъ Хвостовымъ. Въ концѣ обѣда, когда начались тосты, подали хозяину пакетъ на его имя. Онъ распечатываетъ его и читаетъ вслухъ слѣдующее:

Стихи А. С. Шишкову.

(На случай всемилостивѣйше пожалованной ему коляски).

Шишковъ! оставя днесь бесѣды свѣтлый домъ,
Ты ѣдешь въ дальній путь въ каретѣ подъ орломъ:
Нашъ добрый царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое беречь, покоить тѣло;
Лишь это надобно, о тѣлѣ только рѣчь:
Непоколебимый духъ умѣешь самъ беречь. *Иванъ Крыловъ.*

Восторженные гости захлопали въ ладоши, закричали: прекрасно, безподобно! Хозяинъ сказалъ экспромтомъ:

Не диво то, что нашъ Крыловъ умно сказалъ,
А диво, что онъ самъ стихи переписалъ.

Отправили стихи въ типографію, напечатали и роздали въ публикѣ. Остолбенѣлъ Крыловъ, получивъ, въ званіи библіотекаря русскаго отд. имп. публ. библіотеки, это свое печатное стихотвореніе! Онъ написалъ возраженіе, въ которомъ отступался отъ литературнаго *подкидыша* *; но не могъ его нигдѣ напечатать. Литературныхъ журналовъ тогда въ Петербургѣ не было, а въ газетахъ сочтено было неприличнымъ печатать статьи такого рода. И знаменитые стихи остались за нимъ. Для курьоза слѣдовало бы помѣстить ихъ въ полномъ собраніи твореній Крылова.

Графъ Хвостовъ торжествовалъ: онъ не объявлялъ гласно о своей хитрости, но вездѣ, гдѣ только могъ, хвалилъ эти стихи, прибавляя изрѣдка: «Ихъ хвалятъ по достоинству; но еслибъ, вмѣсто *Иванъ Крыловъ*, было подписано *гр. Дмитрій Хвостовъ*, бранили бы безъ милосердія».

Сѣверная пчела, 1857, № 137, *Пчелка, Газетныя Замѣтки.* По поводу замѣчанія М. Н. Лонгинова (Соврем. 1857 г., май, стр. 72), «что изъ лучшихъ поэтовъ того времени только Крыловъ и Гнѣдичъ не были Арзамасцами, и хотя находились съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, но состояли членами Шишковской Бесѣды. Оба они избѣгали крайностей»,— Гречъ говоритъ объ отношеніяхъ Крылова къ Гнѣдичу и ихъ обоихъ къ Оленину. Тутъ же разсказано о томъ, какъ Крыловъ изъ дружбы къ Гнѣдичу, чтобы имѣть возможность говорить съ нимъ объ Иліадѣ, научился по-гречески.

---

* Собственное выраженіе Крылова.

Сѣверная пчела, 1857, № 147. *Пчелка, Газетныя Замѣтки*, Гречъ. Собраны воспоминанія о Крыловѣ. Здѣсь заключается бѣглый очеркъ его литературнаго развитія, разсказанъ анекдотъ о происхожденіи комедіи *Проказники* (въ которой Риѳмокрадъ — Княжнинъ, Таратора — его жена, урожденная Сумарокова; Тениславъ — Карабановъ(?) и Ланцетинъ — докторъ Віенъ, другъ дома Княжнина. Княжна Тройкина выведена, видно, только для того, чтобы можно было сказать: это портретъ Княжнинъ (въ новомъ изданіи замѣнено: *сестринъ*). Съ 1794 года Крыловъ предался карточной игрѣ и разъѣзжалъ по ярмаркамъ метать банкъ. Онъ нажилъ значительный капиталъ, но потомъ все спустилъ до копѣйки. — Далѣе говорится объ отношеніяхъ его къ князю Голицыну, о возвращеніи въ Москву и о первыхъ басняхъ, напечатанныхъ при участіи И. И. Дмитріева. Въ 1806 г. онъ написалъ двѣ комедіи (*Урокъ Дочкамъ* и *Модная Лавка*) по внушенію Оленина, потомъ *Илью богатырь* по просьбѣ Александра Львовича Нарышкина, чтобы замѣнить нелѣпое либретто Русалки. Въ 1808 году онъ помѣщалъ свои басни въ Драм. Вѣстникѣ, который ими однѣми и былъ интересенъ. — Басня *Гуси*, прочитанная Крыловымъ въ первомъ чтеніи Бесѣды Любителей р. сл., заставила всѣхъ безъ исключенія признать за нимъ талантъ — «онъ сдѣлался писателемъ истинно народнымъ». Статья заключается разсужденіемъ о томъ, что писателю для его развитія необходимо образованное общество.

Сборникъ литературныхъ статей, посвященныхъ русскими писателями памяти покойнаго книгопродавца - издателя Алекс. Филипповича Смирдина, т. I, Пбргъ, 1858 года. «*Голосъ за прошедшее*», статья В. Т. Плаксина. — Говоря объ литературной дѣятельности 30 годовъ, авторъ ставитъ во главѣ тогдашнихъ писателей Крылова, за которымъ въ это время утвердилась слава великаго самостоятельнаго баснописца. Смирдинъ изданіями его басенъ облегчилъ знакомство съ ними всѣмъ сословіямъ. — Басни Крылова продавались по 15 рубл. ассигн. Смирдинъ заплатилъ Крылову 40000 руб., напечаталъ ихъ въ числѣ 44000 экземпляровъ, прибавивъ къ прежнимъ болѣе 20 басенъ, и пустилъ въ продажу по 4 руб. ассигн.

Утро, литературный альманахъ, М. 1859. Здѣсь напечатана приписываемая Крылову б. *Конь;* потомъ съ нѣкоторыми варіантами перепечатана въ Библіографич. запискахъ, 1859 г., № 2.

Библіографическія записки, 1861, стр. 638. «Видѣнія на берегахъ Леты», Батюшкова. Слѣдующія строфы относятся къ Крылову:

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
Неряхой и въ нарядѣ странномъ:
Въ широкомъ шлафрокѣ издранномъ,
Въ пуху, съ косматой головой,
Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой:
«Меня въ расплохъ, она сказала,

Въ обѣдъ нарочно смерть застала:
Но съ вами я опять готовъ
Еще хоть съизнова отвѣдать
Вина и адскихъ пироговъ.
Теперь же часъ, друзья, обѣдать.
Я вамъ знакомый — я Крыловъ»*.
Крыловъ! Крыловъ! въ одно вскричало
Собранье шумное духовъ,
И эхо глухо повторяло
Подъ сводомъ адскимъ: здѣсь Крыловъ:
— Садись сюда, пріятель милый!
Здоровъ ли ты? — «И такъ, и сякъ».
— Ну, что жъ ты дѣлалъ? — «Все пустякъ!
Тянулъ тихонько вѣкъ унылый,
Пилъ сладко, ѣлъ, а болѣ спалъ.
Ну вотъ, Миносъ, мои творенья;
Съ собой я очень мало взялъ:
Комедіи, стихотворенья,
Да басни всѣ». — Купай! купай!
О чудо! всплыли всѣ — и вскорѣ
Крыловъ, забывъ житейско горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай...

Библіографическія записки, 1861, стр. 673. Замѣтка о комедіи Крылова *Пирогъ*, считавшейся потерянною. Она находится въ библ. Александринскаго театра; была отдана на театръ авторовъ въ 1802 году и была играна 26 іюля.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1862, за апрѣль, май, августъ и декабрь. — Четыре статьи В. Водовозова. Первыя три подъ заглавіемъ: «Народное и общественное значеніе Крылова», послѣдняя — «О педагогическомъ значеніи Крылова».

Русскій архивъ, 1863, вып. I, стр. 68. Отрывокъ изъ Воспоминаній Вигеля: характеристика Крылова. (См. «Воспоминанія» Вигеля, изд. 1866, ч. I, стр. 141.)

Русскій архивъ, 1864, стр. 1158. «Нѣсколько свѣдѣній о басняхъ Крылова», М. Н. Лонгинова.

Русскій архивъ, 1865, стр. 1316. Письмо И. А. Крылова къ молодой дамѣ, и стр. 1319. «Разсказы объ И. А. Крыловѣ», Н. М. Колмакова.

Русскій архивъ, 1865, стр. 1323. «Хронологія басенъ Крылова». В. Кеневича.

Русскій архивъ, 1865, стр. 1340. «Замѣтки о заимствованныхъ басняхъ Крылова». Его же.

---

* Крыловъ познакомился съ духами черезъ «Почту» (*Примѣч. поэта*).

Учитель, 1865, № 1. «Замѣтки о басняхъ Крылова». В. Кеневича, и № 3 и 4. «Исторія происхожденія двухъ басенъ Крылова». Его же.

Русскій архивъ, 1866, стр. 255. «Басня Крылова — Прихожанинъ». Его же.

Русскій архивъ, 1866, стр. 1335. «Маскарадныя стихотворенія Крылова». Его же.

Русскій архивъ, 1867, стр. 386. «Неизданная басня Крылова, *Пестрыя Овцы*». Его же.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

БАСЕНЪ КРЫЛОВА.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ КРЫЛОВА,

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ «БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМЪ И ИСТОРИЧЕСКИМЪ ПРИМѢЧАНІЯМЪ» Г. КЕНЕВИЧА.

I.

Свѣдѣнія о службѣ А. П. Крылова и о годѣ рожденія И. А. Крылова.

Андрей Прохоровичъ Крыловъ, отецъ баснописца, своею дѣятельностію во время защиты Яика отъ скопищъ Пугачева обратилъ на себя вниманіе автора «Исторіи Пугачевскаго бунта», который призналъ его однимъ изъ главныхъ защитниковъ этой крѣпости. Слава и заслуги его сына даютъ ему еще большее право на вниманіе потомства. Нѣкоторые документы, относящіеся къ его служебной дѣятельности, доставленные намъ изъ Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба, благодаря обязательному содѣйствію Л. Г. Иванова, и сохранившіеся въ бумагахъ К. С. Савельева, даютъ возможность сообщить нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о судьбѣ и заслугахъ почтеннаго воина.

Изъ указа объ его отставкѣ, даннаго 14 мая 1775 года, узнаемъ, что А. П. Крыловъ происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; умѣлъ читать и писать, но наукамъ не учился. Въ 1751 году [1] 6-го сентября онъ поступилъ на службу въ Оренбургскій драгунскій полкъ рядовымъ; прошелъ должности ротнаго писаря, каптенармуса, сержанта, и наконецъ 1-го января 1764 года произведенъ въ прапорщики. Черезъ два года (1766 г. 1-го января) его пожаловали въ поручики того же полка, какъ видно изъ даннаго ему на этотъ чинъ диплома, а 1-го марта 1772 г. въ капитаны. Въ этомъ чинѣ онъ поступилъ подъ команду генералъ-маіора Фреймана, командированнаго въ 1772 г. противъ мятежныхъ Яицкихъ козаковъ; а въ 1774 г. перешелъ подъ начальство полковника Симонова, отряженнаго для защиты Яицкаго городка, который

---

[1]) По формуляру 1769 г.

бунтовщики держали въ осадѣ съ 30-го декабря 1773 по 16-е апрѣля 1774 г. Приводимъ изъ прошенія объ отставкѣ то мѣсто, гдѣ А. П. описываетъ свою дѣятельность и положеніе гарнизона:... «во время чинимыхъ отъ злодѣевъ на ретранжаментъ неоднократно приступовъ и покушеній, имѣя въ вѣдѣніи моемъ отдѣленной фасъ, оной во всякое время ревностно оборонялъ, да и къ подкрѣпленію другихъ опасныхъ мѣстъ былъ же употребляемъ; а наконецъ, когда въ пропитаніи людямъ наступилъ крайній недостатокъ и опасность настояла, чтобы солдаты, не стерпя голоду, не оставили свою должность, имѣя въ вѣдѣніи моемъ шестую легкую полевую команду, всѣ силы употреблялъ черезъ увѣщанія и обнадежени прибытіемъ скорѣйшаго сикурса, о чемъ ни малѣйшаго извѣстія ни откуда не было, подкомандующихъ въ должномъ послушаніи удержать, которые удобнѣе наконецъ согласились, по неимѣнію всякой пищи, землю ѣсть. Слѣдовательно и доказали изъ того, что лучше помереть хотѣли, нежели присяжную свою должность презрѣть; въ таковыхъ обстоятельствахъ и я самъ съ ними какъ въ пищѣ, такъ и во всемъ равному недостатку и всѣмъ трудностямъ былъ подверженъ».

Послѣ освобожденія Яицкаго городка отъ осады, капитану Крылову поручено было произвести поиски за измѣнниками, «коихъ онъ», по засвидѣтельствованію генералъ-маіора П. Потемкина [1]), «не малое число привелъ къ должности». «А какъ гвардіи капитанъ-поручикъ Мавринъ» [2]), продолжаетъ П. Потемкинъ, «посланъ былъ отъ меня со отдѣленною коммиссіею въ Уральскъ, тогда онъ, Крыловъ, въ его, Маврина, вѣдѣніи состоялъ и всѣ его повелѣнія, касающіяся по долгу службы исправлялъ, съ таковымъ усердіемъ и ревностію, какъ надлежитъ вѣрноподданному ея императорскаго величества рабу».

Въ мартѣ 1775 года А. П. подалъ челобитную объ «увольненіи его отъ воинской въ статскую службу», при чемъ ссылался на разстроенное здоровье, находя себя болѣе способнымъ къ статской службѣ, нежели къ военной, и на узаконеніе о вольности дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы его за «безпорочную и ревностнѣйшую службу, при сей перемѣнѣ, какъ онъ уже въ послѣднемъ чинѣ состоялъ три года, въ переименованіи изъ воинскаго чина въ статской повышеніемъ всемилостивѣйше повелѣно было наградить».

Въ слѣдствіе этого прошенія, 28-го апрѣля состоялось опредѣленіе военной коллегіи, гдѣ между прочимъ сказано: «капитанъ Крыловъ... за слабостію здоровья отъ воинской службы отставленъ, а какъ онъ желаетъ къ статскимъ дѣламъ, каковыя при опредѣленіи награждаются не воинскими, но статскими чинами отъ правительствующаго сената, то

[1]) Начальника секретной коммиссіи.

[2]) Членъ секретной коммиссіи; онъ находился въ Яицкомъ городкѣ въ сентябрѣ 1774 г. и производилъ тамъ первый допросъ выданному своими сообщниками Пугачеву. (*Матеріалы для ист. п. б., Зап. Ак.* т. I, кн. 2).

тѣмъ же чиномъ и съ симъ ея императорскаго величества указомъ отпущенъ на его пропитаніе, и при томъ ему объявлено, чтобы онъ о опредѣленіи къ статскимъ дѣламъ просилъ гдѣ надлежитъ». Указъ этотъ данъ былъ въ Москвѣ 14-го мая 1775 года.

Не удовлетворенный рѣшеніемъ военной коллегіи, Крыловъ 22-го іюня того же года обратился съ слѣдующимъ прошеніемъ къ П. С. Потемкину, которое наводитъ на мысль, что дѣйствительною причиною его отставки была обида, а не разстроенное здоровье.

«Принеся вашему высокопревосходительству чрезъ покойнаго атамана Бородина [1]) мою всенижайшую просьбу, хотя изливаемаго на всѣхъ вашего милосердія и не отчаяваюся, но внаступающее торжество мира [2]) и что за кончиною того милостивца, можетъ статся, уже припомнить обо мнѣ некому, осмеливаюся внадеждѣ безприкладной милости вашему высокопревосходительству съ моимъ наиглубочайшимъ подобострастіемъ доложить. Слухъ здѣсь носится, что 10-го числа іюля ея императорскаго величества милостію имѣютъ быть многіе награждены. Не возможно ль, высокомилостивѣйшій гдрь, и меня приобщить къ числу тѣхъ. Тамъ всеконечно многихъ чиновъ заслуги взыщутся; а я во всю въ Уральскомъ городкѣ осаду, которая столь изъ рѣдкихъ, что едва ль по исторіи другая ей подобна сыщется, будучи при комендантѣ подъ нимъ вторымъ, при всякомъ случаѣ всѣ силы употреблялъ, какъ къ преодоленію непріятеля, такъ вразсужденіи ретраншамента и всѣхъ онаго укрѣпленій, а наиболѣе воинской предосторожности въ попѣченіи и наблюденіи нужнаго распорядка, такъ что не было никакого и малѣйшаго предначертанія ниже дѣйствія, въ которомъ бы я совершеннаго участія не имѣлъ, ибо естьли я не больше, что изъ пристойности неприлично выговорить, то по послѣдней мерѣ неменьше самаго командира во всѣхъ подробностяхъ распростирался. О чемъ, уповаю, каждый изъ бывшихъ въ помянутой блокадѣ можетъ по справедливости засвидѣтельствовать. Знаю, высокомилостивѣйшій гдрь, что меня, какъ и каждаго непремѣнной долгъ къ тому обязуетъ; но ея величеству благоугодно все заслуги милостиво награждать; а такимъ особамъ, какъ ваше высокопревосходительство за безгласныхъ людей заступаться. И такъ не отрините, премилосердый гдрь, усерднѣйшаго прошенія на ваше отеческое заступленіе все свое упованіе полагающаго, который тѣмъ наиболѣе милость своего мецената долженствовать будетъ чувствовать, что мѣнше щастія имѣетъ вашему высокопревосходительству быть въ состояніи оную когда либо заслужить, какъ только съ наиглубочайшимъ решпѣктомъ къ знаменитому вашего высоко-

---

[1]) Мартеміанъ Бородинъ — старшина Яицкаго войска, преслѣдовавшій Пугачева послѣ отраженія его отъ Царицына.

[2]) Кучукъ-Кайнарджискаго, празднованнаго 10-го іюля 1775 года.

превосходительства имени и со всеусерднымъ подобострастіемъ быть, называться не перестанетъ во всю свою жизнь,

Всемилостивѣйшій государь.

Вашего высокопревосходительства

всенижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою [1]).

Въ слѣдствіе этого письма П. Потемкинъ, 7-го іюля 1775 г., сдѣлалъ представленіе въ военную коллегію, въ которомъ, исчисливъ заслуги капитана Крылова во время осады Яицкаго городка и послѣ, просилъ не оставить его безъ награжденія. «Принимая во уваженіе сего офицера отличную службу», писалъ онъ, «задолжное почелъ представить и покорнѣйше просить, чтобъ противу другихъ его братіи въ награжденіи оставленъ не былъ». Но военная коллегія, основываясь на томъ, что капитанъ Крыловъ уже уволенъ отъ военной службы къ статскимъ дѣламъ и что награжденіе его зависитъ отъ правительствующаго сената, опредѣлила (7 августа 1775 г.) сообщить объ его похвальной службѣ въ герольдмейстерскую канцелярію, для вѣдома промеморіею, что и было исполнено 12-го августа того же года.

Полагать надо, что герольдмейстерская канцелярія не обратила вниманія на промеморію военной коллегіи, потому что А. П., три года спустя, умеръ (на 41 году) [2]) въ чинѣ коллежскаго ассесора, слѣдовательно, не получивъ повышенія.

Извѣстно, что послѣ смерти А. П. семейство его впало въ крайнюю нищету. Марья Алексѣевна, мать поэта, убѣдившись въ безполезности всѣхъ ея хлопотъ о пенсіи за службу мужа, принуждена была наконецъ опредѣлить своего старшаго сына подканцеляристомъ въ калязинскій уѣздный судъ. Какъ свидѣтельство тогдашняго ея положенія, сохранилось ея прошеніе на высочайшее имя, заключающее въ себѣ нѣсколько интересныхъ данныхъ; а потому предлагаемъ его вполнѣ.

«Всемилостивѣйшая Государыня! Сердобольное вашего величества ко всѣмъ несчастнымъ снисхожденіе и милость, вливаютъ смелость всѣмъ, бѣдствіямъ подверженнымъ, припадая къ престолу Вашему, искать облегченія своего бремени, и утешенія своимъ горестямъ.

«Я исчисла сихъ нещастныхъ. Мужъ мой сего году марта 17 числа, по власти Божіей окончившей жизнь, тверскаго намѣстничества губернскаго магистрата председатель, коллежскій ассесоръ Андрей Крыловъ вслужбѣ вашего імператорскаго величества находился съ 751 года, сперва въ оренбургскомъ гарнизонѣ, а потомъ вполевой службѣ капитаномъ, и, командуя шестою полевою командою, въ многократныхъ противъ Уральскихъ мятежниковъ военныхъ дѣйствіяхъ и въ осадѣ отъ сихъ же зло-

---

[1]) Съ черновой, сохранившейся въ бумагахъ, принадлежащихъ г. Савельеву.

[2]) Въ указѣ объ отставкѣ ему показано 37 лѣтъ.

дѣевъ въ Уральскомъ городкѣ былъ, причемъ оказалъ отменную ревность и храбрость. Наконецъ истоща всѣ силы, по окончаніи уже всѣхъ тамъ бывшихъ неспокойствъ въ 775 году просилъ о опредѣленіи встатскую службу, почему и отъставленъ съ чиномъ коллежскаго ассесора и опредѣленъ втверское наместничество; а хотя онъ былъ і изъ оберъ офицерскихъ дѣтей, но никакихъ вотчинъ и ниже такого достатка, коимъ бы я себя здѣтми и семействомъ, содержать могла, неимѣлъ, а содержалъ себя однимъ токмо жалованьемъ; то я нынѣ лишеніемъ его съ двумя сынами, изъ коихъ одному десятой, а другому второй годъ, всѣмъ произходящимъ отъ крайней бѣдности жесточайшимъ слѣдствіямъ преданная, безъ подкрѣпленія вашего императорскаго величества матернія щедроты впаду въ неминуемое отчаяніе.

«Всемилостивѣйшая Государыня! всей моей крайности дерзаю припасть ко освященнымъ вашего величества стопамъ и повергнуть себя здѣтми вбеспримѣрныя вашего величества матернія щедроты, воззрите милостиво на наше нещастное состояніе и, принявъ воуваженіе двадцати семи лѣтнюю мужа моего беспорочную и ревностную службу, повелите на пропитаніе наше и на воспитаніе дѣтей опредѣлить что вашему величеству всевышній Богъ на сердце положитъ.

Всемилостивѣйшая Государыня,
вашего величества
всеподданнѣйшая раба [1]).

Какія послѣдствія имѣло это прошеніе для семейства Марьи Алексѣевны и даже было-ли оно отослано — не знаемъ; но для насъ оно имѣетъ весьма важное значеніе, потому что даетъ возможность разрѣшить недоразумѣнія и устранить противорѣчія, которыя находимъ въ біографіяхъ нашего баснописца, составленныхъ преимущественно на основаніи собственныхъ его разсказовъ. Такъ, въ статьѣ Лобанова сказано: «Онъ (Иванъ Андреевичъ) лишился его (отца) на 13-мъ году своей жизни, т. е. въ 1781 году». По словамъ же Плетнева, А. Пр. долженъ былъ отправиться въ Оренбургъ въ 1777 г., а умеръ въ 1780 году, когда Ивану Андреевичу было одиннадцать лѣтъ (X, XI стр.). Эти противорѣчивыя показанія вмѣстѣ съ другими данными, столь же сомнительными, дали поводъ Я. К. Гроту высказать весьма правдоподобное предположеніе, что Иванъ Андреевичъ родился раньше 1768 г., напримѣръ, въ 1764 г. (См. выше *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ*).

Если Андрей Прохоровичъ опредѣлился на службу въ 1751 году, какъ показано въ его формулярномъ спискѣ, и прослужилъ двадцать семь лѣтъ, что видно изъ приведеннаго выше прошенія, то онъ умеръ въ 1778 году

---

1) Съ черновой, сохранившейся въ бумагахъ г. Савельева, написанной писарскою рукою и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправленной другою рукою вовсе не писарскою.

Умирая, онъ оставилъ двухъ сыновей, изъ коихъ старшему, т. е. Ивану Андреевичу, былъ *десятый* годъ, а младшему, Льву, *второй*; отсюда слѣдуетъ, что Иванъ Андреевичъ родился въ 1768 г., а его братъ въ 1776 г. Такой выводъ совершенно согласенъ съ собственнымъ показаніемъ Льва Андреевича: 6-го января 1823 г. въ письмѣ своемъ къ брату онъ между прочимъ говоритъ: «Мы теперь оба становимся старики, ибо мнѣ скоро 46 лѣтъ кончится (а въ службѣ 37-й годъ съ сентября пошелъ), а тебѣ, голубчикъ тятенька, 54 скоро минетъ», т. е. 2-го февраля 1823 г. Иванъ Андреевичъ вступилъ въ 55-й годъ жизни.

II.

Служба И. А. Крылова до первой отставки.

Какъ сказано выше, бѣдность принудила Марью Алексѣевну прервать ученическія занятія сына и опредѣлить его на службу. Въ аттестатѣ, выданномъ ему въ 1810 г. 30 сентября, при увольненіи отъ службы въ монетномъ департаментѣ, сказано: «...въ службу вступилъ въ калязинскій уѣздный судъ подъканцеляристомъ 1781 года февраля 2-го дня» (т. е. ровно 14-ти лѣтъ).

«Того жъ года декабря 4-го дня переведѣнъ въ тверской губернскій магистратъ, канцеляристомъ.

«782 года января 10-го по увольненіи отъ туда опредѣленъ въ санктпетербургскую казенную палату темъ же чиномъ [1]), гдѣ произведенъ 785 апреля 6-го провинціальнымъ секретаремъ.

«788 марта 11-го изъ оной по прошенію уволенъ и опредѣленъ въ кабинетъ его императорскаго величества.

«790 декабря 7-го изъ онаго за болѣзнію уволенъ» [2]).

Предпослѣдній (1789) годъ службы Крылова замѣчателенъ участіемъ его въ издаваемомъ Рахманиновымъ журналѣ *Почта Духовъ*, который и печатался въ его типографіи; хотя въ то время и не было обычая обозначать на заглавномъ листѣ, гдѣ печаталась книга, однакожъ по вензелю на оборотѣ перваго листа (И. Р.) изданныхъ Рахманиновымъ журналовъ: *Утренніе Часы* (1788 г.) и *Почта Духовъ* должно заключить, что типографія принадлежала ему, а не Крылову [3]). Единственное извѣстное

---

[1]) Переписка, возникшая по причинѣ этого перевода, сохранилась въ архивѣ тверскаго губернскаго правленія; она была напечатана въ *Сѣв. Пчелѣ* 1846 г. № 292 (см. наши *Примѣчанія* стр. 273—275).

[2]) Ср. *Вѣстн. Евр.* 1868 г. № III стр. 221.

[3]) Въ статьѣ, напечатанной въ *Русскомъ Инвалидѣ* (1868 г. 2 Февр., № 31) высказана мысль, что Крыловъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе связи своей съ Радищевымъ, который въ томъ же году издалъ свою книгу. Если бы было такъ, то, вѣроятно, его удалили бы изъ кабинета, какъ неблагонадежнаго чело-

намъ свидѣтельство объ участіи Крылова въ послѣднемъ изъ этихъ журналовъ заключается въ собственныхъ его словахъ, сказанныхъ Быстрову: «Помнится, мой милый, что разъ поссорились мы съ Рахмановымъ (sic) за то, какое дать названіе журналу». (*Свв. Пч.* 1845, № 203). Что здѣсь рѣчь идетъ о *Почтѣ Духовъ*, въ томъ нельзя сомнѣваться, потому что въ 1802 г. Крыловъ вторично издалъ этотъ сборникъ, на что, конечно, не рѣшился бы, еслибъ не считалъ его своею собственностію. Это обстоятельство подтверждаетъ мнѣніе Я. К. Грота, что такъ какъ Крыловъ «признавалъ *Почту Духовъ* за свой трудъ, и во всякомъ случаѣ былъ ея главнымъ редакторомъ, то приходится включить ее въ составъ его сочиненій». (*Вѣстн. Евр.*, 1868 г. № III, стр. 222).

Первый годъ по выходѣ въ отставку (1791) Крыловъ провелъ въ провинціи, именно, въ брянскомъ уѣздѣ, гдѣ по словамъ г. Алабина (*Рус. Арх.* 1868 г. № 4 и 5, стр. 864), познакомился съ Анной Алексѣевной Константиновой, которой посвятилъ свои стихотворенія, появившіяся въ печати въ 1793 г. въ *Меркуріи*, вѣроятно, послѣ окончательнаго разрыва его съ семействомъ Константиновыхъ.

вѣка, немедленно по открытіи его неблагонадежности; между тѣмъ мы видимъ, что онъ почти полгода послѣ выхода въ свѣтъ *Путешествія въ Москву* остается на службѣ (это сочиненіе появилось въ іюнѣ 1790 г. (*Зап.* Храповицкаго, 26-го іюня этого года).

Въ біографическомъ очеркѣ Крылова, напечатанномъ нами въ *Вѣстникѣ Европы* (1868 г. № 2, стр. 712) сказано, что Крыловъ долженъ былъ закрыть типографію и прекратить изданіе журнала вслѣдствіе подозрѣнія, будто онъ участвовалъ въ изданіи книги Радищева. Почитаемъ своею обязанностію объясниться. Весь этотъ разсказъ (какъ и сказано въ *Очеркѣ*) переданъ нами почти буквально со словъ покойнаго Н. И. Греча, которому мы не могли не вѣрить тѣмъ болѣе, что и самъ Крыловъ въ разговорахъ своихъ съ Быстровымъ намекалъ на полицію, бывшую, повидимому, причиною прекращенія его типографской дѣятельности. Изложенные факты свидѣтельствуютъ, что разсказъ Греча совершенно не вѣренъ: въ 90 году у Крылова не было типографіи, и самъ онъ спокойно оставался на службѣ (о типографіи Крылова и причинѣ ея закрытія см. ниже). Всѣ эти соображенія даютъ поводъ думать, что между Радищевымъ и издателями *Почты Духовъ* не было никакихъ литературныхъ отношеній; а если и были, то весьма отдаленныя. Что же касается до посѣщенія полицейскимъ чиновникомъ типографіи Рахманинова (а не Крылова, какъ сказано въ *Очеркѣ*), то нѣтъ никакой причины отвергать достовѣрность этого факта: весьма вѣроятно, что Шешковскій, получивъ приказаніе произвести слѣдствіе надъ Радищевымъ, прежде, чѣмъ тотъ сознался, что напечаталъ свое сочиненіе въ домашней типографіи, купленной у Шнора, разослалъ своихъ сыщиковъ по всѣмъ типографіямъ, чтобы развѣдать, гдѣ напечатана его книга. Такъ, а не иначе и должно было ему поступить, потому что въ переданныхъ ему замѣчаніяхъ Императрицы 1-й пунктъ указывалъ на то, что на книгѣ не означено типографіи.

III.

1792 — 1796 г.

(Крыловъ-типографъ)

и 1797 — 1811 г.

Въ *Опытѣ* Сопикова (ч. I, стр. CXIX) о типографіи Крылова находимъ слѣдующее извѣстіе: «Когда въ 1783 году указомъ Генваря 15-го дана свобода всякому подъ надзираніемъ полицейской цензуры заводить оныя (типографіи), то въ С.-Петербургѣ немедленно открылись вольныя типографіи: Брейткопфа, Вильковскаго, Гека, П. Богдановича, Крылова, Мейера и другихъ». Г. Лонгиновъ въ своемъ сочиненіи: «Новиковъ и московскіе мартинисты» (стр. 282) также относитъ типографію Крылова къ числу существовавшихъ въ осьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Но внимательное разсмотрѣніе этого предмета приводитъ совершенно къ инымъ заключеніямъ.

Типографское общество, во главѣ котораго стоялъ Крыловъ, начало свою дѣятельность въ 1792 году изданіемъ ежемѣсячнаго журнала: *Зритель*, на заглавномъ листѣ котораго означена типографія «Крылова съ товарищи». Съ этою надписью появляются книги до 1796 года. Единственнымъ свидѣтельствомъ существованія типографіи Крылова въ этомъ году остается изданіе *Приключеній шевалье де Фоблаза, соч. Лувета де Кувре*, перев. съ французскаго, въ 13 частяхъ, начатое еще въ 1792 году и окончившееся въ 1796 г.[1]).

Надо полагать, что дѣятельность типографіи Крылова была весьма ограниченная: въ Смирдинской Росписи мы нашли только десять изданій, вышедшихъ изъ этой типографіи, и всѣ они весьма незначительны по объему; указъ императора Павла объ упраздненіи всѣхъ типографій, за исключеніемъ состоящихъ при присутственныхъ мѣстахъ[2]), положилъ конецъ и этой дѣятельности.

1797 — 1801 годы, ничѣмъ особеннымъ не отмѣченные въ біографіи Крылова, проведены имъ въ имѣніи князя С. Θ. Голицина, Казацкомъ. Свѣдѣнія объ этой эпохѣ жизни баснописца сообщены Я. К. Гротомъ въ статьѣ, помѣщенной выше подъ заглавіемъ: *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ*.

Осенью 1801 г. князь Голицынъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу, и Крыловъ «801, октября 5-го, опредѣленъ по указу правительствующаго сената къ нему секретаремъ, гдѣ произведенъ 802-го

---

[1]) См. Смирдинскую Роспись.

[2]) Полное собр. законовъ, т. XXIV, № 17811, декабрь 1796.

декабря 31-го губернскимъ секретаремъ» [1]). Эту должность онъ оставилъ въ сентябрѣ 1803 года, что видно изъ слѣдующаго аттестата, даннаго ему княземъ Голицынымъ:

«Отдавая справедливость прилежанію и трудамъ служившаго при мнѣ секретаремъ губернскаго секретаря Крылова, сопрягающаго съ расторопностію, съ каковою онъ выполнилъ всѣ на него возложенныя дѣла, какъ хорошее познаніе должности, такъ и отличное поведеніе, долгомъ почитаю засвидѣтельствовать симъ, что достоинства его заслуживаютъ вниманія. Рига, Сентября 26-го дня 1803 года.» Подписано: «князь Голицынъ».

Что происходило съ Крыловымъ въ теченіи слѣдующихъ за тѣмъ двухъ лѣтъ (1804 и 1805), неизвѣстно: ни въ бумагахъ его, ни въ перепискѣ Льва Андреевича, которая въ это время прерывается, не сохранилось никакихъ извѣстій [2]). Я. К. Гротъ весьма основательно предполагаетъ, что именно къ этому времени относится его полукочевая жизнь и страсть къ карточной игрѣ, заманившая его между прочимъ на нижегородскую ярмарку, о чемъ онъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ Н. И. Гречу (см. *Біограф. Очеркъ*, *Вѣстн. Европы*, № II, стр. 714).

Въ концѣ 1805 г. онъ былъ въ Москвѣ, гдѣ написалъ первыя три басни, заимствованныя изъ Лафонтена и напечатанныя И. И. Дмитріевымъ въ первыхъ книжкахъ *Московскаго Зрителя*, издаваемаго кн. Шаловымъ.

1806-й годъ онъ, кажется, провелъ въ Петербургѣ, и мы думаемъ, что именно къ этому времени должно отнести происшествіе, о которомъ впослѣдствіи онъ разсказывалъ Гречу: вмѣстѣ съ какими-то шулерами онъ былъ призванъ къ генералъ-губернатору, который объявилъ имъ, что они подлежатъ высылкѣ изъ столицы (см. *Біограф. Очеркъ*, *Вѣстн. Евр.* 1868, № 2). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ этомъ году приняты были новыя мѣры противъ азартныхъ игръ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. (См. *Полн. Собр. Зак.* т. XXIX, № 22107).

1807 годъ былъ посвященъ театру: въ этомъ году были написаны и поставлены на сцену комедіи: *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ* и волшебная опера *Илья Богатырь*.

1808 годъ особенно замѣчателенъ въ жизни нашего поэта: не переставая служить развитію драматическаго искусства, для чего онъ находилъ необходимымъ издавать спеціальный журналъ, который, дѣйствительно, выходилъ въ теченіе 1808 года подъ заглавіемъ: *Драматическій Вѣстникъ*, онъ въ то же время положилъ основаніе своей славѣ, какъ бас-

---

[1]) Аттестатъ 1810 года.

[2]) Въ 1804 г. 25-го января была играна въ Московскомъ театрѣ его комедія *Пирогъ* въ пользу Сандунова; но отсюда не слѣдуетъ, кажется, заключать, что самъ авторъ долженъ былъ находиться въ Москвѣ.

нописецъ. Не бывъ редакторомъ, ни издателемъ упомянутаго журнала, онъ почти каждую книжку его украшалъ своими баснями [1]).

Въ томъ же году «Октября 6-го опредѣленъ въ монетный департаментъ тѣмъ же чиномъ (губернскимъ секретаремъ) и того жъ года декабря 31-го по именному Высочайшему указу пожалованъ титулярнымъ совѣтникомъ». Такъ значится въ аттестатѣ 1810 года, 30-го сентября.

Конецъ 1810 и 1811 г. Крыловъ провелъ въ Петербургѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ басни, читанныя имъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, имѣвшей первое свое засѣданіе 14-го марта 1811 года (см. *Примѣчанія*, стр. 74 и слѣд.).

24-го декабря того же года секретарь Россійской Академіи писалъ къ нему: «Императорская Россійская Академія, отдавая справедливость извѣстному ей въ словесныхъ наукахъ знанію вашему, а особливо сочиненіямъ вашимъ, служащимъ истиннымъ обогащеніемъ и украшеніемъ словесности россійской, въ бывшее сего декабря 16-го числа засѣданіе, избрала васъ дѣйствительнымъ своимъ членомъ. На меня возложено, извѣстя васъ о семъ избраніи и препроводя прилагаемый у сего дипломъ, пригласить васъ къ будущему собранію Академію, сего декабря 30-го дня въ 10 часовъ до полудня.

Исполняя сіе весьма для меня лестное порученіе, съ истиннымъ почтеніемъ и таковою жъ преданностію имѣю честь быть *и проч.* Петръ Соколовъ».

IV.

Служба при Императорской Публичной библіотекѣ.

7-го января 1812 г., какъ сказано въ аттестатѣ, данномъ Крылову при окончательной отставкѣ, онъ былъ опредѣленъ въ Императорскую Публичную библіотеку помощникомъ библіотекаря. Высочайшимъ указомъ, даннымъ кабинету 10-го февраля 1812 г., «повелѣно титулярному совѣтнику Крылову производить изъ кабинета въ пенсіонъ по тысячѣ пяти сотъ рублей на годъ». [2])

Съ опредѣленія на службу въ Публичную библіотеку почти до самой смерти въ жизни Крылова не произошло никакихъ внѣшнихъ перемѣнъ. Важнѣйшими фактами въ этомъ періодѣ остаются его басни и тѣ

---

[1]) «Мысль издавать театральный журналъ или газету принадлежитъ кн. Шаховскому, котораго въ этомъ намѣреніи поддерживалъ Крыловъ, обѣщая свое содѣйствіе. Онъ изъявилъ намѣреніе напечатать въ немъ свои басни, до тѣхъ поръ нигдѣ не напечатанныя. Издержки бралъ на себя Рыкаловъ, содержатель театральной типографіи.» (*Дневникъ Чиновника*, *Отеч. Зап.* 1855, окт. стр. 363).

[2]) Копія съ указа писана рукою Оленина (см. ниже).

случаи, когда ему приходилось выслушивать выраженіе уваженія къ его заслугамъ и таланту. Приводимыя ниже письма остаются единственнымъ — и правду сказать, весьма однообразнымъ свидѣтельствомъ его быстрыхъ успѣховъ, а съ другой стороны, того всеобщаго вниманія, какимъ онъ пользовался во все время своего служенія баснѣ. Замѣчательно, что всѣ они были имъ тщательно сохранены и вмѣстѣ съ рукописями басенъ переданы К. С. Савельеву; можно думать, что онъ дорожилъ ими и желалъ, чтобы они не погибли и для потомства.

Отъ Вилламова къ Оленину, 1814 г. 15-го мая.

М. г., Алексѣй Николаевичъ. Вашему пр—ву извѣстно, съ какимъ удовольствіемъ ея императорское величество слушать изволила чтеніе басней Ивана Андреевича Крылова, а также сочиненій г. Гнѣдича. Въ память сего пріятнаго для ея величества чтенія и всемилостивѣйшаго къ сочинителямъ благоволенія, государыня императрица всемилостивѣйше пожаловать имъ изволила по украшенному брилліантами перстню, указать мнѣ доставить оные къ вашему пр—ву для врученія имъ.

Исполняя симъ высочайшую волю и прилагая при семъ всемилостивѣйше жалуемые гг. Гнѣдичу и Крылову перстни, прошу о полученіи меня увѣдомить, и съ совершеннымъ почтеніемъ *и проч.* Григорій Вилламовъ.

Отвѣтъ Оленина, 1814 г. 16-го мая (съ копіи).

М. г. мой, Григорій Ивановичъ. Я имѣлъ счастіе вчера получить посредствомъ вашего пр—ва высочайше пожалованные два перстня отъ ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Федоровны, на имя извѣстныхъ гг. Крылова и Гнѣдича, коимъ оные мною и вручены. Я не умѣю вамъ описать, м. г., мои чувства той истинной благодарсти, съ каковою они приняли сей знакъ всемилостивѣйшаго къ нимъ благоволенія. Съ моей стороны я долгомъ почитаю, какъ начальствующій въ императорской публичной библіотекѣ, слѣдственно, какъ сослуживецъ гг. Гнѣдича и Крылова и какъ истинный любитель русской словесности, покорнѣйше просить ваше пр—во принять на себя трудъ при удобномъ случаѣ, довести до свѣдѣнія ея величества и мою всенижайшую благодарность за оказанную означеннымъ чиновникамъ высокомонаршую милость и съ тѣмъ вмѣстѣ за высокое ея покровительство отечественной нашей словесности. Я увѣренъ, что гг. Крыловъ и Гнѣдичъ, поощренные столь лестною наградою, и впредъ будутъ стараться новыми произведеніями удостоиться вниманія ея императорскаго величества.

Имѣю честь быть *и проч.* А. Оленинъ.»

14-го августа 1814 г. Оленинъ препроводилъ къ Крылову копію съ слѣдующаго Высочайшаго указа правительствующему сенату:

«Во увѣреніе отличныхъ дарованій въ россійской словесности служащаго въ императорской публичной библіотекѣ титулярнаго совѣтника

Крылова, извѣстнаго пріятными и полезными стихотвореніями, всемилостивѣйше жалуемъ его въ коллежскіе ассесоры, на основаніи 9 пункта повелѣнія, нами даннаго, на имя министра народнаго просвѣщенія въ 14 день Генваря 1811 г. Въ С.-Петербургѣ, августа 14-го дня 1814 г.

«На подлинномъ подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: Александръ.»

(Приписка Оленина): Поспѣшая вамъ сообщить копію съ сего явнаго свидѣтельства монаршаго къ вамъ благоволѣнія и поздравляя васъ съ царскою милостію, не премину по возвращеніи съ дачи моей, въ понедѣльникъ, если васъ тамъ не увижу, васъ лично поздравить.

Преданный вамъ А. Оленинъ.

Отъ Н. Лонгинова 1816 г. 15-го мая.

М. г. мой, Иванъ Андреевичъ. По высочайшему повелѣнію государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны имѣю честь препроводить у сего брилліантовый перстень, всемилостивѣйше пожалованный вамъ въ знакъ монаршей милости и отличнаго благоволенія, съ которымъ ея императорское величество удостоила принять басни ваши въ стихахъ, заслужившія уже всеобщую похвалу и одобреніе и доставившія ея величеству не меньше удовольствія, сколько оныя пріобрѣли вамъ самому и россійской словесности истинной славы.

При исполненіи столь пріятной для меня обязанности, прошу васъ, м. г. мой, принять увѣреніе *и проч.* Н. Лонгиновъ.

Отъ Прокоповича-Антонскаго, Москва, 1816 г. 20-го мая.

М. г. мой, Иванъ Андреевичъ. Общество любителей россійской словесности, при московскомъ императорскомъ университетѣ учрежденное, отдавая должную справедливость превосходнымъ сочиненіямъ вашимъ и знанію отечественнаго языка, пріятнымъ долгомъ поставляетъ препроводить къ вамъ, м. г. мой, дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена и при ономъ печатный экземпляръ устава. Исполняя съ удовольствіемъ порученіе общества, искренно васъ уважающаго, честь имѣю *и проч.* Антонъ Прокоповичъ-Антонскій.

Отъ А. Измайлова, 1817 г. 22-го іюня.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Санктпетербургское вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ, уважая отличныя дарованія ваши и труды, принесшія честь и пользу отечественной литературѣ, въ засѣданіи своемъ вчерашняго числа избрало васъ единогласно въ свои почетные члены и возложило на меня пріятную обязанность увѣдомить объ ономъ васъ, м. г., съ тѣмъ что дипломъ на сіе званіе и экземпляръ новаго устава общества въ непродолжительномъ времени къ вамъ доставленъ будетъ.

Исполняя съ особеннымъ удовольствіемъ таковое порученіе, имѣю честь быть *и проч.* А. Измайловъ, предсѣдатель общества.

Отъ П. Кондырева, Казань, 1818, іюля 25-го.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Казанское общество любителей отечественной словесности, достодолжно уважая васъ, какъ знаменитаго нашего баснописца, твореніями своими отечественную словесность украсившаго и прославившаго, въ засѣданіи 24-го числа іюня единодушно избравъ васъ въ свои дѣйствительные иногородные члены, поручило мнѣ, какъ секретарю своему, извѣстить васъ о томъ и усердно пригласить въ семъ званіи принимать участіе въ дѣлахъ общества. Съ особеннымъ удовольствіемъ исполняя столь пріятное для меня порученіе и препровождая при семъ уставъ общества, съ истиннымъ почтеніемъ *и проч.* Петръ Кондыревъ, секретарь казанскаго общества любителей отечественной словесности.

Указъ Нашему кабинету. С.-Петербургъ, 27-го марта 1820 г. (съ копіи[1]).

Въ воздаяніе засвидѣтельствованной начальствомъ усердной и похвальной службы дѣйствительнаго библіотекаря императорской публичной библіотеки коллежскаго ассессора Крылова, всемилостивѣйше повелѣваю производить ему въ дополненіе къ получаемому имъ пенсіону, тысячи пятистамъ рублямъ, по указу, данному кабинету въ 10-й день февраля 1812 года, еще по тысячѣ пятисотъ рублей въ годъ изъ суммъ онаго кабинета.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано тако: Александръ.

Отъ Оленина, 1820 г. 17 апрѣля.

Государь Императоръ, по докладу господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе засвидѣтельствованія моего объ усердной и похвальной службѣ вашей, всемилостивѣйше пожаловать васъ соизволилъ въ 27-й день марта сего года кавалеромъ ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 4 степени, котораго знаки были уже къ вамъ доставлены, а нынѣ при семъ доставляется и изготовленная въ капитулѣ имп. рос. орденовъ на сіе всемилостивѣйшее пожалованіе васъ грамота вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о взносѣ въ капитулъ на богоугодныя заведенія установленныхъ тридцати рублей, которые по сдѣланному мною распоряженію имѣютъ вычтены быть изъ получаемаго вами по библіотекѣ жалованія для отсылки въ капитулъ въ будущемъ маѣ мѣсяцѣ [2]).

А. Оленинъ.

Докладъ статсъ-секретаря Оленина Государю Императору, 1824 года 16 апрѣля (съ копіи).

Въ 1814 году по всеподданнѣйшему моему докладу ваше императорское величество всемилостивѣйше пожаловать соизволили знамени-

---

[1]) Съ этого указа сохранилось двѣ копіи: одна, писанная повидимому, рукою писаря; другая — рукою самого Крылова.

[2]) Къ этой бумагѣ приложены грамота и квитанція изъ капитула.

тому баснописцу Крылову 4200 рублей для напечатанія трехъ первыхъ частей превосходныхъ и поучительныхъ, слѣдственно и полезныхъ его басенъ. Изъявляя высочайшее соизволеніе на выдачу сихъ денегъ изъ кабинета, ваше величество изволили при томъ примолвить: «что Вы всегда готовы Крылову вспомоществовать, если онъ только будетъ продолжать хорошо писать». Съ того времени г. Крыловъ сочинилъ еще три части и издалъ ихъ вмѣстѣ съ первыми, не дерзая утруждать ваше императорское величество о высочайшемъ пособіи; хотя впрочемъ, какъ мнѣ то извѣстно, все его богатство состоитъ въ жалованіи по императорской публичной библіотекѣ и во всемилостивѣйше ему данномъ пенсіонѣ, что все вмѣстѣ составляетъ 4200 рублей въ годъ. Нынѣ г. Крыловъ, оправясь съ трудомъ отъ жестокаго и нечаяннаго болѣзненнаго припадка, счастливымъ поэтическимъ вдохновеніемъ написалъ еще седьмую часть басенъ, состоящую слишкомъ въ двадцати басняхъ, превосходнѣйшаго содержанія и слога. Для напечатанія вновь всѣхъ уже семи частей, съ нѣкоторыми исправленіями, нужно ему теперь денежное пособіе, состоящее, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, въ десяти тысячахъ рублей, или онъ долженъ быть жертвою разсчетливыхъ книгопродавцевъ. Въ семъ затруднительномъ для него положеніи, онъ дерзаетъ, посредствомъ моимъ, всеподданнѣйше прибѣгнуть къ щедротѣ вашего императорскаго величества.

Всемилостивѣйшій государь! Я бы никакъ не осмѣлился утруждать ваше величество подобною просьбою, еслибъ не имѣлъ еще въ памяти царскаго вашего изрѣченія въ подобномъ случаѣ, и еслибъ г. Крыловъ, сверхъ отличнаго своего таланта, не былъ всегда твердъ въ образѣ своихъ мыслей о необходимости и пользѣ чистой нравственности и отвращенія его отъ вольнодумства, что доказывается всѣми его баснями и негодованіемъ, за то ему изъявленнымъ, въ недавнемъ времени Парижскимъ Журналомъ [1]).

Всемилостивѣйшій государь! Если сія всеподданнѣйшая и моя просьба въ пользу отличнаго таланта удостоится благотворнаго вашего величества вниманія, то не благоугодно ли будетъ сію мою всеподданнѣйшую записку утвердить, дабы я могъ посредствомъ сего повелѣнія истребовать означенную сумму для г. Крылова изъ кабинета вашего императорскаго величества.

«На подлинной собственною его императорскаго величества рукою написано тако: «*Истребовать изъ кабинета десять тысячь рублей для врученія г-ну Крылову*». Царское село, 4-го маія 1824 года.

От Н. Новосильцева, С.-Петербургъ, 1826 г. 21-го апрѣля.

М. г. мой, Иванъ Андреевичъ. Государыня императрица въ знакъ все-

---

[1]) Здѣсь Оленинъ упоминаетъ о статьѣ Бауръ-Лорміана, появившейся 2-го января 1824 г. (См. рѣчь академика Бычкова, произнесенную на столѣтнемъ юбилеѣ Крылова

милостивѣйшаго къ вамъ благоволѣнія и по случаю поднесеннаго ея императорскому величеству отъ васъ экземпляра новаго изданія басенъ, вами сочиненныхъ, пожаловать вамъ соизволила бриллiантовый перстень, который у сего къ вамъ, м. г. мой, препровождая, покорно прошу о полученіи онаго меня увѣдомить. Пребывая съ истиннымъ почтеніемъ *и проч.* Николай Новосильцевъ.

Въ 1831 году императоръ Николай выразилъ свое особенное благоволеніе къ баснописцу, подаривъ Наслѣднику Цесаревичу его бюстъ. Объ этомъ сообщено было въ *Сѣверной Пчелѣ*: «Что, подумайте, подарилъ Государь Своему сыну на новый годъ? Бюстъ баснописца Крылова. Въ этомъ подаркѣ заключается много: и признаніе величія поэта, и знакъ любви государя къ русской поэзіи и наставленіе юному князю». (1831 года, № 98).

Отношеніе Оленина — имп. публ. библ. г-ну библіотекарю статскому совѣтнику Крылову [1]). 1834 г., 9 марта.

Сей часъ я получилъ отъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія [2]) предписаніе, отъ 9-го сего марта мѣсяца, № 368 слѣдующаго содержанія:

«По всеподданнѣйшему докладу моему, Государь Императоръ, во уваженіе заслугъ, оказанныхъ отечественной словесности отличнымъ литераторомъ нашимъ библіотекаремъ императорской публичной библіотеки, статскимъ совѣтникомъ Крыловымъ, въ 26-й день минувшаго февраля всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: производить ему сверхъ получаемыхъ окладовъ добавочныхъ по три тысячи рублей въ годъ изъ суммъ государственнаго казначейства.

«О таковомъ всемилостивѣйшемъ пожалованіи ст. сов. Крылову добавочнаго жалованія увѣдомляя ваше высокопревосходительство, имѣю честь присовокупить, что отъ г. министра финансовъ сдѣлано уже надлежащее по сему предписаніе».

Поспѣшая увѣдомить васъ, м. г., о сей новой царской милости, я ласкаю себя надеждою, что сей знакъ особаго монаршаго къ вамъ благоволенія подкрѣпитъ ваши силы и воспламенитъ піитическій вашъ геній къ новымъ опытамъ на поприщѣ литературной европейской вашей славы.

Директоръ А. Оленинъ.

Отъ С. Уварова, 1834 г. 9-го марта.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ имѣю честь васъ увѣдомить, что Государь Императоръ, обращая вниманіе на отлич-

---

[1]) Крыловъ произведенъ въ статскіе совѣтники по именному высочайшему указу 19-го декабря 1830 г., вслѣдствіе представленія Оленина (см. 1-е приложеніе къ ст. Я. К. Грота).

[2]) С. С. Уварова.

ныя услуги, оказанныя вами отечественной словесности, 26-го минувшаго февраля Высочайше повелѣть изволилъ: производить вамъ, сверхъ получаемыхъ вами окладовъ, по три тысячи рублей ежегодно изъ государственнаго казначейства.

Извѣщая васъ, м. г., о сей монаршей милости, я считаю пріятнѣйшимъ долгомъ васъ съ оной поздравить и увѣрить въ совершенномъ почтеніи *и проч.* Сергій Уваровъ.

Отъ Уварова, 1834 г. 11-го апрѣля.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Государь Императоръ, принявъ благосклонно вновь написанныя вами три басни [1]), повелѣть соизволилъ изъявить вамъ за поднесеніе оныхъ высочайшую свою признательность.

Сообщая о семъ вамъ, м. г., имѣю честь быть *и проч.* Сергій Уваровъ.

Отношеніе Оленина къ Крылову, 1836 г. 17-го сентября.

Департаментъ народнаго просвѣщенія при сообщеніи мнѣ, отъ 5-го сего сентября за № 9388, о доставленіи ему для объясненія въ составленномъ для государственнаго контроля отчетѣ о суммахъ императорской публичной библіотеки за 1835 годъ дополнительныхъ свѣдѣній проситъ доставить и слѣдующее:

По какой причинѣ не видно въ приходѣ по отчету и шнуровой книгѣ библіотеки 2940 руб., назначенныхъ по высочайше утвержденной росписи расходамъ по министерству народнаго просвѣщенія на 1835 годъ къ отпуску изъ главнаго казначейства, на основаніи высочайшаго повелѣнія 26-го февраля 1834 года, въ жалованіе вамъ, и если вы сами получаете сію сумму изъ казначейства, то департаментъ проситъ впредь принимать оныя деньги въ библіотеку для выдачи вамъ.

По сему даю вамъ знать, что съ будущаго 1837 года всемилостивѣйше пожалованное вамъ добавочное жалованіе, по высочайшему указу 26-го февраля 1834 года, будетъ требуемо изъ главнаго казначейства въ библіотеку въ началѣ каждой трети года вмѣстѣ съ штатными суммами ея и съ сего времени будете получать оное уже изъ библіотеки, а не прямо изъ казначейства.

Имп. публ. библіотеки директоръ, А. Оленинъ.

V.

Пятидесятилѣтній юбилей Крылова.

По разсказу покойнаго Греча, Крыловъ въ одномъ обществѣ, гдѣ было нѣсколько литераторовъ, проговорился, что въ 1838 году совер-

---

[1]) По нашему соображенію, эти три басни, представленныя Государю въ началѣ 1834 года, могли быть: *Разбойникъ и Извощикъ*, *Левъ и Мышь* и *Два мальчика*. (См. *Примѣчанія* стр. 234—242).

шится ровно пятьдесятъ лѣтъ со времени появленія въ печати перваго его сочиненія [1]). Это обстоятельство подало мысль отпраздновать его юбилей, на что немедленно было испрошено министромъ народнаго просвѣщенія, Уваровымъ, разрѣшеніе Государя Императора, который пожаловалъ въ этотъ день баснописцу орденъ св. Станислава 2-й ст. со звѣздою и удостоилъ его высочайшаго рескрипта. Этотъ рескриптъ напечатанъ вполнѣ въ статьѣ Плетнева (стр. LXXVI), а подлинникъ его, какъ святыня, хранится въ семействѣ К. С. Савельева. Къ празднованію юбилея относится нѣсколько нелишенныхъ интереса писемъ [2]), которыя здѣсь предлагаемъ.

---

[1]) Въ этомъ случаѣ Крыловъ ошибся: первое произведеніе его, которое было напечатано, пяти-актная трагедія *Филомела*, была написана имъ въ 1786 г.; если же онъ почиталъ началомъ своей литературной дѣятельности участіе въ *Почтѣ Духовъ*, то 50-тилѣтній юбилей надлежало праздновать въ 1839 году.

[2]) Рѣчи, произнесенныя на юбилейномъ обѣдѣ, а равно два стихотворенія, написанныя къ этому дню (кн. Вяземскаго и Бенедиктова) помѣщены въ статьѣ Плетнева и въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Привѣтствія, говоренныя Ивану Андреевичу Крылову въ день его рожденія и совершившагося 50-тилѣтія его литературной дѣятельности, на обѣдѣ 2-го февраля 1838 г. въ залѣ благороднаго собранія. С.-Петербургъ, въ Гуттенберговой типографіи, 1838.* Но сюда не вошло стихотвореніе Е. Гребенки, написанное уже послѣ юбилея и появившееся въ *Литературныхъ прибавл. къ Русск. Инв.* 12-го февраля (№ 7), подъ заглавіемъ:

Лавровый листокъ.

Пиръ волшебными огнями
Разливался и горѣлъ,
Стройно-звучными стихами
Хоръ пѣвцовъ веселый пѣлъ.
Мы гуляли именины
Басни русскія творца,
Отъ временъ Екатерины
Къ намъ дошедшаго пѣвца.
Всѣ мы шумно пировали
На волшебномъ пирѣ томъ,
И поэта увѣнчали
Свѣжимъ лавровымъ листомъ.

***

Какъ онъ былъ великъ, прекрасенъ,
Въ этотъ мигъ сѣдой пѣвецъ!
Неподкупенъ и согласенъ
Былъ восторгъ къ нему сердецъ.
Мы смотрѣли съ умиленіемъ
На поэта-старика;
Жрецъ прекрасный вдохновенья,

Отъ Оленина, 1838 г. 1-го февраля.

М. Г. Иванъ Андреевичъ. Завтра минетъ день рожденія вашего и пятидесятилѣтнихъ занятій и успѣховъ вашихъ на поприщѣ русской словесности.

Нравоучительныя и между тѣмъ пріятныя ваши творенія для всѣхъ возрастовъ составили неколебимую вашу славу — и славу Россіи.

Сіи обстоятельства побудили общество литераторовъ, художниковъ и любителей русской словесности праздновать сей памятный день веселою бесѣдою и пиршествомъ. Въ качествѣ предсѣдателя сего общества, вновь и на этотъ только случай составленнаго, я приглашаю васъ, м. г., украсить сіе пиршество вашимъ присутствіемъ. Завтра около пятаго часа полудни къ вамъ явятся два члена распорядителя изъ среды сего общества, чтобъ имѣть честь и удовольствіе васъ сопровождать до мѣста, назначеннаго къ сему празднеству. Общество надѣется, что вы не отрините усердную его просьбу.

Имѣю честь быть *и проч.* Алексѣй Оленинъ.

P. S. Гражданскіе чиновники приглашаются къ сему празднеству въ вицъ-мундирахъ.

Заключительная рѣчь Оленина на обѣдѣ.

Въ заключеніе сего празднества въ честь И. А. Крылова, предлагается гг. участвующимъ въ пиршествѣ (и всѣмъ кто пожелаетъ быть соучастникомъ въ томъ же преднамѣреніи) выбить въ память сего событія медаль, съ изображеніемъ съ одной стороны профильнаго портрета И. А. Крылова, а съ другой приличной къ сему надписи.

Каждый изъ гг. соучаствующихъ денежнымъ пожертвованіемъ въ исполненіе сего предложенія благоволитъ на предлагаемыхъ печатныхъ листахъ вписать свое имя и фамилію съ означеніемъ количества жертвуемой имъ суммы [1]).

Онъ намъ далъ благословенье:
Листъ лавровый отъ вѣнка.

* * *

Этотъ чистый даръ поэта
Я умѣю оцѣнить;
Въ треволненьяхъ, въ бурѣ свѣта,
Стану я его хранить;
А о праздникѣ народномъ,
Безкористномъ, благородномъ
Позднимъ внукамъ разскажу
И листокъ вѣнка Крылова
Для потомка молодова
Какъ святыню покажу.

[1]) Изъ брошюры: *Привѣтствія говоренныя И. А. Крылову* и проч. 1838 г.

Отъ Н. И. Греча. 1838 г. 2-го февраля.

Почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ. Разстройство здоровья, причиненное жестокимъ огорченіемъ, лишаетъ меня удовольствія быть сегодня на обѣдѣ, который даютъ вамъ ваши благодарные читатели. Это мнѣ до крайности досадно. Но чтобы облегчить и физическое и душевное страданіе, рѣшился я хоть на бумагѣ принесть вамъ искреннее поздравленіе съ празднествомъ, котораго (sic) писатели рѣдко доживаютъ, а еще рѣже заслуживаютъ. Желаю вамъ, для васъ и для любящей васъ Россіи, еще много счастливыхъ, спокойныхъ, здоровыхъ и пріятныхъ лѣтъ наслажденія и праведно пріобрѣтенною славою и нелицемѣрною къ вамъ любовью тѣхъ, кто васъ читаетъ, и болѣе еще тѣхъ, которые знаютъ и уважаютъ васъ лично [1]).

Примите сей скудный, но усердный даръ отъ вашего всепокорнѣйшаго Николая Греча.

Письмо безъ подписи[2]), безъ означенія числа, писанное на большомъ листѣ женскою рукою:

Вашею поэтическою милостію

мы Левъ, царь звѣрей, и прочіе звѣри лѣсные и скоты домашніе; и мы Орелъ, царь птицъ, и прочія птицы всякаго рода, роста и свойства.

Узнавъ, что нынѣ другими животными (т. е. людьми) празднуется въ 69-й разъ счастливый для нихъ и для насъ день вашего рожденія, хотимъ участвовать въ семъ (или въ *этомъ*) торжествѣ (только не на кухнѣ и не на столѣ въ видѣ жертвъ), и для того избрали, уполномочили и ак-

---

[1]) То обстоятельство, что Гречъ не участвовалъ въ обѣдѣ, возбудило различные толки, такъ что онъ вынужденъ былъ оправдаться въ *Сѣверной Пчелѣ* (№ 32); это оправданіе вызвало слѣдующее *объясненіе* со стороны учредителей празднества, которое было напечатано въ *Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русск. Инв.* (№ 7): «Для устраненія отъ себя нареканій въ произвольной раздачѣ билетовъ на обѣдъ, данный 2-го февраля въ честь И. А. Крылова, или въ умышленномъ исключеніи изъ этого празднества кого либо изъ литераторовъ, желавшихъ въ немъ участвовать, учредители его просили насъ дать слѣдующее поясненіе на поясненіе г. Греча, напечатанное въ *Сѣв. Пчелѣ* (№ 32): «За нѣсколько дней до праздника и тотчасъ по составленіи подписныхъ листовъ для внесенія именъ желавшихъ въ немъ участвовать, учредители сообщили при письмѣ одного изъ нихъ таковый листъ г. Гречу съ 30 билетами, предоставляя ихъ въ его распоряженіе. Г. Гречъ возвратилъ немедленно списокъ и 30 билетовъ при письмѣ, въ которомъ изъявлялъ, что не имѣетъ случая раздать билеты и, находясь въ невозможности участвовать въ празднествѣ, онъ препровождаетъ обратно и листъ и билеты. Письмо сіе отъ 29-го января, а обѣдъ данъ былъ 2-го февраля. Въ тоже время разосланы были подписные листы ко всѣмъ литераторамъ, находящимся въ Петербургѣ»...

[2]) Всѣ наши усилія узнать, кто авторъ этого письма, остались тщетны; одно только узнали мы навѣрное, что оно вышло не изъ семейства А. Н. Оленина.

редитовали нашего любезно вѣрнаго товарища, Пса Медорку, который, не смотря на вашу басню о собачьей дружбѣ, взялся увѣрить васъ въ нашей.

Просимъ принять отъ него наши усердныя поздравленія и столь же усердную благодарность за то, что на пути къ безсмертію вы разсудили за благо взять насъ съ собою. Если когда нибудь, благодаря постепенному усовершенствованію всего въ мірѣ, и нашъ міръ звѣриный и птичій преобразится и получитъ способности, которыя онъ имѣлъ доселѣ только въ вашихъ поэтическихъ видѣніяхъ, то и мы устроимъ для васъ свой особенный праздникъ, безъ кровопролитія, и слѣдственно, безъ обѣда; но на семъ праздникѣ избранные умнѣйшіе звѣри будутъ говорить съ вами и между собою если не такими стихами, какъ ваши, то покрайней мѣрѣ хорошими, разсказывая, какъ ваши нравоученія исправили, улучшили ихъ нравы; между тѣмъ на хорахъ изъ вѣтвей соловьи, въ свою очередь будутъ воспѣвать своего любимаго пѣвца. аословъ (и это всего труднѣе) мы заставимъ молчать.

Левъ за себя и прочихъ звѣрей и скотовъ.

Орелъ за себя и прочихъ птицъ.

Отъ В. Григоровича, 1838 г., 3-го февраля.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Если бы вы были свидѣтелемъ того умиленія, тѣхъ слезъ дѣтей моихъ, которыя были слѣдствіемъ разсказа моего о вчерашнемъ торжествѣ вашемъ и общемъ всѣхъ любителей изящнаго о славѣ и заслугахъ вашихъ; если бы вы видѣли радость, изображавшуюся на лицахъ дѣтей моихъ, когда я вручилъ имъ на память лавровые листочки, можетъ быть, неловко у васъ выпрошенные; если бы вы слышали, съ какимъ восторгомъ 10-лѣтній сынъ мой произнесъ, что и онъ постарается пріобрѣсть славу, — то, безъ сомнѣнія, вы убѣдились бы, что нескромное, можетъ быть, желаніе мое имѣть нѣсколько этихъ листочковъ произошло единственно отъ глубокаго къ вамъ уваженія.

Скажу вамъ отъ сердца (а я иначе никогда еще не говорилъ и говорить не умѣю), что уваженіе многихъ, очень многихъ должно быть для васъ пріятнѣе; но ни чье уваженіе не можетъ быть ни полнѣе, ни чистосердечнѣе моего, ибо, если я сознаю въ себѣ какое достоинство, то единственно одно, не отъ меня зависящее: я чувствую и всей душею люблю все прекрасное и высокое.

Вчера я былъ счастливъ именно по этой причинѣ и потому, что увѣнчавъ достойный! Дай Богъ, чтобъ вы жили очень, очень долго и чтобы я могъ когда нибудь увѣрить васъ въ моемъ уваженіи, преданности, любви и удивленіи, которыми преисполненъ къ вамъ съ самого моего младенчества.

Имѣю честь быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Василій Григоровичъ.

Отъ И. Лажечникова, 1838 г. 10-го февраля [1].

М. г. Иванъ Андреевичъ. Благодаря стастливому случаю, я имѣлъ честь получить листокъ изъ лаврова вѣнка, которымъ вся Русь, въ лицѣ ея Государя и представителей всего высокова и прекраснова въ столицѣ, почтила васъ, знаменитова своево народнова поэта. Въ нынѣшнее торжество ваше она собрала въ одинъ вѣнокъ то, что вы разсыпали по ней всей, по всѣмъ намъ — ваше же вамъ возвращаетъ съ прибавкою только достойнова изъясненія общей нашей признательности и восторга. Лавровый листокъ вашъ послужитъ намъ живымъ, бесцѣннымъ выраженіемъ тово, чѣмъ вы ужъ насъ прежде надѣлили — участкомъ вашей славы. Дорого цѣню вашъ даръ, и сто разъ, изъ глубины моей души, благодарю за нево.

Съ раннихъ лѣтъ поклонникъ вашева генія, а нынѣ за счастіе почитаю изъяснить вамъ это вмѣстѣ съ чувствомъ глубокова уваженія и совершенной преданности, съ коими имѣю честь быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Ложечниковъ.

Отъ Жуковскаю (безъ означенія числа).

Великая княгиня Марія Николаевна хочетъ, чтобы ты написалъ *себя* въ своемъ кабинетѣ въ томъ благолѣпномъ видѣ, въ какомъ одна только муза тебя видитъ, то есть въ шлафрокѣ, и чтобъ кабинетъ былъ точно такимъ представленъ, каковъ онъ бываетъ ежедневно. Жуковскій.

Отъ Оленина, 1838 г. 15-го февраля.

Вотъ молодой нашъ художникъ, академикъ 1-й степени Ухтомскій, которому г. министръ нар. просв. С. С. Уваровъ поручилъ списать кабинетъ или гостиную Ивана Андреевича Крылова. Прошу допустить художника до исполненія даннаго ему порученія. Всего бы лучше снять видъ той комнаты, гдѣ онъ трудился надъ своими баснями [2]). А. Оленинъ.

(*Приписка сбоку*): Можно И. А. представить пишущаго за столикомъ во время поэтическаго вдохновенія?

Отъ Загоскина, 1838 г. 23-го февраля.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ. Не знаю, слышали ли вы въ Петербургѣ, какъ я закричалъ въ Москвѣ «ура»! когда про-

---

[1]) Съ сохраненіемъ орѳографіи.

[2]) Желаніе великой княгини было исполнено. Картина, представляющая кабинетъ Крылова, находится во дворцѣ ея высочества. Кстати замѣтимъ, что у покойнаго И. П. Вольскаго мы видѣли картину его собственной работы, изображающую комнату въ Пріютинѣ надъ банею, гдѣ лѣтомъ живали Крыловъ и Гнѣдичъ, когда посѣщали своего патрона. Въ этой комнатѣ, по разсказу И. П. Вольскаго (проведшаго свою юность въ домѣ Оленина), оба они писали очень много. (См. примѣч. къ баснѣ *Водолазы*). Было бы очень желательно, чтобы лица, которыя остались наслѣдниками И. П., предали извѣстности эту картину.

челъ письмо пріятеля моего Аверкіева, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня о вашемъ торжествѣ. Слава Богу! Наконецъ мы дожили до того, что смѣемъ называть свои великіе таланты великими, и предъ лицемъ всей Европы подносить имъ лавровые вѣнки — а что всего лучше, не говоримъ: «нашъ русскій Лафонтень», а просто: «нашъ Крыловъ». Поздравляю васъ, мой милый, добрый и почтенный Иванъ Андреевичъ, и отъ всей души благодарю за присланный лавровый листокъ — онъ перейдетъ въ наслѣдство къ моимъ дѣтямъ.

Я отдалъ въ цензуру новый романъ мой. Если не будетъ какихъ либо неожиданныхъ затрудненій, то я надѣюсь, что вы скоро его прочтете, или по крайней мѣрѣ будете имѣть въ рукахъ. Прощайте, будьте здоровы и любите вашего бывшаго сослуживца, который самъ безъ памяти васъ любитъ, — и потому — что вы Иванъ Андреевичъ Крыловъ, добрѣйшій и любезнѣйшій изъ людей, и потому — что этотъ Иванъ Андреевичъ честь и слава матушки святой Руси, которую Загоскинъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ.

Обнимаю васъ съ чувствомъ самой искренней дружбы не одинъ, а тысячи разъ, вашъ М. Загоскинъ [1])

Отъ А. Бутакова, Николаевъ, 1838 г. 23-го февраля.

М. г. Иванъ Андреевичъ. Прочитавъ въ *Инвалидѣ* [2]) о бывшемъ празднествѣ вашему пятидесятилѣтію, я въ ту минуту мыслью былъ съ вами, душевно радовался съ нѣсколькими выкатившимися отъ умиленія слезами, поздравлялъ васъ истинно отъ чистаго моего сердца и желалъ вамъ всѣхъ благъ земныхъ. По привычкѣ давней почитать и любить васъ, я иначе не могъ сдѣлать. Примите это изъявленіе моихъ чувствъ на бумагѣ съ тою благосклонностію, какъ вы удостоивали меня лично. Я не имѣлъ счастія писать къ вамъ; и теперь обременяю васъ онымъ истинно по рвенію моихъ чувствъ, происходящихъ отъ истиннаго моего всегдашняго почитанія и преданности. Къ статѣ сказать, я былъ лично слушателемъ вашей басни *Демьянова уха*, въ домѣ г. Державина. Это моя эпоха, съ которой я [3])..... (выражаясь по-морски) къ вамъ моимъ почитаніемъ и любовью, которыя останутся со мною до гроба.

Сказать вамъ о себѣ, я, слава Богу, чувствую себя въ Николаевѣ

---

[1]) Мы слышали за достовѣрное, что у сыновей почтеннаго романиста хранится коллекція писемъ, писанныхъ къ нему Крыловымъ по выходѣ его изъ публичной библіотеки. Если это справедливо, то опубликованіе этихъ писемъ тѣмъ болѣе желательно, что, какъ извѣстно, Крыловъ во всю жизнь неохотно принимался писать и никогда не велъ постоянной переписки.

[2]) Мы опустили газетные отчеты объ юбилеѣ Крылова, потому что онъ описанъ и у Плетнева и у Лобанова съ большими подробностями.

[3]) Этого слова въ письмѣ нельзя разобрать; надо полагать, что это синонимъ *прилѣпился*.

лучше отъ моихъ недуговъ, счастливъ въ кругу своего семейства, хорошо обласканъ многими, и слава Богу!

Поручая себя продолженію вашего добраго расположенія, съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію пребуду, покорнѣйшій слуга

Александръ Бутаковъ.

Отъ С. И. Карпова, Ардатовъ, 1838 г. 24-го февраля.

(*Эпиграфъ*): Мудрецъ игривый и глубокій,
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.

***

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ! (*Изъ ст. кн. Вяземскаго.*)

М. г. Иванъ Андреевичъ. 32 № *Сѣверной Пчелы* и московскихъ газетъ и насъ, сельскихъ жителей, провели въ умиленіе. Мы съ восторгомъ читали и перечитывали описаніе торжества 2-го февраля, которымъ праздновался знаменитый день рожденія чуднаго старца. Вы, м. г., вполнѣ заслужили и милость царскую и ту почесть, которой просвѣщенные любители изящнаго наградили долговременный подвигъ вашъ на славу русской литературы. Князь Петръ Андреевичъ въ прекрасныхъ стихахъ своихъ превосходно изобразилъ услугу, оказанную вами и современникамъ и потомству; послѣ него никакія уже выраженія быть не могутъ, и какъ намъ, такъ и дѣтямъ нашимъ остается только повторять эти достопамятные стихи и вытвердить ихъ наизусть. Простите моей дерзости, что я, не имѣя счастія лично быть вамъ знакомымъ, осмѣлился выразить чувства, меня одушевляющія, симъ письмомъ: по крайней мѣрѣ дерзость эта будетъ доказательствомъ, что великое и прекрасное, какъ въ центрѣ просвѣщенія, такъ и въ отдаленныхъ степяхъ имѣетъ одинаковую силу — двигать сердца и заставлять иногда забывать законъ свѣтскаго приличія; а потому и смѣю надѣяться, что вы мнѣ простите мое искреннее чувство, которое какъ бы невольно вылилось на бумагу.

Примите увѣреніе въ томъ глубочайшемъ почтеніи къ генію и особѣ вашей, съ коимъ за особенную честь поставляю называться, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою Семенъ Ив. Карповъ.

Отъ С.-Петербургскаго Дворянскаго Собранія, 1838 г. февраля (копія).

1838 г. 2-го числа сего февраля въ домѣ ст. петербургскаго дворянскаго собранія происходило празднованіе дня рожденія и совершившагося пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Ивана Андреевича Крылова.

Мы, директоры и постоянные члены, въ ознаменованіе столь достопамятнаго въ домѣ нашего собранія совершившагося событія, желая сохранить отнынѣ на всегда присутствіе среди васъ почтеннаго литератора, которымъ Русскіе не престанутъ гордиться, единогласно положили: избрать Ивана Андреевича Крылова непремѣннымъ почетнымъ членомъ

с.-петербургскаго дворянскаго собранія и поднести ему на сіе званіе билетъ чрезъ директоровъ. — Слѣдуетъ 76 подписей.

Письмо, 1838 года, 2-го мая (подписи разобрать невозможно).

Извѣщаю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Андреевичъ, что на другой день, какъ вы у меня были, т. е. 27-го апрѣля, фарфоровая чашка съ крышкою, покрытой кобольтомъ съ живописью въ клеймахъ, внесена въ комнаты Государыни Императрицы, въ чемъ имѣетъ у насъ росписку камеръ-лакей Константинъ Уреценко. Всего лучше вамъ отнестись о полученіи упомянутой чашки къ А. И. Блоку. [1]).

Отъ Гр. Канкрина, 1838 г. 29-го іюня.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Съ душевнымъ удовольствіемъ препровождаю къ вамъ, м. г., золотую медаль съ портретомъ вашимъ, по Высочайшему повелѣнію на день празднованія пятидесятилѣтія литературнаго вашего поприща вычеканенную, присовокупляя искреннее мое желаніе, чтобы ваши труды надолго еще обогощали нашу словесность и служили къ пользѣ и удовольствію вашихъ соотечественниковъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ *и проч.* Гр. Канкринъ.

Отъ Гр. Канкрина, 1838 г. 30-го августа.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Сверхъ доставленной уже вамъ золотой медали, установленной съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, въ честь заслугъ, оказанныхъ вами россійской словесности и въ воспоминаніе 50-лѣтія, совершеннаго вами на семъ поприщѣ, Государю Императору, согласно всеподданнѣйшему моему докладу, благоугодно было назначить вамъ еще десять бронзовыхъ медалей, для врученія ихъ друзьямъ вашимъ.

Поспѣшая съ особеннымъ удовольствіемъ исполнить сію Высочайшую волю, я имѣю честь препроводить къ вамъ означенныя десять бронзовыхъ медалей для удовлетворенія желанія друзей и почитателей вашихъ [2]).

Съ отличнымъ почтеніемъ *и проч.* Гр. Канкринъ.

---

[1]) Императрица Александра Ѳеодоровна, какъ разсказываютъ, подарила однажды Крылову чашку, а потомъ вспомнивъ, что эта чашка была ей подарена императрицею Маріею Ѳеодоровною, приказала потребовать ее назадъ. Когда приказаніе было сообщено Крылову, то онъ отвѣчалъ: «Доложите Государынѣ, что потому я и не отдамъ чашки, что она принадлежала покойницѣ». Отвѣтъ былъ переданъ Императрицѣ, которая сказала: «Что дѣлать со старикомъ? Пусть она у него останется». (Сообщено А. В. Никитенкою). По всей вѣроятности въ настоящемъ письмѣ рѣчь идетъ именно объ этой чашкѣ.

[2]) Въ ноябрѣ 1838 г. Крыловъ, согласно его желанію, получилъ отъ директ. департ. горныхъ и соляныхъ дѣлъ списокъ лицъ и мѣстъ, которымъ, по распоряженію Государя, доставлены были медали. Изъ этого списка видно, что золотыхъ медалей было отчеканено 35, серебряныхъ 20 и бронзовыхъ 60.

Отъ Загоскина (безъ означенія числа).

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Иванъ Андреевичъ, благодарю васъ отъ всей души за медаль, которую, еслибы можно, я сталъ носить на шеѣ. Я удивляюсь, что не получили *Искусителя*. Я отправилъ его вмѣстѣ съ другими экземплярами къ Сенковскому съ просьбою о доставленіи вамъ. — Прощайте, мой милый, любезный и искренно уважаемый сослуживецъ. Любите и не забывайте меня. Вашъ М. Загоскинъ.

P. S. Я теперь пишу кой-что, гдѣ идетъ рѣчь и объ васъ.

Записка Гр. Канкрина, 1838 г. 5 ноября.

Министръ финансовъ, свидѣтельствуя совершенное почтеніе его высокородію Ивану Андреевичу, имѣетъ честь препроводить при семъ частнымъ образомъ копію съ Высочайше утвержденной въ 7 день октября сего года записки о стипендіи, въ честь его имени учрежденной.

Записка Гр. Канкрина, представленная Государю Императору, 1838 года 7-го октября.

Вашему Императорскому Величеству министръ финансовъ имѣлъ уже счастіе всеподданнѣйше донести, что для Крыловской стипендіи распоряженіями его составлена значительная сумма.

Она заключается въ слѣдующихъ статьяхъ:

a) На с.-петербургской биржѣ собрано чрезъ биржевой комитетъ	30500 р.
b) При откупныхъ торгахъ въ сенатѣ	13050 р.
c) Отъ чиновниковъ по министерству финансовъ изъ Москвы и разныхъ губерній получено	10223 р.
Итого собрано. . . .	53773 р.

Сколько собрано по министерству народнаго просвѣщенія и дѣйств. тайн. совѣтн. Оленинымъ, не извѣстно, и быть можетъ, что еще нѣкоторыя деньги поступятъ изъ губерній, почему можно полагать, что всей суммы соберется 60 т. руб.; въ случаѣ же надобности можно бы было сдѣлать потребное дополненіе изъ казны.

Для окончанія сего дѣла по части министерства финансовъ, за изготовленіемъ и разсылкою медалей въ честь Крылова, полагалось бы:

1) вышеозначенныя деньги передать министерству народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы онѣ находились въ кредитныхъ установленіяхъ для приращенія процентами или же были употреблены на покупку россійскихъ фондовъ, въ каковомъ случаѣ можно получить нѣсколько высшій годовой доходъ;

2) дальнѣйшее распоряженіе объ употребленіи ежегоднаго дохода предоставить министру народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы онъ на устройство сей фондаціи испросилъ Высочайшее утвержденіе.

Еслибы министръ финансовъ могъ себѣ позволить какое-либо о семъ дѣлѣ мнѣніе, то онъ думалъ бы учредить двѣ стипендіи, изъ коихъ по

каждой одинъ молодой человѣкъ былъ бы содержимъ въ С.-Петербургѣ въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ подлежащее число лѣтъ, съ посвященіемъ его окончательно такому разряду наукъ, къ которому чувствуетъ онъ въ себѣ наиболѣе наклонности, кромѣ однако медицинскихъ, для коихъ есть особыя заведенія. При семъ предоставить Крылову, доколѣ онъ будетъ въ живыхъ, назначать тѣхъ молодыхъ людей подлежащихъ сословій, которымъ онъ самъ пожелаетъ оказать благодѣяніе; въ послѣдствіи же выборъ сей будетъ зависѣть отъ министерства народнаго просвѣщенія. Впрочемъ министръ финансовъ не можетъ скрыть желанія своего, чтобы министерство народнаго просвѣщенія въ семъ случаѣ давало нѣкоторое преимущество сыновьямъ чиновниковъ, долго по министерству финансовъ служившихъ, такъ какъ почти вся сумма собрана чрезъ оное.

Кромѣ того прилично было бы посовѣтоваться о ближайшемъ назначеніи вышеозначенной суммы съ самимъ знаменитымъ баснописцемъ.

Сумма 60000 рублей принесетъ въ годъ процентовъ по банковому размѣру до 2400 руб.; а если купить фонды, то, примѣрно по $4^3/_4\%$, до 2850 р. въ годъ; слѣдовательно, достаточно для содержанія двухъ молодыхъ людей сперва въ гимназіи, по 800 руб., что и составитъ въ годъ 1600 р., а потомъ въ университетѣ 1200 р. или въ годъ 2400 руб., изъ коихъ послѣднія выдавать имъ самимъ, какъ при стипендіяхъ бываетъ. Остатки за тѣмъ отъ процентовъ нынѣшней суммы и отъ тѣхъ денегъ, которыя сверхъ 60000 руб. поступить могутъ, можно сберегать для единовременнаго пособія окончившимъ курсъ въ университетѣ и на чрезвычайные случаи, или же, буде можно, и для посылки отличнѣйшихъ въ чужіе краи для дальнѣйшаго усовершенствованія.

О передачѣ вышеозначенной собранной суммы и дополненіи оной, въ случаѣ надобности изъ казны, министръ финансовъ имѣетъ счастіе представить на утвержденіе Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше докладывая, что онъ не оставитъ сообщить копію съ сей записки министру народнаго просвѣщенія [1]).

(На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «*исполнить*». Царское Село, 7-го октября 1838 г.).

---

[1]) Изъ сохранившихся въ бумагахъ Крылова отношеній мин. нар. просвѣщ. С. С. Уварова, видно, что предположенія гр. Канкрина осуществились съ малымъ только измѣненіемъ относительно употребленія собранной суммы: за дополненіемъ изъ государственнаго казначейства составилась сумма въ 60000 р.; на получаемые съ нея проценты, 2850 р. положено воспитывать по одному ученику въ трехъ гимназіяхъ: Ларинской, 2-й и 3-й с.-петербургскихъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса они поступали въ университетъ. Первые стипендіаты были избраны самимъ Крыловымъ: во 2-ю гимназію сынъ главной надзирательницы с.-петербургскаго воспитательнаго дома, Оомъ; въ 3-ю сынъ дворянина черниговской губерніи Кобеляцкій, а въ Ларинскую сынъ титул. сов. Мазуринъ.

VI.

Со времени послѣдней отставки до смерти.

Отношеніе министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова къ директору имп. публ. библіотеки Оленину, 1841 года, 17-го февраля [1]) (копія).

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему вслѣдствіе отношенія вашего выс—ва, отъ 29-го декабря минувшаго года въ 15-й день сего февраля высочайше повелѣть соизволилъ: библіотекарю имп. публичн. библіот. статск. сов. Крылову, по уваженію долговременной службы, преклонныхъ лѣтъ и разстроеннаго здоровья, а также отличныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечественной словесности производить при отставкѣ въ пенсію изъ государственнаго казначейства, не въ примѣръ другимъ, полное содержаніе его по библіотекѣ, а именно, по 2486 р. 79 к. с. въ годъ, сверхъ пенсіи, получаемой имъ изъ кабинета его величества.

О таковой высочайшей милости сообщая вашему выс—ству для объявленія статск. сов. Крылову, покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе объ увольненіи его отъ службы на законномъ основаніи и объ исполненіи сего увѣдомить меня для сношенія съ г. министромъ финансовъ о времени, съ котораго должно быть начато производство всемилостивѣйше пожалованной г. Крылову пенсіи.

Вмѣстѣ съ симъ обязываюсь покорнѣйше просить ваше выс—во озаботиться пріисканіемъ на открывающуюся вакансію способнаго и надежнаго чиновника, который бы вполнѣ могъ содѣйствовать устройству по части библіотеки, состоявшей въ завѣдываніи г. Крылова [2]).

Аттестатъ, данный Крылову при отставкѣ [3], 1841 г. 1-го марта.

Данъ сей изъ Императорской публичной библіотеки служившему въ оной библіотекаремъ статскому совѣтнику и кавалеру орденовъ: Св. Станислава 2 степени со звѣздою, св. Владиміра 3 и св. Анны 2 степени, имѣющему знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ, Ивану Андрееву сыну Крылову изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей, въ томъ, что онъ первоначально поступилъ на службу въ калязинскій уѣздный судъ 1781 года февраля 2; изъ онаго переведенъ былъ въ тверской губернскій магистратъ канцеляристомъ того же года декабря 4; по увольненіи изъ магистрата переведенъ тѣмъ же чиномъ въ с.-петербургскую казен-

---

[1]) Отвѣтъ по высочайшему повелѣнію на представленіе Оленина, (см. II-е приложеніе къ статьѣ Я. К. Грота).

[2]) Этою пенсіею Крыловъ сталъ пользоваться съ 1-го марта 1841 г., какъ видно изъ письма, адресованнаго къ нему Оленинымъ.

[3]) Мы рѣшились помѣстить его вполнѣ, потому что, сколько намъ извѣстно, формулярный списокъ его утраченъ и потому, что этотъ документъ заключаетъ въ себѣ исчисленіе всѣхъ главнѣйшихъ фактовъ, необходимыхъ для правильно составленной біографіи.

ную палату 1782 года генваря 10; въ оной произведенъ провинціальнымъ секретаремъ 1785 года апрѣля 6; изъ с.-петербургской казенной палаты по прошенію уволенъ и опредѣленъ въ кабинетъ Его Императорскаго Величества 1788 г. марта 11; изъ кабинета уволенъ за болѣзнію 1790 г. декабря 7. По указу правительствующаго сената опредѣленъ къ рижскому военному генералъ губернатору князю Голицыну секретаремъ 1801 г. октября 5; произведенъ въ губернскіе секретари 1802 г. декабря 31; уволенъ былъ для опредѣленія къ другимъ дѣламъ 1803 г. сентября 26; опредѣленъ въ монетный департаментъ 1808 г. октября 6; по именному Высочайшему указу пожалованъ въ титулярные совѣтники того же года декабря 31. Отъ монетнаго департамента по прошенію уволенъ 1810 г. сентября 30; опредѣленъ въ Императорскую публичную библіотеку помощникомъ библіотекаря 1812 г. генваря 7; Высочайшимъ указомъ, даннымъ кабинету Его Императорскаго Величества, повелѣно производить ему изъ кабинета въ пенсіонъ по 1500 руб. ассигнаціями въ годъ того же года февраля 10; по именному Высочайшему указу во уваженіе отличныхъ дарованій въ россійской словесности пожалованъ въ коллежскіе ассесоры 1814 г. августа 14; опредѣленъ библіотекаремъ 1816 г. марта 23; Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 4 степени 1820 г. марта 27 и того же года, мѣсяца и числа Высочайшимъ указомъ, даннымъ кабинету Его Императорскаго Величества, повелѣно производить въ добавокъ къ пенсіону, получаемому имъ по указу 10 февраля 1812 года, еще по 1500 р. ассигнаціями въ годъ, съ которыми сей пенсіонъ составляетъ всего 3000 р. въ годъ ассигнаціями; произведенъ въ надворные совѣтники со старшинствомъ съ 1819 г. декабря 31. Всемилостивѣйше пожалованъ въ коллежскіе совѣтники со старшинствомъ съ 1825 г. декабря 31, кавалеромъ ордена св. Анны 2 степ. 1828 г. апрѣля 16, знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ 1830 г. августа 22; по именному Высочайшему указу произведенъ въ статскіе совѣтники того же года декабря 19; во уваженіе заслугъ, оказанныхъ отечественной словесности Всемилостивѣйше повелѣно производить ему сверхъ получаемыхъ окладовъ, добавочныхъ по 3000 р. въ годъ ассигнаціями изъ государственнаго казначейства 1834 г. февраля 26; пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ 1834 г. августа 22; кавалеромъ ордена св. Владиміра 3 степени 1836 г. іюня 2; за отличные успѣхи и долговременные труды на поприщѣ отечественной словесности Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 2 степени со звѣздою 1838 г. февраля 2; пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ 1839 г. августа 22. Нынѣ же по прошенію его уволенъ въ отставку; но вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада господина министра народнаго просвѣщенія Высочайше повелѣно ему, Крылову, по уваженію долговременной службы, преклонныхъ лѣтъ и раз-

строеннаго здоровья, а также отличныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечественной словесности, производить при отставкѣ въ пенсію, изъ государственнаго казначейства, не въ примѣръ другимъ, полное содержаніе его по библіотекѣ, а именно 2,486 р. 79 коп. серебр. въ годъ, сверхъ пенсіи, получаемой имъ изъ кабинета Его Величества. Во время служенія его при библіотекѣ, возложенную на его должность при отлично-хорошемъ поведеніи, какъ надлежитъ честному и благородному чиновнику исправлялъ съ усердіемъ, дѣятельностію и знаніемъ дѣла; въ штрафахъ и подъ судомъ, равно въ походахъ не бывалъ; въ 1824 году былъ уволенъ въ г. Ревель на 28 дней и изъ отпуска явился на срокъ; въ отставкѣ съ награжденіемъ чина не былъ, но былъ нѣсколько разъ увольняемъ отъ службы по прошенію за болѣзнію и для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, какъ о семъ выше показано въономъ. Отъ роду ему (какъ значится по формулярному его списку) 73 годъ. Холостъ. Православнаго вѣроисповѣданія. Въ удостовѣреніе всего вышеписаннаго о службѣ статскаго совѣтника Крылова, сей аттестатъ подписанъ мною съ приложеніемъ печати Императорской публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ, марта 1 дня 1841 года.

Алексѣй Оленинъ.

Отъ президента Императорской академіи наукъ С. С. Уварова отношеніе. 1841 г. 25-го октября.

Государь императоръ по всеподданнѣйшему моему докладу въ 19-й день сего октября изволилъ всемилостивѣйше утвердить васъ, м. г., Императорской академіи наукъ ординарнымъ академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности [1]).

Отъ графа Толстаго [2]), 1842 г. 18-го февраля.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Великая княгиня Елена Павловна поручила предложить мнѣ отъ имени ея высочества вашему превосходительству принять участіе въ назначенномъ 24-го февраля маскарадѣ въ кадрилѣ знаменитыхъ поэтовъ въ костюмѣ русскаго боярина. Покорнѣйше прося васъ почтить меня отвѣтомъ [3]), съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Гр. А. Толстой.

---

[1]) Къ отношенію приложено вновь изданное «Положеніе объ отдѣленіи русскаго языка и словесности при имп. акад. наукъ». Мы слышали, что императоръ Николай, подписывая упомянутое положеніе (въ Гатчинѣ 19-го октября 1841 г.), сказалъ министру: «Подписываю, но съ условіемъ, чтобъ Крыловъ былъ первымъ академикомъ». Преданіе вѣроятно, ибо не противорѣчитъ фактамъ.

[2]) Графъ Александръ Николаевичъ, гофмейстеръ двора ея высочества.

[3]) Каковъ былъ отвѣтъ Крылова, не знаемъ; на подлинномъ письмѣ его рукою помѣчено: «Имя и отечество и чинъ»? Объ участіи Крылова въ этомъ маскарадѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

1843 года 28-го апрѣля.

Этимъ числомъ помѣченъ дипломъ, присланный Крылову копенгагенскимъ обществомъ сѣверныхъ древностей на званіе члена по русскому отдѣленію.

Отъ Философова, 1844 г. 5-го августа.

М. г., Иванъ Андреевичъ. Въ продолженіе всей святой недѣли вы не были у государыни императрицы. Ея величество сегодня изволили у меня спросить, не нездоровье ли ваше заставило васъ измѣнить старой вашей привычкѣ, и когда я отозвался незнаніемъ, государыня повелѣла мнѣ увѣдомить васъ, что отложенное вамъ яйцо ждетъ васъ съ перваго дня пасхи, что она желаетъ, чтобы вы за нимъ пріѣхали, естьли только силы ваши вамъ это дозволятъ.

Примите, м. г., Иванъ Андреевичъ, увѣреніе искренняго сердечнаго моего къ вамъ уваженія и нелицемѣрной преданности.

Алексѣй Философовъ.

Этимъ письмомъ оканчиваются наши матеріалы; намъ остается только присовокупить некрологи, которыми петербургскія газеты извѣстили Россію о кончинѣ чтимаго ею баснописца, послѣдовавшей 9-го ноября 1844 года въ исходѣ осьмаго часа утра.

Вѣдомости С.-П—ской городской полиціи № 249, пятница 10 ноября 1844.

Сейчасъ получили мы прискорбное извѣстіе, которое съ сердечнымъ участіемъ приметъ вся Россія: Крылова не стало, нашего «дѣдушки» Крылова, у котораго учились русскому языку два поколѣнія русскихъ писателей и который останется на всегда неподражаемымъ баснописцемъ и истинно народнымъ русскимъ писателемъ. Маститый старецъ скончался 9-го числа въ исходѣ 8-го часа утра послѣ четырехдневной болѣзни.

(Далѣе слѣдуетъ объявленіе о выносѣ тѣла).

Русскій Инвалидъ, № 255, суббота 11 ноября 1844.

Русская литература понесла новую, великую потерю. Старѣйшій между русскими литераторами, нашъ знаменитый баснописецъ, И. А. Крыловъ скончался вчера 9-го ноября въ исходѣ 8 часа утра послѣ четырехдневной болѣзни. Пятьдесятъ семь лѣтъ славилось имя Крылова во всѣхъ концахъ грамотной Руси; нѣсколько поколѣній воспиталось по его баснямъ, учась въ нихъ и языку, и добру, и мудрости житейской. Мы сами, дѣти наши сохранили въ душѣ своей образъ и имя Крылова вмѣстѣ съ первыми нѣжнѣйшими впечатлѣніями дѣтства, и этотъ образъ, это имя сопутствовали намъ во всѣхъ путяхъ нашей жизни — чистые, свѣтлые, безукоризненные. Восьмидесятилѣтній старецъ, сходя въ могилу, могъ вполнѣ насладиться рѣдкимъ для какой бы то ни было славы счастіемъ: онъ не пережилъ самаго себя! Послѣднія, недавнія его произведенія такъ же свѣжи, какъ и прежнія. Имя его, и въ послѣд-

нюю минуту его жизни было такъ же громко, произносилось съ тѣмъ же искреннимъ, глубокимъ уваженіемъ, какъ и въ эпоху наибольшей его литературной дѣятельности. Оно сдѣлалось въ полномъ смыслѣ народнымъ, потому что всякій русскій человѣкъ, сколько-нибудь грамотный, уже знаетъ это имя и любитъ его: вѣрная порука за безсмертіе!.. Если не ошибаемся, Крыловъ не оставилъ семейства; но мы всѣ—одна семья его; всѣ мы ученики его и воспитанники, должны собраться около его гроба и съ благоговѣніемъ проводить его до послѣдняго жилища. Выносъ тѣла И. А. Крылова назначенъ изъ церкви св. Исаакія Далматскаго (въ Адмиралтействѣ) 13-го ноября, въ понедѣльникъ въ 10 часовъ утра, а отпѣванія въ Александро-Невской лаврѣ, — тамъ, гдѣ покоятся уже литературныя славы наши: Ломоносовъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ, бывшій столько лѣтъ другомъ Крылова... Приглашаемъ всѣхъ, кому дорога честь слова русскаго, принять участіе въ этомъ погребеніи, которое должно быть нашимъ общимъ народнымъ дѣломъ,—послѣднимъ торжественнымъ выраженіемъ благодарности и уваженія къ нашему мудрому наставнику, доброму, снисходительному цѣнителю трудовъ нашихъ, и честному, благородному человѣку во всѣхъ поступкахъ его частной и общественной жизни. А. Краевскій.

Сѣверная Пчела, № 258, суббота 11 ноября 1844.

9-го ноября въ исходѣ 8 часа по полуночи скончался послѣ четырехдневной болѣзни первый въ просвѣщенномъ мірѣ баснописецъ современной эпохи, старѣйшій и заслуженнѣйшій изъ русскихъ литераторовъ, Ив. А. Крыловъ, на 77-мъ году отъ рожденія (род. 2-го февраля 1768 г.). Теперь уже не осталось ни одного писателя вѣка Екатерины! Потеря горестная и незамѣнимая не только въ русской, но и во всемірной литературѣ! Покойный И. А. Крыловъ принадлежалъ къ тому малому числу геніяльныхъ мужей, которые своею славою озаряютъ эпоху своего существованія и, принадлежа всему человѣчеству, дѣлаютъ честь своей отчизнѣ. Въ самомъ скоромъ времени въ *Сѣв. Пчелѣ* будетъ помѣщено о жизни и литературныхъ трудахъ сего знаменитаго народнаго писателя. Въ послѣднія минуты жизни Иванъ Андреевичъ изъявилъ желаніе, чтобы всѣмъ помнящимъ о немъ было послано на память по экземпляру его басенъ. До сихъ поръ разослано уже до 800 экземпляровъ. Идея прекрасная, трогательная!

(Слѣдуетъ объявленіе о похоронахъ).

Сѣверная Пчела, № 260, вторникъ, 14-го ноября 1844.

13-го ноября происходилъ погребальный обрядъ знаменитаго народнаго писателя, Ивана Андреевича Крылова. Государю Императору, великодушному покровителю всѣхъ талантовъ, угодно было оказать послѣднее родительское попеченіе заслуженному мужу, неоставившему послѣ себя родственниковъ: Русскій Царь похоронилъ перваго русскаго

писателя. Къ выносу тѣла, въ десять часовъ утра, собрались въ Адмиралтейскую церковь св. Исаакія Далматскаго государственные сановники, ученые, литераторы, дамы, сколько могли вмѣститься въ церкви. Викарій здѣшней епархіи, преосвященный Іустинъ, совершилъ литію, а протоіерей Исакіевскаго Собора, Алексѣй Ивановичъ Маловъ, произнесъ краткую, но трогательную рѣчь. Гробъ вынесли изъ церкви и поставили на дроги Гг. военные генералы и первоклассные государственные чиновники, въ томъ числѣ генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, генералъ отъ инфантеріи Иванъ Никитичъ Скобелевъ, генералъ-лейтенантъ А. Я. Ваксмутъ, генералъ-маіоръ и душеприкащикъ покойнаго И. А. Крылова, Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ и другіе заслуженые и почтенные мужи. Будущее поколѣніе, знающее наизусть поучительные разсказы дѣдушки Крылова, студенты здѣшняго университета окружали гробъ, поддерживали балдахинъ и несли ордена. При сопровожденіи гроба въ Александро-Невскую лавру множество народа слѣдовало за печальною процессіею и встрѣчало ее на улицахъ. Отцы и матери провожали добродушнаго наставника своихъ дѣтей; дѣти оплакивали своего любимаго собесѣдника и учителя, весь народъ прощался съ *своимъ* писателемъ, равно для всѣхъ понятнымъ, занимательнымъ и поучительнымъ. Въ Лаврѣ, послѣ божественной литургіи, обрядъ отпѣванія совершалъ высокопреосвященный Антоній, митрополитъ новгородскій, с.-петербургскій, эстляндскій и финляндскій, съ преосвященнымъ Іустиномъ и преосвященнымъ Аѳанасіемъ, епископомъ винницкимъ. Бренные останки безсмертнаго народнаго писателя положены въ землю рядомъ съ могилою друга и товарища его Н. И. Гнѣдича (переводчика гомеровой Иліады). Много поэтическихъ идей излилось изъ геніяльнаго ума И. А. Крылова и поэтическая идея озарила послѣднее прощаніе съ нимъ признательныхъ къ нему современниковъ. На головѣ покойнаго былъ тотъ самый лавровый вѣнокъ, которымъ благодарные соотечественники украсили его въ день юбилея пятидесятилѣтней литературной его жизни; на груди и на сердцѣ лежали цвѣты, которыя ея императорское величество государыня императрица Александра Ѳеодоровна, по особенной своей милости къ первому русскому писателю, благоволила иногда присылать ему и которые онъ сберегалъ какъ святыню; вмѣсто герба на траурныхъ принадлежностяхъ было изображеніе медали, вычеканенной для увѣковѣченія памяти о юбилеѣ Ив. Андреевича [1]), и при закрытіи

[1]) Это не вѣрно. Г. Изотовъ, который занимался устройствомъ похоронъ, доставилъ намъ черновой рисунокъ собственной его работы, украшавшій щитки на траурныхъ принадлежностяхъ, и при томъ сообщилъ, что Я. И. Ростовцовъ былъ въ затрудненіи, что помѣститъ на этихъ щиткахъ, такъ какъ у Крылова не было герба; но найдя у покойнаго вѣнокъ, поднесенный ему на юбилеѣ, предложилъ г. Изотову нарисовать его, сказавъ: «это будетъ лучше всѣхъ гербовъ въ мірѣ».

гроба г. министръ нар. просвѣщ. д. т. сов. С. С. Уваровъ положилъ одну медаль въ гробъ. Общая и искренняя горесть была послѣднею данью незабвенному, которымъ Россія гордится по справедливости, и котораго имя будетъ до тѣхъ поръ повторяться съ сердечною хвалою, пока будетъ существовать языкъ русскій.

С.-Петербургскія Вѣдомости, № 262, среда, 17 ноября 1844 [1]).

Крылова не стало!... Вѣсть объ этомъ горестномъ событіи уже несется теперь по всей Россіи и, конечно, во всѣхъ концахъ нашего неизмѣримаго отечества, гдѣ только читаютъ по-русски, принимается съ одинаковымъ, искреннимъ соболѣзнованіемъ. Велика наша утрата, но сокрушеніе о ней умѣряется мыслью утѣшительною: прекрасно жилъ, прекрасно и умеръ нашъ добрый «дѣдушка Крыловъ», по удачному выраженію кн. Вяземскаго. Семьдесятъ шесть лѣтъ жизни физической, пятьдесятъ шесть жизни литературной «всегда народной по своему духу, всегда чистой по своему нравственному направленію» [2]) поприще, какое суждено пройти немногимъ. Поэтъ истинно самобытный, когда литература наша еще жила подражаніемъ, поэтъ по преимуществу народный, когда еще самое слово «народность» не употреблялось у насъ въ томъ значеніи, какое мы нынче придаемъ ему, Крыловъ всегда имѣлъ успѣхъ, какимъ не пользовался никто изъ другихъ нашихъ поэтовъ, потому что Крыловъ былъ поэтъ чисто русскій — русскій по уму здравому, свѣтлому и могучему, русскій по неизмѣнному добродушію, русскій по игривой, безобидной ироніи, столь свойственной нашему народу, ироніи, которая всегда сопровождается улыбкою благорасположенія. Въ многочисленныхъ своихъ произведеніяхъ онъ говорилъ всѣмъ и каждому истины всегда мѣткія, всегда горькія, никому необидныя, именно потому, что онѣ запечатлѣны печатью доброжелательства, что въ насмѣшливости его не было ни капли желчи. Творенія Крылова, какъ яркое выраженіе духа народнаго и нравовъ нашего времени, не умрутъ, пока живъ языкъ русскій; пройдутъ тысячелѣтія, и *Басни* Крылова будутъ одними изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ *древней* русской литературы. Какъ человѣкъ, Крыловъ отличался тѣми же прекрасными качествами, которыя придаютъ такую высокую цѣну его твореніямъ. Умный, добрый, скромный, даже излишне скромный [3]), онъ во всю жизнь свою былъ окруженъ общею любовью, искреннимъ уваженіемъ, никогда не возбуждая низкаго чувства зависти, и умеръ — не переживъ своего таланта, умеръ тихо, спокойно, когда тѣло его еще не было обременено старческими

---

[1]) Эта статья перепечатана въ *Рус. Инв.* № 260, 17-го ноября.

[2]) Слова С. С. Уварова въ привѣтственной рѣчи на юбилеѣ.

[3]) Необыкновенный успѣхъ своихъ произведеній онъ приписывалъ тому, что басни его даютъ въ руки дѣтямъ, а дѣти не умѣютъ беречь книгъ. *Пр. авт.*

недугами, а душа была также ясна, какъ въ лѣта юности: за нѣсколько часовъ до своей кончины онъ остроумно шутилъ — надъ самимъ собою.

Во все время, пока тѣло покойнаго оставалось въ его квартирѣ, не смотря на затруднительность сообщенія между берегами Невы [1]), скромное жилище его не пустѣло, посѣщенія не перемежались, многочисленные почитатели его таланта и характера безпрерывно слѣдовали одни за другими; отцы приводили къ его гробу дѣтей своихъ, чтобы внушит имъ уваженіе къ таланту и свѣтлой, безукоризненной репутаціи.

Прекрасная жизнь, какъ мы уже говорили, заключилась и кончиною прекрасною. На неизбѣжный переходъ отъ жизни временной къ вѣчной Крыловъ смотрѣлъ безтрепетно, спокойно, какъ философъ и христіанинъ. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія по своему имуществу, онъ не забылъ и о своихъ похоронахъ. Оригинальный и тутъ, онъ хотѣлъ, чтобы пригласительные билеты сопровождались собраніемъ его басенъ, — приношеніемъ на память о немъ.

(Далѣе слѣдуетъ описаніе похоронъ, при чемъ сообщено, что на похороны Крылова была пожалована Государемъ особая сумма. Въ заключеніе прибавлено извѣщеніе, что министръ нар. просв. въ скоромъ времени имѣетъ открыть подписку на надгробный памятникъ).

Примѣчаніе. Въ указатель статей о Крыловѣ пропущена замѣтка И. П. Быстрова и С. Д. Полторацкаго въ *Москвитянинѣ*, 1849 г. ч. IV, 1849 г. объ *Эпиграммѣ къ N*..., напечатанной въ журналѣ, который издавался въ 1785 г. Туманскимъ, *Лѣкарство отъ скуки и заботъ*, ч. I, стр. 268.

VII.

Переписка Льва Андреевича Крылова съ братомъ [2]).

Левъ Андреевичь Крыловъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, которые проходятъ свое земное поприще, не ознаменовавъ его никакимъ замѣтнымъ дѣломъ, не возвысивъ и не унизивъ своей скромной доли, и умираютъ, не оставивъ даже слѣда своего существованія. О такихъ людяхъ исторія не говоритъ, человѣчество о нихъ ничего не знаетъ, и даже близкіе къ нимъ, ихъ товарищи, забываютъ о нихъ чуть ли не на самой могилѣ. Если о нихъ иногда и упоминаютъ, то они этимъ обязаны своимъ невольнымъ отношеніямъ къ людямъ геніяльнымъ, озаряющимъ все, что ни соприкасается съ ними.

---

[1]) Крыловъ жилъ на Вас. Остр. въ 1-й линіи въ домѣ Блинова. Это четвертый домъ отъ Румянцовской площади. *Прим. авт.*

[2]) Напечатана въ первый разъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1868 г. № 2.

Всѣ наши свѣдѣнія о немъ мы почерпаемъ изъ его писемъ къ брату, которыя сохранились въ бумагахъ послѣдняго, принадлежащихъ нынѣ К. С. Савельеву.

Л. А. началъ службу въ гвардіи и жилъ въ Петербургѣ, когда его братъ вмѣстѣ съ Клушинымъ издавалъ журналъ; потомъ онъ перешелъ въ армію, по какой причинѣ, изъ писемъ не видно. Время и разлука съ братомъ не ослабили въ немъ нѣжной, почти сыновней привязанности къ нему. «Любезный батюшка», «братецъ Иванъ Андреевичъ», «милый тятенька», «голубчикъ-тятенька», — вотъ постоянныя обращенія, встрѣчающіяся въ каждомъ письмѣ. Въ своихъ письмахъ Л. А. дѣлится съ геніяльнымъ братомъ и радостями, и горемъ, навѣщавшимъ его не разъ. Конечно, такія отношенія могутъ сохраняться только тогда, когда они взаимны. Иванъ Андреевичъ Крыловъ до послѣдней минуты жизни своего брата, умершаго гораздо ранѣе его, былъ его другомъ, покровителемъ и товарищемъ; постоянно входилъ въ мельчайшія его нужды, интересовался его служебнымъ положеніемъ, его знакомствами, образомъ жизни, занятіями, расходами, и помогалъ ему и деньгами, и добрымъ совѣтомъ. Отвѣты Л. А. на его вопросы рисуютъ до мельчайшей подробности бѣдную картину жизни сначала армейскаго, потомъ гарнизоннаго, а наконецъ инвалиднаго офицера, потому что Л. А. прошелъ всѣ эти роды службы.

Чтобы не утомлять вниманія читателей, мы удерживаемся отъ напечатанія всѣхъ писемъ, которыхъ сохранилось 96, и ограничиваемся только извлеченіями и небольшими выдержками изъ нихъ (разумѣется, возстановляя правописаніе).

Первое письмо по времени написано 11 янв. 1799 г. и получено И. А. (какъ видно изъ его собственноручной надписи) «1799 г. генваря 17 дня». Приводимъ начало его:

«Богу одному извѣстно, сколько сердце мое чувствуетъ радости, читая твое пріятное письмо, которое я получилъ сего генваря 11 дня, со вложеніемъ ста рублей ассигн.; и сколько я ни думалъ описать тебѣ мою благодарность, но наконецъ увидѣлъ, что слабый умъ [illegible] никогда не можетъ сыскать словъ, чтобы живо изобразить оную. Мнѣ кажется, что сильныя движенія сердца только можно чувствовать, а описывать никогда... Ты говоришь, любезный тятенька, что живешь весело и доволенъ своимъ состояніемъ, по милости князя Сергія Ѳедоровича Голицына. Слава Богу! Желаю тебѣ отъ всего моего сердца и прошу Бога, чтобы ты и всю свою жизнь провелъ весело. Увѣряю тебя, любезный мой, что меня ничто не можетъ больше веселить, какъ твое доброе состояніе»... Далѣе въ отвѣтъ на вопросъ брата, требовавшаго, чтобы Л. А. описалъ ему весь свой «экипажъ», онъ перечисляетъ свое скудное имущество, въ которомъ книги занимаютъ первое и весьма замѣтное мѣсто; скрипка, взятая И. А. у какого-то Сафонова, также «много прогоняла скуку» Л. А-ча. За тѣмъ слѣдуетъ счетъ денегъ, заключающійся слѣ-

дующимъ восклицаніемъ: «И такъ видишь ты, любезный тятенька, имѣю я болѣе 200 р., чего у меня никогда не было, и которыхъ, думаю, на долго станетъ, ибо я въ карты не играю, столъ имѣю всегда хорошій... передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ рюмка водки, по утру чай....» Въ слѣд. письмѣ Л. А. разсказываетъ о своемъ походѣ. 12-го января 1799 г., войска, находившіяся въ Херсонѣ, получили приказаніе отъ генерала Германа немедленно выступать въ походъ; «но какъ была нѣкоторая неисправность въ разсужденіи обоза, да и у офицеровъ у многихъ ни лошадей, ни повозокъ, то и промѣшкались до 22-го. Сего числа поутру въ 8 часовъ съ помощью Божью выступили. Надобно сказать тебѣ напередъ, что у меня передъ этимъ временемъ не было ни полушки денегъ, а кормили меня товарищи, съ которыми я жилъ въ одной казармѣ. Хотя у меня и была маленькая повозченка, но ни лошади и ничего больше; а безъ денегъ въ походѣ пренегодно. Занялъ я 30 р. у баталіоннаго начальника въ счетъ жалованія и, такимъ образомъ кое-какъ собравшись, потащился, самъ пѣшкомъ и во весь походъ шелъ пѣшій... Вообрази себѣ, любезный тятенька, что я, не ходивши никогда, и 20 верстъ пѣшкомъ,— а тутъ съ утра была оттепель, выпало снѣгу по колѣно»... потомъ наступилъ жестокій морозъ, «я же шелъ въ штиблетахъ, повозки всѣ отправили впередъ; мнѣ кажется, я бы совсѣмъ околѣлъ, еслибы къ счастію моему повозка моя не остановилась. Однакожъ я такъ сильно отморозилъ ноги, что до самого Бару болѣли цѣлый мѣсяцъ». Въ Бару генералъ Германъ сдѣлалъ смотръ войскамъ, послѣ чего они продолжали путь до Гусятина и здѣсь расположились по деревнямъ. Отдохнувъ нѣкоторое время, они продолжали путь. Авторъ письма останавливается на описаніи городовъ Львова, потомъ Пешта, гдѣ наши войска были встрѣчены принцемъ Іосифомъ и гдѣ имъ былъ оказанъ самый радушный пріемъ. Изъ послѣдующихъ писемъ видно, что Л. А. велъ журналъ во время всего Итальянскаго похода и по частямъ доставлялъ его брату; но изъ него сохранился только небольшой отрывокъ, который однакожъ даетъ понятіе о томъ, въ какомъ родѣ былъ этотъ журналъ. Онъ по содержанію и изложенію напоминаетъ хожденіе Игумена Даніила. Въ сохранившемся отрывкѣ — весь маршрутъ отъ Нови, гдѣ происходило 16-часовое сраженіе (въ которомъ Л. А. не участвовалъ, потому что ихъ войска опоздали, отправившись не тою дорогою), до Кастель-Флорентино, «небольшаго селенія на высокой горѣ». Л. А. означаетъ время всѣхъ переходовъ, мѣстечки, селенія, города, бросаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о каждомъ, но въ нихъ нѣтъ ничего, что̀ бы могло занять читателя.

Слѣдующее письмо, отъ 26 дек. 1800 г., написано, какъ видно, изъ-подъ Серпухова, вокругъ котораго расположились войска, возвратившіяся изъ похода. Въ немъ Л. А. поздравляетъ брата съ новымъ годомъ и благодаритъ за присланныя 50 р. асс.

Писемъ изъ Серпухова, 1801—2 г., сохранилось только два. Первое

(безъ означенія числа), несмотря на краткость, не лишено интереса. Поблагодаривъ И. А. за письмо, полученное 24 янв., Л. А. продолжаетъ: «сказка твоя о Мареушкѣ (?) меня удивила. Я, право, полагалъ, что она давно на волѣ, а она бѣдная терпѣла черезъ твою безпечность. Однакожъ теперь я очень радъ и благодарю тебя, что ты за все претерпѣніе ее наградилъ; по крайней мѣрѣ она теперь сыщетъ гдѣ нибудь пристанище и не будетъ бояться тюрьмы, которой прежде всякій разъ ожидала.» Пожалѣвъ, что не имѣетъ свѣдѣнія о своихъ прежнихъ товарищахъ, Л. А. восклицаетъ: «Что вздумалось Клушину твоему жениться, да еще и съ такимъ богатымъ приданымъ, и вѣрно, на актрисѣ. Я бы никогда отъ него этого не ожидалъ!» «Конечно вы съ нимъ не въ ладахъ, что такъ въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, а не имѣете переписки». Дѣйствительно ли И. А. разошелся съ Клушинымъ, или развели ихъ обстоятельства, этого мы не имѣли возможности узнать. Л. А. удалось въ Серпуховѣ открыть родственницу — «дядюшки Якова Юдича родную сестру, вдову, которая имѣла тамъ свой домъ и жила съ дѣтьми, изъ коихъ одинъ сынъ подъячій. Въ заключеніе Л. А. пишетъ: «Ты заботишься и не знаешь, какъ пособить моей скукѣ, и пишешь, что если бы Татищевъ былъ въ Москвѣ, то бы библіотеку ко мнѣ переслалъ. Но ты подумай, не смѣшно ли было бы возить цѣлый возъ книгъ и имѣть тройку лошадей для нихъ? Я думаю, еслибы ты ко мнѣ пожаловалъ, чего я нетерпѣливо ожидаю, то хотя бы книгъ 30 или 40 привезъ, да одолжилъ бы до безконечности, если бы привезъ скрипку: она бы много скуку отгоняла.» — Въ другомъ письмѣ находимъ упреки въ лѣни, сожалѣніе о томъ, что нѣтъ возможности находить сюжеты для писемъ, когда на нихъ не отвѣчаютъ. «Еще разъ прошу тебя, голубчикъ мой, пиши ко мнѣ, не лѣнись, пиши о своемъ здоровьи, которое мнѣ всего на свѣтѣ милѣе, и какъ ты живешь. Я сердечно желаю тебя видѣть. Ахъ! какъ мнѣ скучно, что тебя такъ долго не вижу: ты у меня всегда въ мысляхъ.»

Послѣ единственнаго письма 1803 года (отъ 5 марта), не заключающаго въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ выраженія никогда не осуществившейся надежды, что И. А. соберется въ Серпуховъ, слѣдуетъ длинный перерывъ,—до февраля 1816 года. По всей вѣроятности письма эти утрачены; такъ по крайней мѣрѣ можно заключить по тону послѣдующихъ писемъ.

Первое письмо, относящееся къ 1816 г., (отъ 26 февр.), начинается выраженіемъ благодарности за присланныя 200 р., которые были особенно кстати, потому что у Л. А. былъ «одинъ мундиръ, да и тотъ съ плечъ слѣзалъ, а рубашки хоть и три, но и тѣ въ дырьяхъ.» «Изъ этого» продолжаетъ онъ, «можешь судить, любезный тятенька, что у меня и самыхъ нужныхъ вещей нѣтъ, а о прочемъ и говорить нечего.» Эти 200 рубл. должны были казаться Л. А. особенно дорогими, ибо И. А. писалъ къ нему, что самъ находитси въ хлопотахъ и нуждается. «Но

что дѣлать, утѣшалъ его братъ; я часто вспоминаю твою пословицу: бываетъ хуже, бываетъ и лучше, а также стараго твоего друга, Александра Ивановича Клушина: все пройдетъ! И подлинно, и худое и хорошее, все проходитъ.» Въ 1816 году Л. А. былъ уже гарнизоннымъ офицеромъ, а потому остальную часть письма посвящаетъ описанію своего состоянія: «Жалованія мнѣ 80 р. въ треть, что составляетъ серебромъ 17 р., а мундиръ, какъ ни дѣлай бѣдно, менѣе 25 р. сдѣлать нельзя; рубашка одна стоитъ, не мудренаго холста, 2 р. 50 к. сер. Между тѣмъ, если бы я и вздумалъ что сдѣлать, такъ прежде думать надобно о сапогахъ, которые стоятъ, самые простые, 4 р. сер.; а ѣсть также надобно, да и не одному, а кормить двухъ деньщиковъ, которые провіантъ хотя и получаютъ, но ужъ больше ничего.» Къ такой нуждѣ присоединились болѣзни: «Я здоровьемъ такъ слабъ сталъ, продолжаетъ Л. А., а особливо глазами, что почти и въ гарнизонѣ служить не могу, и желалъ бы имѣть покой; но видно судьбѣ угодно, чтобы до гроба влачилъ я жизнь въ безпокойствахъ и горестяхъ». Письмо свое онъ заключаетъ просьбою, чтобы братъ писалъ къ нему какъ можно чаще, ибо въ его письмахъ онъ находитъ единственное утѣшеніе.

Слѣдующее письмо (отъ 10 мая 1816 г.) заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно болѣе другихъ выясняетъ отношенія между братьями въ ту эпоху, когда старшій изъ нихъ сдѣлался человѣкомъ знаменитымъ и въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ независимымъ; съ другой стороны оно рисуетъ положеніе Л. А. «Ни разуму моего, ни словъ не достанетъ довольно (пишетъ онъ) выразить тебѣ мою благодарность за твои ко мнѣ милости. Письмо твое отъ 26-го марта со 150 р. ас. я получилъ съ превеликою радостію.» Это же письмо дало Л. А-чу и другой поводъ радоваться: братъ писалъ къ нему, что надѣется поправить свои обстоятельства и положительно спрашивалъ, сколько ему нужно, чтобы выдти изъ бѣдственнаго положенія. Л. А. отвѣчалъ, что всего труднѣе поддерживать гардеробъ, что «сюртука у него нѣтъ, мундиръ износился, а шинель хотя и есть, но въ ней не всегда можно быть,» а потому онъ проситъ брата прислать денегъ на обмундировку. Май мѣсяцъ былъ самый тягостный для Л. А.: баталіону предстояло въ лѣтнее время занимать караулы; «къ тому же командиръ — человѣкъ молодой, строгій, подполковникъ Бурнашевъ, все воображаетъ, что онъ въ арміи, забывая, что въ гарнизонѣ одни калѣки и старые люди.» Отсюда же узнаемъ, что Л. А. въ 806 году произведенъ въ капитаны «и успѣлъ подъ Туркою быть въ пяти сраженіяхъ, но не раненъ; а за болѣзнію въ 808 году переведенъ въ гарнизонъ.» Въ концѣ письма онъ проситъ брата прислать ему свои сочиненія, которыя онъ «весьма желалъ бы прочесть, а особливо басни, которыя и здѣсь (въ Каменцѣ-Подольскомъ) въ славѣ.»

Но на свои письма Л. А. долго не получалъ никакого отвѣта и въ письмѣ отъ 19 авг. (1816 г.) теряется въ предположеніяхъ, что бы могло означать это молчаніе. Онъ извѣщаетъ брата, что назначенъ асессоромъ

въ комиссіи военнаго суда, что служба его хотя и гарнизонная, но тягостная, что онъ «не выходитъ изъ мундира, который самъ съ плечь валится», а новый сшить онъ не рѣшается, потому что, «хоть и есть у него немного деньжонокъ, но онъ боится, что, израсходовавъ ихъ, ему ѣсть нечего будетъ».

Въ мартѣ 1817 г. И. А. исполнилъ наконецъ просьбу брата, неоднократно повторявшуюся въ его письмахъ: послалъ ему экземпляръ своихъ басенъ, двѣ комедіи и, какъ водится, 150 р. с. Вотъ что по этому поводу пишетъ Л. А. (отъ 7 марта): «Благодарю тебя, любезный мой тятенька, что ты меня не позабылъ и исполнилъ свое обѣщаніе. Безпримѣрныя твои басни я пробѣжалъ, и могу сказать, что не даромъ ты ими прославился, да и государь императоръ удостоилъ ихъ назвать пріятными и полезными... Я никогда не сомнѣвался, чтобъ ты не употребилъ свои божественныя дарованія въ пользу общаго блага, и нахожу, что нѣтъ ничего достойнѣе благородной души, какъ совѣтами и самыми легкими доказательствами отвращать отъ порока и привлекать къ добродѣтели. Повѣрь, любезный тятенька, что примѣры твоей добродѣтели и всѣ твои слова, слышанныя мною еще въ младенчествѣ, въ сердцѣ моемъ останутся неизгладимы до конца жизни». — Къ экземпляру, посланному Л. А., былъ приложенъ портретъ автора. Л. А. нашелъ его вовсе не похожимъ и не вѣритъ, чтобы человѣкъ могъ такъ перемѣниться — помолодѣть, сравнительно съ прежнимъ портретомъ [1]).

Отъ разсужденія о портретѣ Л. А. переходитъ къ разсказу о томъ, какъ проводитъ время и какъ живетъ, о чемъ спрашивалъ его И. А. Отъ 5 час. утра до 9 онъ занимался дѣлами своей роты: читалъ бумаги, составлялъ отчеты, бесѣдовалъ съ фельдфебелемъ; съ 9 до часу исполнялъ обязанности судьи; въ часъ обѣдалъ «ѣлъ щи да кашу, по праздникамъ и жаркое, и рюмку водки выпивалъ». Время до 7 часовъ опять посвящалъ ротѣ. Только вечеръ принадлежалъ ему. Тогда онъ весь предавался своей скрипкѣ. «Изъ этого, продолжаетъ онъ, ты можешь заключить, что я мало скучаю праздностію, а еслибы ты, любезный тятенька, былъ со мною, такъ я бы полагалъ себя наисчастливѣйшимъ изъ смертныхъ... Знакомыхъ здѣсь я никого не имѣю, съ кѣмъ бы могъ раздѣлить пріятно время. Да и городъ здѣсь маленькій, набитъ жидами и поляками, а съ поляками мнѣ не совсѣмъ свойственно дружиться». Но онъ умѣлъ быть и этимъ довольнымъ: «Живу я по своему состоянію довольно хорошо», заключаетъ онъ. Изъ этого же письма узнаемъ, что Л. А., уже находясь въ гарнизонѣ, участвовалъ въ 1813 г. въ походѣ въ Пруссію; «а теперь, говоритъ онъ, сижу уже на мѣстѣ, какъ ракъ на мели. Вотъ

---

[1]) Подъ прежнимъ портретомъ здѣсь, конечно, разумѣется тотъ, который былъ приложенъ при первомъ изданіи басенъ; но въ сохранившихся экземплярахъ этого изданія, равно какъ и въ экземплярахъ изданія 1815 — 1816, портретовъ вовсе нѣтъ.

теперь меня можно назвать сивымъ старцемъ, какъ въ молодости друзья называли».

Спустя мѣсяцъ (11-го апрѣля 1817) Л. А. пространно сѣтуетъ на брата, что онъ, требуя отъ него подробныхъ отчетовъ, молчитъ о себѣ и ничего не сообщаетъ о своихъ обстоятельствахъ. Среди скуки и однообразія жизни онъ теперь находитъ новое развлеченіе въ его басняхъ: «Скажу тебѣ, любезный тятенька, басни твои меня такъ утѣшаютъ, что я многія изъ нихъ наизусть вытвердилъ, и читать ихъ никогда не наскучитъ». Изъ всѣхъ басенъ особенно понравилась ему *Сочинитель и Разбойникъ*, и онъ сознается, что «въ жизни ничего лучшаго не начитывалъ». «Да и всѣ твои басни, прибавляетъ онъ, безпримѣрны».—«Я бы желалъ прочесть и другія твои сочиненія, и я увѣренъ, что они должны быть безподобны». Но Л. А. не зналъ, какъ желаніе его неисполнимо. Письмо заключается слѣдующею весьма часто повторяющеюся просьбою: «прошу тебя, голубчикъ мой, пожалуйста, удѣли полчаса времени не полѣнись, напиши ко мнѣ по пространнѣе».

Но и сентябрь наступилъ, и Л. А. еще разъ послалъ брату 6 ф. турецкаго табаку, а онъ все молчитъ; наконецъ въ октябрѣ Л. А. дѣлаетъ предположеніе, не вздумалось ли И. А. прокатиться въ Москву, куда, какъ слышно было и въ Каменцѣ, отправлялся государь и гвардія.

Какъ ни страннымъ должно было показаться И. А-чу такое предположеніе, однакожъ онъ сохранилъ молчаніе до самаго декабря. Между тѣмъ Л. А. успѣлъ написать и четвертое письмо, въ которомъ умолялъ брата написать хоть пять строкъ, ибо, говорилъ онъ, «я все таки не думаю, что ты меня забылъ, я полагаю, что все откладываешь за лѣнью, чѣмъ меня крайне безпокоишь.» Тутъ же Л. А. извѣщаетъ брата, что есть слухъ, будто государь пріѣдетъ въ Каменецъ въ апрѣлѣ будущаго года, а онъ промотался, сшилъ себѣ сюртукъ, за который долженъ былъ заплатить 80 р. ас.; между тѣмъ у него нѣтъ серебрянаго шарфа и витишкетовъ къ смотру, «Деньгами же я, продолжаетъ онъ, до назначеннаго отъ тебя, голубчикъ мой, жалованія, какъ нибудь перебьюсь.»

И. А. предупредилъ просьбу брата: 5-го декабря онъ отослалъ къ нему письмо со вложеніемъ 250 р. ас. Отвѣтъ на это письмо (отъ 15 янв. 1818 г.) открываетъ еще одну черту въ отношеніяхъ И. А. къ брату. Онъ не ограничивался высылкою денегъ къ назначенному сроку; онъ желалъ быть поближе къ брату и, какъ видно, серьезно о томъ подумывалъ. Но на эти мечты его пусть лучше отвѣчаетъ самъ Л. А.: «Ты меня, голубчикъ мой, весьма много обрадовалъ, что желаешь какъ нибудь перетащить меня поближе къ себѣ. Я не могу изъяснить, сколь велико желаніе мое быть съ тобою вмѣстѣ, или хотя въ недальнемъ разстояніи отъ тебя; но ума не приберу, какимъ образомъ можно бы это сдѣлать. Ты пишешь, что твои пріятели могутъ сыскать или достать мнѣ мѣсто комендантское или плацъ-маіорское въ какомъ нибудь уѣздномъ городкѣ по близости Петербурга; но эти мѣста штабъ-офицерскія, а я только ка-

питанъ. Плацъ-адъютантомъ хотя бы я и могъ быть, но это мѣсто весьма хлопотливо, да «и надобно знать по бумагамъ»; а я при огнѣ даже читать, а особливо рукопись, совсѣмъ не могу; ибо глазами я очень слабъ, и потому сколько мнѣ ни желательно быть чаще съ тобою вмѣстѣ, но остаюсь безъ всякой надежды по своему здоровью. Развѣ ты, голубчикъ, посовѣтуешься съ твоими почтенными пріятелями: можетъ быть, они что нибудь придумаютъ. И если они найдутъ спокойное и не суетливое мѣсто, сверхъ моего чаянія по моему слабому и безоружному здоровью, и могутъ мнѣ достать, то пожалуйста, любезный тятенька, поскорѣе. Въ разсужденіи же статскихъ должностей, я никакъ не сроденъ и не способенъ, служа съ малолѣтства вотъ уже 32-й годъ въ военной службѣ»... «Ахъ, какъ, голубчикъ мой, заключаетъ Л. А., желаю тебя видѣть и обнять тебя, и лично поблагодарить за твои ко мнѣ благодѣянія. Клянусь тебѣ, что все мое благополучіе поставляю въ томъ, если бы я могъ съ тобою вмѣстѣ жить или хоть часто тебя видѣть».

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 13 февраля 1818) опять повторяются укоризны брату, что онъ залѣнился и опять со дня на день откладываетъ, между тѣмъ какъ Л. А. нетерпѣливо ожидаетъ отвѣта на его послѣднія просьбы, тѣмъ болѣе, что И. А. самъ подалъ къ нимъ поводъ: «Я нетерпѣливо желаю тебя видѣть, говоритъ онъ; мы никогда не были столь долго съ тобою въ разлукѣ. Вотъ уже 12 съ половиною лѣтъ, какъ мы съ тобою разстались, а у насъ никого больше родни нѣтъ. Божусь тебѣ, любезный тятенька, меня это весьма крушитъ, что мнѣ кажется, что я умру, не видѣвши тебя». Далѣе, по обыкновенію Л. А. доноситъ, что, по милости брата, ни въ чемъ нужды не терпитъ и всѣмъ совершенно доволенъ, а въ заключеніе проситъ прислать свои сочиненія, если есть новыя.

Но мечты объ этомъ свиданіи съ братомъ были прерваны совершенно неожиданнымъ происшествіемъ, причинившимъ Льву А-чу много заботъ. Вотъ какъ о немъ пишетъ Л. А. (отъ 27 марта 1818 г.): «Мы теперь, любезный тятенька, имѣемъ уже маршрутъ государя императора. Онъ сюда прибудетъ непремѣнно 25-го апрѣля на ночь, 26-го здѣсь будетъ обѣдать, уже дѣлаютъ приготовленія для угощенія государя. Мы также приготовляемъ». Но бѣда не въ томъ, а вотъ въ чемъ: «нашъ гарнизонный караулъ ему будетъ, и для того баталіонный командиръ всѣмъ офицерамъ въ счетъ жалованія купилъ весь приборъ серебряный, т. е. шарфы, темляки, витишкеты, эполеты, и строитъ всѣмъ новые мундиры съ панталонами единообразное, что все будетъ стоить около 250 р. ас. на каждаго... а если хорошій приборъ, то и въ 400 не вогнали бы. И такъ теперь я долженъ быть почти цѣлый годъ безъ жалованія. Но я надѣюсь на тебя, голубчикъ-тятенька, что ты меня не оставишь и не допустишь до нищеты... Прошу тебя, голубчикъ-тятенька, помоги!»

Слѣдующее письмо (отъ 4 мая 1818), какъ должно ожидать, заключаетъ разсказъ о пребываніи государя въ Каменцѣ-Подольскомъ. Описавъ обычную встрѣчу государя духовенствомъ и дворянствомъ, Л. А. продол-

жаетъ: «Скажу тебѣ, любезный тятенька, государь во все время присутствія тутъ былъ весьма веселъ, любезенъ и доволенъ; многихъ наградилъ. Баталіономъ нашимъ былъ весьма доволенъ, ибо нашъ баталіонъ во время государева пріѣзда стоялъ въ караулѣ. Баталіоннаго нашего начальника, подполковника Бурнашева, на другой же день произвелъ въ полковники и приказъ подписалъ. И могу сказать, что баталіонъ былъ одѣтъ очень хорошо; офицеры всѣ въ новыхъ мундирахъ и серебрянномъ приборѣ, что̀ для насъ немножко непріятно, въ разсужденіи, что цѣлый годъ или болѣе должны выплачивать: каждый мундиръ съ серебрянымъ приборомъ стоитъ 234 р. ассигн. Прошу тебя, любезный тятенька, не оставь, голубчикъ! Я на тебя надѣюсь, какъ на каменную гору. Да и на кого же мнѣ болѣе и надѣяться?»

Само собою разумѣется, что Ив. А. не заставилъ брата повторять эту просьбу. 18 мая 1818 г. Л. А. писалъ къ нему въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ нашелъ 250 р. ас.: «Тысячу разъ благодарю тебя голубчикъ мой, за твои ко мнѣ отеческія милости. Рѣдкіе и отцы столь щедры къ своимъ дѣтямъ, какъ ты ко мнѣ.» Между тѣмъ И. А. все еще помышлялъ о переводѣ брата куда нибудь поближе къ Петербургу. Въ этомъ же письмѣ находимъ слѣдующее замѣчаніе Л. А.: «Мнѣ весьма пріятно, любезный тятенька, что ты заботишься о перемѣщеніи меня къ себѣ поближе. Божусь тебѣ, голубчикъ, что я нетерпѣливо желаю тебя видѣть и обнять тебя».

Въ іюлѣ того-же года Л. А. и безъ участія брата попалъ въ инвалидъ, по распоряженію баталіоннаго командира, который назначилъ его начальникомъ Винницкой инвалидной команды и вмѣстѣ съ тѣмъ депутатомъ при слѣдствіи надъ контрабандистами. Такимъ образомъ Л. А. получилъ въ нѣкоторомъ родѣ самостоятельное положеніе, съ которымъ, конечно, сопрягалось много заботъ и пропасть письма̀ (письмо отъ 22 іюля, 1818, изъ Винницы).

Изъ письма, отъ 24 сент. 1818, видно, что И. А. самъ былъ въ затруднительномъ положеніи и жаловался на петербургскую дороговизну. «Радуюсь, писалъ Л. А. въ отвѣтъ на это письмо (отъ 11 сент. 1818), что ты, любезный тятенька, здоровъ; только жаль, что ты обезденежѣлъ. Но Богъ милостивъ, опять будутъ деньги, лишь бы Богъ далъ здоровья». За тѣмъ онъ сравниваетъ Винницкія цѣны съ петербургскими на съѣстные припасы и заключаетъ: «Богъ тебя надоумилъ, что ты меня не перевелъ въ Ораніенбаумъ, а то бы, кромѣ безпокойства, я дѣйствительно большую нужды съ этими деньгами могъ претерпѣвать». Между тѣмъ въ надеждѣ на будущія блага Л. А., не дожидаясь пособія отъ брата, купилъ за 100 р. ас. хуторокъ, чтобы впослѣдствіи обзавестись на немъ хозяйствомъ. Къ этому подстрекало его, во первыхъ, то, что масло, молоко, сыръ будутъ свои; во вторыхъ, птицы и яйца будутъ тоже не купленныя, а для птицъ приволье большое, потому что хуторъ окруженъ водою; къ тому же огородъ такъ великъ, что зелени и овощей съ него на цѣлый

годъ станетъ, да и работника не искать стать: «деньщика я имѣю женатаго, пишетъ онъ, который еще взятъ мною изъ арміи; онъ у меня живетъ уже 11 лѣтъ, я его довольно знаю, и надѣюсь на него»... «Теперь задумалъ я, живучи совершенно на мѣстѣ, завестись хозяйствомъ; мало по малу и птица свиваетъ себѣ гнѣздо. Только прошу тебя, любезный тятенька, если будутъ у тебя деньги, не оставь въ теперешнемъ моемъ положеніи: жалованія я получилъ только 17 р. асс., а прочее все вычли за обмундировку».

Высочайшій приказъ объ утвержденіи Л. А. въ должности командира Винницкой инвалидной команды придалъ ему еще болѣе охоты заняться своимъ хозяйствомъ и утвердилъ его въ намѣреніи остаться на всегда въ Винницѣ. Онъ проситъ брата (п. отъ 25 янв. 1819 г.) познакомиться съ его начальникомъ, полковникомъ Бурнашевымъ, уѣзжавшимъ въ то время въ Петербургъ. Хозяйство его постепенно расширялось: онъ купилъ лошадь и подумывалъ о коровѣ; но не рѣшался покупать, потому что къ пасхѣ могъ остаться безъ денегъ, «а этотъ праздникъ любитъ деньги». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ брату, что всѣ его басни вытвердилъ наизусть и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новыхъ, и повторяетъ просьбу прислать ему *Инвалидъ*: «это ты для меня выиграй въ бостонъ», совѣтуетъ Л. А.

Въ письмѣ отъ 26 апр. 1819, онъ уже благодаритъ его за присылку *Инвалида*, который вмѣстѣ со скрипкою и хуторомъ увеселяли его и занимали. Хозяйство на хуторѣ съ наступленіемъ весны значительно расширилось: «Я купилъ, пишетъ Л. А., двѣ коровы за 100 р. ас., цыплятъ у меня и гусенятъ до 50, огородъ огородилъ и вскопалъ, деревья въ саду распускаются — будетъ чѣмъ потѣшиться!...»

Заботы о хозяйствѣ, наполнявшія жизнь Л. А., И. А. одобрилъ; не хвалилъ только покупки лошади; а потому письмо отъ 27 мая (1819) наполнено доказательствами, что лошадь въ хозяйствѣ необходима и содержаніе ея не дорого обходится. И. А. выслалъ брату экземпляръ басенъ, вышедшихъ тогда новымъ изданіемъ. «А басни, пишетъ по этому поводу Л. А., тѣже, что ты прежде мнѣ присылалъ съ прибавленіемъ только нѣсколькихъ новыхъ; а я полагалъ, что по крайней мѣрѣ еще столько же ихъ написалъ. Однакожъ хотя не много, за то прекрасныя!»

Въ 1820 году Л. А. постигли два несчастія. Вотъ какъ онъ разсказываетъ о первомъ изъ нихъ (въ п. отъ 24 янв.): «Пожалѣй обо мнѣ: хуторъ мой сгорѣлъ сего января 15 дня, въ 7 часовъ вечера. Деньщичья дочь, 9-ти лѣтъ, ходила въ сѣни съ огнемъ взять прядева и нечаянно зажгла. При этомъ сгорѣло: двѣ повозки, куръ 15 и гусей 10; а коровъ и лошадь успѣли вывести; двѣ коровы немного опалились, а сѣно хотя и подлѣ самой хаты стояло, но вѣтеръ былъ въ противную сторону,—уцѣлѣло. Теперь деньщикъ живетъ въ чужой хатѣ... Лѣтомъ надо стараться поставить новую хатишку». За тѣмъ Л. А. извѣщаетъ брата, что постоян-

но занятъ бумагами, потому что съ часу на часъ ожидаетъ баталіоннаго начальника, который намѣревается смотрѣть его команду.

И. А. отвѣчалъ на это извѣстіе выраженіемъ соболѣзнованія не только словомъ, но и дѣломъ. Слѣдующее письмо Л. А. (отъ 23 марта 1820) начинается такъ: «Здравствуй, голубчикъ тятенька! цѣлую тебя мысленно тысячу разъ.... Письмо твое получилъ 20-го сего марта съ 300 р. ас. Благодарность мою за отеческія твои ко мнѣ милости можно только чувствовать, но не описать. Мнѣ весьма чувствительно, любезный тятенька, что при всемъ твоемъ недостаткѣ, какъ ты пишешь, прислалъ мнѣ 300 р. Я полагаю, что ты у себя отнялъ послѣднее или занялъ, хотя я не писалъ тебѣ о недостаткѣ своемъ, ибо я дѣйствительно, по милости твоей, до крайности не доходилъ, да и писалъ тебѣ отъ 9 сего мѣсяца, что я купилъ хату за 50 р. ас. Но теперь я сдѣлался богачемъ и прошу тебя обо мнѣ не безпокоиться». За тѣмъ, отвѣчая на вопросъ брата, Л. А. продолжалъ: «Мнѣ странно, любезный тятенька, что ты думаешь, будто я владѣю хуторомъ безъ всякихъ на него бумагъ. Я купилъ его формально и утвердилъ крѣпостію на гербовой бумагѣ, за подписомъ магистрата; слѣдовательно, онъ и потомству нашему принадлежать будетъ, котораго, видно, у насъ никогда не будетъ. По желанію твоему, планъ хутора я пришлю тебѣ, миленькій тятенька, только не прежде, какъ на Ѳоминой недѣлѣ, потому что теперь очень грязно и черезъ рѣку Бугъ не можно переѣхать... Ты увидишь, что мѣстоположеніе хутора очаровательно».—Въ припискѣ Л. А. проситъ брата извѣстить его, не произведенъ ли онъ въ чинъ и не получилъ ли какого ордена. Объ этомъ Л. А. и прежде спрашивалъ нѣсколько разъ, но не получалъ никакого опредѣленнаго отвѣта.

Любопытство его вскорѣ было удовлетворено: въ апрѣлѣ 1820 г. онъ прочелъ въ *Инвалидѣ*, что И. А-чь награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст., и подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія написалъ слѣдующее (отъ 24 апр. 1820): «Я до безпамятства обрадовался, увидя въ *Инвалидѣ*, что ты награжденъ... Дай Богъ, отъ всего сердца тебѣ желаю, чтобы я увидѣлъ тебя въ голубой лентѣ. Умъ и добродѣтель твоя заслуживаютъ всѣхъ почестей въ свѣтѣ.»

Въ письмѣ отъ 5-го мая, Л. А. поздравляетъ брата съ новою наградою: «Твое письмо, пишетъ онъ отъ 15 апр., меня до крайности обрадовало. Поздравляю тебя, мой милый тятенька, съ великою монаршею милостью. Теперь, я увѣренъ, ты не будешь больше имѣть нужды»... Эта награда состояла въ удвоеніи пансіона, который Крыловъ получалъ съ 1812 года изъ кабинета его величества.

Почти черезъ мѣсяцъ командѣ Л. А. былъ назначенъ смотръ, окончившійся весьма неблагополучно. Это — второе несчастіе, постигшее его въ этомъ году: «1-го іюня смотрѣлъ баталіонный командиръ, полковникъ Бурнашевъ, и меня такъ огорчилъ, что я и теперь хожу, какъ сумашедшій», писалъ онъ 15-го іюля. «Ему не показалось, что люди не такъ доведены

въ обученіи, какъ въ арміи; но людей старыхъ, изувѣченныхъ, поступающихъ въ инвалидъ совершенно ни къ какой службѣ негодныхъ, мучить ученіемъ, кажется, все ровно, что убивать и укрощать послѣдній остатокъ изъ жизни; да и я самъ не въ силахъ доводить до совершенства, котораго требуютъ. Нѣкоторые мундиры, построенные мною, показались командиру не хороши. Они довольно просторны, и я ни мало не имѣлъ намѣренія на счетъ постройки интересоваться какими нибудь 10 или 15 аршинами толстаго сѣраго сукна. Къ тому же, какъ сукно присылается изъ баталіона, то я полагалъ, что оно моченое, и по спросѣ моемъ, старые унтеръ-офицеры отвѣчали, что суконъ при командѣ не мочатъ, а такъ кроятъ, какъ присылаютъ изъ баталіона. Поэтому баталіонный командиръ отказалъ мнѣ отъ командованія и поручилъ прапорщику другой команды. Изъ этого ты можешь судить, любезный тятенька, въ какомъ я теперь нахожусь огорченіи. Божусь, что насилу собрался къ тебѣ написать. Баталіонный командиръ думаетъ, что я весьма много интересуюсь отъ команды; но я клянусь тебѣ, голубчикъ-тятенька, какъ брату, отцу и другу, что кромѣ жалованія ни на грошъ никогда не интересовался отъ команды. За грѣхъ и стыдъ почиталъ и почитаю чѣмъ нибудь непозволительнымъ пользоваться, черезъ что могъ бы потерять честь и доброе имя. Да и на что мнѣ? Я по твоей милости нужды ни въ чемъ не терплю. Прости, голубчикъ, силъ моихъ болѣе не достаетъ писать. Будь здоровъ и счастливъ. Остаюсь въ нетерпѣливомъ ожиданіи отъ тебя отвѣта.»

И. А. на сей разъ не замедлилъ отвѣтомъ. Чтобы читатели могли составить понятіе о смыслѣ этого отвѣта, приводимъ съ небольшими пропусками письмо Л. А. отъ 24 іюля 1820 г.: «Письмо твое, отъ 4 іюля, получилъ я, мой милый тятенька, сего іюля 23 дня, и весьма жалѣю, что я писалъ тебѣ о моемъ неудовольствіи, которое тебя такъ огорчило. Ты мнѣ пишешь, любезный тятенька, что я будто бы не училъ людей экзерциціи; но я божусь тебѣ, что ученіе происходило, только много было препятствій: армейскіе стояли въ то время въ лагерѣ, а инвалидные занимали по всему городу караулы; къ тому же арестантовъ провожали инвалидные же, такъ что людей очень мало на лицо оставалось. Что же касается до немоченія суконъ, то во всѣхъ командахъ сукно не моченое, и я здѣсь первый разъ дѣлалъ постройку мундировъ; со всѣмъ тѣмъ мундиры очень хороши, и г. полковникъ приказалъ сдѣлать пробу — намочить одинъ мундиръ, который, какъ высохъ, то почти непримѣтно, чтобъ ссѣлся. — Я надѣюсь, голубчикъ тятенька, что меня г. полковникъ проститъ... Я увѣренъ, что онъ обо мнѣ худыхъ мнѣній сердечно не имѣетъ. Я ему всегда былъ покоренъ, да и служа 34 года, съ малолѣтства научился повиноваться и всегда былъ начальниками любимъ, какъ ты и самъ былъ очевидецъ, когда пріѣзжалъ ко мнѣ въ полкъ; и въ Каменцѣ командовалъ ротой при немъ три года безотлучно... Ты мнѣ пишешь, голубчикъ-тятенька, чтобы я съѣздилъ къ г. полковнику извиниться. Но онъ службу мою знаетъ, и я ему изъяснялся въ своей неумышленной винѣ.

Я увѣренъ, что это все пройдетъ. Горячіе люди вообще добрѣе, и онъ меня проститъ со временемъ. Прошу тебя, голубчикъ мой, не безпокойся обо мнѣ: твое безпокойство болѣе меня будетъ мучить. Богъ милостивъ!» *и проч.* Нѣкто маіоръ Колтовской совѣтовалъ ему перейти въ неслужащій инвалидъ. Мысль эта очень понравилась Л. А-чу. «Хотя мнѣ, пишетъ онъ отъ 7 авг., полковникъ и отдастъ команду, но кромѣ хлопотъ, я ежедневно долженъ бояться подпасть подъ штрафъ; нынѣ же весьма строго взыскиваютъ за самую малость, особливо за побѣги арестантовъ. Неслужащимъ же офицерамъ жалованіе тоже, что̀ и служащимъ... И такъ я ожидать буду отъ тебя, любезный тятенька, совѣта, подать ли мнѣ въ неслужащіе и въ какой городъ».

Слѣдующее письмо (отъ 21 авг.) принесло И. А. утѣшительное извѣстіе: 10 августа государь посѣтилъ Винницу и былъ весьма доволенъ состояніемъ команды. Вѣроятно, это было причиною, что полковникъ «умилостивился» и возвритилъ команду Л. А-чу, о чемъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ сообщаетъ брату.

19-го декабря И. А. послалъ брату 150 р. ас. при письмѣ, содержаніе котораго отчасти опредѣляется отвѣтомъ Л. А. (отъ 7 янв. 1821): «Съ великимъ удовольствіемъ вижу изъ твоего письма, что ты имѣешь такого добраго начальника, который такъ къ тебѣ расположенъ, какъ къ родному. Желаю ему и всему его семейству всѣхъ благъ, которыми человѣкъ можетъ насладиться въ здѣшней и въ будущей жизни... Мнѣ весьма пріятно слышать, что императрицы къ тебѣ такъ благослонны; но не удивляюсь, зная твой разумъ, добродѣтель и счастливый характеръ. Я увѣренъ, что кто тебя разъ увидитъ и насладится твоимъ разговоромъ, тотъ, конечно, всѣмъ сердцемъ къ тебѣ прилѣпится и пожелаетъ быть съ тобою неразлучно. Только жалѣю очень, любезный тятенька, что твоя муза такая сонливая и лѣнивая»...

6-го января 1823 г. Л. А. снова получилъ письмо отъ брата и снова 200 р. ас. «Я несказанно радуюсь, писалъ онъ въ отвѣтъ на это письмо (10 янв.) увѣренію твоему дѣлиться со мною, чѣмъ Богъ послалъ. Да наградитъ тебя Всевышній долголѣтнимъ здравіемъ и благополучіемъ. Ты, подлинно, говоришь, какъ великодушный человѣкъ, что насъ только двое и послѣ насъ наслѣдниковъ никого не останется; но только не всѣ такъ думаютъ, а однѣ высокія, благороднѣйшія души. Мы же теперь оба становимся старики, ибо мнѣ скоро 46 лѣтъ кончится (а въ службѣ 37-й годъ съ сентября пошелъ), а тебѣ, голубчикъ-тятенька, 54 скоро минетъ, и въ разлукѣ мы уже 17 съ половиною лѣтъ». Далѣе Л. А. пишетъ: «Прошу тебя со слезами, попроси гр. Комаровскаго или дежурнаго при немъ генералъ-маіора Мухина, чтобы сдѣлали предписаніе г. полковнику Бурнашеву удалить меня отъ командованія; ибо есть молодые люди въ гарнизонѣ и въ инвалидѣ совершенно праздные, а старому, слабому и трудами изнуренному человѣку покою нѣтъ»...

«Я вчера начиталъ въ Инвалидѣ, пишетъ Л. А. (отъ 3-го февр.), что

истекшаго января 14-го было въ Академіи большое собраніе и съ неизрѣченною радостью увидѣлъ, что тебѣ и г. Карамзину за отличныя ваши сочиненія всѣ единодушно согласились поднести золотыя медали; а особливо тебѣ, голубчикъ-тятенька, самъ президентъ поднесъ медаль и съ рукоплесканіемъ всѣхъ присутствующихъ, что мнѣ тѣмъ болѣе радостно и лестно слышать, что всѣ ученые люди сердечно признали тебя достойнымъ. Теперь мнѣ желательно знать, кто такой президентъ, а также и другіе... Пожалуйста, увѣдомь меня, голубчикъ, какое изображеніе на медали и на какой лентѣ, и не полѣнись, срисуй мнѣ ее и пришли, чѣмъ много меня обрадуешь»... И. А. въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, предупредилъ просьбу брата въ своемъ письмѣ отъ 28 января. Вотъ отвѣтъ Л. А. на это письмо: «Письмо твое получилъ я съ живѣйшимъ чувствомъ восторга и радости, съ благодареніемъ Всевышнему за Его къ тебѣ великія милости, и молю Его, да наградитъ тебя по твоей истинной добродѣтели и здравому разуму, которые единодушно признаны всею почтеннѣйшею публикою. Ты, любезный тятенька, говоришь, что не могъ не прослезиться, получая чистосердечныя признанія твоего достоинства отъ всей публики. И дѣйствительно, какое бы каменное сердце могло удержаться отъ волненія и чувства благодарности, которое ты въ то время чувствовалъ... Ты предупредилъ меня, любезный тятенька, объясненіемъ церемоніи и исчисленіемъ присутствующихъ важныхъ особъ, а также и присылкою снимка съ полученной тобою медали»... Далѣе Л. А. благодаритъ брата за намѣреніе перевести его въ неслужащій инвалидъ, которое онъ думалъ привести въ исполненіе при содѣйствіи какого то стараго пріятеля Щулепникова. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ полковникъ Бурнашевъ получилъ изъ Петербурга письмо, вслѣдствіе котораго предложилъ Л. А. подать прошеніе на высочайшее имя о переводѣ въ неслужащій инвалидъ. Въ письмѣ отъ 17 марта 1823 г. онъ благодаритъ брата за содѣйствіе и проситъ поторопить дѣло, если оно пойдетъ по начальству и дойдетъ до главнаго начальника гр. Комаровскаго.

Въ маѣ И. А-чъ исполнилъ просьбу брата о книгахъ, а потому письмо отъ 9-го іюля 1823 г. посвящено преимущественно сужденіямъ о присланныхъ сочиненіяхъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ, полагая, что въ этихъ сужденіяхъ обнаруженъ не одинъ личный взглядъ Л. А., но взглядъ огромнаго большинства, къ которому онъ принадлежалъ: «Читалъ я, пишетъ онъ, басни г. Измайлова; но въ сравненіи съ твоими, какъ небо отъ земли; ни той плавности въ слогѣ, ни красоты нѣтъ, а особливо простоты, съ какою ты имѣешь секретъ писать, ибо твои басни грамотный мужикъ и солдатъ съ такою же пріятностію можетъ читать, хотя не понимая смысла оныхъ, какъ и ученый... Читалъ и сочиненія г. Жуковскаго, но онъ, какъ мнѣ кажется, пишетъ только для ученыхъ, и болѣе занимается вздоромъ, а потому слава его весьма ограничена. А также г. Гнѣдичъ, человѣкъ высокоумный и щеголяетъ на поприщѣ славы между не-

многими. Но какъ ты, любезный тятенька, пишешь, — это для всѣхъ: для малаго и для стараго, для ученаго и простаго, и всѣ тебя прославляютъ... Басни твои—это не басни, а апостолъ»... Въ числѣ книгъ, присланныхъ И. А., былъ французскій переводъ его басенъ. О самомъ переводѣ Л. А. отзывается сухо; но ему особенно пріятно было прочитать предисловіе. «Оно привело меня въ восторгъ, говоритъ онъ; авторъ сердечно признается, что ты самыхъ отличныхъ талантовъ, и всякая просвѣщенная нація за честь себѣ поставила бы имѣть тебя своимъ соотечественникомъ. Этого, я думаю, еще никогда никто въ Россіи не слыхивалъ».

Почти весь іюнь Л. А. проболѣлъ и обязанъ былъ выздоровленіемъ доброму пріятелю своему и сосѣду, уѣздному доктору Прокоповичу. Доносясь объ этомъ (20 іюля) И. А-чу, онъ укорялъ его за то, что онъ не отвѣчаетъ на его письма. Но Л. А. не зналъ, что И. А. былъ въ то время боленъ, и что ему угрожала не меньшая опасность, отвращенная единственно заботливою попечительностію сначала семейства Олениныхъ, а потомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Оправившись отъ болѣзни, И. А. немедленно сообщилъ брату о постигшемъ его несчастіи и о послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ, извѣстныхъ читателю изъ біографіи, написанной Плетневымъ. Извѣстіе это возбудило въ Л. А. какое-то смѣшанное чувство: «Письмо твое отъ 17 августа, пишетъ онъ, несказанно меня обрадовало. Благодарю Всевышняго Творца, что ты теперь, по милости Его и попеченіями милосердой нашей императрицы, выздоровѣлъ. Мнѣ пріятно и лестно государыни нашей и всего августѣйшаго дома къ тебѣ благорасположеніе. Молю Создателя о здравіи твоемъ и всей царской фамиліи, а также о твоемъ почтеннѣйшемъ начальникѣ г. Оленинѣ. Болѣзнь твоя была очень опасна и меня глубоко тронула; но, слава Богу, я теперь спокоенъ». Къ письму, какъ видно, былъ приложенъ списокъ б. *Василекъ*, о которой Л. А. выразился такимъ образомъ: «Басня твоя *Василекъ*, которую я вытвердилъ наизусть, безпримѣрна и очень кстати написана: въ ней ты умѣлъ весьма тонко и сердечно изъявить свою благодарность великой нашей императрицѣ... Басню эту я почитаю въ родѣ оды, весьма тонкой и хитрой, не имѣющей въ себѣ ни почерка грубой и постыдной лести, что во многихъ одахъ примѣтно». — И. А. въ своемъ письмѣ разсказывалъ, какъ проводилъ время въ Павловскѣ; это подало поводъ къ забавному недоразумѣнію: «Ты пишешь, любезный тятенька, продолжалъ Л. А., что ты былъ всегда за столомъ императрицы и участвовалъ во всѣхъ играхъ, игралъ роль въ твоей баснѣ Ѳоки, а князь Голицынъ Демьяна, а г-жа Ушакова жену его. Пожалуйста, голубчикъ, объясни мнѣ: развѣ сдѣлалъ ты изъ басни оперу, ибо говоришь, что на оную сочинена музыка; но я объ этомъ нигдѣ не находилъ, нигдѣ въ газетахъ. Сдѣлай милость, если ты изъ басни сдѣлалъ оперу, пришли мнѣ ее, голубчикъ. Она должна быть чрезвычайна»...

Въ апрѣлѣ 1823: «Письмо твое, отъ 20 марта я получилъ 2-го сего мѣсяца съ неизрѣченною радостью. Благодарю Бога, что ты здоровъ и

что онъ наградилъ тебя такимъ почтеннѣйшимъ, добрымъ и любезнымъ начальникомъ, каковъ твой благодѣтель г. Оленинъ. Докладъ его государю о наградѣ тебѣ, любезный тятенька, я читалъ съ великимъ восхищеніемъ. И подлинно, неудивительно, что твой почтенный благодѣтель умѣетъ быть любимымъ государемъ. Докладъ написанъ чрезвычайно хорошо».

11 августа И. А. увѣдомилъ брата, что ѣздилъ въ Ревель, да еще и моремъ. Поѣздку эту Крыловъ предпринялъ совершенно случайно. Проходя однажды по набережной, онъ встрѣтилъ знакомаго, который, собираясь ѣхать въ Ревель, предложилъ ему навѣстить командира Ревельскаго порта Спафаріева, знакомаго Крылову и извѣстнаго своимъ хлѣбосольствомъ. Крыловъ, не долго думая, сѣлъ на пароходъ. Объ этомъ случаѣ всѣ лица, знавшія Крылова, разсказываютъ совершенно одинаково. Это весьма обезпокоило стараго воина: «Благодарю Бога, что ты благополучно совершилъ свое путешествіе, и радуюсь сердечно, что ты здоровъ. Но еслибы я прежде узналъ, то бы мнѣ это не дало спокойствія, покамѣстъ не узналъ бы о твоемъ благополучномъ возвращеніи, ибо я, какъ тебѣ извѣстно, испыталъ сію непостоянную стихію: шесть мѣсяцевъ не сходилъ съ корабля и видѣлъ всѣ ея проказы. И такъ ты теперь, любезный тятенька, можешь назваться мореходцемъ, только совѣтую впередъ безъ нужды не отдаваться прелестямъ сей обманчивой стихіи. — Мнѣ весьма пріятно и лестно слышать, любезный тятенька, о благорасположеніи къ тебѣ нашей государыни и всего августѣйшаго дома. Да будетъ надъ ними всегда благодать Божья». Въ заключеніе письма онъ проситъ прислать ему новый портретъ, который въ то время печатался по просьбѣ книгопродавца Сленина.

Ровно черезъ мѣсяцъ И. А-чъ снова получилъ изъ Винницы письмо, но уже писанное чужою, незнакомою рукою. «Съ душевнымъ прискорбіемъ писалъ авторъ этого письма, ближайшій начальникъ его брата, маіоръ Колтовской, — берусь за перо, чтобы начертать вамъ нѣсколько строкъ о потерѣ брата вашего Льва Андреевича. Онъ оставилъ сей свѣтъ по кратковременной болѣзни, ноября 25-го, поутру въ 8 часовъ. Пять дней былъ онъ боленъ сильною горячкою, а въ шестой скончался. Послѣднее письмо ваше онъ получилъ 22 ноября, но не могъ уже онаго читать и попросилъ прочесть оное находящагося при немъ штабъ-лекаря уфимскаго полка, и наконецъ, поцѣловавъ портретъ вашъ, сказалъ: «Ахъ, любезный братъ, ты не знаешь, какъ я боленъ!»

За тѣмъ Колтовской сообщаетъ, что тѣло покойнаго предано землѣ въ оградѣ Благовѣщенскаго дѣвичьяго монастыря, при чемъ отдана ему послѣдняя воинская почесть тремя ружейными выстрѣлами, «возвѣстившими конецъ всѣмъ мірскимъ суетамъ». Послѣ похоронъ Колтовской опросилъ команду, которая не изъявила никакихъ претензій на бывшаго своего командира, и передалъ ее старшему въ командѣ офицеру. «Съ наличными оной команды господами офицерами, продолжалъ онъ, сдѣлалъ

я опись всѣмъ вещамъ и деньгамъ [1]), оставшимся послѣ его смерти, которую на разсмотрѣніе и роспоряженіе ваше при семъ препровождаю. Подъ священною клятвою доношу вамъ, что болѣе показанныхъ въ реестрѣ вещей и денегъ ничего не осталось. Я только осмѣлился взять себѣ одну изъ книгъ, Римскую исторію, для своего сына, и портретъ вашъ, присланный при послѣднемъ письмѣ, въ знакъ памяти, и тотъ не иначе оставлю себѣ, какъ съ позволенія вашего». По благодарственнымъ письмамъ, полученнымъ Крыловымъ изъ Винницы, видно, что хуторъ со всѣмъ строеніемъ и принадлежащими къ хозяйству вещами, а также двѣ коровы съ телятами и 75 р. ас., онъ отдалъ деньщику; всю рухлядь — унтеръ-офицеру Усатову; сверхъ того женѣ офицера инвалидной команды, Марьѣ Михайловнѣ Ступиковой, въ память о своемъ братѣ, при которомъ она находилась во время болѣзни, нѣсколько серебрянныхъ вещей.

Теперь читателямъ интересно будетъ узнать, какъ принялъ Крыловъ извѣстіе о кончинѣ брата. Смерть, постигающая хотя и роднаго, но вдали живущаго и давно не видѣннаго человѣка, разлука съ которымъ уже вошла въ привычку, конечно, не можетъ такъ поразить, какъ утрата тѣхъ, съ кѣмъ сближаютъ ежедневныя личныя сношенія и одинаковые интересы. Однакожъ отъ Варвары Алексѣевны Олениной мы слышали, что внезапное извѣстіе о смерти брата сильно подѣйствовало на И. А-ча. Онъ сдѣлался молчаливъ и мраченъ, хотя ни въ чемъ не измѣнилъ своего образа жизни: по прежнему посѣщалъ клубъ и проводилъ вечера у Олениныхъ. Друзья его терялись въ предположеніяхъ, но не рѣшались спрашиватъ. Елисавета Марковна одна имѣла право на его откровенность, но и она выжидала удобнаго случая. Такъ прошло недѣли три. Наконецъ А. И. повидимому сталъ приходить въ свое нормальное состояніе. Елисавета Марковна, улучшивъ минуту, спросила его: «Что съ вами было, Крылочка? Вы на себя не походили». — «У меня, отвѣчалъ Крыловъ, былъ родной братъ, единственное существо на свѣтѣ, связанное со мною кровными узами. Недавно онъ умеръ. Теперь я остался одинъ». Елисавета Марковна постаралась утѣшить его, и съ тѣхъ поръ разговоръ объ этомъ предметѣ не возобновлялся.

Отношенія къ брату открываютъ новую, нетронутую біографами сторону въ жизни Крылова и много способствуютъ къ возстановленію правильнаго взгляда на него, какъ человѣка. Характеристика его, написанная Вигелемъ, — произведеніе, по нашему мнѣнію, стольже блестящее, какъ и требующее строгой повѣрки,—не могло не оказать своихъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что авторъ ея, отдавъ справедливость уму баснописца и сознавшись, «что если самъ имѣетъ, сколько нибудь ума, то много около него набрался», заставляетъ читателя вѣрить ему безусловно. Даже П. А. Плетневъ, лично знавшій поэта и глубоко его уважавшій, не могъ

---

[1]) Эта опись сохранилась въ бумагахъ г. Савельева вмѣстѣ съ документами на владѣніе хуторомъ.

не увлечься этой характеристикой, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ біографіи намекаетъ на тѣ черты, которыя такъ рѣзко очерчены Вигелемъ. Смѣемъ думать, что изложенные здѣсь факты значительно измѣнятъ то понятіе, которое составляется о Крыловѣ по *Воспоминаніямъ* Вигеля. Мы же съ своей стороны, ни сколько не колеблясь, рѣшаемся примѣнить къ нему его же собственныя слова въ полной ихъ силѣ:

Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ КРЫЛОВА.

В. М. КНЯЖЕВИЧА.

Изъ замѣтокъ, писанныхъ въ 1820 году.

Гнѣдичъ разсказывалъ мнѣ, какъ баснописецъ нашъ И. А. Крыловъ совершилъ великій подвигъ, выучившись по-гречески. Ему уже болѣе 50 лѣтъ; извѣстны характерныя черты его: гастрономія, сонливость, разсѣянность, притомъ и толщина его. Все это не предполагаетъ усидчивости и терпѣнія. Однако дѣло началось такъ: какой-то пріѣхавшій сюда французъ, объявилъ, что будетъ легчайшими способами учить по-гречески. Крыловъ, который жилъ объ дверь съ Гнѣдичемъ, приходитъ къ послѣднему и сказываетъ, что его подговариваетъ генералъ-маіоръ Орловъ учиться вмѣстѣ. «Хорошо», возразилъ Гнѣдичъ, «купи же себѣ библію, да пусть она лежитъ у тебя въ ящикѣ, авось выучишься!» — «И полно! будто ужь я такъ лѣнивъ!» Этимъ разговоръ кончился и уже никогда не возобновлялся; только разъ Гнѣдичъ находитъ въ ящикѣ у сосѣда своего дѣйствительно греческую библію въ пыли и въ сырости, и смѣючись вынимаетъ ее: «Что, братъ», говоритъ онъ Крылову, «выучился по-гречески?» — «Да, началъ-было», отвѣчаетъ тотъ: «однако твоя правда, не мнѣ учиться». Проходитъ два года. Гнѣдичъ и Крыловъ обѣдали разъ у начальника библіотеки, Оленина. Крыловъ имѣлъ обыкновеніе послѣ обѣда уходить тихонько, чтобы соснуть. Только вдругъ сынъ и дочь Оленина ведутъ баснописца подъ руки и у него нѣсколько странная мина. «Что, братъ, поймали?» говоритъ Гнѣдичъ думая, что его не пустили идти домой. «Да!» отвѣчаетъ тотъ. Вслѣдъ за тѣмъ входитъ Оленинъ съ тремя фоліантами: «Вотъ вы, Иванъ Андреевичъ, спорили со мной», говоритъ онъ Крылову, «что *такое-то* слово имѣетъ одно только значеніе. Напротивъ, я нашелъ и другія». Подаетъ ему Иліаду. Крыловъ читаетъ по-гречески и переводитъ. Гнѣдичъ думаетъ, что это шалость и разсказываетъ свою, какъ его просили выучиться по-англійски и какъ онъ мистифировалъ пріятелей, затвердивъ одну страницу. Развертываютъ Гомера въ другомъ мѣстѣ; Крыловъ чи-

таетъ и переводитъ. Гнѣдичъ смотритъ на него большими глазами. «Пустое, все я не вѣрю! Пожалуйте мнѣ,—у васъ Ксенофонтъ». Подаютъ Крылову, онъ читаетъ и переводитъ. Тогда уже Гнѣдичъ не могъ не повѣрить, и всѣ прежнія стратажемы его сосѣда для него объяснились. Напримѣръ, какъ онъ не пускалъ его въ свой кабинетъ, извиняясь, что тамъ не чисто (что̀ и дѣйствительно правда, ибо Крыловъ очень неопрятенъ и Гнѣдичъ еще благодарилъ его за это, говоря: «хорошо, что ты знаешь нынче стыдъ»), какъ покрывалъ своею расходною книгою греческіе увражи и пр. Крыловъ и Гнѣдичъ пошли наконецъ къ себѣ и тутъ всю ночь на пролетъ разсуждали объ этомъ трудномъ языкѣ и о томъ, какъ успѣлъ Крыловъ въ два года ему выучиться. Послѣдній разсказывалъ, что онъ читалъ авторовъ обыкновенно часовъ до четырехъ ночи, и какъ у него были стереотипныя изданія, то надъ ними онъ принужденъ былъ надѣть очки. Замѣчательно, что онъ свою *Фенюшку* выучилъ узнавать греческихъ авторовъ, можетъ быть потому, что они, отъ времени, а больше отъ неопрятности были, каждый отличительно отъ другаго, испачканы и засалены. «Подай мнѣ Ксенофонта, Иліаду, Одиссею Гомера», говорилъ онъ Фенюшкѣ, и она подавала безошибочно.

Крылова кто-то представилъ въ Академіи къ награжденію медалью. Комитетъ, которому предложеніе отдано было на разсмотрѣніе, призналъ его достойнымъ этой награды, но президентъ оставилъ все дѣло безъ вниманія. Разумѣется, что Крыловъ обиженъ, и поэтому, вѣроятно, при чтеніи 5-го февраля не было ни его, ни Оленина, ни Нелединскаго-Мелецкаго, которые были изъ числа членовъ комитета [1]).

Вотъ черта разсѣянности баснописца. Панаевъ послалъ къ нему свои Идилліи. Крылову хотѣлось, увидѣвшись съ нимъ, поблагодарить его. Гнѣдичъ расказывалъ, что на бульварѣ въ разное время останавливалъ онъ троихъ незнакомыхъ ему людей и приносилъ имъ свою благодарность. Наконецъ, въ прошедшій понедѣльникъ (27 февраля), въ публичномъ чтеніи Общества Соревнователей, онъ просилъ Гнѣдича показать ему Панаева (хотя самъ знаетъ его, или по-крайней-мѣрѣ нѣсколько разъ видался и говорилъ съ нимъ). Гнѣдичъ для шутки указалъ ему на Корфа; Крыловъ тотчасъ пошелъ и сталъ благодарить его, но увидя, что тотъ не понимаетъ его, узналъ свою ошибку и наконецъ самъ отыскалъ Панаева.

---

[1]) Крылову поднесена была медаль позднѣе въ публичномъ собраніи Россійской Академіи 14 января 1823 года. (*Письма Карамзина къ Дмитріеву*, стр. 156).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ КРЫЛОВА,

ДОСТАВЛЕННЫЕ

М. И. СЕМЕВСКИМЪ.

Примѣчаніе. Когда настоящій томъ былъ уже почти весь отпечатанъ, г. Семевскій доставилъ мнѣ изъ своего собранія рукописей два помѣщаемыя здѣсь подлинныя дѣла о первоначальной службѣ Крылова въ Петербургѣ. Одно изъ нихъ относится къ опредѣленію его 1783 г. въ здѣшнюю казенную палату, а другое—къ увольненію его въ 1786 г. изъ этой палаты съ выдачею ему заслуженнаго по день отставки жалованья.

Первое дѣло носитъ въ подлинникѣ надпись: «Дѣло по челобитью бывшаго тверскаго городоваго магистрата во 2-мъ департаментѣ канцеляриста Ивана Крылова о опредѣленіи его къ дѣламъ въ сію палату». Ниже этого заглавія приписано: «По экспедиціи секретаря М. Солодовникова. По приказному столу».

Челобитная 1783 г. писана вся рукою Крылова и заключаетъ въ себѣ новыя данныя для его біографіи; мы узнаемъ изъ нея, что онъ первоначально поступилъ на службу въ колязянскій *земскій* судъ въ 1777 году, т. е. еще при жизни отца его, умершаго, въ 1778 году (см. выше стр. 294 и 295). Это противорѣчитъ тому, что до сихъ поръ думали на основаніи изданныхъ біографій Крылова. По свѣдѣніямъ покойнаго П. А. Плетнева, онъ поступилъ на службу въ калязинскій *уѣздный* судъ въ слѣдующій годъ по кончинѣ отца, котораго онъ лишился, какъ полагаетъ біографъ, будучи 11-ти лѣтъ, слѣдов. въ 1779 году, если справедливо, что И. А. Крыловъ родился въ 1768. По свидѣтельству М. Е. Лобанова, онъ лишился отца на 13 году своей жизни, т. е. въ 1781, а на 14-мъ (въ томъ же 1781) поступилъ на службу въ колязинскій *уѣздный* судъ. Главнымъ источникомъ для этихъ двухъ біографовъ послужила статья г-жи Карлгофъ[1]), писавшей по разсказу самого баснописца; она говоритъ положительно: «На тринадцатомъ году своей жизни Иванъ Андреевичъ лишился отца». Очевидно, что 1781-й годъ поставленъ Лобановымъ именно на основаніи этого извѣстія; Плетневъ же поправилъ

---

[1]) См. *Звѣздочка* 1844 г., № 1 (ч. IX).

показаніе г-жи Карлгофъ, можетъ быть, по своимъ личнымъ, но не совсѣмъ точнымъ воспоминаніямъ, заимствованнымъ также изъ собственныхъ разсказовъ Крылова.

Изъ печатаемой нами челобитной И. А.-Крылова (I), оказывается, какъ уже замѣчено, что онъ въ первый разъ опредѣлился на службу еще въ 1777. Относя его рожденіе къ 1768 году, находимъ, что онъ началъ служить уже 9-ти лѣтъ отъ роду. Въ этомъ, по тогдашнему обычаю, нѣтъ ничего невѣроятнаго; только почеркъ, какимъ писана челобитная въ 1783 году, довольно твердый и уже получившій тотъ характеръ которымъ онъ и впослѣдствіи отличался, могъ бы заставить усомниться, точно ли Крылову было тогда не болѣе 15-и лѣтъ [1]); тѣмъ не менѣе однакожъ, соображая показаніе вдовы Крыловой, что старшему сыну ея по смерти отца былъ 10-й годъ (см. выше стр. 295) съ тѣмъ, что имя А. П. Крылова исчезаетъ изъ *мѣсяцослововъ* именно съ 1779 г., я прихожу къ убѣжденію, что онъ умеръ въ мартѣ 1778 г., Иванъ же Андреевичъ, (вопреки замѣченному мною на стр. 33), родился дѣйствительно въ 1768.

Помѣщаемая ниже просьба подъ цифрою IV въ подлинникѣ писана также рукою Крылова. **Я. Гротъ.**

I. Челобитная Крылова объ опредѣлении его въ С.-Петербургскую казенную палату.

Вверху подлинной бумаги надпись: «Подана сентября 4 дня 1783 года; написать въ реестръ къ докладу».

Всепресвѣтлѣишая Державнѣишая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица Всероссійская Гдрня Всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ тверскаго губернскаго магистрата 2-го департамента канцеляристъ Иванъ Андреевъ c̃нъ Крыловъ, а о чемъ мое челобитье тому слѣдуютъ пункты:

1-е. Вслужбу Вашего Императорскаго Величества вступилъ я 1777-го года подканцеляристомъ тверскаго наместничества вкалязинской нижнѣй земской судъ потомъ 1778-го года переведенъ втверской губернской магистратъ темъ же чиномъ нынѣжѣ по прошенію моему тверскимъ наместническимъ правленіемъ за болезнію моею уволенъ отъ службы снагражденіемъ чина канцеляристскаго а какъ н̃нѣ вболезни моей чувствую облегченіе то и желаю оную продолжать санктъ петербургской губерніи вказенной полатѣ.

---

[1]) Снимокъ начала этой челобитной прилагается въ своемъ мѣстѣ.

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелено было сіе мое челобитье принять и меня имѣнованнаго санктъ-петербургской губерніи вказенную полату определить [1]).

Всемилостивѣйшая Государыня прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ челобитье решеніе учинить сентября дня 1783-го года кподанію надлежитъ санктъпетербургской губерніи казѣнной палатѣ челобитную писалъ я тверскаго губернскаго магистрата 2-го департамента канцеляристъ Иванъ Андреевъ сынъ Крыловъ и руку приложилъ.

Къ этому прошенію приложенъ былъ слѣдующій пашпортъ:

По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны Самодержицы Всероссійской
и прочая и прочая и прочая.

Предъявитель сего бывой тверскаго намѣстничества губернскаго магистрата во 2-мъ департаментѣ канцеляристъ Иванъ Крыловъ, природой изъ штапъ-афицерскихъ дѣтей, находился при дѣлахъ во ономъ департаментѣ прошлаго 778-го года июня съ 15-го дня подъ канцеляристомъ, а ныне по прошенію ево тверскимъ намѣстническимъ правленіемъ отъ должности уволенъ съ награжденіемъ забеспорочную его службу выше писаннаго канцеляристовскаго чина. о чемъ для свободнаго ему Крылову жительства и данъ сей изъ тверскаго намѣстническаго правленія пашпортъ, съ приложеніемъ онаго печати августа 8 дня 1783-го года. *Совѣтникъ правленія Василей Приклонской.*

На просьбу Крылова послѣдовала въ палатѣ резолюція, оканчивающаяся слѣдующимъ образомъ:

Приказали: означенному канцеляристу Ивану Крылову быть при дѣлахъ въ сей палатѣ темъ же чиномъ о чемъ ему сіе опредѣленіе объявя въ вѣрной Ея Императорскаго Величества службе привесть кприсяге о утвержденіи жъ его въ семъ званіи въ губернское правленіе послать сообщеніе. По сему протоколу сообщеніе въ губернское правленіе послано сентября 9 дня подъ № 5489.

---

[1]) Послѣ этихъ словъ, и въ подлинникѣ оканчивающихъ страницу, внизу ея отмѣчено: «Слушана сентября 11 числа».

II. *Просьба Крылова объ увольненіи его изъ с.-петербургской казеѳной палаты.*

Вверху подлинной бумаги надпись: «Получена 9 декабря 1786 года».

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица Всероссійская Государыня Всемилостивѣйшая.

Проситъ Сактпетербургской губерніи казенной полаты провинциалной Секретарь Иванъ Крыловъ о нижеслѣдующемъ.

1-е.

Статскую мою службу продолжая Вашего Императорскаго Величества сначала 1777-го тверскаго наместничества въ колязинскомъ нижнемъ Земскомъ судѣ подканцеляристомъ гдѣ за добропорядочную мою службу 783-го августа 6-го произведенъ канцеляристомъ а всей палатѣ 783-го сентября 11-го въ нынешнемъ чинѣ тогожъ 783-го ноября 17-го числъ безпорочно. *Къ сей челобитной*

2-е.

А какъ я имѣю намерѣніе продолжать службу мою Вашему Императорскому Величеству вдругихъ должностяхъ того ради всеподданнѣйше прошу. *Провинциальной Секретарь*

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было на основаніи указа о волности дворянства и даннаго казеннымъ палатамъ наставленія меня отъ дѣлъ оной Палаты уволить и за добропорядочное мое поведеніе спрописаніемъ службы снабдить атестатомъ а для жителства пашпортомъ. *Иванъ Крыловъ*

Всемилостивѣйшая Государыня прошу Вашего Императорскаго Величества всемъ моемъ прошеніи решеніе учинить декабря дня 1786 года кподанію надлежитъ С. Петербургской губерніи вказенную Палату прошеніе писалъ оной жѣ Палаты Канцеляристъ Егоръ Петровъ. *руку приложилъ*

За симъ внизу страницы отмѣчено: «Слушана 11 декабря»; на оборотѣ же другой рукой написано:

А по справкѣ въ палате оказалось: Находящійся въ сей палатѣ Провинціальный Секретарь Иванъ Крыловъ по формулярному оной палаты списку состоитъ изъ Штабъ-Офицерскихъ де-

тей въ службѣ съ 1777 г., а въ нынѣшнемъ чинѣ 783 Ноября съ 17 числъ въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не былъ. *Помошникъ стола Лиринской.*

На эту просьбу состоялась въ палатѣ резолюція, изъ которой здѣсь приводятся послѣднія строки:

Приказали: означеннаго секретаря Крылова въ числе приказныхъ служителей въ сей палате находящагося, сходно прошенію ево на основаніи даннаго казеннымъ палатамъ наставленія отъ дѣлъ сей палаты уволить и для свободнаго въ россійскихъ городахъ жительства, съ прописаніемъ его службы дать паспортъ: подлинный заподписаніемъ господъ присутствующихъ, заскрепою Секретаря Гаврилы Борисова подписанъ 11 Декабря 1786 г.

III. *Записка о службѣ Крылова въ казенной палатѣ.*

(Записка на особомъ листѣ, приложенномъ къ дѣлу).

Провинціальный Секретарь Иванъ Крыловъ служилъ по Камерной экспедиціи. Жалованье Крыловъ получалъ 90 руб. въ годъ.

Въ первый разъ назначено за Январскую треть 1786 года 30 руб. за вычетомъ выдано. Дѣло 1786 года № 1.

Столоначальникъ Крылова: Губернскій Секретарь Петръ Марковъ, помощникъ Столоначальника Регистраторъ Василій Мамошинъ на канцелярскихъ ваканціяхъ Пров. Секр. Иванъ Крыловъ.

За Майскую треть ему Крылову изъ оклада 80 р. 26 руб. $66\frac{1}{2}$ коп., а выдано 26 р. $39\frac{3}{4}$ к.

За Сентябрскую треть не показанъ.

IV. *Прошеніе Крылова о выдачѣ ему жалованья.*

Вверху страницы надпись: «Подано 19 генваря 1787 года».

Санктпетербургской губерніи въ казенную палату.

От провинціальнаго Секретаря Ивана Крылова,

Прошеніе.

Въ службѣ Ея Императорскаго Величества находился я во оной казенной Палатѣ въ числѣ приказныхъ служителей и по про-

шенію моему отъ оной для определенія къ другимъ должностямъ уволенъ, а какъ я заслуженнаго мною въ Сентябрской трети жалованья еще не получалъ. *Къ сему*

Того ради Санктпетербургской губерніи казенную Палату всепокорнѣйше прошу дабы соблаговолено было заслуженное мною во оной Палатѣ жалованье по ращету что следуетъ приказать выдать. *Прошенію провинціальной Секретарь Иванъ Крыловъ руку приложилъ.*

1787 г. января 18 дня..

Внизу отмѣчено: «Слушено Генваря 26.»

А по справкѣ впалатѣ

Объявленной провинціальной Секретарь Иванъ Крыловъ находился при делахъ всей палатѣ съ произвожденіемъ жалованья по 80 руб. на годъ а прошлаго 1786 г. декабря 11 дня по определенію палаты всходственность ево прошенія всію палату поданнаго учиненному для продолженія службы вдругихъ должностяхъ отъ делъ палаты уволенъ которому за прошедшую Сентябрьскую того 786 года треть жалованья ввыдачу произведено не было естли изпреждепроизводимаго оклада определено будетъ выдать-то следуетъ по день увольненія его декабря по 12-е число 786 года Итого за 3 мц҃а и 11 дней 22 р. 43¾ к. остаточной же отканцелярскихъ служителей і росхода суммы отъ майской трети состоитъ 28 р. 3½ коп. а отсентябрьской 154 р. 79¾ к. итого 182 р. 82¼ коп. *Секретарь Гаврилъ Борисовъ.*

Генваря дня
1787 года.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ VI ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

(Цыфры, напечатанныя курсивомъ, означаютъ вторую пагинацію, начинающуюся съ *Примѣчаній* г. Кеневича.)

ОПЕЧАТКИ.

Страница 24:	слѣдуетъ	читать	Вас. Иван. Майковъ.
» 27:	»	»	Иль, такъ сказать . . .
» 31:	»	»	Абдаллагомъ бенъ-Мокаффа.
» 166:	»	»	B(aour) — L(ormian).

Заключеніе подлинной просьбы.
(1783.)

всемилостивѣйшая государыня прошу
вашего императорскаго величества, о семъ
моемъ челобитье рѣшеніе учинить сентября
дня 1783го года къ поданію надлежитъ санктъ
петербургской губерніи казенной палаты
челобитную писалъ атверскаго губернскаго
магистрата 2го департамента канцеляристъ
иванъ андреевъ сынъ крыловъ и руку приложилъ

Начало Оперы „Кофейница".
(1784.)

Явленіе первое.
театръ представляетъ лѣсъ в самой близи
утро. вдали также лѣса поля и деревни
Прикащикъ выходитъ. сердитый

чортъ возми всѣ деревни въ свѣтѣ;
отъ которыхъ столько бѣдъ:
отъ которыхъ въ зиму, въ лѣтѣ;
никогда покою нѣтъ.
отъ которыхъ крестьянамъ,
управителямъ, боярамъ;
словомъ людямъ безъ счету всѣмъ:
безпокойствъ живутъ тьмы тьмъ.

II.

Начало 1й редакціи б. „Тришкинъ кафтанъ."

(1815)

(1825)

Змѣя и Овца

=

Змѣя лежала подъ колодой
И злилася на цѣлой свѣтъ
У ней другова чувства нѣтъ,
Какъ злиться — создана ужъ такъ она природой
Ягненокъ въ простотѣ рѣзвился и скакалъ.
Онъ о Змѣѣ совсѣмъ не помышлялъ.
Вотъ, выползши ~~Какъ вдругъ~~ она въ него вонзаетъ жало.
Въ глазахъ у бѣдного туманно небо стало
Вся кровь отъ яду въ нѣмъ горитъ —
Что сдѣлалъ я тебѣ? Змѣѣ онъ говоритъ —